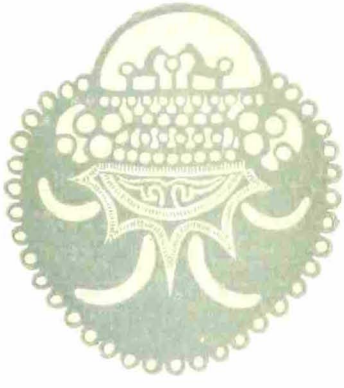
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2 экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2 экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

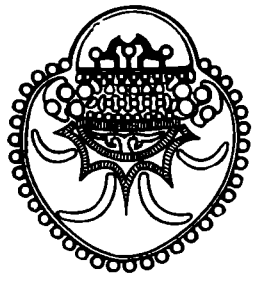
Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавита, должны быть сдублированы на кальку, для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
И. Т. Кругликова, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

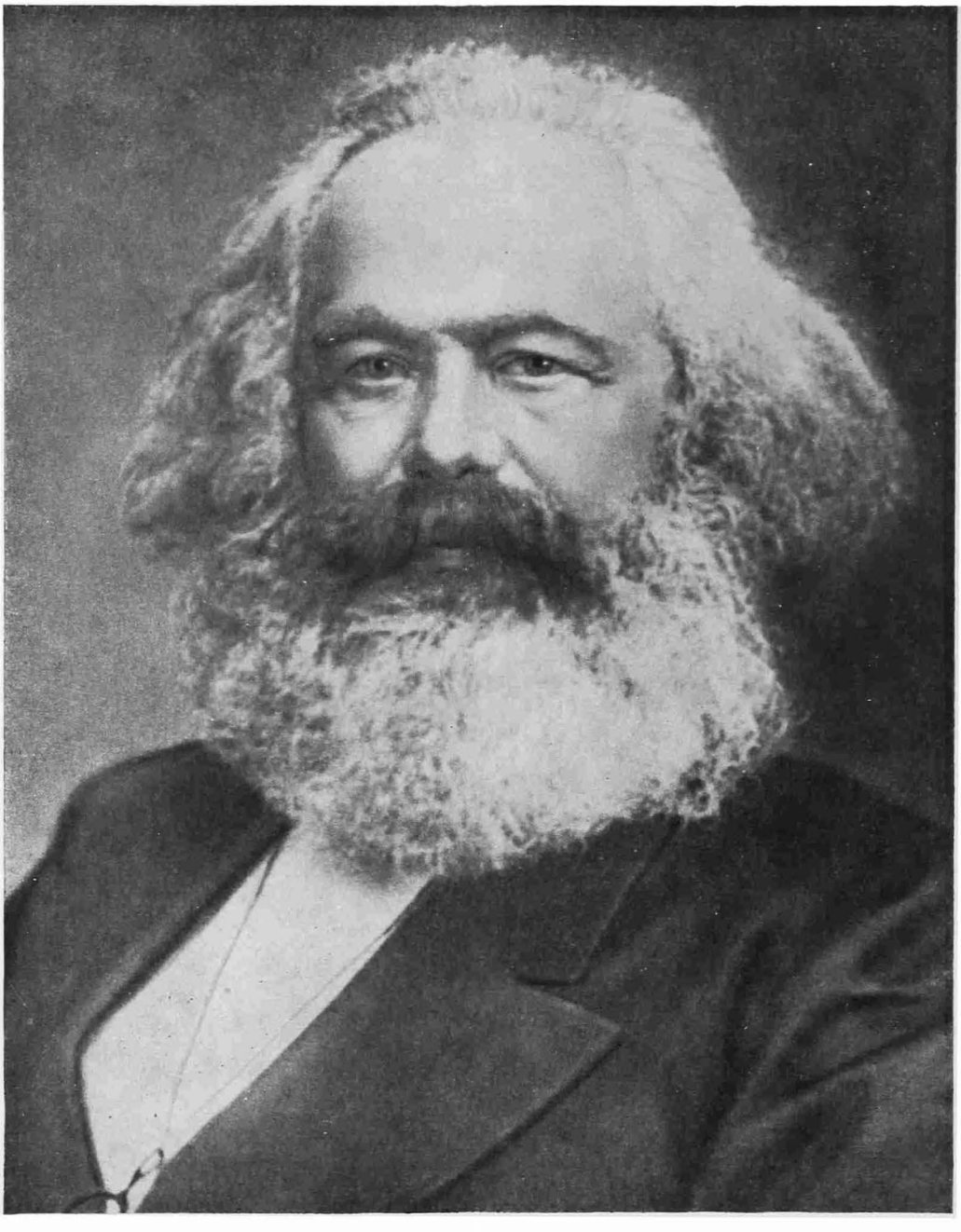
Адрес редакции:

Москва К-1, пер. Садовских, 2, тел. Д 0-31-41

Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-02880 Подписано к печати 29/IV 1958 г. Формат бумаги 70×108$^{1}/_{16}$. Бум. л. 11
Печ. л. 30,14+6 вкл. Уч.-изд. л. 36,0 Тираж 1800 экз. Заказ 108

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10



ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА

5 мая 1818 г. — 14 марта 1883 г.

В 1958 г. советская страна отмечает 75 лет со дня смерти и 140 лет со дня рождения великого учителя пролетариата Карла Маркса. В нашей стране, где идеи Маркса восторжествовали, где непобедимое учение марксизма-ленинизма стало прочной основой всех наших успехов, эти даты отмечаются всенародно. Мы, историки и археологи, руководствуемся учением марксизма-ленинизма во всех наших исследованиях.

Великие открытия и гениальный исторический синтез К. Маркса явились началом новой эры в изучении истории человеческого общества и закономерностей, определивших эту историю.

Многолетние исследования в области политической экономии, философии и истории привели К. Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию» [1]. Тем самым было положено начало историческому материализму — распространению основных положений научного материализма на человеческое общество. В предисловии к своему труду «К критике политической экономии» К. Маркс дал предельно четкую формулировку главных положений исторического материализма, положений, на которые опирались и постоянно будут опираться все подлинно научные исследования человеческой истории.

«В общественном производстве своей жизни,— писал К. Маркс,— люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что́ является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что́

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 38.

сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» [2].

Великий Ленин указал впоследствии, что это открытие К. Маркса устранило два главных недостатка прежних исторических теорий, которые рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не улавливая объективных закономерностей, определявших общественные отношения и не охватывали действия народных масс — подлинных творцов истории. «Домарксовская «социология» и историография,— писал В. И. Ленин,— в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» [3].

Это был подлинный переворот в исторической науке, неизмеримо увеличивший ее задачи, но столь же неизмеримо расширивший перспективы и возможности науки. Открытия К. Маркса требовали от исторической науки не только констатации, но и объяснения исторических явлений, исследования не только внешнего выражения этих явлений, но и корней их, закономерностей, определивших их и связанных с состоянием материальных производительных сил. А это предопределило необходимость значительного расширения источниковедческой базы истории. Письменные источники, дававшие лишь «изображение отдельных сторон исторического процесса», да и то на сравнительно коротком его отрезке, не могли уже удовлетворять требованиям науки, опирающейся на основные положения исторического материализма. Необходимы стали изыскание и анализ источников, непосредственно отражающих состояние материальных производительных сил, свидетельствующих о том, чем и как осуществлял человек свою производственную деятельность. Таким образом, в открытии К. Маркса можно видеть и определение подлинных задач новой отрасли исторической науки — археологии, начало оформления которой относится к той же эпохе и связано с великими научными открытиями середины XIX в.

Археология материалистична в своей основе. Элементы ее всегда, начиная с глубочайшей древности, связаны с материалистическим пониманием исторического процесса, сколь бы ни было стихийно и упрощенно это понимание. Недаром первая гениальная догадка о делении первобытной истории человечества на каменный, бронзовый и железный века принадлежит величайшему материалисту древности Лукрецию Кару. На стихийных материалистических посылках построены археологические классификации К. Томсена, Даннейля, Джасперсона и др. Но это были лишь отдельные положения. Отсутствовала система; оставались неясными цели археологии, перспективы ее развития, основы методологии. Великие открытия Ч. Дарвина сыграли решающую роль в формировании школы эволюционистов и неизмеримо повысили интерес к остаткам ископаемого человека и следам его деятельности. Лучшие представители этой школы — Д. Леббок, Г. Мортилье, Нильсен и др.— сыграли большую роль в изучении древнейших периодов человеческой истории, и вся школа имела,

---

[2] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 7—8.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.

несомненно, прогрессивное значение. Но до формирования археологии как исторической науки было еще далеко. Интересы эволюционистов, опиравшихся на учение Дарвина, были в значительной мере ограничены биологическими и антропологическими проблемами. Они изучали место человека в животном мире, не учитывая, что формирование человека связано с процессом труда; для них оставалась закрытой важнейшая сторона формирования и истории человека — развитие человеческого общества. История социально-экономических отношений оставалась за пределами их внимания. Что же касается закономерностей общественного развития, то установление их было за пределами возможностей эволюционистов, материализм которых был стихиен и не распространялся как стройная, научно обоснованная система на все основные явления истории общества. Не было философской основы, не было и исторической перспективы. История культуры отрывалась от истории общества. Изменения культуры, даже самые сложные и кардинальные, объяснялись лишь миграциями и заимствованиями. Для ограниченной буржуазной науки характерен подобный метод, когда при изучении движения его «источник переносится *во вне*» [4].

Таким образом, первобытная археология середины — второй половины XIX в., несмотря на ряд несомненных достижений, не могла еще оформиться как историческая дисциплина. То же следует сказать и о других отраслях археологии. Раскопки древневосточных, античных, средневековых памятников велись со специфическими, ограниченными целями, такими, как пополнение музейных фондов, изучение архитектурных комплексов, добыча эффектных вещей и искусствоведческий анализ их и т. п. Если первобытная археология была близка к естественным наукам, то древневосточная, античная и средневековая археология в значительной мере ограничивались искусствоведческими задачами. Не было главного: не было истории. В систему исторических наук археология ко времени деятельности К. Маркса не вошла. Превращение археологии в подлинно историческую науку, определение ее задач и методов стали возможны лишь на основе великих трудов и открытий К. Маркса.

Труды К. Маркса являются примером гениального исторического анализа при познании и решении основных проблем современности. С одинаковым вниманием относился великий ученый к явлениям всех эпох человеческой истории, всей своей деятельностью подчеркивая, что без всестороннего исследования прошлого, начиная с древнейшего прошлого, немыслимо и понимание настоящего.

«...„новая система,— писал К. Маркс,— к которой идет современное общество", будет возрождением (a revival) в высшей форме (in a superior form) архаического общественного типа. Следовательно, не нужно очень пугаться слова „архаический"» [5]. Обладая глубочайшими историческими познаниями, К. Маркс неоднократно касался в своих трудах общих проблем древней истории и роли вещественных исторических источников в ее изучении. И это тем более ценно, что само состояние археологии в то время исключало возможность широкого ее использования и конкретного обсуждения ее проблем. В этом отношении чрезвычайно характерно письмо Ф. Энгельса к К. Марксу, в котором проявлен живой интерес к археологическим изысканиям и, вместе с тем, высказано возмущение невниманием к ним со стороны официальных «блюстителей науки».

«С каким трудом,— писал Ф. Энгельс,— прокладывают себе дорогу новые научные открытия даже в совершенно неполитических областях, об этом лучше всего свидетельствует книга Ляйэлля «Antiquity of Man». Еще в 1834 г. Шмерлинг нашел в Люттихе ископаемый череп из Энгиса и показал его Ляйэллю; тогда же он написал и свою толстую книгу. И несмотря на это до настоящего времени ни один человек не счел до-

[4] В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 328.
[5] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, 1928, стр. 278.

стойным труда хотя бы серьезно исследовать это дело. Точно так же Буше-де-Перт еще в 1842 г. нашел в Аббевиле каменные орудия соммского бассейна и правильно установил их геологический возраст; но лишь в конце пятидесятых годов его идеи нашли себе признание» [6].

Несмотря на то, что археология делала еще первые, робкие и не всегда правильные шаги, несмотря на единичность археологических открытий и отсутствие исторической интерпретации вещественного материала, К. Маркс сумел определить историческое значение этого нового вида источников. В этой связи большое значение имеют указания К. Маркса о необходимости многостороннего и диалектического рассмотрения самого понятия «вещь». К. Маркс рассматривал вещь как совокупность многих свойств, которая полезна различными своими сторонами и в различных исторических условиях по-разному может употребляться. Раскрытие содержания вещи — т. е. познание ее свойств и способов употребления — достигается в процессе исторического развития. Следовательно, и изучаться она может лишь в тесной связи с исторической средой, с деятельностью конкретного человеческого коллектива, уровень развития которого определил существование и употребление вещи. Тем самым вещь из объекта только искусствоведческого, типологического или технологического анализа превращалась в важнейший исторический источник, показатель как состояния экономики общества, так и общественных отношений, при которых совершается труд. Такое понимание вещественных источников предопределило концентрацию внимания исследователя не на предметах роскоши и уникальных художественных ценностях, а на массовом материале — остатках жизнедеятельности массы населения и прежде всего на орудиях труда, начиная с каменных орудий, найденных «в пещерах древнейшего человека» [7].

Коллекции из раскопок городов древнего Египта и Месопотамии, которые начали появляться в европейских музеях, были сразу же отмечены и оценены К. Марксом как источник истории общества. «В колоссальном масштабе,— отмечает он,— действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.» [8]. Как исторический источник, свидетельствующий о характере определенной эпохи и определенного общества, рассматривает К. Маркс и нумизматический материал, подчеркивая, что монеты «говорят на разных языках и носят разные национальные мундиры» [9].

Как бы суммируя свое отношение к вещественным историческим источникам, К. Маркс дает замечательное определение их, ставшее руководящим для всей прогрессивной исторической науки. «Такую же важность,— писал он,— как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций... Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [10].

Можно утверждать, что К. Маркс отводил археологии весьма значительное место в историческом исследовании. Ведь для ряда эпох археология — единственный источник истории развития материального производства, в котором К. Маркс видел «основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории» [11].

Высказывания К. Маркса, непосредственно относящиеся к археологии, немногочисленны, но каждое из них касается наиболее существенных

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 149.
[7] К. Маркс. Капитал, т. I, 1950, стр. 186.
[8] Там же, стр. 340.
[9] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 101.
[10] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 187.
[11] Там же, стр. 187, прим. 5 а.

вопросов нашей науки. Главное значение имеют общеисторические положения К. Маркса, его методология, его практика исследователя. Это доказывается всей дальнейшей историей науки.

Большой интерес проявлял К. Маркс и к этнографическим открытиям. Он первым отметил огромное значение труда Л. Г. Моргана «Первобытное общество» и составил подробный конспект его. Использование этой книги, переработка собранного Морганом материала в соответствии с основными положениями марксизма привели впоследствии к созданию классической книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В этой последней работе мы видим пример комплексного использования археологического и этнографического материала для воссоздания древнейших периодов истории человеческого общества.

Задачи большого масштаба, касающиеся истории общества, закономерностей его развития, могут быть решены лишь при использовании всех видов источников, введения их в единую систему исторического исследования. Всей своей работой К. Маркс дал этому превосходный пример. Именно глубокий анализ всех видов источников привел К. Маркса к созданию целостной концепции исторического развития человечества от первобытно-общинного строя через классовое общество и диктатуру пролетариата к коммунизму. В предельно лаконичной форме эта концепция выражена в знаменитом письме К. Маркса к Ведемейеру от 5 марта 1852 г. «То, что я сделал нового,— писал К. Маркс,— состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства,* 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата,* 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*» [12].

Игнорирование великих открытий К. Маркса буржуазной исторической наукой, отсутствие прочной методологической базы, привели к ограниченности буржуазной археологии, отрыву ее от исторического исследования, а в ряде случаев — к прямым извращениям, когда археологический материал использовался для построения или подтверждения самых реакционных исторических теорий. Как правило, вещи в таких случаях рассматривались в отрыве от общества, от их создателей — людей — и переставали тем самым служить подлинным историческим источником. Что же касается лучших представителей западной археологии, подобных Г. Чайлду, то они в своих исследованиях все ближе и ближе подходили к подлинному историзму, к материалистическому пониманию исторического процесса, к марксизму.

Однако об окончательном оформлении археологии как исторической науки, ставящей перед собой широкие задачи раскрытия основных закономерностей развития общества на древнейших его этапах, можно говорить лишь в Советском Союзе и странах народной демократии, где идеи и открытия Карла Маркса стали руководством для всей общественной жизни, практики, науки. История советской археологии — это история марксистской археологии. Изучая К. Маркса, опираясь на его теорию, советские ученые вырабатывали принципы новой советской археологии и боролись за них.

В первые же годы после Октября советские археологи активно включились в работу по созданию новой исторической науки, опирающейся на учение Маркса. Они тщательно изучали труды великого учителя пролетариата, открывшие перед ними бескрайние перспективы подлинно научного решения исторических проблем, освещения как общих закономерностей исторического процесса, так и конкретных его моментов. Изучение трудов К. Маркса советские археологи с самого же начала сочетали с попытками

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 63.

творческого развития его положений, применения их при исследовании конкретных вопросов археологии. Государственная Академия истории материальной культуры, являвшаяся в то время головным археологическим учреждением страны, выпустила ряд специальных сборников, посвященных разработке классических положений Маркса, касающихся первобытно-общинного строя, рабовладельческого строя, генезиса феодализма [13]. При этом в самом процессе создания новой, марксистской исторической науки были допущены отдельные ошибки социологического характера, отход от анализа фактического материала, подмена творческого применения марксистских положений начетничеством и цитатоманией. Это была своего рода «болезнь роста», явившаяся в значительной мере следствием недостаточно глубокого изучения марксизма. И именно упорное, углубленное изучение его обусловило исправление этих ошибок, возвращение на путь подлинного исторического исследования.

Методология и исследовательская практика К. Маркса, его анализ фактического материала являлись для советских археологов вдохновляющим примером в борьбе с отклонениями от правильного пути, с социологическими абстрактными схемами М. Н. Покровского, с ошибочными положениями «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Превращение археологического материала в исторический источник, вскрытие всех многообразных качеств вещи, использование ее как свидетельства об истории общества — эти положения стали основными, руководящими для советской археологии. Марксистская методология явилась основой всех достижений советской археологии — создания больших исторических полотен, открытия новых страниц древней и средневековой истории, воссоздания истории «бесписьменных народов».

Труды К. Маркса открыли бескрайние перспективы перед нашей наукой. И выполнение больших задач, стоящих ныне перед советскими археологами, решение проблем общемирового значения требует неустанного изучения и творческого развития наследия великого Маркса. Во всей своей работе советские археологи всегда будут руководствоваться словами Ленина о том, что учение Маркса всесильно, ибо оно верно.

СТАТЬИ

Х. А. МООРА

О ДРЕВНЕЙ ТЕРРИТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ БАЛТИЙСКИХ ПЛЕМЕН

История сложения балтийских племен представляет собой существенную часть обширной проблемы происхождения и формирования всей индоевропейской семьи народов. Решение на основании археологических материалов указанной проблемы в целом еще не назрело. Предстоит разработать предварительно много частных вопросов, одному из которых и посвящена настоящая статья.

Относительно путей проникновения балтийских племен на позднейшую территорию их расселения было высказано в основном два различных взгляда. Одни исследователи (по преимуществу археологи) утверждают, что предки балтийских народов пришли в Прибалтику с юго-запада, из Центральной Европы через Нижнее Повисленье. Так, немецкий археолог Л. Килиан полагает, что носителями поздненеолитической культуры, распространившейся в начале II тысячелетия до н. э. в низовьях Вислы и на юго-восточном побережье Балтийского моря, были прабалты и что истоки этой культуры следует искать в бассейне Эльбы [1]. Из Юго-Восточной Прибалтики балтийские элементы, по его мнению, распространились на восток, в Приднепровье и Верхнее Поволжье. Другие же ученые (в особенности языковеды), наоборот, склонны думать, что предки балтийских племен обитали первоначально в Приднепровье и оттуда постепенно проникли в Прибалтику.

Взгляд, согласно которому территория обитания балтийских племен в древности простиралась значительно дальше на восток, был впервые высказан некоторыми русскими учеными. Опираясь на работы русских исследователей, эту точку зрения развивал известный чешский археолог и славяновед Л. Нидерле [2].

В 1897 г. А. А. Кочубинский опубликовал небольшое исследование о древней территории Литвы [3]. Рассматривая топонимику соседних с современной Литвой частей Белоруссии, он нашел, что под славянским слоем здесь прослеживается (в особенности в гидронимике) более древний балтийский слой. Из этого он заключил, что древняя литва до прихода славян на юге достигала р. Припяти, на востоке охватывала бассейн р. Березины, а на западе — верхнюю часть бассейна р. Нарева. Дреговическая земля, по его мнению, еще на заре письменной истории имела смешанное славяно-балтийское население.

Ссылаясь на А. А. Кочубинского, А. Л. Погодин отметил в 1901 г. «резкую границу в географической водной номенклатуре, проходящую к северу

---

[1] L. Kilian. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.
[2] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 137.
[3] А. А. Кочубинский. Территория доисторической Литвы. ЖМНП, 1897, № 1, январь, стр. 60 сл.

от Припяти» [4]. В то время как южнее этой границы прослеживаются названия рек славянского типа, сходные с гидронимикой бассейнов Вислы и Одера, севернее наблюдаются имена другого типа, характерные для притоков Немана, Западной Двины и Березины. А. Л. Погодин указал отдельные названия рек литовского типа также в бассейне Оки.

Видный исследователь белорусского языка и фольклора Е. Ф. Карский в своем капитальном труде о белорусах [5] в основном выразил согласие со взглядами двух вышеназванных авторов, но допускал все же, что древние балтийские племена обитали лишь в относительно небольшом количестве восточнее пределов современной Литвы и Латвии.

Вопроса о древней территории балтийских племен касался также акад. А. И. Соболевский [6]. Приведя ряд летописных сообщений о нападениях литвы на древнерусские земли, он заключает, что под летописной литвой следует подразумевать не литовцев, обитавших близ Вильны и Трок, а население Литовской земли, занимавшей вплоть до XIII в. части позднейших Витебской, Псковской, Тверской, Московской губерний и, главным образом, Смоленской губернии, окруженных владениями смоленских князей.

Литовский языковед К. Буга собрал и разработал многочисленную топонимику балтийского происхождения из Верхнего Приднепровья. Общей сводкой его исследований в этой области явилась работа, вышедшая в 1924 г. и посвященная вопросу происхождения балтийских или, как он их называл, айстских племен [7]. В этой работе он пришел к заключению, что родиной предков балтийских племен было Приднепровье. Оттуда теснимые восточными славянами балтийские племена постепенно продвинулись в Южную Прибалтику вплоть до низовьев Вислы. По представлению К. Буга, в середине I тысячелетия предки литовцев жили еще в бассейнах Верхнего Днепра, Березины и Сожа, а также в левобережной части Верхнего Подвинья, древние латышские племена — в современной Средней и Восточной Литве и только древние пруссы достигли уже своей позднейшей территории обитания. В XIII в. все балтийские племена обитали уже на своих позднейших местах, Верхнее же Приднепровье и Верхнее Подвинье были заняты славянами.

Точка зрения К. Буга относительно приднепровского происхождения балтийских племен нашла полную поддержку со стороны берлинского слависта М. Фасмера, опубликовавшего в 1932 г. работу по вопросу о древней восточной границе балтийских племен [8]. По Фасмеру, древняя область расселения балтийских племен, помимо территории позднейших более западных губерний, охватывала Смоленскую губернию и части Псковской, Тверской, Московской, Калужской, Орловской и, возможно, Черниговской губерний, т. е. верхние части бассейнов рек Днепра, Великой, Ловати, Волги, Оки и Десны. М. Фасмер совершенно правильно критиковал мнение А. И. Соболевского, будто бы литва на данной восточной территории вплоть до XIII в. была еще столь многочисленной, что могла совершать походы на русские земли. Летописную голядь на Протве М. Фасмер считал

---

[4] А. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 91—92, 93, сноска 4.

[5] Е. Ф. Карский. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904, стр. 63.

[6] А. И. Соболевский. Где жила Литва? Изв. Академии наук, VI серия. СПб., 1911, № 15, 1 ноября, стр. 1053.

[7] K. Buga. Aisčiu praeitis vietų vardų šviesoje. Kaunas, 1924; то же на немецком языке: K. Buga. Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Streitberg — Festgabe. Leipzig, 1924, стр. 22 сл.

[8] M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1932, XXIV, Berlin, 1932, стр. 637 сл. Некоторые дополнения автор приводит во второй части данной серии своих монографий. См. его же. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. Sitzungsber. d. Preuss. Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1934, XVIII, Berlin, 1934, стр. 364 сл.

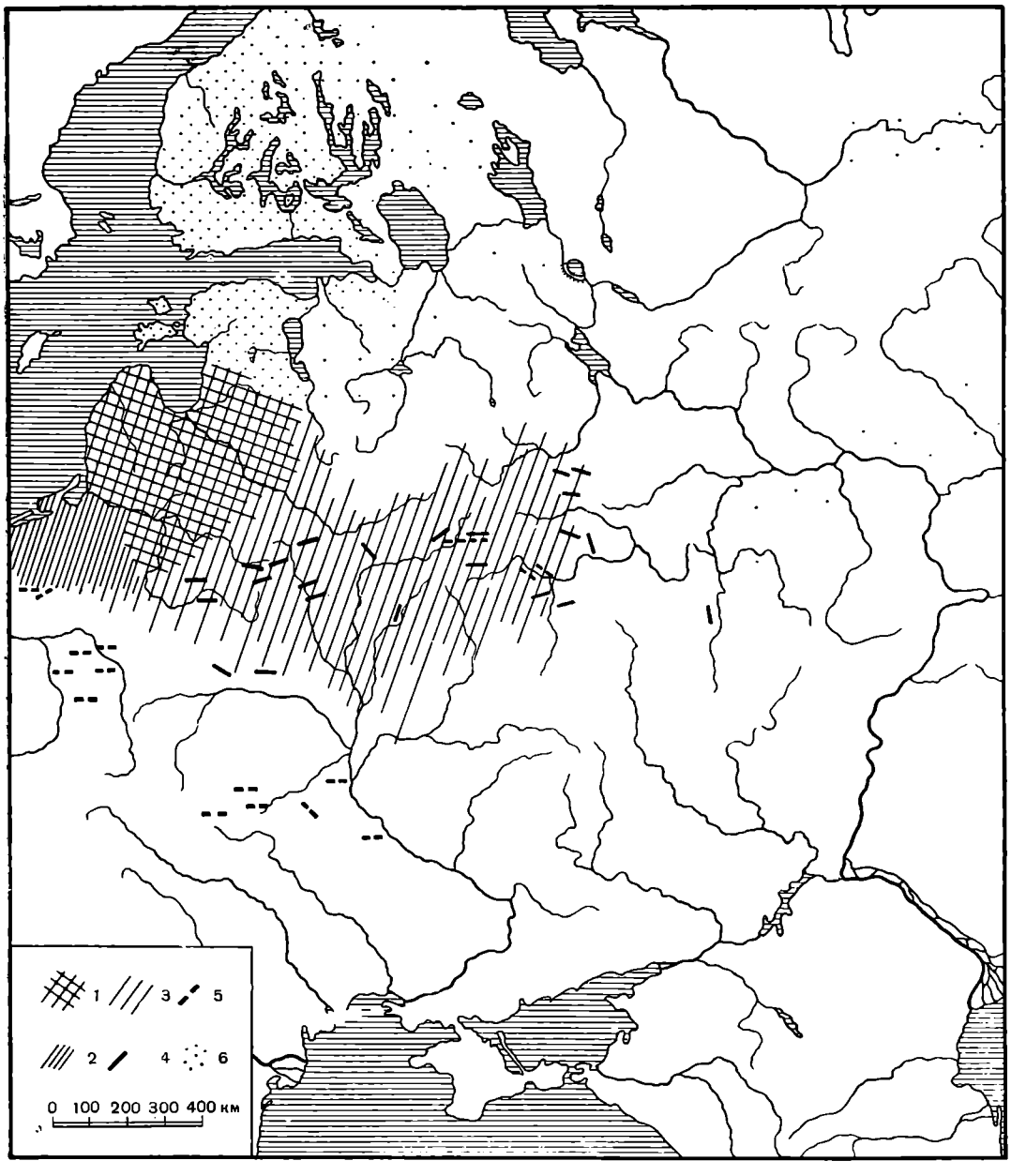


Рис. 1. Расселение балтийских племен в древности (по данным письменных источников и гидронимики)

1 — современная территория балтийских народов; *2* — территория древних прусских племен; *3* — распространение балтийской гидронимики, по К. Буга и М. Фасмеру; *4*—балтийские гидронимы, по Т. Лер-Сплавинскому и В. Полаку; *5* — балто-славянские гидронимы, по Т. Лер-Сплавинскому; *6* — балтийские заимствования в финно-угорских языках

остатками коренного балтийского населения, а не потомками позднее переселенных туда невольников, как это полагали польский языковед А. Брюкнер и некоторые другие исследователи.

Часть причисленных К. Буга и М. Фасмером к древней балтийской гидронимике названий рек является, возможно, спорной. Однако балтийское происхождение целого ряда названий, таких, как *Нача, Сож(а), Лучеса, Вопь, Жиздра, Упа, Истра, Бержа, Толжа, Жукопа,* признали в своих более поздних трудах также польский славист Т. Лер-Сплавинский и чешский языковед В. Полак [9] (рис. 1).

Советские археологи, придерживаясь в большинстве своем взгляда на приход балтийских племен в Прибалтику с юго-запада, полагали до сих пор, что территория древних балтийских племен в период до расселения

[9] T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946, стр. 65 сл. и приложенная карта; V. Polák. Slovanská pravlast s hlediska jazykového. Vznik a počátky slovanů. I. Praha, 1956, стр. 21; карта на стр. 22.

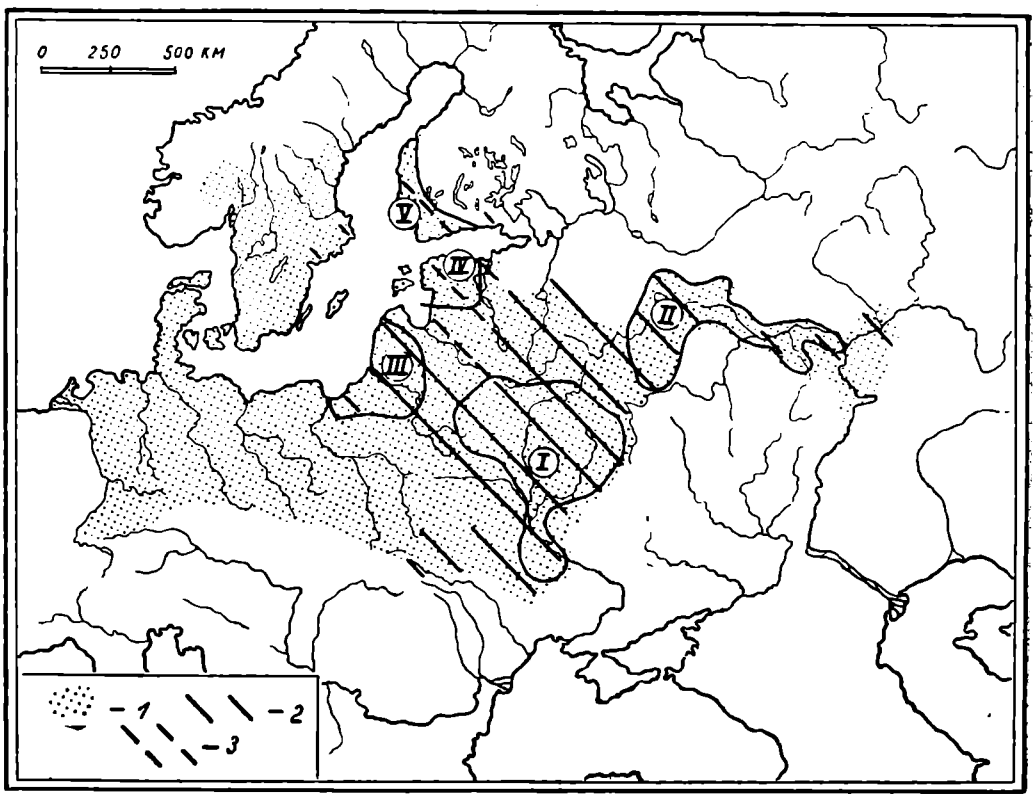


Рис. 2. Схематическая карта распространения культур боевых топоров

I — днепровско-деснинская культура; II — фатьяновская культура; III — висло-неманская культура; IV — эстонская культура; V — финляндская культура

1 — культуры боевых топоров; *2* — распространение боевых топоров днепровского (фатьяновского) типа; *3* — типы боевых топоров, развивавшиеся под воздействием днепровского

славян простиралась в восточном направлении примерно до р. Березины. Предположение К. Буга и других поддерживающих его языковедов о приднепровском происхождении балтийских племен не согласовывалось с данными археологии, которые не показывают каких-либо заметных передвижений населения с Днепра в Прибалтику как в конце I тысячелетия до н. э., так и в первые века нашей эры. К тому же многие археологи полагали, что Верхнее Приднепровье уже очень рано, примерно в середине последнего тысячелетия до нашей эры, было занято восточнославянскими племенами. Нам кажется, однако, что данные топонимики и археологии согласуются друг с другом, если исходить из предположения, что предки балтийских племен расселились в средней части Восточной Европы в значительно более ранний период, а именно в начале и первой половине II тысячелетия до н. э., с распространением культур боевых топоров.

Культуры боевых топоров получили, как известно, широкое распространение в Европе на рубеже III и II тысячелетий до н. э. (рис. 2). Они представляли собой явление, характерное в основном для южной части лесной полосы. В относительно короткий срок они охватили огромное пространство от Средней Волги на востоке до Рейна и Ютландского полуострова на западе и от Киевщины на юге до средней части обоих побережий Ботнического залива на севере. В пределах этой обширной территории они характеризуются поразительным сходством многих существенных элементов. Наиболее типичными для этих культур являются захоронения в скорченном положении под насыпью или в грунте. В мужских погребениях находят сверленые и хорошо полированные каменные боевые топоры. На большей части территории этих культур в погребениях обнаружена керамика обычно в виде кубков, украшенных отпечатками шнура; нередко встречаются также так называемые шаровидные амфоры. Поселения, которых пока известно относительно немного, дают в общем тот же инвентарь, что и погребения. Местами наряду с каменными изделиями встреча-

ются также предметы из меди. Как в погребениях, так и на поселениях нередки кости домашних животных, в отдельных случаях зернотерки. Это, как и топография памятников, свидетельствует о большой роли в хозяйстве примитивного земледелия и животноводства.

Очевидно, возникновение культур боевых топоров, их особый характер и распространение на широкой территории были результатом развития новых типов хозяйства в южной части лесной полосы, результатом освоения племенами этих районов скотоводства и земледелия, а также металлургии меди. Вместе с этим наблюдается бóльшая регулярность обмена и межплеменных сношений. Все это привело к росту населения и к возникновению новых форм социальной организации. Увеличением количества населения и потребностью в новых пастбищах для скота объясняется, по-видимому, отразившаяся в археологических памятниках исключительная подвижность скотоводческо-земледельческих племен культур боевых топоров. Происходившие во II тысячелетии до н. э. во многих частях европейского материка значительные передвижения населения создали основу, на которой в последующее время сложились важнейшие из тех этнических группировок, которые позже выступают в свете ранних письменных источников.

Наличие в разных, даже пространственно весьма отдаленных друг от друга культурах боевых топоров существенных общих элементов уже давно наводило исследователей на мысль о происхождении этих культур из какого-то одного центра. Однако относительно местонахождения этого центра нет единой точки зрения. Одни исследователи (в частности, финский археолог А. Яюряпяа) придерживаются мнения, что этот центр находился в Средней Европе, в зоне соприкосновения придунайских земледельческих культур с соседними северными культурами, где имеется налицо относительно ранний характерный комплекс общих для культур боевых топоров элементов [10]. Другие, например, датский археолог Г. Розенберг, немецкий археолог К. В. Струве [11], полагают, что этот центр следует искать где-то в областях, примыкающих к Черному морю, где, по-видимому, возникли некоторые из свойственных данным культурам элементов, в частности шнуровой орнамент, а быть может, и некоторые типы сосудов.

При решении вопроса о происхождении культур боевых топоров ученые наталкиваются на ряд больших трудностей. Во-первых, отсутствует единая и достаточно твердая основа для хронологического сопоставления разных этапов развития этих культур в Средней, Западной и Восточной Европе. Во-вторых, распространение рассматриваемых культур происходило не одной волной, а, по-видимому, несколькими волнами, которые шли иногда в разных направлениях и сливались как между собой, так и с другими культурами. В отдельных случаях можно наблюдать даже течения, шедшие в обратном направлении по отношению к основному потоку распространения той или другой культуры. В результате в разных районах получились очень сложные сочетания различных компонентов. Наконец, культуры боевых топоров очень скоро восприняли на новых территориях ряд местных черт от предшествующих культур, что опять-таки осложняет решение вопроса.

Все, что мы пока знаем о культурах боевых топоров, свидетельствует о том, что они, хотя и получили толчок к своему возникновению из какого-то общего центра, все же складывались в разных районах при участии

---

[10] A. Äyräpää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. Studien über die Verbreitung neolitsischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. ESA, VIII, Helsinki, 1933, стр. 1 сл.

[11] G. Rosenberg. Kulturströmungen in Europa zur Steinzeit. Kopenhagen, 1931; K. W. Struve. Die Einzelgrabkultur in Schleswig.-Holstein. Neumünster, 1955. См. также T. Sulimirski. «Thuringian» Amphorae. Proceedings of the Prehistoric Society for 1955 (New Series, т. XXI), июль 1956, стр. 108; E. Sturms, Betrachtungen zum Ursprungs- und Herkunftsproblem der Becherkultur. SMYA, 58, Helsinki, 1957, стр. 268 сл.

элементов и других культур. Где именно и какие культуры явились основой для их возникновения, этот вопрос остается еще открытым [12]. Определенно пока можно сказать лишь одно: в северных районах эти культуры являются пришлыми.

Основываясь на том, что языковеды приурочивали распад предполагаемой индоевропейской языковой общности примерно ко времени распространения культур боевых топоров, многие ученые полагали, что распространение этих культур якобы и отражает первоначальное расселение индоевропейцев. Этот взгляд не может соответствовать действительности. Разные ветви индоевропейской языковой семьи отходили, как мы теперь знаем, друг от друга в разные времена. Что касается вопроса об этнической принадлежности носителей культур боевых топоров, то, учитывая сложность процесса формирования данных культур, тут можно говорить, вероятно, только о группе более или менее родственных племен, а не о какой-то единой этнической общности.

Как ни важен вопрос о происхождении культур боевых топоров, мы вынуждены оставить его в стороне и ограничиться лишь рассмотрением некоторых черт, характерных для восточноевропейской группы этих культур, позволяющих проследить связи их между собой и с соседними культурами.

Центральное место среди восточноевропейских культур боевых топоров занимает среднеднепровская культура. К этой культуре следует, однако, отнести также соответствующие памятники Подесенья и Верхнего Поднепровья. Весь этот культурный комплекс будет целесообразнее называть не среднеднепровской, а днепровской или днепровско-деснинской культурой, в пределах которой более узкая среднеднепровская группа на Киевщине составляла один из основных центров.

Общую характеристику собственно среднеднепровской культуры дала Т. С. Пассек [13]. Как она отмечает, эта культура представлена по преимуществу курганами, содержащими погребения в скорченном положении или трупосожжения. В инвентарь как погребений, так и поселений входят сверленые каменные боевые топоры, кремневые клинья, колоколовидные сосуды (кубки) и шаровидные амфоры со шнуровым и нарезным орнаментом, а также разные украшения, в том числе костяные и янтарные. По инвентарю Т. С. Пассек различает два разновременных комплекса: стретовский (более ранний) и гатнинский. Она полагает, что среднеднепровские памятники возникли на местной основе позднетрипольской культуры в сочетании с элементами среднеевропейской культуры шнуровой керамики и степной ямно-катакомбной культуры. Добавим, что воздействие ямно-катакомбной культуры сказывается в проникновении в среднеднепровский комплекс яйцевидных глиняных сосудов с высокой орнаментированной шейкой, молоткообразных костяных булавок и костяных пронизок, между тем как наиболее ранние каменные боевые топоры на Днепре имеют западное происхождение [14]. Западной чертой, объединяющей керамику гатнинской группы с среднеевропейскими так называемыми колоколовидными кубками, следует также считать форму многих сосудов, а также зональное расположение и шахматный характер их орнамента (в гатнинской группе). Позже

---

[12] Г. Чайлд полагает, что источник возникновения скотоводческо-земледельческих культур в средней полосе Европы следует искать либо в дунайских культурах, включая и трипольскую, либо в Закавказье, на древнем Востоке. См. Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 245.

[13] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 34 и сл. Литература, вышедшая позже, приводится в статье А. Я. Брюсова. См. A. J. Brjusov. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie (Die Entstehung der Fatjanovo-Kultur). Acta Archaeologica, XXV, Köbenhavn, 1954, стр. 320, 321.

[14] О взаимоотношениях среднеднепровской культуры с ямно-катакомбной см. Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры в Северном Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. Тр. ГИМ, вып. 24, 1955, стр. 125 сл., а также стр. 129, 130.

с запада на Киевщину проникают отдельные унетицкие предметы. Таким образом, среднеднепровская культура представляет собой смешанный комплекс, который по его преобладающему характеру тем не менее следует относить к числу культур боевых топоров.

Комплекс памятников, расположенных на левобережье Днепра и в бассейне Десны, Т. С. Пассек выделила территориально и по некоторым особенностям в третью, днепровско-деснинскую подгруппу, которую можно назвать и короче — деснинской. Она сходна с собственно среднеднепровской культурой. Однако влияние степных культур здесь сказывалось слабее, чем на Киевщине, и доходило сюда, главным образом, опосредствованно — через собственно среднеднепровскую группу [15].

Памятники культуры боевых топоров обнаружены в большом количестве также в пределах всего Верхнего Поднепровья, но изучены они там еще очень слабо [16]. В противоположность памятникам среднеднепровской группы, здесь обнаружены по преимуществу не погребения, а остатки поселений.

В Подесенье и, по-видимому, также в Верхнем Приднепровье культура боевых топоров наслоилась на местную разновидность культуры ямочно-гребенчатой керамики, этническая принадлежность которой, однако, не может быть еще определена.

С верховьев Днепра культура боевых топоров распространилась на запад и северо-запад, в Прибалтику, на север, вплоть до Приильменья [17] и, вероятно, также на восток, в Волго-Клязьминское междуречье.

Другую характерную культуру боевых топоров представляет фатьяновская культура на Верхней Волге и в бассейнах рек Клязьмы, Москвы и Суры (рис. 2, II), на территории, занятой до этого культурой ямочно-гребенчатой керамики. Фатьяновская культура представлена главным образом грунтовыми могильниками, поселения пока мало известны. На основании классификации, предложенной О. А. Кривцовой-Граковой, в ней различают три территориальные и хронологические группы — московскую, ярославскую и чувашскую, из которых первая является наиболее ранней, последняя — наиболее поздней [18]. При общем сходстве инвентаря с другими культурами боевых топоров для фатьяновской культуры типичны круглодонные, нередко шаровидные сосуды с нарезным или зубчатым орнаментом на шейке и плечиках (отпечатки шнура встречаются редко). Эта керамика происходит, очевидно, от шаровидных амфор. Фатьяновская культура генетически связана с днепровской культурой, ближе всего с ее деснинской группой. Типы медных предметов и некоторые особенности орнаментации керамики, наблюдаемые по преимуществу в восточной части фатьяновской территории, свидетельствуют о связях с югом и юго-востоком. Как и в памятниках среднеднепровской культуры, в фатьяновских могильниках обнаружены отдельные предметы среднеевропейского, унетицкого типа. Так называемые фатьяновские каменные боевые топоры, лезвийная часть которых имеет вид лопасти, было бы правильнее назвать днепровскими. Ввиду того, что этот тип обнаруживается чаще в Приднепровье, чем в Поволжье, надо полагать, что он возник именно в пределах днепровской культуры на основе раннего, общего для культур ладьевидных топоров типа. Далее он получил распространение в большинстве восточноевропейских культур боевых топоров (рис. 2, *2*).

---

[15] Там же, стр. 122—124; карта, рис. 20.

[16] К. М. Поликарпович. Стоянки Среднего Посожья (Материалы обследования 1928 г.). Институт истории АН БССР, сектор археологии. Материалы по истории БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 45 и сл.; его же. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. Материалы по истории БССР, т. I, стр. 13—15. См. также Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 47.

[17] ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 168.

[18] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 22 сл. Список литературы по фатьяновской культуре см. А. J. Brjusov. Ук. соч. стр. 321.

Особое место занимает культура боевых топоров, охватывающая юго-восточное побережье Балтийского моря, приустье Вислы и бассейн Немана (рис. 2, III). Эту культуру можно было бы назвать висло-неманской. Польские археологи называют ее ржучевской, по богатому поселению в Ржучеве, близ Гдыни [19]. В пределы этой культуры входила также Западная Литва и юго-западная часть территории Латвии. Памятники этой культуры подробно рассмотрел в своем упомянутом выше труде Л. Килиан [20]. В прибрежной зоне, в том числе на Балтийской и Курской косах, она представлена рядом богатых поселений; известны также грунтовые и некоторые курганные погребения. В более или менее отдаленных от морского побережья районах обнаружены главным образом небольшие могильники; поселений известно немного. Для висло-неманского культурного комплекса типична шнуровая керамика, в том числе и амфоры, а также характерные сосуды с налепным валиком под краем, сверленые боевые топоры, кремневые клинья и наконечники стрел, костяные и янтарные украшения и другие предметы, весьма сходные с вещественным материалом других описанных нами культур. Боевые топоры представлены местными формами, а также проникшими с востока днепровским (фатьяновским) типом и топорами с плоской спинкой. Висло-неманская культура распространилась на территории, где ранее бытовала культура ямочно-гребенчатой керамики; на западе и юго-западе она граничила с культурами воронкообразных кубков и шаровидных амфор. От всех этих культур висло-неманский комплекс воспринял отдельные элементы.

Несмотря на то, что Л. Килиан, а также А. Яюряпяа и некоторые другие авторы утверждали, что висло-неманский комплекс стоит в генетической связи со среднеевропейской, точнее саксо-тюрингской, культурой шнуровой керамики, этот вопрос нельзя считать решенным. В висло-неманскую культуру входят некоторые элементы, среднеевропейское происхождение которых является бесспорным, например фасетированные боевые топоры и некоторые типы сосудов. Рассматриваемый комплекс имеет в то же время очень много общего и с днепровской культурой, включая и наиболее южную, собственно среднеднепровскую группу. Так, ряд сосудов, найденных в пределах висло-неманской культуры, вполне идентичен со среднеднепровскими [21]. Общими для обеих культур являются также костяные молоткообразные булавки, кольцевидные подвески и некоторые другие предметы, в том числе боевые топоры днепровского (фатьяновского) типа [22]. Как указывает Л. Килиан, между висло-неманской и днепровской культурами не прослеживается территориальной границы; обе эти культуры были связаны между собой через Белоруссию; их общие элементы являлись, по его мнению, результатом меновых сношений [23]. Л. Килиан все же недооценивает, на наш взгляд, значение прослеживаемых в висло-неманском комплексе днепровских элементов для сложения этой культуры. Представляется вполне возможным, что основной поток, положивший начало висло-неманской культуре, исходил из Приднепровья, а не из Центральной Европы. Окончательно этот вопрос может быть уяснен лишь после того, как будут подробно изучены многочисленные памятники этой культуры в Белоруссии.

Памятники культуры боевых топоров в Эстонии следует рассматривать также в качестве особой культуры (рис. 2, IV). Они представлены главным

---

[19] J. Żurek. Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewe, pow. wejherowski i kultura rzucewska. Fontes Archaeologici Posnanienses, т. IV (1953), Poznań, 1954, стр. 1 сл.

[20] Описание памятников культуры боевых топоров в Латвии см. Ed. Šturms. Latvijas akmens laikmeta materiāli, I. Latviešu aizvestures materiāli, II, Rigā, 1936, стр. 3 сл.

[21] J. Żurek. Ук. соч., рис. 4, 5; L. Kilian. Ук. соч., рис. 61, 154, *3*, 197; Т. С. Пассек. Ук. соч., рис. 10, *2*, *5*, *4*.

[22] L. Kilian. Ук. соч., рис. 295, a, 296 и 302, d.

[23] Там же, стр. 108, 112—113.

образом грунтовыми могильниками [24], поселений обнаружено пока мало. В Эстонии, как и в южных районах Прибалтики, эта культура сосуществовала с поздними памятниками культуры ямочно-гребенчатой керамики. Здесь особенно своеобразны местные типы боевых топоров: так называемый тип Карлова, характеризующийся многогранным поперечным сечением и удлинением проуха в виде втулки [25], и другой местный тип, так называемый остроообушный топор [26]. Обе эти локальные формы развились под явным воздействием восточноевропейского днепровского (фатьяновского) боевого топора [27]. Затем сюда, как и в Верхнее Приднепровье и Юго-Восточную Прибалтику, проник топор с плоской спинкой (возникший, как полагает А. Яюряпяа, в окрестностях Казани) [28]. Керамика в Эстонии найдена в относительно небольшом количестве. Представлены в основном простые кубко- или колоколовидные формы сосудов с нарезным, реже со шнуровым орнаментом. Амфоры отсутствуют, но есть сосуды с налепным валиком ниже края. Имеется также позднейший вариант шнуровой керамики, украшенной (в верхней части сосудов) горизонтальными желобками [29]. Польские археологи называли ее «ceramika pasmowa». Она характерна для тщинецкой культуры в районе Вислы и Западного Буга, найдена также и в Белоруссии [30].

До недавнего времени большинство археологов (в том числе и автор настоящей статьи) полагало, что культура боевых топоров в Эстонии ведет свое начало исключительно от висло-неманской культуры. Если, однако, принять во внимание восточноевропейское, по преимуществу, происхождение эстонских топоров, а также то обстоятельство, что представленные в Эстонии типы шнуровой керамики встречаются также в днепровской культуре, то следует предположить, что данная культура в Эстонии генетически теснее связана с Приднепровьем, чем с висло-неманской группой.

В качестве еще одной местной восточноевропейской группы выделяется культура боевых топоров в юго-западной, прибрежной полосе Финляндии (рис. 2, V). По своему происхождению она связана с соответствующей культурой в Эстонии. Вскоре она, однако, приняла местный характер, выразившийся в возникновении особых, финских типов боевых топоров и керамики [31]. Для керамики характерны, в частности, расширяющиеся книзу сосуды как бы грушевидной формы, представляющие местную разновидность колоколовидных шнуровых кубков. Д. А. Крайнов обратил внимание на то, что погребальные ямы фатьяновцев были облицованы точно таким же образом, как и некоторые могилы населения культуры боевых топоров в Финляндии [32]. Эта деталь может служить еще одним доказательством близкого родства обеих названных культур. Финская культура оказала, в свою очередь, заметное влияние на формирование культуры ладьевидных топоров в средней части Швеции.

За исключением собственно среднеднепровской культуры (вопрос о

---

[24] Л. Янитс. Позднеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 53, и сл.

[25] Там же, рис. 18, *1, 2.*

[26] Там же, рис. 18, *3.*

[27] A. Äyaräää. Estnische Bootäxte. Acta Archaeologica, XXIII. Köbenhavn, 1952, стр. 92.

[28] A. Äyäräää. Über die Srteitaxtkulturen in Russland, карта, рис. 35.

[29] Л. Ю. Янитс. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. КСИИМК, вып. 54, 1954, рис. 8, *2.*

[30] L. Kilian. Ук. соч., рис. 186, 188 и карта 11. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 695, рис. 33 и табл. XV, *9.*

[31] A. Europaeus. Eine in Weissrussland gefundene finnische Bootaxt. Księga Pamiątkowa ku uczczeniu siedemdziediątej rocznicy urodzin Prof. Dr. Włodzimierza Demetrikiewicza. Bibljoteka prehistoryczna, I, Poznań, 1930, стр. 101 сл.; его же. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland. Acta Archaeologica, I. Köbenhavn, 1930, стр. 190 и рис 83—86; C. F. Meinander. Die Kiukaiskultur. SMYA, 53, Helsinki, 1954, стр. 149 сл.

[32] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 122.

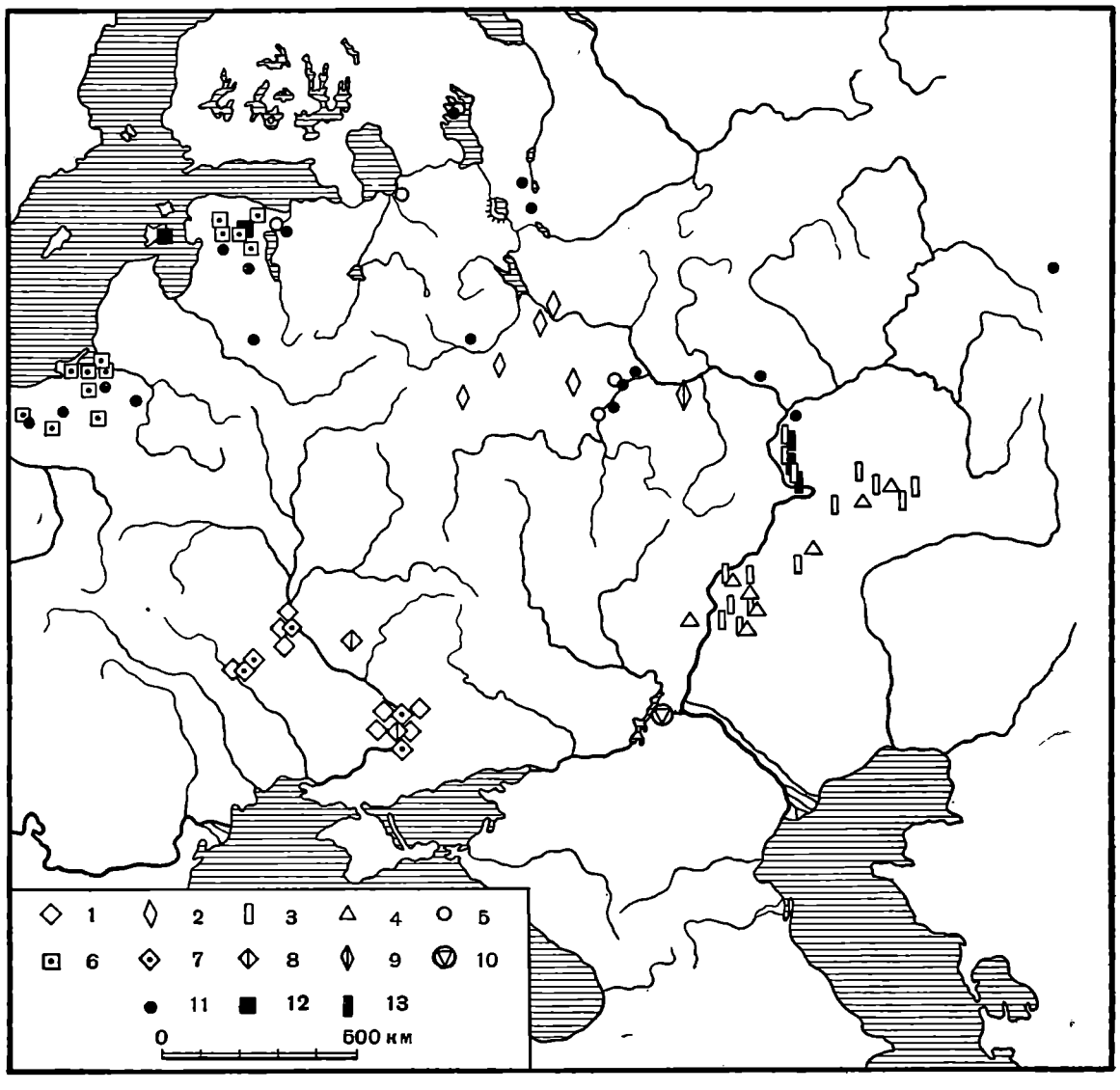


Рис. 3. Распространение антропологических типов в эпоху неолита и бронзы (III—II тысячелетия до н. э.) на востоке Европы (по К. Ю. Марк)

1—5 — протоевропейский тип (*1* — племена Среднего и Нижнего Приднепровья: *2* — фатьяновские племена; *3* — срубно-хвалынские племена; *4* — племена древнеямной культуры; *5* — племена ямочно-гребенчатой керамики); *6, 7* — высоколицый вариант протоевропейского типа (носители культуры боевых топоров в Прибалтике и современные им племена Приднепровья); *8, 9* — грацильный протоевропеоидный тип (племена Приднепровья и балановской группы фатьяновской культуры) *10* — брахикранный европеоидный тип (племена катакомбной культуры в Нижнем Поволжье) *11—13* — брахикранный тип с монголоидной примесью (*11* — племена культуры ямочно-гребенчатой керамики; *12* — племена культуры боевых топоров; *13* — племена древнеямной культуры

сложении которой мы здесь подробнее не рассматриваем), все другие восточноевропейские культуры боевых топоров, распространившиеся в областях бытования ямочно-гребенчатой керамики, были на этих территориях пришлыми. Этому положению не противоречат и данные палеоантропологии [33]. В антропологическом составе населения Восточной Европы в неолите и в бронзовом веке намечаются две большие области. На юге, в степной зоне, господствовал протоевропейский тип. В лесной полосе наряду с этим типом (прослеживающимся на западе — в Прибалтике, Приладожье, Обонежье — начиная с мезолита) были распространены и формы урало-лапоноидной группы (рис. 3), характеризовавшиеся более высоким черепным указателем и некоторой монголоидной примесью [34].

[33] За данные для характеристики антропологических типов автор приносит благодарность К. Ю. Марк, составившей специально для настоящей статьи две публикуемые карты (рис. 3 и 7).

[34] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Тр. Института этнографии АН СССР, нов. серия, т. IV., М.—Л., стр. 108—110; его же. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР. Тезисы докладов на сессии От-

В Эстонии и Латвии среди черепов населения культуры ямочно-гребенчатой керамики решительно преобладают формы с монголоидной примесью. Среди представителей культуры боевых топоров как в Эстонии, так и в междуречье Нижней Вислы и Немана и на Верхней Волге преобладал протоевропейский тип. При этом черепа, найденные в Эстонии, имеют наибольшее сходство с черепами, обнаруженными в пределах висло-неманской культуры. А из черепов, известных по раскопкам в степной или лесостепной полосе на юге, наиболее близки к прибалтийским черепа представителей среднеднепровской культуры [35]. Данных о промежуточном звене между обеими названными группами — о черепах из соответствующих белорусских погребений — пока еще в нашем распоряжении нет. Весьма сходны с краниологическим материалом из погребений населения культуры боевых топоров в Прибалтике также и черепа представителей культуры шнуровой керамики в Средней Европе, в Чехословакии [36]. Таким образом, данные антропологии в общем подтверждают, что основная часть носителей культуры боевых топоров в Восточной Европе происходит от одного предка, но, как и археологические материалы, они еще не дают более точного указания на то, в каком именно направлении следует искать этого предка.

Проникновение в Прибалтику протоевропейских представителей культуры боевых топоров оказало заметное влияние на дальнейшее формирование антропологического состава населения этой области. В большей части Эстонии и Латвии вплоть до XI—XIII вв. н. э. были преобладающими европеоидные типы — непосредственные потомки носителей культуры боевых топоров [37].

Несмотря на то, что вопрос происхождения культур боевых топоров и их населения окончательно еще не решен, мы имеем основания полагать, что носителями этих культур в низовьях Вислы, в Прибалтике, в Белоруссии и в Волго-Окском междуречье были ранние балтийские племена, или прабалты. Во избежание недоразумений следует уточнить, что их диалекты, естественно, стояли еще очень далеко от современных балтийских языков. В состав этих диалектов, возможно, входили (особенно на юге и юго-западе) некоторые балто-славянские, а быть может, также фракийские и другие ранние индоевропейские элементы. В основном они все же должны были носить в известной мере уже сложившийся балтийский характер и являться хотя и далекими, но непосредственными предками позднейших балтийских диалектов. Это вытекает из того факта, что следы таких диалектов, поскольку они сохранились в топонимике или в виде заимствований в соседних языках, определяются языковедами как ранне- или прабалтийские, а не как индоевропейские в более широком смысле этого слова.

Первое, что позволяет нам считать ранних балтов носителями описанных культур боевых топоров, это общее совпадение территории этих культур с областью распространения древней балтийской топонимики, о ко-

---

деления исторических наук АН СССР и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 года. М.—Л., 1956, стр. 43; К. Ю. Марк. Новые антропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. ИАН Эстонской ССР, сер. общественных наук, т. V, Таллин, 1956, стр. 44 сл., 61.

[35] По устному сообщению К. Ю. Марк. Это отражено и на карте рис. 3. Новые данные по палеоантропологии населения Среднего Приднепровья приведены в труде М. М. Герасимова. См. М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. (Современный и ископаемый человек.) Тр. Института этнографии АН СССР, нов. серия. т. XXVIII, М., 1955, стр. 292 сл.

[36] В. В. Бунак. Краниологические типы западноевропейского неолита. КСИЭ, вып. I, М., 1946, стр. 51 сл.; его же. Краниологические типы западноевропейского неолита в сравнении с более древними. КСИЭ, вып. XIII, 1951, стр. 39, табл. 1.

[37] К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 231, 234, 242.

торой говорилось выше (ср. карты рис. 1 и 2). Мы знаем, правда пока еще относительно плохо, культуры последующего бронзового века (вторая половина II тысячелетия и начало I тысячелетия до н. э.). Однако все известное нам по этому периоду не дает никакого основания полагать, что за это время на данной территории распространилась другая, хотя бы относительно единая культура, с которой могло быть связано проникновение какой-нибудь новой этнической общности, «балтизировавшей» всю эту территорию. К тому же бронзовый век не представлял собой и в отношении социально-экономического развития такого переломного периода, каким был переход от неолита к бронзе, когда действительно имелись предпосылки для крупных передвижений населения. Некоторые местные сдвиги в этническом составе населения могли, естественно, происходить и в эпоху бронзы и раннего железа, и некоторые из них (в Прибалтике, на Верхней Волге) можно даже конкретно проследить. Но эти и другие процессы протекали в рамках постепенного развития, результатом которого было, в общем, распадение прежней относительной культурной общности на ряд более ярко выраженных местных культур. Фатьяновскую культуру сменила абашевская, на Верхней Оке сложилась поздняковская, в низовьях Вислы и Немана, как раз в области висло-неманской культуры боевых топоров,— западнобалтийская культура эпохи бронзы, а на Верхней Волге, в Северной Прибалтике и в Финляндии в известной мере взяли верх местные поздненеолитические элементы. В этих северных районах, как это относительно Финляндии убедительно показал К. Ф. Мейнандер [38], племена культуры боевых топоров были вынуждены приспособиться в своей экономике к условиям более суровой природы, что сблизило их и в быту, и в образе жизни с коренным населением. В результате они постепенно растворились среди последнего. В более южных областях пришлые балтийские элементы ассимилировали местное население.

При сравнении области распространения балтийской гидронимики с ареалом культуры боевых топоров наблюдается одно существенное расхождение: на Верхней Волге, на большой части территории фатьяновской культуры, неизвестны балтийские названия рек и озер. Это объясняется, очевидно, тем, что в этом районе (за исключением, по-видимому, самого верховья Волги) потомки фатьяновского населения были по большей части поглощены финно-уграми. При своем продвижении в эту область славянское население застало тут в основном финно-угорские племена и могло, следовательно, воспринять древнюю балтийскую гидронимику (поскольку она сохранилась в местных финно-угорских диалектах) лишь опосредствованно и в небольшом количестве. Как это отмечал уже и М. Фасмер, следы балтийской гидронимики могут быть тут обнаружены лишь после подробного изучения дошедшей до нас финно-угорской гидронимики.

Вторым доказательством того, что носителями культур боевых топоров в указанных областях были ранние балты, могут служить многочисленные балтийские заимствования в прибалтийско-финских и повлжских финно-угорских языках, проникновение которых в эти языки можно с большой вероятностью связать с распространением названных культур на север, в пределы территории культур ямочно-гребенчатой керамики. Прибалтийско-финские языки не только восприняли сотни балтийских слов, но и испытали сильное балтийское влияние на своем грамматическом строе [39]. Заимствованные балтийские слова соответствуют по своему характеру условиям переходного периода от неолита к раннему металлу,

[38] C. F. Meinander. Die Kiukaiskultur. SMYA, 53, Helsinki, 1954, стр. 171 сл.

[39] L. Posti. From Pre-Finnic to Proto-Finnic. Finnisch-ugrische Forschungen, XXX, Helsinki, 1953, стр. 1 сл.; П. Аристэ. Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития. Сб. «Вопросы этнической истории...», стр. 12 сл.; Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сб. «Вопросы этнической истории...», стр. 69 сл.

периода освоения животноводства и земледелия. Их следует датировать примерно II тысячелетием до н. э. также на основании фонетических признаков. Не позже первой половины последнего тысячелетия до нашей эры в прибалтийско-финские языки стали проникать пра- и северогерманские элементы. Как уже давно твердо установлено финно-угроведами, после воспринятия ранних балтийских слов, но до заимствования германских элементов в прибалтийско-финских языках успели произойти известные фонетические изменения. Проникновение балтийских элементов должно было, следовательно, иметь место несколько раньше заимствования германской лексики, что также говорит в пользу датировки балтийских заимствований II тысячелетием до н. э.

Балтийские заимствования, хотя и в меньшем количестве, чем в прибалтийско-финских языках, имеются также в финно-угорских языках Волго-Камья, в особенности в эрзя-мордовском языке, в марийском языке и даже в коми-зырянском языке.

Отметим, что воспринятые поволжскими языками балтийские слова считаются, так же как и соответствующие заимствования в прибалтийско-финских языках, по своему характеру прабалтийскими [40]. Иными словами, балтийская лексика должна была быть воспринята обеими названными группами финно-угорских языков примерно в один и тот же период. Но обе эти группы языков могли иметь непосредственное соприкосновение с более или менее однородными балтийскими элементами именно лишь в период бытования культуры боевых топоров. Позже балтийские культуры и соответственно диалекты уже постепенно дифференцировались.

Б. А. Серебренников считает источником балтийских заимствований в поволжских языках исчезнувший, весьма близкий к балтийским языкам индоевропейский язык, существовавший когда-то в районе Волго-Клязьминского междуречья, т. е. на территории фатьяновских племен, которых он прямо, правда, не называет [41]. Из его предположения следует, что это население, «близкое по языку к балтийскому» и территориально, и по своей культуре должно было непосредственно примыкать к балтийским племенам, обитавшим в Верхнем Приднепровье.

Доказательством наличия древнего балтийского, а не какого-то неопределенного индоевропейского населения в районе Волго-Окского междуречья могут служить также летописные сведения об обитавшей там (по крайней мере вплоть до XII в.) голяди, которую все исследователи относят к балтийским племенам. Память о голяди сохранилась и в топонимике этого района (Голяди, Голедьянка, Голяжье).

Совершенно другой точки зрения относительно этнической принадлежности племен боевых топоров придерживается Б. В. Горнунг [42]. По его мнению, племена среднеднепровской культуры и связанных с ней культур шнуровой керамики в Восточной Европе представляли особую, еще слабо дифференцировавшуюся «северо-восточную» группу индоевропейских диалектов, из которой только в результате последующего развития выдели-

---

[40] По вопросу о характере балтийской лексики, заимствованной прибалтийско-финскими и поволжскими языками, автор настоящей статьи обратился к проф. В. Кипарскому — специалисту в области балтийских и славянских языков, который в то же время хорошо знаком и с вопросами финно-угорского языковедения, и получил от него ответ, что как те, так и другие заимствования следует считать «прабалтийскими» (urbaltisch). См. также J. Kalima. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 202. Helsinki, 1936, стр. 185.

[41] Б. А. Серебренников. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. Тр. АН Литовской ССР, серия А, вып. 1 (2), Вильнюс, 1957, стр. 69 сл.

[42] Б. В. Горнунг. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи. (К постановке вопроса в лингвистико-археологическом освещении). Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 г., М.—Л., 1956, стр. 36, 37.

лись, с одной стороны, протобалтийская, с другой же — прототохарская речь и один из компонентов славянских языков.

Его предположение о том, что исчезнувший тохарский язык (памятники которого были обнаружены в начале XX в. в Синьцзяне, на западе Китая), лексически близкий как балтийским, так и славянским языкам, может считаться далеким потомком языка фатьяновцев, лишено какой бы то ни было твердой опоры. Предков тохаров следует скорее всего искать среди степных племен индоевропейского происхождения. Б. В. Горнунг решительно ошибается, полагая, что в прибалтийско-финских языках речь идет только о «немногих словах индоевропейского происхождения». Как было сказано выше, следы балтийского влияния многочисленны как в языке, материальной культуре, так и в антропологическом типе прибалтийских финнов.

Расхождения, хотя относительно небольшие, имеются у нас и с некоторыми польскими языковедами, допускающими, что язык носителей культуры боевых топоров, или шнуровой керамики, соответствовал балто-славянской языковой общности (т. е. более древней ступени развития этих языков), из которой только впоследствии выделились особые балтийский и славянский стволы [43]. Однако все лингвисты считают лексические заимствования, воспринятые прибалтийско-финскими и поволжскими финно-угорскими языками, по их происхождению раннебалтийскими.

Попытки точного сопоставления археологических культур с так называемыми языковыми общностями имеют вообще лишь в редких и самых простых случаях надежду на удачу. Ведь лишь в отдельных случаях известные родственные между собой языки, или диалекты, образовались в результате простого членения предшествующей им общности. Большей же частью их развитие шло сложными путями. Неясность и даже спорность вопроса о характере балто-славянской языковой общности свидетельствует о том, что связи между этими двумя языковыми группами весьма сложны и не могут быть объяснены простой сегментацией их общей основы.

Нам кажется, что совместные усилия языкознания, археологии и антропологии следует направлять не столько на простое сопоставление в большой мере абстрактных языковых общностей с археологическими культурами и антропологическими типами (как это нередко делалось до недавнего времени), сколько на выявление тех конкретных компонентов, которые участвовали в процессе формирования той или иной языковой, археологической или антропологической группы. Только после этого можно ставить вопрос о том, как соотносились эти группы между собой.

Самое серьезное препятствие, не позволяющее установить одним только археологическим путем этническую принадлежность рассмотренных выше культур боевых топоров, заключается в том, что на большей части их территории известно пока еще очень мало памятников следующего периода — эпохи развитой бронзы. Это относится в особенности к Белоруссии, а также к смежным областям, где недостаток археологических источников по бронзовому веку не позволяет последовательно проследить историческое развитие от неолита до раннего железа. Только в пределах вислонеманской группы, как полагает Л. Килиан, можно допустить преемственность культурного развития и непрерывность заселения в продолжение эпохи бронзы и далее в раннем железном веке. Но и на этой территории неизвестны пока поселения, просуществовавшие непрерывно в течение всей второй половины II тысячелетия и первой половины I тысячелетия до н. э.

Однако ввиду того, что бытовавшая в этом районе культура бронзового века, которую можно назвать западнобалтийской и которая характеризуется рядом своеобразных типов металлических и каменных предметов [44],

[43] Т. Лер-Сплавинский. Новая попытка освещения проблемы происхождения славян. ВЯ, 1955, № 1, стр. 154; T. Lerh-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946, стр. 135, 136.

[44] L. Kilian. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten, карты 12 и 13.

охватывала ту же территорию между приустьем Вислы и Нижней Даугавы (Западная Двина), что и предшествовавшая ей культура боевых топоров, этническая преемственность населения этого района является все-же весьма вероятной.

Культура западнобалтийских племен, обитавших между Вислой и Даугавой, развивалась в бронзовом веке, а также и в эпоху раннего железа в постоянном общении с соседними раннеславянскими культурами в Среднем Повисленье. Этими тесными и длительными связями, вероятно, объясняется наличие в древнепрусских диалектах относительно бóльшего количества славянских элементов, чем в литовских и латышских говорах [45]. Территория западнобалтийской культуры заходила своим северо-восточным краем, по-видимому, несколько севернее Нижней Даугавы [46]. Как известно, латышские говоры, распространенные в этом районе, относятся к средне-, а не к восточнолатышскому диалекту. Вероятно, основа этого явления была заложена уже в данный период, так как в более позднее время в этой части Латвии были преобладающими элементы латгальской (т. е. восточнолатышской) культуры.

В северной части Прибалтики, в Эстонии, а также в Финляндии памятники бронзового века также свидетельствуют о непрерывности заселения и развития культуры. Однако в материальной культуре этого периода балтийские элементы на юго-западе Финляндии, в Эстонии и Северной Латвии выступают значительно слабее и при заметном усилении скандинавского, северогерманского влияния [47].

На интересующей нас территории памятников раннего железного века (середины и второй половины последнего тысячелетия до нашей эры) известно больше, чем древностей эпохи бронзы, но изучены они недостаточно. В большей части Прибалтики, в Приднепровье и Волго-Окском междуречье этот период представлен главным образом укрепленными поселениями, или городищами. На западнобалтийской территории городищ известно немного, зато обнаружено большое количество погребальных памятников. Последние, в свою очередь, не известны на востоке Прибалтики и остальной, более восточной части рассматриваемой территории. Культура западных и восточных племен распадается также на целый ряд более ограниченных местных групп (рис. 4, *7—9*). Для Верхнего Поволжья и бассейна Средней Оки для этого времени характерны так называемые дьяковские городища с сетчатой керамикой, своеобразными глиняными грузиками и другим типичным инвентарем [48]. До сих пор дьяковские городища обычно приписывались финно-угорским племенам. На основании того, что славянское население застало балтийские элементы не только в Волго-Окском междуречье, но и, по-видимому, местами даже в верховьях Волги, следует заключить, что по крайней мере в южной и юго-западной частях области дьяковской культуры должны были обитать балты. Можно ли будет выделить среди дьяковских памятников отдельно балтийские и финно-угорские типы, сказать пока нельзя, ибо этот вопрос до сих пор не ставился археологами.

[45] E. Fraenkell. Die baltischen Sprachen. Heidelberg, 1950, стр. 26, 48. О лужицких (раннеславянских) элементах в материальной культуре древних пруссов и других балтийских племен см. J. Antoniewicz. Zagadnienie wczesnożelaznych osiedli obronych na wschód od dolnej Wisły i w dorzeczu rzeki Pregoły. Wiadomości Archeologiczne, т. XX. 4. Warszawa. 1954, стр. 327 сл.

[46] Погребения в Резнес, Сея и Калниеши. См. Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 66 сл.; Ed. Sturms. Die bronzezeitlichen Funde in Lettland. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII, 1930. Rigae, 1931, стр. 103 сл.; J. Puzinas. Naujausiu proistoriniu tyrenejimu duomenys. Kaunas, 1938, стр. 25 сл.

[47] C. F. Meinander. Die Bronzezeit in Finnland. SMYA, 54, Helsinki, 1954, стр. 196 сл.; Х. А. Моора. Ук. соч., стр. 75 сл.

[48] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 94 сл.; его же. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 2, стр. 75.

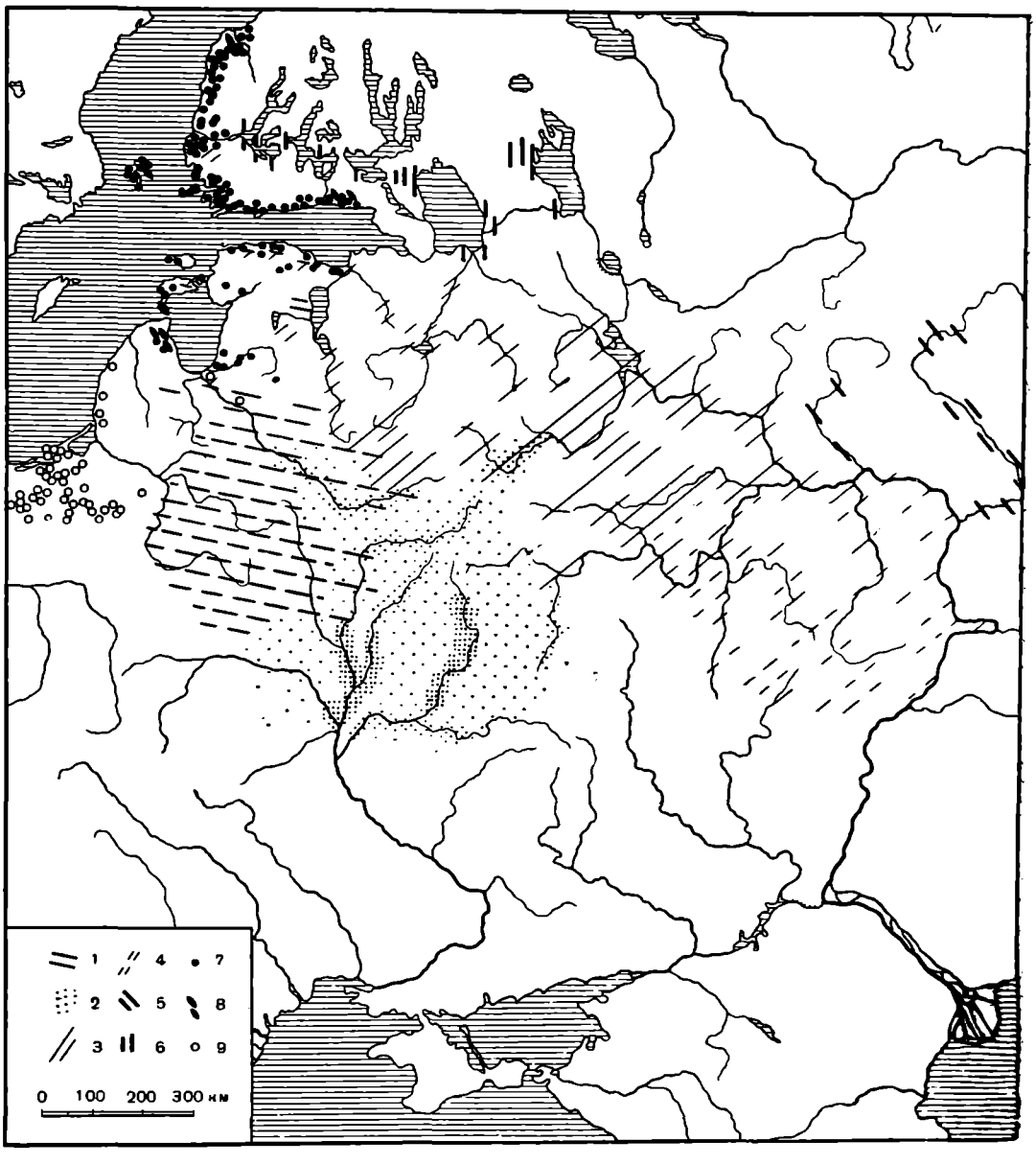


Рис. 4. Культуры раннего железного века (второй половины 1 тысячелетия до н. э.)

1 — городища со штрихованной керамикой; *2* — городища с гладкостенной керамикой; *3* — городища с текстильной керамикой (дьяковские); *4* — городища с рогожной керамикой (городецкие); *5* — ананьинская культура; *6* — поселения типа Томицы и Сарса (в Обонежье, Приладожье и Финляндии); *7* — каменные курганы в Прибалтике и Финляндии; *8* — каменные ладьевидные могильники, там же; *9* — курганные могильники у западнобалтийских племен

Относительно хорошо обрисовывается также другая группа городищ — городища со штрихованной керамикой в Восточной Литве и в смежной части Белоруссии (рис. 4, *1*) [49]. Эта группа принадлежала, как единогласно признают все исследователи, восточнолитовским племенам.

Между указанными двумя группами, по верхнему Днепру, Сожу и Десне были распространены городища с разными типами более или менее гладкостенной керамики, распадающиеся соответственно на несколько местных групп. Наиболее известны городища юхновского типа в правобережном Верхнем и Среднем Подесенье [50]. Для них типичны сосуды с

[49] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена..., стр. 92.; Р. Яблонските-Римантене. О древнейших культурных областях на территории Литвы. СЭ, 1955, № 3, стр. 4. По мнению Яблонските-Римантене, штрихованная керамика, бытовавшая на востоке Литвы со II тысячелетия до н. э. вплоть до IV века н. э., может служить одним из доказательств непрерывности культурного развития за этот период.

[50] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 86 сл.; М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67 сл.; В. П. Левенок. Городища юхновской культуры. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 49 сл.

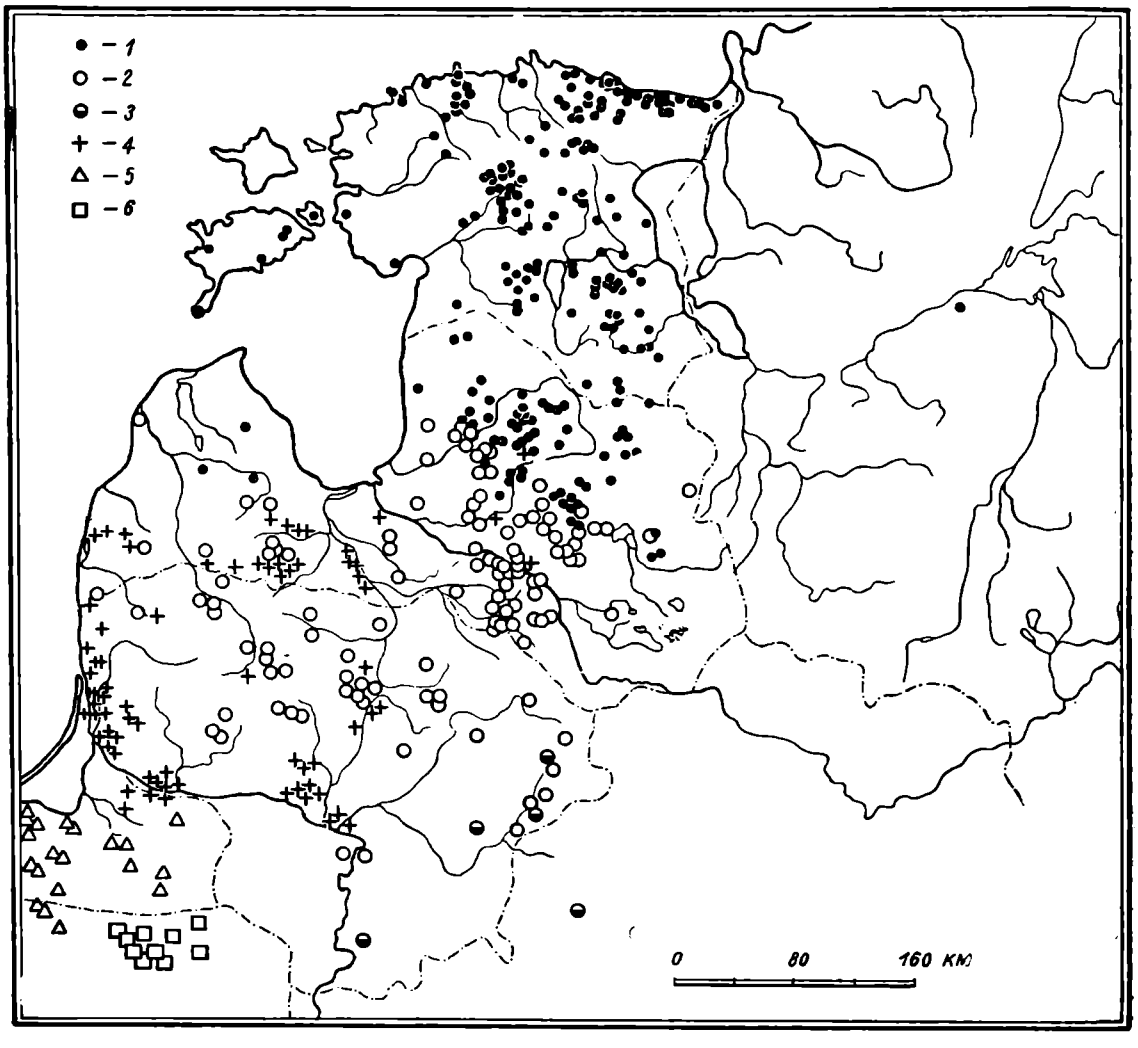


Рис. 5. Погребальные памятники первой половины I тысячелетия н. э. в Прибалтике

1 — каменные могильники эстонско-ливских племен; *2* — курганные могильники (с трупоположением) литовско-латышских племен; *3* — курганные могильники (с трупосожжением) восточно-литовских племен; *4* — грунтовые захоронения западных литовско-латышских племен; *5, 6* — погребения древнепрусских племен (самбиев-надравов и судавов-ятвягов)

широким горлом и узким дном, имеющие обычно ряд вдавленных ямочек по шейке; особенно характерны вдавления, выполненные концом положенной наискось палочки. Другую группу образуют городища милоградского типа в Среднем Приднепровье, к северу от устья Припяти, с сосудами шаровидной формы [51]. В третью группу следует, очевидно, выделить городища Смоленщины [52]. Посуда этой группы показывает общее сходство с юхновской, отличаясь, как и остальной инвентарь, лишь в деталях. Гладкостенная керамика была распространена также в Витебской части Подвинья. Наконец, следует еще упомянуть группу городищ, расположенную по Верхней Оке. Смешанный характер носила культура Южной Латгалии и верховьев р. Великой. Раскопки, произведенные в этом районе С. А. Таракановой, показали, что там сочетается штрихованная, гладкостенная и сетчатая керамика.

Все перечисленные городища являются, вероятно, памятниками многочисленного восточнобалтийского населения, среди которого выделяется целый ряд племенных групп. К югу от них, южнее Припяти, на Волыни и, очевидно, также на Киевщине, к этому времени сложился центр, откуда позднее шло расселение восточнославянских племен. Между культурой балтийских и славянских племен не прослеживается резкой границы ни на юге, ни на западе. Пока мы не знаем даже того, следует ли считать наи-

[51] О. Н. Мельниковская. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья. КСИА, вып. 7, стр. 46 сл.

[52] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 88 сл.

более южные из названных культурных групп (например, милоградскую) балтийской или славянской.

Материальная культура восточнобалтийских племен первой половины I тысячелетия н. э. представлена такими же укрепленными поселениями, как и в предыдущий период. Среди них выделяются, по-видимому, в общем те же местные группы. Погребения по существу все еще неизвестны.

Иначе обстоит дело на территории древних прусских и большинства литовских и латышских племен. Здесь известно много могильников с богатым инвентарем (рис. 5).

Благодаря обильному археологическому материалу, полученному при раскопках могильников (а за последнее время и городищ начала нашей эры), устанавливается территория всех основных древних прусских, литовских и латышских племен: самбиев, галиндов, судавов, ятвягов, куршей, жемайтов, аукштайтов, земгалов, латгалов и др. [53].

Несмотря на различия между отдельными племенами, памятники прусской группы в целом выделяются по общим, характерным только для этой группы особенностям (трупосожжение в урнах, особые типы керамики, фибул и т. д.), а могильники литовско-латышских племен в свою очередь по иным признакам (трупоположения в грунтовых или курганных могилах, особые типы булавок, шейных украшений и др.). Памятники юго-восточных районов Латвии (Южной Латгалии), восточной и южной полосы Литвы — всей территории, на которой в предшествующий период преобладала штрихованная керамика, примыкают к культуре восточнобалтийских племен. В этой полосе обнаружено мало могильников, относящихся к первой половине I тысячелетия, и основными памятниками являются городища. Могильники известны здесь только с IV—V вв. Важно заметить и то, что в этой зоне постепенно становится преобладающим трупосожжение, тогда как в большей части Литвы и в Латвии господствовало трупоположение.

Многие из характерных для восточнобалтийских племен типов орудий труда и предметов украшения, как, например, узкие проушные топоры, ножи с изогнутой спинкой или с изогнутым черенком, некоторые височные украшения и др., встречаются не только в указанной восточной полосе, но проникают и в более западные части Прибалтики, к латгалам и даже земгалам. Происхождение многих из этих типов оставалось до недавнего времени неясным. Материалы раскопок приднепровских и подеснинских городищ показали, что они характерны для большей части восточнобалтийских племен. В средних и западных районах Литвы и Латвии эти типы переплетаются с формами западнобалтийского происхождения. Однако инвентарь не только аукштайтских, но и латгальских памятников содержит в большей мере, по-видимому, восточные, чем западные элементы. Переходное положение между западной и восточной группами занимают также памятники судавов-ятвягов, которые принято относить в общем к прусской группе. Но они несколько отличаются от прусских. Характерные для судавов плоские каменные курганы чужды собственно прусским племенам; кроме того, в инвентарь этих курганов входят некоторые типичные для восточнобалтийской культуры предметы (узкий проушной топор, железные булавки с кольцевидной головкой и завитком) [54].

---

[53] Ф. Д. Гуревич. Древние памятники Юго-Восточной Прибалтики и задачи их изучения. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 18 сл.; П. И. Кушнер (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. Тр. Института этнографии, нов. серия, т. XV, 1951, стр. 120 сл.; C. Engel, W. La Baume. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg, 1937, стр. 140 сл.; Х. А. Моора. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 3 сл.; А. Таутавичюс. Восточная Литва в первом тысячелетии н. э. Автореферат диссертации. Вильнюс, 1954, стр. 7; см. также Р. Яблонските-Римантене. Ук. соч., стр. 5, рис. 2.

[54] J. Antoniewicz, M. Kaczyński i J. Okulicz. Sprawozdanie z badań w 1955 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejsc. Szwajcarija, pow. Suwalki. Wiadomości Archeologiczne, т. XXIII, Warszawa, 1956, стр. 308 сл.; C. Engel, W. La Baume. Ук. соч., стр. 148, 149.

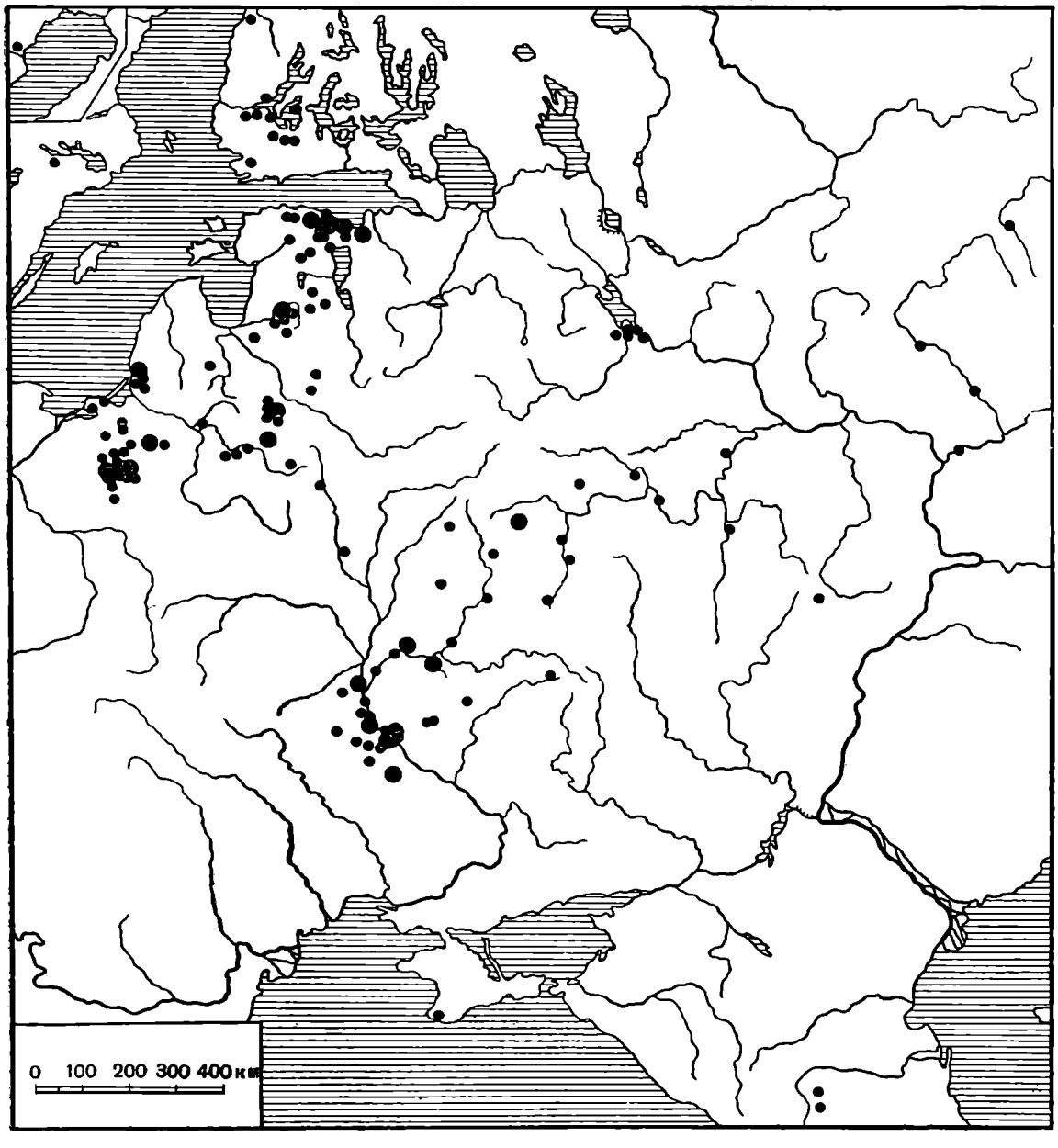


Рис. 6. Распространение предметов с выемчатой эмалью

Кружки меньшего размера соответствуют одному-двум предметам, кружки большего размера — большему количеству предметов

Из предметов, характерных по преимуществу для восточнобалтийских племен, назовем также бронзовые украшения с выемчатой цветной эмалью (рис. 6) [55]. Большинство исследователей придерживалось до сих пор мнения, что предметы с выемчатой эмалью, обнаруженные в наибольшем количестве на Киевщине, имеют среднеднепровское происхождение. Предметы с эмалью приписывались прежде, как известно, готам. Позже их стали считать восточнославянскими. Автор настоящей статьи попытался в соответствующем небольшом исследовании показать, что эта группа украшений раньше всего, примерно на рубеже I и II вв., появилась в Мазурии, т. е. на территории древних галиндских и судаво-ятвяжских племен, откуда они затем, очевидно, распространились в Приднепровье и другие места Восточной Европы [56]. Если учитывать упомянутые выше

[55] Публикуемая карта была составлена уже около 20 лет тому назад; позже она несколько дополнена на основании доступных автору литературных данных. Подробнее о предметах с выемчатой эмалью см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 49 сл.

[56] H. Moora. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmuckes. SMYA, XL, Helsinki, 1934, стр. 75 сл.

связи судавов-ятвягов с восточнобалтийскими племенами, распространение предметов с эмалью оттуда представляется вполне возможным. Позже возник ряд центров, в которых изготовлялись разные местные типы этих украшений. Прежде мы не решались связывать предметы, украшенные эмалью, с определенной этнической группой. Теперь же, опираясь на вышеизложенное, мы можем отнести их в основном к восточнобалтийским племенам, от которых они и проникли к соседним, финским и, по-видимому, также к некоторым славянским племенам. Распространение эмали наглядно отмечает все те территории, население которых состояло с древних времен в этнических или культурных связях с восточнобалтийскими племенами. Характерно, что на территории собственно прусских племен и в западных частях Литвы, Латвии и Эстонии, а также на юго-западе Финляндии предметов с эмалью обнаружено мало.

В середине и второй половине I тысячелетия в исторической жизни населения Восточной Европы происходят большие перемены, коренным образом изменяющие облик этнической карты этой территории. В бóльшую часть очерченной выше восточнобалтийской области непрерывными волнами притекает восточнославянское население, проникшее и далее на север и восток, в пределы финно-угорских земель.

Продвижение славян проходило в обстановке такого же глубокого социально-экономического перелома, каким был когда-то период расселения племен культуры боевых топоров. Это было время распада первобытно-общинного строя и зарождения новых общественных отношений. Развивалось и распространялось пашенное земледелие, свидетельством чего являются обнаруженные в Старой Ладоге железные наральники и сошник днепровского типа [57]. Совершенствовалось также подсечно-огневое земледелие. По мнению Д. К. Зеленина, успеху восточнославянских племен в освоении лесной полосы существенным образом содействовало развитие у них именно подсечного земледелия. Как недавно показал финский исследователь К. Вилкуна [58], восточные славяне развили такие способы подсечно-огневого земледелия, которые позволили им расчищать под посевы участки, поросшие даже самым девственным лесом, и получать с них большие урожаи. С ростом производства росло соответственно и население. В этот период отмечается также резкое углубление имущественного расслоения общества, выделение знати и сложение общественной организации типа военной демократии. Учащались организуемые верхушкой имущей знати военные походы, приносившие ей и ее дружинникам новые богатства, в том числе и рабов, и расширявшие частные земельные владения.

Такова в этот период обстановка, которую рисуют нам как данные археологии, так и древнейшие письменные источники. По-видимому, большой разницы в уровне социально-экономического развития между балтийскими и славянскими племенами не было. Но в некоторых отношениях славяне, шедшие с юга, опередили своих северных соседей, что давало славянским поселенцам известный перевес над местным коренным населением, в результате чего последнее и было ими постепенно поглощено.

Славянская колонизация происходила весьма быстро, можно даже сказать бурно, нередко, по-видимому, скачкообразно. Порой отдельные группы далеко уходили вперед, отрываясь от основной массы славянских племен. Славянское население появляется почти одновременно на Западной Двине, Верхней Волге, на Псковщине и в Приильменье. Местами среди славянского населения оставались значительные острова прежнего

[57] В. И. Довженок. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР. Сборник I. М., 1952, стр. 136, 137; С. Н. Орлов. К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 142 сл.

[58] В статье, посвященной первобытным способам земледелия в Финляндии и опубликованной в серии «Nordisk kultur». Under redaktion av J. Brøndum-Nielsen. 13. Landbruk och bebyggelse (Stockholm, 1956).

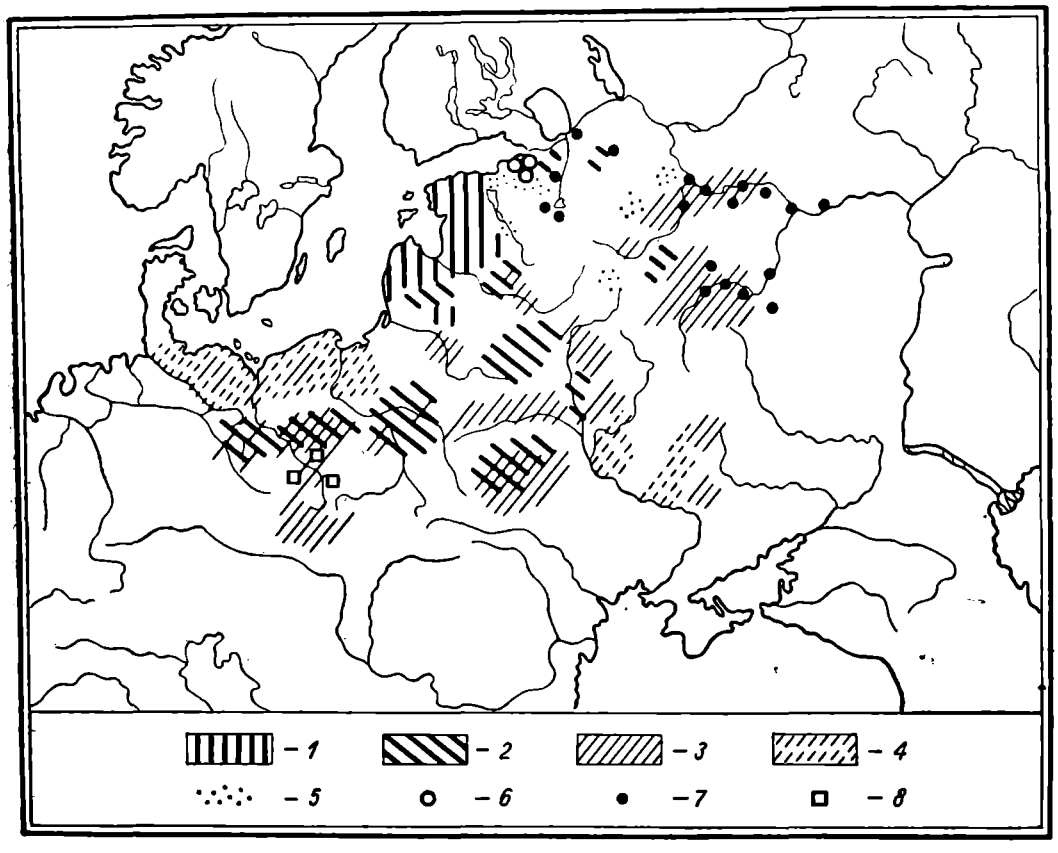


Рис. 7. Распространение антропологических типов в конце I и начале II тысячелетия н. э. в Средней и Восточной Европе (по Т. А. Трофимовой, В. В. Седову и К. Ю. Марк)

1 — долихокранный высоколицый тип; *2* — долихокранный (или мезодолихокранный) широколицый; *3* — долихокранный узколицый; *4* — мезодолихокранный узколицый; *5* — мезокранный узколицый; *6* — мезокранный широколицый; *7* — урало-лапоноидный; *8* — силезский тип

коренного населения. Не может быть сомнения в том, что, помимо летописной голяди, продолжали некоторое время существовать и другие подобные изолированные остатки балтийских племен. Это подтверждается также тем, что среди воспринятой русским населением древней балтийской гидронимики имеются некоторые названия, которые предполагают более поздние формы соответствующих балтийских слов, чем большинство остальных [59].

Памятниками наступающих восточнославянских племен являются курганы (в частности, длинные), поселения и городища. Среди предметов славянского типа встречаются (вплоть до конца I тысячелетия) и вещи балтийского характера. Из этого можно сделать вывод, что балтийское население постепенно влилось в славянское, а не было вытеснено последним, как считал, например, К. Буга, пытаясь этим обосновать свой тезис о предполагаемом переселении предков балтийских народов из Приднепровья в Прибалтику. Наличие в диалектах, духовной и материальной культуре современного населения бывшей восточнобалтийской территории явного балтийского субстрата также свидетельствует о том, что прежние обитатели этой области растворились среди славянских племен.

Ход расселения славян и их смешения с коренным населением средней части Восточной Европы в некоторой степени освещается также данными палеоантропологии, хотя в соответствующих материалах имеются еще значительные пробелы. Карта (рис. 7) показывает распространение антропологических типов на славянских и соседних территориях в конце I и начале II тысячелетия н. э. [60].

---

[59] M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, II, стр. 364.

[60] Карта составлена К. Ю. Марк на основании данных Т. А. Трофимовой и В. В. Седова. В части Прибалтики К. Ю. Марк дополнила ее на основании своих ма-

На западнославянской территории, как и среди восточнославянского населения Приднепровья, бытовали два основных антропологических типа: долихокранный (или мезодолихокранный) широколицый (рис. 7, *2*) и долихокраный (или мезодолихокранный) узколицый (рис. 7, *3, 4*). Широколицый тип антропологи связывают генетически с протоевропейским типом, распространенным в степной полосе, в Приднепровье, в Волго-Окском междуречье и в Прибалтике в эпоху неолита и ранней бронзы (ср. рис. 3). Узколицый тип появляется на этой территории, очевидно, позже и может быть связан с расселением восточных славян. Он является господствующим среди славянских племен Среднего Приднепровья (полян и северян) и приобретает большой удельный вес в особенности у племен левобережной части Верхнего Приднепровья (среди радимичей). Он был характерен также для славян, обитавших на Верхней Оке (вятичи). Среди славянских племен правобережной части Приднепровья (древлян, дреговичей), а также у кривичей наряду с узколицым занимал большое место широколицый тип. Широколицый тип прослеживается далее и в соседних областях, не затронутых славянской колонизацией, в Средней Литве и Латгалии. В Эстонии и Латвии бытовал местный долихокранный высоколицый тип (рис. 7, *1*), генетически связанный с локальным высоколицым вариантом протоевропейского типа периода культуры боевых топоров. В Верхнем Приднепровье В. В. Седову удалось проследить процесс постепенного наступления узколицего типа [61]. В районах, в которых когда-то бытовала штрихованная керамика и в которых, по-видимому, дольше удерживались балтийские элементы, в XI—XIII вв. был распространен по преимуществу широколицый тип, между тем как южнее и восточнее уже стали преобладающими узколицые формы.

Таким образом, на территории, где прежде обитали балтийские племена, потомки населения культуры боевых топоров, мы имеем дело, в основном, с указанными широколицыми и узколицыми типами. Иную картину представляет антропологический состав населения полосы, лежащей за пределами области балтийских племен; в этой полосе славяне застали потомков носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики. На северо-восточной окраине территории расселения славян (у вятичей и части кривичей) долихокранный узколицый тип проник в области распространения урало-лапоноидных типов (рис. 7, *7*). В этой полосе наблюдается возникновение смешанных форм. То же самое относится к Приильменью, где в результате смешения славян с местным населением сложился характерный для словен мезокранный узколицый тип (рис. 7, *5*).

Важно заметить, что ни в Приднепровье, ни в Прибалтике палеоантропологические материалы не дают оснований полагать, что в этих областях в период между распространением культур боевых топоров и распространением славян имело место какое-либо существенное изменение состава населения. Если бы предки балтийских племен проникли на эту территорию после распространения культур боевых топоров, то столь значительный приток нового населения должен был бы оставить четкие следы и в палеоантропологическом материале.

Итак, территория современного литовского и латышского народов представляет собой лишь часть, остаток некогда обширной области расселения многочисленных балтийских племен. Небезынтересно попытаться сопоставить данные о современных диалектах литовского и латышского языков (рис. 8) с данными археологии о древних балтийских племенах и их взаимоотношениях между собой.

Даже общее ознакомление с современными диалектами балтийских

териалов. См. Т. А. Трофимова. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. СЭ, 1946, № 1, стр. 91 сл.; е е ж е. Краниологические данные к этногенезу западных славян. СЭ, 1948, № 2, стр. 39 сл.; В. В. Седов. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья. СЭ, 1954, № 4, стр. 12 сл.

[61] В. В. Седов. Ук. соч.

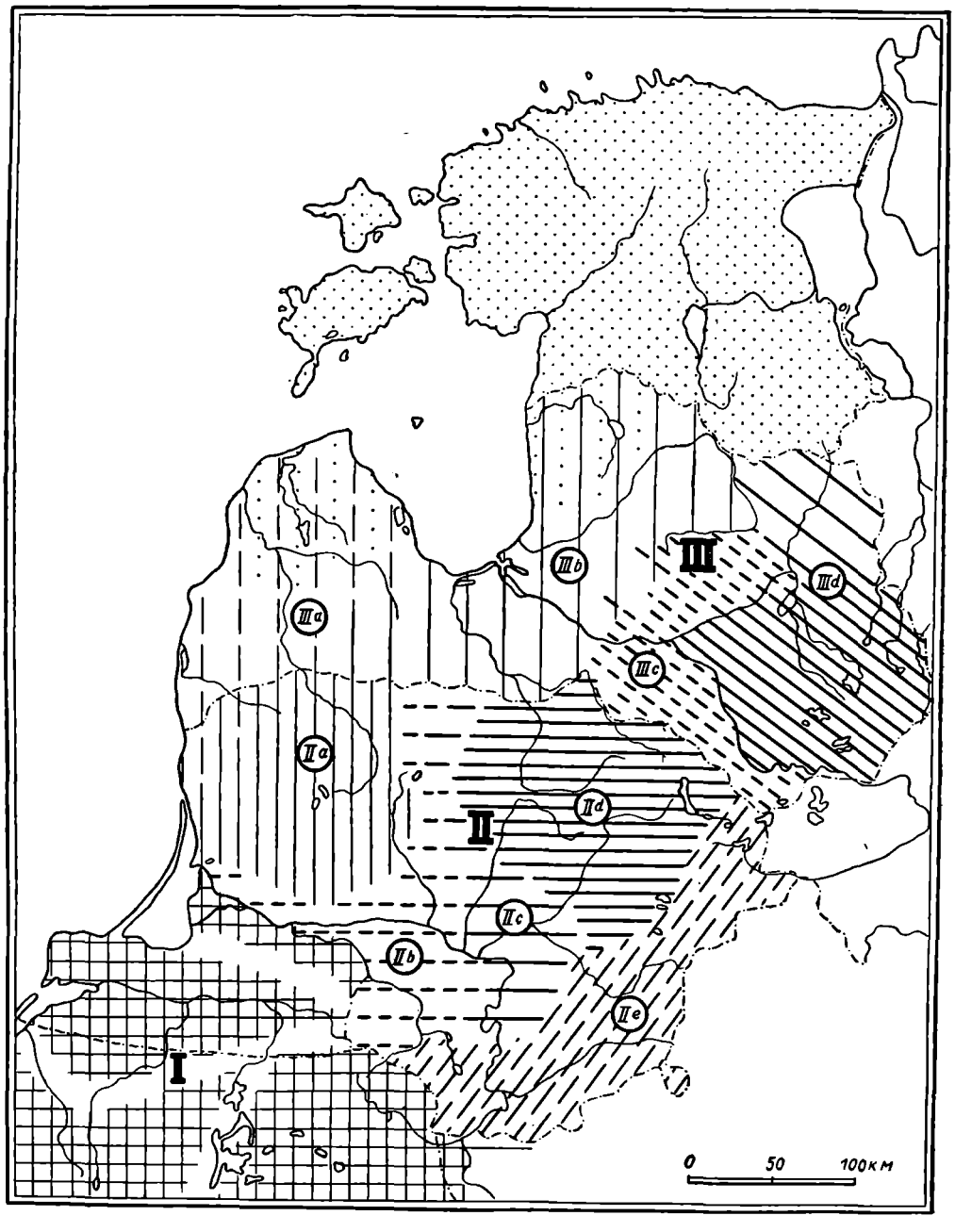


Рис. 8. Диалекты балтийских языков

I — древние прусские диалекты; II — литовские диалекты (*a* — жемайтский, *b* — западноаукштайтский, *c* — среднеаукштайтский, *d* — восточноаукштайтский, *e* — дзукский диалект); III — латышские диалекты (*a* — куршские, *b* — средние говоры нижнелатышского диалекта, *c* — сельские, *d* — восточные говоры верхнелатышского диалекта («глубокие» на юге и «неглубокие» говоры на севере)

языков показывает, что литовско-латышские говоры занимали точно такое же промежуточное положение между исчезнувшими западными, прусскими, и восточнобалтийскими языками, как и материальная культура литовско-латышских племен. Распространение литовских и латышских диалектов (рис. 8) [62] соответствует в целом древним племенным территориям, прослеживаемым по местным особенностям археологических памятников бронзового и железного веков (рис. 4, 5 и 8). Как среди литовских, так и среди латышских диалектов выделяются западная и восточная группа: в Литве соответственно жемайтский и аукштайтский диалекты, а в Лат-

[62] За данные для составления настоящей карты и консультации по вопросам взаимоотношений между латышскими и литовскими диалектами автор выражает благодарность доценту Латвийского гос. университета кандидату филологических наук М. Рудзите, старшему преподавателю того же университета М. Т. Семеновой и заместителю директора Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР, кандидату филологических наук И. Круопасу.

вии — нижне-, или среднелатышский, и верхнелатышский диалекты. В жемайтский диалект литовского языка (рис. 8, II,a) вошла часть прибрежных куршских говоров, другая часть которых образовала юго-западную, куршскую, группу говоров нижнелатышского диалекта. Куршские говоры, относящиеся к латышско-литовской группе, несколько сближались по своей лексике с прусскими диалектами и занимали до некоторой степени переходное положение между древними западно- и среднебалтийскими диалектами [63]. Западно- и среднеаукштайтские говоры (рис. 8, II b, c) образуют переходную полосу между жемайтским и аукштайтским диалектами, а так называемые дзукские говоры, распространенные в восточной и юго-восточной Литве (рис. 8, II, e), показывают как в своей фонетике, так и в лексике немало общего с белорусским языком, что, несомненно, следует объяснить наличем в белорусском языке восточнобалтийского субстрата.

В основу нижне- или среднелатышского диалекта легли главным образом древние земгальские (рис. 8, III b), а в западной части также куршские говоры (рис. 8, III, a). Земгальские говоры имеют некоторые общие черты с говорами населения Жемайтии. Предки земгалов проникли, как упоминалось выше, вероятно, уже в эпоху бронзы в районы к северу от Нижней Даугавы. Надо полагать, что и позже, в особенности в период колонизации прежней ливо-эстонской полосы на севере Латвии латышскими племенами в середине I тысячелетия н. э., земгалы продолжали продвигаться на север. В северной части области нижнелатышского диалекта, где относительно недавно еще жили ливы, наблюдаются значительные следы ливского субстрата. Говоры восточных латышей, образующие верхнелатышский диалект (рис. 8, III, c, d), отличаются как по своей фонетике, так и по словарному составу от нижнелатышского диалекта. В основе их лежат говоры древних латгалов и близко родственных им селов. Наиболее своеобразны говоры населения Латгалии, показывающие ряд общих древних черт как с восточнолитовскими, так и с белорусскими диалектами [64].

Следы тех же основных племенных группировок и тех же культурных взаимосвязей сохранились также в этнографическом материале и фольклоре балтийских народов. Большинство элементов этнографического материала имеет сравнительно поздний возраст. Тем не менее области распространения основных типов этнографического материала совпадают с территориями древних племен, а также диалектов. Это свидетельствует об исключительной устойчивости культурных традиций, переживших в некоторых случаях даже полное изменение этнического состава населения.

Рассматривая Прибалтику как более или менее единую культурно-историческую область, советские этнографы выделяют в ее пределах три подобласти, из которых две, юго-восточная и юго-западная, охватывают территорию балтийских народов, Литву и Латвию, а третья, северная,— Эстонию. Каждая из этих трех подобластей распадается в свою очередь на более ограниченные местные группы [65].

На основании материалов, собранных Прибалтийской объединенной комплексной экспедицией и ранее накопленных данных Л. Н. Терентьевой, была составлена карта, показывающая ареалы названных трех подобластей на примере распространения основных типов жилых построек. Выявлено, что ареал распространения юго-восточного типа жилых домов (избы с духовой печью) в общем покрывается территорией восточных литовских и латышских диалектов и древних археологических культур; распространение же юго-западного типа жилья соответствует западным диалектам и древним культурным группам. Между обеими областями расположена

[63] E. Fraenkel. Ук. соч., стр. 60.

[64] По сообщению преподавателя Латвийского гос. университета М. Т. Семеновой

[65] М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, 1955, № 4, стр. 13, 14.

переходная зона, в которой встречаются и тот и другой тип и некоторые смешанные формы. В Северной Латвии, где в древности наряду с балтийскими обитали и ливо-эстонские племена, встречаются чересполосно соответствующие формы жилых построек. Распространение разных местных типов других элементов материальной культуры — одежды [66], орудий труда, средств передвижения и транспорта, пищи [67] и т. д.— в общих чертах совпадает с ареалами названных разновидностей жилья, что и позволяет говорить о соответствующих культурных подобластях и их подразделениях. Высказанное Н. Н. Чебоксаровым, С. А. Тараканової, Л. Н. Терентьевой предположение, что выделяющиеся в Прибалтике культурные подобласти восходят к древним этническим группам [68], находит себе, таким образом, подтверждение в данных археологии и диалектологии.

Тип избы с духовой печью возник у русских и белорусов намного позже расселения славян на восточнобалтийской территории. Тем не менее в силу древних общих бытовых традиций он распространился почти в той же форме и в восточной части Литвы и Латвии и проник даже на юго-восток Эстонии, где в древности в материальной культуре также прослеживается наличие восточнобалтийских элементов. В силу таких же общих условий и традиций развившаяся в Эстонии жилая рига распространилась и на севере Латвии. Этим же следует объяснить проникновение на восток, в среду белорусского и русского населения, даже таких относительно поздних балтийских элементов материальной культуры, как, например, польско-литовский комплекс женской одежды с лифом и продольнополосатой юбкой (андараком) [69]. В качестве примера более древнего общего для балтийских народов и обитавшего на прежней восточнобалтийской территории славянского населения элемента одежды назовем полотенцеобразную головную повязку — белорусскую «намитку», литовскую «нуометас», латышскую «наматс» [70].

В настоящей статье мы попытались сопоставить некоторые положения, выдвинутые языковедами уже полвека назад, относительно древней территории балтийских племен с материалами и данными, которыми располагают разные отрасли науки в наши дни. Несмотря на недостаточность и отрывочность всех этих данных, подводя итоги, можно определенно сказать, что балтийские племена занимали в пределах Восточной Европы до расселения славян гораздо бóльшую область, чем до сих пор полагали многие исследователи. Выводы же, сделанные нами о происхождении, времени появления и развития балтийских элементов на всей этой обширной территории, остаются пока, несомненно, более или менее гипотетическими. Бóльшую ясность в эти сложные вопросы должны внести будущие осуществляемые комплексными методами исследования.

Цель настоящей статьи будет достигнута, если она в какой-то мере будет способствовать постановке некоторых общих задач и вопросов и их разрешению в дальнейшем совместными усилиями представителей археологии и других смежных дисциплин.

---

[66] См. М. К. Слава. Латышская женская одежда и ее орнаментация (XVIII—XX вв.). Автореферат диссертации. М., 1955, стр. 9—11.

[67] См. В. К. Милюс. Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX—XX вв. Автореферат диссертации. М., 1954, стр. 14.

[68] Н. Н. Чебоксаров, С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева. Основные проблемы этнической истории народов Прибалтики в связи с работами Прибалтийской экспедиции. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 г., стр. 15.

[69] Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова. Русская крестьянская одежда XIX—начала XX века как материал к этнической истории народа. СЭ, 1956, № 4, стр. 22.

[70] Там же, стр. 24; М. К. Слава. Ук. соч., стр. 10.

А. А. ИЕРУСАЛИМСКАЯ

О ПРЕДКАВКАЗСКОМ ВАРИАНТЕ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

На протяжении последних десятилетий сведения о степных культурах эпохи бронзы юга СССР существенно пополнились. Однако ранние этапы эпохи бронзы, и в частности катакомбная культура, изучены еще недостаточно. До сих пор неясны многие из основных вопросов, связанных с этой последней. Недавно опубликованные работы Т. Б. Поповой [1] имеют слишком общий характер для того, чтобы дать обоснованное решение наиболее важных проблем истории племен катакомбной культуры.

Для выяснения этих проблем в настоящее время необходимы исчерпывающие исследования отдельных локальных вариантов данной культуры. Этот путь, как наиболее продуктивный, был предложен впервые Г. В. Подгаецким, выделившим четыре таких варианта и исследовавшим один из них («среднедонской») [2]. Среди намеченных им вариантов упоминается и так называемый предкавказский. Позднее мысль о существовании в предкавказских степях особого варианта катакомбной культуры была высказана также М. И. Артамоновым [3]. Под тем же наименованием и в том же понимании эти памятники вошли в статью А. А. Иессена [4]. Вслед за этими авторами Т. Б. Попова в своих работах также выделяет «волго-манычский» вариант [5]. Однако в специальной литературе до последнего времени наблюдается смешение южных памятников предкавказского варианта катакомбной культуры с памятниками «среднекубанской» или «северокавказской» культуры (А. Тальгрен [6], Ф. Ганчар [7], А. В. Шмидт [8] и др.).

В других случаях авторы, справедливо относя погребения предкавказского варианта (главным образом более северные из них) к памятникам катакомбной культуры, не выявляют их отличия от погребений других вариантов этой культуры [9]. Из особенностей же этого варианта, которые отмечает Т. Б. Попова, далеко не все являются решающими, в то

---

[1] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24, 1955; ее же. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXII, 1955, стр. 21—60.

[2] Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону. Архив ИИМК, ф. 47, д. 23.

[3] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 336.

[4] А. А. Иессен. К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, 1950, стр. 167 сл.

[5] Во избежание путаницы в терминологии мы сохраняем старое наименование.

[6] A. M. Tallgren. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit. ESA, VI, 1931, стр. 145.

[7] F. Hančar. Urgeschichte Kaukasiens. Wien, 1937.

[8] A. Schmidt. Die Kurgane der Staniča Konstantinowskaja. ESA, IV, 1929, стр. 9. Это заблуждение повторяется и в работах более позднего времени. См. В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. II, 1947, стр. 35; Т. Б. Попова. Этапы развития... стр. 56—58.

[9] F. Hančar. Kreuzformige Räucherschalen aus dem Tale des Manyč. SMJ XLV, 1945, стр. 69; A. M. Tallgren. Études sur le Caucase du Nord, ESA, IV, 1929, стр. 22.

время как основные своеобразные черты предкавказских памятников остаются нераспознанными. К тому же указанные материалы обычно не увязаны с более южными погребениями степного Предкавказья.

В настоящей статье все эти исследованные в отрыве одни от других памятники рассматриваются как проявление единого местного варианта катакомбной культуры. Задачей автора являлось, исходя из характерных особенностей погребений данного варианта, проследить границы преимущественного расселения предкавказских племен в разные периоды эпохи бронзы и поставить вопрос об их взаимоотношениях с племенами соседних культур.

* * *

Наиболее важными в истории изучения предкавказских степей явились работы в двух районах: 1) на строительстве Манычского канала, в особенности близ хуторов Спорного и Весёлого (1933—1935 гг. и 1937 г.) [10], 2) в Калмыкии, главным образом в районе г. Степного (сейчас г. Элиста) (урочища «Три брата», «Бичкин-Булук», «Цаган-Эльсин»), а также близ Яшкуля, Улан-Эрге и др. (1929, 1931—1936, 1937 гг.) [11].

Значительные результаты дали, кроме того, раскопки, проводившиеся по периферии собственно Предкавказья: 1) близ г. Моздока (раскопки Б. Б. Пиотровского, 1936 г.) [12], 2) в степных районах Грозненской области — Божиган, Ачикулак (1946—1948, 1952, 1955 гг.) [13], 3) на Нижнем Дону — у хут. Солёного и городища Саркел, против ст. Цимлянской (1951 г.) [14].

Описанный материал лег в основу данной работы и благодаря ряду стратиграфических наблюдений помог сделать некоторые выводы относительно хронологического членения памятников степного Предкавказья. Были использованы также данные об отдельных погребениях предкавказского типа, раскопанных в разное время: на Нижнем Дону — В. Г. Тизенгаузеном, Н. Е. Бранденбургом и др., в степном Прикубанье и Ставрополье — Н. И. Веселовским, А. С. Уваровым, С. А. Соловьевым, В. Я. Апухтиным, М. Г. Коссовичем, а позднее — Н. М. Егоровым и Т. М. Минаевой.

Автором учтены, кроме того, погребения предкавказского типа в Нижнем Поволжье (в районе Сталинграда и на р. Иловле) [15], а также рас-

[10] М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. ИГАИМК вып. 109, 1935, стр. 201—212; его же. Раскопки курганов в долине р. Маныча. СА, IV, 1937, стр. 93—132; его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 году. СА, XI, 1949, стр. 305 сл.; сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг.». М.— Л., 1941, стр. 201—204. Архив ИИМК, ф. 2, дд. №№ 1933/116, 1934/192, 1935/131, 1937/223.

[11] П. С. Рыков. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. ИСНИК, т. IV, 1931, стр. 49—79; его же. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты. ИСНИК, т. VII, 1936, стр. 57—71; его же. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, I, 1936, стр. 115 сл.; И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр 143—160. Архив ИИМК, дд. №№ 1929/189, 1931/845, 1932/128, 1935/107, 1937/281.

[12] Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг.», стр. 242—246.

[13] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской обл. в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 67; его же. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 11; его же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской обл. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 85;его же. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95; его же. Первые итоги изучения восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952—1953 гг.), СА, 1957, № 2, стр. 154—173.

[14] А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 61—79. В 1950 г. один курган с погребениями катакомбной культуры был исследован А. Д. Столяром.

[15] Ф. И. Чернов. Раскопка курганов в г. Царицыне. ТСУАК, вып. 24, Саратов 1908, стр. 41 сл.; Б. В. Зайковский. К докладам И. П. Горизонтова и Ф. И. Чернова. ТСУАК, вып. 24, стр. 18 сл.; Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М., 1923; П. С. Рыков. Археологические разведки и раскопки в Нижневолжском крае, произведенные в 1928 г. ИСНИК, т. III, Саратов, 1929, стр. 129; Т. М. Минаева. Кур-

копки Сталинградской экспедиции (1952—1955 гг.) [16], открывшие отдельные элементы предкавказской катакомбной культуры и значительно севернее — на левом берегу Волги, в Саратовской области.

К этому следует добавить многочисленные случайные находки, хранящиеся в музеях Саратова, Краснодара, Пятигорска, Ставрополя, Грозного, а также в Гос. Эрмитаже и Гос. Историческом музее.

Таким образом, несмотря на недостаточную еще изученность предкавказских степей, удалось зафиксировать свыше 200 погребений предкавказского варианта катакомбной культуры.

Характерные черты предкавказского варианта катакомбной культуры

Основные черты погребального обряда степных предкавказских племен не оставляют сомнений в принадлежности их к общему кругу племен катакомбной культуры. Однако часто они имеют здесь своеобразную окраску. Не имея возможности останавливаться в рамках настоящей статьи на всех особенностях погребального обряда предкавказских племен, следует все же указать, например, на широкое использование камня не только в конструкции могил, но и для выкладок по дну могил, в насыпи курганов или рядом с ними [17]. Особый интерес представляет большое развитие культа огня, о котором свидетельствует, в частности, присутствие в насыпях следов кострищ и прослоек обожженной земли и глины, иногда достигающих мощности 2 *м*. С этим же культом связано, вероятно, большое распространение жаровен-курильниц. Крайне своеобразен обычай устраивать в курганах специальные жертвенные места [18], а также наличие символических захоронений, т. е. могил без погребенного, но обычно с инвентарем [19]. Последний в большинстве случаев стандартен и имеет производственный характер, что заставляет предположить возможность существования особого ритуала для погребения определенной категории членов рода (специализировавшихся на каком-либо ремесле?).

Предкавказские племена отличает, кроме того, большее, чем у других племен этой эпохи, распространение обычая искусственной деформации головы.

Инвентарь предкавказских погребений, так же как и погребальный обряд, заставляет отнести оставившее его население к племенам катакомбной культуры. Керамика предкавказских погребений технологически единообразна и сходна с посудой других вариантов катакомбной культуры. Вместе с тем предкавказская керамика имеет и некоторые своеобразные черты, связанные как с конкретными особенностями местной этнической среды, так и в значительной степени с влиянием северокавказской культуры. Следует отметить, например: 1) обилие тонкостенных мисок и кувшинов с поверхностями, затертыми до полного исчезновения следов характерного для сосудов катакомбных племен гребенчатого заглаживания, 2) значительное распространение лощения, 3) уступ по линии соединения отдельно вылепленных верхней и нижней частей сосуда — результат

ган близ с. Нижней Грязнухи на р. Иловле. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 163 слл.; архив ИИМК, дд. №№ 1929/187, 1930/159, 1934/187—189. Из неопубликованных материалов можно отметить раскопки В. П. Шилова в районе г. Ленинска на р. Ахтубе в 1956 г.

[16] И. В. Синицын. Археологические работы в районе строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 77; его же. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 77—94; К. Ф. Смирнов. Работа первого Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954 стр. 64; В. П. Шилов. Раскопки Калиновского курганного могильника. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 118.

[17] В уроч. «Три брата» выкладка достигала длины свыше 150 *м*. См. П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата»..., стр. 115—116; И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи..., стр. 158 слл.

[18] Уроч. «Три брата», кург. 9; хут. Спорный, кург. II; Моздок, кург. 10 и мн. др.

[19] Среди собственно предкавказских памятников нами учтено 14 таких «кенотафов» (Нижний Дон, Калмыкия, Прикубанье, Моздок).

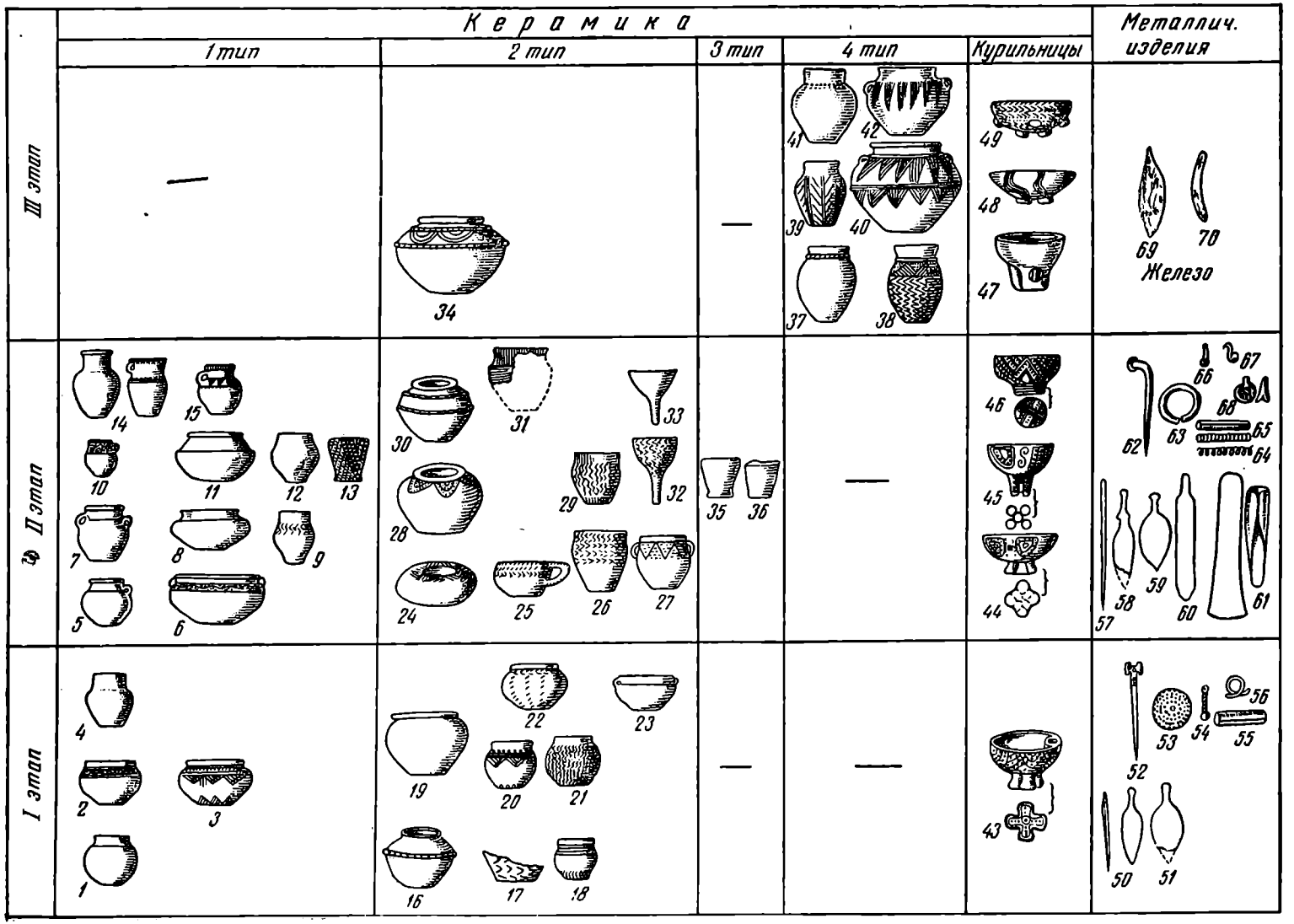


Рис. 1. Типы керамики и металлических изделий предкавказского варианта катакомбной культуры по этапам

1 — урочище «Три брата», к. 6, п. 1; *2* — там же, к. 4, п. 6; *3* — там же, к. 4, п. 10; *4* — Маныч, 1934 г., разрушен. кург.; *5* — г. Степной, 1931, к. 4, п. 3; *6* — «Три брата», к. 27, п. 4; *7* — г. Степной, к. 6, п. 4; *8* — «Три брата», к. 25, насыпь; *9* — «Три брата», к. 1, п. 2; *10* — г. Моздок, к. 10, п. 8; *11* — Ачикулак, 1952 г., разрушен. кург.; *12* — х. Спорный, к. II, п. 45; *13* — «Три брата», к. 21, п. 3; *14* — «Три брата», к. 9, жертв. место; *15* — Улан-Эрге, 1929г., п. 7; *16* — х. Весёлый, к. 3, п. 9; *17* — х. Спорный, к. II, п. 48; *18* — х. Солёный, к. Сол.-3 п. 3; *19* — «Три брата», к. 26, п. 3; *20* — «Три брата», к. 17, п. 1; *21* — кол. Николаевская, 1924 г. (Пятигорск. музей); 22 — х. Спорный, к. III, п. 30; *23* — х. Весёлый, к. 3, п. 10; *24* — Маныч, к. Шахай (впускн. погр.); *25* — «Три брата», к. 2, п. 4; *26* — ст. Каневская, 1900 г., к. 3, п. 11; *27* — «Три брата», к. 27, п. 4; *28* — Божиган, подъемн. матер.; *29* — Саркел, к. 50/18, п. 6; *30* — ст. Кубанская, к. 6; *31* — г. Армавир, к. 1, п. 4; *32* — х. Солёный к. Сол.-1, п. 6; *33* — х. Спорный, к. II, п. 49; *34* — ст. Ладожская, 1902 г., к. 26; *35* — «Три брата», к. 22, п. 1; *36* — «Три брата», к. 25, п. 3; *37* — г. Армавир, 1903 г., к. 2, п. 4; *38* — с. Ивановка, 1929 г., к. 2; *39* — ст. Попутная, 1950 г., разрушен. кург. (Краснодарск. музей); *40* — ст. Усть-Лабинская, 1903 г., к. 1, п. 2; *41* — г. Армавир, 1903 г., к. 1, п. 2; *42* — ст. Келермесская, 1904 г., к. 1 п. 1 (или 2?); *43* — х. Спорный, к. III, п. 29; *44* — г. Моздок, к. 10, п. 14; *45* — г. Армавир, 1902 г., к. 4. п. 3; *46* — «Три брата», к. 9, п. 8; *47* — г. Армавир, 1903 г., к. 1, п. 2; *48* — Хатажукаевский аул, 1905 г., 1, к, п. 2; *49* — г. Ессентуки, 1908 г. (Пятигорск, музей); *50* — ст. Белореченская, 1907 г., к. 7; *51* — «Три брата», к. 33, п. 3; *52* — с. Благодарное (Ставропольск. музей); *53* — ст. Ново-Джерелиевская, 1911 г., к. 1, п. 3; *54* — х. Весёлый, к. 3, п. 10; *55* — Ульский аул, к. 5, п. 5; *56* — х. Весёлый, к. 1, п. 6; *57* — «Три брата», к. 27, п. 3; *58* — г. Степной, 1931 г., к. 4, п. 3; *59* — х. Спорный, к. II, п. 49; *60* — «Три брата», к. 27, п. 1; *61* — «Царицынский курган», 1905 г.; *62* — «Три брата», к. 17, п. 3; *63* — «Три брата», к. 6, п. 6; *64* — х. Весёлый, к. 2, п. 8; *65* — х. Солёный, к. Сол.-1, п. 24; *66* — г. Моздок, к. 10, п. 17; *67* — Яшкуль, к. 2, п. 3; *68* — ст. Константиновская (Ростовск. обл.), к. «Баба», 1891 г.; *69* — «Бичкин-Булук», 1937 г., к. 6; *70* — г. Армавир, 1902 г., к. 2, п. 1.

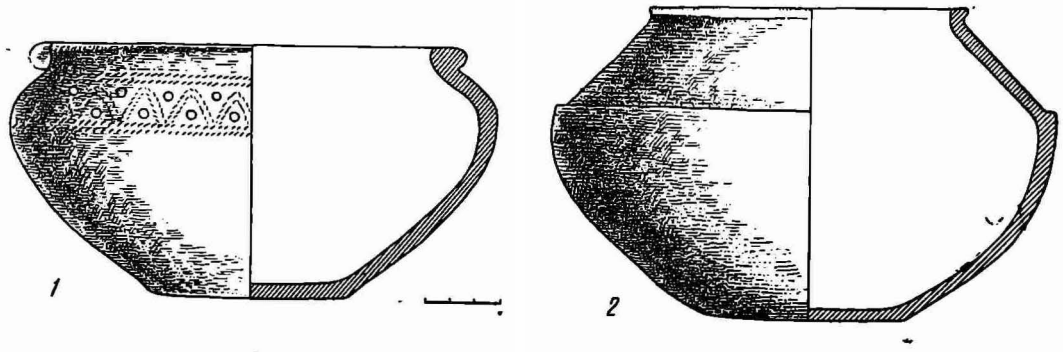


Рис. 2. Характерные формы предкавказской керамики
1 —«Три брата», к. 4, п. 7; *2* — Улан-Эрге, п. 7

особого способа формовки. По технологии изготовления керамику предкавказского варианта можно разделить на несколько типов, каждый из которых включает целый ряд разнообразных форм (рис. 1). Два первых из обозначенных в таблице типов объединяют бóльшую часть сосудов и отличаются один от другого, в сущности, техническими особенностями, связанными с функциональным назначением сосудов (парадная и ритуаль-

Рис. 3. Характерные формы предкавказской керамики
1 — х. Солёный, к. Сол.-3, п. 8; *2* — г. Моздок к. 10, п. 8; *3* — г. Моздок, к. 10, п. 17; *4* — Кубанская обл. (местонахождение неизвестно)

ная посуда — 1-й тип, бытовая посуда — 2-й тип). Наиболее распространенные и своеобразные формы керамических изделий изображены на рисунках 2, 3 и 4. Некоторыми чертами (лощение, полусферические ручки, уступчатый профиль) часть этих сосудов (главным образом 1-го типа) увязывается с северокавказским и даже закавказским миром, где эти приемы формовки и обработки поверхности существовали с эпохи энеолита. Близко напоминают кабардино-пятигорские формы и встреченные в ряде предкавказских погребений двуручные сосуды (рис. 1, *23*).

Значительную группу местной керамики составляют, однако, сосуды, характерные для катакомбной культуры в целом: широкодонные горшки (рис. 1, *3, 17, 20, 22;* рис. 3, *4*), крупные «репчатые» сосуды (рис. 1, *16, 19, 24, 28, 30, 34*) [20].

Ряд предкавказских сосудов указывает на тесные связи местного населения с племенами Нижнего Поволжья (рис. 1, *18, 21, 26, 29*).

Особый (3-й) тип представляют немногочисленные образцы грубых баночных горшков, аналогичных керамике срубной культуры (рис. 1, *35, 36*). В Предкавказье они найдены в катакомбных могилах, в одном комплексе с типично местными формами посуды.

Рис. 4. Типы курильниц

Наконец, самостоятельной и наиболее поздней по времени группой являются сосуды, объединенные нами в 4-й тип. Некоторые из них (рис. 1 *38*) сходны с керамикой каякентско-хорочоевской культуры. Другие (рис. 1, *37, 39, 41*) представляют собой поздний дериват типичного для местной катакомбной культуры кувшина. Третьи же (рис. 1, *40, 42*) имеют близкие аналогии в памятниках типа Кобяково II — на севере и в погребениях кобанской культуры и раннескифских — на юге.

Преобладающее количество сосудов из предкавказских погребений орнаментировано. Орнамент наносился с помощью приемов, характерных для керамики всей катакомбной культуры. Однако местная керамика и в этом отношении отличается значительным своеобразием.

Прежде всего имеется ряд особенностей в элементах орнамента (рис. 5). Среди отпечатков веревочных штампов особенно распространены короткие (длиной 0,5—1,5 *см*) дуги (рис. 5, *1*). Полый круглый и треугольный чеканы (рис. 5, *2*), сравнительно мало употребительные у других

[20] Нет оснований связывать происхождение этой формы с шаровидными сосудами из курганов станицы Новосвободной, как это предлагал М. И. Артамонов (см. М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче..., стр. 331 слл.). Сходство между теми и другими не прослеживается в деталях. Кроме того, по всей территории степного Причерноморья «репчатые» сосуды, подобные предкавказским, широко распространены в погребениях катакомбной культуры и являются здесь часто более древними, чем предкавказские, что необъяснимо, если предполагать распространение этой формы с Кавказа.

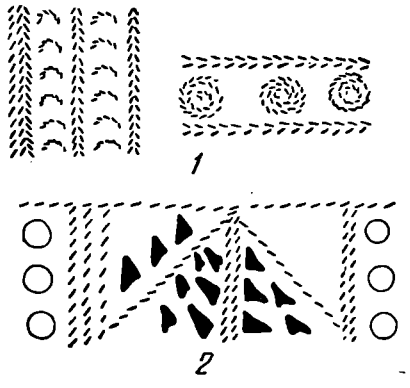


Рис. 5. Характерные элементы орнамента

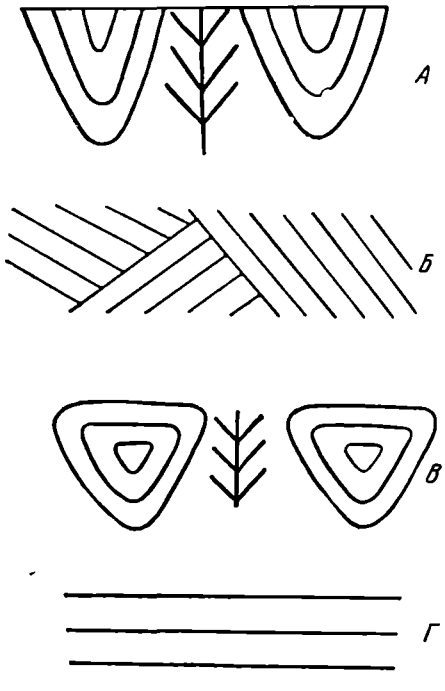


Рис. 6. Схема орнаментальных композиций

племен катакомбной культуры, по-видимому, отражают связи с северокавказской культурой, где они широко использовались.

Еще более своеобразны стилистические особенности самих орнаментальных композиций на посуде местных племен. При довольно большом количестве вариантов можно выделить ряд характерных видов узора (рис. 6).

Наиболее полно все особенности орнаментики предкавказской керамики выступают на курильницах — одной из самых характерных и многочисленных групп местной ритуальной посуды [21].

Они представляют собой чаши с широким бортом, обычно на крестовидной подставке. У края чаши располагается боковое отделение, по-видимому, для ароматических веществ. Курильницы, известные в других районах катакомбной культуры, сильно отличаются от предкавказских: обыкновенно они без отделения, не орнаментированы, имеют полый поддон (круглый или четырехугольный) или три высокие ножки. Кроме того, если в погребениях предкавказского варианта нами зафиксировано в настоящее время около 80 курильниц описанного выше типа, то в погребениях всех других вариантов в целом сосуды аналогичного назначения исчисляются лишь единичными экземплярами. Удается проследить следующую смену орнаментальных типов и одновременную эволюцию формы предкавказских курильниц (рис. 4):

I (наиболее ранний) тип характеризуется цельной крестовидной подставкой и шнуровым орнаментом типа «А» и (реже) «Б».

II тип чаще всего имеет подставку со сквозными отверстиями внутри (начало превращения крестовины в отдельно стоящие ножки). Этому типу соответствует, главным образом, орнамент типа «В». Более поздний возраст подобных курильниц устанавливается рядом стратиграфических наблюдений, а также находкой одного из таких сосудов в комплексе с ножом срубной культуры («Три брата», курган 27, погребение № 3).

Самые поздние курильницы (III тип) отличаются чертами явного вырождения: крестовина преобразована в отдельно стоящие ножки, видоизменена внутренняя часть чаши, орнамент либо исчезает, либо превращается в простейшие композиции. Устанавливается синхронность подобных курильниц с предскифскими сосудами Предкавказья [22].

---

[21] Подробнее об этом см. А. Иерусалимская. Курильницы бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа. Сообщения Гос. Эрмитажа, т. XII, 1957, стр. 45—47.

[22] В статье Т. Б. Поповой «К вопросу о курильницах северокавказского типа» (Са, 1957 № 1, стр. 161—178) автор необоснованно делит предкавказские курильницы на относящиеся к катакомбной культуре и на «северокавказские».

Другой инвентарь предкавказских погребений отличается несравненно меньшим своеобразием, чем керамика, и лишь в редких случаях может служить критерием для выделения памятников этой культуры. Поэтому мы не будем здесь останавливаться на его характеристике.

Границы распространения и хронология памятников предкавказского варианта катакомбной культуры

Памятники предкавказского варианта катакомбной культуры, выделенные на основании характерных черт погребального обряда и инвентаря, распространены на очень широкой территории: от низовий Дона и Волги — на севере, до Кубани и Терека — на юге.

Наибольшее количество погребений предкавказского типа изучено в настоящее время в сальско-манычской и калмыцкой степях. Из тех же районов происходят и некоторые случайные находки [23].

Далее к югу, в Ставрополье, можно отметить лишь несколько пунктов, где были обнаружны погребения [24] или сделаны находки характерных для местной катакомбной культуры предметов (сосудов 1-го и 3-го типов [25], курильниц [26] и др.). Эти находки свидетельствуют, однако, о заметном распространении здесь населения предкавказского варианта катакомбной культуры.

В прикубанской степи в эпоху бронзы памятники предкавказского типа также преобладают, хотя они выступают здесь в менее чистом виде, чем в центральных областях Предкавказья. Значительное количество этих погребений совершено в катакомбах. В большом числе известны курильницы [27], а также другие характерные формы керамики местного варианта и изделия из кости и камня, типичные для всей катакомбной культуры [28].

Далее на восток в окрестностях Пятигорска — Кисловодска, по северной окраине района сплошного распространения памятников предгорной северокавказской культуры раскопан ряд погребений смешанного характера, которые по преобладающим особенностям инвентаря и обряда можно отнести к предкавказской катакомбной культуре. Некоторые из них имели в составе инвентаря курильницы [29] или характерную посуду [30].

Еще восточнее, в моздокской и грозненско-прикумской степи, также сохранились многочисленные следы обитания племен предкавказского ва-

---

[23] Район г. Элисты (Гос. Эрмитаж, колл. 332; Саратовский музей, № 1344), подъемный материал из района сс. Кордуан и Караузек и из уроч. «Тугай-Худук» (ГИМ).

[24] Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 131 слл.; ее же. Археологические памятники Черкессии. Тр. Черкесск. НИИ, вып. II, 1954, стр. 276 слл.; ОАК за 1910 и 1911 гг.

[25] С. Благодарное, б. хут. Бабкина, Адыге-Хабль (Ставропольский музей).

[26] Сс. Барсуки, Спасское, Сотниковское, Преградное, хут. Бабкина, Адыге-Хабль и др. (Ставропольский музей, №№ 14596, 14599, 14600—14604).

[27] Раскопки Н. И. Веселовского в Кубанской области в 1900—1905 гг.: ст. Келермесская, кург. 5, погр. № 2 и кург. 7, погр. № 2, (ОАК за 1904 г. СПб., 1907, стр. 96—97); г. Армавир, кург. 1, погр. № 1; кург. 4, погр. № 3 (раскопки 1902 г.) и кург. 1, погр. № 2 (раскопки 1903 г.) (см. ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 86—91 и ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 64—65); ст. Кубанская, кург. 6, погр. № 6 и кург. 7, погр. № 5 (ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 86—91); Хатажукаевский аул, кург. 1, погр. № 2, (ОАК за 1905 г. СПб., 1908, стр. 72; ст. Тифлисская, кург. 15, погр. № 2 (ОАК за 1901 г. СПб., 1903, стр. 89) а также 5 курильниц неизвестного происхождения (в Краснодарском музее, Гос. Эрмитаже и ГИМ).

[28] Кроме материалов из раскопок Н. И. Веселовского, следует отметить керамику из собрания Краснодарского музея (ст. Попутная, с. Маламино).

[29] Древности, т. IX, вып. II—III, 1883, стр. 57; ст. Суворовская (A. M. Tallgren. Études..., стр. 28); Ессентуки, раскопки В. Р. Апухтина в 1908 г. (Архив А. А. Спицына. ЛОИИМК, д. 309/136).

[30] M. Jegorov. Ein Kurgan bei der Kirche der Kolonie Nikolaijevsk. ESA, IV, 1929, стр. 58—60; район Кисловодска, раскопки Постникова, 1955 г. (сведения А. А. Иессена), уроч. «Три камня», раскопки Д. Я. Самоквасова в 1881 г., курганы III и IV, впускные погребения (A. M. Tallgren. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit, стр. 128).

рианта. Типичные погребения исследованы в курганах близ Моздока и Ачикулака. Аналогичный подъемный материал происходит из полупустынных районов на севере Грозненской области [31].

Таким образом, южная граница преимущественного распространения памятников предкавказского варианта катакомбной культуры вырисовывается довольно отчетливо по линии Армавир — Пятигорск — Грозный, совпадая в основном с границей степи и предгорной лесостепи. В западной части главная масса памятников предкавказского варианта концентрируется на правом берегу среднего течения р. Кубани, на левом же берегу известны лишь единичные погребения. Отдельные элементы катакомбной культуры прослеживаются еще южнее — в прибрежной полосе Дагестана (Ярти-Тюбе, Манас) [32].

Северная периферия распространения предкавказского варианта отличается еще большей смешанностью памятников, чем на юге. Это особенно относится к району Нижнего Дона, где располагается промежуточная зона между погребениями северодонецкого и предкавказского вариантов катакомбной культуры и где поэтому трудно установить существенную разницу между теми и другими. Погребения предкавказского типа, более или менее четко выраженного, прослеживаются по левому берегу Дона от Ростова до ст. Цимлянской. Наиболее компактно они представлены в районе хут. Солёного и городища Саркел. Кроме того, отдельные курганы, раскопанные в разное время, и случайные находки также содержали типичный для предкавказского варианта инвентарь [33]. Крайний северо-западный пункт, позволяющий проследить элементы культуры предкавказского типа, располагается в районе г. Ворошиловграда [34]. С другой стороны, гораздо южнее, вплоть до Ростова, известны памятники с типичной северодонецкой керамикой. Лишь позднее, с распространением на Нижнем Дону срубной культуры, границы предкавказского варианта катакомбной культуры очерчиваются здесь более четко.

В Нижнем Поволжье также сохранились явственные следы пребывания племен предкавказской катакомбной культуры. В ряде пунктов зарегистрированы находки курильниц [35] и другой характерной керамики [36], а также специфический обряд погребения (в том числе два кенотафа) и обычай деформации головы. Все эти факты свидетельствуют, очевидно, о вкраплении небольших групп предкавказского населения в местную среду племен срубной культуры (начиная с полтавкинского этапа ее развития). Граница более или менее компактного распространения племен предкавказского варианта катакомбной культуры на север может быть приблизительно намечена по линии: ст. Цимлянская — с. Ивановка — г. Сталинград.

---

[31] Сборы Прикаспийской экспедиции ИИМК АН СССР из районов Божигана, Ачикулака, Махмут-Мектеба. Раскопки Е. И. Крупнова у ст. Мекенской в 1956 г.

[32] Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 188 сл.

[33] Слободы Покровская и Голодаевка на р. Миус (М. А. Миллер. Некоторые курганные погребения Таганрогского округа. ЗРОИДП, т. I, РнД, 1912, стр. 190 слл.; его же. Некоторые данные по археологии Таганрогского округа. БСКБК, № 5—6, РнД, 1926, стр. 40 сл.; А. М. Ильин. Археологические раскопки в районе г. Ростова на Дону. ЗРОИДП, т. I, РнД, стр. 158—171); ст. Аксайская и Гниловская (раскопки В. Г. Тизенгаузена. См. ОАК за 1864—1866 гг.) и др.

[34] См. С. А. Локтюшев. Среднедонецкие курганные погребения бронзовой эпохи с оригинальной бытовой индустрией. Збірнік № I матеріялів вивчення басейну Донця (Відбітки з. т. 1-го Трудов Наукового Т-ва Донеччини). Луганьск, 1928, стр. 1—12.

[35] С. Селитренное, г. Сталинград, с. Верхняя Грязнуха на р. Иловле, с. Федосеевка (Сталинградская обл.).

[36] С. Ивановка (раскопки 1929 г., погр. № 2); с. Верхн. Грязнуха и хут. Авиловский на р. Иловле; Калиновский могильник (раскопки В. П. Шилова, 1952 г., кург. 3, насыпь); с. Политотдельское (раскопки К. Ф. Смирнова в 1953 г., кург. 19, погр. № 17); Быковский могильник I (раскопки К. Ф. Смирнова, 1955 г., кург. 14, погр. №№ 4 и 5); с. Погромное (раскопки В. П. Шилова, 1954 г., кург. 2); район Ленинска на р. Ахтубе (раскопки В. П. Шилова, 1956 г., кург. 3, погр. № 4).

Рис. 7. Распространение памятников I этапа

1 — г. Ростов; *2* — ст. Гниловская; *3* — ст. Голодаевка; *4* — ст. Аксайская; *5* — х. Весёлый; *6* — х. Спорный; *7* — х. Пролетарский; *8* — ст. Константиновская; *9* — х.Солёный; *10* — Саркел; *11* — ст. Нижне-Чирская; *12* — с. В. Грязнуха; *13* — с. Полтавка; *14* — с. Политотдельское; *15* — с. Калиновка; *16* — с. Селитренное; *17* — с. Ремонтное; *18* — «Три брата»; *19* — г. Степной; *20* —«Бичкин-Булук»; *21* — Яшкуль; *22* — ст. Каневская; *23* — с. Летницкое; *24* — ст. Казанская; *25* — г. Краснодар; *26* — с. Благодарное; *27* — с. Сотниковское; *28* — с. Спасское; *29* и *30* — г. Ставрополь, *31* — с. Барсуки; *32* — пос. Праздничный; *33* — ст. Тифлисская; *34* — окрестности г. Ворошиловграда

Погребения развитой срубной культуры южнее Сталинграда неизвестны, хотя в памятниках Калмыкии заметны следы влияния этой культуры. Только позднесрубные погребения конца эпохи бронзы проникают дальше на юг. Сходная картина наблюдается в низовьях Дона: в кургане Сол-1 у хут. Солёного в одном и том же пласте насыпи открыты срубные и позднекатакомбные погребения предкавказского типа [37]. Ниже по Дону погребения этого этапа развития срубной культуры известны в незначительном количестве. На Маныче есть свидетельства проникновения сюда в это время лишь ничтожно малых групп населения срубной культуры (рис. 8). Позднее граница предкавказских и срубных племен резко отодвигается к югу. Позднесрубные погребения сплошной лавиной перекрывают в курганах погребения предкавказской катакомбной культуры.

Таким образом, прослеженные нами границы преимущественного распространения памятников предкавказского варианта катакомбной культуры менялись в разные эпохи. На окраинах этого обширного района культура местных племен имела смешанный характер.

Памятники предкавказского варианта катакомбной культуры не одновременны. На основании данных стратиграфии и типологии инвентаря удается наметить т р и э т а п а развития местного варианта. Памятники, предшествующие в степном Предкавказье погребениям катакомбной культуры, к сожалению, изучены очень слабо. Известен ряд погребений

[37] К той же эпохе развитой срубной культуры относится и ряд поселений, исследованных в этом районе.

с круглодонной керамикой, часть из которых, по-видимому, относится к древнеямной культуре, часть же тяготеет к северокавказским памятникам типа Майкопа. Важно отметить, что и те и другие отделены от памятников предкавказской катакомбной культуры значительным временем. В северных районах Предкавказья между этими погребениями раннего бронзового века и наиболее древними погребениями местной катакомбной культуры располагаются в курганах погребения развитой катакомбной культуры северодонецкого типа [38].

На юге же предкавказским погребениям предшествуют в ряде курганов погребения новосвободненского этапа раннекубанской культуры, а также памятники северокавказской культуры [39]. Таким образом, при

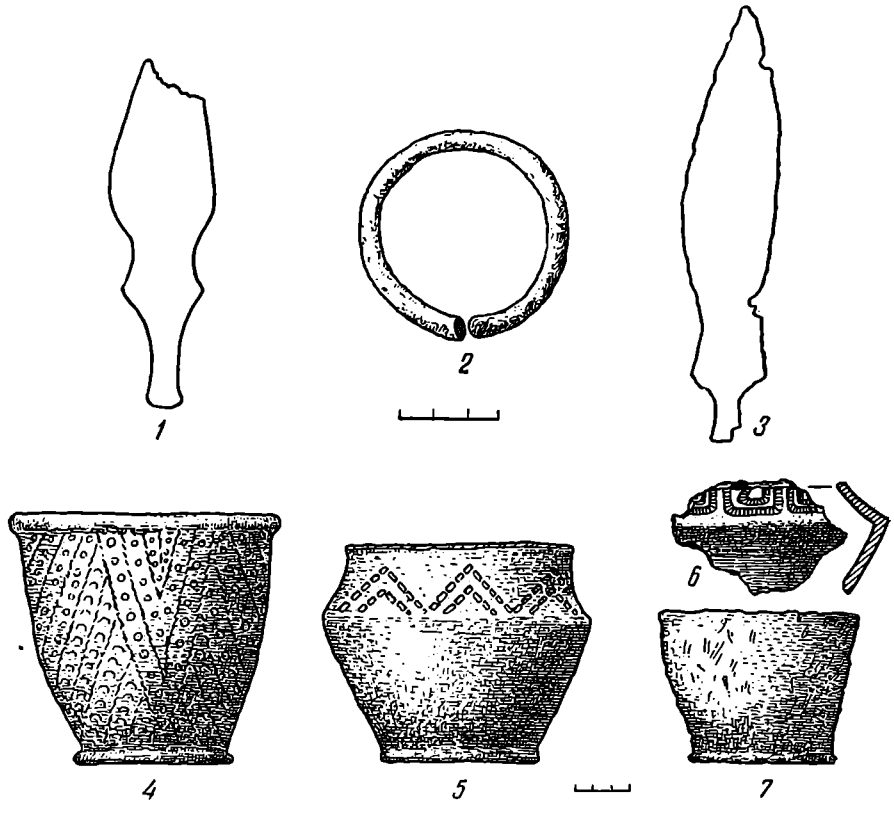


Рис. 8. Элементы срубной культуры в Предкавказье

1 — г. Степной, 1931, к. 4, п. 3; *2* —«Три брата», к. 6, п. 6; *3* —«Три брата», к. 27, п. 3; *4* — «Три брата», к. 21, п. 3; *5* — х. Спорный, к. II, насыпь; *6* — Саркел, к. 58/26, насыпь; *7* —«Три брата», к. 20, насыпь

современном состоянии источников генетическая связь между погребениями раннего бронзового века и памятниками предкавказского варианта катакомбной культуры не улавливается.

С другой стороны, очень существенно, что, во-первых, наиболее ранние из предкавказских памятников, известных в настоящее время, оказываются более поздними, чем многие из более северных погребений катакомбной культуры, а во-вторых, они не содержат элементов, связывающих их с раннекубанской культурой. Поэтому памятники предкавказского варианта не могут считаться «очагом» зарождения катакомбной культуры в целом, как это следовало бы предполагать, исходя из выдвинутого М. И. Артамоновым предположения о северокавказских истоках этой культуры.

---

[38] Хут. Солёный, кург. Сол-1, Сол-3; Саркел, кург. 50/18; хут. Спорный, кург. II; «Три брата», курган 4.

[39] Ст. Келермесская, раскопки 1904 г., кург. 5, погр. № 1; ст. Ново-Джерелиевская, кург 1, погр. № 7, раскопки Н. И. Веселовского в 1911 г. (ОАК за 1911 г. Петроград, 1914, стр. 44—46); «Три камня», 1881 г., кург. III и IV (основные погребения).

Рис. 9. Распространение памятников II этапа

1— ст. Мекенская; *2* — г. Моздок; *3* — Божиган; *4* — Ачикулак; *5* — ст. Николаевская; *6* — «Три камня», *7* — Адыге-Хабль; *8* — с. Вольное; *9* — г. Армавир; *10* — х. Зубова; *11* — ст. Келермесская; *12* — ст. Новосвободная; *13* — ст. Константиновская; *14* — ст. Чамлыкская; *15* — ст. Кубанская; *16* — ст. Ульский аул; *17* — уч. Зиссерманов, *18* — ст. Ладожская; *19* — ст. Ново-Джерелиевская; *20* — ст. Казанская; *21* — Яшкуль; *22*— г. Степной; *23* —«Бичкин-Булук»; *24* —«Три брата»; *25* — х. Спорный; *26* — х. Весёлый; *27* — нах. на р. Маныче; *28* — х. Солёный; *29* — Саркел; *30* — г. Ленинск; *31* — г. Сталинград; *32* — с. Калиновка; *33* — с. Быково; *34* — с. Политотдельское; *35* — г. Ставрополь; без номера — окрестности г. Ворошиловграда

Однако решение вопроса о происхождении местного варианта будет достоверным лишь после новых исследований в Предкавказье.

Памятники I э т а п а отличаются близким сходством в обряде и инвентаре с погребениями северодонецкой катакомбной культуры (рис. 1 и приложение). Географически эти памятники охватывают почти всю предкавказскую степь (рис. 7). Хронологические рамки этого этапа уточняются погребениями, имеющими предметы, которые связывают их с памятниками Северного Кавказа: бронзовые литые по восковой модели булавки и подвески ранних типов; кованные в виде трубочки пронизки (рис. 1, *52—55*); некоторые керамические формы (рис. 1, *23*). Они позволяют синхронизировать данный этап с погребениями раннего («привольненского») этапа развития северокавказской культуры (1700—1500 гг.). В более северных районах этому периоду соответствуют развитая и поздняя катакомбная культура на Северном Донце и полтавкинский этап развития срубной культуры в Нижнем Поволжье.

Памятники следующего, II э т а п а отличаются заметным единообразием культуры и преобладанием самобытных черт в обряде и инвентаре (рис. 1). Стратиграфия подтверждает более поздний возраст этой группы погребений [40]. Значительная часть памятников распространяется на юг,— в левобережье Кубани, в район Пятигорска, Моздока, Грозного (рис. 9). Синхронность памятников этого этапа развитой срубной культуре устанавливается прежде всего находками в погребениях предкавказского варианта металлических изделий срубной культуры: литых бронзовых браслетов

[40] Хут. Солёный, кург. Сол-1 и Сол-3; хут. Спорный, курган II; хут. Весёлый, кург. III.

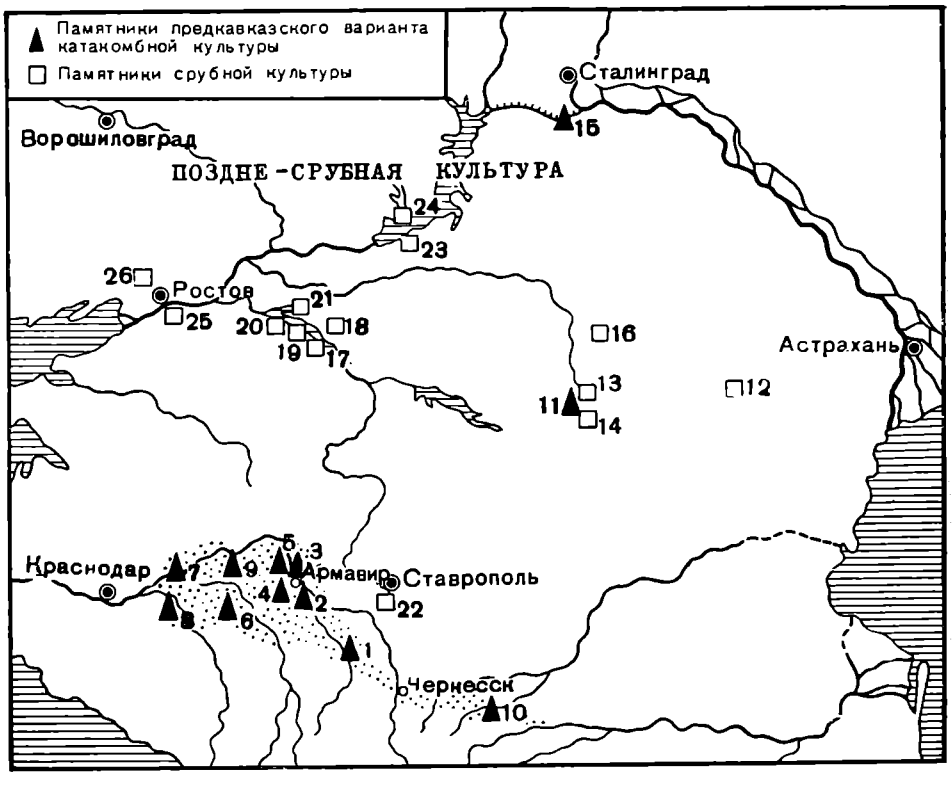


Рис. 10. Распространение памятников III этапа.

1 — ст. Попутная; 2 — ст. Урупская; 3 — г. Армавир; 4 — х. Зубова; 5 — с. Маламино; 6 — ст. Келермесская; 7 — ст. Усть-Лабинская; 8 — ст. Кубанская; 9 — Геймановский пос.; 10 — г. Ессентуки; 11 —«Бичкин-Булук»; 12 — Яшкуль; 13 —«Три брата»; 14 — х. Степной; 15 — с. Ивановка; 16 — х. Ханота; 17 — х. Спорный 18 —х. Весёлый; 19—21 — пос. на р. Маныче; 22—г. Ставрополь; 23 — х. Солёный; 24 — Саркел; 25 — ст. Гниловская; 26 —с. Голодаевка

круглого сечения [41], ножей [42], грубых баночных горшков (рис. 1, *35*, *36*). Некоторые керамические формы отразили влияние племен срубной культуры (рис. 1, *12*; рис. 8). В то же время типы литых по восковой модели украшений — гвоздевидные булавки, поздние варианты подвесок, спиральные пронизки (рис. 1, *62—68*),— так же как типы найденных в Царицынском кургане металлических орудий (рис. 1, *61*), устанавливают синхронность этой группы позднему, «костромскому» этапу северокавказской культуры (1500—1200 гг.).

III этап объединяет ряд самых поздних погребений предкавказского варианта. Немногочисленные стратиграфические данные показывают, что эти погребения располагаются в насыпи выше погребений II этапа [43]. Другой признак, позволяющий относить эту группу к самому концу эпохи бронзы — началу железного века,— это характер инвентаря: наличие предметов из железа (рис. 1, *69* и *70*) [44], а также поздние типы керамики (курильницы III типа, сосуды 4-го типа). Абсолютная хронология этих памятников, по-видимому, конец II — начало I тысячелетия до н. э. (1200—800 гг. до н. э.). Географически погребения III этапа концентрируются главным образом на крайнем юге предкавказских степей, заходя в предгорья, где для этого времени не известны памятники северокавказской культуры, существовавшей здесь в предшествующие эпохи (рис. 10). В то же время в более северной части Предкавказья появляются самые

[41] «Три брата», 1933 г., кург. 6, погр. № 6.

[42] Г. Степной, 1931 г., кург. 4, погр. № 3 и кург. 5, погр. № 3; «Три брата», 1936 г., кург. 27, погр. № 3.

[43] Г. Армавир, 1902 г., кург. 1; Зубовский курган, 1900 г.; ст. Кубанская, 1902 г., кург. 6 (архив ИИМК, д. 1902/93).

[44] Г. Армавир, 1902 г., кург. 2, погр. № 1; Зубовский курган, 1900 г., погр. № 2; «Бичкин-Булук», 1937 г., кург. 6.

поздние впускные погребения, свидетельствующие о продвижении сюда нового этнического элемента — племен позднесрубной культуры [45]. Этим населением были оставлены и мелкие курганы — на Маныче и в Калмыкии, а также поселения, исследованные в низовьях Дона и на Маныче. Таким образом, вполне вероятным является предположение об ассимиляции этими племенами местной катакомбной культуры. Остатки предкавказских племен были оттеснены на юг предкавказской степи и частично в предгорья Кавказа, где они, возможно, в свою очередь потеснили племена северокавказской культуры.

В заключение несколько слов о встречающихся в литературе датировках предкавказских погребений. Более ранние катакомбные погребения манычских и астраханских курганов всеми авторами синхронизируются с донецкими катакомбами, без детальной их хронологизации. Более поздние погребения этой культуры либо синхронизировали со срубно-хвалынской культурой и датировали временем до 1200 г. до н. э.[46], либо относили к самому концу эпохи бронзы и не всегда даже причисляли к катакомбной культуре [47]. И. В. Синицын попытался выделить в астраханских курганах большую группу «предскифских» погребений, куда включил, с нашей точки зрения, разновременные памятники. Лишь некоторые из них (например, погребение с железным копьем из «Бичкин-Булука») относятся к довольно позднему времени, однако, по-видимому, не позже начала III этапа (т. е. 1200—1100 гг.). Бóльшая же часть погребений этой группы не выходит за рамки II этапа (1500—1200 гг. до н. э.), а некоторые относятся к еще более раннему времени. В комплексе предметов, который И. В. Синицын предлагает считать предскифским, встречаются, в частности, такие, которые находят аналогии в северокавказской культуре (например, гвоздевидные булавки). Таким образом, известное погребение с арбой («Три брата», курган 9, погребение № 8) должно датироваться отнюдь не концом эпохи бронзы, а, исходя из ряда соображений, примерно временем около 1400 г. до н. э.

Основные выводы, полученные при изучении изложенного выше материала, сводятся к следующему.

В предкавказских степях выявляется особый вариант катакомбной культуры, границы которого менялись в разные эпохи, но прослеживаются достаточно четко.

Наиболее ранние из известных памятников этого варианта датируются временем не раньше начала северокавказской культуры. Гипотеза о кавказском происхождении катакомбной культуры не находит подтверждения.

Местный вариант катакомбной культуры существовал длительное время — после того, как в более северных областях катакомбную культуру сменила срубная. В некоторых же районах Предкавказья племена местной катакомбной культуры доживают вплоть до начала железного века.

Прослеживается постепенное распространение племен срубной культуры к югу (Нижний Дон, Маныч, Ставрополь) и продвижение предкавказских племен также на юг (на левый берег Кубани, в Пятигорье, Грозненскую область).

---

[45] Хут. Солёный, кург. 1, насыпь; кург. 2, погр. № 4, кург., 3, погр. № 2; Саркел, кург. 58/26, погр. №№ 6 и 8, кург. 31/7, погр. № 3; с. Голодаевка на р. Миус (самое позднее впускное погребение); хут. Спорный, 1935 г., кург. II, погр. №№ 1, 5—12, 17 и погр. 1934 г., кург. III, погр. №№ 2—4, 6—9, 11, 15, 17, 19—21, 24; «Три брата», кург. 1, погр. № 1, кург. 20, погр. № 1; г. Степной, кург. 4, погр. №№ 5 и 8; кург. 5, погр. №№ 1, 2; кург. 6, погр. № 1; кург. 7, погр. №№ 1, 3, 5; Яшкуль, кург. 2, погр. № 1; Улан-Эрге, погр. № 1 в кургане 1929 г.; Хурул-Ханота, погр. №№ 1 и 2; Адыге-Хабль на р. Мал. Зеленчук, кург. 2, погр №№ 1, 3, 5 и др. Всего около 70 погребений и находок.

[46] П. С. Рыков. Ук. соч.

[47] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи..., стр. 159; М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче..., стр. 335.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ ПРЕДКАВКАЗСКОГО ВАРИАНТА КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

I. этап. На Маныче: х. Спорный к. II, пп. 45, 48[2]; к. III, пп. 29—31; х. Весёлый, к. 2, п. 8; к. 3, пп. 9—10. В Калмыкии: уроч. «Три брата», к. 1, п. 2; к. 4, пп. 2—4, 6, 10, 11; к. 9, пп. 1, 4, 5, 7; к. 10, п. 2; к. 15, п. 5; к. 17, п. 1; к. 19, п. 3; к. 22, п. 4; к. 21, п. 2; к. 25, п. 1; к. 26, п. 3; к. 27, п. 1 и жертв. место; к. 28, п. 2; к. 33, пп. 3, 4; Яшкуль, к. 2, п. 3; с. Ремонтное, погр. в кургане 1904 года. На Нижнем Дону: х. Солёный, к. Сол-1, пп. 3, 7, 8, 10, 15, 27, 28; к. Сол-3, пп. 3—5; городище Саркел, к. 50/18, п. 6; к. 58/26, п. 15. На Кубани: ст. Ладожская, к. 27, п. 2 (1902 г.), ст. Тифлисская, к. 15, пп. 1, 2 (1902 г.); ст. Белореченская, к. 7 (1907 г.); пос. Праздничный, курган 1903 г., пп. 3 и 4; ст. Казанская, к. А, пп. 2, 3 (1900 г.); ст. Костромская, Межевой курган (1897 г.), Хатажукаевский аул, к. 1, п. 1 (1905 г.); с. Благодарное, случ. находка.

II этап. На Маныче: х. Спорный, к. II, пп. 49 и 5; х. Весёлый, к. 1, пп. 5, 6; к. 3, п. 8. В Калмыкии: г. Степной, к. 4, п. 3; к. 5, п. 3; «Три брата», к. 27, п. 3; к. 28, жертв. место, пп. 3, 4, 7; к. 23, кенотафы; к. 9, п. 8 и жертв. место; к. 6, п. 6; к. 20, п. 2; к. 21, п. 3; к. 22, п. 1; к. 25, пп. 1, 2, 5—7; к. 17, п. 3; Яшкуль, к. 1, пп. 1, 2; Улан-Эрге, курган 1929 года. пп. 3, 4, 7. На Нижнем Дону: х. Солёный, к. Сол-1, пп. 6, 13, 19, 24; к. Сол-3, п. 8; к. Сол-5; ст. Нижне-Чирская, 1864 г. На Кубани: Армавир, к. 1, п. 2 и к. 4, п. 7 (1902 г.); ст. Новосвободная, курган 1899 года; Зубовский х., к. 1 и к. 3 (1899 г.); к. 1, п. 3, к. 2 п 3 (1900 г.); Хатажукаевский аул, к. 1, пп. 2 и 3; ст. Новоджерелиевская, к. 1, п. 3; к. 2 и 3; ст. Казанская, к. Б/п.1 (1901 г.); ст. Кубанская, к. 7, пп. 3 и 5 (1902 г.); Ульский аул, к. 5, пп. 1—4 (1909 г.); с. Вольное, курган 1907 года. В Пятигорье и Моздокско-Грозненском районе: колония Николаевская, курган 1924 года; «Три камня», к. 1 (1882 г.); г. Моздок, к. 10, пп. 10, 14, 17; Ачикулак, к. 1, пп. 1, 2, 5 (1947 г.); разруш. курган (1952 г.); к. 5, пп. 5, 13 (1955 г.) и др.

III этап. В Калмыкии и Нижн. Поволжье: уроч. «Бичкин-Булук», 1937 г., к. 6; с. Ивановка, к. 2 (1929 г.). На Кубани: Армавир, к. 1, п. 1; к. 2, п. 1; к. 4, п. 4 (1902 г.); к. 1, п. 2; к. 2, п. 4 (1903 г.); ст. Усть-Лабинская, к. 1, п. 2 (1903 г.); к. 30, впускн. погр. (1902 г.); ст. Урупская, курган 1903 года, п. 1; Зубовский хут., курган 1900 года, п. 2; ст. Кубанская, к. 6 и к. 7 (1902 г.); Геймановский пос., к. 1 (1900 г.); ст. Келермесская, к. 1 или 2 (2904 г.); с. Маламино близ Армавира, разруш. погр.; ст. Попутная, разруш. кург. 1950 г., впускн. погр.

---

[1] Включены погребения, хронологическая принадлежность которых к тому или иному этапу уточняется достаточно определенно. Остальные погребения предкавказского варианта катакомбной культуры в приведенную схему не внесены. Сноски на литературу см. в тексте статьи.

[2] Здесь и далее приняты сокращения: к — курган, п — погребение.

В. М. МАССОН

ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ И НОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Вопрос о существовании в Бактрии крупного доахеменидского политического объединения имеет сравнительно длительную историю изучения. Довольно настойчивая традиция античных авторов, восходящая в основном к Ктесию Книдскому, заставляла большинство исследователей с теми или иными оговорками признавать существование царства древней Бактрии [1]. В советской литературе подобной точки зрения придерживается С. П. Толстов [2]. Вместе с тем сообщения Ктесия изобиловали таким большим количеством легендарных и явно фантастических подробностей, что никак не могли быть в целом признаны достоверным историческим источником. Это заставляло ряд исследователей или просто сбрасывать со счетов подобные сообщения или признавать существование древнебактрийского государства лишь с большими оговорками.

В настоящее время появилась возможность подойти к исследованию этой проблемы с новой стороны. Мы имеем в виду привлечение археологического материала, ранее остававшегося неизвестным. Вместе с тем проблема государственности древней Бактрии начинает рассматриваться в связи с более широкой проблемой о времени и обстоятельствах сложения в Средней Азии классового общества и древнейшей государственности. Этот вопрос неоднократно дискутировался в советской литературе. В частности, С. П. Толстов полагает, что на территории Хорезма государственное объединение сложилось уже в VIII—VII вв. до н. э. [3]. М. М. Дьяконов [4], в специальной статье, сопоставляя данные письменных источников с археологическим материалом (в основном с комплексом Кобадиана I), приходит к выводу о существовании во второй четверти I тысячелетия до н. э. крупных городских центров Средней Азии, о сложении в это время больших ирригационных систем и развитии ремесленного производства. Все это, по мнению М. М. Дьяконова, неоспоримо свидетельствует о развитии классового общества и ранней государственности. Вместе с тем М. М. Дьяконов счел нужным сделать специальную оговорку против возможной модернизации происходивших в Средней Азии процессов [5]. Хотя археологический материал, на который опирался

---

[1] W. Geiger. Civilization of the Ancient Iranians in Ancient Times. London, 1885, стр. 46; J. Prašek. Geschichte der Medes und Perses, т. I, Gotha, 1906, стр. 50—54; Всемирная история, т. I. М., 1955, стр. 591; Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1956, стр. 245.

[2] С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 183.

[3] Его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 103—107.

[4] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX, 1954, стр. 121—140.

[5] Он пишет: «...крупных государственных объединений тогда в Средней Азии еще не было, границы первоначальных государств, вероятно, совпадали с границами ирригационных систем и орошаемых ими земель» (М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 138).

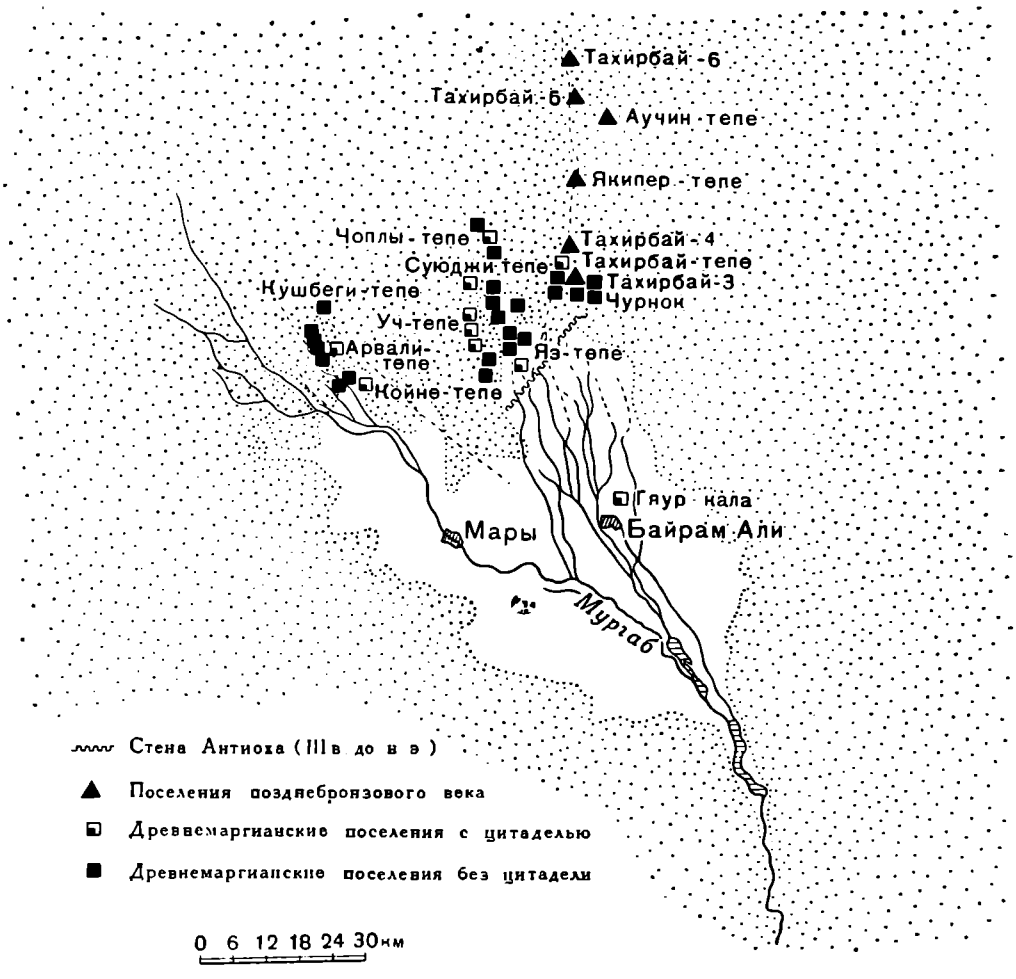


Рис. 1. Схема расположения древнеземледельческих памятников в дельте Мургаба

М. М. Дьяконов, видимо, не выходит за пределы VI—IV вв. до н. э., однако высказанные им соображения в пользу раннего развития классового общества на юге Средней Азии находят подтверждение в новых материалах. Мы имеем в виду некоторые результаты археологических работ, проведенных в 1954—1956 гг. в дельте р. Мургаба, на территории древней Маргианы (современная Марыйская область Туркменской ССР) [6].

Здесь, в северной части ныне пустующих земель древнего орошения, лежат полузанесенные песками оазисы древней Маргианы.

Соответствующие им три группы памятников (восточная, центральная, западная) сосредоточены вокруг крупнейших тепе (Тахирбай-тепе. Яз-тепе, Аравали-тепе) (рис. 1).

Все известные поселения могут быть разбиты на два типа: крупные (8—16 *га*) поселения с центральным бугром — цитаделью и более мелкие (1—3 *га*) бесцитадельные поселения. Наиболее широкие раскопочные работы были проведены на Яз-тепе.

Яз-тепе расположено к северо-северо-западу от г. Байрам-Али и состоит из цитадели и прилегающих к ней бугров поселения. Цитадель имеет в плане форму прямоугольника со срезанным углом и достигает в высоту 12 *м*. Бугры поселения высотой до 6 *м* расположены к югу и к северо-востоку от цитадели и единого массива не образуют. Цитадель и основная часть поселения занимает площадь около 16 *га*. Однако небольшие всхолмления, усеянные фрагментами древнемаргианской керамики, распространены на значительно большей территории.

[6] В. М. Массон. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 61—67.

Довольно четкую стратиграфию культурных слоев удалось проследить в раскопе 3 и в шурфе 4. Мощность культурных слоев в раскопе достигала 6 *м*. Здесь были отмечены остатки четырех строительных периодов. Постепенные изменения в керамическом материале позволили выделить три археологических комплекса: Яз-I, Яз-II и Яз-III. Материал комплекса Яз-I оказался лежащим непосредственно на материке, представленном аллювиальными древнедельтовыми отложениями Мургаба [7].

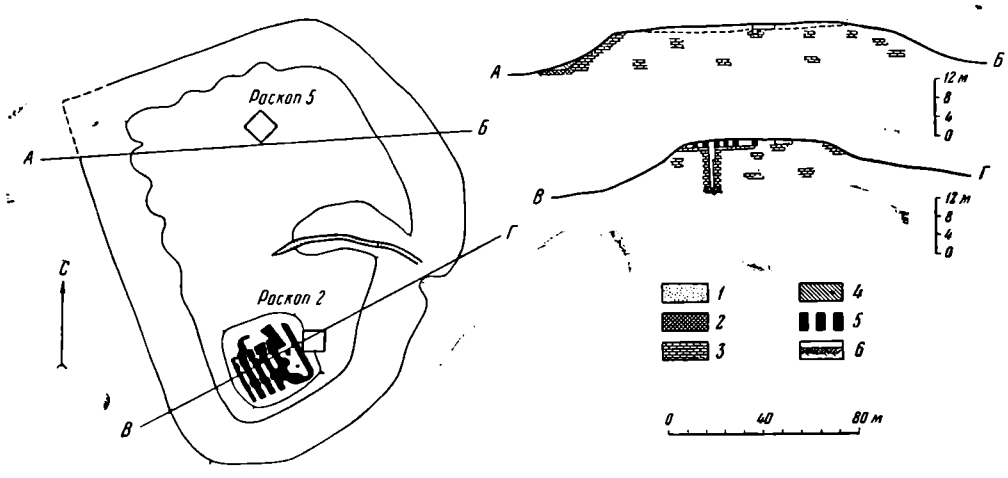


Рис. 2. План и разрез цитадели Яз-тепе

1 — культурный слой; *2* — глинобитные промазки; *3* — кладка сырцового кирпича; *4* — завал сырцового кирпича: *5* — сырцовые стены в разрезе; *6* — аллювиальные слои

Раскопки показали, что поселение поры Яз-I занимало целиком южный бугор; судя по подъемному материалу, оно распространялось и на всю площадь поселения, определяющуюся сейчас оплывшими буграми. Культурные слои этого времени мощностью в 1,2—1,5 *м* заключали в раскопе 3 остатки дома, стены которого были построены из сырцового кирпича размером 53 × 28 × 12 *см*. Выше остатков стен располагался полуметровый культурный слой, видимо соответствующий следующему строительному комплексу, стены которого однако не попали в пределы раскопа.

Значительный интерес представляют результаты раскопок цитадели (раскоп 2). В основании ее лежала платформа из сырцового кирпича указанного выше размера; в южной части цитадели высота платформы достигала 8 *м*. Платформа была возведена непосредственно на аллювиальных отложениях Мургаба. Систему кладки платформы не удалось определить во всех деталях, но есть основания считать, что в отдельных местах наряду с целым сырцовым кирпичом был использован и битый кирпич. Во всяком случае, если учесть, что площадь цитадели приблизительно равна 1 *га*, объем строительных работ по возведению платформы был очень велик (рис. 2).

В южной части цитадели на платформе располагалось монументальное здание, стены которого сложены из продолговатого сырцового кирпича тех же размеров, что и кирпич платформы. Можно отметить два периода существования здания (рис. 3). В первый период оно занимало площадь несколько более 1000 $м^2$. В его восточной части располагался длинный продолговатый зал. На одной из стен зала был сделан большой полукруглый выступ, назначение которого остается неясным. К западу от зала в четыре или, возможно, в пять рядов располагались узкие коридорообразные помещения, выходившие на севере в небольшой дворик. Во второй период здание подверглось некоторой перестройке. В большом зале

[7] Аналогичная последовательность слоев наблюдалась и в шурфе 2, где самые нижние слои также содержали материал комплекса Яз-I.

появились поперечные стены, в одном из его углов был возведен еще один сегментовидный кирпичный выступ. Один ряд коридорообразных помещений был заложен. Северный дворик был также застроен и, видимо, превращен в новое помещение. Обнаруженный в помещениях этого здания материал полностью принадлежит к комплексу Яз-тепе I. Таким об-

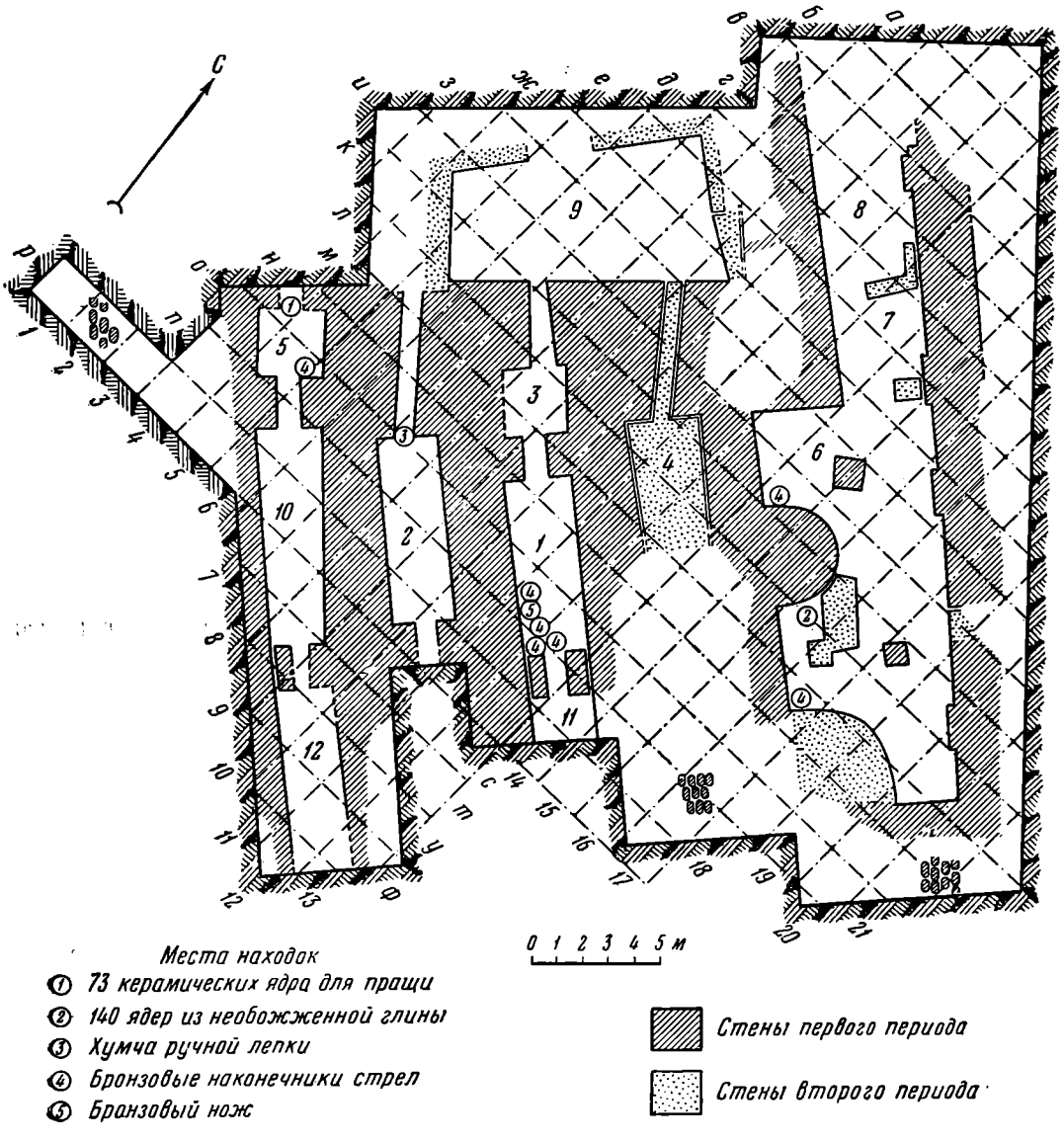


Рис. 3. План раскопа на цитадели Яз-тепе

разом, на поселении Яз-тепе в древнейший период его существования возникла цитадель на мощной платформе, а в южной части цитадели было возведено монументальное здание, назначение которого еще недостаточно выяснено.

Сделанные в нем находки ограничиваются в основном керамикой и относятся ко второму периоду существования здания. Кроме керамики, были найдены: бронзовый нож, бронзовые наконечники стрел, биконические ядра для пращи из обожженной глины и крупные шаровидные ядра из сырой глины. Ядра обоих видов были сосредоточены в основном в двух местах.

Других крупных построек на цитадели не было. Разведочные раскопки в северной части цитадели показали, что культурный слой, лежащий на платформе, здесь весьма невелик (около 0,5 *м*) и содержит лишь сильно разрушенные остатки небольших построек, стены которых были, видимо, частично глинобитными. Возможно, что монументальное здание, остатки которого были вскрыты в раскопе 2, являлось дворцовой постройкой. Ме-

нее вероятно, что перед нами остатки храма. В этом случае следовало бы ожидать, что размеры платформы лишь не намного превышали размеры здания и другие постройки здесь должны были бы отсутствовать.

В керамическом комплексе Яз-тепе I решительно преобладала посуда, лепленая от руки. Среди нее можно выделить три подгруппы: расписная, нерасписная и серая или черная посуда. В тесто посуды всех трех подгрупп подмешана толченая керамика. Расписная посуда сравнительно редка и представлена двумя формами: горшковидными кубками и горшковидными хумами с отогнутым наружу венчиком и иногда кольцевым поддоном. Сосуды покрывались зеленовато-белым ангобом. Роспись, как правило, производилась красновато-коричневой или коричневой краской. Реже встречается темно-красная и темно-малиновая роспись. Мотивы росписи довольно однообразны и сводятся почти целиком к ряду треугольников, обращенных вершиной вверх и образующих фриз в верхней части сосуда. Варьирует орнамент, заполняющий эти треугольники (рис. 5, 6).

Рис. 4. Квадратный устой в здании на цитадели Яз-тепе

Серая посуда часто залощена снаружи. В этой подгруппе, помимо форм сосудов, характерных и для расписной керамики, могут быть отмечены полусферические чаши с ручкой и довольно редкие кувшинчики, также имевшие ручки.

Среди нерасписной посуды, количественно преобладающей над прочими видами керамики, следует выделить кухонную посуду, представленную котлами и жаровнями. Наиболее распространены здесь хумы различных размеров, той же формы, что и серые и расписные. Они имели плоские дисковидные крышки с петлеобразной ручкой или ручкой в виде кубического выступа с вмятинами с четырех сторон, сделанными пальцами.

Посуды, сделанной на гончарном круге, найдено немного. Тесто ее хорошо отмучено и имеет красноватый цвет. Снаружи посуда покрывалась беловатым ангобом. Из форм следует отметить кубковидные сосуды.

Из бронзовых изделий Яз-тепе I можно отметить иголки, шилья-пробойники с расширением в средней части, нашивные бляшки с петелькой и черешковый нож. Наконечники стрел представлены двумя типами: черешковые с шипообразно загнутыми концами и лавролистные с выступающей втулкой. Найдена также каменная булава.

Обращаясь к вопросу о датировке комплекса Яз-тепе I, следует прежде всего отметить, что он стратиграфически перекрывается комплексами Яз-тепе II и III. Исследование материала этих двух верхних комплексов Яз-тепе позволяет установить их близость ранее известным археологическим комплексам Средней Азии, относящимся к середине I тысячелетия до н. э. [8]. Это обстоятельство указывает на значительную древность комплекса Яз-тепе I.

При раскопках Яз-тепе не было найдено предметов, имеющих бесспорную, абсолютную датировку (монет или печатей). Однако сопоставле-

---

[8] Подробное обоснование этого соотношения не входит в задачи настоящей статьи, поскольку комплексы Яз-II и Яз-III в основном относятся уже ко времени после ахеменидского завоевания Средней Азии.

ние стратиграфии Яз-тепе с другими археологическими комплексами Средней Азии и соседних стран и определение возможной абсолютной датировки отдельных археологических предметов позволяет сделать некоторые выводы.

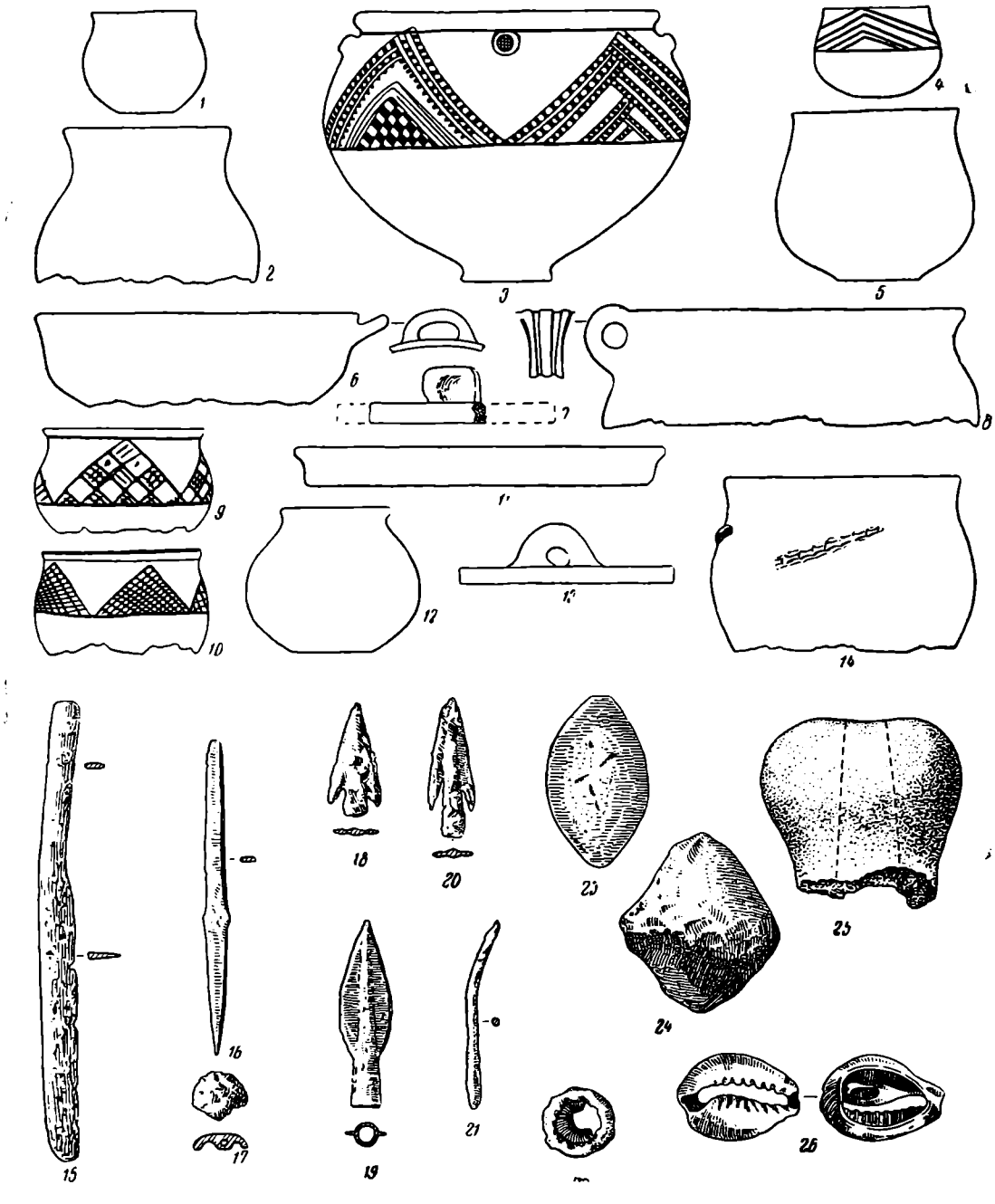


Рис. 5. Комплекс Яз-тепе I

1, 6, 14 — серая лепная посуда; *2, 4, 7—11, 13* — светлая лепная посуда; *5, 12* — посуда, сделанная на гончарном круге; *15 — 22* — бронзовые изделия; *23, 24* — керамические ядра; *25* — каменная булава; *26* — раковина каури.

Как показывает стратиграфия южного холма Анау [9] и Елькен-тепе у Каушута, слои типа Яз-I подстилаются слоями времени Намазга VI. Тем самым датировка Намазга VI (середина и вторая половина II тысячелетия до н. э.) дает нижнюю границу хронологии комплекса Яз-I.

Керамика типа Яз-I среди керамических комплексов соседних территорий представляет собой довольно обособленное явление. Лишь одна форма — серые полусферические чаши с одной горизонтальной ручкой —

[9] В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 291—373.

находит себе прямые параллели в материале культуры архаического Дахистана [10]. Однако эти сосуды сделаны на гончарном круге, а чаша из Яз-тепе — ручной лепки. Серые чаши с ручкой были обнаружены на Мадау-тепе во втором строительном комплексе, относящемся к поздним этапам существования культуры архаического Дахистана, приблизительно к первой трети I тысячелетия до н. э. Можно также добавить, что как на Яз-тепе, так и в культуре архаического Дахистана были распространены плоские крышки с петлеобразной ручкой.

Некоторые аналогии расписная керамика Яз-I находит в материалах из первого слоя ахеменидского поселения в Сузах, датируемого Р. Гиршманом VII—VI вв. до н. э. Роспись на этих сузианских сосудах производилась красной краской на кремовом фоне. Мотивы росписи мало варьируют; из их числа заштрихованные треугольники [11] идентичны соответствующей росписи яз-тепинской посуды. Р. Гиршман справедливо подчеркивает связь сузианской посуды с керамикой сиалковского некрополя *B*. Поддерживая такое сопоставление, следует сказать, что в сиалковских материалах мы имеем дорогую посуду из богатых погребений, а в Сузах — обычный рядовой материал из культурного слоя поселения. Разумеется, не может быть и речи о полном сопоставлении яз-тепинской росписи и богатой расписной керамики Сиалка, тесно связанной с более древними традициями и широко использующей антропоморфные и зооморфные мотивы. Однако простые мотивы росписи вроде заштрихованных треугольников [12], так же как и сама гамма росписи (темно-красным на светло-коричневом или желтоватом фоне), отличаются значительной близостью в обоих памятниках.

Рис. 6. Расписной сосуд из слоя Яз-тепе I

В своей первоначальной публикации Р. Гиршман датировал некрополь *B* X—IX вв. до н. э., и, хотя против этого возражал недавно К. Шеффер [13], в целом эта старая датировка может считаться сохранившей свое значение [14].

Можно считать, что находки в Сузах представляют собой последнюю фазу развития расписной керамики Ирана. Приводя эти аналогии, следует вместе с тем подчеркнуть, что посуда Сиалка и Суз, в отличие от яз-тепинской расписной керамики, изготовлялась на гончарном круге.

Определенный интерес для целей датировки представляет также немногочисленная коллекция бронзовых предметов Яз-I. Эта коллекция относится к поздней поре бытования комплекса и, следовательно, датирует его верхние пределы. Нашивные бляшки с петелькой представляют собой полную аналогию материалам карасукской культуры (XII—VIII вв. до

---

[10] Его же. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, стр. 416, рис. 31; стр. 426, рис. 41.

[11] R. Chirshman. Village perse-achéménide. Memoires de la mission archéologique en Iran, т. XXXVI. Paris, 1954, табл. XXXIII, *3*; его же. Fouilles de Sialk, т. II. Paris, 1939, стр. 7.

[12] Его же. Fouilles de Sialk, табл. XIV, *8*.

[13] C. Schaeffer. Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. Oxford, 1948, стр. 477. Некрополь *B* отнесен к 1250—1100 гг. до н. э.

[14] D. McCown. Relative Stratigraphy and Chronology of Iran. Relative Chronologies of Old World Archeology. Chicago, 1954, стр. 65.

н. э.) [15] и находкам в позднеандроновских поселениях [16]. Шилья с расширением в средней части, разделяющей рабочую часть и черешок, известны в андроновской культуре [17], где они, видимо, повторяют форму, занесенную в Поволжье с Северного Кавказа [18]. Правда, в отличие от яз-тепинских образцов, эти шилья в сечении не уплощенные, а квадратные. Аналогичные северокавказским бронзовые шилья мы находим в сиалковском некрополе *В.* Наконец, особый интерес представляют найденные на Яз-тепе наконечники стрел.

Классификация и хронология бронзовых наконечников стрел для степных пространств юга Европейской части СССР разработана довольно подробно [19]. Эта классификационная шкала начала применяться и для материалов Средней Азии, когда здесь стали находить бронзовые втульчатые наконечники стрел. Сейчас совершенно ясно, что эти наконечники стрел употреблялись не только кочевыми племенами, но и оседлым населением Средней Азии и соседних стран [20]. С количественным увеличением среднеазиатских находок представляется возможность наметить относительную хронологию бронзовых наконечников стрел в конкретных условиях Средней Азии и сопоставить ее со «скифской шкалой». Принципы разработки такой хронологии будут отличны от примененных в Причерноморской Скифии. Там многочисленные серии находок, происходящих из курганов, датированных привозными греческими вещами, легли в основу выработанной классификации. В Средней Азии раскопки курганов этого времени еще незначительны, а сами курганные комплексы не имеют четкой хронологической опоры. Основы относительной хронологии в Средней Азии заложены в стратиграфических наблюдениях на памятниках с многометровой культурной толщей. Для первой половины и середины I тысячелетия до н. э. такие возможности представляет стратиграфия Яз-тепе.

Наиболее ранние наконечники стрел, происходящие из верхних слоев времени Яз-I, представлены черешковыми наконечниками с шипообразно загнутыми концами и двуперыми втульчатыми наконечниками. Первые представляют собой весьма архаическую форму, видимо являющуюся металлическим подражанием кремневым черешковым наконечникам (Намазга VI). Типологически близкие наконечники стрел происходят из Бешташенского могильника поры поздней бронзы и раннего железа в Закавказье [21]. В этом районе подобные наконечники стрел вскоре приобрели очень изящные формы с длинным черешком и длинными узкими шипами, каковыми являются, в частности, наконечники стрел из Кармир-

---

[15] С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 155, табл. IV, *16*; его же. Древняя история южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 71, табл. XII, *25, 26.*

[16] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Археологический сборник. Тр. ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 110, рис. 35 и 36; стр. 112.

[17] С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV, 1951, стр. 155, рис. 2, *4.*

[18] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 56.

[19] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Сб. «Техника обработки камня и металла». М., 1930, стр. 70—90; П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 132—167; А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб.« Вопросы...», стр. 112—131; P. Rau. Die Gräuber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

[20] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951). Тр. Таджикской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 37, 1953, стр. 280; Б. А. Куфтин. Археологические памятники Триалети, т. I. Тбилиси, 1941, стр. 43; В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана..., стр. 401.

[21] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 68; стр. 75, рис. 85.

блура с именами Аргишти и Сардури [22]. Наконец, следует указать на черешковый наконечник стрелы из андроновского могильника у с. Канай, который, правда, имеет более приземистые формы, но, несомненно, восходит к этой же типологической группе [23].

В этих же слоях Яз-I появляются и двуперые втульчатые наконечники стрел, которые, как отмечает А. А. Иессен [24], скорее всего восходят к форме втульчатого копья. В пользу этого предположения можно привести один из наконечников, найденный на цитадели Яз-тепе и являющийся по своей форме как бы уменьшенной моделью копья. Эти двуперые втульчатые наконечники стрел были встречены и в поздних слоях Яз-II. К комплексу Яз-III относится уже трехперый наконечник со скрытой втулкой и опущенными вниз приостренными концами перьев. Богатая коллекция аналогичных скифским трехперых наконечников стрел как со скрытой, так и с выступающей втулкой была найдена при раскопках хорезмийского поселения Кюзели-гыр [25], керамический комплекс которого почти полностью идентичен посуде Яз-III.

Таким образом, можно считать, что намеченная по скифским материалам смена двуперых наконечников стрел трехперыми имела место и в оседлых областях Средней Азии, что, надо полагать, объясняется тесными связями этих областей с кочевыми племенами степей. Это заключение подтверждает методическую допустимость использования для Средней Азии датировок, выработанных на причерноморских материалах, с учетом некоторых конкретных особенностей. К числу последних относится сравнительно долгое бытование двуперых наконечников. Они встречены в поздних слоях Яз-II и в комплексе Кобадиан I, в основном совпадающем с нашим материалом Яз-III. Поскольку Яз-III представлен всего одним строительным комплексом и непосредственно предшествует раннепарфянским слоям, следует считать, что и конец комплекса Яз-II не следует отодвигать особенно вглубь. Показательно также то, что при раскопках Гяур-калы в слоях с керамикой Яз-III были найдены как трехперые, так и двуперые бронзовые наконечники стрел. Двуперый бронзовый наконечник стрелы найден и на хорезмийском городище Кой-Крылган-кала, которое не может быть датировано более ранним временем, чем IV—III вв. до н. э. [26]. Вероятно, с накоплением материала можно будет наметить различие в форме для более ранних и более поздних двуперых наконечников стрел.

Трехперые бронзовые наконечники стрел в Средней Азии неоднократно встречаются в слоях III—II вв. до н. э. Они найдены на северном доме Старой Нисы, где археологические слои датируются монетами III—II вв. до н. э., вместе с железными черешковыми наконечниками. Сохранение бронзовых трехперых стрел в последние века до нашей эры и, видимо, даже во II—III вв. н. э. отмечал в свое время и С. П. Толстов [27].

Как же в связи с этими сопоставлениями можно датировать наконечники из Яз-тепе I? Как отмечалось выше, черешковые наконечники из Яз-I представляют весьма архаическую форму, и очевидно, что сопровождающие их двуперые втульчатые наконечники являются наиболее ранними во всей серии этого типа. На Северном Кавказе такие наконечники впервые появляются в памятниках новочеркасской группы, датируемой А. А. Иессеном VIII — началом VII в. до н. э. [28]. Видимо, соответствуют такой да-

---

[22] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, т. III. Ереван, 1955, стр. 40, рис. 29 и 30.

[23] С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 54, рис. 21, *2*.

[24] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 120—121.

[25] С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 195, рис. 3.

[26] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 88, рис. 24.

[27] Там же, стр. 32—33, 111.

[28] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 121, 127.

тировке и все более увеличивающиеся в числе находки двуперых втульчатых наконечников стрел на позднеандроновских памятниках [29].

В Причерноморской Скифии с конца VI в. до н. э. получают широкое распространение господствовавшие в V в. до н. э. трехперые наконечники с выступающей или скрытой втулкой [30]. Б. Н. Граков был, видимо, прав, когда писал о распространении трехперых втульчатых наконечников стрел из Скифии в соседние территории [31]. Появление в Средней Азии трехперых наконечников в сравнительно поздних комплексах как будто подтверждает эту точку зрения. Но помимо северного влияния со стороны кочевых племен, здесь могли сказаться и южные. Мы имеем в виду развитие наконечников стрел на территории Ирана и Афганистана.

Наибольший интерес здесь, конечно, представляет набор наконечников стрел в могилах сиалковского некрополя *B* (X—IX вв. до н. э.). Наиболее распространены здесь лавролистные черешковые наконечники, уплощенные или с ребром в центре [32]. Эта форма появляется и в культуре архаического Дахистана [33], тесно связанной с иранскими памятниками. Наконечник такой же формы был найден в нижних слоях Нади-Али [34]. Более редки пирамидальные черешковые наконечники, также встречающиеся на памятниках архаического Дахистана. И, наконец, особый интерес представляет единичное появление в Сиалке трехперых втульчатых наконечников стрел [35]. Видимо, эти наконечники появляются в наиболее поздних могилах некрополя *B*, однако судить об этом трудно, поскольку в отчете Р. Гиршмана издан инвентарь лишь наиболее богатых захоронений этого могильника. Именно трехперые втульчатые наконечники сменяют черешковые лавролистные стрелы в Нади-Али [36] и образуют большой и разнообразный набор в ахеменидских Сузах, встречаясь здесь во всех трех слоях (VII — начало IV в. до н. э.).

Итак, комплекс Яз-I стратиграфически следует за слоями Намазга VI, относящимися к середине и второй половине II тысячелетия до н. э. Расписная керамика, появляющаяся в этом комплексе после долгого перерыва в пору Намазга V и VI, где расписная посуда отсутствует, может быть сопоставлена с расписной керамикой, появляющейся в Иране в X—VII вв. до н. э. (некрополь *B* Сиалка, ахеменидские Сузы I). Наконечники стрел из верхних слоев Яз-I можно отнести к VIII—VII вв. до н. э. На основании этих данных, учитывая, что стратиграфия Яз-тепе основана на последовательной смене строительных комплексов (Яз-I, видимо, включает два комплекса, Яз-II — также два и Яз-III — один), мы предлагаем следующие датировки: комплекс Яз-тепе I — 900—650 гг. до н. э.; комплекс Яз-II — 650—450 гг. до н. э. и комплекс Яз-III — 450—350 гг. до н. э. Разумеется, эти датировки в значительной степени условны, но эта условность отражает состояние изученности имеющихся материалов. Тем не менее едва ли могут быть особые сомнения в правильности отнесения комплекса Яз-тепе I к доахеменидскому времени. Это обстоятельство открывает большие возможности для изучения древней Маргианы.

---

[29] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 108, рис. 33, *1, 2*; С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции, стр. 51, рис. 19, *2*; стр. 52; его же. Поселения эпохи бронзы в северном Казахстане. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 44; стр. 47, рис. 23, *7*. Такой наконечник стрелы был найден и в Вуадильском могильнике Ферганы.

[30] П. Д. Либеров. Ук. соч., стр. 154, 156.

[31] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел..., стр. 76.

[32] R. Chirshman. Fouilles de Sialk, стр. 46.

[33] В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. Изв. АН ТССР, 1953, № 1, стр. 55, рис. 1.

[34] R. Ghirshman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. Revue des arts asiatiques, 1939, т. XIII, № 1, Paris, 1939, стр. 18.

[35] Его же. Fouilles de Sialk, стр. 17—18, табл. XCII; его же. Village perse-achéménide, стр. 55.

[36] Его же. Fouilles de Nad-i-Ali..., стр. 16.

Изучение подъемного материала и разведочные раскопки на ряде древнемаргианских поселений при наличии яз-тепинской стратиграфической шкалы позволяют наметить некоторые черты развития нижнемургабских оазисов. При этом можно полагать, что эти черты в значительной мере могут быть привлечены и к изучению древней Бактрии. Маргиана была в древности тесно связана с Бактрией и часто включалась в ее состав [37]. Уровень культурного и хозяйственного развития обеих областей в середине I тысячелетия до н. э. был почти идентичен, что позволяет предполагать аналогичное явление и для более раннего времени.

Что же представляла собою Маргиана IX—VII вв. до н. э.? В это время в северной части современных «земель древнего орошения» существовали два крупных оазиса: Яз-тепинский и Аравали-тепинский. В какой мере была обжита остальная территория — сказать трудно, но, видимо, центральной частью области являлись именно эти оазисы. Во всяком случае, район позднейшей столицы Маргианы (ныне городище Гяур-кала у Байрам-Али) еще не был обжит. Оазисы были вытянуты в меридиональном направлении и располагались вдоль крупных магистральных каналов, выходивших, видимо, из главного русла Мургаба. Мелкие ответвления арыков подавали воду непосредственно на поля. Уже для этого времени можно отметить существование двух типов поселений: небольшие, представленные отдельными некрупными буграми, и более значительные, вроде Яз-тепе или Аравали-тепе. Как показали раскопки, Яз-тепе в это время уже было крупным поселением, занимавшим площадь около 16 *га*. Эти размеры сохранились и в более позднее время. Вопрос о наличии в это время у поселения специальных укреплений остался не вполне ясным. По сравнению с более ранними поселениями эпохи энеолита и развитой бронзы на Яз-тепе можно отметить совершенно новое явление — мощную цитадель, около которой группируются холмы поселения. В южной части цитадели располагалось крупное здание, которое следует относить к числу памятников монументальной архитектуры. Остальную часть платформы занимали незначительные постройки, видимо игравшие роль подсобных и хозяйственных помещений. На цитадели были найдены сосредоточенные в определенных местах каменные и керамические ядра для пращи и ядра из необожженной глины, возможно предназначавшиеся уже для какой-то несложной метательной машины. Подобные крупные поселения с цитаделями и являлись центрами древних оазисов Маргианы.

Однако Маргиана в этом отношении не являлась каким-либо исключением для территории Южного Туркменистана. Приблизительно в это же время значительные ирригационные системы создаются в Юго-Западной Туркмении, где для орошения Мисрианской равнины выводятся каналы из Атрека или Сумбара. Крупные поселения культуры архаического Дахистана также имеют центральные укрепления [38].

Аналогичную картину можно наблюдать и в Парфии (на той части ее территории, которая входит в состав Туркменской ССР, поскольку соответствующие памятники иранского Хорасана до сих пор не изучены). В Северной Парфии не отмечается, правда, появления крупных ирригационных систем: в их создании не было необходимости. Но крупнейшее поселение Северной Парфии, Елькен-тепе, так же как и маргианские памятники, имело цитадель, а прилегающие к цитадели постройки были, возможно, окружены еще оборонительным валом. Таким образом, на территории оседлых оазисов Маргианы и соседних областей в первой трети I тысячелетия до н. э. наблюдаются два принципиально новых явления: 1) создание крупных оросительных систем и 2) появление цитадели.

---

[37] J. Pražek. Ук. соч., стр. 53; М. М. Дьяконов, Ук. соч., стр. 122; A. Foucher. Les satrapies orientales de l'empire achéménide. Comptes — rendus Academie des inscriptions et belles-lettres, 1938, сентябрь — октябрь, стр. 346.

[38] В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана..., стр. 404, 444.

Истолкование этих явлений имеет, несомненно, большое значение для исследования вопроса о развитии классовых отношений. В данном случае мы имеем дело с использованием археологических данных для воссоздания истории страны при отсутствии (во всяком случае, для Маргианы) прямых свидетельств письменных источников. Поэтому необходимо сравнить маргабские материалы с археологическими данными такой области, где письменные и другие источники позволяют более уверенно намечать процесс социально-экономического развития. Такой областью является Месопотамия и, в частности, древний Шумер, где известны письменные источники уже для ранних этапов развития классов и государства. Соответствующие археологические материалы были обобщены Г. Чайлдом [39].

Широкое освоение аллювиальной равнины Южной Месопотамии, которое было неизбежно связано с проведением ирригационных работ, относится еще к убейдскому периоду [40]. Керамика в это время еще изготовлялась от руки. Получение прибавочного продукта позволило общинам выделять ресурсы на строительство первых, еще сравнительно небольших храмов. К середине убейдского периода уже возникает стандартная планировка храмов, строившихся на платформах. Так, позднеубейдский храм в Эриду имел платформу размером 26,5 × 16 *м* [41].

Значительные изменения происходят в следующий, так называемый урукский период. Вся керамика изготовляется на гончарном круге, широко применяются повозки на колесах, увеличиваются размеры платформ и стоящих на них храмов. Например, позднеурукский храм *B* в самом Уруке стоял на платформе тринадцатиметровой высоты, имевшей размеры 70 × 66 *м*. В позднеурукское время появляются глиняные таблетки с цифровыми и буквенными обозначениями [42]. Изображения на печатях свидетельствуют о военных столкновениях, в ходе которых захватывались пленные, видимо обращавшиеся в рабство. Дальнейший прогресс письменности наблюдается в период Джемдет-Наср. В это время на самом Джемдет-Насре центром поселения являлась мощная платформа площадью 300 × 200 *м*, на которой располагалось сложное здание, занимавшее площадь около 3500 $м^2$. Г. Чайлд сомневается в том, что это здание было дворцом правителя [43], но, возможно, более правы исследователи, видящие здесь древнейшую цитадель Шумера. По мнению П. Делюга, прогресс, достигнутый в период позднего Урука и Джемдет-Насра, тесно связан с созданием больших и сложных ирригационных систем [44]. Наконец, в раннединастический период появляются гробницы с богатейшим инвентарем, которые справедливо называются «царскими гробницами». Поселения этого времени окружены стенами, и Г. Чайлд с достаточным основанием называет их городами [45]. Дальнейшее развитие освещается уже памятниками

---

[39] Г. Чайлд. Древнейший восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 162—260. См. также R. J. Braidwood. The Near East and the Foundations for Civilization. Oregon, 1952, стр. 33—38

[40] R. Braidwood. Ук. соч., стр. 36.

[41] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 187.

[42] На основании этого некоторые исследователи объединяют поздний Урук с Джемдет-Насром под названием «протописьменного периода». Ранний Урук выделяется в самостоятельный период, или фазу, под именем Варка. См. R. Braidwood. Ук. соч., стр. 37; D. McCown. The Relative Stratigraphy... В том же сборнике А. Перкинс в статье по хронологии Месопотамии выделяет вообще лишь один поздний протоисторический период, помещаемый между Убейдом и раннединастическим периодом.

[43] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 209.

[44] R. Braidwood. Ук. соч., стр. 39. Однако ирригационное хозяйство древнего Шумера еще недостаточно изучено, и подобное утверждение, несмотря на всю его вероятность, не может считаться полностью доказанным фактом.

[45] Интересно, что в области керамического производства наблюдается в это время определенный упадок. Г. Чайлд не без оснований пишет по этому поводу: «К услугам богов и даже зажиточных граждан были каменные, золотые, серебряные и медные сосуды. Керамика предназначалась для слуг и для стола бедняков» (Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 247). Возможно, следует иметь в виду это обстоятельство и при рас-

письменности. Длительные и сложные процессы общественного развития завершились сложением раннеклассового общества и древнейших, первоначально очень небольших государств.

Разумеется, из сказанного выше отнюдь не следует, что намечающуюся конкретно-историческую картину следует рассматривать как некий универсальный социологический штамп. Например, в Шумере возведение почитаемых зданий на платформах первоначально имело конкретное значение защиты от опустошительных разливов. В Средней Азии (и в частности в дельте Мургаба) эта функция почти полностью исключается. Яз-тепинская цитадель, помимо фортификационного значения, надо полагать, отражала противопоставление резиденции местного владетеля остальной части поселения. Идея такого сооружения была, вероятно, заимствована из древнего Востока через посредство Мидии. На территории последней в начале I тысячелетия до н. э. мы видим цитадель на высокой платформе в позднем поселении Тепе-Сиалк [46]. Укрепленные цитадели мидийских поселений неоднократно изображаются на ассирийских рельефах [47]. Вместе с тем материал Южной Месопотамии может быть частично привлечен для изучения некоторых моментов древнейшей истории Средней Азии, в той мере, в какой оба общества были связаны с развитием ирригационного земледелия.

На основании месопотамского материала можно прежде всего сделать тот вывод, что процесс становления классового общества был очень длительным. В частности, крупные ирригационные системы (а они к периоду Джемдет-Насра, несомненно, уже существовали) создавались не централизованным деспотическим государством, а союзами общин, внутри которых зарождались древнейшие элементы государственности. Социологически время Яз-I можно сопоставлять с периодом позднего Урука и частично Джемдет-Насра.

Таким образом, имеющийся археологический материал позволяет сделать следующие заключения об общественном строе оседлых областей Южного Туркменистана первой трети I тысячелетия до н. э. Создание крупных ирригационных систем отражает огромный прогресс. Эти древние каналы были, видимо, созданы еще союзами общин, но вместе с тем появление цитаделей свидетельствует о далеко зашедшей социальной и имущественной дифференциации, начавшейся еще в предшествующее время. Развитие имущественной дифференциации еще во II тысячелетии до н. э. видно, с одной стороны, на примере появления богатых погребений в слоях Гисара [48] и, с другой стороны, на материале южнотуркменистанских погребений времени Намазга VI.

смотрении керамического производства поры Яз-тепе I. Не с этим ли связано и сокращение количества кермики, сделанной на круге, в период Гисар III, когда широко распространяются сосуды из камня и различных металлов? Интересно, что в Египте при первых династиях (ранние фараоны — по Г. Чайлду) керамика изготовлялась еще без помощи гончарного круга (см. Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 160—161).

[46] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, т. II, стр. 105—106; его же. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951, стр. 62—63.

[47] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 269, рис. 48 и др.

[48] E. Schmidt. Excavations of Tepe Hissar. Philadelphia, 1937. От эпохи Гисар III в соответствующих слоях расчищено 439 погребений. Наряду с погребениями, весь инвентарь которых состоял из двух-трех сосудов, появляются захоронения с большим количеством изделий из камня, меди, золота и серебра (погребение «танцовщицы» в слое Гисар III B и др.). Особенно выделяется в этом отношении слой Гисар III C (синхронный, на наш взгляд, ранним этапам Намазга VI), где с несомненностью можно отнести к числу богатых три погребения: погребение CH 64 X-I «молодого воина», содержавшее 3 сосуда, бусы, медный «жезл военачальника», четыре медных кинжала и алебастровую вазу; погребение CH 64 X-2, в котором найдены: 3 сосуда, серебряные и халцедоновые бусы, 6 изделий из серебра (2 сосуда, 2 диска, 2 поделки) и 25 медных вещей (2 браслета, 12 серег, 7 колец, 3 подвески, 1 сосуд, 1 «жезл»); погребение CH 31 X-7, содержавшее 3 сосуда керамических, 3 алебастровых, подвеску из раковины, свинцовую фигурку женщины, бусы и 21 медный предмет (2 поделки, 2 сосуда, 2 браслета, «печатка», 12 серег и 1 «жезл»).

№№	Погребения	Ориентация	Керамика	Медные или бронзовые изделия	Разное	Примечание
1	Тахирбай-3, шурф	З	6 сосудов	1 ушная подвеска	1 биконич. пряслице; 1 бусина	—
2	Аучин-тепе	ССЗ	14 сосудов	1 ушная подвеска; 1 браслет	1 биконич. пряслице-бусина; 1 печатка-подвеска; 51 бусина; 1 восьмиконечная звезда-подвеска	—
3	Янги-кала, погр. № 3	С	3 сосуда	1 кольцо	—	—
4	Янги-кала, погр. № 4	Ю	2 сосуда	—	—	—
5	Янги-кала, погр. № 5	СЗ	1 сосуд	—	—	—
6	Янги-кала, погр. № 6	СЗ	—	—	1 террак. статуэтка	
7	Янги-кала, погр. № 7	СВ	4 сосуда	2 ушных подвески; 1 пластинка-диадема; 1 кольцо; 2 булавки	1 террак. статуэтка	—
8	Анау, погр. № 19	—	—	—	1 бусина	Детское
9	Анау, погр. № 23	—	2 сосуда	—	—	Детское
10	Елькен-тепе	Прибл. З	1 сосуд	—	—	
11	Намазга-тепе, «Вышка»	—	1 сосуд	—	—	Детское
12	Намазга-тепе, «Вышка»	—	2 сосуда	1 шило	1 бусина	—
13	Намазга-тепе, раск. А-2	Прибл. СЗ	2 сосуда	1 пластинка-диадема; 1 браслет; 1 кольцо	4 бусины	—
14	Намазга-тепе, раск. А-3, погр. № 1	—	1 сосуд	—	—	Детское
15	Намазга-тепе, раск. А-3, погр. № 2	ССЗ	1 сосуд	2 (?) подвески	—	—
16	Намазга-тепе, раск. А-3, погр. № 3	Прибл. ЮЗ	2 сосуда	—	—	—
17	Намазга-тепе, раск. А-3, погр. № 4	—	1 сосуд	1 ушная подвеска	1 бусина	—
18	Намазга-тепе, раск. А-3, погр. № 5	СВ	3 сосуда	—	—	—

Как можно видеть из прилагаемой таблицы, обычным инвентарем погребений времени Намазга VI являются два-три сосуда и иногда металлические изделия [49]. К числу богатых погребений, несомненно, можно отнести погребение с поселения Аучин-тепе в дельте Мургаба. В пору Яз-I этот процесс имущественной дифференциации получил дальнейшее развитие.

[49] Автор выражает благодарность А. А. Марущенко и А. Ф. Ганялину, предоставившим сведения о погребениях, найденных на Намазга-тепе.

Указанные примеры свидетельствуют об интенсивном развитии классовых отношений и древнейшей государственности, однако, учитывая длительность этих процессов, едва ли можно считать, что классовое общество в описываемое время уже полностью сложилось. Общественный строй скорее всего напоминал Мидию VIII в. до н. э., которая состояла из мелких областей — «стран» (dahyu) с «правителями» (šastar) во главе. И. М. Дьяконов так характеризует Мидию этого времени: «Поселения частично носили родовой характер; но сосредоточием жителей в каждой местности, а по большей части также, вероятно, и резиденциями местных правителей были крепости, само существование которых свидетельствует об имущественном расслоении и грабительских войнах между царьками возникающих мельчайших государств» [50]. Такова, видимо, была и картина доахеменидской Маргианы. Небольшими областями (dahyu), правители которых сидели в крупных поселениях с цитаделями, были, вероятно, Язтепинский и Аравали-тепинский оазисы.

Подобное развитие классовых отношений и государственности в Маргиане заставляет с большей уверенностью допускать возможность образования в VII—VI вв. до н. э. значительного политического объединения с Бактрией во главе. Тем более, что сведения Ктесия о Бактрии, вызвавшие в свое время большой скептицизм, частично подтверждаются археологическим материалом древней Маргианы. Обратимся к этим сведениям.

Диодор, ссылаясь на Ктесия Книдского, описывает поход ассирийского царя Нина на Бактрию. Ввиду трудности этого похода Нин долгое время его откладывал и тщательно к нему готовился. Войско бактрийское будто бы было весьма храбро и многочисленно, а страна трудно проходима. В Бактрии было много городов (πόλις), а столица страны, г. Бактры, отличался неприступностью и, помимо городских стен, имел цитадель (ἀκρόπολις) (Diodor, II, 6, 2). Царствовал там тогда Оксиарт. Цифры войск обеих сторон (около миллиона у ассирийцев и 400 000 у бактрийцев), несомненно, фантастичны. Первое сражение будто бы состоялось у выхода из горных ущелий на равнину и было первоначально неудачным для ассирийцев, но затем войска Нина одержали верх, и после взятия других населенных пунктов были осаждены Бактры (Diodor, II, 6, 4). Первоначально осада шла безуспешно. Далее у Ктесия приводится вставная новелла о прибытии Семирамиды, которая указала способ скорейшего овладения городом. Описание штурма напоминает повествование историков Александра Македонского о взятии так называемой «согдийской скалы». Заметив, что отдельные участки, более трудно доступные, не охранялись бактрийцами, Семирамида с частью воинов заняла неохраняемую часть акрополя (Diodor, II, 6, 7). Увидев, что цитадель взята, бактрийцы прекратили сопротивление. В Бактрах были захвачены огромные сокровища.

Видимо, к Ктесию восходит и сообщение Юстина о войне Нина с бактрийским царем (rege Bactrianorum), который в данном случае назван не Оксиартом, а Зороастром (Just., I, 1). Существует предположение, что имя Зороастра стояло у Ктесия, а уже Диодор заменил его Оксиартом. Зороастр (по Юстину) был убит [51].

Ктесий, описывая борьбу Мидии с Ассирией, упоминает, что на помощь ассирийскому царю двинулось многочисленное войско из Бактрии. Однако мидянам удалось склонить на свою сторону сначала бактрийских военачальников (ἡγεμών), а затем и все войско. Бактрийцы и мидийцы совместно выступают, по Ктесию, против ассирийского господства.

По Ктесию, после установления на Востоке мидийского владычества Бактрия, видимо, восстанавливает свою независимость, и самостоятельное бактрийское царство упоминается уже в связи с походами основателя пер-

[50] И. М. Дьяконов. Ук соч., стр. 193.

[51] Об осаде Бактр ассирийским царем (πολιορκῶν δε καὶ Βακτριοῦς) сообщает в «Киропедии» и Ксенофонт (I, 5, 2), но относит это событие уже к правлению Киаксара. Вероятно, это отражение легенды, приведенной у Ктесия.

сидской империи Кира II. Тот же Ктесий сообщает, что первоначально Кир не смог покорить Бактрию. Лишь узнав, что Астиаг признал Кира своим законным наследником, бактрийцы добровольно признают власть персов. Ксенофонт даже упоминает о существовании в это время бактрийского царя [52].

Перед нами налицо совершенно определенная историческая традиция. Полулегендарный характер сведений несомненен, но весьма важно попытаться определить источник, к которому эти сведения могут восходить. По мнению ряда исследователей (Т. Нельдеке, В. В. Бартольд), соответствующие сведения Ктесия восходят к бактрийской традиции, дошедшей, правда, до греческого автора уже в мидийском преломлении. К. В. Тревер писала, что сведения о доахеменидской Средней Азии могли быть почерпнуты античными авторами, в том числе и Ктесием «из мидийской исторической традиции, которая, в свою очередь, была связана с традицией ассирийской» [53]. Своеобразную позицию занял И. Маркварт. По его мнению, Ктесий перенес в седую древность то высокое положение, которое Бактрия заняла лишь в ахеменидское и эллинистическое время [54]. Обратимся к тексту самих сообщений. Несомненно, Ктесий — автор менее заслуживающий доверия, чем Геродот. Несмотря на его собственное сообщение об использовании персидских архивов, многое заставляет в этом сомневаться. Вставные новеллы, вроде романтической истории Семирамиды, не имеют никакой исторической ценности. Вместе с тем отдельные элементы ктесиевской легенды о Бактрии довольно конкретны. Это относится, например, к столкновению бактрийцев и ассирийцев на границе у выходов из горных ущелий. Это могло относиться только к западной границе Бактрии и вполне соответствует реальной географической обстановке. То же следует сказать и про описание осады Бактр. То, что мы знаем по исторической топографии этого города, где роль цитадели играла весьма возвышенная часть Бала-Хисар, а рядом располагался собственно город [55], в значительной мере соответствует этому описанию. Наконец, сам факт наличия в столь раннее время на крупных поселениях Средней Азии цитаделей — акрополей археологически доказан в результате работ в дельте Мургаба.

Крупные походы ассирийцев в столь отдаленные от Двуречья районы, как Бактрия, исторически недостоверны. Однако сама возможность сношений с Ассирией уже не является столь невероятной, как это могло казаться раньше. И. М. Дьяконовым издан отрывок из донесения ассирийского агента, вавилонянина по происхождению, посланного за лазуритом в некую горную местность. «Но когда я унес лазурит,— сообщает агент,— страна восстала против меня». Далее следует просьба о присылке крупных воинских сил [56]. Как известно, основным источником лазурита, высоко ценившегося на Ближнем Востоке, была Бактрия, и не исключено, что в данном случае речь идет о какой-либо из областей самой Бактрии или близлежащих стран, где лазурит мог и не добываться непосредственно, но быть в большом количестве ввиду близости к источникам его добычи.

Таким образом, мы склонны считать, что в основе сообщений Ктесия и других античных авторов о древней Бактрии лежит совершенно опре-

---

[52] Сообщается, что ассирийский царь будто бы был ксеносом царя бактрийского (τῶν Βακτριανῶν βασίλεια). В связи с описанием борьбы Кира с Астиагом Ксенофонт пишет, что Кир велел освободить и вооружить рабов из разных стран, в том числе из Бактрии, находившихся в войсках противной стороны.

[53] История Узбекской ССР, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 41.

[54] J. Markwart. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, стр. 10.

[55] R. S. Young. The South Wall of Balkh-Bactra. AJA, 1955, т. 59. Между прочим, в конце III в. до н. э. Бактры в течение долгого времени выдерживали осаду армии Антиоха III. По словам Полибия, эта осада была воспета поэтами (Polyb., IX, 34). Не сумев взять города, Антиох пошел на соглашение с греко-бактрийским правителем Евтидемом.

[56] И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 2, стр. 335—336.

деленная традиция, хотя и получившая в этих сообщениях уже искаженное отражение и соединенная этими авторами с другими известными им легендами. Восходит эта традиция, скорее всего, к мидийской, а быть может, учитывая некоторые другие сообщения Ктесия, к сако-мидийской среде. Попытку И. Маркварта возвести эту традицию лишь к ахеменидскому времени нельзя считать состоятельной. Целый ряд обстоятельств, и в частности описание завоевания Киром Бактрии, указывает на промидийскую ориентацию Ктесия. Геродот, представляющий ахеменидскую традицию — правда, во многом связанную с младшей линией Ахеменидов, наоборот, ничего не рассказывает о завоевании Бактрии и даже называет ее не царством, а бактрийским народом, хотя и придает войне с ней большое значение. Более связанный с мидийской традицией Ктесий всячески подчеркивает и развивает предания о сильной Бактрии, предшествующей утверждению в Средней Азии ахеменидского владычества. Археологические данные все более позволяют склоняться к той точке зрения, что за этой традицией стояли вполне реальные исторические явления.

Отнюдь не следует считать, что открытие на территории соседней с Бактрией Маргианы крупных поселений с цитаделями и сложных ирригационных систем окончательно разрешает проблему древней Бактрии в пользу существования здесь крупного политического объединения. Следующее слово должно принадлежать археологии самой Бактрии и прежде всего продолжению исследования самих Бактр — ныне Балхского городища, весьма мало изученного раскопками Д. Шламберже.

А. Е. АЛИХОВА

НЕКОТОРЫЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЛЕМЕННЫЕ ОТЛИЧИЯ В КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ КОНЦА I И НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

При археологическом изучении далекого прошлого мордовского народа, как и любого другого народа, первостепенное значение имеет установление датирующих признаков, позволяющих уточнить время бытования определенных экономических и социальных явлений и выявить племенные отличия.

Для этой цели особенно ценными являются мордовские могильники, изобилующие бытовым и производственным инвентарем и богатым набором украшений. За последнее время накопился сравнительно большой материал, позволяющий ставить вопрос о его систематизации.

Ряд исследователей при разрешении той или иной проблемы затрагивал вопросы периодизации памятников мордвы конца I и начала II тысячелетия. Одной из первых работ, посвященных этому вопросу, была работа В. В. Гольмстен [1]. Эти же темы затрагивал П. С. Рыков [2]. Вопросам периодизации могильников мордвы X—XIV вв. была посвящена и диссертационная работа автора [3]. А. П. Смирнов в своем обширном труде по истории народов Среднего Поволжья и Прикамья [4] произвел критический разбор ранее принятых схем и дал более дробную периодизацию памятников. Недостаток этой работы заключается в том, что автор привлекает материал могильников всего бассейна Средней и Нижней Оки без племенного их разделения на муромские и мордовские (для I тысячелетия) и на мокшанские и эрзянские (для более позднего времени). Периодизация, предложенная А. П. Смирновым и совпадающая для более поздних эпох с периодизацией, намеченной автором, положена в основу данного очерка.

В одной из последних работ П. Д. Степанова, посвященной вопросу происхождения мордовских племен эрзи и мокши, также затронуты вопросы периодизации [5]. Пользуясь ретроспективным методом, он дает в значительной мере правильную характеристику племенных отличий, прослеживаемых в обряде погребения, головном уборе и украшениях XVII—XVI и XV—XII вв. Доведя свои исследования вплоть до переломной в истории мордовского народа эпохи XI—XII вв., за которой следует совсем иной тип вещей и иные черты в обряде погребения, П. Д. Степанов теряет нить эрзянского этногенеза и выдвигает гипотезу о том, что мордва-эрзя

---

[1] В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм. Самара, 1923.

[2] П. С. Рыков. Очерки по истории мордвы. М., 1933.

[3] А. Е. Алихова. Мордовские могильники X—XIV веков. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр,. 137—138.

[4] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.

[5] П. Д. Степанов. К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи. Уч. зап. кафедры истории СССР Саратовского гос. ун-та, вып. XXII, Саратов, 1956, стр. 143—170.

обитала в VII—XI вв. на левобережье Оки, на территории летописного племени муромы. Это приводит к отождествлению последнего с эрзей и тем самым к отрицанию самого существования этого археологически ярко выраженного родственного мордве племени.

В I тысячелетии мордва, судя по письменным и археологическим материалам, занимала территорию, расположенную между реками Цной, Окой, Волгой и Сурой. В золотоордынское время наблюдается расселение мордвы к югу и востоку в пределы современной Куйбышевской области.

На этой территории обитали различные мордовские племена. О них имеется упоминание у В. Рубруквиса — путешественника и миссионера XIII в., писавшего: «К северу от Танаида (Дона.— *А. А.*) находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель... Сзади их живут другие, именуемые Мердас...» [6]. Иначе говоря, на севере жили Мердас, т. е. мордва, на юге — Моксель, т. е. мокша.

В источниках X века известно и третье племенное наименование — «эрзя» или «арису»,— упоминаемое в письме Хазарского царя Иосифа рядом с ц-р-мис, т. е. черемисами, как народ, живший по Волге [7]. Сейчас трудно решить вопрос, были ли в X в. мордва и эрзя двумя различными племенами или одним, но именовавшимся различно.

Некоторые исследователи склонны видеть в упоминаемых в восточных источниках X в. «буртасах» мордву-мокшу [8]. Однако ни в одном из письменных источников домонгольского времени нет ясного указания, позволяющего отождествлять буртас с одним из мордовских племен [9].

Не имея возможности подробно останавливаться на этом дискуссионном вопросе, отметим лишь одно летописное известие, которое, как нам кажется, дает ясное указание на появление буртас на мордовской земле в период монгольского завоевания. Это событие отмечено в Воскресенской летописи следующими словами: «В лето 6888 прииди из орды ординский князь Мамай с единомысленники своими, с всеми князьями ордынскими, и с всею силою Татарскою и Половетцкою, а еще к тому рати понаймовал Бесерменъ и Армены, Фрязы, Черкасы, Ясы, Буртасы» [10].

Как известно, современная мордва по лингвистическим, этнографическим и антропологическим признакам разделяется на мокшу и эрзю. Это деление четко выступает на археологическом материале всего II тысячелетия [11].

Однако племенные отличия у мордвы не столь велики. Они выявляются главным образом по обряду погребения и особенностям женского костюма, в первую очередь по головному убору, дошедшему до нас в виде отдельных металлических украшений.

В XI в. наблюдается резкая смена всего производственного и бытового инвентаря, украшений и отчасти обряда погребения, свидетельствующая об экономических и социальных изменениях, происшедших в жизни мордовского народа в это время [12]. Поэтому дальнейшее рассмотрение материала будет проведено раздельно по двум следующим этапам: VII—XI вв. и XII—XIV вв.

---

[6] В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 88.

[7] Н. К. Коковцев. Еврейско-Хазарская переписка в X веке. Казань, 1923, стр. 98—99.

[8] В. В. Гольмстен. Буртасы. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 17—25; А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 160; его же. К вопросу о буртасах. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 45—50.

[9] См. А. Е. Алихова. К вопросу о буртасах. СЭ, I, 1949, стр. 48—57, М. Г. Сафаргалиев. Заметка о буртасах. Зап. Научно-исследовательского Института Мордовской АССР, № 13, Саранск, 1951, стр. 88—96.

[10] ПСРЛ, т. VIII, 1859, стр. 34.

[11] А. Е. Алихова. Мордовские могильники X—XIV вв. Кандидатская диссертация. Рукопись. Архив ИИМК, р. 2, № 739; П. Д. Степанов. Ук. соч., стр. 147—154.

[12] Этот момент не подчеркнут в работе А. П. Смирнова; не учтен он и П. Д. Степановым.

Одним из древних бесспорно мордовских могильников можно считать могильник у с. Армиево Саратовской области, расположенный на р. Узе, притоке р. Суры [13]. Этот могильник в основном датируется IV—V вв., хотя по данным А. П. Смирнова в нем имеются и погребения I—III вв. Уже в этом могильнике прослеживается устойчивая ориентировка умерших — головой на юг, типичная для всех мокшанских захоронений последующего времени. Характерен также головной убор, в котором особенно выразительной является височная привеска в виде спирали с грузиком, бытующая у мордвы вплоть до XI в. и являющаяся общемордовским племенным украшением (рис. 1,*1*) [14].

В последнее время выявляется группа могильников первых веков нашей эры, расположенных на древней мордовской земле — в Рязанской области [15], в Пензенской области [16] и в Чувашии [17],— со своеобразным материалом, близким древнему комплексу Кошибеевского могильника.

Присутствие в женских захоронениях ряда могил типичной для мордвы спиральной височной привески с грузиком, по-видимому, позволит в дальнейшем связать эту группу захоронений с древней мордвой.

* * *

Для второй половины I тысячелетия исследовано значительно большее количество памятников, что позволяет проследить некоторые черты в области социально-экономических отношений и племенных различий и выявить хронологические изменения в украшениях, являющихся особенно ценным материалом для датировок.

Подлежащие рассмотрению могильники относятся к VII—XI вв. Значительная часть их расположена в бассейне рек Цны и Мокши. В бассейне Цны находятся могильники: Серповский (VII в.) [18], Томниковский (IX в.) и Лядинский (X—XI вв.) [19], Крюковско-Кужновский (VIII—XI вв.) [20]. За пределами бассейна Цны, на р. Мокше частично исследован могильник у колхоза «Красный Восток» (VIII в.) [21]. В Арзамасской области раскопаны могильники: Старший Кужендеевский (VII—VIII вв.) [22],

---

[13] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930; А. П. Смирнов. Ук. соч.

[14] Трактовка этой привески П. Д. Степановым как мокшанского украшения неправильна, так как она распространена в могильниках как с мокшанским, так и с эрзянским обрядами погребений, бытующими на соответствующих территориях. В результате все известные могильники VII—XI вв. П. Д. Степанов относит к мокше, отняв тем самым территорию у предков эрзи.

[15] Польно-Ялтуновский могильник на р. Цне (Рязанская область, Шацкий район. Раскопки А. Е. Алиховой. 1945 г. Материал хранится в ИИМК).

[16] М. Р. Полесских. Могильник «Армиевского типа» в Пензенской области. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 147—149; его же. В недрах времен. Пенза, 1956, рис. 17, стр. 44—50.

[17] Таутовский могильник Аликского района Чувашской АССР. Раскопки Н. В. Трубниковой 1956 г. П. П. Ефименко. Средневолжская экспедиция 1926—1927 гг. Сообщ. ГАИМК, Л., 1929, II, стр. 168—170.

[18] Отчет о раскопках в Пензенской и Тамбовской губ. ОАК за 1892 г. СПб., 1894, стр. 49; А. П. Смирнов датирует этот могильник более ранним временем (см. А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 116) Однако в коллекции отсутствуют крестообразные фибулы и височные звездчатые привески типа, указанного в работе П. П. Ефименко «Рязанские могильники», на которые он ссылается. Не указаны они и в дневнике А. А. Спицына (Архив ИИМК. Дело № 94/1892, стр. 116—125). В то же время в погр. № 16 встречены византийские монеты конца VII в. Материал раскопанной части могильника очень однороден и хорошо датируется по материалам южных могильников.

[19] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, 1893, № 10.

[20] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.

[21] А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток» КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 76—83.

[22] Разведки А. Е. Алиховой в 1928 г. и раскопки М. Ф. Жиганова 1955—1956 гг. (Материал хранится в Горьковском областном и Саранском краеведческом музеях).

Погибловский [23] и могильник IX в. у с. Перемчалки [24] близ г. Лукоянова.

В описываемых могильниках пока не удается выявить племенные отличия в украшениях и остальном инвентаре. Однако по различию в ориентировке погребенных (на основании аналогии с могильниками II тысячелетия н. э., в которых для мокши характерна южная ориентировка умерших, а для эрзи — северная) к мокшанским следует отнести могильники Лядинский, у колхоза «Красный Восток» и др., а к эрзянским — расположенные в более северных районах могильники Серповский, Старший Кужендеевский, Погибловский, Перемчалкинский [25].

В могильниках этой группы по сравнению с погребениями первой половины I тысячелетия н. э. прослеживаются новые явления: появляются трупосожжения [26] и парные захоронения. Обряд трупосожжения получил сравнительно широкое распространение в более ранних памятниках. Так, в Серповском могильнике количество трупосожжений составляет 22%. Следует отметить, что здесь этот обряд является более характерным для мужских захоронений (среди них трупосожжения составляют половину, а среди женских — лишь $^1/_5$ часть).

В некоторых захоронениях, совершенных по обряду трупосожжения, встречаются наряду с мужским инвентарем и женские украшения. В этом случае трудно решить, был ли здесь положен наряд вдовы умершего или вместе с последним погребена жена или наложница. Значительно легче решается этот вопрос, когда имеется обряд трупоположения. В Крюковско-Кужновском могильнике положены только вещи, причем всегда с правой стороны костяка. По-видимому, аналогичное явление наблюдалось и в Лядинском могильнике. В Серповском могильнике (погр. №№ 34, 35) одновременно были погребены двое по обряду трупоположения — конный воин с мечом и женщина (может быть, подросток, судя по браслету).

В одновременном могильнике у колхоза «Красный Восток» в одной могиле (№ 2) были встречены два захоронения. Одно из них, мужское, было совершено по обряду трупоположения, другое, женское,— по обряду трупосожжения. Пережженные кости вместе с женскими украшениями были положены на правую плечевую кость и у черепа мужского костяка. В Лядинском могильнике, когда обряд трупосожжения встречался уже редко, появился смешанный обряд, при котором погребалась отчлененная голова, а туловище сжигалось и пережженные кости ссыпались в могилу. Подобный обряд был прослежен в двух женских захоронениях (№№ 149, 150) и в двух парных (№№ 53, 154). В последних мужчины погребены по обряду трупоположения, а женщины — по смешанному обряду.

Переходя к рассмотрению наиболее типичных датирующих предметов, входящих в состав женского убора, отметим прежде всего спиральную височную привеску с грузиком (рис. 1, *1, 14, 30*) — одно из характерных древних мордовских украшений. Ее размеры и форма являются хорошим датирующим признаком: чем меньше она, тем древнее (от 3 до 10 *см* длины). Эта привеска бытует до XI в., встречаясь как пережиток и в XII в. [27].

---

[23] Е. И. Горюнова. Погибловский могильник. Археологический сборник, № 1, Саранск, 1948, стр. 88—111.

[24] А. Е. Алихова. Перемчалкинский могильник. Археологический сборник, № 1, стр. 173—211.

[25] П. Д. Степанов игнорирует эту группу памятников, как эрзянскую. В то же время руководствуясь главным образом тем же признаком, т. е. ориентировкой захоронений на север, он считает возможным приписывать эрзе муромские могильники, или, как автор их называет, западноокские.

[26] Распространение обряда трупосожжения А. П. Смирнов связывает с проникновением в мордовскую среду славян. См. А. П. Смирнов. Очерки..., стр 155.

[27] Эта привеска играет видную роль в построениях П. Д. Степанова, который без достаточных доказательств указывает на ее существование в XII—XV вв. в качестве обязательного национального мокшанского украшения. Его утверждение, что эта привеска встречается в Старосотенском и Пичпандинском могильниках, является ошибочным.

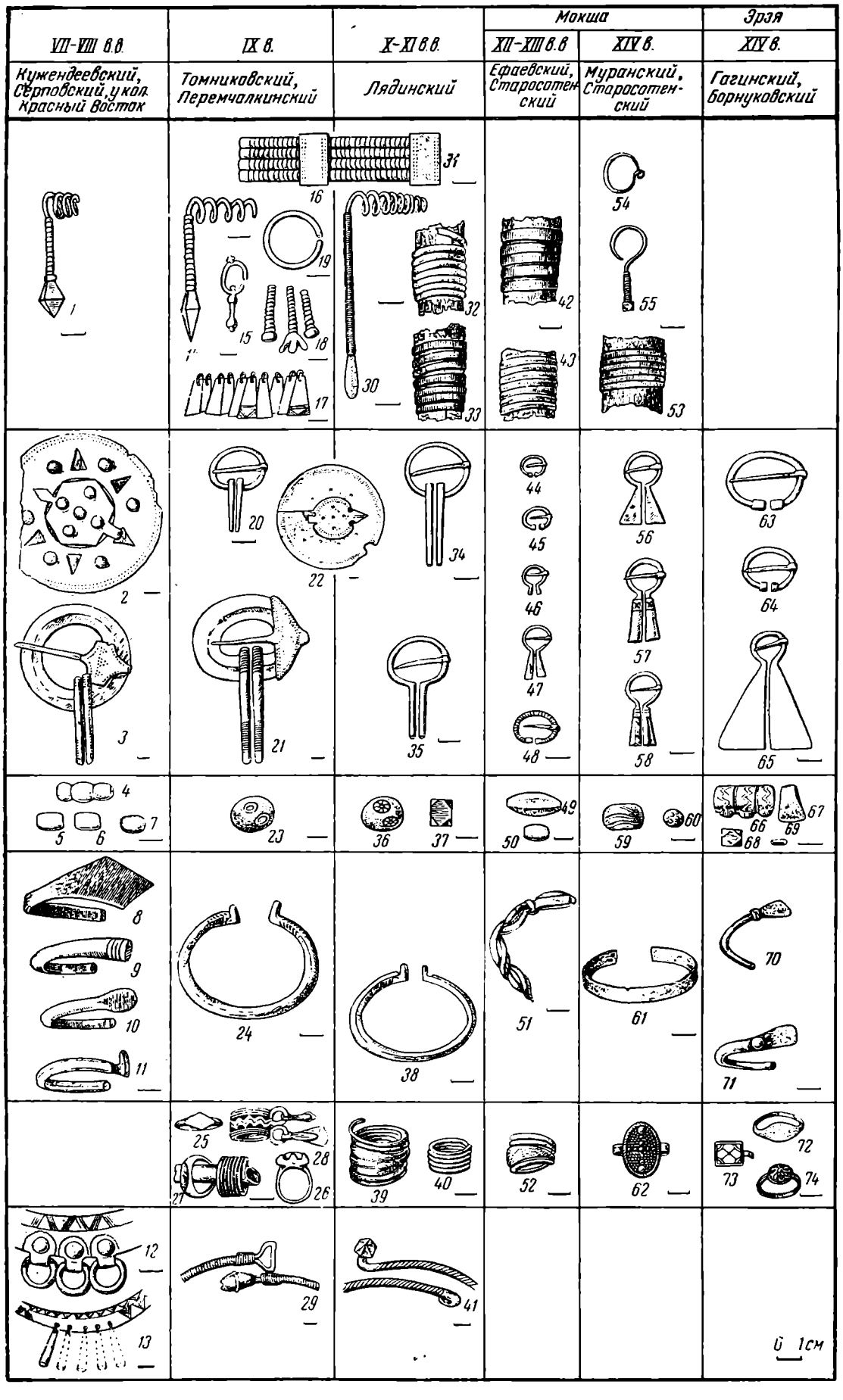


Рис. 1. Классификация украшений мордвы VII—XIV вв. по материалам могильников

В IX в. в качестве мужского украшения встречается височное кольцо (рис. 1, *19*) и серьга с грузиком (рис. 1, *15*). Примерно с VIII в. в состав головного убора мордвы входит бронзовый или серебряный венчик из трубчатых пронизок и обойм со штампованным орнаментом (рис. 1, *16*, *31*); он представлял собой чаще всего лишь налобную часть убора. В целом головной убор мордовок был довольно разнообразным, что, вероятнее всего, объясняется возрастными и социальными особенностями, еще недостаточно выясненными. У некоторых головных уборов с затылка спускалась короткая лопасть, к нижнему концу которой были пришиты трапециевидные подвески (рис. 1, *17*) [28]. Эта деталь головного убора существовала и в более раннее время (Армиевский могильник, погр. №№ 3, 70) [29].

Для IX—X вв. более характерен другой тип головного убора. Он состоит из венчика и пряди спиралек, заканчивающихся привесками в виде колокольчиков, бубенчиков, звездообразных привесок (рис. 1, *18*).

В X в. в состав головного убора мордвы-мокши начинает входить характерный для всего последующего времени сложно устроенный накосник — пулокерь в виде лубяной трубки, обвитой ремешком шириной около 0,7 *см*, который, в свою очередь, обмотан тоненькой бронзовой плоской проволочкой, расположенной не плотно виток к витку, а с небольшим расстоянием, приблизительно в 1 *мм* (рис. 1, *33*). Изредка накосник состоял из бронзовой спиральной полоски (рис. 1, *32*).

Шейные украшения у мордвы в описываемое время обильны и разнообразны; это гривны и ожерелья из бус и разного типа металлических привесок и пронизок.

Все встреченные типы гривен представляют дальнейшее изменение ранее известных на мордовской земле и в соседних окских районах.

К первому, довольно распространенному типу относятся пластинчатые серповидные гривны В VII—VIII вв. такая гривна приобретает трубчатые привески (Серповский могильник), а затем накладную пластинку и становится характерным мордовским украшением вплоть до IX—X вв. (рис. 1, *12, 13*) [30].

Ко второму типу относятся проволочные гривны. Простейший вид таких гривен представляет собой круглый прут, слегка утонченный к концам, согнутым в виде крючка. На некотором расстоянии от концов гривна обмотана узкой бронзовой полоской в четыре оборота. Гривны такой формы были сравнительно мало распространены и, по-видимому, относятся к ранним типам.

К этому же типу относится гривна с замком-лодочкой, т. е. с овальным щитком на одном конце и изогнутой петлей — на другом (рис. 1, *29*). Такая гривна, сделанная из перекрученного прута, найдена в Серповском могильнике в погребении № 16 вместе с 12 золотыми византийскими монетами середины и конца VII в.

В могильниках IX—X вв. гривна этого типа обычно обвита толстой проволокой. Впервые появившись в Рязанских могильниках на стадии Д[31], такие гривны получили широкое распространение в междуречье Оки и Волги у мордвы и муромы. Следует отметить, что близкие по форме гривны известны и в Люцинском могильнике [32].

Наиболее же распространенным видом проволочных гривен в IX—X вв. были грибоконечные гривны. Один конец их образует петлю, а другой, загнутый, имеет более или менее массивную головку. Сама гривна бывает обвита проволокой или орнаментирована нарезкой (рис. 1, *41*).

---

[28] А. Е. Алихова. Мордва и мурома. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 27, рис. 3, *2*.

[29] П. Рыков. Культура древних финнов..., стр. 47, 66.

[30] А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток», стр. 81, рис. 16.

[31] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. МЭ, т. III, вып. I, Л., 1926, стр. 68

[32] Люцинский могильник. МАР, № 14, СПб., 1893, стр. 24, рис. 4, 5.

Бусы, характерные для VII—VIII вв., представлены главным образом материалом Серповского могильника. Наиболее распространены пастовые красного цвета бусы, одинарные или слитные, преимущественно мелкие, бочкообразной формы или округлые, более крупные — асимметричные (рис. 1, 7).

В значительно меньшем количестве найдены позолоченные бусы (одинарные, двойные и тройные; рис. 1, *4—6*). Такие бусы известны на Кавказе в первой группе захоронений Борисовского могильника, датируемой V—VII вв. [33]. В Серповском могильнике слитные позолоченные бусы среднего размера были встречены вместе с монетами конца VII в. (погр. № 16). Посеребренные бусы (цилиндрической формы) встречены в незначительном количестве. Очень мало найдено янтарных, стеклянных цветных бус и бус мозаичных с глазками и полосками. В более поздних могильниках мозаичные бусы с определенным рисунком представлены хорошо.

В X в. были распространены стеклянные одинарные бусы преимущественно небольшого размера синего и желтого цвета, а также четковидные — позолоченные, посеребренные, синие и серо-голубые с тонкими продольными полосками.

Особую группу образуют мозаичные бусы зеленого, черного, синего или желтого цвета. Основной узор состоит из каемчатых глазков. В центре глазка помещается обычно небольшая желтая или изредка голубая точка, окаймленная снаружи чаще всего красным и значительно реже — белым цветом (рис. 1, *23*). Иногда глазок бывает трехцветным.

Крайне редко встречаются многоцветные полосатые бусины. Многие из перечисленных мозаичных бус были широко распространены в Верхне-Салтовском могильнике [34] и на Кавказе в могильниках VII—IX вв. [35].

К наиболее древним нагрудным украшениям относится дисковидная бляха (рис. 1, *2*). Этапы ее изменения хорошо прослежены П. П. Ефименко на материале Рязанских могильников [36]. Для VIII—X вв. типична бляха с круглой дверкой (рис. 1, *22*).

Одними из типичных мордовских нагрудных украшений являются кольцевые застежки с усами или концами в виде длинных трубочек (рис. 1, *3, 20, 21, 34, 35*). Эти формы являются родоначальниками сменивших их не менее своеобразных застежек с лопастями, так называемых сюльгам — характерного для всего II тысячелетия мокшанского украшения (рис. 1, *47*) [37].

К числу датирующих предметов относятся также браслеты, которые наряду с бусами и поясными наборами попадали к мордве в результате обмена или торговли. Это особенно четко выступает на материале Серповского могильника. Найденные здесь браслеты имеют ряд параллелей в могильниках Кавказа, (как, например, в группе погребений Борисовского могильника [38]) и в Крыму (в могильнике Суук-су [39]). Эти браслеты обычно сделаны из толстой, круглой в сечении проволоки; изредка встречаются плоские браслеты. Браслеты различаются по форме концов, которые бывают обрублены, расплющены или утолщены наподобие раструба (рис. 1, *8—10*). После того как браслеты этого типа прекратили бытование на юге, в могильниках мордвы они также больше не встречались. Дальнейшее развитие получила лишь одна форма — полукруглого

[33] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 гг. ИАК, вып. 56, СПб., 1914, стр. 136, рис. 23, *12*.

[34] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905—1906 гг. МАК, вып. 19, 1906, стр. 122—142.

[35] Е. Г. Пчелина. Два погребения времени алано-хазарской культуры у селения Лац. Тр. секции археологии, РАНИОН, вып. IV, М., 1928, стр. 408—426; В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 154.

[36] П. П. Ефименко. Ук. соч. стр. 70.

[37] В. В. Гольмстен. Ук. соч.

[38] В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 151—152.

[39] Н. И. Репников. Некоторые могильники области Крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, табл. XI, рис. *9, 15, 16*.

в сечении браслета с несколько припухлыми с внешней стороны концами [40].

В дальнейшем он приобретает подквадратную в сечении форму и отогнутые расплющенные концы наподобие шляпки гвоздя. Этот тип массивного браслета, появившийся у мордвы примерно в VII в., становится национальным мордовским украшением, бытовавшим вплоть до XI в. (рис. 1, *11*).

В конце VIII, а может быть в начале IX в., исчезают все описанные формы, за исключением массивных браслетов, и получают широкое распространение спиральные браслеты. Массивные же браслеты с концами в виде шляпки гвоздя становятся не только женским, но и мужским украшением. В X в. входят в употребление пластинчатые браслеты. Среди них наиболее распространенным типом становятся браслеты с отогнутыми наружу концами. Поздней формой, известной во Владимирских курганах [41], является пластинчатый браслет с прямо срезанными концами.

Перстни в VII—VIII вв. встречаются сравнительно редко. Представлены они преимущественно типом спиральных перстней (рис. 1, *27*). Позже, в IX в., в связи с притоком вещей из алано-хазарского мира наблюдается большое разнообразие типов перстней, которые находят себе параллели среди инвентаря Салтовского могильника и могильников Северного Кавказа, в частности в III группе погребений Борисовского могильника [42]. Это перстни с ромбическим или овальным плоским щитком (рис. 1, *25, 27*), а также перстни с камнем, укрепленным в гнезде при помощи четырех лапок. Этот последний тип перстня, крайне своеобразный по форме, был очень широко распространен в IX в. в Восточной Европе (рис. 1, *26*).

К местным формам относятся ажурные перстни с трапециевидными или лапчатыми привесками. У мордвы этот тип существовал недолго (рис. 1, *28*).

К X в. все перечисленные типы перстней выходят из употребления. На смену им появляются широко распространенные в X—XI вв. в славянской среде пластинчатые перстни с завязанными концами и спиральные широкосрединные перстни («усатые», по терминологии А. В. Арциховского [43]; рис. 1, *39*). Последний тип получил у мордвы особенно широкое распространение и дожил вплоть до XII в. В X в. перстни в качестве мужского украшения становятся большой редкостью.

Некоторые черты погребального обряда и инвентаря второй половины I тысячелетия н. э. выявляют картину распада родовых отношений. В X—XI вв., судя по материалам Лядинского могильника, резко выделяется немногочисленная группа лиц с определенным имущественным достатком. Частнособственнические отношения заметно укрепляются, о чем свидетельствуют находки ключей, монет, привозного оружия и присутствие в могилах, по-видимому, убитых рабынь.

Прослеживаемые в XII в. большие изменения в погребальном обряде, полная смена типов производственного и бытового инвентаря и украшений являются косвенным отражением происшедших социальных перемен. Ряд фактов говорит о том, что XI в. является временем формирования феодальных отношений в мордовской среде. Судя по погребальным инвентарям, начиная с XII в. в мордовских могильниках представлена главным образом социально однородная крестьянская масса, эксплуатируемая феодальной верхушкой.

Проведенный анализ материалов мордовских могильников I тысячелетия дает также наглядное представление о культурных влияниях, шед-

[40] Такая форма браслета встречена на Северном Кавказе в могильнике VI в. у Агойского аула. См. А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, СПб., 1909, стр. 91, рис. 22, *14*.

[41] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, М., 1905, стр. 153.

[42] В. В. Сахарнев. Ук. соч., табл. V, рис. *17*.

[43] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 82.

ших с юга. Присутствие отдельных предметов, имеющих параллели в хорошо датированных памятниках южных областей, облегчает задачу установления хронологической шкалы для мордовских могильников описываемого времени.

С падением хазарского каганата начинает заметно ощущаться русское влияние. Появляется ряд предметов, типичных для соседних русских областей, позволяющих датировать отдельные комплексы в мордовских могильниках X—XIII вв.

* * *

Следующую большую группу памятников составляют могильники XII—XIII вв. Материал этих могильников настолько отличен от только что описанного, что на первый взгляд может показаться, что между ними нет ничего общего, и только детальный анализ инвентаря позволяет установить их генетическую связь. Судя по ранним (в большинстве случаев разрушенным) погребениям Куликовского могильника [44] и Крюковско-Кужновскому могильнику [45], в это время прослеживается сильное славянское влияние, которое не всегда может быть объяснено только торговыми связями. Анализ материала Крюковско-Кужновского могильника, отличающегося от описанных выше большим своеобразием в обряде погребения, позволил А. П. Смирнову прийти к выводу о постепенном «проникновении славян в гущу мордовских племен XI века и об их ассимиляции» [46].

Нашествие татар нарушило связи с русскими. Полчища татар заполонили мордовскую землю, устремляясь в русские владения. Часть из них осела в захваченных областях. Многие мордовские земли перешли в руки татарских мурз.

Образование золотоордынского административного центра в г. Мухши (Наровчат) явилось рассадником мусульманства среди мордвы [47]. Здесь, в Старосотенском могильнике, расположенном в 1, 5 *км* от центра г. Наровчата, встречены два различных обряда погребения — языческий (мордовский) и мусульманский [48].

Процесс омусульманивания мордвы ярче выражен в Аткарском могильнике [49], где были встречены на мусульманской стороне кладбища погребения смешанного характера, а именно с западной ориентировкой, характерной для мусульман, но сопровождаемые вещами и в позе, характерной для мокшанских захоронений.

В начале II тысячелетия четко выступает новый облик всей культуры мордвы. В области религиозных представлений следует отметить исчезновение обряда трупосожжения и обычая парных захоронений.

Появление на эрзянских могильниках единичных курганных захоронений объясняется проникновением чуждых мордве элементов.

Новым в обряде погребений является положение женщин — на боку, с согнутыми в коленях ногами и руками, положенными кистями к лицу,

---

[44] А. Е. Алихова. Куликовский могильник. СА, X, 1948, стр. 271—290.

[45] П. П. Иванов. Ук. соч.

[46] Его же. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952 (См. вступление А. П. Смирнова к данной работе П. П. Иванова, стр. 9). Все эти факты в еще большей степени относятся и к мурому. Именно изменение исторической обстановки привело к исчезновению в XI в. муромских могильников старого типа, а не переселение муромы (эрзи, по П. Д. Степанову) на территорию эрзи, как объясняет это явление П. Д. Степанов.

[47] А. А. Кротков. К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства. Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1928, № 5, стр. 71—79.

[48] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Археологический сборник, № 1, стр. 224—226.

[49] Н. К. Арзютов. Финский могильник XIII—XV вв. близ города Аткарска. Тр. Нижне-Волжского краевого музея. вып. I, Саратов, 1929, стр. 4—19.

т. е. в позе спящих, в то время как мужчин продолжали хоронить на спине, в вытянутом положении [50].

Для эрзи скорченность женских захоронений не столь типична, как для мокши.

В инвентаре, сопровождающем погребения, наблюдается почти полная смена форм и большая однотипность. Последнее стоит в связи как с уменьшением ассортимента украшений, так и их количества. При этом наблюдается почти полное исчезновение украшений в мужских погребениях.

К этому времени относятся более резко выявившиеся племенные отличия между мокшей и эрзей.

В XI и отчасти в начале XII в., судя по материалам Крюковско-Кужновского могильника [51], в обряде погребения и в инвентаре наблюдается большая смешанность, характерная для промежуточного этапа. Более однородный материал встречен в мокшанских могильниках — в Ефаевском [52] и особенно в несколько более позднем комплексе «А» Старосотенского могильника (XIII в) [53]. В Ефаевском могильнике, который можно датировать в основном XII в., еще встречаются отдельные погребения, сохранившие ряд предметов предшествующего времени.

Типично мокшанским украшением рассмотренных могильников является трубчатый накосник, впервые появившийся еще в Лядинском могильнике (X—XI вв.; рис. 1, *32, 33*). В течение длительного бытования этот накосник претерпел ряд изменений. Следует отметить, что в XIII в. лубяной футляр накосника снаружи обматывали плотно виток к витку бронзовой полоской шириной в 2—3 *мм* (рис. 1, *43*).

Вторым мокшанским украшением, изредка встречавшимся и в эрзянских могильниках, были сюльгамы, т. е. застежки с лопастями. Для XIII в. характерны маленькие сюльгамы с узкими лопастями. Наряду с ними изредка встречаются более крупные экземпляры (диаметр дужки 2—3 *см*), но с узкими лопастями, генетически связанные с застежками с усами (рис. 1, *46, 47*).

Для описываемого времени также характерны кольцевые застежки. В XIII в. они отличаются чрезвычайной миниатюрностью (размер 1,5 × × 2,5 *см*). Среди них встречаются как гладкие, так и обвитые тоненькой проволочкой (рис. 1, *44, 45*).

Получают широкое распространение браслеты и перстни, типичные для соседних славянских территорий. Это браслеты, витые из проволоки, сложенной вчетверо («четверные») или вдвое, а затем втрое (2 × 3). Четверные браслеты иногда были украшены тонкой перевитью, а на концах цветными стеклами в оправе (рис. 1, *51*). Перстни характерны исключительно спиральные широкосрединные («усатые») (рис. 1, *52*).

Набор бус также довольно своеобразен и типичен для соседних русских областей, где время их бытования определяется XI—XIII вв. Здесь встречены стеклянные позолоченные и посеребренные бочкообразные бусы, желтые и голубые, шарообразные и зонные, а также фиолетовые бочкообразные бусы (рис. 1, *50*). Встречен и черный стеклянный бисер. Из мозаичных бус известны лишь многоцветные, как бы состоящие из цветных лепестков. Найдены также бусы из сердолика бипирамидальной формы (рас. 1, *49*).

Эрзянские могильники XII—XIII вв. пока еще слабо изучены.

---

[50] Неверно утверждение П. Д. Степанова о распространенности обряда трупосожжения у мокши в XII—XV вв. Также ошибочно смешан обряд мужских и женских захоронений мокши того же времени. См. П. Д. Степанов. Ук. соч., стр. 160.

[51] П. П. Иванов. Ук. соч.

[52] Е. И. Горюнова. Ефаевский могильник. Археологический сборник, № 1, стр. 112—137.

[53] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник, стр. 223.

* * *

В XIV в. племенные черты у эрзи выступают достаточно четко. Для эрзи в XIV в.[54] распространенным украшением становятся кольцевые застежки, которые постепенно приобретают характер племенного украшения и к XVII в. окончательно вытесняют сюльгамы (рис. 1, *63*, *64*). В XIV в. кольцевые застежки, сохраняя старую форму, становятся несколько крупнее по сравнению с предшествующим веком. Наиболее распространенным типом были гладкие застежки. Изредка встречаются витые и с перевитью, а также из перекрученной проволоки. Иногда встречаются и сюльгамы, ставшие типично мокшанским украшением. Однако эти сюльгамы имеют некоторое отличие. Их лопасти сильно расширены и удлинены, вследствие чего дужка, сохранившая обычный размер, выглядит очень маленькой (рис. 1, *65*).

Племенные отличия выявляются также и в форме браслетов. Наиболее характерны для эрзи браслеты, сделанные из толстой круглой проволоки, с расплющенными концами (напоминающими утиный нос), украшенными тремя бугорками или одним бугорком с крестообразной насечкой, являющиеся прототипом браслетов со змеиной головкой (рис. 1, *70*, *71*)[55].

У более массивных браслетов на концах в высокую оправу, украшенную мелкой зернью и тремя или четырьмя крупными шариками, бывают обычно вставлены крупные камни или стекла.

Реже встречаются браслеты плоско-выпуклые, имеющие выпуклую наружную сторону и плоскую внутреннюю.

Другая форма, довольно характерная для эрзи, — двускатные браслеты. Преобладающее большинство двускатных браслетов имеет по две, три или пять орнаментированных плоских площадок, прерывающих грань, идущую вдоль браслета.

Третья форма браслетов, продолжавшая бытовать у эрзи, — витые браслеты. Тройные витые браслеты по сравнению с предшествующим периодом свиты из более тонкой проволоки, концы их уплощены и часто имеют подпрямоугольную форму. Они украшались специальными пластинками в виде утиного носа с тремя бугорками у основания.

Витые браслеты (2 × 3) имеют более слабое витье и украшены на концах, так же как и массивные круглые браслеты, камнями или стеклами в оправе с тремя или четырьмя крупными шариками зерни наверху.

Перстни не имеют племенных отличий и относятся к типам, широко распространенным в Поволжье и соседних русских областях (рис. 1, *72*, *74*). То же можно сказать и относительно бус, но так как они имеют хронологическое значение, опишем их ниже при характеристике мокшанской группы.

Основные племенные украшения мокши XIV в.[56], накосник и сюльга-

---

[54] В. А. Снежневский. Гагинский могильник. ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 148—153; его же. Отчет о раскопках Гагинского могильника. Архив ИИМК, дело № 132, 1894; II Борнуковский могильник. Раскопки Антропологического научно-исследовательского института МГУ в 1928—1929 гг. в Горьковской области на реке Пьяне. Материал хранится в ГИМ; Е. И. Горюнова. Коринский могильник. Археологический сборник, № 1, стр. 56—87.

[55] Данный тип браслета П. Д. Степанов включает в число предметов, указывающих на генетическую связь эрзянских могильников XII—XV вв. с муромскими (западно-окскими, по П. Д. Степанову) VII—XII вв. Этот признак ничего не доказывает, так как выделенные автором периоды имеют хронологический стык на рубеже XI и XII вв., когда этот тип браслета получил широкое распространение.

[56] В. Н. Поливанов. Муранский могильник. Симбирск, 1893; его же. Муранский могильник. М., 1896: А. Е. Алихова. Муранский могильник и селище. МИА, № 42, 1954, стр. 259—301. А. П. Смирнов датирует этот могильник более широко, а именно X—XIV вв. (см. А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 132). В то же время хранящийся в ГИМ материал, разбитый по погребениям, как и вновь добытый автором, очень однороден и хорошо датируется монетами и другими предметами XIV веком. Вещи же более ранние, упоминаемые А. П. Смирновым, относятся

мы, остались прежними, лишь несколько видоизменившись. В XIV в. наружная обмотка накосника «пулокерь» бронзовой полоской не встречается. Для этого времени характерна плотная, виток к витку, наружная обмотка накосника узким ремешком, который в свою очередь обвит также плотно тоненькой проволочкой (рис. 1, *53*). Плотная обмотка является характерной для накосников XIV в., и ее не следует путать с очень похожей, но несколько разреженной обмоткой, известной с X в. и изредка встречавшейся до XIII в. включительно (Лядинский и Ефаевский могильники) (рис. 1, *33, 42*).

Для XIV в. характерны два типа сюльгам, впервые появившиеся в это время. Это сюльгамы с узкими трехгранными лопастями, часто орнаментированные близ дужки параллельными или крестообразными насечками (рис. 1, *58*). Второй тип сюльгам имеет такие же узкие лопасти, плоские с внутренней стороны и несколько выпуклые с наружной (плосковыпуклые лопасти). Близ дужки имеется небольшая плоская площадка, орнаментированная ямками и насечками (рис. 1, *57*). Эти два типа сюльгам бытовали короткое время и являются хорошим датирующим материалом. Наиболее распространенным типом сюльгам были сюльгамы с широкими треугольными лопастями (рис. 1, *56*). Некоторые из них украшены нарезным орнаментом и изредка чернью и зернью.

Кольцевые застежки у мокши стали редким украшением.

В XIV в. витые браслеты уже вышли из употребления, сменившись железными пластинчатыми (рис. 1, *61*). Исчезли также усатые перстни, взамен которых появились перстни со щитками, судя по всему, болгарской работы (рис. 1, *62*).

Среди бус особенно типичны черные мозаичные бусы с линейным или зигзаговым орнаментом белого, желтого или голубого цвета, широко распространенные в золотоордынских городах (рис. 1, *59, 60*).

Проведенный обзор датирующих предметов далеко не полон. Отсутствуют также характеристики производственного и бытового инвентаря, некоторых украшений и деталей костюма. Все эти предметы, подобно описанным выше украшениям, несомненно несут на себе определенный отпечаток эпохи. Однако далеко не все они могут служить для целей более подробной датировки.

Как видно из изложенного выше, материал мордовских могильников делится на две резко отличные хронологические группы, свидетельствующие о больших социально-экономических изменениях, происшедших в жизни мордовского народа в конце X и в XI в. До этого момента племенные отличия пока прослеживались почти только в обряде погребения, (хотя не исключено, что дальнейшие исследования позволят их уловить и в деталях убора). Ярко же выраженные племенные отличия у мордвы проявляются начиная с XII в.

к числу случайных находок. Условия их нахождения неизвестны и поэтому связывать их с мордовским могильником нельзя. См. также «Раскопки в Пензенской и Тамбовской губерниях в 1892», ОАК за 1892, СПб., 1894, стр. 45—51; А. Е. Алихова. Старосотенский могильник, стр. 212—246.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

МАСТЕР-КЕРАМИСТ МУХАММЕД-АЛИ ИНОЙЯТОН ИЗ МЕРВА

(К характеристике штампованной керамики Мерва XII — начала XIII в.)

Значение керамики в археологии общеизвестно. Гончарное дело, как одно из самых массовых производств прошлого, дает обширные комплексы изделий, определяющих время изготовления того или иного типа посуды и характеризующих уровень развития ремесла. Советскими археологами проделана большая работа по классификации среднеазиатской керамики с древнейших образцов эпохи неолита и вплоть до продукции современных гончаров (изучавшейся главным образом этнографами). Однако многое в этой области остается еще неясным; в частности, недостаточно хорошо выяснена типологическая шкала керамики средневековья.

Среди развалин феодальных городов и селений Средней Азии нередко встречается особая группа неполивной керамики с оттиснутым рельефным орнаментом. Время ее производства датируют довольно неопределенно (с IX до XIV в.); области распространения пока не уточнены; стилистические особенности не охарактеризованы. Между тем керамика этого типа широко представлена и в иных странах средневекового Востока — в Иране, Ираке, Египте. Но и здесь литература предмета весьма ограничена и носит по преимуществу описательный характер.

В этой связи особый интерес представляет всякий вновь открытый при археологических работах керамический комплекс, строго определенный по времени и месту производства, который может, следовательно, дать отправные вехи для определения как подъемного керамического материала, так и многочисленных, нередко беспаспортных вещей, хранящихся в музейных коллекциях Советского Союза и за рубежом.

Комплекс такого рода был выявлен при работах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) АН Туркменской ССР в старом Мерве. В 1953 г. в процессе изучения пригорода-рабада средневекового Мерва М. Е. Массон обнаружил в огромном ремесленном квартале, лежащем за западной стеной городища Султан-кала, остатки керамической печи с хорошо сохранившейся топочной камерой. В полевом сезоне 1954 г. здесь были поставлены раскопки. На площади 16 × 12 *м* были обнаружены две рядом расположенные гончарные печи, рабочая площадка мастера-гончара и отвал керамического брака. Такое экономное использование пространства объясняется чрезвычайной скученностью производственной застройки в квартале мервских ремесленников, функционировавшем в течение нескольких столетий.

Не останавливаясь на детальном описании вскрытых печей и технологического процесса (чему посвящена статья К. Адыкова [1]), охарактеризуем их лишь в самых общих чертах.

Обе печи прямоугольны в плане, ориентированы почти правильно по странам света (рис. 1 и 2), расположены смежно друг с другом. При со-

---

[1] К. Адыков. К характеристике гончарного производства в Мерве конца XII — начала XIII в. ИАН ТуркмССР, 1955, № 5.

оружении печей в толще культурных слоев были вырыты ямы, где и устроены топочные камеры. Топочные устья находятся с южной стороны. В одной из печей у устья обнаружен заделанный в пол камеры пустой бездонный хум, от которого шел какой-то канал; очевидно, это было подду-

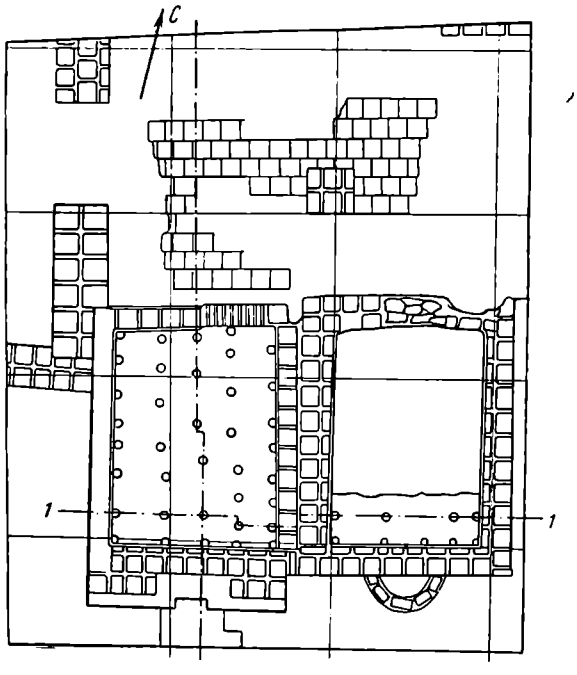


Рис. 1. План гончарных печей на уровне пода

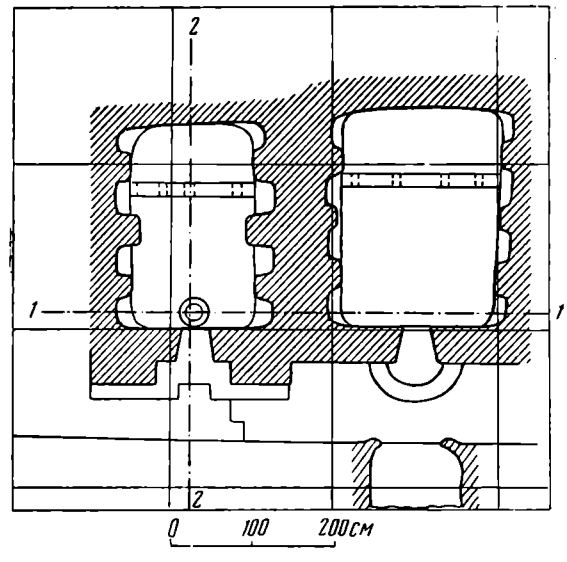


Рис. 2. План гончарных печей на уровне топочных камер

вало, откуда извне нагнетался воздух. Топочные камеры размером 2,5 × × 1,19 *м* и 2,7 × 2,1 *м* имеют в глубине поперечный барьер высотою до 0,6 *м*, с четырьмя отверстиями. Такое расчленение камеры на два отдела имело целью распределение в процессе обжига температур, необходимых для различных видов изделий. Перекрытия камер основаны на четырех арках, выведенных из жженого кирпича клинчатой кладкой

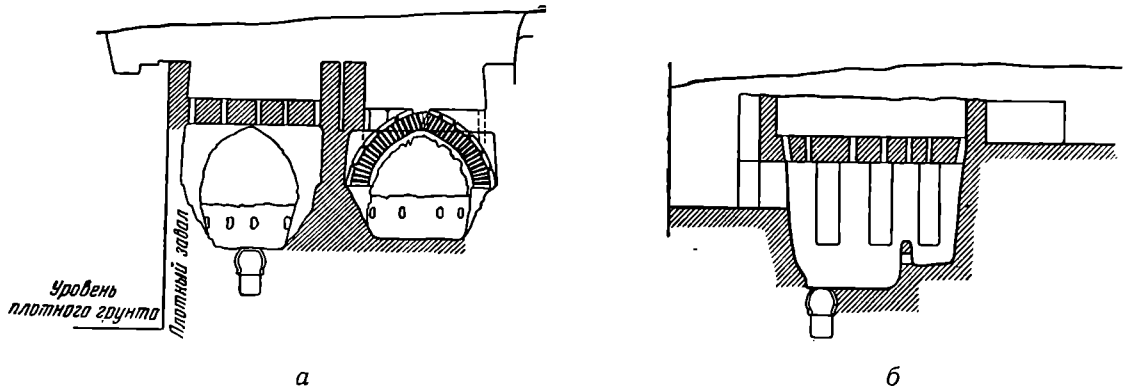


Рис. 3. Разрезы топочных камер

а — по линии 1—1; *б* — по линии 2—2

(рис. 3, *а* и *б*). Арки эти поддерживают плоский под загрузочной камеры, в котором устроено около 40 круглых отверстий для поступления горячих газов. Перекрытия загрузочных камер также были сводчатыми; ныне сохранились лишь стенки на высоту нескольких рядов кладки. Загрузка продукции осуществлялась через отверстия в торцовой северной стенке, которые затем закладывались сырцовым кирпичом или комьями глины.

С этой стороны к печам примыкает рабочее помещение, в котором мастер расставлял подготовленную к обжигу продукцию; пол здесь вымо-

щен жженым кирпичом; невысокая кирпичная тумба, видимо, служила для установки особо ценных и хрупких изделий.

В северо-восточной части раскопа обнаружен отвал бракованной продукции. Он очень разнообразен по составу. Здесь имеется печной припас — керамические штыри, трехножки-сепая, рабочий инвентарь мастера — различного рода матрицы — «калыпы», а также неудачно обожженная посуда разнообразных типов, почти вся разбитая. Возможно, что разбивалась она преднамеренно, согласно старинному обычаю ремесленников-керамистов ломать неудавшуюся продукцию.

Время бытования печей и керамического отвала определяется XII—началом XIII в., так как в самих печах обнаружены были две монеты хорезмшаха Мухаммеда (1200—1221 гг.). Функционирование печей было, несомненно, прервано в связи с монгольским нашествием, когда завоеватели предали беспощадному грабежу и разрушению цветущий город Мерв, а жителей его почти поголовно перебили.

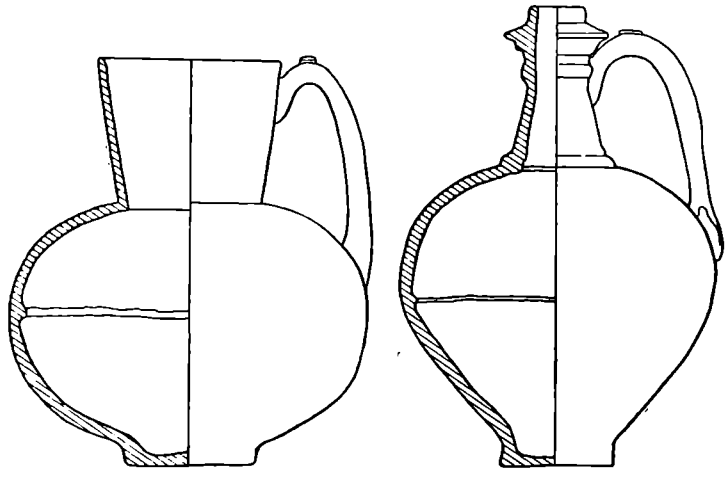


Рис. 4. Основные формы посуды со штампованным орнаментом

Состав керамики из отвала очень разнообразен по типам, формам, назначению. Здесь представлена всевозможная бытовая посуда — кувшины, горшки, блюда, чаши, фонари, светильники-чираги. Преобладает безглазурная керамика. Небольшое число изделий с поливой характеризуется несколько мутноватым тоном глазури, росписью по белому ангобу красками темно- и красно-коричневой, зеленой (нередко растекающейся), желтой.

Чираги в основном зеленого и желтого цвета. Найдены единичные фрагменты тонкостенных чаш кашинного (т. е. силикатного) черепка с голубой глазурью, а также фрагмент люстровой чаши с золотистым отблеском поверхности.

Главную массу находок образует безглазурная керамика. В составе ее особенно многочисленны широкогорлые и узкогорлые кувшины, лишенные орнаментации, но очень разнородные по формам (видимо, рассчитанные на широкий спрос и на разный вкус). Наряду с этой посудой значительный процент составляет керамика, покрытая рельефной штампованной орнаментацией (рис. 4). Характеристике именно этой керамической группы и посвящен настоящий очерк.

Основными формами штампованной посуды являются кувшины с довольно широким горлом и узкогорлые графины. Тулово их очень выпуклое, иногда почти сферическое, иногда суженное ко дну. Поддон плоский, ручка обычно одна. Сходные формы штампованных кувшинов и графинов XII—XIII вв. дают археологические находки в Рее [2], Истахре [3], Баальбеке [4].

Изготовление сосуда осуществлялось сначала на гончарном круге, причем верхняя и нижняя половины тулова формовались отдельно. После

[2] M. Bahrami. Contribution à l'étude de la céramique musulman de l'Iran. Athar-é-Iran, т. III, вып. II, Paris, 1947, стр. 209, рис. 4.

[3] E. F. Schmidt. The Treasury of Persepolis. Chicago, 1939, стр. 112, рис. 78.

[4] F. Sarre. Keramik und andere Kleinfunde der islamischen Zeit von Baalbek. Berlin — Leipzig, 1925, стр. 5, рис. 11, 14.

этого с помощью специальных чашеобразных матриц-калыпов на них отискивался рельефный орнамент, вслед за чем обе половины соединялись. Снаружи соединительный шов затирался, в силу чего орнаменты у линии сопряжения, как правило, несколько смяты, внутри же сосуда шов выступает грубым, неотделанным рубцом. Иногда орнаментация наносилась и на горловину сосуда и, как правило, на внешнюю поверхность

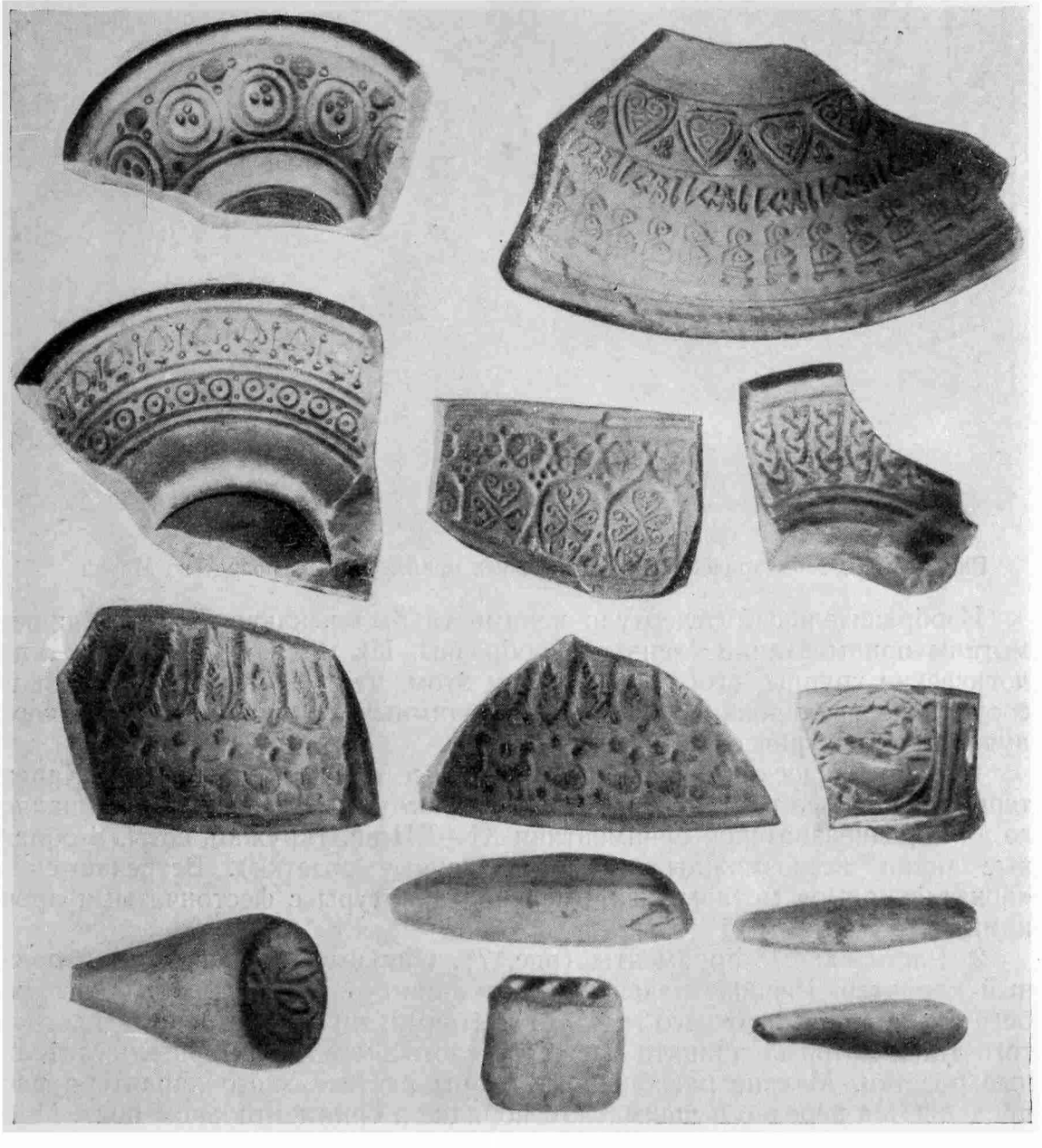


Рис. 5. Фрагменты матриц для оттиска рельефных изображений

дна. Сечение стенок довольно тонкое (3—5 *мм*); труд мастера, производившего весь цикл этих операций, требовал большого навыка и сноровки.

В отвале было обнаружено множество фрагментов разбитых матриц с разнообразными орнаментальными мотивами. Матрицы изготовлены из розоватой очень плотной обожженной глины. Они имеют иногда полусферическую форму с законченной орнаментальной композицией или же представляют собой криволинейный отсек, предназначенный для нанесения отдельных элементов узора. Встречаются также матрицы в виде штыря, на конце которого имеются розетка, ромбики, кружки, штрихи; или в виде цилиндрического штампа для накатки изображения (рис. 5).

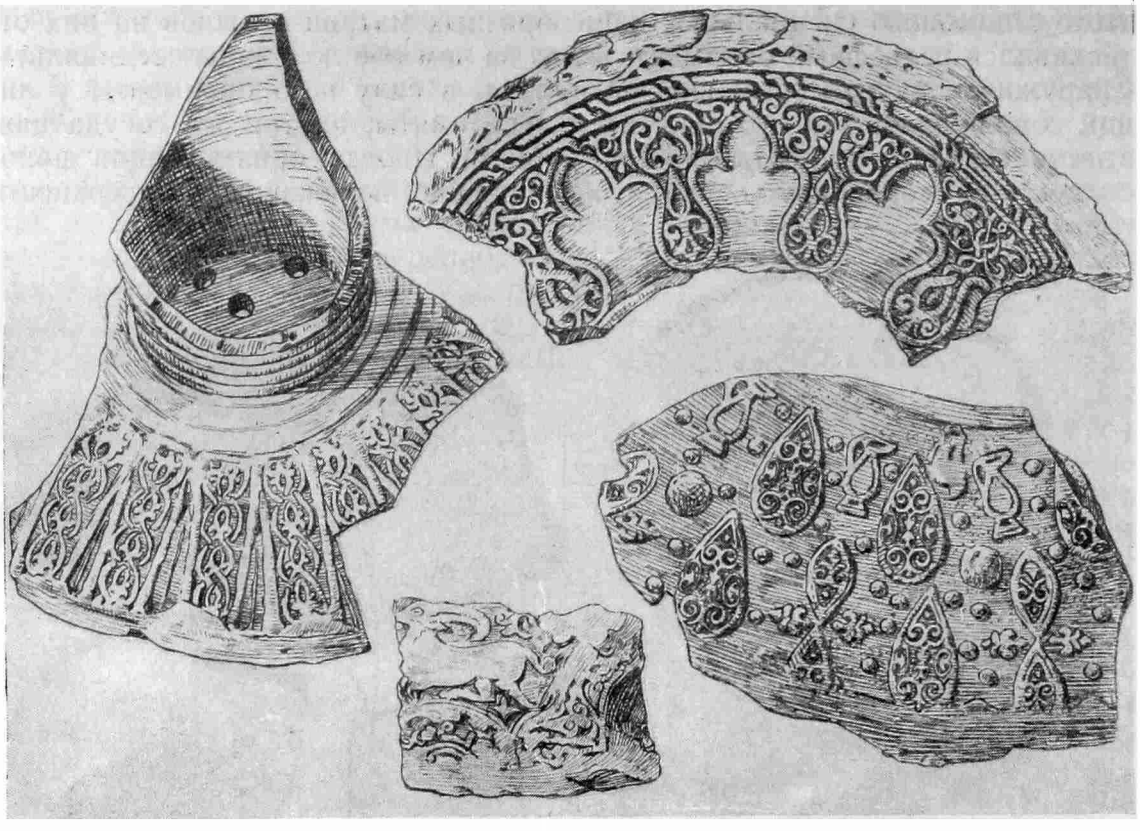


Рис. 6. Типы геометрических и зооморфных орнаментов на посуде из Мерва

Изобразительный репертуар керамиста был исключительно обширен, мотивы орнаментации очень разнообразны. Их можно разбить на типологические группы, оговорившись при этом, что мотивы встречаются на сосудах не изолированно, а либо во взаимных комбинациях, либо чередуясь в концентрических поясах.

1. Геометрические и вообще отвлеченные орнаменты (рис. 6). Характерны различные плетенки, иногда очень вычурного начертания, типичного для среднеазиатской орнаментики XI—XII вв. (кружки, соты, S-образные знаки, всевозможные геометризованные розетки). Встречаются и «архитектурные» мотивы, например род аркатуры с фестончатыми арочками.

2. Растительные орнаменты (рис. 7). Они имеют сильно стилизованный характер. Распространен мотив волнистого или спиралевидного побега с отходящими от него гибкими листьями, завитками, иногда цветами того типа, который принято называть «лотосом». Характерны растительные розетки. Мелкие разобщенные узоры растительного характера распределяются нередко в шахматном порядке в орнаментальном поле. Мно-

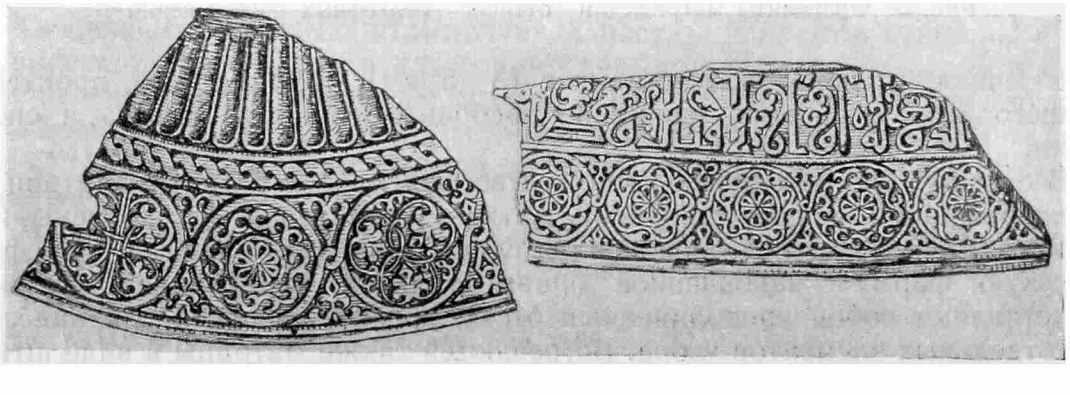


Рис. 7. Типы стилизованных растительных орнаментов

Рис. 8. Типы зооморфных орнаментов

1—3 — изображения рыб, *4* — фрагмент сосуда работы Мухаммеда-Али Инойятопа; *5—7* — фрагменты сосудов с изображением птиц и зверей

гие из них явно имитируют ювелирные изделия или мотивы чеканки на металлических сосудах.

3. Зооморфные орнаменты (рис. 8). Широко распространены рельефные рыбки (большие и малые), меридионально размещенные по кругу на тулове кувшинов. Этот орнамент находит себе аналогию в штампованном безглазурном кувшине из Истахра [5]. Встречается вереница плывущих уток и изображения фазанов. Такого рода фигурки птиц можно видеть на штампованных кувшинах с сигнатурами кашанских мастеров [6] и на других сосудах иранского происхождения [7].

Рис. 9. Матрица-калып с изображением грифонов (направо) и оттиск с нее

Характерен мотив звериного гона (или шествия зверей). В составе животных имеются козлы, куланы, зайцы, а также фантастические крылатые четвероногие. Тема звериного гона часто встречается в памятниках прикладного искусства Среднего и Ближнего Востока XI—XIII вв. (в художественном металле, на тканях, в люстровой керамике). Но на сосудах со штампованной орнаментацией этот мотив выявлен пока лишь на южнотуркменистанских образцах (находки в Нисе и Мерве) [8].

Не менее популярен был в рассматриваемую эпоху сюжет, оттиснутый в круге дна одного из фрагментированных мервских кувшинов: хищная, видимо, ловчая, птица, терзающая утку. Его можно видеть, например, в резном штуке из Рея (XI—XII вв.), на стеклянном медальоне той же эпохи из Термеза [9].

Очень интересен поднятый нами по соседству с раскопочной площадкой фрагмент калыпа с круглым медальоном, где представлены в геральдической композиции по обе стороны от стилизованного дерева два как бы скачущих в разные стороны грифона, обернувшихся головами друг к другу (рис. 9). Такой сюжет имел очень широкое распространение в изобразительном искусстве данной эпохи. Подобные фантастические образы можно видеть на панно из резного штука во дворце термезшахов [10], на

---

[5] E. F. Smidt. Ук. соч., рис. 78.

[6] M. Bahrami. Ук. соч., рис. 128, 130-bis.

[7] E. Kühnel. Sammlung Oskar Skoller. Persische Keramik. Berlin, 1930, табл. III, стр. 10.

[8] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, рис. 34; его же. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года. Тр. ЮТАКЭ, т. I, стр. 11.

[9] В. Д. Жуков. Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей. Тр. АН УзССР, сер. I, Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 151 сл., рис. 27, 29.

[10] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, рис. 34—39.

сельджукских тканях [11] и в египетских бронзах, в художественной керамике, в частности штампованной [12]. Эти сказочные существа приходят в изобразительное искусство средневековья из фольклора, из народных преданий; только широкой популярностью сюжета можно объяснить повсеместное распространение его в художественном творчестве народов средневекового Востока.

Рис. 10. Типы орнаментальных композиций с изображениями людей

4. Сюжетные композиции с изображениями людей (рис. 10). Для них характерны человеческие фигурки, размещенные на плечиках сосуда по кругу, иногда под арочками. Контуры несколько смяты, детали одежды и лиц едва различимы. Обычно они сидят «по-восточному», с поджатыми ногами, руки полусогнуты, левая покоится на колене, правая приподнята, как будто придерживает чашу. Данный мотив широко известен в люстровой керамике Рея XII—начала XIII в. [13].

Другие сюжеты более индивидуальны. В числе их имеется фрагмент пиршественной сцены. В круглом медальоне изображены двое в фас (рис. 10,*3*). У них как бы окутанные головы, округло-плоские лица с удлиненными глазами и небольшим ртом. В свободном поле между головами — графин с выпуклым туловом и стройной горловиной, имеющей удлиненный слив. Графины того же типа повторены и на другом фрагменте, где они чередуются с миндалевидными узорчатыми медальонами, имитирующими ювелирные изделия. Такие формы графинов, восходящие еще к формам так называемого сасанидского металла, широко известны в объектах средневековой восточной торевтики [14].

---

[11] Persian Art. An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House. London, 1931, стр. 69.

[12] H. Glück und E. Diez. Die Kunst des Islam. Berlin, 1925, т. XXXI.

[13] Иранское искусство и археология. III Международный конгресс. Доклады. М.—Л., 1939, табл. XXXI; А. Н. Кубе. История фаянса. Берлин, 1923, табл. I.

[14] И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 70—73.

Сама тема собеседования двоих за чашей вина была весьма распространена в изобразительном искусстве XII—XIII вв.; ее можно видеть на многочисленных люстровых сосудах рейско-кашанского типа [15], на панели резного штука из Рея (коллекция Стора) [16], на месопотамском штампованном сосуде [17].

На другом фрагменте из Мерва представлен всадник в круглом медальоне, окаймленном несколько смятой куфической надписью (рис. 10, *4*). Конь шагает влево, корпус всадника показан в фас, в правой руке он держит повод, в полусогнутой левой — ловчую птицу. На голове его как

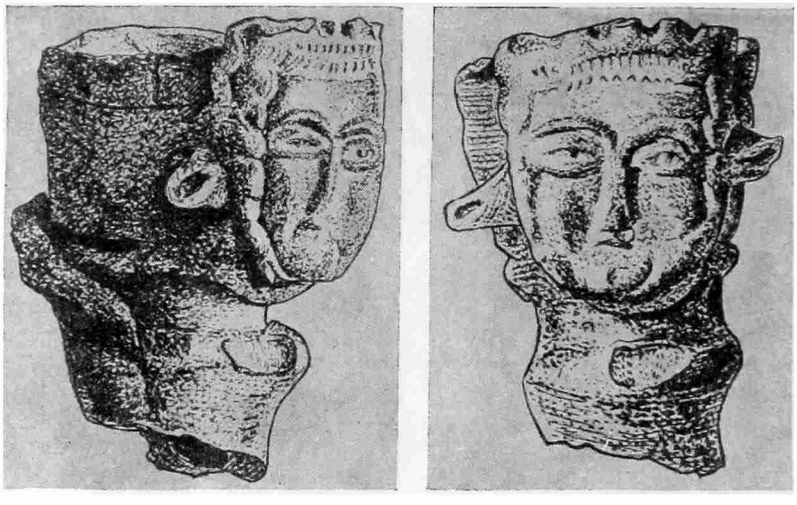


Рис. 11. Горлышко графина с антропоморфным изображением

бы облегающий шлем, лицо заостренное у подбородка, с большими миндалевидными глазами под крутыми рельефными бровями, узкий плоский нос, небольшие усы. Облик весьма напоминает лица тюркских каменных «баб» — балбалов. Из деталей одежды можно отметить рельефный ворот (или гривну) и пояс; у правого бока — наискось висящий меч в ножнах, с округлой рукоятью. В треугольных полях между медальонами оттиснуты две пары симметрично расположенных птиц.

Эти спаренные птицы очень типичны для искусства Востока XI—XII вв. Но едва ли не менее распространен и мотив всадника с соколом. Сюжет этот, встречающийся уже в сасанидскую пору, исследователи склонны трактовать как изображение Бахрам-Гура, выезжающего на охоту. Прямые и многочисленные аналогии нашему штампу дают разнообразные памятники прикладного искусства Средней Азии и Ирана XI—XII вв.: стеклянные медальоны дворца термезских правителей [18], люстровые сосуды из Кашана и Рея [19], иранская шелковая ткань из коллекции Ашерова [20], золотой медальон из собрания Галереи искусств.

Анализ перечисленных выше изобразительных сюжетов на штампованной керамике Мерва указывает на связь их с популярными мотивами средневекового восточного эпоса. Героизированный всадник, крылатые чудовища, охота, пиршественные сцены — все это теснейшим образом связано с широко известными в народной среде сказаниями, вошедшими

---

[15] Иранское искусство и археология, табл. LXXVII, LXXXI; А. Н. Кубе. Ук. соч., табл. II.

[16] SPA, т. V, табл. 516.

[17] G. Reitlinger. Unglazed Relief Pottery from Northern Mesopotamia. Ars Islamica, т. XV—XVI, 1951, табл. 19.

[18] В. Д. Жуков. Ук. соч., стр. 154—155, рис. 32.

[19] SPA, т. V, табл. 654; Иранское искусство..., табл. LXXIV, LXXXI.

[20] G. Wiet. Soieries persanes. Mémoires présentés à l'Institut d'Egypte. Le Caire, 1947, табл. XXII.

со времен Рудеки и Фирдоуси в классическую литературу Востока. Есть и символические изображения: рыбки и утки, связанные, очевидно, с идеей воды, указывают на само назначение сосуда (о чем подробнее будет сказано ниже).

Исключительно интересна в мервском керамическом комплексе антропоморфная горловина графина (рис. 11). По краю ее нанесен налеп с отштампованным, очень рельефным лицом. Лицо округлое, скуластое, плоское, с удлиненными, но не раскосыми глазами и с оттопыренными, заостренными ушами. Прямых аналогий ему в опубликованном материале нам неизвестно. Можно говорить о некотором сходстве с головкой XIII в. из Саве, покрытой голубой поливой [21], а изобразительная трактовка лица сходна с головою демона в резном штуке XII в., найденном в Рее [22]. Кого она изображает? Тюркский антропологический тип позволяет предположить, что сосуды этой группы предназначены были для той гузской среды, которая после 1152 г. прочно обосновалась в области Мерва наряду с коренным хорасанским населением этого края, имевшим совсем иной антропологический облик, о чем позволяют судить обнаруженные при работах ЮТАКЭ остеологические материалы и терракотовые статуэтки.

5. Эпиграфическая орнаментация. Она занимает довольно значительное место. К сожалению, чрезвычайная фрагментарность материала пока не дает возможности полного восстановления ни для одной надписи. Однако на отдельных фрагментах М. Е. Массону удалось расшифровать отрывки текстов, краткую характеристику которых приводим ниже.

Надписи исполнены почерком куфи или несхи. Обычно они опоясывают сосуд концентрически в один или в два ряда, иногда размещены в меридиональных полосках и изредка заключены в круглых шестигранных или миндалевидных картушах.

Почерку куфи присуща известная вычурность в начертании букв, уже утративших былую геометрическую строгость. Стиль его характерен скорее для начала XIII в. [23]. Это не тот усложненный, «цветущий» куфи XII в., который известен в блестящих образцах архитектурной эпиграфики среднеазиатских памятников (например, в мавзолее 1187 г. в Узгенде) и, в частности, представлен на одном из южнотуркменистанских сооружений — мечети средневекового Абиверда [24]. Изредка на нашей керамике встречаются причудливые «узлы счастья» и фигурные цветочные завершения вертикальных букв. Так, на одном из штампов повторяется меридионально размещенное восклицание لمن, где над буквами вверху проходят гибкие веточки с листвой.

Куфическое письмо на мервских сосудах несколько напоминает надпись на бронзовом калямдане 1210 г. с именем Мадж-аль-Мулька, везира хорезмшаха Мухаммеда [25]. Характерно, что изделия эти содержат ряд «псевдонадписей» — ложных имитаций куфи; мы видим здесь повторяющиеся крупные рельефные вертикали «алифов», связанные чертой горизонтальных букв или квадратиками «мимов», создающих иллюзию текста, который в действительности нечитаем. По-видимому, сам мастер-керамист был малограмотен или, во всяком случае, слабо разбирался в трудночитаемом куфи. Получая текст от писца-каллиграфа, которому он давал заказ на изготовление шаблона, наш гончар при переносе надписи на матрицу-калып вносил в начертание большие искажения.

[21] SPA, т. II, рис. 566.

[22] SPA, т. V, табл. 514-А.

[23] В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Эпиграфика Востока, т. III, М.—Л., 1949.

[24] А. А. Семенов. Развалины г. Абиверда и остатки старины вблизи его. Древности Абивердского района. Тр. САГУ, сер. II., Orientalia, Ташкент, 1931, таблица в конце текста; Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), рис. 30.

[25] В. А. Крачковская. Ук. соч., табл. V, *а*.

Те фрагменты куфических надписей, текст которых поддается прочтению, содержат в основном благопожелания سعاده و سلامه و [ا] لیم, т. е. «счастье, покой и блаженство...» (да будут с вами!) — в одном случае, ودولة — «богатство» — в другом.

Почерку несхи на мервских фрагментах присуща гибкость начертания букв, треугольное расширение вертикалей алифов, узлы и плетенки в некоторых буквенных соединениях, расположение надписи на фоне извивающегося растительного побега. И здесь наряду с подлинными фра-

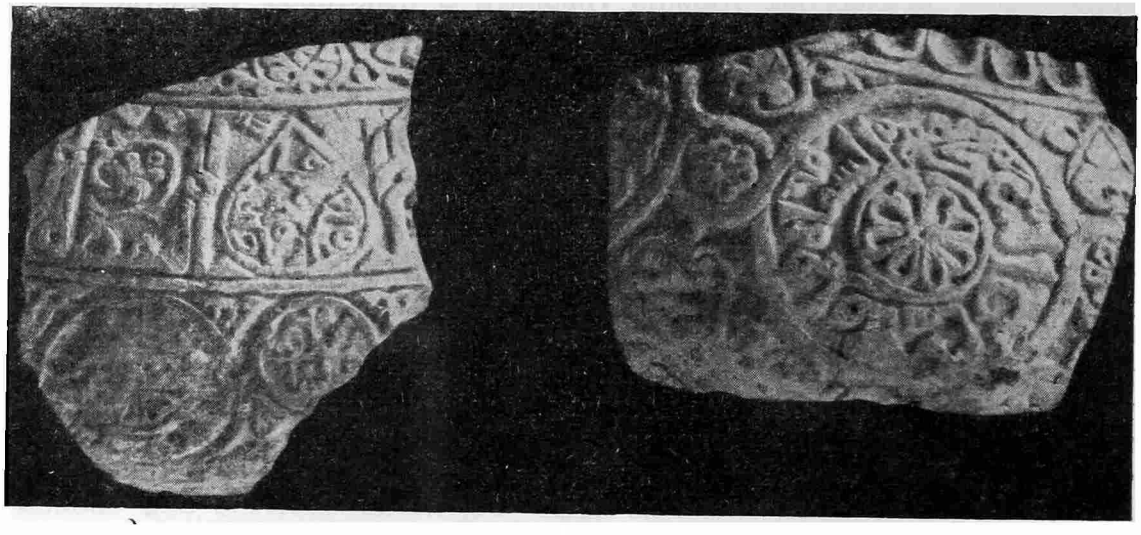


Рис. 12. Фрагменты сосудов с именем мастера Мухаммеда-Али Инойятона

зами встречаются «псевдонадписи», например многократно повторяющееся السعا — очевидно, орнаментально повторенное начало благожелания [ده]السعا — «счастье».

Совершенно исключительный интерес представляют два фрагмента, на которых среди орнаментальных фигур почти неприметно расположено по медальону с надписью (рис. 12). Один из них — миндалевидный, с текстом,писанным вязью почерка несхи, другой — круглый, с мелкой куфической надписью. В первом из них текст, расшифрованный М. Е. Массоном и А. Г. Алиевым-Гадеми, гласит: عمله محمد علی ا:ایتن , т. е. «Работа Мухаммеда-Али Инойятона». Второй значительно труднее по начертанию, его пока нельзя считать окончательно дерифрованным, но и в нем содержится имя того же мастера: «Работа Инойятона, мастера Мухаммеда (Али?)...» (последнее слово неясно) [26]. В том и другом случае перед нами имя керамиста, мастера Мухаммеда-Али, который был хозяином вскрытых печей и создателем обильной, разнообразной продукции, дошедшей в отвале брака в виде многих сотен черепков.

Отсутствие в медальонах нисбы почти с несомненностью указывает на местное происхождение мастера: имя его было настолько хорошо известно в Мерве, что он не нуждался в лакабе «Мервези». Что касается термина «Инойятон», то он был, очевидно, его прозвищем: «Даритель», «Дарующий». Оригинальная по своему облику орнаментированная штампованная керамика, богато украшенная, но, по всей вероятности, доступная по цене для широких слоев населения, могла подноситься именно в качестве подарка в приданом невесты, на бытовых празднествах, связанных с рождением ребенка и т. д.

Вывоз высокосортной керамической продукции этого типа из Мерва в города и села Мервской области засвидетельствован находкой многочис-

[26] Уточнению в дешифровке этой фразы мы обязаны консультации А. М. Беленицкого.

ленных фрагментов на развалинах средневековых поселений мервского оазиса. Встречается она и за его пределами.

В 1946 г. на городище Нисы было обнаружено несколько высокохудожественных безглазурных сосудов со штампованным орнаментом. Особенно эффектен кувшин с изображением звериного гона и надписями-благопожеланиями на теле сосуда и изображением хищной птицы, клюющей утку, на внешней плоскости дна. Еще тогда было выдвинуто предположение о мервском производстве керамики этого типа [27]. Однако гипотезу эту нельзя было считать доказанной, так как при наличии в средневековой Нисе местного развитого гончарного дела можно было бы предположить и местное производство штампованной безглазурной керамики. Этому, однако, противоречил тот факт, что за многие годы работ ЮТАКЭ на Нисе пока не было найдено ни одного штампа-калыпа для оттиска орнаментов.

Рис. 13. Фрагмент дна сосуда из Нисы с изображением хищной птицы, клюющей утку

Изучение мервских печей и отвала бракованной продукции мастера Мухаммеда-Али Инойятона окончательно разрешило сомнение. Дело в том, что в 1953 г. на городище Новая Ниса был найден разбитый кувшин с орнаментами и надписями, аналогичными тем, которые дает описанный выше мервский комплекс. Аналогична на нем и орнаментация дна с изображением хищной птицы, клюющей утку (рис. 13). Но самое замечательное здесь — это наличие миндалевидного медальона, повторяющего вышеописанные медальоны из Мерва с тем же текстом: «Работа мастера Мухаммед-Али Инойятона» (рис. 14). Таким образом, хрупкий товар нашего керамиста оказался в Нисе — городе с собственной высокоразвитой ремесленной продукцией, расположенном к тому же в 300 *км* от Мерва, т. е. на расстоянии 10 дней караванного пути.

После этой находки мы получаем право говорить о Мерве XII — начала XIII в. как об одном из крупнейших центров производства штампованной безглазурной керамики, предназначавшейся не только для удовлетворения внутреннего спроса, но шедшей и на внешний рынок.

Обращаясь к этнографическим параллелям, можно предположить и еще один путь проникновения изделий мастера Инойятона в Нису. Еще в прошлом столетии видные риштанские гончары выезжали по приглашению в другие города и поселения Узбекистана, где устраивали временные печи и изготовляли по своим секретам славившуюся повсюду керамику. Такой процесс мог иметь место и в средневековье с его развитыми формами цеховой ремесленной организации. Сам мастер Инойятон (или один из его помощников) мог быть приглашен в Нису, где по своим матрицам-калыпам он и изготовил некоторое количество художественной посуды.

Применение штампованной орнаментации в средневековой керамике Среднего и Ближнего Востока восходит еще к сасанидской традиции. В IX—X вв. в Средней Азии широко использовались неглубокие оттиски мелких орнаментов в виде перлов, розеток, S-образных фигур, иногда — стилизованных птичек. Изображение при этом было чаще всего вдавлен-

---

[27] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, стр. 11; его же. Городища Нисы..., стр. 34; М. И. Вязьмитина. Археологическое изучение городища Новая Ниса. Тр. ЮТАКЭ, т. I, рис. 9—10.

ным, реже выпуклым. Образцы такой керамики найдены на Афрасиабе, в Пейкенде [28], в присырдарьинских районах Казахстана [29], в Нисе [30].

В последующие столетия преобладает рельефный штамп, причем орнаментальный репертуар значительно обогащается. В него широко входят эпиграфические, стилизованно-растительные и даже изобразительные сюжеты. Находки такого рода штампованной керамики XII — начала XIII в. отмечены на многих крупных городищах Средней Азии, в том числе на Афрасиабе [31], в старом Термезе [32], в Нисе.

Рис. 14. Фрагмент стенки сосуда из Нисы с именем мастера Мухаммеда-Али Инойятона

Крупным пунктом производства керамики этого рода были в рассматриваемую эпоху такие знаменитые гончарные центры Ирана, как Рей, Кашан, Саве. Опубликованные образцы штампованной керамики из этих городов стилистически близки к продукции нашего мервского керамиста, но далеко не столь разнообразны в орнаментальном отношении. Известно несколько кувшинов середины XII — начала XIII в. с именами мастеров Бильгейса из Рея, Джемаледдина-Мухаммеда и просто Мухаммеда из Кашана (последний именует себя в сигнатуре «наккашем» — художником) — и матрица-калып с именем Абул-Маджида из Саве [33]. Формы кувшинов очень близки к мервским, причем на некоторых из них имеется персидское двустишие:

«Вода мне приятней вина,
Ибо от нее зависит жизнь всего сущего!» [34]

Этот факт, как мне кажется, определяет основное назначение группы безглазурных кувшинов с рельефным орнаментом как предназначенных для хранения воды. В изделиях мастера Инойятона косвенным подтверждением тому является изображение на многих сосудах рыбок или уток,

[28] М. М. Дьяконов. Керамика Пейкенда. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 91, рис. 22—23.

[29] Е. Н. Агеева. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Кара-Тау. КСИИМК, вып. XXVIII, рис. 21.

[30] М. Е. Массон. Городища Нисы..., рис. 19.

[31] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 35.

[32] М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Тр. УзФАН СССР, сер. I, вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940, стр. 99.

[33] M. M. M. Bahrami. Ук. соч., стр. 209.

[34] Там же, стр. 211, 213.

символически связанных с идеей воды. Вместе с тем у многих народов Востока рыба издавно считалась символом счастья, а утка — здоровья. Характерны также горловины от ряда таких кувшинов, имеющие поперечные сита, круглые отверстия которых протыкались острием еще до обжига. Делалось это для того, чтобы при зачерпывании воды из мутных городских хаузов или арыков в кувшин не попал бы мусор или лягушка.

В Ираке и Сирии известно применение богатой штампованной орнаментации на средневековых безглазурных сосудах для воды [35]. Следует отметить, однако, что мотивы орнаментации и стиль изображений здесь совершенно отличны от среднеазиатских и иранских сосудов той же поры. Такое же наблюдение дает и сопоставление мервских сосудов с синхронной керамикой из Баальбека [36]. Иной орнаментальный цикл присущ и южноиранской керамике XII в. [37]. Вместе с тем стилистически сходную группу дают образцы из Хорасана (Мерв) и центрального Ирана — Ирак-и-Аджам (Рей, Кашан), причем наибольшим разнообразием и выразительностью отличается именно мервский комплекс.

После монгольского погрома в Хорасане, несмотря на возрождение ремесленного производства, изготовление штампованной безглазурной керамики сходит на нет. Однако в гончарстве Хорезма традиции этого производства были продолжены в XIII—XIV вв. и отсюда перенесены в города Поволжья. Исследованиями в Куня-Ургенче, Шемаха-кале, Сарае-Берке, Болгарах выявлены остатки мастерских и большое количество керамики XIII—XIV вв. с оттиснутым матрицами рельефным орнаментом [38]. Сам орнаментальный стиль этих изделий отличен от среднеазиатских типов XII — начала XIII в.: употребляется преимущественно дробный отвлеченный узор с мелкоточечным заполнением фона и надписи витиеватым почерком «дивани» на фоне сложных завитков и точек.

Продукция мастера Мухаммеда-Али Инойятона из Мерва проливает новый свет на вопросы развития керамического производства средневекового Хорасана. Она характеризует нам творчество талантливого ремесленника, изготовлявшего на массовый спрос изящную, богато орнаментированную рельефным штампом посуду. Последняя была очень эффектна на вид, но, разумеется, не столь дорога, как импортный люстр или как местная ажурная керамика типа «grains de riz».

Выше было показано распространение продукции Мухаммеда-Али в иных городах и поселениях Хорасана вплоть до Нисы. Таким образом, археологически устанавливается факт (никак не зафиксированный письменными источниками), что наряду с вывозом шелковых и бумажных тканей и одежд, сушеных дынь и зерна Мерв экспортировал и местные гончарные изделия.

Что касается художественной стороны продукции Инойятона, то в ней ярко проявляются черты, присущие и для иных прикладных искусств Хорасана XI — начала XIII в.— торевтики, резьбы по ганчу, глазурованной керамики. Важной чертой этого стиля является пренебрежение запретом мусульманских хадисов в отношении изображения живых существ и обращение к популярным сюжетам фольклора и литературы. Таким образом, керамический комплекс из печей Инойятона вносит новые черты в историю изобразительного искусства Хорасана XII — начала XIII в.

---

[35] G. Reitlinger. Ук. соч., стр. 11.

[36] F. Sarre. Ук. соч., стр. 5—11, рис. 11—14.

[37] SPA, т. V, табл. 753.

[38] См. А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, 1931, стр. 47 сл.; Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, рис. 11, стр. 187; ее же. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Автореферат диссертации, М., 1953, стр. 11—12; О. С. Хованская. Гончарное дело города Булгара. Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. МИА. № 42, 1954, стр. 353 сл.

Б. А. КОЛЧИН

ХРОНОЛОГИЯ НОВГОРОДСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

В хронологии Неревского раскопа, созданной на основе массового археологического материала и четкой стратиграфии, удалось достичь небывалой до сих пор точности археологических дат. Ставшие основой новгородской стратиграфии 28 строительных ярусов, на которые расчленен культурный слой Неревского раскопа, датируются с точностью до одного-двух десятилетий.

Хронологические рубежи некоторых ярусов датируются с точностью до года и даже дня. Это стало возможным благодаря тому, что удалось связать известия новгородских летописей о больших пожарах в Неревском конце Новгорода с теми или иными мощными прослойками пожарищ на площади раскопа. Например, установлено, что жилища, мастерские, служебные постройки и даже уличные мостовые 12-го яруса сгорели 23 мая 1267 г. Этот день является, таким образом, концом бытования всего археологического комплекса 12-го яруса. С такой же точностью установлены даты 10-го, 9-го, 8-го, 7-го, 6-го и 4-го ярусов.

Полная хронология Неревского раскопа и ее обоснование опубликованы в I томе «Трудов Новгородской археологической экспедиции» в очерке «Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа» [1]. Эта хронология лежит в основе настоящей работы; более подробно ознакомиться с обоснованием этой шкалы можно в упомянутой публикации.

При создании нашей хронологии был использован археологический материал Неревского раскопа 1951—1954 гг., т. е. раскопов I—XI. При дальнейших работах в Новгороде на раскопах XII—XX эта хронологическая шкала неоднократно проверялась. При проверке учитывался весь археологический материал, но особенно надежными и эффектными для проверки явились монеты, печати, предметы с хорошо известными княжескими знаками, грамоты на бересте, в которых упоминаются известные по летописям лица, и некоторые массовые категории вещей, с твердыми археологическими датами такие, как отдельные виды бус, металлических украшений и т. п.

Приведем ряд примеров (а их можно привести несколько десятков) проверки хронологии ярусов по находкам 1956 г. В 6-м ярусе в кв. 1335 найдена вислая печать Анания Константиновича, новгородского тысяцкого с 1398 г. Печать изготовлена, вероятно, до того, как Ананий Константинович стал тысяцким, так как в ней он еще не назван таковым. 6-й ярус по нашей хронологии датируется 1394—1414 гг., что очень хорошо соответствует дате печати.

В 17-м ярусе в кв. 1200 найдена вислая печать новгородского посадника Захария. В Новгородской летописи он впервые упоминается в 1164 г.; был убит в 1167 г. 17-й ярус по нашей хронологии датируется 50—60-ми годами XII в. Совпадение дат поразительное!

---

[1] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. Тр. Новгородской археологической экспедиции т. I. МИА, № 55, 1956, стр. 44.

В 24-м ярусе в кв. 1181 найдена металлическая подвеска с княжеским знаком Ярослава Мудрого (первая половина XI в., до 1054 г.). 24-й ярус по нашей хронологии датируется второй четвертью XI в.

В 27-м ярусе в кв. 1132 (у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц) найден второй Неревский клад куфических монет. Дата младшей монеты клада 974—975 гг. [2], т. е. он был зарыт после 975 г. 27-й ярус по нашей шкале датируется 70—80-ми годами X в. И в этом случае мы имеем полнейшее соответствие дат.

Стратиграфическая четкость культурного слоя, значительная его толщина (на раскопе она достигает 7,5 *м*), почти полное отсутствие в слое больших перекопов и иных нарушений, а также довольно узкие хронологические рамки каждого яруса в отдельности позволяют по нахождению в ярусах тех или иных предметов установить хронологические рамки бытования почти всех категорий новгородских древностей.

Вполне естественно, что особое значение при этом приобретает сохранность последовательности напластований культурного слоя. И в этом отношении археологу в Новгороде сопутствует удача.

Как известно, основной причиной нарушения культурного слоя в городах и иных поселениях являются те или иные строительные работы, и прежде всего строительство жилищ. При строительстве землянок и полуземлянок значительный объем культурного слоя всегда перемешивается. При строительстве наземных жилищ обычно роются канавы для фундаментов, выкапываются котлованы для подпольных помещений, ведется множество иных земляных работ. В Новгороде всего этого не производилось. Деревянные дома и иные постройки (а их раскопано более 750) из-за влажности новгородской почвы всегда ставились на дневную поверхность земли. Иногда дома ставили на глиняные и песчаные подушки, которые насыпались на пожарище сгоревшего дома или на место разрушенной или разобранной постройки. Чистая глина и песок всегда привозились со стороны — с реки или карьера.

В древнем Новгороде на территории Неревского раскопа земляные работы производились только при возведении тынов на границах усадеб (для чего рыли небольшие канавки), при постройке неглубоких и маленьких по размерам погребов вне жилищ (на раскопе встречено только 11 погребов) и при установке в домах столбовых опор для печей. Кроме того, на раскопе площадью более 6000 $м^2$ в разных горизонтах встречено несколько дворовых мусорных и иных ям, общей площадью около 30 $м^2$. В верхних слоях XIV—XVI вв. встречаются траншеи водоотводных сооружений. Площадь всех указанных перекопов составляет не более двух-трех процентов всей площади Неревского раскопа.

Приведем несколько примеров размещения некоторых массовых находок по ярусам. На раскопе зарегистрировано 4253 находки обломков стеклянных браслетов. Из этого числа 4227 обломков браслетов найдены в слоях XII, XIII и XIV вв., где они распределяются со строгой закономерностью. Всего лишь 26 обломков браслетов найдены в слоях X—XI вв. и XV—XVI вв., что составляет 0,6%. В эти слои браслеты попали благодаря описанным выше перекопам. Бус «лимонок» найдено всего 310 штук. 301 находка бус приходится на слои X и частично XI в., а остальные девять штук (2,9%) найдены в слоях XII—XVI вв. Амфоры из красной глины поступали в Новгород с южными товарами только в домонгольское время. После 1240 г. приток их прекратился. На раскопе всего собрано 412 находок обломков амфор (находки обычно состояли из одного или нескольких фрагментов; части от одной разбитой амфоры, состоящие из 20—30 осколков, фиксировались тоже как одна находка). В слоях X, XI, XII вв. и середины XIII в. найдено 396 находок, остальные 16 находок (4,0%) встречены в верхних горизонтах, куда они попали благодаря ука-

[2] Определение монет клада произвела С. А. Янина.

занным выше нарушениям слоя. Итак, мы видим, что стратиграфическая четкость культурного слоя в Неревском раскопе исключительно высокая.

Новгородская коллекция древностей насчитывает более 750 категорий и типов разнообразных вещей из дерева, металла, кости, стекла, кожи, камня, глины. В коллекции имеются ткани, всевозможные злаки, плоды и многое другое. Около 400 категорий и типов предметов в течение шестисеми веков новгородской истории в силу различных причин конструктивно и технологически видоизменялись, т. е. в то или иное время имели определенную форму и технологию изготовления. Некоторые из этих предметов бытовали в определенный период, а затем исчезали совершенно. Другая группа древностей, насчитывающая около 350 категорий и типов, бытовала без каких-либо существенных изменений в течение всего периода новгородской истории.

В настоящей статье мы рассмотрим лишь массовые и хронологически наиболее выразительные категории находок, что составит более 100 категорий предметов из черного металла, кости, стекла, камня, цветного металла и глины, бытовавших в Новгороде в то или иное время с середины X в. до второй половины XVI в.

В статье мы коснемся только собственно новгородской хронологии. Привлечение широкого сравнительного материала с иных древнерусских археологических памятников в план нашего изложения сейчас не входит, да в пределах журнальной статьи это было бы и невозможно. Подобная работа в настоящее время ведется научным коллективом Новгородской экспедиции, и можно лишь заметить, что хронологические рамки тех или иных новгородских древностей почти всегда укладываются в более широкие и расплывчатые даты этих предметов, найденных на других древнерусских археологических объектах.

Среди новгородских древностей большую группу находок составляют изделия из железа и стали, насчитывающие более 160 видов. Некоторые виды изделий имеют по несколько типов и вариантов. В эту группу находок входят различные инструменты, оружие, сельскохозяйственные орудия труда, многие предметы быта, принадлежности костюма, конская сбруя и изделия иного назначения.

В этой группе изделий можно выделить ряд предметов, которые встречены в большом количестве, т. е. являются материалом массовым, и в то же время очерчены строгими хронологическими рамками своего бытования. Это — замки и ключи, кресала, топоры, ножи, булавки, пряжки и некоторые другие предметы.

Довольно узкие хронологические рамки бытования прослеживаются и для ряда других находок из железа и стали, например для отдельных типов стрел, шпор, брони, стремян, удил, светцов, ножниц, кочедыков, бритв; для некоторых типов цепей, подковок от обуви и т. п. В настоящей статье эти вещи не рассматриваются, так как количество находок еще не достаточно велико, а как мы говорили выше, здесь приводится только материал массовый.

З а м к и, к л ю ч и и з а м о ч н ы е п р и н а д л е ж н о с т и. Среди висячих (навесных) пружинных замков, бытовавших в Новгороде с X до XVI в., выделяются девять типов и вариантов, которые имели массовое применение. Каждый тип замка имел определенные конструктивные особенности и характерные детали. В это же время существовало и несколько индивидуальных форм пружинных замков. Они встречены в единичных экземплярах и в статье не рассматриваются.

Наиболее древний тип кубических и цилиндрических замков с продольной ключевой щелью (тип А), известный на Руси уже в IX и X вв. (рис. 1, *1*), появляется в Новгороде вместе с первыми поселенцами, т. е. в X в. Бытует он весь XI в. и к середине XII в. постепенно выходит из употребления. На Неревском раскопе встречены четыре экземпляра таких замков и 39 ключей.

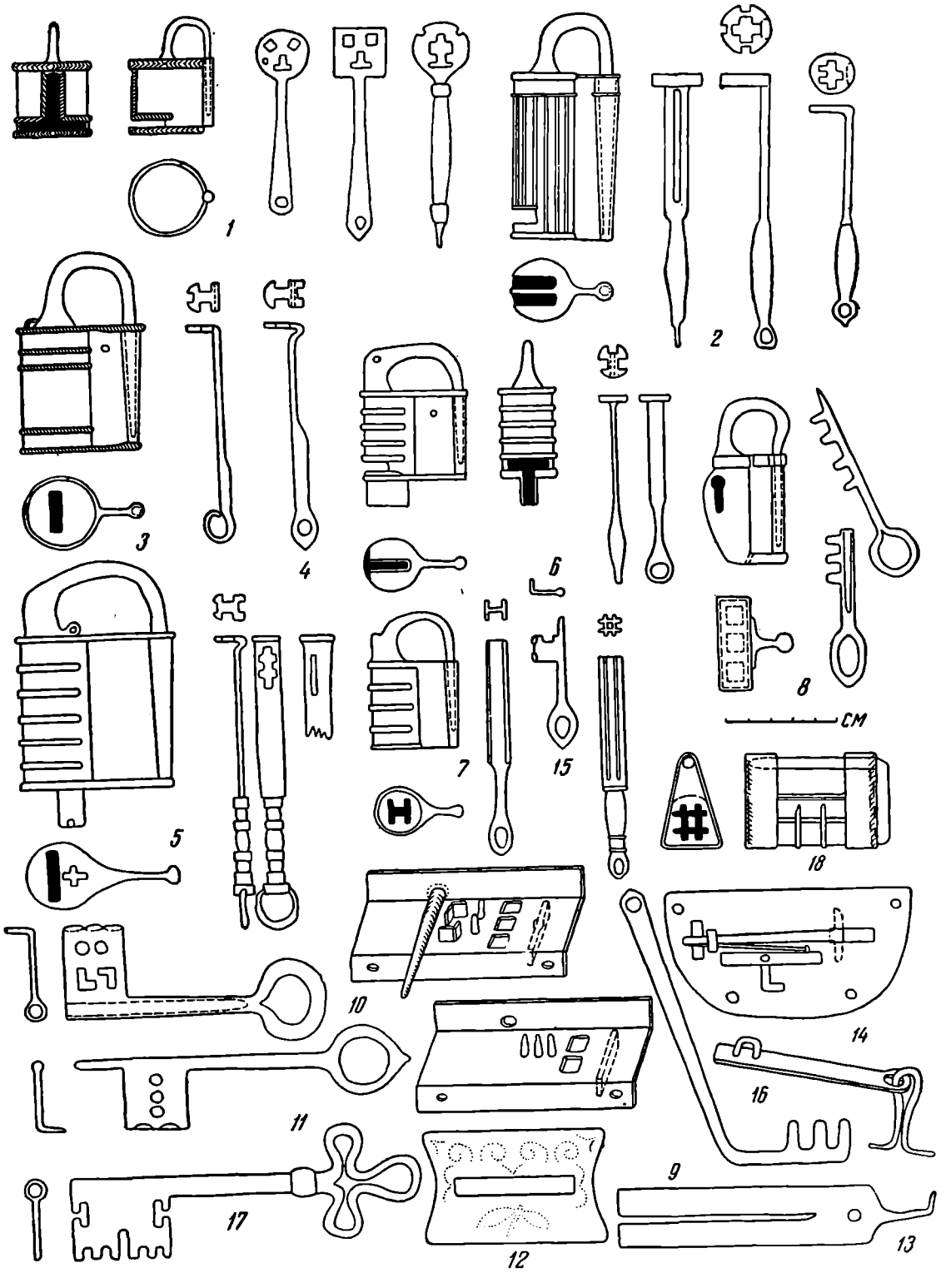


Рис. 1. Замки

1 — замок и ключи типа А; *2* — замок и ключи типа Б; *3* — замок и ключ типа В; *4* — ключ к замку типа В 1; *5* — замок и ключи типа В-2; *6* — замок и ключ типа Г; *7* — замок и ключ типа Д; *8* — замок и ключи типа Ж; *9* — ключ к деревянному замку с «желудями»; *10* — механизм и втульчатый ключ нутряного замка с деревянным засовом; *11* — механизм и стержневой ключ нутряного замка с деревянным засовом; *12* — личина от нутряного замка с деревянным засовом; *13* — пружина от нутряного замка с деревянным засовом; *14* — замок накладной цельнометаллический; *15* — ключ к накладному цельнометаллическому замку; *16* — накладка к накладному цельнометаллическому замку; *17* — ключ к цельнометаллическому замку с засовом, передвигающимся ключом; *18* — замок и ключ типа Е

В самом начале XII в. появляется новая конструкция цилиндрического замка (тип Б) с поперечной ключевой щелью, расположенной в нижней части цилиндра корпуса (рис. 1, 2). Лопасть ключа, сжимающая пружины замка, в этой конструкции расположена к стержню ключа под углом в 90°.

В конце XIII в. замки этой конструкции выходят из употребления. На раскопе встречено 34 таких замка и 47 ключей к ним.

В 30—40-х годах XII в. появилась конструкция замка (тип В) с более сложным ключевым устройством. Она имела три варианта, в которых ключевое устройство последовательно усложнялось. У этого замка единственная ключевая щель располагалась в донце большого цилиндра (рис. 1, *3*). Усложнение конструкции шло сначала по линии увеличения количества пружинных стержней на дужке замка (вариант 1), в связи с чем усложнялась конфигурация ключа (рис. 1, *4*). При последующем усложнении замка в начале XIII в. около ключевой щели в корпусе стали ставить контрольный штифт (вариант 2), соответственно которому в ключе делались отверстия (рис. 1, *5*). Замки этого типа бытовали также в XIII и XIV вв., а в начале XV в. стали выходить из употребления. Замков этого типа на раскопе найдено 58 экземпляров и ключей к ним — 85.

В конце XIII в. появляется новый тип замка (тип Г), имевший в основе ключевую схему замка типа Б, но с более сложной и надежной конструкцией. У ключевой щели в донце корпуса стали делать предохранительные щитки, благодаря которым оказалось труднее подбирать к замку ключ (рис. 1, *6*). Замки этого вида бытовали до середины XV в. На раскопе найдено 16 замков и 22 ключа.

В середине XIV в. появляется новая форма ключа, а следовательно, меняется в замке и форма ключевого отверстия (тип Д). Прорезь в донце приобретает фигурную лабиринтообразную форму (рис. 1, *7*). Корпус и механизм замка остаются еще старой классической формы. С такой формой и конструкцией этот замок бытует около одного века, а в середине XV в. дужка и корпус меняют конструктивное оформление, хотя механизм и ключ остаются прежними, т. е. остается лабиринтообразное ключевое отверстие. Такой замок (тип Е) бытует вторую половину XV в. и весь XVI в. (рис. 1, 18).

В конце XIV в. появилась еще новая форма пружинного замка (тип Ж) с поворотным ключом. Но в отличие от поздних систем замков с поворотным ключом, в этой конструкции ключ выполнял ту же функцию, что и в классических формах, т. е. сжимал своими лопастями пружины дужки (рис. 1, *8*). Эта конструкция бытовала в XV и XVI вв. На раскопе найдено 12 замков и шесть ключей.

Итак, у висячих замков определяющими конструкцию являлись ключ, корпус и дужка. Эти детали как в целом, так и взятые отдельно характеризуют тип замка, а следовательно, и каждая в отдельности могут быть датированы.

Среди замков нутряных (врезных), бывших в массовом употреблении, мы выделяем четыре типа, из них один тип в двух вариантах.

Первый тип цельнодеревянного замка с «желудями», у которого единственной металлической деталью был ключ, бытовал в Новгороде в X и XI вв. (рис. 1, *9*). Хотя эта конструкция замка была известна уже в глубокой древности (Египет) и дожила в том же конструктивном оформлении в русской деревне до XX в. (заметим, кстати, что эти замки дожили до настоящего времени в деревнях Эстонии, Латвии, Польши, Чехии и других стран), в Новгороде она известна только в X и XI вв. В конце XI в. эти замки исчезли совершенно. Найдено 37 экземпляров ключей от этих замков.

Второй тип комбинированного замка с деревянным засовом и металлическими механизмом и ключом появился в самом конце X в. Его конструкция ясна из рис. 1, *10, 11*. Замок представлен двумя вариантами. Первый вариант бытовал в XI и XII вв. Он характерен втульчатым ключом и механизмом с ключевым штифтом (рис. 1, *10*). Во второй половине XI в. появился второй вариант этого замка. Он характерен стержневым ключом, а следовательно, и наличием у механизма замка отверстия для стержня ключа (рис. 1, II). В начале XIV в. конструкция этого замка исчезает.

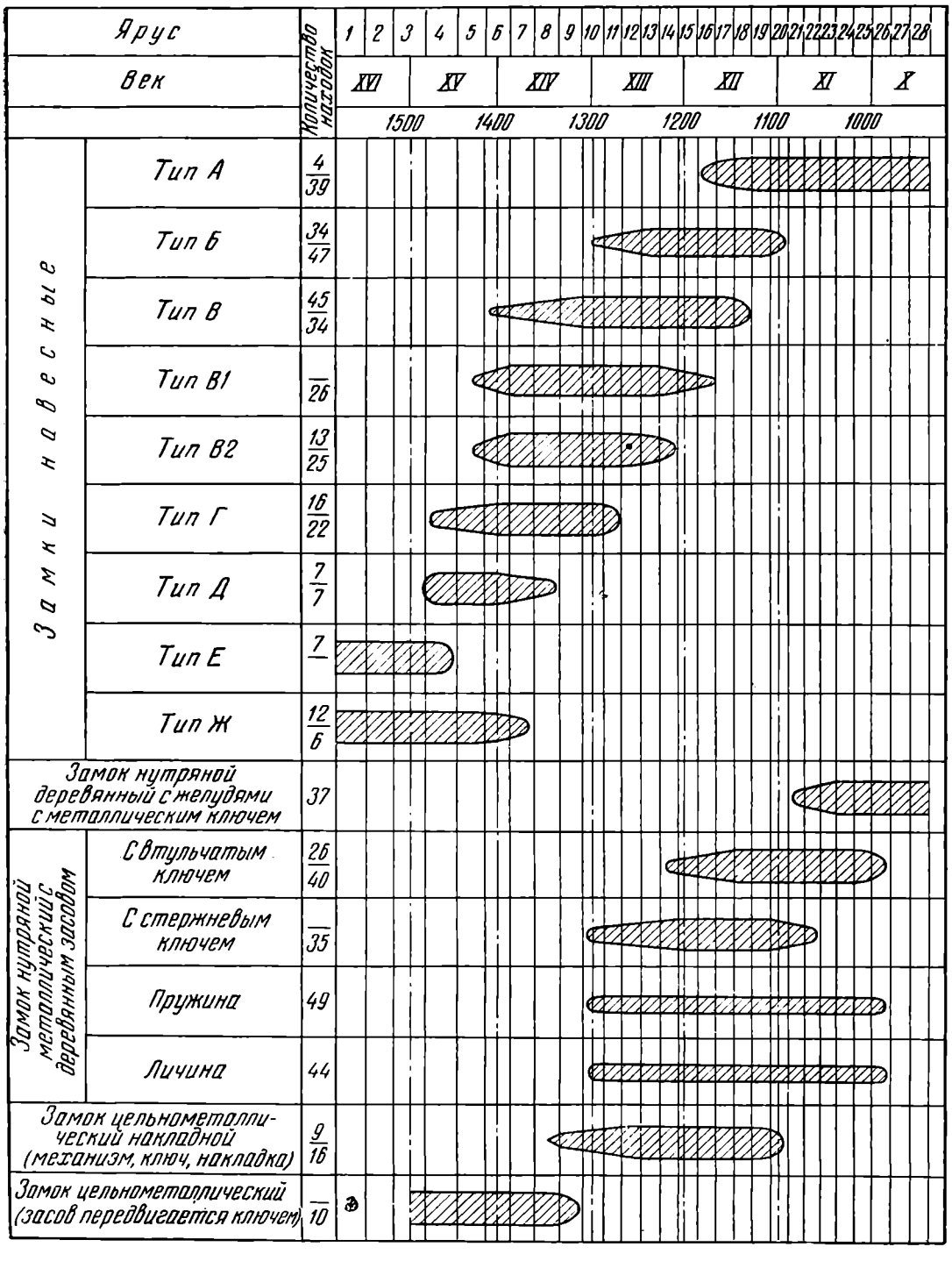


Рис. 2. Хронологическая таблица замков

Таким образом, в конструкции обоих вариантов комбинированного замка определяющими являются механизм и ключ. Кроме того, деталями, принадлежащими только замкам этого типа, являются пружина и замочная личина (рис. 1, *12*, *13*), которые датируются, как и сам замок, XI — XIII вв.

Третий тип цельнометаллического замка для сундуков и ларцов бытует в XII и XIII вв. Конструкция замка и ключа приведена на рис. 1, *14*. Определяющими конструкцию замка деталями являются сам механизм, ключ и замочная накладка (рис. 1, *14*, *15*, *16*).

В XIV в. появляется ряд систем нутряных замков, в которых запирающий засов передвигается не рукой, как в замках всех предшествующих типов, а непосредственно ключом. Ключи замков этого типа изображены

на рис. 1, *17*. Замки этой системы бытуют в XIV, XV и XVI вв. и доходят до современности (рис. 2).

Кресала. Кресала — широко распространенная бытовая принадлежность для добывания огня — встречаются почти на всех древнерусских археологических памятниках. В Новгороде кресал массовых типов найдено всего 146 экземпляров. По форме и хронологически они делятся на четыре группы (рис. 3, *7—10*). Распределение кресал по ярусам приведено на рис. 4.

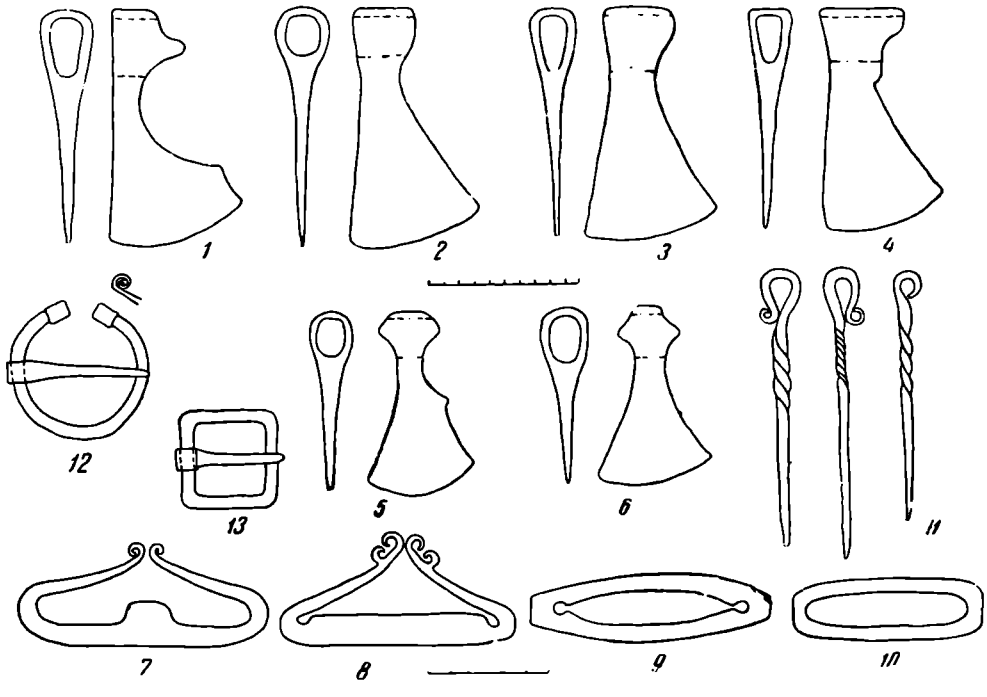


Рис. 3. Предметы из железа и стали

1 — топор с опущенным лезвием и выемом у шейки; *2* — топор с симметричным лезвием и облегченным обухом; *3* — топор третьего утяжеленного типа; *4* — топор третьего утяжеленного типа с плоским обухом; *5* — топор первого переходного вида; *6* — топор второго переходного вида; *7* — кресало калачевидное с язычком; *8* — кресало калачевидное без язычка; *9* — кресало овальное удлиненное *10* — кресало овальное; *11* — булавки от ручной прялки с петлеобразной головкой; *12* — фибула подковообразная со спирально загнутыми концами; *13* — пряжка

Топоры рабочие. Всего на Неревском раскопе найдено 84 экземпляра топоров. Все они, исключая несколько топоров индивидуальных форм, конструктивно и хронологически разбиваются на шесть групп (рис. 3, *1—6*). Половину общего количества составляют два основных типа новгородского топора. Первый, наиболее древний тип топора с опущенным лезвием и выемом у шейки, бытовал в X, XI и частично в XII в. Во второй половине XII в. появились две переходные формы, которые в начале XIII в. конструктивно перешли во второй тип облегченного новгородского топора, бытовавшего в XIII и XIV вв. В XV в. появились две новые формы, являвшиеся дальнейшим развитием конструкции топора второго типа. Распределение топоров по ярусам приведено на рис. 4.

Ножи. Коллекция ножей с Неревского раскопа насчитывает 1725 экземпляров. Технологически и конструктивно они делятся на три типа и одну переходную форму (не считая различий функциональных). Самым древним и наиболее рациональным по конструкции является многослойный нож, у которого в середине клинка лезвия проходила стальная полоса (рис. 4). Эти ножи имели узкое клиновидное удлиненной пропорции лезвие строгого очертания с довольно широкой спинкой и массивной длинной рукояткой. Многослойные ножи изготовлялись в X и XI вв.; в начале XII в. они исчезают.

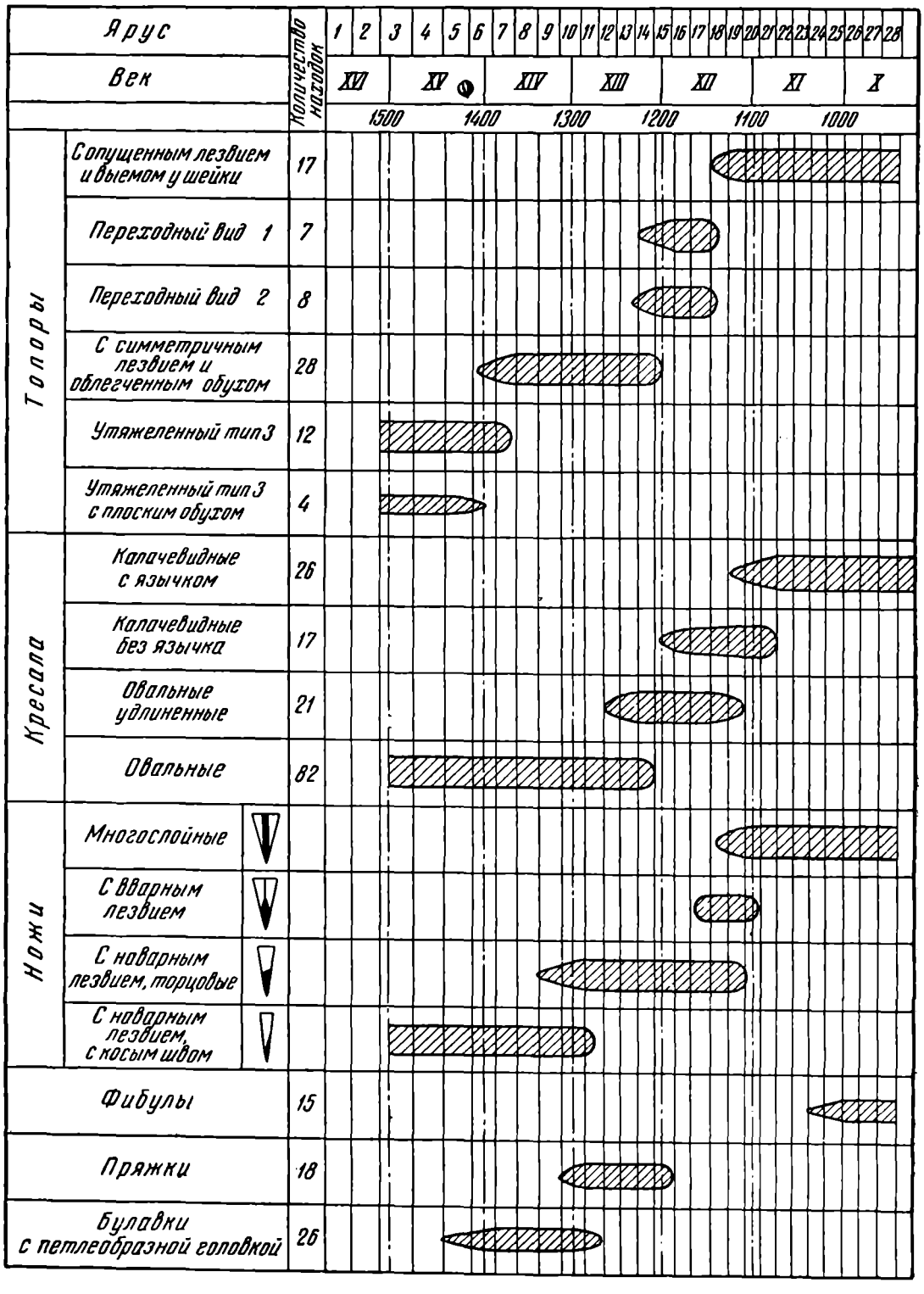


Рис. 4. Хронологическая таблица топоров, кресал, ножей и др.

В самом конце XI в. появился упрощенный вариант многослойного ножа. В нем стальную полосу вваривали лишь в нижнюю часть клинка. Эта переходная форма существовала недолго, и к середине XII в. ее вытеснил новый, «рационализированный» тип ножа с наварным торцовым лезвием (рис. 4). Этот тип ножа имел широкое лезвие с тонкой спинкой и более короткую ручку, чем у первого типа. Эти ножи дожили до конца XIII в., когда появился новый, еще более упрощенный тип ножа с наварным косым лезвием. Ножи третьего типа бытовали в XIV, XV и XVI вв.

Булавки, фибулы, пряжки. Из других железных вещей мы приведем массивные луженые булавки от прялки с крученым стержнем и петлеобразной головкой (рис. *3, 11*). Бытовали они в Новгороде в XIV в.

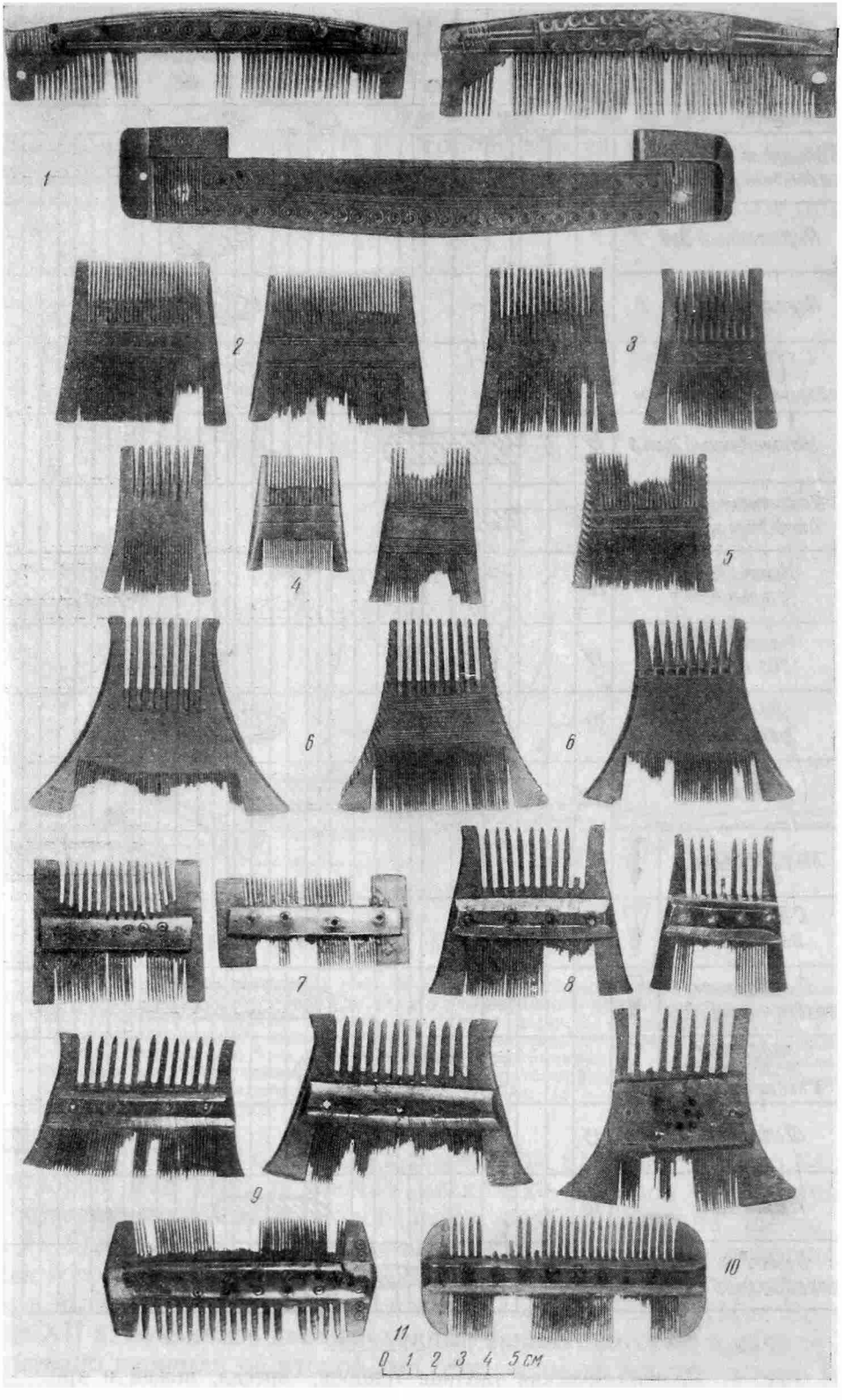


Рис. 5. Гребни костяные

1 — односторонние расчески с футлярами; *2—6* — двусторонние цельные: *2* — типа Д, *3* — типа Л, *4* — типа М, 5— типа Е, *6* — типа Н; *7—11* — двусторонние наборные: *7* — типа К, *8* — типа Ж, *9* — типа З; *10*—типа О, *11* — типа И

Железные луженые фибулы распространены были в X и самом начале XI в. (рис. 3, *12*). Пряжки прямоугольной формы характерны для слоев XIII в. (рис. 3, *13*).

Значительную группу находок составляют предметы из кости. Найдено более 50 видов костяных изделий. Самой массовой категорией являются гребни. Их найдено 437 экземпляров. Найдено также много про-

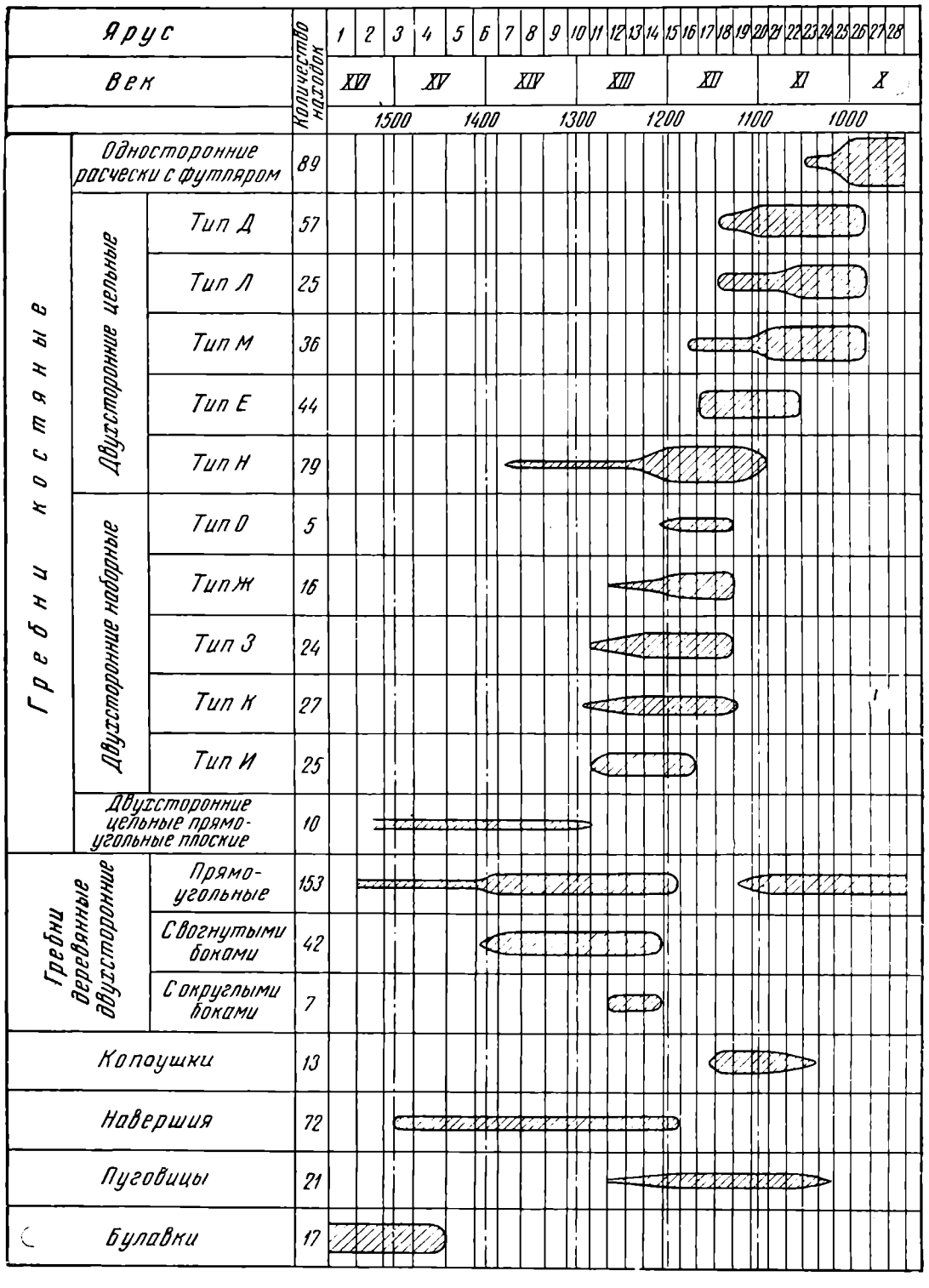


Рис. 6. Хронологическая таблица гребней и других изделий из кости

колок различных форм и назначений, рукоятей для ножей и стальных инструментов, пуговиц разнообразных форм, амулетов, булавок и резных накладок. Встречены ложки, копоушки, шашки, шахматные фигурки, стрелы, кистени, лучные накладки, пеналы, всевозможные навершия, художественные изделия и многое другое.

Гребни. Костяные гребни, широко бытовавшие в Новгороде в течение четырех веков, типологически и хронологически делятся на три группы (рис. 5 и 6).

Первый тип наборных односторонних гребней-расчесок с футлярами (найдено 89 экземпляров), хорошо известный в славянских древностях последних веков I тысячелетия н. э., в Новгороде бытовал в X в. и в первой половине XI в. и постепенно вышел из употребления.

В самом конце X в. появляются цельные двухсторонние гребни с частым и редким зубом (241 экземпляр). Они бытуют весь XI в. и в первой половине XII в. начинают исчезать. В зависимости от формы, пропорций и орнаментации гребни этой группы мы делим на пять типов (рис. 5). Из них два типа появляются несколько позже. Пятый тип — трапециевидные гребни (тип Н) — появляется лишь в начале XII в. и бытует довольно долго. Массовое распространение гребней этой формы длится около века (до 20-х годов XIII в.). В XIII и XIV вв. они также встречаются, хотя в небольшом количестве и более упрощенных форм.

В первой половине XII в. цельные двухсторонние гребни сменяются новой группой — двухсторонними наборными гребнями (найдено 97 экземпляров). Пять типов гребней этой группы бытовали в XII в. и почти весь XIII в. Широкое употребление костяных гребней в конце XIII в. прекратилось, и в XIV в., кроме единичных экземпляров гребня типа Н, иногда встречались только двухсторонние цельные гребни, плоские и тонкие, без какого-либо орнамента, с очень плохой выработкой. Массовыми в это время являются гребни деревянные.

Деревянные гребни широко бытовали в Новгороде в течение пяти веков. Появились они здесь вместе с первыми поселенцами. Рассматриваемые гребни можно разбить на три типа. Основной, наиболее распространенный тип гребня — плоский, прямоугольной формы (найдено 153 экземпляра) — был распространен в X—XI и XIII—XV вв. Второй тип прямоугольного гребня, с вогнутыми боками (найдено 42 экземпляра), появился в самом начале XIII в. и бытовал два столетия. В конце XIV в. эта форма исчезла. И, наконец, третий тип деревянного гребня, с округлыми боками (найдено 7 экземпляров), был распространен только в первой половине XIII в.

Итак, деревянные гребни были распространены в Новгороде во все века, кроме XII века. В XII в. деревянные гребни не изготовлялись из-за отсутствия соответствующей древесины. Как известно, деревянные гребни в Новгороде делались из самшита. Микроскопический анализ древесины 84 гребней показал, что 81 гребень был изготовлен из древесины самшита, один — из древесины сосны, один — из древесины березы и один из древесины ивы [3]. Самшит, произраставший в лесах Талыша, северного склона Кавказа и на черноморском побережье Кавказа, в Новгород поступал главным образом волжским путем. В XII в. этот путь был закрыт половцами [4], и новгородские гребенщики остались без сырья. В это время гребни изготовлялись только костяные. В XIII в. восточная торговля восстановилась, и самшит вновь стал поступать в Новгород.

Различные поделки из кости. Из костяных поделок, кроме гребней, в наш хронологический обзор мы включили несколько массовых категорий предметов, таких как стержневые пуговицы (21 экземпляр), навершия и обоймы деревянных ручек ножей (наверший 49 экземпляров и обойм 23 экземпляра), булавки, похожие по форме на ножи для разрезания бумаги (17 экземпляров) и, наконец, копоушки (уховертки, вертоушки). Копоушки рассматриваемого типа (рис. 10, *1*) имеют небольшую вытянутую ложечку, стержень которой переходит в круглый валик, затем идет цилиндрическая рукоятка с узором, опять валик, и все завершается петушиным гребешком с маленьким отверстием. На раскопе их встречено 13 экземпляров. В Новгороде такая форма копоушек бытовала довольно короткий период — со второй половины XI в. до середины XII в. Обращает на себя внимание строгая типизация изделия. Совпадение отдельных деталей и художественной отделки у всех копоушек поразительное.

Бусы. Бусы из стекла, камня, металла и кости в нашей коллекции

[3] Диагностический анализ древесины произвел проф. В. Е. Вихров.

[4] Это прослеживается и на других традиционных восточных товарах, поступавших в Новгород, как, например, грецкие орехи, миндаль и т. п.

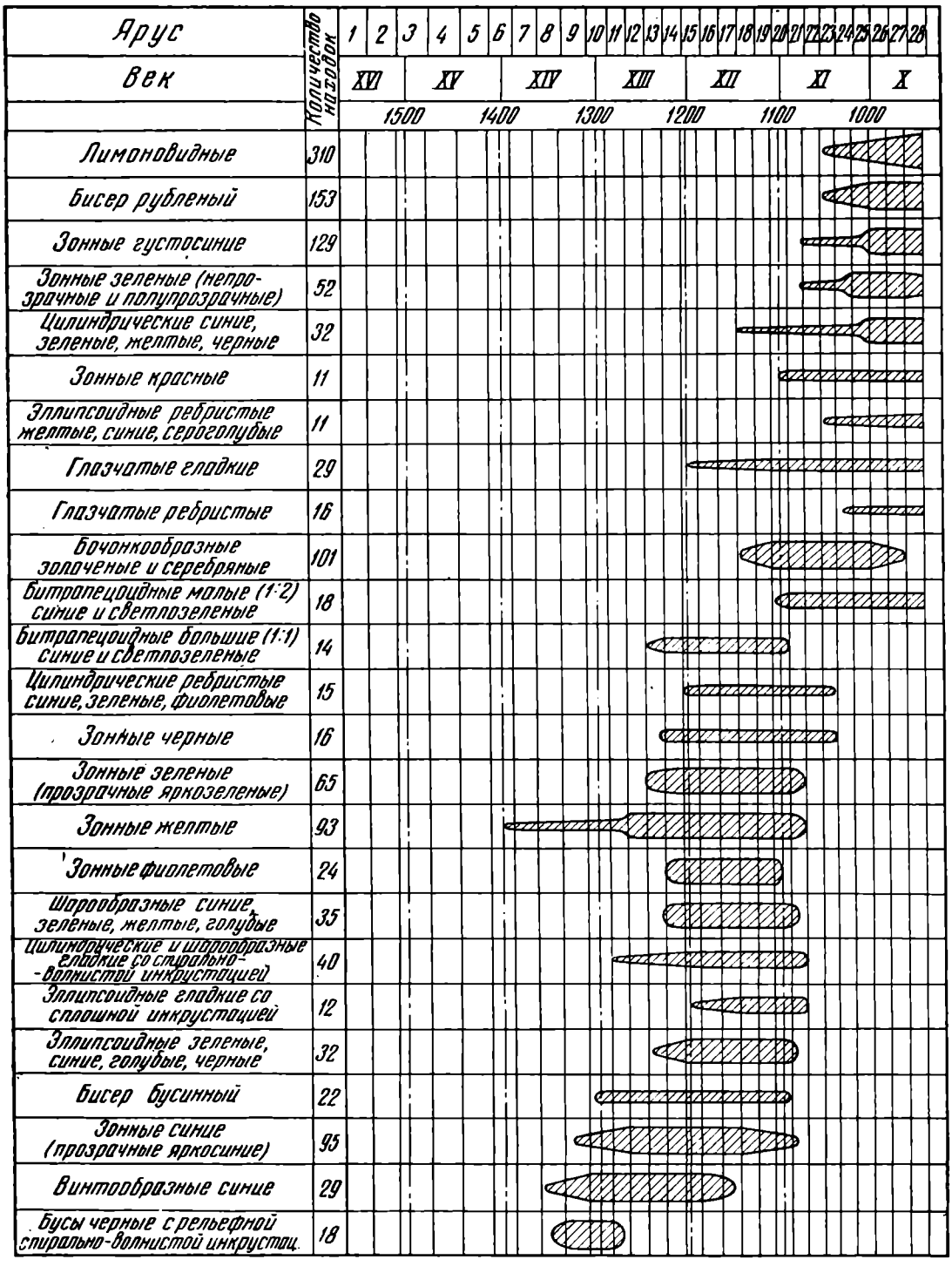


Рис. 7. Хронологическая таблица стеклянных бус

исчисляются в количестве около 2000 экземпляров. Эта категория находок является типологически и хронологически наиболее изменчивой, так как, кроме многих объективных условий (таких, как связь с внешними центрами производства, а при местном изготовлении — производственная база, технологические рецепты, сырье и т. п.), на форму и качество бус влияла и мода. При достаточных статистических данных бусы, как мы увидим ниже, могут быть надежной категорией древностей для хронологических выводов.

Около трех четвертей всего количества бус составляют стеклянные бусы. По форме поперечного и продольного сечения бусы разделены на типы, а с учетом цвета и размера — на варианты. Среди бус новгородской коллекции выделяется 16 типов, а с вариантами — около 30 групп [5].

[5] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, стр. 164.

Наибольшее количество, а также и наибольшее разнообразие стеклянных бус приходится на X в. Самым многочисленным в коллекции типом стеклянных бус являются так называемые лимоновидные, формой и цветом очень похожие на лимоны. В эту же группу мы включаем и лимоновидные бусы — золоченые, серебряные и полосчатые. Всего таких бус найдено 310 экземпляров. В Новгороде они появились вместе с первыми поселенцами. С конца X в. они стали выходить из употребления и к середине XI в. исчезли совсем.

Бисер рубленый желтого цвета, очень редко голубого и зеленого, был широко распространен в X и частично в XI в. В конце XI и начале XII в. бисер, хотя и встречался, но являлся редкой находкой. Всего найдено 153 экземпляра.

Зонные синие бусы по цвету и стеклу очень четко делятся на два варианта. Наиболее древние — густо-синего цвета, полупрозрачного и непрозрачного стекла (иногда встречаются и прозрачные), характерны для X в. и лишь частично встречаются в XI в. Всего найдено 129 экземпляров. О втором варианте будет сказано ниже.

Зонные зеленые бусы также делятся по цвету и стеклу на два варианта. Более древние, из непрозрачного и полупрозрачного стекла (их найдено 52 экземпляра), были распространены в X и XI вв.

Бусы цилиндрические синего, зеленого, желтого и черного цвета из прозрачного и непрозрачного стекла встречаются в слоях X—XII вв. Найдено всего 32 экземпляра. В это же время были распространены и зонные бусы из красного стекла (11 экземпляров).

Элипсоидные ребристые бусы, имеющие в поперечном разрезе розетку, а в продольном — овал, желтого, синего и серо-голубого цвета, встречены в небольшом количестве (11 экземпляров). Расположены они компактной группой в слоях X и начала XI в.

Бусы глазчатые гладкие желтого, красного и черного цвета с глазками, обрамленными ресничками, найдены в количестве 29 экземпляров. Встречены они в слоях X, XI и XII вв. Бусы глазчатые черного цвета с рельефной многоцветной инкрустацией (глазки и петельки) найдены в количестве 16 экземпляров. Распространены они в основном в слоях X и начала XI в. Но следует заметить, что три экземпляра найдены в слое середины XII в. в местах, где какого-либо перекопа не обнаружено.

Бочонкообразные золоченые и серебреные бусы найдены в количестве 101 экземпляра. Встречены они в слоях X, XI и XII вв., но наибольшее их количество приходится на XI в. (66%). Появляются они во второй половине X в. и в XII в. постепенно пропадают, совсем исчезая в начале XIII в.

Битрапецоидные бусы в зависимости от размера (отношение диаметра к высоте) и хронологически делятся на два варианта. Цвет стекла у обоих вариантов синий или светло-зеленый. Бусы первого варианта с пропорцией 1 : 2 были распространены в X и XI вв. (найдено 18 экземпляров), а бусы с пропорцией 1 : 1 характерны для XII и начала XIII в. (14 экз.).

Бусы ребристые цилиндрические синего, зеленого и фиолетового цвета (15 экземпляров) встречены в слоях второй половины XI и в XII в.

Бусы зонные черные (16 экземпляров) встречены в слоях второй половины XI и в XII веке и в первой половине XIII в.

Бусы зонные зеленые второго варианта из прозрачного стекла с ярко-зеленым оттенком появляются в конце XI в. и пропадают в начале XIII в. Их найдено 65 экземпляров, и основная масса (63%) приходится на XII в.

Желтые зонные бусы из прозрачного стекла с оттенками от ярко-желтого и до желто-зеленого в основной массе найдены в слоях XII и XIII вв. Всего найдено 93 экземпляра; на эти слои приходится 80%. Они заходят несколько в конец XI в. и в небольшом количестве — в XIV в.

Бусы зонные фиолетовые (24 экземпляра) встречены только в слоях XII в.

Бусы шарообразные синего, зеленого, желтого и голубого цвета появляются в XI в. и пропадают в XIII в. (35 экземпляров). Наибольшее их распространение падает на XII в. (63%).

Бусы гладкие цилиндрической и шарообразной формы черного или темно-коричневого цвета со спирально-волнистой инкрустацией появляются в конце XI в., бытуют весь XII в. и в XIII в. постепенно исчезают. Всего этих бус найдено 40 экземпляров, причем наибольшее количество приходится на XII в. (68%). Бусы гладкие со сплошной одноцветной или полихромной инкрустацией элипсоидной формы появляются в конце XI в. и бытуют в первой половине XII в. Всего их найдено 12 штук.

Элипсоидные бусы зеленого, синего и голубого цвета появляются в начале XII в. и пропадают в самом начале XIII в. Всего их найдено 32 экземпляра.

Бисер бусинный встречен в небольшом количестве (22 экземпляра) в слоях XII, XIII и начала XIV в.

Бусы зонные синие из прозрачного стекла с ярко-синим оттенком появляются в первой половине XII в. и исчезают в самом начале XIV в. Их найдено 95 штук, из них 45% приходится на вторую половину XII в.; следующие 45% — на XIII в., а остальные 10% — на первую половину XII в. и на XIV в.

Винтообразные бусы синего цвета в Новгороде появляются в конце XII в. и исчезают в первой половине XIV в. Всего найдено 29 экземпляров; на XIII в. приходится 17 экземпляров (60%). Бусы из черного непрозрачного стекла с рельефной спирально-волнистой инкрустацией встречены в слоях конца XIII и первой половины XIV в. Всего найдено 18 экземпляров.

Итак, среди стеклянных бус можно выделить следующие типы, имеющие надежные и четкие даты: все варианты лимоновидных, зонные зеленые первого и второго вариантов, зонные синие первого и второго вариантов, цилиндрические золоченые и серебряные, зонные желтые, цилиндрические, зонные фиолетовые, элипсоидные, гладкие со спирально-волнистой инкрустацией и винтообразные синие (рис. 7).

Некоторые типы бус, особенно ранние привозные, имели довольно четкую хронологию и до раскопок в Неревском конце, но ряд бус (например, все типы и виды зонных и некоторые другие) благодаря новгородской стратиграфии получил более узкие и четкие хронологические рамки.

Среди каменных бус встречены бусы из сердолика, хрусталя и янтаря. Всего каменных бус найдено 363 экземпляра. Их можно разбить на 24 типа и варианта. В большинстве случаев эти группы представлены лишь единичными находками, и только у семи групп можно наметить те или иные хронологические рамки. Это бусы сердоликовые шарообразные и бипирамидальные, хрустальные шарообразные и янтарные зонные, призматические плоские и овально-плоские.

Сердоликовые шарообразные бусы, известные в древностях восточной Европы в VIII—X вв., на Неревском раскопе найдены в количестве 19 экземпляров. На X в. приходится 12 штук и на начало XI в.— семь штук.

Сердоликовые бипирамидальные бусы — типичное восточнославянское украшение — встречены в слоях конца XI, в XII и частично в XIII в. Всего найдено 34 экземпляра. На XII в. приходится основная масса — 64%, на XI в.— 20%, 16% встречено в слое XIII в.

Хрустальные шарообразные бусы, очень хорошо известные по древностям вятичей, в Новгороде встречены в слоях XI и XII вв. Всего найдено 18 экземпляров, из них два экземпляра — в слое X в. и одна бусина — в слое конца XIII в.

Среди 13 типов янтарных бус можно выделить только четыре типа, найденных в достаточном количестве: зонные, призматические, плоские и плоско-овальные.

Янтарные зонные бусы бытовали довольно продолжительное время

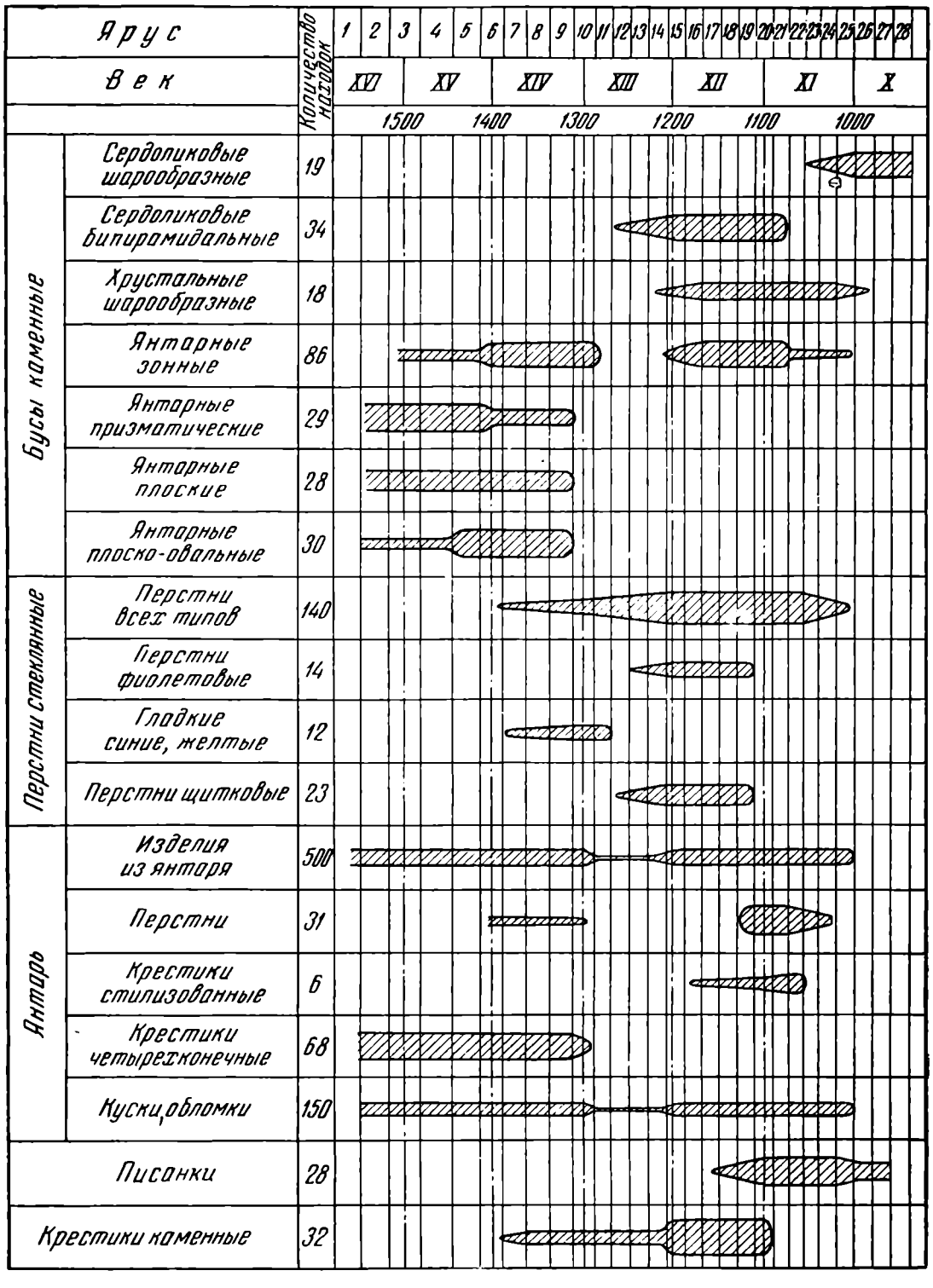


Рис. 8. Хронологическая таблица каменных бус, изделий из стекла и янтаря

(найдено 86 экземпляров). В Новгороде они появились вместе с другими изделиями из янтаря в XI в. и бытовали весь XII век. В XIII в. в Новгороде их не изготовляли из-за отсутствия янтаря. В самом конце XIII в., когда экономические связи с Прибалтикой возобновились, бусы этого типа стали изготовлять вновь. В XIV и XV вв. они продолжали бытовать.

Янтарные призматические (29 экземпляров), плоские (28 экземпляров) и плоско-овальные бусы (30 экземпляров) появляются в Новгороде в самом начале XIV в. и бытуют весь XIV и XV вв. (рис. 8).

Из стеклянных изделий, кроме бус, в нашу хронологию мы включили еще перстни, бокалы и браслеты.

Перстни, браслеты и бокалы из стекла. Стеклянных перстней на раскопе встречено 140 экземпляров. Основная форма перст-

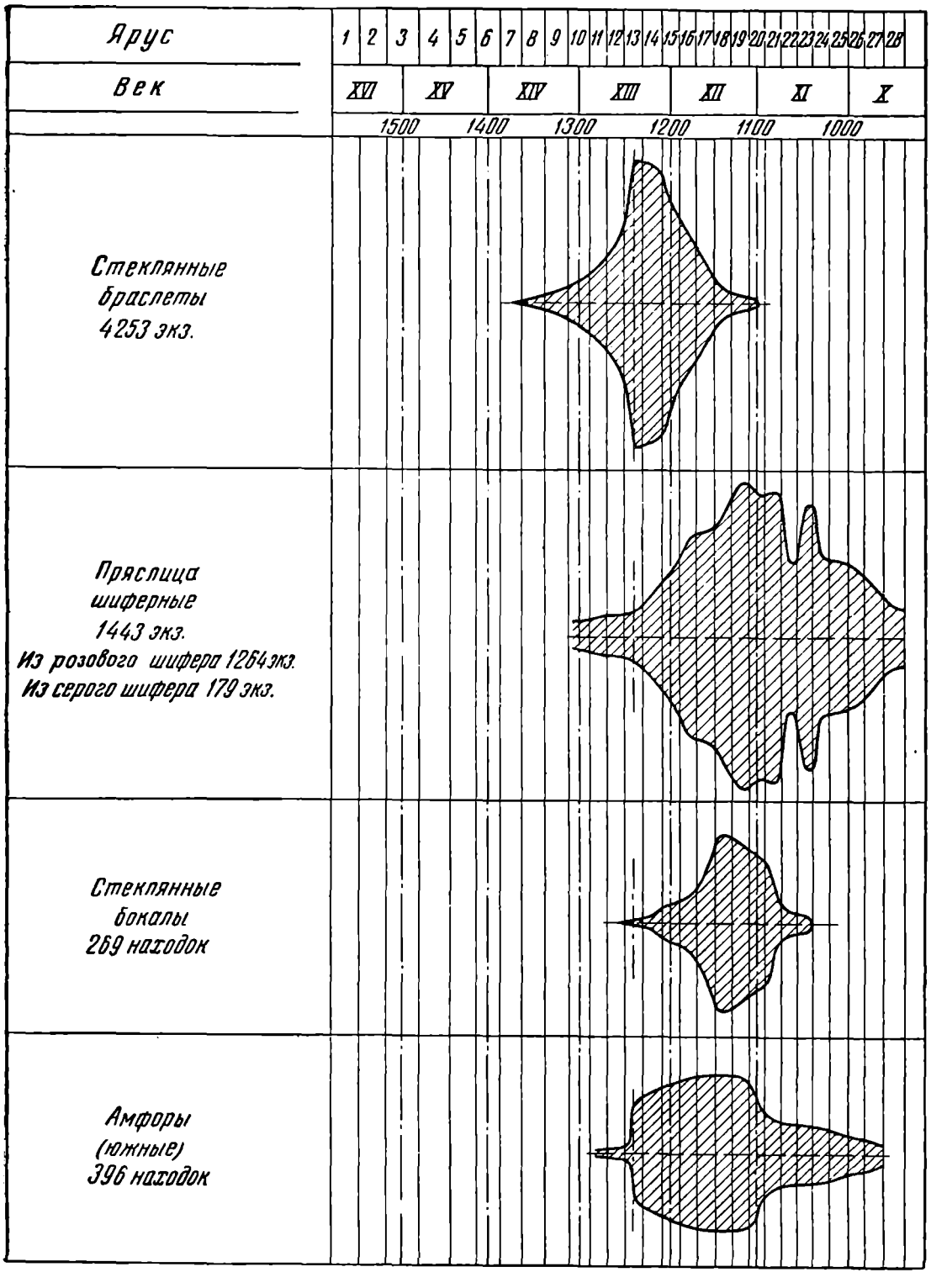


Рис. 9. Хронологическая таблица стеклянных браслетов, пряслиц, амфор и бокалов

ней— это простые гладкие, но имеется небольшая группа перстней со щитками (печатные, без изображения). Непрозрачное, полупрозрачное и прозрачное стекло перстней изготовлялось всех цветов. Стеклянные перстни появились в Новгороде в XI в. (40 экземпляров), затем бытовали в XII в. (49 экземпляров), в XIII в. (33 экземпляра) и в XIV в. они исчезают (13 экземпляров). Как-либо разделить всю массу гладких перстней на типы по форме, цвету и прозрачности стекла не удается. Можно из них лишь выделить две группы — перстни гладкие фиолетовые и перстни гладкие синего и желтого цвета из непрозрачного стекла. Эти группы имели узкие хронологические рамки.

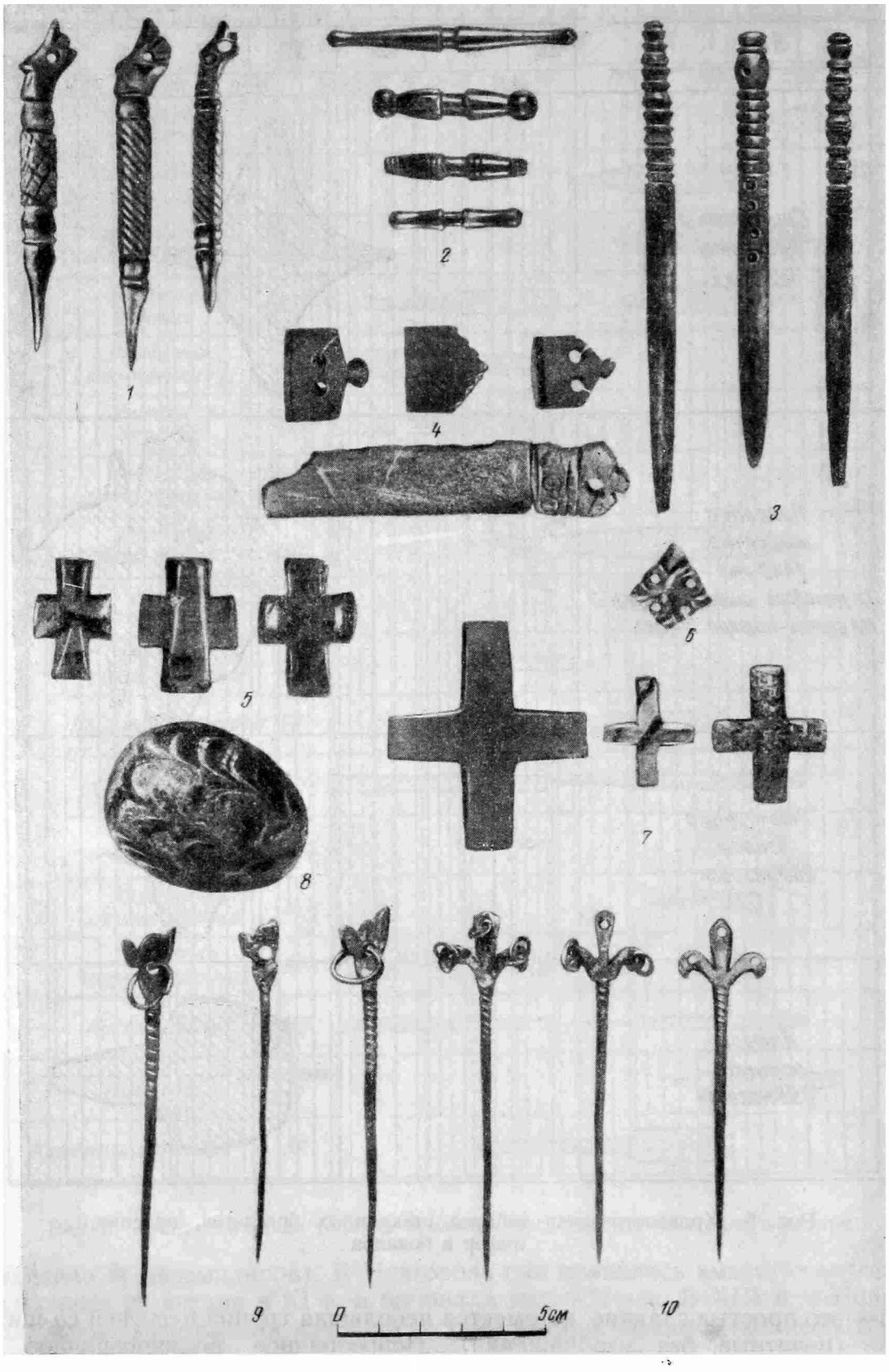


Рис. 10. Разные изделия

1 — копоушки; *2* — костяные пуговицы; *3* — костяные булавки; *4* — костяные навершия деревянных рукояток ножей; *5* — четырехконечные янтарные кресты; *6* — стилизованный янтарный крестик; *7* — четырехконечные каменные кресты; *8* — писанка; *9* — булавки со стилизованной петушиной головкой; *10* — булавка с плоской трехлопастной головкой

Перстни фиолетовые (14 экземпляров) бытовали только в XII в. и в начале XIII в. вышли из употребления. Следует вспомнить, что в это же время были распространены фиолетовые зонные бусы из абсолютно аналогичного стекла.

Перстни гладкие из непрозрачного стекла синего и желтого цвета (12 экземпляров) бытовали с конца XIII до конца XIV в. После этого времени они не встречаются (рис. 8).

Перстни щитковые (печатные) бытовали в XII и в первой половине XIII в. (найдено 23 экземпляра).

Стеклянные конусовидные бокалы из прозрачного желтоватого стекла появляются в Новгороде во второй половине XI в. и в начале XIII в. совершенно исчезают. Бокалы, являвшиеся достаточно распространенным предметом в быту горожан (собрано 269 находок), в Новгород привозились. Во второй половине XII в. приток их в Новгород прекратился, что, вероятнее всего, нужно связывать с каким-либо разгромом центров, где эти бокалы изготовлялись.

Обломков стеклянных браслетов на Неревском раскопе найдено 4253. В Новгороде они появляются в 10—20-х годах XII в. Наибольшее их распространение падает на первую половину XIII в.; в середине XIV в. они совершенно выходят из употребления. Распределение браслетов по ярусам приведено ниже.

Ярус	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й
Колич.	3	14	39	80	161	277	456	911	921	597	424	216	73	46	9
%%	0,07	0,33	0,91	1,88	3,78	6,52	10,7	21,5	21,6	14,0	10,0	5,1	1,72	1,08	0,21

Изделия из цветных металлов в новгородских древностях составляют коллекцию более чем в 1000 находок. Подавляющая масса предметов относится к женским украшениям. Встречены почти все категории украшений: колты, височные кольца, браслеты, перстни, привески, булавки, фибулы, пряжки, бусы, цепочки и многое другое. Каждая категория представлена множеством типов (их около 150), которые очень хорошо укладываются в известные нам по курганным древностям хронологические рамки. Некоторые изделия из цветного металла, встреченные в достаточном количестве и имеющие строгие хронологические рамки, включены в настоящий обзор. Среди браслетов можно выделить браслеты витые тройные с петлями на концах (найдено 20 экземпляров), витые тройные с обрубленными концами (25 экземпляров), браслеты перевитые (11 экземпляров), ложновитые (семь экземпляров), пластинчатые тупоконечные (31 экземпляр), пластинчатые овальноконечные (10 экземпляров), браслеты створчатые (9 экземпляров). Среди перстней мы выделяем перстни со вставками (найдено 28 экземпляров). Кроме того, в этих же ярусах найдены стеклянные вставки к подобным перстням (53 экземпляра). Найдены также перстни печатные (29 экземпляров) и широкосрединные пластинчатые (15 экземпляров).

В нашу хронологию мы включаем еще подковообразные фибулы со спирально загнутыми концами (найдено 38 экземпляров), булавки с подвижной кольцевидной головкой (15 экземпляров, сюда включены и семь булавок из железа), булавки со стилизованной петушиной головкой (12 экземпляров), булавки с плоской трехлопастной головкой (11 экземпляров), плетеные цепочки из тонкой бронзовой или оловянно-свинцовой проволоки (19 экземпляров) и шумящие привески — коньки (32 экземпляра). Типы вещей и размещение их по ярусам приведены на рисунках 10 и 11.

Хорошо датирующими предметами являются медные и бронзовые бубенчики. Мы выделяем два типа — бубенчики грушевидные с крестообразной прорезью (11 экземпляров) и бубенчики с одной щелевидной прорезью (45 экземпляров).

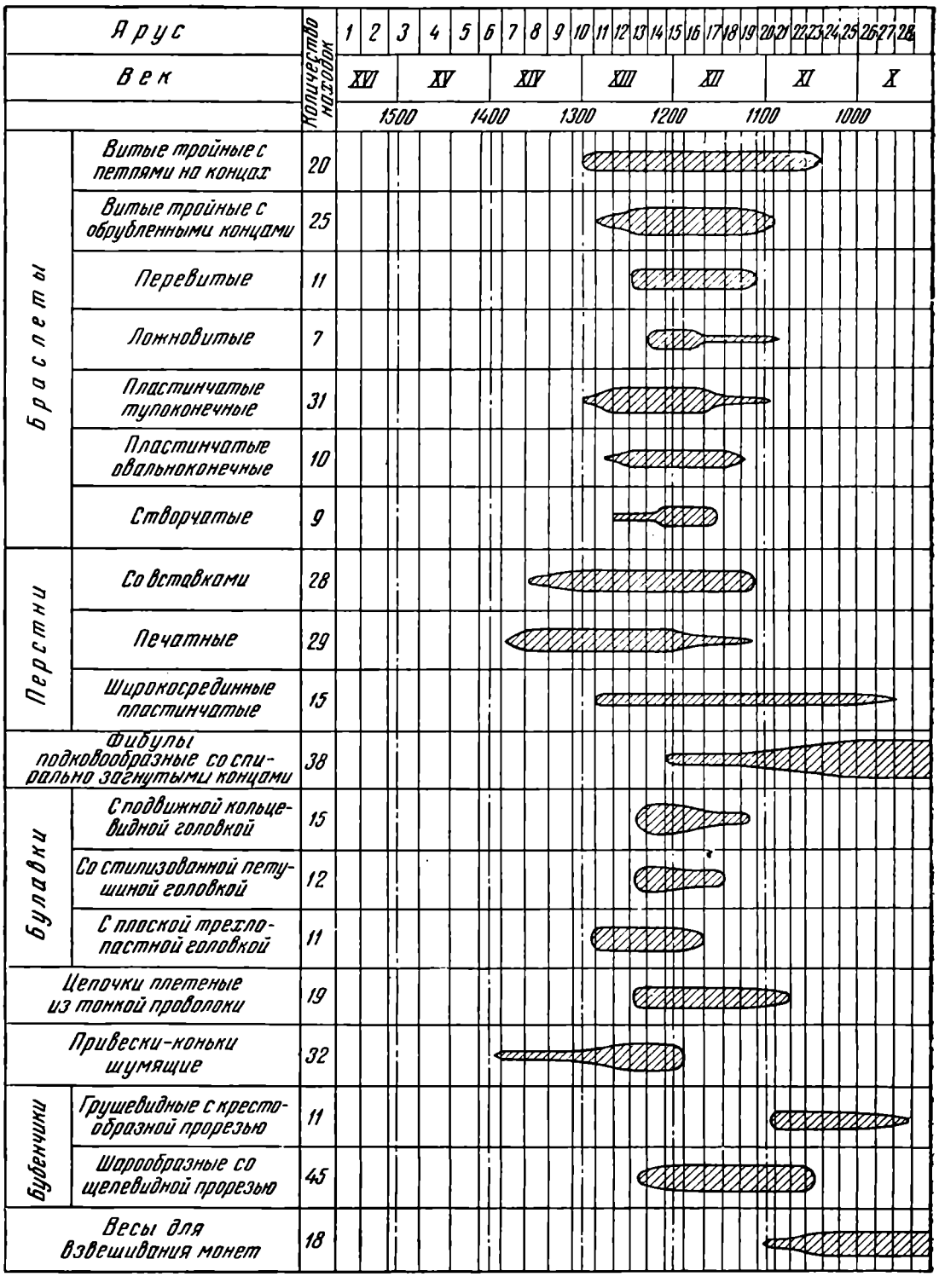


Рис. 11. Хронологическая таблица изделий из цветных металлов

Очень четкую группу составили бронзовые весы для взвешивания монет. Всего собрано 18 находок таких весов. Они встречены только в слоях X и XI вв., что очень хорошо совпадает со временем монетного обращения в новгородских землях. Как известно, безмонетный период на севере Руси начался с первых десятилетий XII в.

Изделия из янтаря. Кроме янтарных бус, хорошую хронологию имеют янтарные перстни и янтарные крестики. Перстни гладкие и со щитками были распространены в Новгороде во второй половине XI в. и самом начале XII в. (найдено 25 экземпляров) и затем в XIV в. (найдено шесть экземпляров). В XII и XIII вв. янтарных перстней не носили. Крестики типологически и хронологически хорошо делятся на два типа:

тип ранних маленьких стилизованных (найдено шесть экземпляров) и поздний тип — простые четырехконечные кресты разных размеров (найдено 68 экземпляров). Первый тип встречен в слоях XI и XII вв., а второй — только в слоях XIV и XV вв.

На раскопе, кроме янтарных изделий, встречено еще около 150 кусков и обломков янтаря. Некоторые аморфные куски имели просверленные отверстия; их, вероятно, носили на тесьме как амулеты. Янтарные куски и обломки найдены в тех же ярусах, что и изделия. Таким образом, янтаря собрано около 50 находок. (В Новгороде янтарные изделия появляются во второй четверти XI в. и бытуют до XVI в. В XIII в. из-за отсутствия янтаря его обработка временно прекратилась; в слоях этого века встречены лишь единичные находки).

Кресты каменные четырехконечные простые разных размеров (длиной от 15 до 60 *мм*) в Новгороде встречены только в слоях XII (17 экземпляров), XIII (восемь экземпляров) и XIV в. (семь экземпляров).

Глиняные яйца-писанки, покрытые поливным узором из фигурных скобок, найдены в количестве 28 экземпляров. Такие писанки бытовали в Новгороде в X, XI и первой половине XII в., после чего исчезли совсем.

В заключение нашего обзора хронологии новгородских древностей мы приведем хронологию шиферных пряслиц. Пряслица из розового и серого шифера появились в Новгороде вместе с первыми новгородцами. В XI в. привоз их в Новгород очень быстро растет, и максимум достигается в самом начале XII в. После этого начался резкий спад, и уже к началу XIII в. количество их становится незначительным, к концу XIII в. они практически выходят из употребления. Всего пряслиц на раскопе найдено 1443 экземпляра; из них 1264 — из розового и 179 — из серого шифера. Распространение по ярусам приведено ниже.

В верхних ярусах найдено еще 58 пряслиц.

Ярус	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й
Всего	15	19	19	29	41	61	93	98	120	141	132	136	72	125	71	71	64	50	28
Розов.	12	14	16	24	36	51	83	86	105	123	121	114	66	108	65	62	60	46	26
Серый	3	5	3	5	5	10	10	12	15	18	11	22	6	17	6	9	4	4	2

ПУБЛИКАЦИИ

И. К. ЦВЕТКОВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА СТОЯНКИ ВОЛОДАРЫ

Остатки жилищ на поселениях волосовской культуры были открыты В. А. Городцовым в 1910 г. при раскопках Волосовской стоянки [1]. Здесь им были раскопаны два больших полуподземных жилища округлой формы. В это же время В. А. Городцов впервые в русской археологии разработал и применил при раскопках метод исследования древних жилых сооружений путем так называемой выкружки. Этот метод применяется до настоящего времени большинством наших исследователей.

В 1924 г. жилища, аналогичные волосовским, были обследованы В. А. Городцовым на другом поселении волосовской культуры — Панфиловской стоянке [2]. Здесь он раскопал два жилища (одно целиком, другое частично). Целое жилище имело округлую форму (диаметр около 11 *м*). Входом в него служил узкий коридор с покатым полом. В 1946 г. Е. И. Горюнова раскопала на Панфиловской стоянке еще пять больших (площадью около 100 $м^2$) полуподземных жилищ [3] с выходами и переходами, соединяющими одно жилище с другим. Форма этих жилищ, по утверждению автора, была подпрямоугольной. Подобное жилище (также подпрямоугольной формы) было раскопано Ф. Я. Селезневым на стоянке Садовый Бор [4]. В 1946—1949 гг. мною было раскопано еще три больших полуподземных жилища на поселениях волосовской культуры: два жилища на стоянке Володары, расположенной в Володарском районе Горьковской области [5], и одно, наполовину разрушенное, на стоянке Гавриловка I в районе г. Дзержинска у пос. Гавриловка [6].

Раскопки 1947 г. на стоянке Володары производились на высокой части дюны на расстоянии около 30 *м* к северо-северо-западу от раскопа 1946 г. В 1949 г. оба раскопа были соединены. В результате этих раскопок на стоянке было открыто два больших полуподземных жилища, соединенных между собой переходом.

Первое жилище было обнаружено при раскопках 1947 г. Его очертания прослеживались на глубине 0,7 *м* от современной поверхности, под культурным слоем, в виде пятна темно-серого цвета, резко выделявшегося на фоне светлого песка, подстилающего культурный слой. В плане жилище имело четырехугольную форму с несколько закругленными углами (рис. 1). Размер его по верху 9,5 × 8,5 *м*. Стенки наклонны под углом

---

[1] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности, т. XXIV, М., 1914.

[2] Его же. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирского обл. музея, вып. II. Владимир, 1925, стр. 7.

[3] Е. И. Горюнова. Отчет о раскопках Панфиловской стоянки за 1946 г. Архив ИИМК АН СССР, д. 85—86.

[4] Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Тр. Владимирского обл. музея, вып. III. Владимир. 1928.

[5] И. К. Цветкова. Стоянка Володары. (По материалам раскопок 1946 г.). КСИИМК, вып. XX, 1948.

[6] Стоянка раскапывалась мною в 1949 г.

в 35—40°, глубина 0,9 *м*. С западной стороны в жилище вел входной коридор (ширина его по верху 2 *м*, длина 3 *м*). С юго-юго-восточной стороны в жилище имелся переход в соседнее жилище в виде коридора, от которого в середине ответвлялся выход наружу. Ширина этого коридора по верху 1,5 *м*, длина 4 *м*. Пол жилища состоял из слоя интенсивно-черного песка толщиной 0,15—0,2 *м*, насыщенного органическими остатками и сильно слежавшегося. Пол совершенно ровный; лишь напротив входов в коридоры он повышался. На полу первого жилища напротив перехода было небольшое возвышение шириной около 2 *м*. В конце перехода из первого во

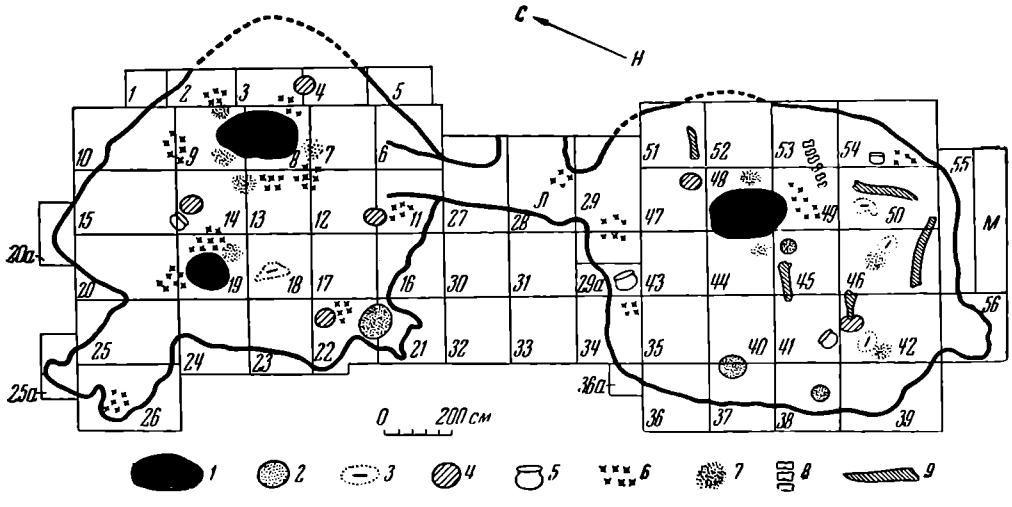


Рис. 1. План жилищ на стоянке Володары

1 — кострища; *2* — ямы с кремнем и сланцем; *3* — скопление костей животных и птиц; *4* — ямы от столбов; *5* — глиняные сосуды; *6* — раздавленные глиняные сосуды; *7* — скопления рыбьих костей и чешуи; *8* — позвоночник лося; *9* — обугленные куски дерева

второе жилище пол также повышался. В южной стороне жилища, на уровне пола имелась подпрямоугольной формы ниша (шириной в 1,2 *м*, длиной в 1,3—1,4 *м*), в которой была обнаружена небольшая яма (глубиной 0,4 *м*, диаметром 0,7 *м*), где были найдены крупные сколы кремня, нуклеусы и отбойники. По-видимому, здесь хранился материал для изготовления орудий.

В западной части жилища на полу напротив выхода открыты остатки кострища в виде ямы диаметром около 1 *м*, глубиной 0,35 *м*. Около него стояли два раздавленных землей глиняных сосуда и было разбросано большое количество разнообразных кремневых и костяных орудий. Рядом с кострищем находилась кучка рыбьей чешуи и костей и скопление костей животных. Напротив коридора, соединяющего оба жилища, находилось второе кострище в виде ямы неправильно овальной формы (длиной 2,57 *м*, шириной 2,23 *м*, глубиной 0,38 *м*). В кострище и вокруг него было найдено 18 небольших камней со следами действия огня. Около кострища лежал большой плоский камень, вокруг которого были разбросаны рыбья чешуя и кости. Здесь же лежали пять раздавленных землей глиняных сосудов и большое количество кремневых и костяных орудий и украшений. Ниже пола жилища были прослежены остатки четырех столбов в виде округлых ям (глубиной 0,5—0,6 *м*, диаметром 0,2 —0,3 *м*). Такие же ямы от столбов были прослежены в коридорах.

Второе жилище раскопано в 1949 г. (рис. 2). Оно, как и первое, было подчетырехугольной формы (размер его по верху 10,5 × 9 *м*). С юго-юго-западной стороны от него выходил коридор, соединяющий его с первым жилищем. Пол во втором жилище такой же, как и в первом. Однако повышения пола у выхода, как это наблюдалось в первом жилище, здесь не было. На полу напротив выхода имелось кострище в виде ямы неправильно овальной формы, наполненной угольками и золой (площадь 1,9 ×

× 1,4 *м*, глубина 0,6 *м*.) Около кострища находились кучки рыбьей чешуи и костей. Здесь же лежал раздавленный глиняный сосуд и было сосредоточено большое количество кремневых и костяных орудий. Неподалеку от кострища был найден почти целый позвоночник лося и скелет большой рыбы, лежавшие в анатомическом порядке. Скопление костей животных, птиц и рыб было найдено в южной и в юго-юго-западной части жилища. Рядом лежал перевернутый кверху дном большой круглодонный глиняный сосуд (диаметром 55 *см*). Второй большой круглодонный глиняный сосуд был найден в северо-северо-западной части жилища у выхода.

Около кострища, в ямке, выкопанной в полу, было обнаружено скопление крупных кремневых отщепов и несколько кремневых орудий. Другая ямка была выкопана в западной части жилища. В ней лежало восемь

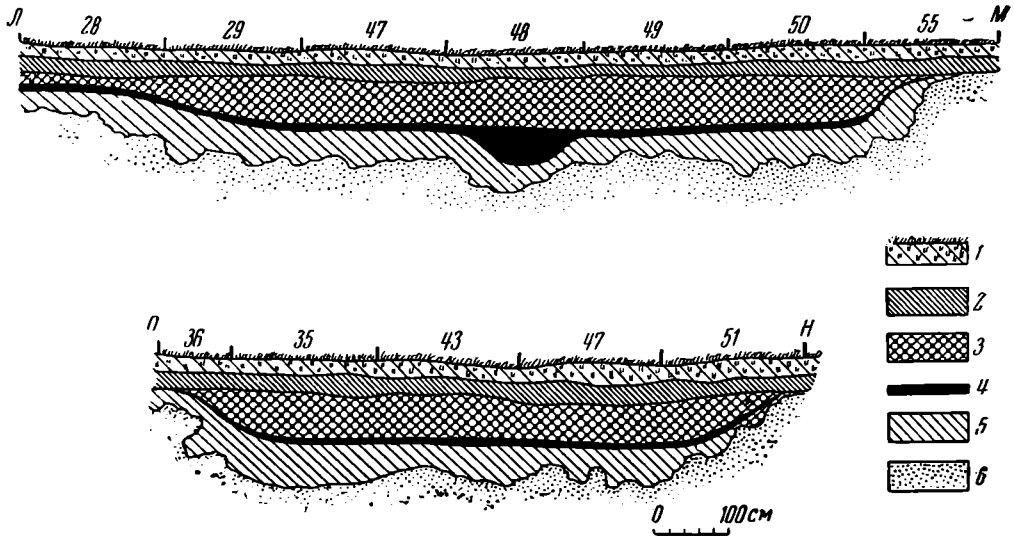


Рис. 2. Профили жилища № 2 на стоянке Володары

1 — дерн; *2* — коричневато-бурый песок; *3* — темно-серый песок; *4* — черный углистый песок: *5* — серый песок; *6* — светлый подстилающий песок

заготовок плоских сланцевых привесок. Рядом с ямкой у самой стенки жилища лежали в кучке 10 костяных орудий и их обломков. На полу в разных местах были найдены куски обгорелого дерева (длиной 70—110 *см*, шириной 20—30 *см*). Два куска дерева находились рядом с ямами от столбов.

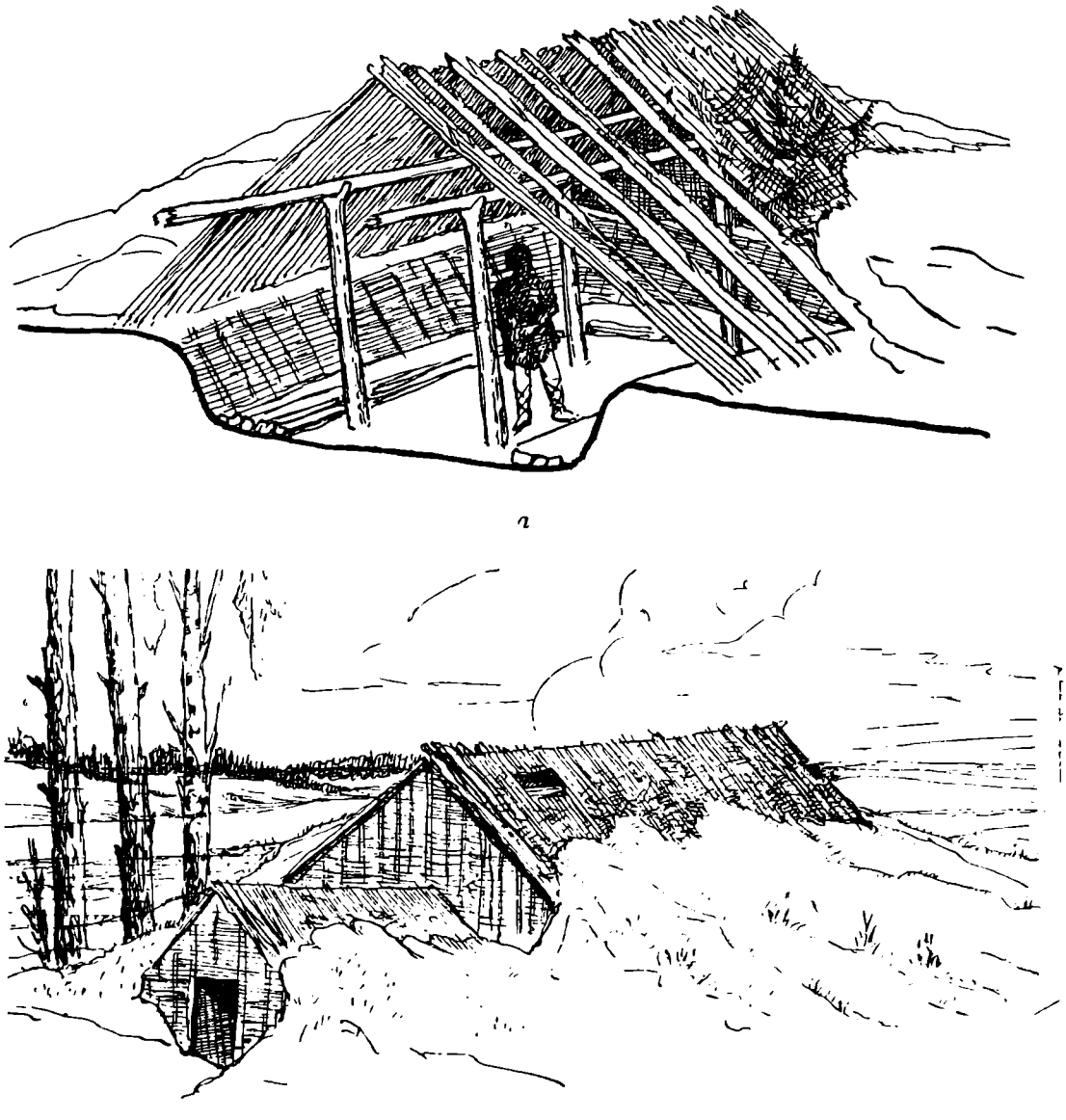
Оба описанные жилища совершенно одинаковы по своей конструкции. Разница между ними заключалась только в том, что в первом жилище, кроме перехода, соединяющего его с другим жилищем, имелся еще выход, тогда как во втором жилище такого выхода не было. По-видимому, выходом из него служил коридор, образованный ответвлением перехода.

На основании наблюдений, сделанных при раскопках этих жилищ, можно дать их приблизительную реконструкцию (рис. 3*а* и *б*).

Основу этих жилищ составляла яма глубиной около 1 *м*. Четыре столба, поддерживавших крышу, вкапывали в пол на глубину 50—60 *см*. Длина их должна была достигать 2—2,5 *м*. На эти столбы укладывались горизонтальные балки. Такой каркас поддерживал, по-видимому, двухскатную крышу из жердей, нижние концы которых вкапывали в землю вне ямы; средняя их часть лежала на горизонтальных балках каркаса. Крышу обкладывали берестой, хворостом или дерном и до половины засыпали землей. Короткие стенки жилища могли составлять поставленные вертикально колья, переплетенные ветвями и присыпанные землей. Двухскатное перекрытие, частично засыпанное землей, вероятно, делалось и для коридоров — выходов и переходов. Стенки внутри жилищ во избежание осыпи, возможно, укреплялись плетнем. Значительную часть пло-

щади внутри жилищ занимал очаг. Вдоль стен можно предполагать наличие земляных или деревянных нар [7].

Раскопанные на стоянке Володары жилища были, несомненно, постоянными, зимними и существовали, вероятно, долго, о чем свидетельствует толщина культурного слоя на полу.



а

б

Рис. 3. Стоянка Володары. Реконструкция жилища № 1
а — разрез по центру; *б* — внешний вид

Судя по некоторым данным, можно предположить, что жилища были покинуты их обитателями внезапно в результате какой-то катастрофы (вероятно, во время пожара). Об этом свидетельствуют прежде всего куски обуглившегося дерева, найденные в разных местах жилища № 2. Наибольшие по размеру куски дерева (длиной около 1 *м*) находились рядом с ямами от столбов. Вероятно, это были остатки сгоревшей и рухнувшей кровли.

Судя по этнографическим данным, большие жилища вмещали в себя обычно несколько семей. Так, Л. Г. Морган писал, что несколько семей индейцев жили в одном доме, ведя коллективное хозяйство [8]. То же самое

[7] Такое предположение можно высказать на основании наблюдений В. А. Городцова, сделанных при раскопках жилища на Панфиловской стоянке. См. В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка.

[8] Л. Г. Морган. Дома и домашная жизнь американских туземцев. М., 1934, стр. 42.

отмечал и А. А. Попов в своем исследовании о нганасанах [9]. Он писал, что в зимних жилищах размещалось обычно от двух до пяти семей. Судя по размерам володарских жилищ (около 90 $м^2$), в каждом из них могло помещаться 15—20 человек.

Едва ли можно считать, что этот как будто постоянный для всех поселений волосовской культуры тип жилищ присущ только племенам волосовской культуры. Например, у племен соседней, балахнинской, культуры существовал другой тип жилищ — в виде небольших округлых землянок с коническим перекрытием. Однако на стоянке Гавриловка II, относящейся к раннему этапу развития балахнинской культуры, было открыто полуподземное жилище подпрямоугольной формы с выходом в виде узкого коридора; такой же коридор соединял это жилище с другим помещением, в котором находилась мастерская для изготовления кремневых орудий. Площадь этого жилища равнялась 16 $м^2$ [10]. По своей конструкции оно напоминает володарские жилища. Как отмечалось выше, на Волосовской и Панфиловской стоянках В. А. Городцовым были открыты жилища округлой формы. Такие же круглые полуподземные жилища, но меньших размеров, были открыты и на некоторых стоянках балахнинской культуры [11]. Разница в размерах жилища объясняется, вероятно, не племенным различием, а количеством населения на той или иной стоянке. Все без исключения поселения волосовской культуры отличаются мощным культурным слоем и большой протяженностью его распространения. Наоборот, на поселениях балахнинской культуры культурный слой редко бывает толще 30—35 *см*, а площадь его не превышает обычно 1000 $м^2$.

Известно много примеров больших полуподземных жилищ округлой или подпрямоугольной формы с выходами и переходами в виде коридоров с повышающимся полом. Так, например, на поселении Бор I на берегу р. Чусовой (в Прикамье) О. Н. Бадером было раскопано 23 четырехугольных полуподземных жилища (размером от 18 до 54 $м^2$); некоторые жилища были соединены между собой узкими переходами [12]. Восемь полуподземных жилищ были открыты в 1951—1952 гг. в районе слияния Волги и Камы. На поселениях Карташиха I четыре подчетырехугольных жилища (площадью от 28 до 150 $м^2$) были соединены друг с другом переходами [13]. В недалеком прошлом жилища, несколько напоминающие по своей конструкции вышеописанные древние жилища, существовали у некоторых народов северо-востока СССР. Так, например, говоря о жилищах эскимосов залива Нортона, Л. Загоскин дает следующее их описание: «...на избранном для зимника месте вынимают землю на аршин и более; по углам ставятся приличной толщины столбы от одного с половиной до двух сажен высоты, стены набираются из колотых плах, которые тоже ставятся стоймя и вровень с угловыми столбами; из бревен пирамидально возводится вся крыша... Стропила снаружи обставляются досками или карбасником, потом все строение засыпается землею так, что издали зимники туземцев представляются путнику в виде небольших холмов. Для входа в зимники выкапывается в земле узкий и низкий коридор, сажени в полторы или две длиною. Коридоры... обставляются тыном и также обваливаются землею» [14]. Пол таких полуподземных жилищ обычно застилался до-

---

[9] А. А. Попов. Нганасаны. М.— Л., 1948, стр. 23.

[10] И. К. Цветкова. Отчеты о раскопках Гавриловских стоянок за 1950—1951 гг. Архив ИИМК АН СССР. (Материал готовится к печати).

[11] Ее же. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, вып. XVII, М., 1947, стр. 70.

[12] О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 92; О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Новые стоянки Чусовского Прикамья. Уч. зап. Молотовского ун-та, т. IX, вып. 3, 1953.

[13] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954, стр. 170—172.

[14] Л. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке. СПб., 1847.

сками или сплетенными из травы рогожками. В центре или напротив выхода делался очаг; по бокам землянки устраивались деревянные нары.

Оба раскопанные на стоянке Володары жилища существовали одновременно и, судя по стратиграфии, относятся к начальному периоду жизни на стоянке. Очертания жилищ были прослежены на глубине 70 *см* от современной поверхности под культурным слоем. На участках около стенок жилищ, т. е. там, где должны были быть жерди и земляная насыпь, культурный слой отсутствует. Это наблюдение подтверждает вывод о том, что жилища относятся к началу существования стоянки. В противном случае в этом месте должен был быть культурный слой, как и на всей площади стоянки. Просуществовав некоторое время, жилища были покинуты. Жизнь на стоянке после этого продолжалась, и культурный слой нарастал равномерно на всей площади стоянки. Следовательно, можно предполагать, что вещи, найденные на полу жилищ, относятся ко времени начала существования стоянки; вещи, найденные в земле, заполнявшей жилища, относятся ко времени среднего этапа существования стоянки, и наконец, верхний горизонт культурного слоя до глубины в 40—50 *см* должен был отложиться еще позднее. Все эти предположения подтверждаются анализом материала. Совершенно очевидно, что наиболее «чистым» был комплекс вещей, найденных в верхнем горизонте культурного слоя и на полу жилищ. Средний горизонт культурного слоя, представляющий собой заполнение жилищ, отлагавшееся в течение довольно долгого времени, должен дать смешанный комплекс находок.

Материал, добытый при раскопках стоянки Володары в 1947 и 1949 гг., довольно обширен и разнообразен. Всего найдено 6000 предметов, не считая осколков кремня и костей животных, птиц и рыб.

Керамика стоянки Володары делится на две группы. К первой относятся сосуды из глины с примесью толченых раковин. Сосуды второй группы сделаны из глины с растительной примесью. Подсчет количества керамики этих групп по отдельным горизонтам культурного слоя дал следующие результаты [15]:

Место находки	Керамика 1-й группы (в %)	Керамика 2-й группы (в %)
Верхний горизонт	18	82
Средний горизонт (засыпка жилищ)	54,9	45,1
Пол жилища	89	11

Вся керамика отличается толстостенностью. Края сосудов прямые, иногда отогнуты наружу или загнуты внутрь. Глина слоистая, пористая, плохо перемешанная. Для всей керамики характерно вертикальное расположение орнамента и отсутствие геометрической правильности орнаментальных рисунков.

Послойные раскопки жилищ дали возможность выделить керамику по трем описанным выше горизонтам культурного слоя [16].

Нижний горизонт (пол жилища). 89% обломков этого слоя принадлежит сосудам, сделанным из глины с примесью толченых раковин, что является характерным признаком посуды первого этапа развития волосовской культуры (стоянки типа Волосовской). Орнамент, покрывающий большинство сосудов, найденных на полу жилища (87,6%), целиком повторяет орнаментальные рисунки со стоянок типа Волосовской. К этой группе следует отнести обломки сосудов с орнаментом в виде оттисков широкого длинного или короткого овального рамчатого штампа (рис. 4, *5*), с орнаментом в виде оттисков длинного зубчатого или рамчатого штампа

[15] При подсчете учитывались только обломки разных сосудов. Несколько обломков одного сосуда считались за единицу.

[16] Здесь дается материал из раскопок жилища № 2 (раскопки 1949 г.).

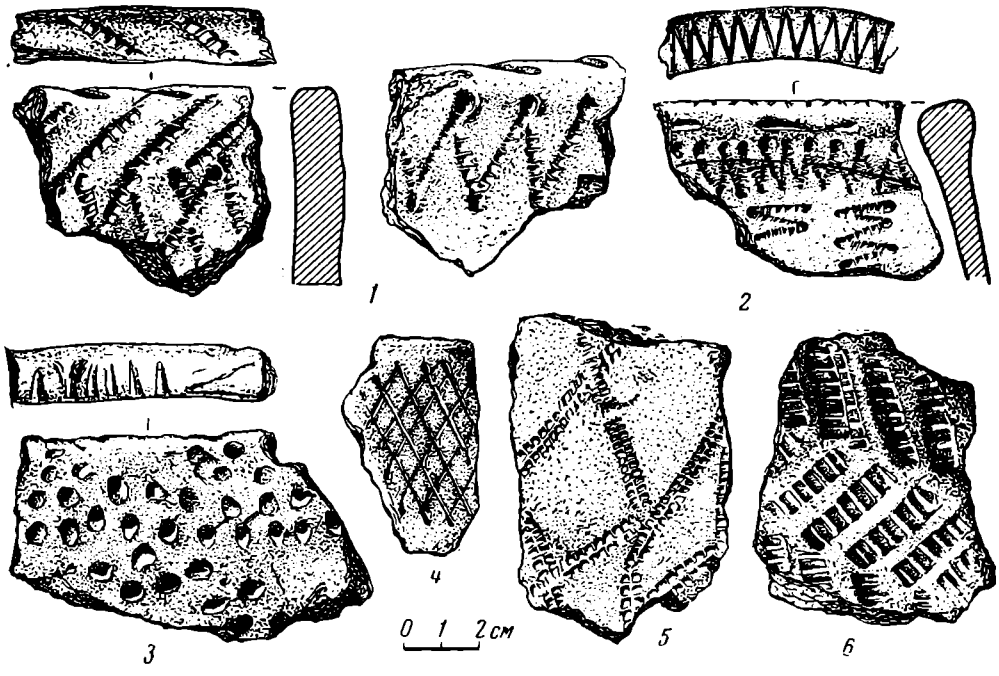


Рис. 4. Керамика стоянки Володары (пол жилища № 2)

и нарезки, образующие своим пересечением сетку (рис. 4, *1, 4, 5*), с орнаментом в виде зигзага (часто вертикального), нанесенного широким или узким зубчатым штампом (рис. 4, *2*). Часто сосуды покрыты небрежными ямчатыми вдавлениями (рис. 4, *3*). Несколько обломков посуды, найденных на полу жилища (12,4%), происходят от сосудов с орнаментом, не известным среди посуды стоянок типа Волосовской. Этот орнамент появляется в нижнем культурном слое стоянки Володары и получает свое дальнейшее развитие в ее верхних слоях. Он состоит из оттисков широкого зубчатого штампа с косой неглубокой нарезкой, образующих широкий вертикальный зигзаг (рис. 4, *6*).

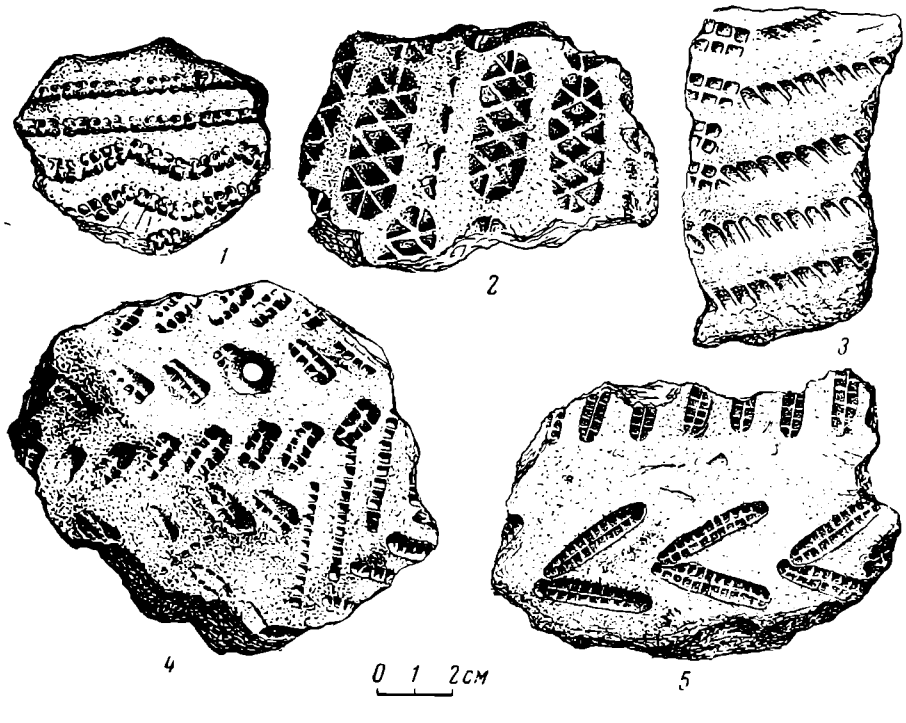


Рис. 5. Керамика стоянки Володары (засыпка жилища № 2)

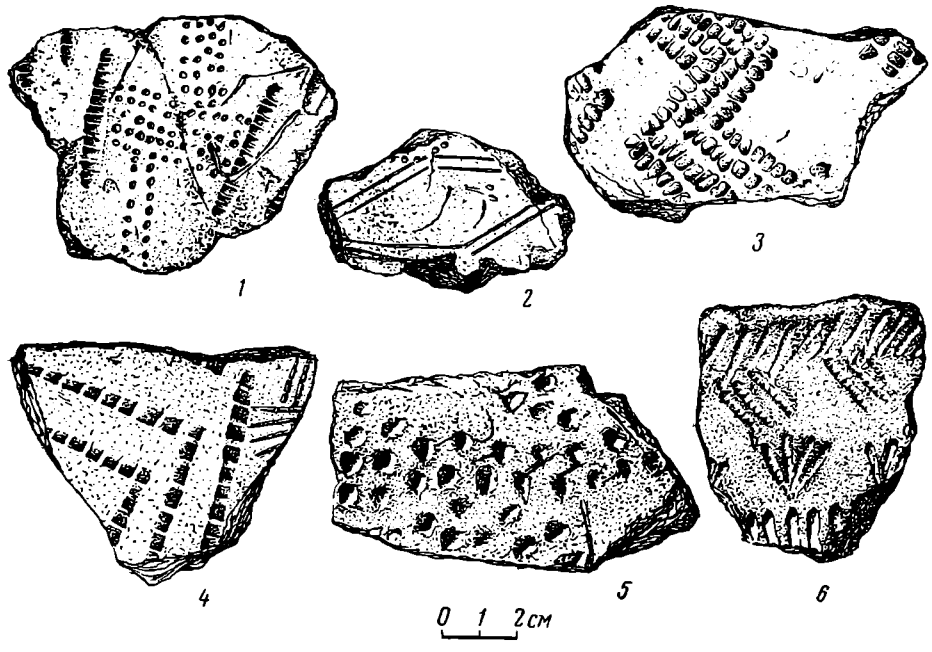


Рис. 6. Керамика стоянки Володары (верхний горизонт культурного слоя)

Средний горизонт (заполнение землянки). Характерной особенностью посуды этого слоя является некоторая небрежность в нанесении орнамента; с другой стороны, наблюдается усложнение орнаментальных узоров. Большинство сосудов сделано из глины с растительной примесью. Орнамент в виде оттисков широкого зубчатого штампа с косыми нарезками получает здесь свое дальнейшее развитие. Большое распространение получает разнообразный рамчатый орнамент (рис. 5).

Верхний горизонт культурного слоя. Посуда верхнего горизонта несколько отличается от посуды стоянок типа Волосовской, характеризуя самостоятельное развитие стоянки Володары в поздний период ее существования. Характерные признаки этой керамики следующие: подавляющее большинство сосудов сделано из глины с растительной примесью

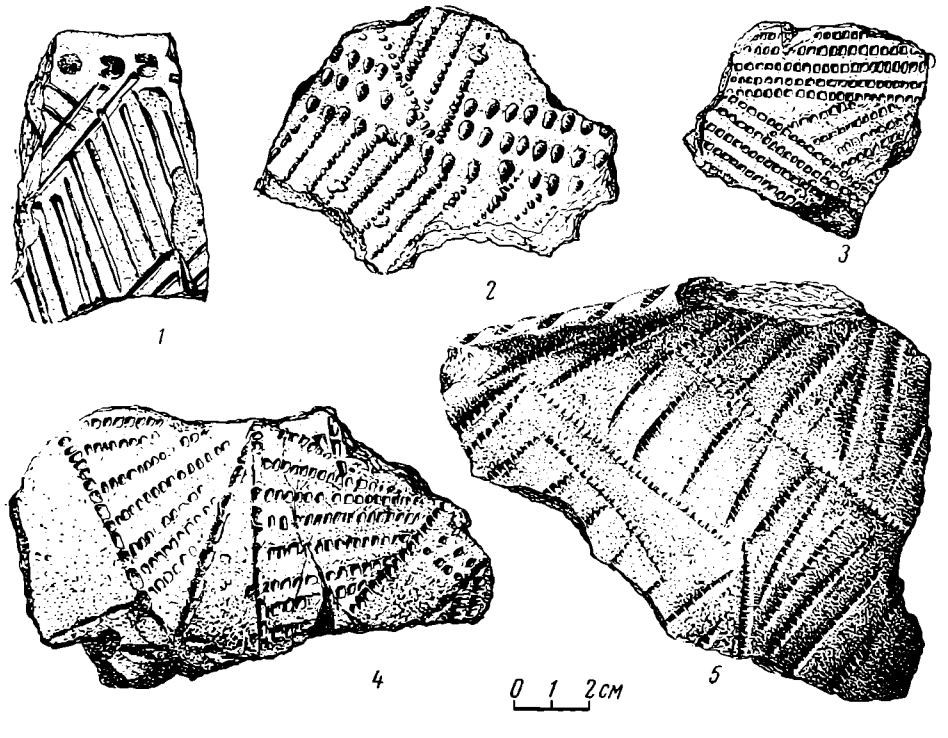


Рис. 7. Керамика стоянки Володары (верхний горизонт культурного слоя)

(82%); в большинстве случаев орнамент нарушен благодаря вторичному сглаживанию; часто встречается редкое заполнение орнаментом орнаментального поля. Своеобразную группу составляют обломки сосудов со сложным орнаментом, состоящим из оттисков зубчатого штампа или нарезки и мелких ямочек — точек (рис. 6, *1—2*), а также с орнаментом, состоящим из заштрихованных треугольников или ромбов, образованных оттисками длинного зубчатого штампа или нарезкой (рис. 7; *1—5*). Часто встречается елочный узор (рис. 6, *4*) и короткий вертикальный зигзаг,

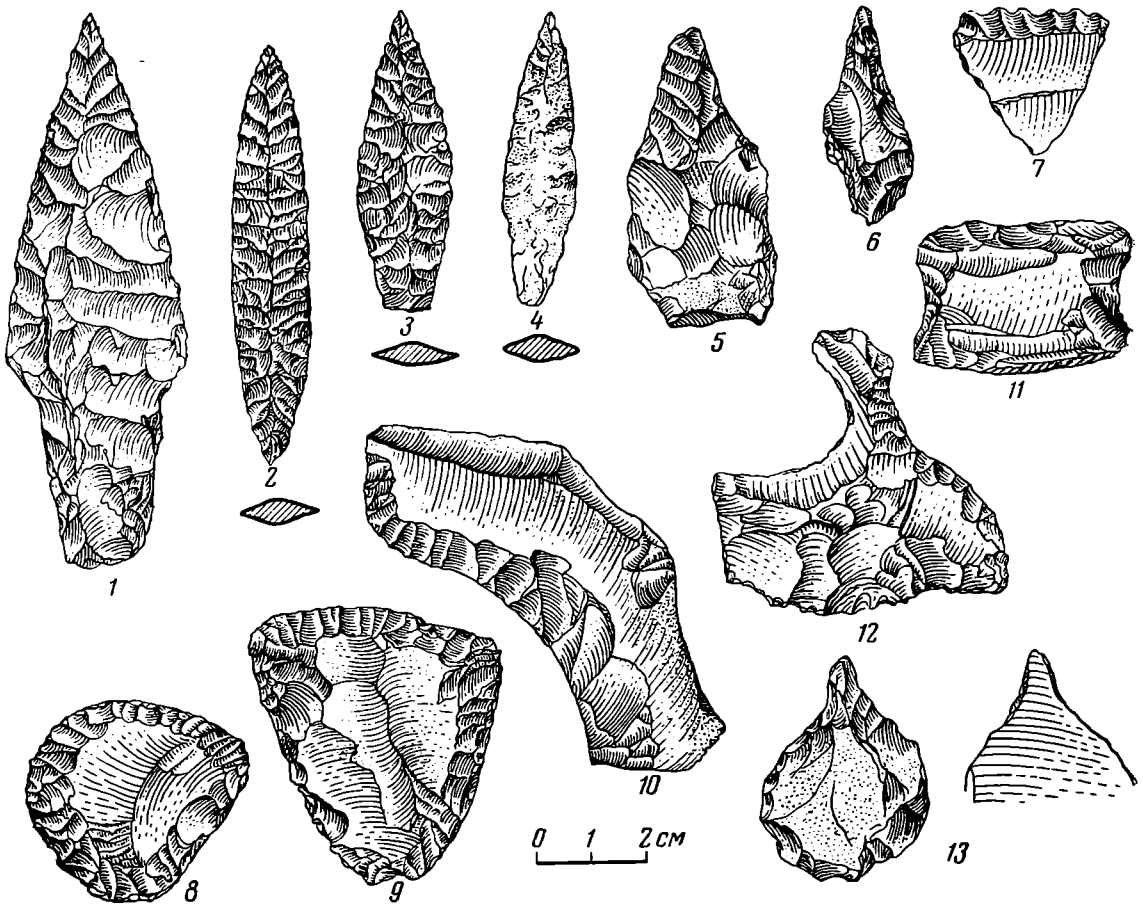


Рис. 8. Кремневые орудия стоянки Володары

1 — наконечник дротика; *2—4* — наконечники стрел; *5—6* — сверла; *7—9* — скребки; *10* — нож; *11* — скобель; *12* — обломок фигурного кремня; *13* — резчик

образованный оттисками зубчатого штампа (рис. 6, *3*). Наконец, следует отметить широкое распространение орнамента в виде небрежных ямчатых вдавлений (рис. 6, *5*). Итак, глиняная посуда Володар, сохраняя в нижнем горизонте культурного слоя все основные черты посуды стоянок типа Волосовской, в верхних горизонтах культурного слоя получает свое дальнейшее самостоятельное развитие.

Кремневые и костяные орудия стоянки Володары повторяют все основные формы и ничем не отличаются от орудий других памятников волосовской культуры. Всего при раскопках 1947 и 1949 гг. на стоянке было собрано около 1000 орудий: скребков, скребел, скобелей, шильев, резчиков, наконечников стрел и дротиков, желобчатых долот и тесел. Почти все скребки сделаны из массивных отщепов с ретушью по рабочему краю (рис. 8, *8*, *9*); два скребка имеют зубчики по краю. Возможно, что они применялись в качестве штампов для нанесения зубчатого орнамента на сосуды (рис. 8, *7*). Ножи обычной для волосовской культуры формы — из пластинчатых отщепов с вогнутым лезвием (рис. 8, *10*). Сверла из отщепов с выступающим рабочим краем (рис. 8, *5*, *6*). Скобели из пластинчатых отщепов с одним или несколькими лезвиями (рис. 8, *11*). Особенно

много встречено резчиков. Все они сделаны из отщепов подтреугольной формы со слегка выдающимся рабочим концом. Часто встречаются массивные резчики с высокой спинкой, с заполированным рабочим краем (рис. 8, *13*). Наконечники стрел разнообразных форм: листовидные, ромбические треугольно-черешковые (рис. 8, *2—4*). На полу жилища найден обломок узкого длинного наконечника стрелы типа наконечников из волосовского клада. Из полированных кремневых орудий следует отметить желобчатые долота с высокой спинкой и тупым обушком (рис. 9, *1, 4*) и тесла со скошенным рабочим лезвием. Встречаются сланцевые тесла. Одно из них — массивное, овальное в поперечном сечении, с тупым обушком (рис. 9, *2*). Заслуживает также внимания находка каменного шлифованного валикообразного топора на полу жилища № 1 (рис. 9, *3*). В 1949 г. на стоянке впервые был найден обломок кремневой фигурки водоплавающей птицы, сделанной из пластинчатого отщепа, с плоской ретушью на спинке. Голова у фигурки обломана, сохранились только часть туловища и хвост (рис. 8, *12*). На спине фигурки имеется выступ (вероятно, солярный знак). Из украшений найдено большое количество плоских сланцевых привесок с округлым просверленным отверстием для подвешивания (рис. 9, *5, 6*), несколько привесок из зубов животных (рис. 10, *7, 8*) и плоские костяные привески овальной и округлой формы (рис. 10, *9*).

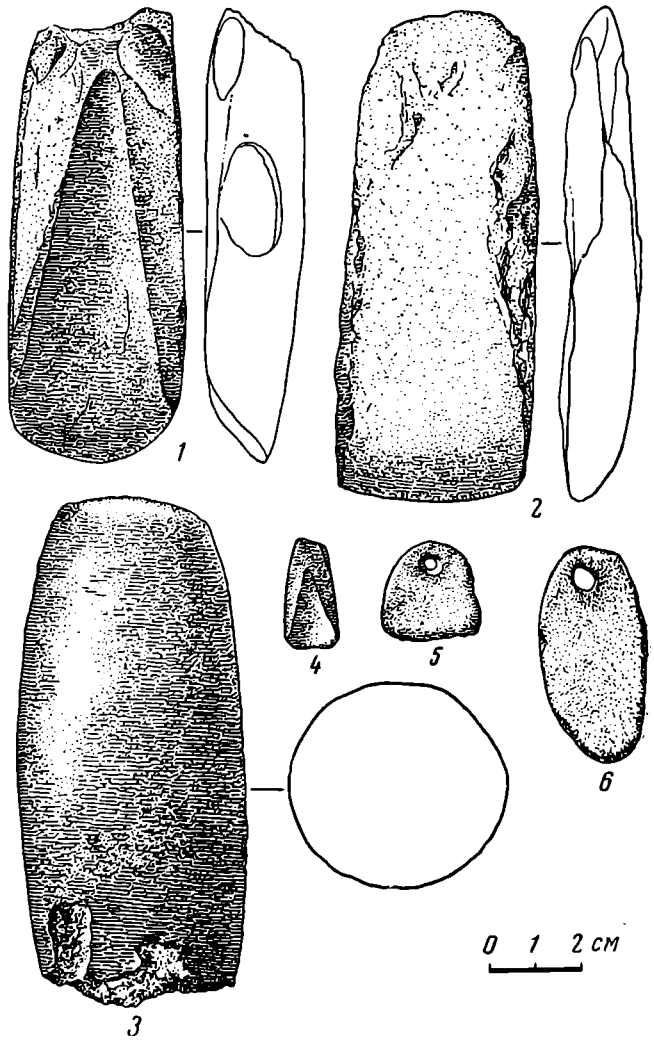


Рис. 9. Кремневые и сланцевые орудия и украшения стоянки Володары

1, 4 — желобчатые долота; *2* — тесло; *3* — валикообразный топор; *5, 6* — привески

Костяных орудий найдено около двухсот. Среди них несколько гарпунов с крупными клювовидными зубцами (рис. 10, *1*), большое количество шильев разнообразной величины, некоторые из них с очень тонким рабочим концом (рис. 10, *3—4*), и иногда с нарезками для обматывания рукоятки веревкой. Кроме того, найдены составные рыболовные крючки (рис. 10, *10, 11*). Наконец, следует отметить навершие рукоятки орудия из распиленной массивной кости животного (рис. 10, *2*) и кочедык из заполированной кости лося с вытянутым крючкообразным рабочим концом (рис. 10, *12*).

Новые материалы со стоянки Володары из раскопок 1947 и 1949 гг. позволяют несколько точнее наметить ее датировку. Как говорилось выше, глиняная посуда нижнего горизонта культурного слоя стоянки Володары (т. е. собранная на полу жилищ) тождественна посуде Волосовской стоянки. Следовательно, верхней границей времени существования стоянки Володары является дата Волосовской стоянки, т. е. конец второй четверти

II тысячелетия до н. э. Находка на полу жилища № 2 длинного узкого наконечника стрелы свидетельствует о том же. Посуда среднего и верхнего горизонтов культурного слоя стоянки Володары свидетельствует о ее дальнейшем самостоятельном развитии на протяжении третьей четверти II тысячелетия до н. э. Одним из доказательств такой датировки является находка в верхнем горизонте культурного слоя стоянки Володары двух кремневых наконечников стрел сейминского типа, датируемых XIV в. до н. э.

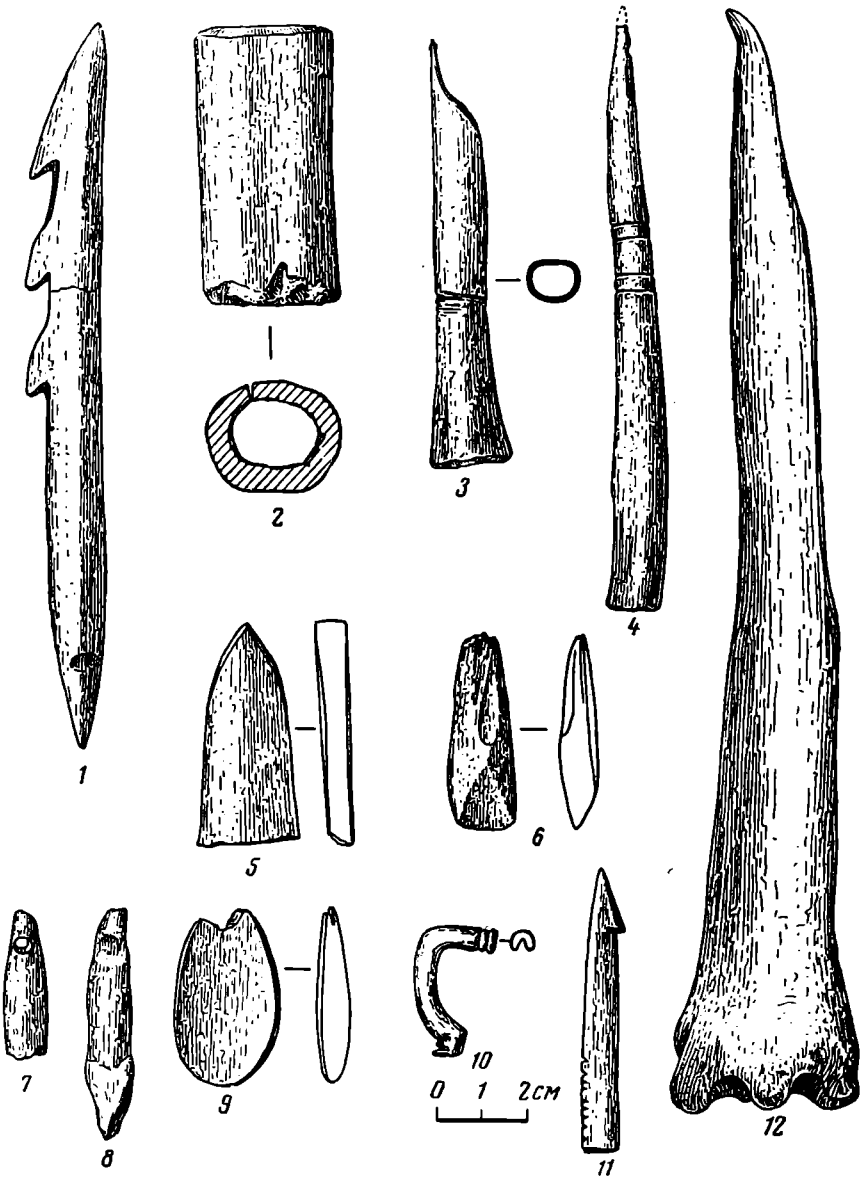


Рис. 10. Костяные орудия и украшения стоянки Володары
1 — гарпун; *2* — навершие рукоятки; *3, 4* — шилья; *5, 6* — тесла; *7—9* — привески; *10, 11* —части рыболовных крючков; *12* — кочедык

Стоянка Володары была значительным и долговременным родовым поселением, по-видимому, с довольно большим количеством населения. Расположение стоянки на самом берегу реки, а также находки большого количества рыбьей чешуи и костей свидетельствуют, что основным занятием населения было рыболовство. Среди находок имеется довольно много рыболовных орудий. Второй не менее важной отраслью хозяйства являлась охота. Это доказывается большим количеством костей диких животных и птиц, найденных при раскопках [17]. Вероятно, помимо рыболовства и охоты, известную роль в хозяйстве играло и собирательство.

[17] Видовой состав фауны см. И. К. Цветкова. Стоянка Володары, стр. 14.

Население стоянки Володары было знакомо с рядом простых производств, из которых наиболее развитым было изготовление глиняной посуды. Кремневая и костяная индустрия этой стоянки, как и всех поселений волосовской культуры, отличается огромным разнообразием форм и прекрасной выделкой орудий. Отжимная техника, а также техника пиления, сверления, полирования орудий достигла здесь своего наивысшего развития. Из орудий, употреблявшихся для обработки камня, можно назвать отбойники, ретушеры, отжимники, полировальные плиты. Обработка кости производилась кремневыми орудиями: скребками, ножами, резчиками. На стоянке найдено большое количество орудий, употреблявшихся для обработки шкур и кожи, а также для шитья одежды (скребки, проколки, костяные шилья, иглы, лощила). Для обработки дерева применялись каменные топоры, кремневые желобчатые долота, тесла, а также кремневые скобели и массивные скребла. На стоянке имеются орудия для изготовления изделий из лыка и луба — костяные кочедыки и долота.

Стоянка Володары относится к памятникам волосовской культуры второго этапа ее развития. Территория распространения волосовской культуры охватывает район нижнего течения р. Оки от устья р. Клязьмы на севере до верховьев р. Пры на юге. Заселение этой довольно обширной территории племенами волосовской культуры произошло не сразу. В начале II тысячелетия до н. э. район нижнего течения Оки (от г. Мурома) был заселен племенами балахнинской культуры [18]; судя по археологическому материалу, это заселение происходило с начала II тысячелетия до н. э. Первоначально эти племена населяли районы муромского течения Оки. В середине II тысячелетия до н. э. начался процесс их расселения вниз по Оке. Археологически этот процесс иллюстрируется материалами со стоянки Володары и Гавриловка I, расположенных в низовьях Оки, и со стоянки Холомониха в низовьях Клязьмы [19].

Фиксация материала по отдельным горизонтам культурного слоя стоянки Володары позволяет сделать ряд интересных наблюдений. О начальной дате существования стоянки Володары можно судить по посуде, найденной на полу жилищ; она аналогична посуде, характерной для стоянок типа Волосовской. В среднем горизонте культурного слоя стоянки Володары такой посуды становится значительно меньше, в верхнем горизонте она почти совершенно исчезает. Орнаментальные узоры приобретают своеобразные местные черты, отличающие ее от одновременной керамики со стоянок в районе г. Мурома (например, с Панфиловской стоянки). На основании этих наблюдений можно высказать предположение о расселении части племен волосовской культуры из района г. Мурома вниз по Оке и об образовании в районе низовьев Оки нового племени. Благодаря связи с населением, оставшимся на старом месте, это новое племя имело много общих с ним черт в материальном производстве. Вместе с тем локальные или племенные отличия выступают здесь достаточно четко.

Раскопки стоянки Володары нельзя считать законченными. За время трехлетних работ здесь была вскрыта площадь около 1300 $м^2$, тогда как площадь распространения культурного слоя на стоянке равняется 2000 $м^2$. Во время раскопок 1946 г. на стоянке была открыта яма, названная нами «мастерской для изготовления кремневых орудий», и большое кострище с огромным скоплением костей животных, птиц и рыб вокруг него. И мастерская и кострище оказались неподалеку от раскопанных в 1947 и 1949 гг. жилищ. Интересно, что открытые в 1946 г. погребения оказались почти рядом с задней стенкой жилища № 2. Дальнейшие раскопки представляют немалый интерес, так как есть основания обнаружить здесь новые находки погребений и жилищ.

[18] Подробнее о расселении племен волосовской культуры см. И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953.

[19] Стоянка Холомониха обследовалась О. Н. Бадером. Материал хранится в Гос. Эрмитаже. См. O. Bahder. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale. ESA, вып. IV, Helsinki, 1929.

П. Д. СТЕПАНОВ

О ФАТЬЯНОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Вопрос о фатьяновских поселениях занимает особое место в изучении истории фатьяновских племен. Более восьмидесяти лет (с 1873 г.) продолжались поиски мест поселений фатьяновских племен, но чаще всего находили новые могильники.

Незнание такого бытового памятника, как поселение, порождало разнообразные, часто ложные теории. Много существенных вопросов хозяйственного и социального порядка не получало должного освещения, и на фатьяновской культуре в целом лежал налет какой-то загадочности и таинственности.

Определяя хронологию фатьяновской культуры, впервые затронул вопрос о ее поселениях в 1903 г. А. А. Спицын [1].

В. А. Городцов в 1916 г. высказал предположение о том, что фатьяновские поселения были недолговременными из-за кочевого образа жизни их обитателей [2].

Интерес к памятникам фатьяновской культуры значительно возрос после Октябрьской революции. Начались упорные поиски новых памятников, но всегда находили только новые могильники и отдельные захоронения. Однако в работах о фатьяновской культуре нельзя было обходить молчанием вопрос о поселениях и потому возникли различные гипотезы.

П. Н. Третьяков, основываясь на наличии скота у фатьяновцев, присоединился к мнению В. А. Городцова [3]. О. Н. Бадер предполагал, что «поселения эти могли носить характер не „стоянок", а селищ, т. е. поселений, обычно вышерасположенных, без обязательного и непременного соседства с рекой или озером» [4]. Д. А. Крайнов высказал предположение о том, что постоянные поселения фатьяновцев могли находиться в местах, ныне заболоченных [5].

Антропологи в последнее время также высказались за постоянный характер поселений фатьяновцев, считая, что кости домашних животных, в том числе свиньи, а также керамика «говорят если не об оседлом, то, во всяком случае, о полуоседлом образе жизни» [6].

После опубликования нами кратких данных о вновь открытых фатьяновских поселениях [7] некоторые исследователи сочли возможным по-но-

---

[1] С. А. А. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, т. V, вып. 1. СПб., 1903, стр. 79.

[2] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, стр. 7.

[3] П. Н. Третьяков. Из материала Средне-Волжской экспедиции ГАИМК. Сообщения ГАИМК, 1931, № 3.

[4] О. Н. Бадер. Лихачевский могильник. СА, II, 1937, стр. 36.

[5] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 143.

[6] Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. XVI, М., 1951, стр. 439.

[7] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950; его же. Итоги раскопок фатьяновских поселений на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951; его же. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, вып. 53, 1954.

вому подойти к этому вопросу [8], другие же высказывали значительную долю недоверия к открытым памятникам [9].

Наша работа рассчитана на то, чтобы более подробно изложить известные ранее и накопленные в последнее время материалы из Западного Поволжья [10].

* * *

К настоящему времени фатьяновских поселений насчитывается около тридцати. Часть их обнаружена на Верхней Волге, на Вятке, но большинство (20 поселений) находится на территории Западного Поволжья, в Горьковской и Ульяновской областях в Чувашской и Мордовской АССР (рис. 1).

Наибольшее число фатьяновских поселений найдено в Чувашии. Распределяются они здесь весьма неравномерно, однако, возможно, это обусловлено неравной степенью изученности отдельных районов [11].

В расположении фатьяновских поселений наблюдаются общие черты: все они располагаются на высоких местах. Одна группа поселений обнаружена на высоких приречных мысах у сс. Сайнино, Гулюшево, Добровольевка, Калугино, Таганаши, Изванкино, Чебаково I и Чебаково II, Эндимеры, Чемординаны — Убабусь (рис. 2, *1*; 3, *2, 3*; 4).

Перечисленные поселения за исключением поселений у Чебаково I и Чемординаны — Убабусь) перекрыты более поздними слоями городищ городецкой культуры. У с. Сайнино площадь поселения далеко выходит за пределы городища. Поселений, расположенных на мысах, оказывается наибольшее число.

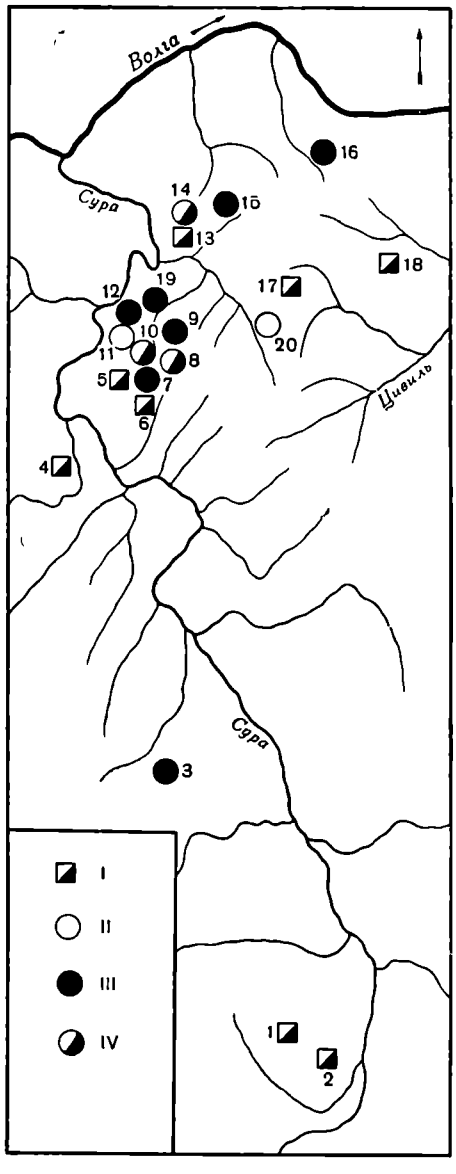


Рис. 1. Карта фатьяновских поселений в Западном Поволжье

1 — поселения на мысу под слоем более позднего городища; II — на мысу; III — по берегам водостоков; IV — в поле; I — Ош Пандо у с. Сайнино Мордовск. АССР; *2* — Ашна Пандо у с. Гулюшево Ульяновск. обл.; *3* — у с. Старое Ардатово Мордовск. АССР; *4* — Воровской двор у с. Добровольевки Горьковск. обл.; *5* — Хула Сюч у с. Калугино Чувашск. АССР; *6* — Хула Сюч у с. Таганаши; *7* — Хархли Сёту с. Таганаши; *8* — у с. Чербай; *9* — Синдзе Сёт у с. Верхние Очаки; *10* — у с. Малый Сундырь; *11* — селище № 2 у с. Чемординаны; *12* — Убабусь у с. Чемординаны; *13* — Эндерски у с. Чебаково I; *14* — Кизим Висту у с. Чебаково II; *15* — у с. Мурза Касы; *16* — у с. Шокино; *17* — Хула Сюч у с. Изванкино; *18* — Хула у с. Эндимеры; *19* — Угандр-вар-весь у с. Болдаево; *20* — у с. Большое Таутово (все пункты с № *6* — в Чувашск. АССР)

---

[8] О. Н. Бадер. К вопросу о Балановской культуре. СЭ, № 1, 1950; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 12952, стр. 178; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. Тр. Ин-та этнографии им. Миклухи-Маклая, нов. сер., т. XXXIII, 1955, стр. 478.

[9] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 83; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 182.

[10] Н. В. Трубникова. Отчет о разведочных археологических работах, проведенных в 1955 г. у д. Криуши Чувашской АССР. Уч. зап. Чувашск. НИИ, вып. XIV, Чебоксары, 1956.

[11] За последние годы фатьяновские поселения открыты на Верхней Волге Д. А. Крайновым, в Чувашии — Н. В. Трубниковой, на р. Вятке — В. П. Денисовым.

Вторая группа поселений находится непосредственно на краях или берегах водных потоков (некоторые из них уже высохли) у сс. Мурза-Касы, Чемордаиы, Верхние Очаки, Шокино, Таганаши — Хархли Сёт, Старое Ардатово (рис. 2, *2*; 5, *3*, *4*; 6). Поселения у сс. Мурза-Касы и Таганаши

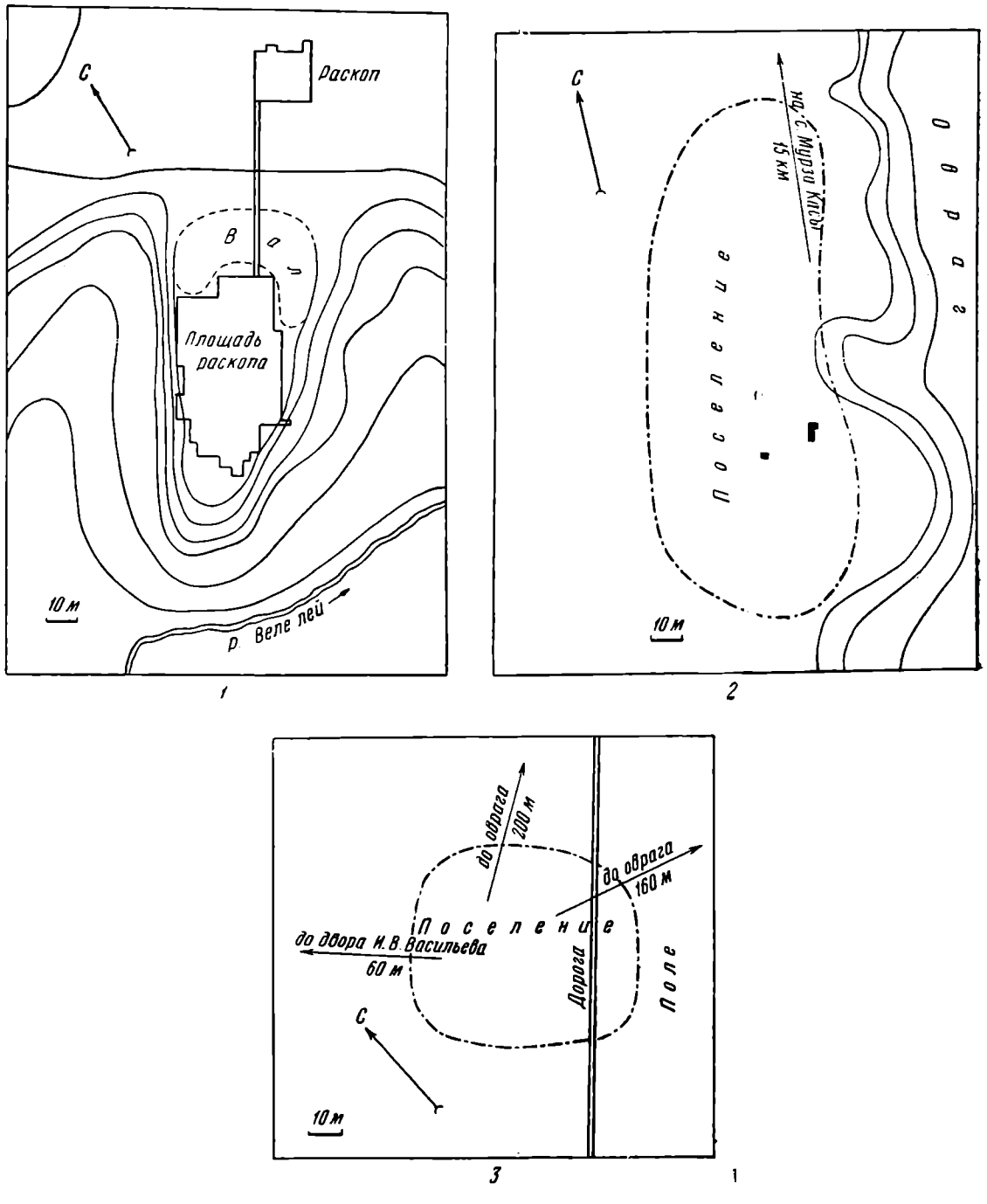


Рис. 2. Типы фатьяновских поселений

1 — Ош Пандо у с. Сайнино Мордовск. АССР; *2* — у с. Мурза Касы Чувашск. АССР; *3* — у с. Чербай Чувашск. АССР

находятся на вершине оврагов. В эту группу памятников следует включить и местонахождение фатьяновской керамики у с. Болдаево в урочище Угандр-вар-весь (рис. 7, *2*). Из этой группы только поселения у Мурза-Касы и Чемордаиы не перекрыты более поздними культурными слоями [12]. К третьей группе относятся поселения у с. Чербай и Малый Сундырь, в настоящее время расположенные прямо в поле или на огородах. Оба эти поселения однослойные (рис. 2, *3*; 5, *2*).

[12] Вероятно, к этой группе следует отнести поселение у с. Б. Таутово, открытое в 1956 г. Н. В. Трубниковой.

В связи с выявившейся особенностью расположения фатьяновских поселений в Западном Поволжье нам кажется, что следует по-новому рассмотреть Говядиновский «могильник» [13] и некоторые другие «могильники».

Как известно, при обследовании Говядиновского «могильника» не было найдено следов могил и человеческих костей, но были найдены типичные

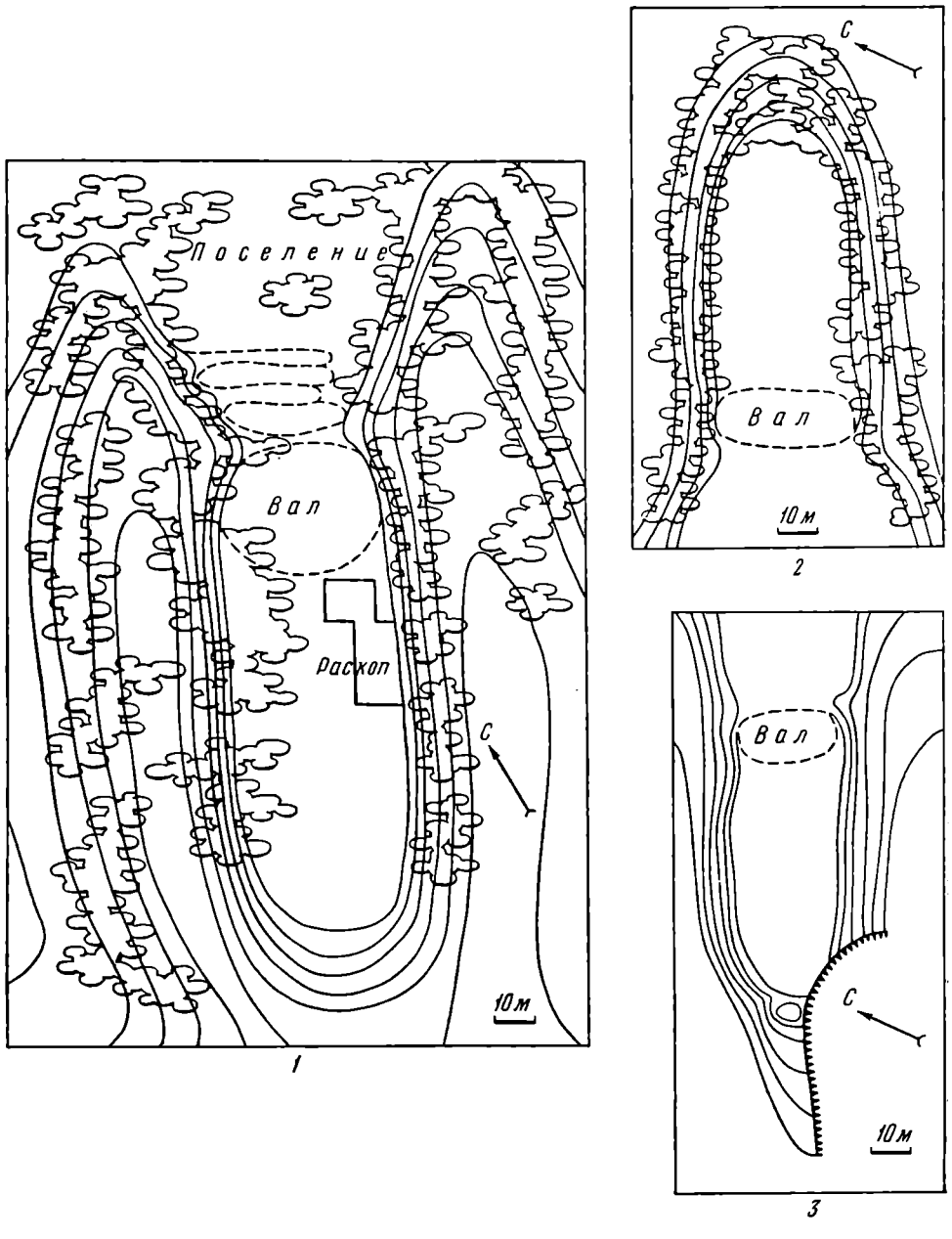


Рис. 3. Планы фатьяновских поселений

1 — Ашна Пандо у с. Гулюшево Ульяновск. обл.; *2* — Воровской двор у с. Добровольевка Горьковск. обл.; *3* — Хула Сюч у с. Калугино Чувашск. АССР

фатьяновские вещи. В. И. Смирнов отмечает, что над слоем с фатьяновскими вещами залегал слой с сетчатой керамикой I тысячелетия до н. э., а еще выше — слой с гладкой керамикой более позднего времени. Указывается, что памятник располагался на высокой площадке мыса. По соседству, на таких же мысах, было обнаружено еще два таких же «могильника».

Приведенные выше данные вполне совпадают с нашими данными о поселениях на мысах, которые также почти всегда перекрыты слоями селищ I тысячелетия до н. э. Отсутствие же могильных сооружений и костей человека дает основание считать эти памятники не могильниками, а местами

[13] В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, IX, 1947.

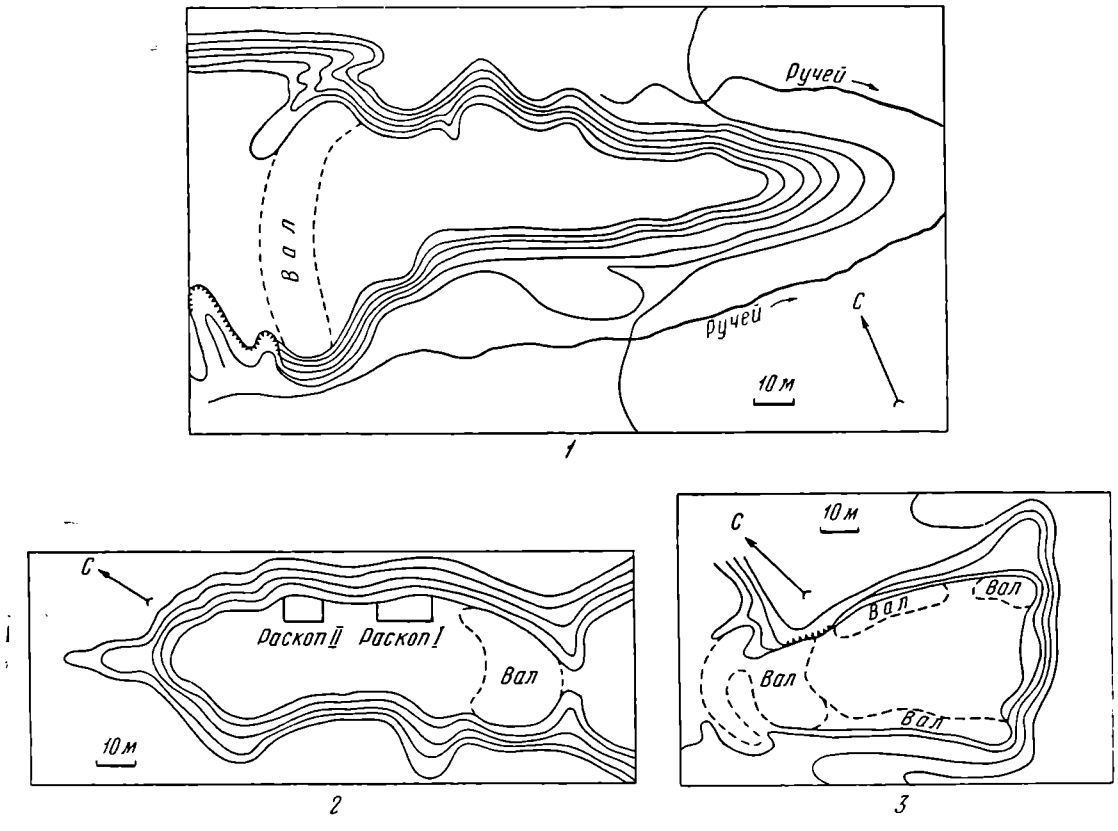


Рис. 4. Планы фатьяновских поселений (Чувашск. АССР)

1 — Хула Сюч у с. Таганаши; *2* — Хула Сюч у с. Изванкино; *3* — Хула Ту у с. Эндимеры

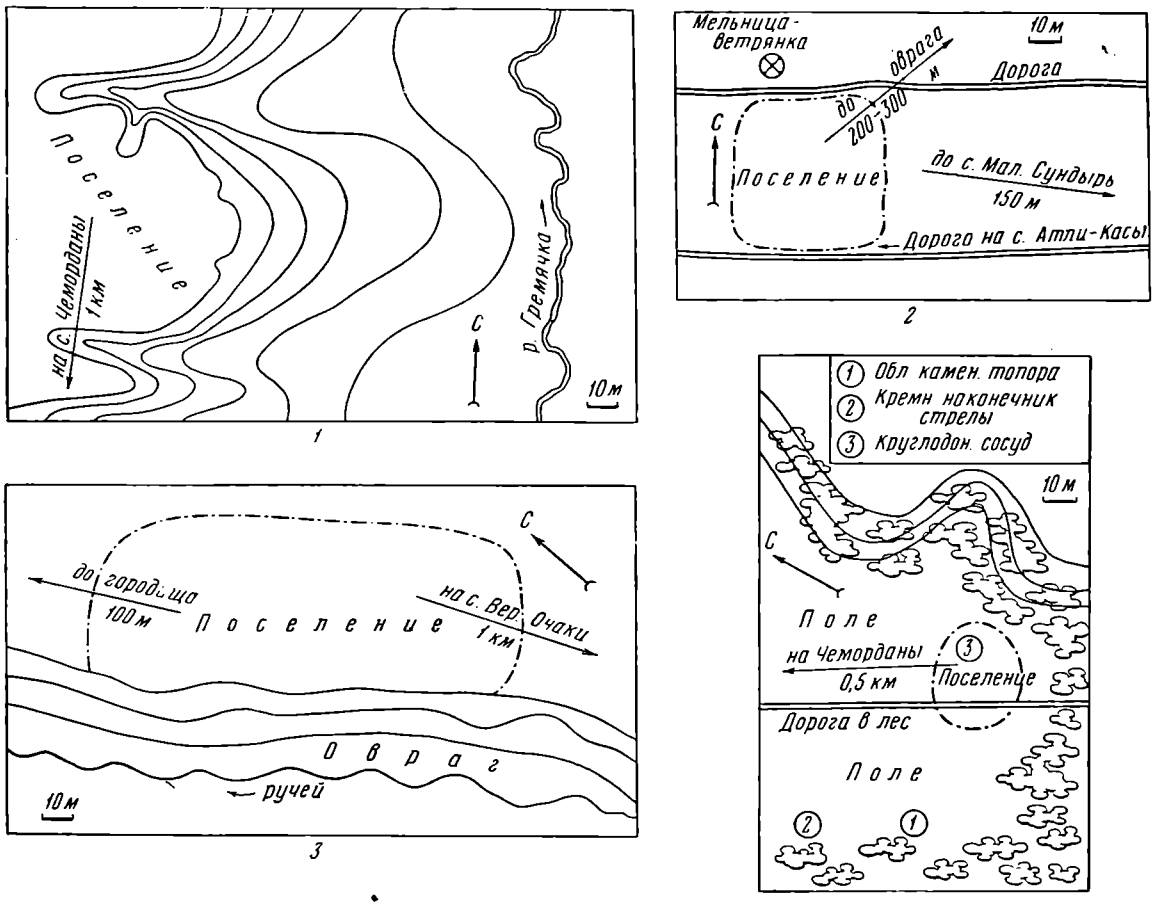


Рис. 5. Планы фатьяновских поселений (Чувашск. АССР)

1 — Убабусь у с. Чеморданы; *2* — у с. Малый Сундырь; *3* — Синдзе Сёт у с. Верхние Очаки; *4* — селище № 2 у с. Чеморданы

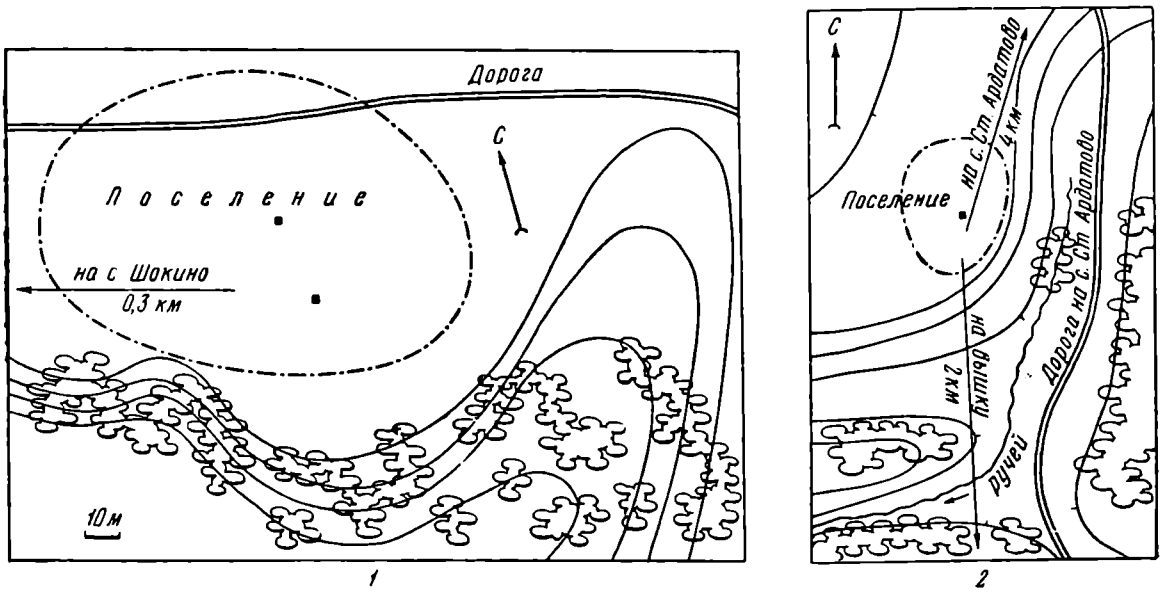


Рис. 6. Планы фатьяновских поселений

1 — у с. Шокино Чувашск. АССР; *2* — у с. Старое Ардатово Мордовск. АССР

поселений. Описанные П. Н. Третьяковым находки у с. Чеморданы [14], очевидно, также относятся к поселению. Это место было нами обследовано в 1956 г., и никаких следов погребений там не обнаружено.

Многочисленные находки фатьяновских предметов связаны в Ядринском районе не с местами распашки «улап-тапри», т. е. курганов, а с многочисленными поселениями фатьяновцев. Только в окрестностях дер. Атли-Касы в 1956 г. было обнаружено пять фатьяновских поселений [15].

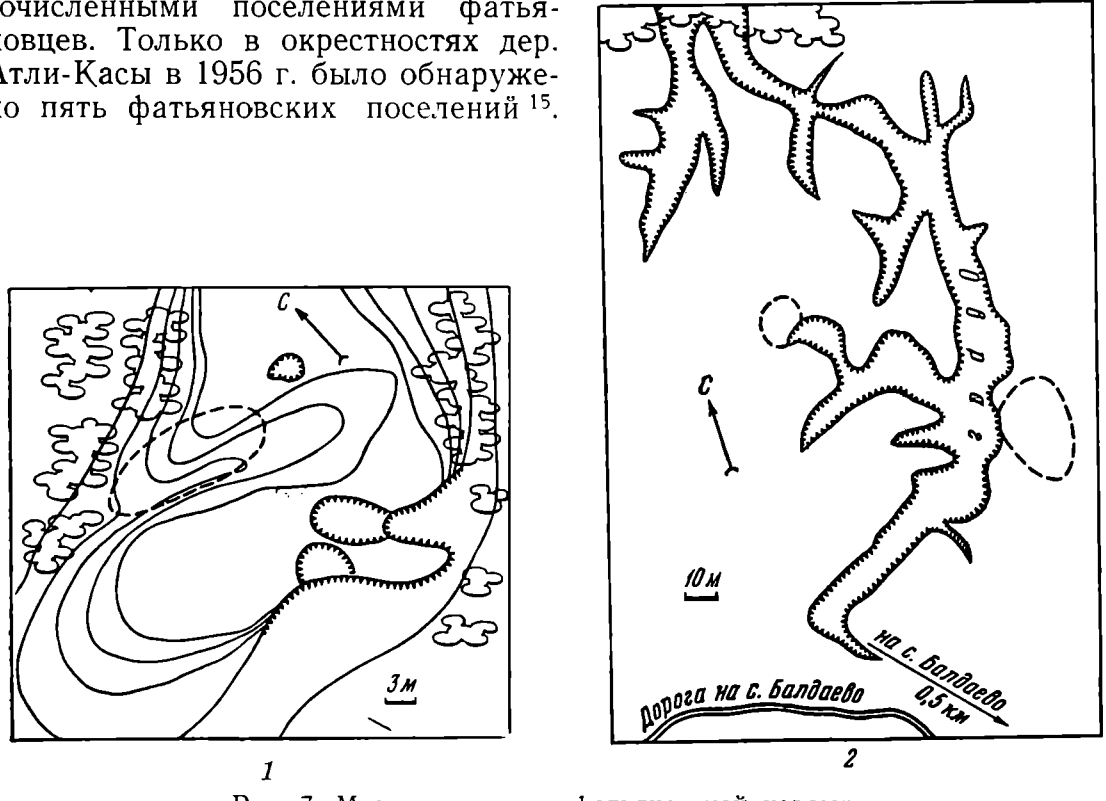


Рис. 7. Места скопления фатьяновской керамики

1 — на поселении Кизим Висту у с. Чебаково II; *2* — в урочище Угандр-вар-весь у с. Болдаево Чувашск. АССР (пунктиром обозначены границы распространения фатьяновской керамики)

[14] П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 26.

[15] В своей работе мы не рассматриваем поселения, открытые в последние годы Д. А. Крайновым и В. П. Денисовым. Они расположены в иных условиях — на дюнных стоянках с неолитическим инвентарем. Такой тип поселений в Западном Поволжье неизвестен.

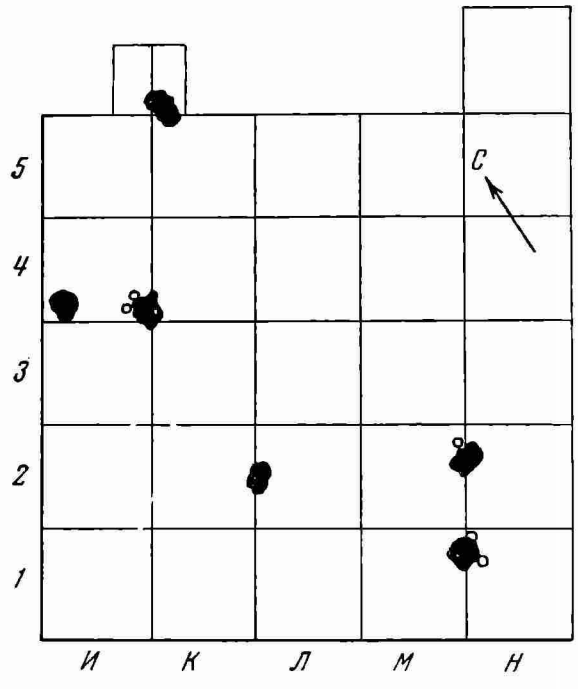


Рис. 8. Расположение кострищ на поселении Ош Пандо

Расположение фатьяновских поселений не случайно. Видимо, фатьяновские племена находились в зависимости от лесных угодий. Соседство с лесом определяло характер занятий населения и условия быта.

В материалах Балановского могильника имеются находки костей диких животных — обитателей леса: бурого медведя, кабана, бобра. О. Н. Бадер, опираясь на эти данные, делает вывод о распространении у фатьяновцев охоты [16].

Установление зависимости фатьяновских племен от лесных угодий позволяет сделать вывод о том, что во второй половине II тысячелетия до н. э. на территории обитания фатьяновских племен были большие лесные массивы.

Предположение О. Н. Бадера о том, что в районе Балановского могильника в ксеротермическом периоде была степь и поэтому-то сюда продвинулись южные степные племена скотоводов-балановцев [17], опровергается приведенными выше данными.

По вопросу о смещении ландшафтно-географических зон нет единства мнения и у специалистов; некоторые отрицают возможность этого смещения для Западного Поволжья [18].

Данные по другим археологическим культурам также говорят в пользу распространения лесов в Западном Поволжье [19].

При раскопке курганов у с. Пиксяси Мордовской АССР, датируемых второй половиной II тысячелетия до н. э., относящихся к срубно-хвалынской культуре, были обнаружены мощные бревенчатые перекрытия над могилами [20]. Эта местность расположена всего в 25 *км* от фатьяновского поселения Ош Пандо и в 35 *км* от другого фатьяновского поселения — Ашна Пандо.

Рис. 9. Фатьяновский горшок в ямке у костра на поселении Ош Пандо

Размеры поселений фатьяновцев различны. Самым большим пока следует считать поселение Ош Пандо, площадь которого более 3000 $м^2$. Размеры большинства поселений определялись условно, по находкам керами-

---

[16] О. Н. Бадер. К вопросу о Балановской культуре. СЭ, № 1, 1950.
[17] Там же, стр. 76—77.
[18] Ф. Е. Мильков. Среднее Поволжье. М., 1953, стр. 193.
[19] Н. Я. Мерперт. Бронзовый век Поволжья. Тезисы докладов на сессии Отд. истор. наук и пленуме ИИМК АН СССР, М., 1957, стр. 69.
[20] П. Д. Степанов. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 74.

ки на пашне. При распашке же полей керамика, вероятно, растаскивалась на более широкую площадь.

По своим размерам фатьяновские поселения мало отличаются от одновременных им поселений других племен эпохи бронзы, живших по соседству. Примерно такие же размеры имеют поселения срубно-хвалынской культуры: у сс. Мокшан и Пустынь Пензенской области [21], у с. Успенка Саратовской области [22], у сс. Пиксяси, Старое Ардатово и Жабино Мордовской АССР [23]. Отличаются они от этих поселений только своим местоположением на невысоких берегах рек и оврагов и мощностью культурного слоя.

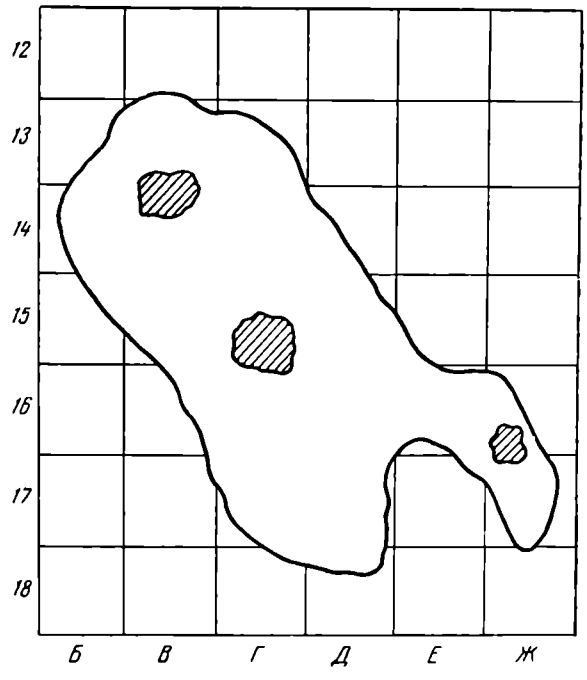


Рис. 10. План каменной вымостки со следами кострищ на поселении Ош Пандо

Поселения фатьяновских племен не имели никаких оборонительных сооружений. Они не были обнаружены ни на одном однослойном поселении (Мурза-Касы, Чебаково I, Чемордаиы и т. д.). Располагая свои поселения на высоких приречных мысах, фатьяновцы, несомненно, не преследовали целей обороны, так как в неменьшем числе мы встречаем поселения на берегах оврагов и в поле.

Мощность культурного слоя на фатьяновских поселениях различна: на Ош Пандо —0,6—0,9 *м*, на поселении у с. Мурза-Касы — всего 0,15—0,2 *м*, а у с. Чебаково слой равнялся 0,48 *м*.

На Ош Пандо были произведены раскопки на площади до 2500 $м^2$. Так как этот памятник многослойный, то фатьяновский слой здесь был нарушен более поздними обитателями. Несмотря на это, фатьяновский слой все же был прослежен на значительном пространстве по склону возвышенности. Коричневато-серый слой содержал большую примесь золы. В некоторых местах в верхней части золистого слоя наблюдались линзообразные прослойки обожженной земли — остатки кострищ (рис. 8). Местами в слое имелись скопления золы, выброшенной из жилища [24].

Мощные золистые отложения, большая насыщенность слоя фатьяновской керамикой, обширность пространства, занятого поселением,— все это говорит о том, что на Ош Пандо было долговременное поселение, на котором фатьяновцы жили или непрерывно, или с небольшими перерывами.

Менее обширными были раскопки на Ашна Пандо (рис. 3, *1*) в 10 *км* от Ош Пандо. Хотя при раскопках на этом памятнике удалось установить наличие тех же самых слоев, что и на Ош Пандо, однако четко фатьяновский слой здесь не был прослежен. На склоне был обнаружен также мощный слой золы того же коричневато-серого цвета, но насыщенность культурного слоя фатьяновскими вещами и керамикой была незначительна. Это поселение, вероятно, было местом кратковременного пребывания фатьяновцев в течение нескольких сезонов.

---

[21] О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у с. Мокшан и Пустынь, Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 85.

[22] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 195.

[23] П. Д. Степанов. Итоги археологических работ в Зап. Поволжье за пятилетие 1945—1949 гг. Уч. зап. СГПИ и СГУ, вып. XXII, Саратов, 1956, стр. 92.

[24] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 63.

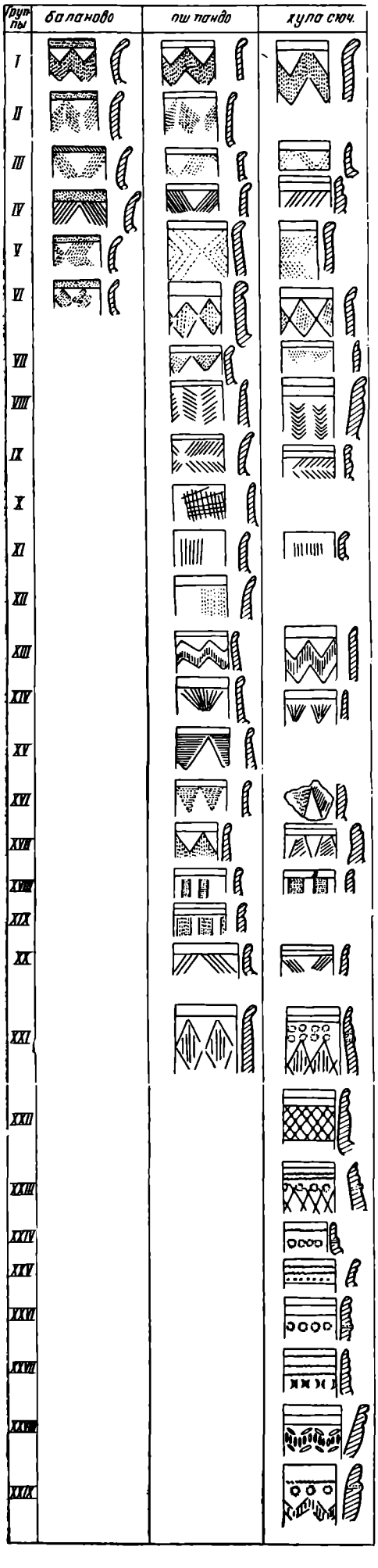


Рис. 11. Таблица эволюции профилей шейки и орнаментации сосудов фатьяновских памятников Западного Поволжья

На третьем фатьяновском поселении Хула Сюч у с. Изванкино было раскопано всего около 100 $м^2$. Этот памятник двуслойный и потому фатьяновский слой на нем был нарушен. Но все же удалось проследить остатки фатьяновских кострищ и части пола фатьяновского жилища [25].

На большинстве остальных посений производилась только шурфовка, которая выявила незначительную мощность культурного слоя, его иногда слабую насыщенность и показала, что фатьяновская керамика залегает всегда ниже слоев городецкой культуры. На однослойных поселениях у сс. Мурза-Касы и Чебаково I фатьяновская керамика лежала слоями на грунтовом суглинке.

Таким образом, по внешним признакам, по размеру, мощности культурного слоя и его насыщенности фатьяновские поселения можно распределить на две группы: долговременные поселения типа селища и кратковременные—типа стойбища. Есть также данные о жилищах.

Безусловно, следует связывать с жилищем места кострищ на фатьяновском поселении Ош Пандо, расположенные за валом городища, около которых стояли фатьяновские горшки. Совершенно такие же места кострищ были обнаружены и на самом городище, под более поздними слоями. Здесь был случай находки большого остродонного фатьяновского горшка в ямке, совершенно аналогичный тому, который имел место за валом. Такого же типа кострища были обнаружены при раскопках фатьяновского поселения Хула Сюч. Можно предполагать, что фатьяновский круглодонный горшок, выпаханный на поселении у с. Чемординки, также находился у кострища.

Места кострища на поселении Ош Пандо представляют собой округлые пятна прожженной земли, имевшие 1—1,5 *м* в диаметре при толщине

[25] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 56.

0,15 *м*. Такого рода пятна на месте кострищ могли образоваться вследствие длительного разжигания костра на одном месте.

На местах кострищ не было обнаружено очажных камней, не наблюдалось также скопления золы и угля. Очажные пятна всегда располагались на ровном месте, без углубления в почву.

Отсутствие очажных камней можно объяснить тем, что сосуды с пищей подвешивались над огнем. Отсутствие золы и углей на месте костра можно объяснить тем, что их часто выносили за пределы жилища, а также тем, что костер разжигался в переносном жилище, после уборки которого дождь и ветер смывали и разносили золу и угли.

Кострища находились в жилищах, а не на открытом воздухе, вне жилища, так как вряд ли обитатели жилищ могли оставлять под окрытым небом подле костров горшки с молочной пищей. А ведь именно для приготовления сыра или творога был поставлен у костра большой сосуд с отверстиями в придонной части на поселении Ош Пандо (рис. 9).

Расположение кострищ группами на поселении Ош Пандо пока не может быть объяснено. Возможно, что группы кострищ возникли вследствие неоднократного устройства жилища на данной площадке, причем места жилища и кострища не совпадали.

На поселении Ош Пандо мы встречаемся с одним явлением, которое пока не поддается объяснению: мы имеем ввиду обнаруженные там какие-то каменные вымостки.

На Ош Пондо мы обнаружили три каменные вымостки; две расположены на склоне (одна из них полностью расчищена) и третья — на площадке за валом (обследованию не подвергалась).

Над каменными вымостками, расположенными на склоне, находились мощные отложения золы, насыщенные фатьяновскими вещами и керамикой. Эти золистые слои близко совпадали своими границами с границами каменных вымосток. На вымостке, расчищенной полностью, оказались следы двух больших кострищ в виде кругов обожженных камней, расположенных вдоль вымостки. Наличие этих кострищ заставляет связывать вымостку с жилищем (рис. 10).

В какой-то связи с вымостками находятся мощные зольные слои, расположенные над двумя из них. Может быть, эти зольники создавались в зимнем жилище, когда зола не выбрасывалась наружу. В этих слоях были найдены каменный топорик-вкладыш, долото из кости, недоделанный каменный топор, отщеп кремня, кремневый скребок, каменный курант и много фатьяновской керамики.

По размерам каменной вымостки (15 × 8 *м*) можно судить о величине зимнего жилища фатьяновцев, если вымостки действительно связаны с ним. На такой площади свободно могли разместиться все члены родовой общины в количестве от 30 до 50 человек.

Отсутствие каких-либо остатков кровли или стен постройки лишает нас возможности говорить о конструкции этого жилища. Вероятным будет предположение, что постройка была деревянная, ибо в квадрате 11-В-8, на глубине 1,3 *м*, близ западного края квадрата, найдены в очень плотном слое чернозема остатки дерева и куски коры хорошей сохранности.

Нашим каменным вымосткам есть некоторые хронологически близкие, но территориально далекие аналогии. Мы имеем в виду поселения в Усатове, где были открыты «известковые вымостки пола жилых, прямоугольных в плане, построек» [26].

Среди находок на поселениях преобладает керамика. Однако при более обширных раскопках на Ош Пандо в культурном слое найдено много типичных фатьяновских вещей: плоские каменные топоры, шлифованные топоры со сверлиной, кремневые ножи и скребки, наконечник стрелы, костяные долота, бронзовый наконечник копья и целые кругло-

[26] Т. С. Пассек. Периодизация Трипольских поселений, МИА, № 10, 1949, стр. 17.

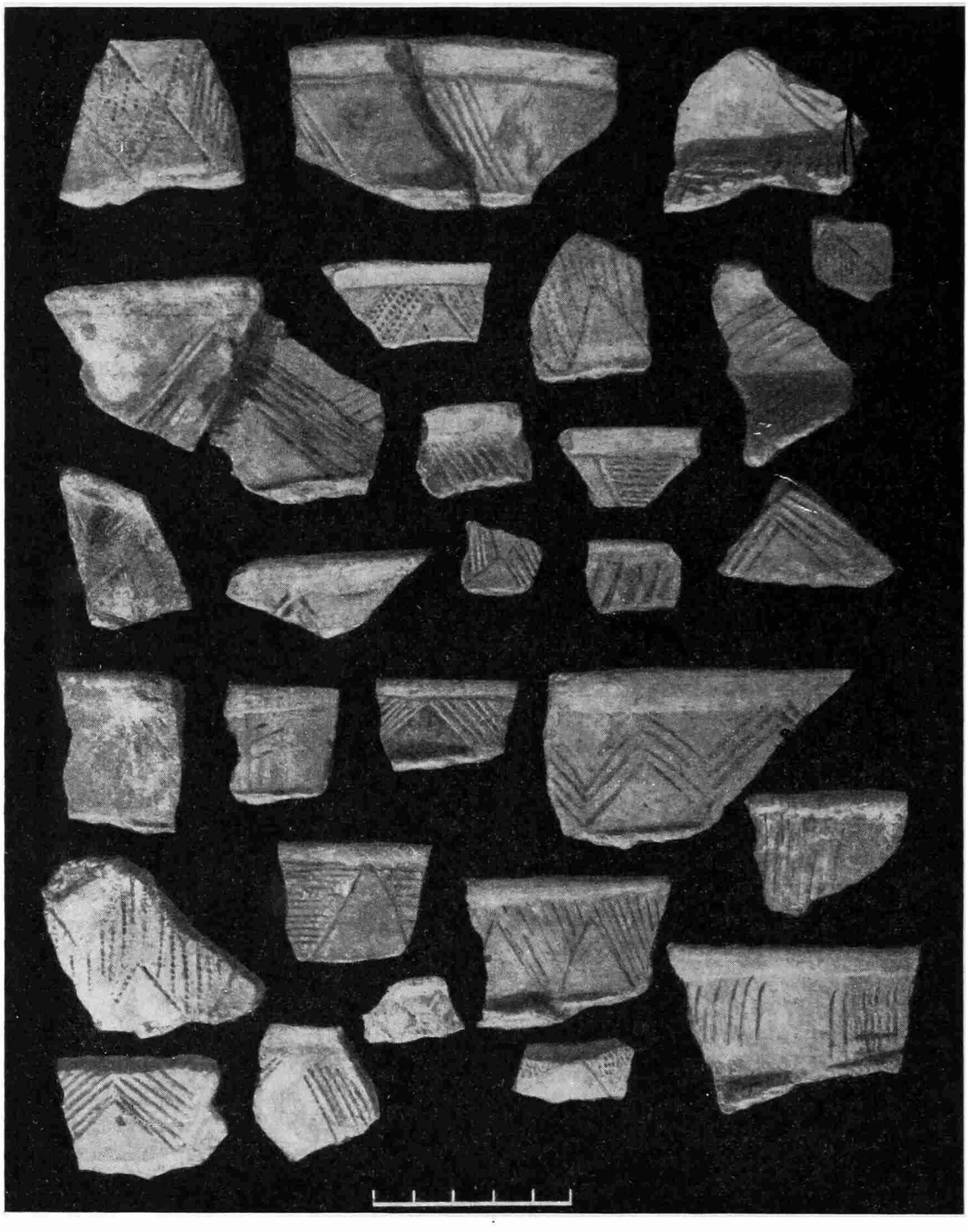


Рис. 12. Керамика с поселения Ош Пандо (тип ошпандинско-балановский)

донные сосуды, типичные для фатьяновских могильников. Кроме того, в культурном слое найдены кости домаших животных [27].

Эти находки в культурном слое поселений позволяют говорить о бесспорной принадлежности всех поселений к фатьяновской культуре, так как вещевой материал тождествен тому, что находится в фатьяновских могильниках Среднего и Верхнего Поволжья. Нам кажется, что при современном наличии материалов из фатьяновских памятников Западного Поволжья нет оснований выделять (как это делает О. Н. Бадер) самостоятельную балановскую культуру [28]. Керамический материал, различаясь на ряде поселений по технике изготовления, по форме и орнаментике, позволяет проследить эволюцию техники, формы и орнаментики. Таким обра-

[27] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье.
[28] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре.

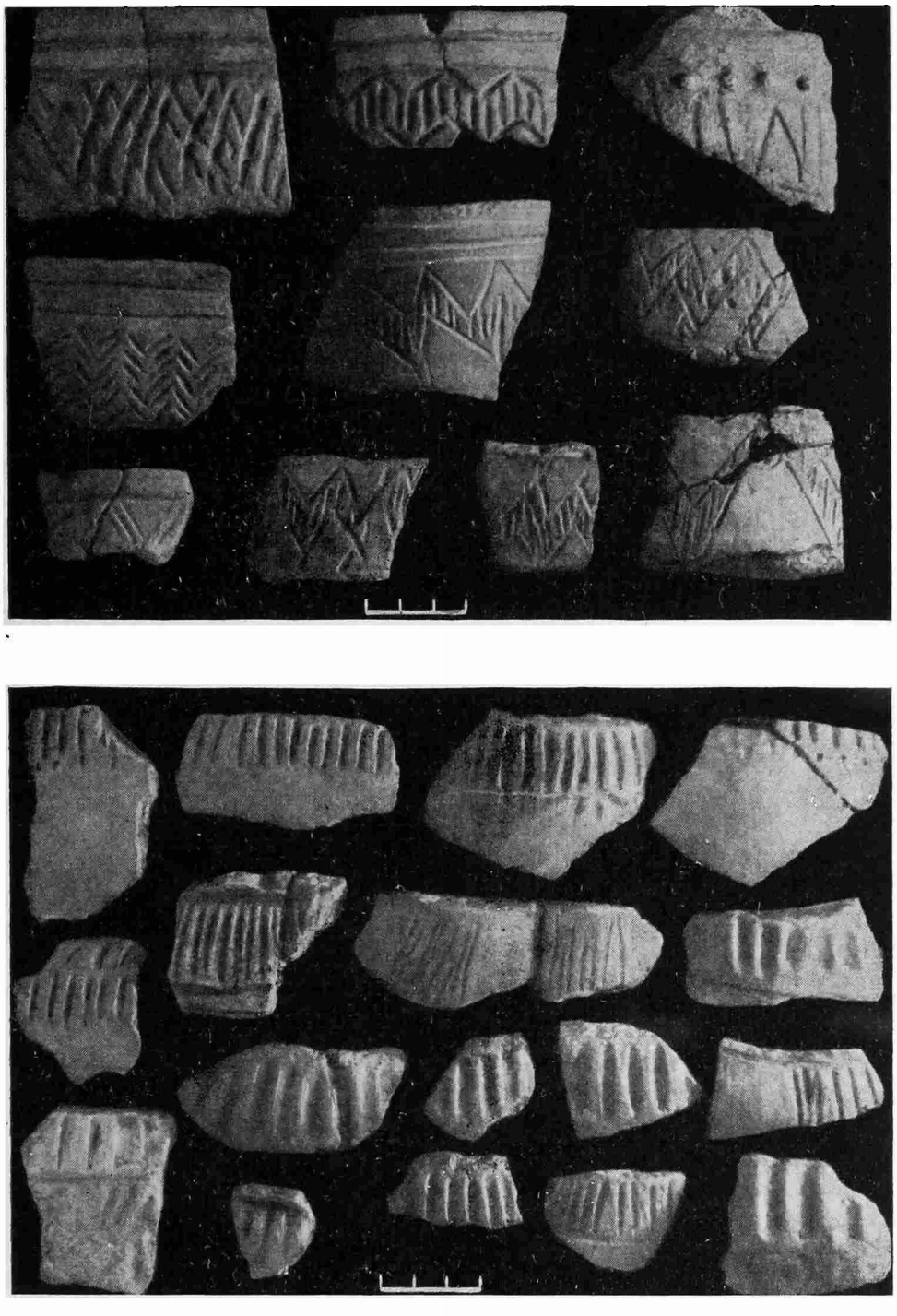


Рис. 13. Керамика типа Хула Сюч

зом, есть возможность говорить о двух или трех этапах в развитии керамики (рис. 11).

Балановский или, как мы его называем, ошпандинско-балановский тип керамики в наибольшем количестве встретился на поселении Ош Пандо и на всех левобережных сурских поселениях. Эти поселения следует считать более ранними (рис. 12). Однако среди керамики с поселения Ош Пандо оказались образцы более позднего времени типа «Хула Сюч» (рис. 13).

Керамика типа «Хула Сюч» имеет самое широкое распространение на поселениях Чувашии, где первый тип встречается единицами. В орнаментике этого типа керамики наблюдается еще много черт, сближающих ее с балановским типом. Поселения с керамикой типа «Хула Сюч» мы считаем более поздними.

Западное Поволжье является районом, где фатьяновские племена проживали в течение долгого времени и где они оставили разнообразные памятники, а не только поселения. Здесь открыты Балановский, Сергачский, Большой Таутовский, Атли-Касинский могильники, культовое место «Хонки Сёт» в верхнем течении р. Вылы и указанные выше многочисленные поселения. Есть основание считать эту территорию племенной территорией, поэтому памятники других культур, обнаруженные здесь, нужно относить или к более раннему или к более позднему времени.

Приведенные выше материалы позволяют сделать некоторые выводы.

1. Фатьяновские племена в Западном Поволжье имели два типа поселений. Один тип — поселения временные, похожие на стойбища таежных охотников-оленеводов Сибири, и другой тип — поселения долговременные, похожие на «селища» эпохи бронзы, с мощными культурными слоями.

2. Поселения фатьяновцев всегда располагаются на высоких местах: на приречных или овражных мысах, на берегах оврагов, на лесных полянках и на опушках леса.

3. Фатьяновские племена имели два типа жилища. Один тип — легкое переносное жилище, аналогичное чуму таежных охотников-оленеводов Сибири с кострищем посредине, и другой тип — долговременное жилище в виде наземного сооружения с каменной вымосткой пола и несколькими кострищами, где обитало большое число людей одновременно.

4. Место расположения поселений, характер поселений, типы жилища характеризуют быт людей, ведущих полукочевой образ жизни.

5. Небольшие размеры многих поселений позволяют предполагать, что фатьяновцы кочевали небольшими родственными группами в пределах племенных территорий, располагавшихся по среднему и нижнему течению р. Суры, в бассейне р. Цивиль, и доходили до Волги.

6. Все материалы, собранные на фатьяновских поселениях Западного Поволжья, характеризуют быт отсталых в хозяйственном отношении (по сравнению со степными племенами того же времени), бедных, и вероятно, немногочисленных охотников и скотоводов.

7. Наблюдается неоднородность керамического материала, огрубление техники производства сосудов и переход к новым формам орнаментики на позднем этапе.

А. А. ФОРМОЗОВ

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСКУССТВА ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮГА СССР

Искусство племен, населявших территорию СССР в эпоху бронзы (III—II тысячелетия до н. э.), изучено очень неравномерно. Лучше всего мы знаем искусство племен лесной полосы европейской части СССР, которому посвящены монографии о наскальных изображениях Карелии, о резных скульптурах из торфяников Урала, статьи о кремневых статуэтках и т. д. Сравнительно хорошо изучено и искусство бронзового века Кавказа и глиняная пластика трипольской культуры. Но очень слабо исследованы данные об искусстве племен, оставивших курганы ямной, катакомбной и срубной культур в степях Украины, Подонья и Поволжья.

Между тем памятники искусства степных культур эпохи бронзы заслуживают пристального внимания в связи с вопросами о происхождении скифского искусства, о местных чертах в искусстве Боспора и т. д.

Насколько плохо знаем мы доскифское искусство юга СССР, показывает недавний пересмотр датировки архаичных антропоморфных стел, известных из ряда пунктов в Причерноморье (Тиритака, Белозерка, Наталовка и т. д). Несколько лет назад было общепринятым связывать эти стелы с киммерийцами [1], и только раскопки А. И. Тереножкина 1951—1952 гг. показали, что стелы относятся к ямной культуре, т. е. старше киммерийцев более чем на тысячу лет [2].

Определяя степень изученности искусства степных культур эпохи бронзы, приходится сказать, что сейчас мы еще не можем дать его общей характеристики и классификации. Очередной задачей является публикация и первичный анализ отдельных памятников, рассеянных по южным музеям и почти не привлекавших внимание исследователей. Только после такой работы сможет появиться обобщающий труд о доскифском искусстве.

Здесь мы останавливаемся именно на разборе отдельных памятников искусства бронзового века юга СССР, представляющих интерес для характеристики доскифского искусства.

Стела Симферопольского музея

Находка антропоморфных стел в погребениях ямной культуры заставляет вспомнить о других изображениях на камнях из курганов эпохи бронзы и пересмотреть вопрос об их датировке. Наиболее интересным памятником этого рода является стела Симферопольского музея, изображение на одной из сторон которой было издано в свое время А. М. Тальгреном [3].

---

[1] В. М. Даниленко. До кіммерійської проблеми. Археологія, т. V, 1951, стр. 218.

[2] А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1, Киев, 1952, стр. 16.

[3] A. Tallgren. La Pontide préscythique. ESA, т. II, 1926; его же. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidentale. ESA, т. IX, 1933, рис. 35.

Указывая на вторичную связь стелы с погребением эпохи бронзы, А. М. Тальгрен не дал ясной датировки стелы, отметив лишь близость изображенных на ней топоров к топорам кобанского типа. Если бы это было так, перед нами — стела предскифского или раннескифского времени. Изучение хранящегося в архиве Симферопольского музея дневника и отчета о раскопках курганов под Симферополем, проведенных Н. Л. Эрнстом в 1924 г., говорит, однако, о большой древности памятника.

Стела была найдена в небольшом кургане № 1 курганной группы близ дер. Бахчи-эли (ныне Красная горка), в 3 *км* от Симферополя. Она лежала на уровне материка в юго-восточной поле кургана, в 6 *м* от его центра. Размеры этой плиты, сделанной из известняка, 107 × 70 × 15 *см*. Плита перекрывала ориентированную по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад яму длиной 70 *см*, шириной 45 *см* и глубиной 40 *см*, где в северном углу стояли два сосуда. Костяк в яме не обнаружен. По предположению А. М. Тальгрена, он скорее всего просто разрушился, ибо размеры могилы говорят о погребении ребенка, кости которого легко могли истлеть. Возможно, однако, и то, что перед нами могила-кенотаф. Распространенность кенотафов в катакомбное время установлена недавними раскопками на Дону [4].

В погребении найден характерный бомбовидный сосуд высотой 10 *см*, диаметром 12 *см*, с цилиндрическим горлом и двумя оттянутыми выступами — ручками по бокам. Этот тип сосуда может датироваться только катакомбным временем. Другой сосуд — малохарактерная чашечка высотой 6 *см*. Малые размеры сосудов в известной мере подтверждают предположение о погребении ребенка в загадочной яме кургана № 1.

Так или иначе, но особенности плиты с изображениями ясно говорят о ее вторичном положении в кургане. Изображения на плите имеются с обеих сторон, на двух узких гранях и на одной торцовой части, так что это, несомненно, стела, а не надгробная плита, на которой изображение должно быть лишь с одной стороны. Все изображения сделаны на одном конце плиты, тогда как другой конец свободен от изображений. По-видимому, плита до половины зарывалась в землю. Перекрывание такой плитой ямы погребения, несомненно, случайно. Было время, когда стела стояла вертикально вкопанной в землю.

Как видим, симферопольская стела должна быть отнесена не к предскифскому, а по крайней мере к катакомбному времени. Этому, на первый взгляд, противоречит сложная форма топоров, изображенных на стеле. Однако очень вычурные по форме каменные топоры бессарабского типа уже есть в катакомбных могилах [5], так что это обстоятельство не должно нас смущать.

Здесь впервые публикуются фотографии всех сторон симферопольской стелы (рис. 1). На ее торце выбиты два ряда чашевидных углублений, которые, вероятно, служили для жертвоприношений. Чашечные камни известны в Причерноморье. В. И. Гошкевич указывает, в частности, на чашечный камень, стоящий среди курганов у с. Размарицына на Херсонщине [6]. По-видимому, это жертвенник близ погребений. На других четырех сторонах стелы выбиты изображения топоров и отдельные тамгообразные знаки. На одной стороне, помимо топоров, изображены две человеческие фигуры, одна из них вниз головой с растопыренными пальцами. Изображения топоров, как известно, характерны для наскальных изображений II тысячелетия до н. э. в Сардинии, Франции и Скандинавии [7]. Повторение этого

---

[4] А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 78.

[5] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 17.

[6] В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонщины. Херсон, 1903, стр. 30.

[7] M. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 215, 223; H. Kühn. Die Felsbilder Europas. Stuttgart, 1952, табл. 85, 126—128.

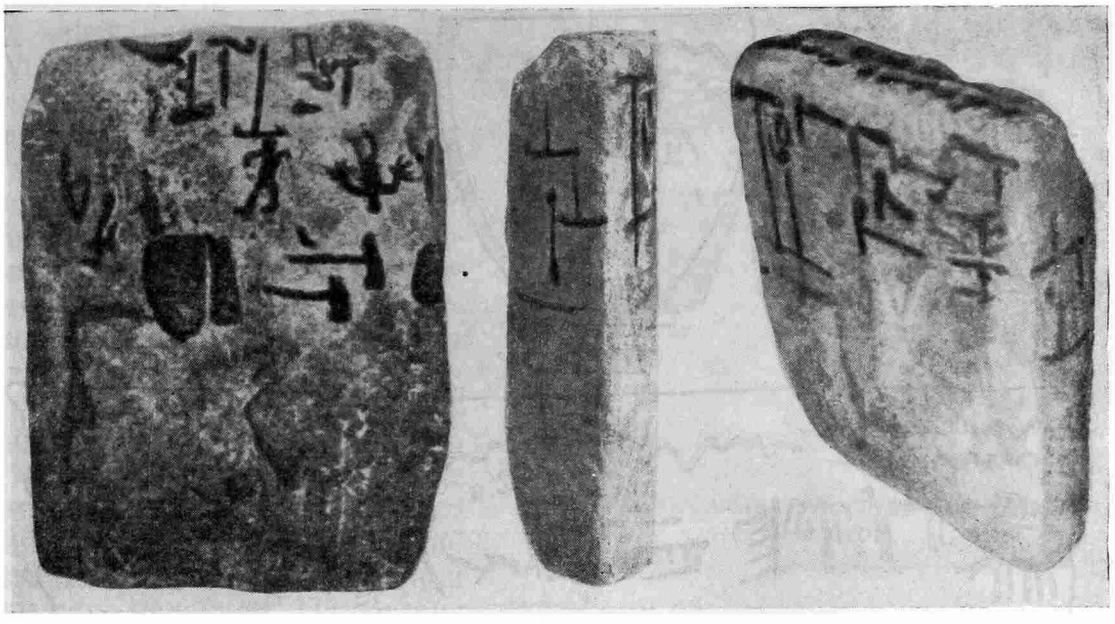


Рис. 1. Стела Симферопольского музея (в разных ракурсах)

сюжета на симферопольской стеле, по-видимому, не случайно. Близкую аналогию симферопольской стеле представляет также дольменная плита из Скандинавии с изображением топоров [8].

В целом перед нами интереснейший памятник ямно-катакомбного времени — стела, служившая и памятником (скорее всего надгробным) и жертвенником. Характер ее более сложный, чем характер антропоморфных стел. Можно предполагать, однако, что оба типа стел связаны друг с другом. На стелах из с. Наталовки и с. Гамангии изображен человек с топором в руках. На нашей стеле в центре композиции также имеется фигура человека, вокруг нее — топоры. Очень верятно, что обращенная вниз головой вторая фигура человека с растопыренными пальцами изображает поверженного врага. Перевернутые фигуры людей в первобытном искусстве часто изображали убитых [9]. В таком случае перед нами такой же индивидуальный памятник, как и ямные антропоморфные стелы, но несколько более сложный и, как мы видели выше, несколько более поздний.

В последнее время накапливается все больше фактов, говорящих о том, что ямно-катакомбная культура, представлявшаяся ранее очень примитивной, принадлежала в действительности достаточно развитому обществу. Обнаружены укрепленные поселения этого времени на Днепре, найдены деревянные колесницы в ямных погребениях. Устанавливаемая связь между катакомбным погребением и симферопольской стелой со сложным мемориальным изображением также свидетельствует о высоком уровне культуры, достигнутом племенами, жившими в III— начале II тысячелетия до н. э. в степях Причерноморья.

Изображения животных на сосудах срубной культуры

В 1881 г. при раскопках курганов срубной культуры близ с. Полянки Казанской губернии Н. П. Лихачев нашел уникальный глиняный сосуд с прочерченными на его стенках изображениями. Сосуд представляет собой характерную для срубной культуры банку высотой 12 *см* с горлом диаметром 13 *см* и диаметром дна 7 *см*. На стенках сосуда — сложная компози-

[8] R. Forrer. Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Altertümer. Berlin und Stuttgart, 1907, табл. 285, *8*.

[9] А. М. Линевский. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939, стр. 58.

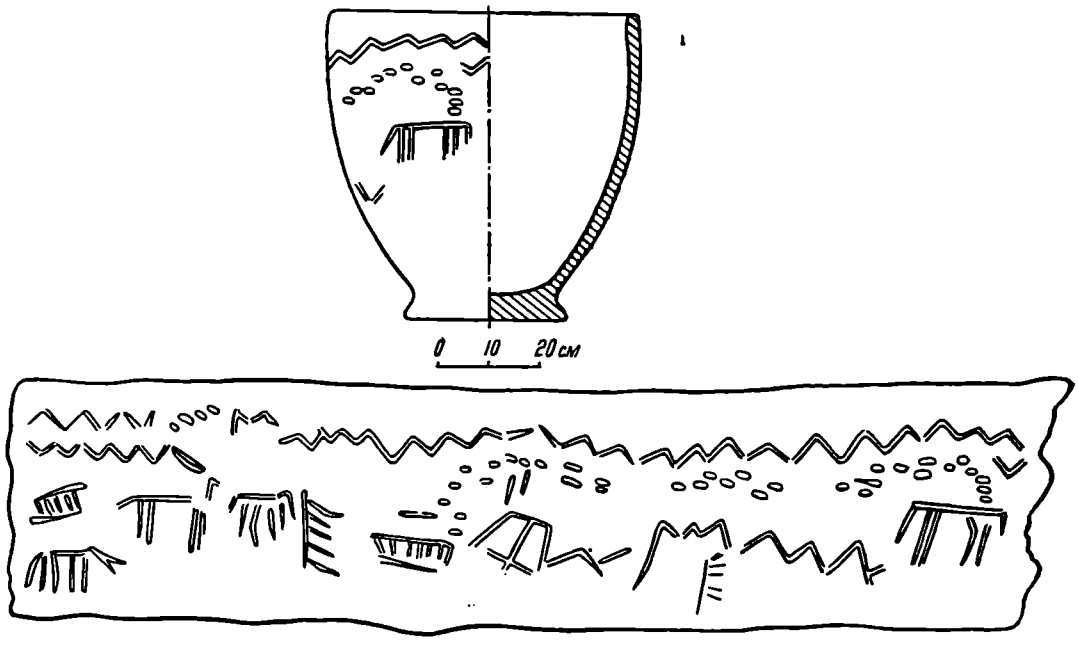


Рис. 2. Изображения на сосуде из могильника Полянки

ция: в верхней части прочерчен горизонтальный зигзаг, ниже его изображен ряд не поддающихся расшифровке фигур и семь животных (рис. 2). Впервые описавший этот сосуд М. Г. Худяков, по нашему мнению, совершенно правильно видел здесь изображения пяти лошадей (которых можно узнать по пропорциям тела), змеи с раскрытой пастью и длинношеей птицы (лебедя?).

По предположению М. Г. Худякова, этот единственный для срубной культуры сосуд с рисунками животных является репликой известного сосуда Майкопского кургана: в обоих случаях под горлом сосуда идут зигзаги, а ниже изображена «процессия животных» [10]. А. В. Збруева полностью приняла это положение М. Г. Худякова и опубликовала рисунок на сосуде из Полянок как свидетельство связей населения Прикамья с Кавказом в предананьинскую эпоху [11].

Между тем предположение М. Г. Худякова очень сомнительно. Майкопский сосуд старше сосуда из Полянок, по крайней мере, на 1000 лет и не имеет с ним по форме ничего общего. Зигзаги на Майкопском сосуде, несомненно, передают очертания гор разной высоты. По мнению ряда исследователей, в них даже можно узнать вершины Кавказского хребта. Зигзаг же на сосуде из Полянок совершенно ровный на всем протяжении; вероятнее всего, он изображает поверхность воды, часто передававшуюся в первобытном искусстве в виде зигзага. Наконец, вместо направляющихся в одну сторону друг за другом животных, на сосуде из Полянок мы видим запутанную композицию, где животные движутся в разных направлениях. Объяснение изображений на сосуде из Полянок надо, повидимому, искать в местной среде срубной культуры, а не на Кавказе.

На это указывает другой срубный сосуд, происходящий уже не из Поволжья, а с Украины — из с. Веселого близ г. Мелитополя, из кургана, раскопанного Д. И. Эварницким в 1903 г. [12]. Опять перед нами типичный срубный сосуд — остроребериый, со слегка отогнутым венчиком, высотой 8 *см* и с горлом диаметром 8 *см*. По венчику нанесен с одной стороны

[10] M. Chudjakov. Die Keramik des Begräbnisplatzes im Dorfe Poljanki. Anzeiger der finnisch-ugrischen Forschungen, т. 18. Helsingfors, 1927, стр. 31—34.

[11] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 165.

[12] Хранится в Днепропетровском историческом музее (№ 40702).

ряд вертикальных насечек, а с другой прочерчен горизонтальный зигзаг. По стенкам сосуда идет пояс ромбов. В одном из этих ромбов мы неожиданно видим вписанное изображение змеи с раскрытой пастью, в точности совпадающее с изображением на сосуде из Полянок (рис. 3). Расположение зигзага над фигурой змеи также, по-видимому, не случайно совпадает с положением зигзага на сосуде из Полянок. В целом перед нами свидетельство того, что изображение из Полянок не было единичным для срубной культуры явлением. Попытаемся найти ему объяснение.

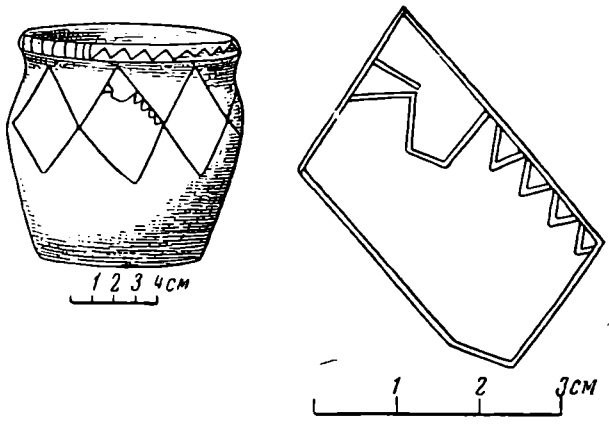


Рис. 3. Изображения на сосуде из кургана у с. Веселого

Первое, что должно быть отмечено, это наличие костяков змей в погребениях степных курганов эпохи бронзы. В 1935 г. Т. М. Минаева нашла в кургане близ хут. Дурновского в бассейне р. Хопра погребение, содержавшее скорченный костяк, нож с двусторонними выступами и выемками, характерный для срубной культуры, куски красной и белой краски и три костяка змей. «Позвонки одной змеи были расположены легким зигзагом в ногах погребенного, за плиткой краски, позвонки другой лежали клубком на уровне груди и третьей — резкими зигзагами у спины, головой к куску краски» [13].

При раскопках курганов «Три брата» близ Элисты, в кургане № 9, в богатом вещами погребении 8, также найдены «скелеты двух больших змей» [14]. Любопытно, что в другом кургане той же группы найдена бронзовая булавка с изображением змей [15]. Датировка курганов «Три брата» пока дискуссионна, но даже если это не синхронные срубной культуре катакомбные погребения, как думает И. В. Синицын, а более ранние памятники, время их не может быть много старше срубной культуры (находка железного копья). Таким образом, для бронзового века Поволжья, помимо сосуда из Полянок, отмечаются три памятника, говорящих о каких-то культовых представлениях, связанных со змеями.

Второй факт, на котором следует остановиться,— совпадение тематики изображений на сосуде из Полянок с изображениями на бляхах пьяноборского и ломоватовского времени, распространенных в I тысячелетии н. э. в районах, близких к Полянкам. На многих из этих блях мы видим повторяющийся сюжет: всадник, топчущий змею [16]. Имеются, однако, и бляхи, где изображен только конь, стоящий на змее. Такая бляха издана Д. Н. Анучиным. На ней над лошадью изображены птица и два солярных знака [17]. Близкое по типу изображение из с. Филатова А. П. Смирнов относит к самому началу пьяноборского времени [18].

Судя по изображению на сосуде из Полянок, там тоже передана сцена борьбы коня со змеей: извивающаяся змея разинула пасть навстречу

[13] М. З. Паничкина. Обзор археологических находок по газетным сообщениям в 1934—1935 гг. СА, III, 1937, стр. 258. Ряд деталей был любезно уточнен в письме Т. М. Минаевой к автору от 8 мая 1952 г.

[14] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 153.

[15] Там же, рис. 6.

[16] См., напр., А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, 1906, рис. 228—231; Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. МАВГР, т. III, М., 1899, рис. 79—80.

[17] Д. Н. Анучин. Ук. соч., рис. 51.

[18] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 97, табл. XXI, *13*.

направляющемуся к ней коню. Какое-то участие в этой борьбе принимает и птица. По-видимому, в эпоху поздней бронзы в Приказанском районе возникла легенда о борьбе коня со змеей, сохранившаяся до позднейшего времени. В пьяноборскую эпоху в изображениях происходит постепенная замена лошади всадником.

В современном фольклоре татар Поволжья мы находим последние реплики этих древних представлений. Мы имеем в виду легенду об основании Казани, где фигурирует герой-змееборец Галим-бек, верхом на коне истребивший змей, живших на месте Казани [19]. Эта легенда нашла отражение в гербе Казани, где изображен змей. Указавший на этот факт А. В. Арциховский на ряде других примеров показал, что на областных гербах изображались животные, культ которых сложился в данном районе в эпоху первобытности [20]. Казань дает нам, по-видимому, еще один пример такой устойчивости традиций. Легенда об истреблении змей связана не только с основанием Казани, но и с поселением на оз. Кабан, да и вообще у татар Поволжья легенды и поверья о змеях многочисленны [21]. Из них интересны поверья, где отмечается связь змей с водой (вспомним зигзаги на срубных сосудах со змеями).

Таким образом, имеется ряд фактов, свидетельствующих о том, что изображение на сосуде из Полянок не было случайно занесенным в Поволжье с Кавказа, а прямо связано с культами срубной культуры и верованиями народов, обитавших здесь в позднейшее время.

Трудно решить, что̀ отражает легенда о борьбе коня и змеи. Быть может, это тотемы двух враждебных племен [22]. Но возможно, что в легенде отражен и реальный вред, наносимый змеями стадам домашних животных. Вред этот мог быть очень существенным. Известны современные данные для конских заводов Казахстана, где на одном заводе за 5 лет было укушено змеями 1360 животных [23]. Для скотоводов — носителей срубной культуры борьба со змеями представляла, следовательно, вполне практический интерес.

* * *

Рассмотренные изображения эпохи бронзы интересны в ряде отношений. Перед нами не только памятники искусства эпохи, изобразительное творчество которой изучено еще очень слабо, но и свидетельство высокого уровня культуры племен, населявших степи СССР во II тысячелетии до н. э.

---

[19] С. Г. Вахидов. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края. Вестник научного общества татароведения, № 4, Казань, 1926.

[20] А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. Уч. зап. МГУ, вып. 93, 1946, стр. 58—60.

[21] См. Я. Д. Коблов. Мифология казанских татар. ИОАИЭ, т. XXVI, вып. 5, Казань, 1910, стр. 448—450; Кайюм-Насыров. Поверья и приметы казанских татар. Зап. РГО, по отд. этн., т. VI, 1880, стр. 245.

[22] Ср. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1952, стр. 303—307 (раздел «Змей и конь»).

[23] Б. Н. Смирновский. Биология ядовитых змей Казахстана. Тр. Алма-Атинского ветерин. ин-та, т. V, Алма-Ата, 1948, стр. 349.

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

НОВАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ В КРЫМУ

Археологическими работами последних лет в курганных погребениях Украины выявлен ряд новых антропоморфных стел, условия обнаружения которых позволили удревнить их возраст и отнести их не к киммерийским племенам, как считалось раньше, а к племенам эпохи ранней бронзы [1]. В 1956 г. у с. Казанки Бахчисарайского района, в 1 *км* к северу от р. Альмы, на границе степного и предгорного Крыма, обнаружена новая стела, публикуемая в данной статье. В районе находки, на восточной окраине с. Казанки, имеется могильник из девяти хорошо сохранившихся курганов высотой от 0,30 до 2,50 *м* и диаметром от 6 до 30 *м*. Под насыпью одного из курганов прослеживается кромлех диаметром 5,5 *м*, сложенный из небольших камней. Западнее, по водоразделу плато, тянется вторая цепь курганов, около которых и найдена стела. В ближайшем соседстве с находкой имеются три кургана (рис. 1, №№ 8—10). Насыпи всех курганов частично состоят из небольших камней. На распаханном кургане № 10 найден обломок кремневого двусторонне обработанного наконечника дротика, округлый скребок (рис. 2) и несколько отщепов кремня. Несомненно, этот инвентарь — эпохи бронзы и происходит из насыпи кургана. Около соседних курганов найдены три каменные плиты с чашевидными углублениями.

По одним сведениям, стела лежала на пашне, в 120—150 *м* к востоку от кургана № 10, по другим — она выпахана из кургана № 8. Сделана стела из плоской прямоугольной плиты высотой 1,45 *м*, шириной 0,28—0,29 *м* и толщиной до 0,15 *м*. Материал —диорит зеленовато-серого цвета, ближайшие выходы которого имеются в 15—20 *км* к югу, у с. Трудолюбовки. Стела расколота на две части (рис. 3).

Голова фигуры, переходящая в туловище, оформлена в виде округлого, тщательно обработанного со всех сторон выступа. Лицевая часть находится в одной плоскости с туловищем; сзади выступает слегка сутулая спина. Хорошо проработаны плечи. По бокам головы и по затылку, на уровне висков, проходит небольшой ободок, подчеркивающий или головной убор, или, вероятнее всего, коротко остриженные («под горшок» или «скобку») волосы. Брови переданы стилизованно — в виде рельефной дуги, от середины которой опускается нос. Глаза и рот не намечены. Такой «совиный» облик лица характерен для многих стел эпохи бронзы.

Непропорционально тонкие, рельефно проработанные руки прослеживаются только спереди; до локтя они показаны вдоль краев плиты, в локтях они согнуты и сложены спереди, почти соприкасаясь концами расставленных пальцев; большой палец отогнут вверх. Левая рука длин-

---

[1] А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1, 1952, стр. 16; Г. Т. Титенко. Каменная стела из с. Первомаевки. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 78; В. И. Канивец. Курган раннего бронзового века у с. Первомаевки на Херсонщине. КСИА, вып. 5, стр. 75—77.

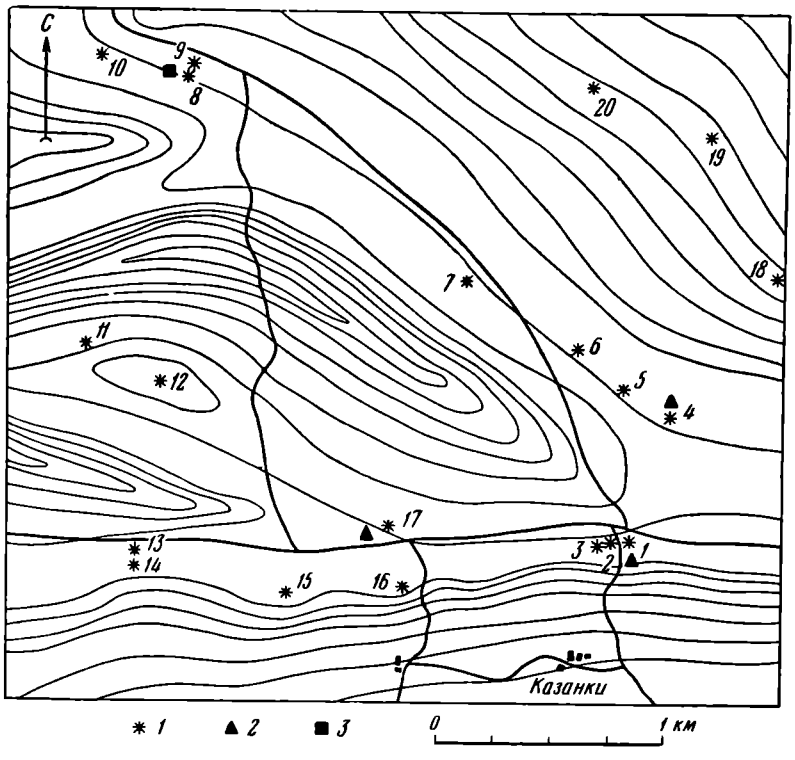


Рис. 1. Схематическая карта расположения курганов у с. Казанки в районе находки стелы

1 — курганы; *2* — каменные плиты с чашевидными углублениями; *3* — примерное место находки стелы

нее правой, плечевая часть рук почти вдвое длиннее их предплечий и кистей. Крупные кисти рук проработаны особенно тщательно, хотя и схематично.

В средней части лицевой стороны стелы имеется выпуклый, несколько приподнятый в центре и опущенный к краям поясок. Под ним изображены две рельефные человеческие фигурки, у которых пропорционально и четко проработаны голова, шея, туловище и ноги, причем последние, как, впрочем, и руки, на концах утолщаются. Обе фигурки стоят рядом, плечом к плечу, широко расставив ноги; лицом они обращены к зрителю. У одной фигурки вытянута левая рука, а у второй — правая. Концы вытянутых рук почти соприкасаются. Вторая рука у обеих фигурок в полусогнутом положении приподнята над головой. Вытянутые руки почти вдвое короче согнутых. Обе фигурки образуют как бы геральдическую композицию.

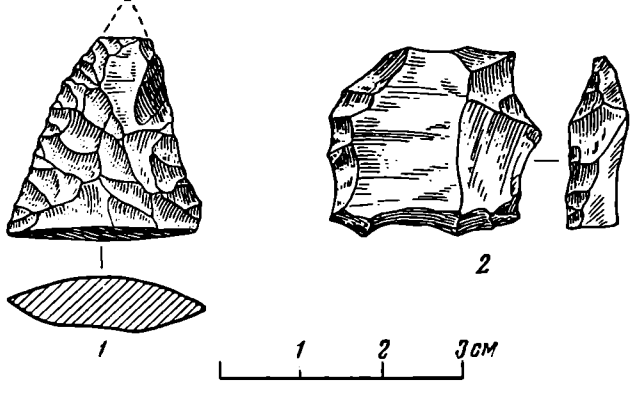


Рис. 2. Кремневые орудия, найденные около распаханных курганов у с. Казанки

Нижний конец плиты обработан грубо — в виде примитивного шипа — и указывает на то, что стела была рассчитана на врытие в землю вертикально и, по всей вероятности, на установку на вершине кургана. Небольшой изгиб на тыльной части стелы как бы подчеркивает поясницу и спину изваяния (рис. 4).

К какому же времени следует отнести эту антропоморфную стелу? На рассматриваемой территории известны три типа «каменных баб»: половецкие, скифо-сарматские и эпохи ранней бронзы. Кроме того, в

Крыму известна серия таврских антропоморфных надгробий. С первыми и со вторыми в стеле из Казанков общего очень мало. Далеки от нее и таврские примитивы. Иначе обстоит дело с антропоморфными стелами эпохи бронзы, с которыми у нашей стелы имеется много общего.

В настоящее время на юге Украины и в Крыму известно более десяти антропоморфных плит эпохи бронзы, из них три крымские, из Тиритаки. Как по технике выполнения, так и по назначению все эти стелы делятся

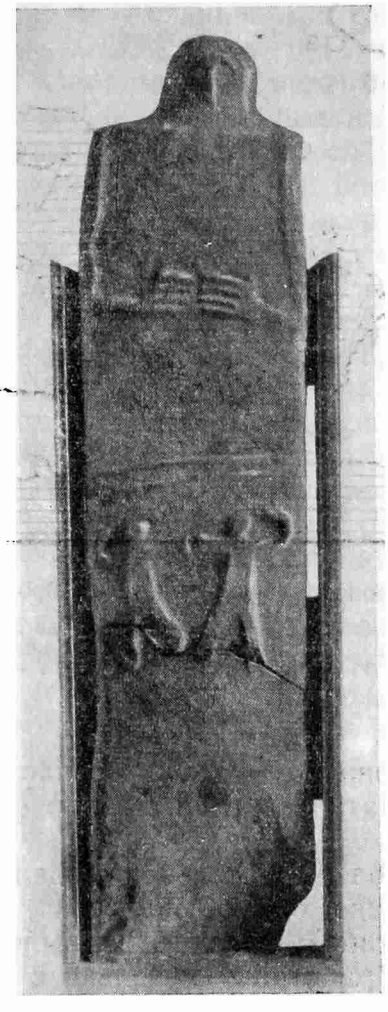


Рис. 3. Антропоморфная стела из с. Казанки (фото; около $^1/_{13}$ н. в.)

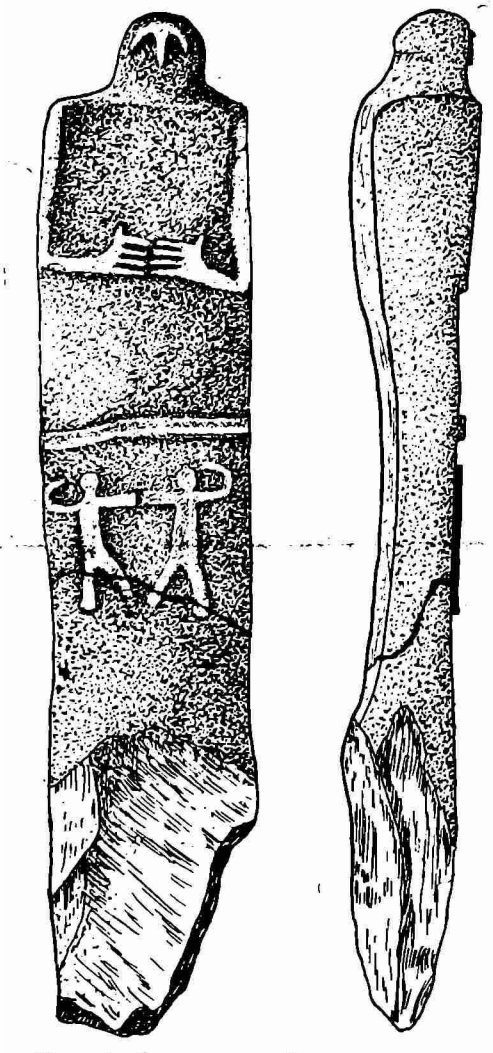


Рис. 4. Антропоморфная стела из с Казанки (около $^1/_{13}$ н. в.)

на две группы. К первой относятся очень архаичные антропоморфные стелы из с. Белозерки у Херсона, из с. Первомаевки Верхнерогачикского района Херсонской области и из с. Ново-Филипповки на р. Молочной под Мелитополем. На этих стелах очень схематично переданы только общие очертания головы и туловища; лицо же, руки и другие детали отсутствуют. Условия находок этих стел, прежде всего особенности погребений, с которыми они связаны, позволяют говорить о принадлежности стел к древнеямному времени [2]. Характерно, что все они перекрывали грунтовые могилы.

Ко второй группе относятся антропоморфные стелы: из Тиритаки на Керченском полуострове, из с. Капустино на Тилигульском лимане, из рай-

[2] Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости, и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. Тр. VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 75—160; В. И. Канивец. Ук. соч., стр. 75—77; А. И Тереножкин. Ук. соч., стр. 16.

Рис. 5. Схематическая карта местонахождений антропоморфных стел эпохи бронзы

1 — Белогрудовская; 2 — Натальевская; 3 — Никопольская; 4 — Первомайская (на Херсонщине); 5 — Первомайская (Запорожской обл.); 6 — из с. Капустино; 7, 8 — Белозерские; 9 — из с. Ново-Филипповки; 10 — Ногайская; 11 — 13 — Тиритакские; 14 — из с. Казанки

она с. Первомаевки Верхнерогачикского района Запорожской области, из с. Белогрудовки Уманского района и из с. Натальевки на Днепропетровщине.

От стел первой группы они отличаются более тщательной моделировкой верхней части плиты, на которой отчетливо обозначены лицо, руки (или намек на них, как на стеле из с. Капустино); у некоторых выделены грудь, живот, лопатки и пр. Плиты часто обработаны не только с лицевой стороны, но и с боков и со стороны спины. Эти стелы служили не перекрытием могил, а, по мнению исследователей, их изучивших, устанавливались вертикально на курганах.

Ввиду неопределенности местонахождений эти стелы обычно связывали с киммерийцами. Но никаких прямых данных в пользу этого нет; так, широко известные тиритакские стелы обнаружены во вторичном использовании, в кладке здания VI—IV вв. до н. э.[3]. Очень неопределенные сведения имеются в литературе и об условиях нахождения над разрушенными погребениями стел из Белогрудовки, Натальевки и Капустина[4].

Хорошо датируется в этой группе лишь стела из с. Первомаевки Запорожской области[5]; она лежала на боку, частично на краю, а частично в могильной яме, содержавшей скелет ребенка и сосуд ямно-катакомбного типа.

---

[3] Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 38, рис. 50—51; П. Н. Шульц. Памятники монументальной скульптуры Неаполиса скифского. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. АН СССР. Отделение истории и философии, М.—Л., 1947, стр. 63.

[4] Зап. ВУАК, т. I. Киев, 1930, стр. 195—198; В. М. Даниленко. До кіммерійської проблеми. Археологія, т. V, 1951, стр. 218, Э. А. Сымонович. Погребение киммерийского времени на Тилигульском лимане. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 81—85.

[5] Г. Т. Титенко. Ук. соч., стр. 78—79.

Таким образом, на основании всего изложенного выше, а также учитывая стилистическое сходство обеих групп памятников, ближайшей аналогией которым, по-видимому, являются энеолитические стелы Западной Европы, мы исключаем возможность отнесения их к киммерийцам и разделяем точку зрения тех исследователей, которые склонны относить эти антропоморфные стелы к древнеямной или раннекатакомбной культуре.

Характерно, что граница распространения перечисленных стел совпадает с границей распространения памятников ранней бронзы (рис. 5).

Стелу из Казанков мы относим ко второй группе рассматриваемых памятников. Здесь все стелы в той или иной степени являются аналогией нашему изваянию; так, первомаевская стела из Херсонской области близка к стеле из Казанков по положению рук и наличию хорошо проработанных деталей лица; однако в способе их передачи наблюдается различие: у первомаевской стелы глаза и рот обозначены углублениями, а нос — выступом, на стеле же из Казанков рта нет совсем, а глаза только подразумеваются во впадинах между выступающей дугой надбровий и носом. На первой стеле намечены лопатки, у второй на хорошо проработанной спине они отсутствуют.

Много общего у стелы из Казанков имеется и со стелой из Белогрудовки, которая также сделана из прямоугольной плиты, имеет «совиный» облик лица и поясок в нижней части.

В какой-то степени у нее имеется сходство и со стелами из Тиритаки, но в данном случае отличительным признаком является положение рук. Руки, и в особенности их кисти, у тиритакских стел, у стелы из Казанков, как и у большинства изваяний этой группы, проработаны особенно тщательно, но положение рук в каждом отдельном случае различно.

Близка ей и стела из Натальевки, имеющая прямоугольные очертания, тщательно проработанную голову, глаза, рот и нос, а также поясок и другие детали. Отличительным признаком является положение рук.

Отмеченные расхождения в деталях, как и некоторые различия в способе их передачи, не снимают, однако, стилистического сходства всех перечисленных стел.

Одна из деталей стелы из Казанков находит точную аналогию и в известных западноевропейских антропоморфных изображениях. Мы имеем в виду Т-образное изображение носа и бровей, придающее личине совиный облик. Эта деталь известна в изображениях пещер Куржоне и Круазара, на статуе из Коморжа в департаменте Гаронна и т. д. [6]. Вряд ли это совпадение случайно. Скорее оно свидетельствует о каких-то культурных связях Крыма со средиземноморской областью в период раннего металла.

Таким образом, нашу стелу, по-видимому, следует отнести к рассмотренному выше кругу памятников эпохи бронзы и датировать ямно-катакомбным временем. Интересно отметить, что из всех известных нам на Украине стел эпохи бронзы четыре происходят из Крыма (три тиритакские и одна публикуемая в настоящей статье), и все они относятся ко второй группе с хорошо проработанными деталями. Изваяния первой группы в Крыму неизвестны.

В отличие от остальных памятников этого рода, стела из Казанков изготовлена не из мягкого, легко поддающегося обработке камня песчаника или известняка, а из очень твердой кристаллической породы — диорита. Несмотря на трудности обработки, она выделяется из всех других тщательностью отделки и четкой проработкой деталей.

Основным отличительным признаком этого памятника являются две человеческие фигурки в нижней части плиты. Ни на одной из перечисленных выше стел дополнительных человеческих изображений нет. Этой деталью стела из Казанков напоминает антропоморфное изображение (прав-

[6] M. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 217, рис. 1—4.

да, совершенно другого рода) на стеле из с. Красногорки Тираспольского района; на этом изваянии около левой руки рельефно изображена сидящая фигурка — ребенок погребенной [7]. Фигурки же нашей стелы, несомненно, имеют другое значение. К сожалению, стела из Красногорки не датирована. Учитывая ее архаический облик и технику выполнения, мы склонны отнести ее к эпохе бронзы.

Стела из Казанков, по-видимому, является культовым изображением умершего. Что же касается фигурок в ее нижней части, то нам представляется, что здесь, вероятнее всего, запечатлен момент ритуального танца, связанного с погребальным обрядом, чему мы находим многочисленные параллели в этнографии.

Возникает вопрос, не являются ли стела и изображенные на ее нижней части фигурки разновременными, т. е. возможно ли, что появление фигурок связано со вторичным использованием стелы в другую эпоху. Против этого говорят следующие факты: а) рельефные детали стелы (руки, поясок) и фигурки даны в одной плоскости, б) техника исполнения как стелы, так и фигурок носит совершенно идентичный характер, в) никакой разницы в стилистическом изображении фигурок и остальных деталей стелы не наблюдается. Следовательно, и эти детали стелы не противоречат ее принадлежности к эпохе бронзы и, скорее всего, к ранней.

[7] И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 31, рис. 10.

В. С. СОРОКИН

СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШЕГО ПОСЕЛЕНИЯ У КАРМИР-БЛУРА

Следы древнейшего поселения у Кармир-блура близ Еревана были обнаружены еще в 1936 г., когда стало известно о том, что жители с. Чарбах раскапывают здесь на удобрение зольный слой, содержащий черепки глиняной посуды и другие предметы. Позднее, когда на этой территории развернулись раскопки урартской крепости и города, вопрос о более раннем поселении отошел на второй план, так как ввиду отсутствия культурного слоя представлялось очевидным, что, сооружая свои постройки, завоеватели-урарты полностью снесли поселение туземцев. Только исследования 1954 г., когда были заложены два раскопа в разных частях поселения [1], внесли значительные коррективы в эти первоначальные представления (рис. 1).

При первоначальной зачистке ни кладки стен, ни характерных признаков культурного слоя, обычного для урартских жилых сооружений города Тейшебаини, обнаружено не было. Вместе с тем здесь наряду с четырьмя обломками несомненно урартских красных ангобированных сосудов были встречены и другие, серые или черные, которые могли принадлежать туземной посуде. С расширением и углублением раскопа кости животных и фрагменты керамики стали встречаться чаще, причем керамика оказалась явно не урартской, а местной, урартская же совершенно не встречалась.

На глубине около 1,2 *м* в юго-западном углу участка А в большом количестве были встречены зола и уголь, кости животных и керамика, что указывало на наличие здесь остатков древнего жилища. Здесь были найдены три фрагмента от черной лощеной миски с ушком ниже вертикального венчика (рис. 2, *1*) и бок черного сосуда с характерной петельчатой ручкой у самого верхнего края сосуда (рис. 3). Кроме того, в культурном слое, несколько выше предполагаемого «пола», были обнаружены остатки, вероятно, кровли, из соломы или травы. В самом низу обнаружено несколько камней, лежащих как будто в определенном порядке.

Подобный культурный слой был обнаружен на глубине 20—25 *см* на всей площади раскопа (участки Б, В и Г). Кроме фрагментов керамики, костей животных и углей, характерными для данного слоя явились довольно многочисленные осколки обсидиана (в большинстве случаев черного, иногда красного), представляющие собой отходы производства орудий; целые орудия из этого материала встречены не были. Несколько обломков зернотерок из пористого серого камня, имевших характерную для территории города Тейшебаини форму булки, каменный пест или молот и фрагмент какого-то изделия из туфа исчерпывают список находок.

Стратиграфия отложений была достаточно ясно установлена по разрезу вдоль южной границы участков А и Б (рис. 4).

От дневной поверхности на глубину 25—30 *см* залегал обычный для

---

[1] Раскоп I — на краю большой с неровными очертаниями и дном ямы, в 120 *м* к западо-юго-западу от Южных ворот урартской цитадели, где в 1947 г. был обнаружен каменный идол, и раскоп II — вблизи вскрытых ранее остатков урартских построек, в 15 *м* к востоку от раскопа 1951 г., где в 1948 г. были выявлены внешние стороны стен какого-то сооружения.

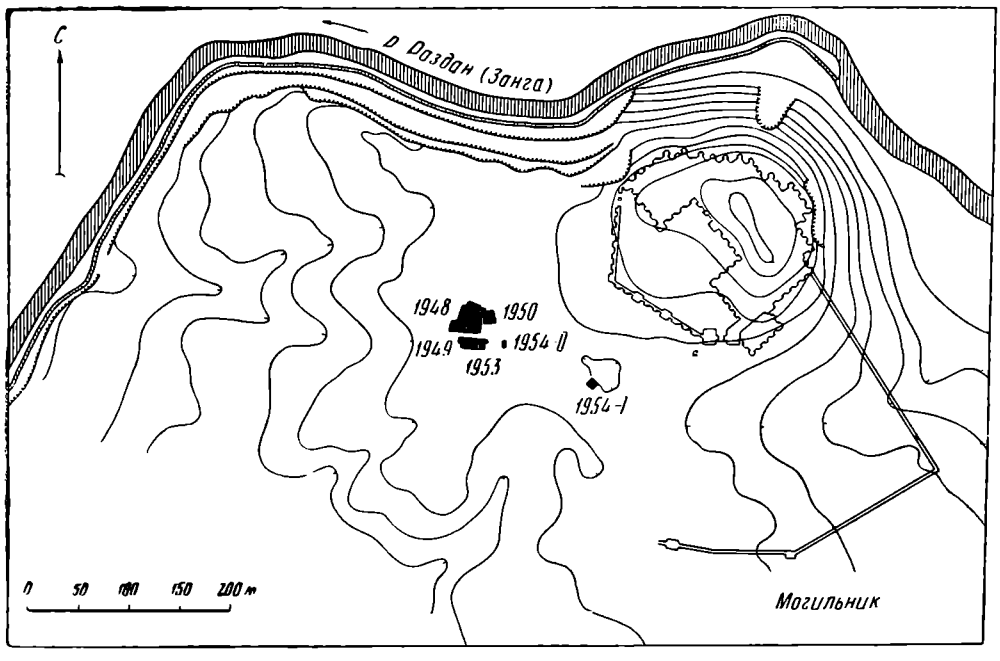


Рис. 1. Кармир-блур. Общий план территории раскопок

этой местности сухой и твердый, белесый, наносный грунт с редкими и случайными находками мелких фрагментов керамики и костей животных, как древними, так и современными. Ниже еще на 20—30 *см* шел слой рыхлой серой земли (может быть, «зольный») с довольно обильными находками керамики и костей. Здесь также были куски обсидиана и обломки зернотерок. Это тот самый «культурный слой», который был встречен на всех участках раскопа I. Наконец, еще ниже, до глубины 1,4 *м*, но только в части разреза между участками А и Г, находился собственно культурный слой — заполнение углубления на месте древнего жилища, которое можно было заметить на разрезе. Это заполнение отличалось от вышележащего слоя несколько более темной окраской, большим количеством угля и белыми прослойками — вероятно, остатками соломенного настила крыши.

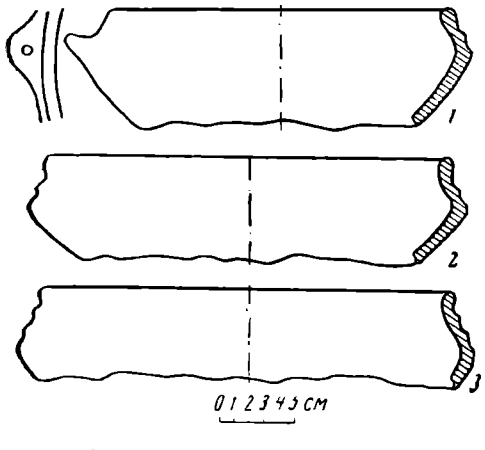


Рис. 2. Профили черных лощеных мисок

Удалось расчистить пол древнего жилища, которое оказалось округлым в плане, с выступом в западную сторону, соответствующим, может быть, входу. Однако из-за условий раскопок гарантировать точность полученного плана жилища нельзя.

У его юго-восточного края была обнаружена неправильной формы ямка размером приблизительно 80 × 60 *см*. По обильному заполнению углем и золой ее можно принять за очажное углубление.

В раскопе I, таким образом, удалось установить несомненное наличие на территории города Тейшебаини ясно выраженного слоя остатков доурартской закавказской культуры. Однако отсутствие здесь остатков урартских построек не дало возможности определить хронологическое отношение этой культуры к урартской. Ответ на этот вопрос удалось получить при работах на раскопе II.

Здесь (рис. 5), как мы уже упоминали, прежними раскопками были выявлены участки стен урартской постройки. Раскопки были начаты внутри

них. Была вскрыта кладка стены, значительная часть которой покоилась на тонкой галечной прослойке. На этой глубине были встречены черепки урартских глиняных сосудов. При углублении раскопа оказалось, что каменный завал, образовавшийся в результате разрушения урартской постройки, не идет глубже нижней границы стенной кладки, но что именно с этого уровня содержание культурного слоя изменяется, появляется зольность грунта, а керамика, количество которой возросло, оказалась не урартской, а такой же, какая была нами встречена в культурном слое раскопа I, причем этот зольный грунт с культурными остатками уходил под стену урартской постройки. Таким образом обнаружилось, что культура, открытая в раскопе I, древнее урартской культуры города Тейшебаини.

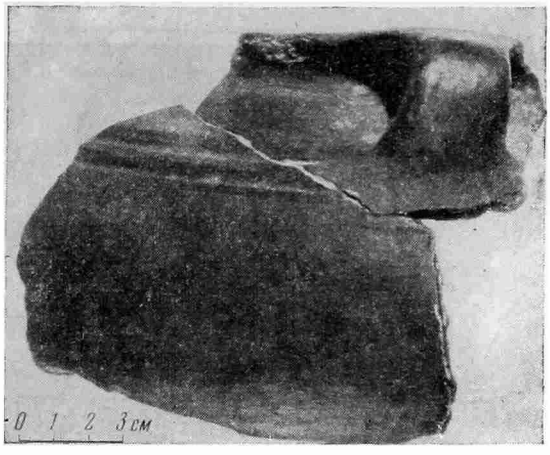


Рис. 3. Фрагмент черного сосуда из жилища, открытого в раскопе I 1954 г.

На глубине около 1,20 *м* были вскрыты остатки жилища доурартской эпохи. В отличие от раскопа I здесь оно оказалось вырытым в глине. Был расчищен наклонный к западу пол жилища из той же материковой глины. Заполнение жилища представляло собой культурный слой, состоящий из зольной массы с черепками и углем, залегавшим в виде прослойки. Най-

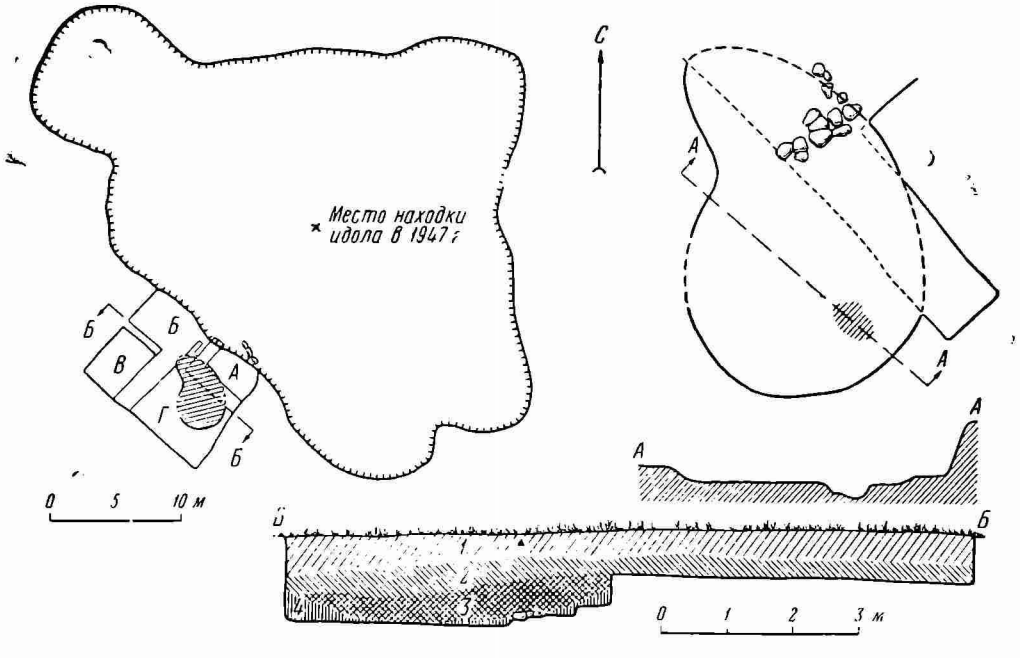


Рис. 4. Раскоп I 1954 г.

1 — твердая наносная земля; *2* — верхняя часть культурного слоя (рыхлая серая земля с керамикой и костями); *3* — нижняя часть культурного слоя (рыхлая, более темная); *4* — материк

денные здесь же на полу комки обуглившихся зерен проса[2] подтвердили жилой характер открытого нами углубления. Бесспорно установленным можно считать, что жилища доурартского периода на территории города Тейшебаини представляли собою помещения, углубленные в землю, что резко контрастирует с урартскими жилищами, представляющими собою наземные сооружения со стенами, сложенными из камня. Анализ разреза, делящегося на три зоны (рис. 5), дает основание для следующих заклю-

[2] Panicum miliaceum L — просо обыкновенное (определение научных сотрудников Всесоюзного института растениеводства В. Н. Лысова и Т. А. Ореховой).

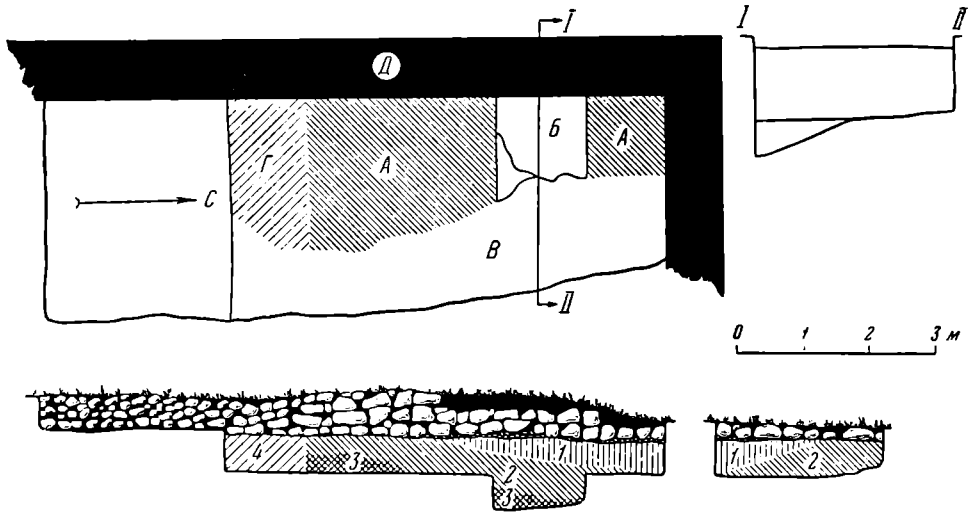


Рис. 5. Раскоп II 1954 г.

А — зольное пятно; Б — расчищенный участок пола; В — глина: Г — грунт более светлый, чем зольное пятно; Д — стена урартской постройки
1 — засыпь; *2* — верхняя часть культурного слоя (более светлая); *3* — нижняя часть культурного слоя (более темная, с примесью угля); *4* — грунт (светлее культурного слоя)

чений. Третья зона, примыкающая непосредственно к «полу», представляет собою следы разрушенного жилища (вероятно, в результате пожара), о чем свидетельствует большое количество угля, покрывающего весь пол, сплошная зольность, а также обуглившиеся комки зерен проса. Вторая зона (более светлой окраски) имеет примерно тот же состав, что и третья, но менее зольная и с незначительным количеством угля. Она совершенно аналогична слою с культурными остатками в раскопе I и представляет, по нашему мнению, результат заполнения углубления культурными наслоениями с площади вне жилища уже после его разрушения. Наконец, первая зона представляет собой засыпь, сделанную при постройке урартского дома с целью выравнивания поверхности земли путем заполнения углубления, образовавшегося на месте существовавшего здесь ранее доурартского жилища. Вероятно, с целью уплотнения засыпанной поверхности была насыпана и галька, образовавшая прослойку непосредственно под каменной кладкой урартского сооружения.

Из обнаруженных в доурартском слое черепков около 40 принадлежат различным мискам и чашкам. Все они лощеные и в подавляющем большинстве черные. Миски — низкие, широкие, с простым плоским дном. Чаши отличаются от мисок по форме, величине и отделке наружной поверхности. Общей и характерной особенностью мисок можно считать наличие у них невысокого прямого или слегка выгнутого, обычно наклоненного внутрь борта, отделенного резким перегибом от боков сосуда.

Наиболее многочисленную группу представляют миски с низким бортом, вертикальным или несколько наклонным, слегка выгнутым внутрь так, что получается слабо отогнутый в наружную сторону венчик (рис. 6).

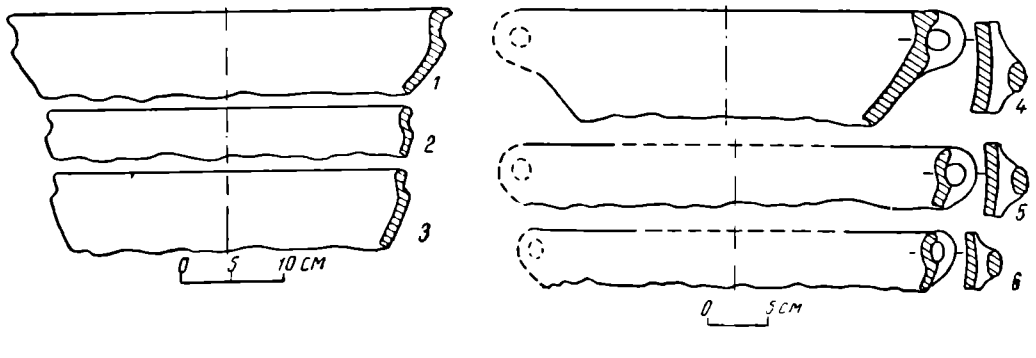


Рис. 6. Профили черных лощеных мисок

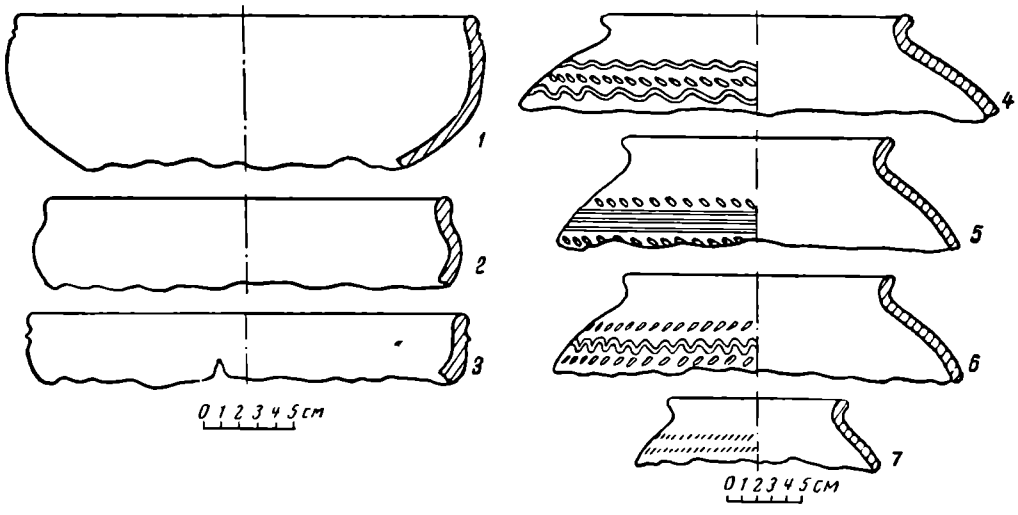


Рис. 7. Профили черных лощеных чаш (*1—3*) и орнаментированных горшков с тусклой поверхностью (*4—7*)

Возможно, что часть или даже все эти миски имели ручки в виде небольших овальных в сечении дужек, так как три найденные нами фрагмента мисок с ручками имеют точно такой же профиль, как описанные выше. Диаметр мисок по краю венчика колеблется от 35 до 45 *см*.

Ко второй группе мисок мы относим сосуды меньших размеров с прямым, относительно высоким бортом, наклоненным внутрь сосуда (рис. 2). Борт с наружной стороны украшался двумя или тремя горизонтальными, идущими кругом всего сосуда, желобками. Венчик округлый и часто слегка отогнут наружу. Отделка сосудов весьма тщательная. Вероятно, у всех этих мисок были маленькие ручки-ушки, которые имеются на двух наших фрагментах. Судя по аналогиям с мисками из погребений кармир-блурского могильника, у каждой миски было по одной такой ручке. Эти ручки-ушки представляют собой короткие выступы в месте перегиба от борта к боку сосуда, округлые или прямоугольные в разрезе, с маленьким (около 4 *мм*) вертикальным отверстием.

Чаши представлены весьма малым количеством фрагментов. Их главным отличительным признаком являются округлые стенки, без резких перегибов (рис. 7, *1—3*). Орнаментация чаш своеобразная и встречается только на этих сосудах: это мелкие желобки, идущие вокруг по наружной стороне венчика, и неглубокие каннелюры на верхней, наиболее широкой части сосуда. В одном случае каннелюры идут наискось, в остальных они вертикальные. Чаши имеют, как правило, ярко-черную лощеную наружную поверхность; с внутренней стороны лощение не всегда сплошное.

Группу наиболее крупной посуды в доурартском слое города Тейшебаини составляют большие черные сосуды с лощеной поверхностью, кру-

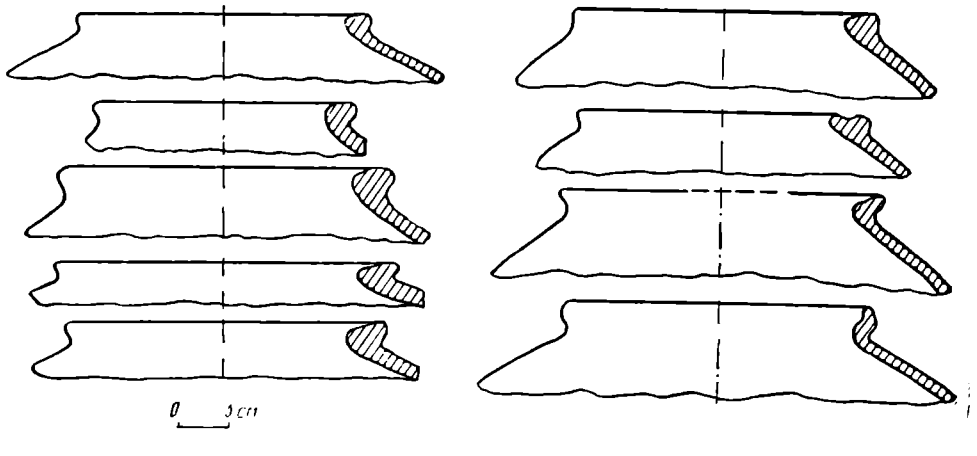
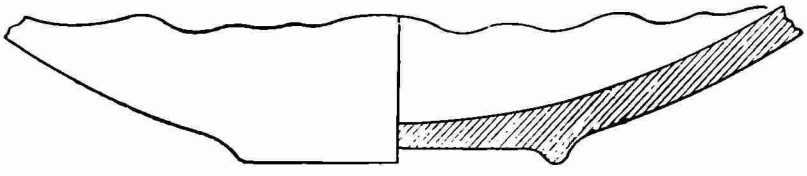


Рис. 8. Профили венчиков крупных черных лощеных сосудов

тобокие, без горла и с коротким венчиком (рис. 8). Характерным элементом их орнаментации являются выпуклые полосы, сочетающиеся подчас с орнаментальными элементами, известными по сосудам других форм.

Еще одну группу посуды представляют крутобокие горшки без лощения с коротким, плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 7, *4—7*). Они, как правило, изготовлялись без гончарного круга, но всегда имеют ровную внешнюю поверхность и правильно оформленную окружность как корпуса,



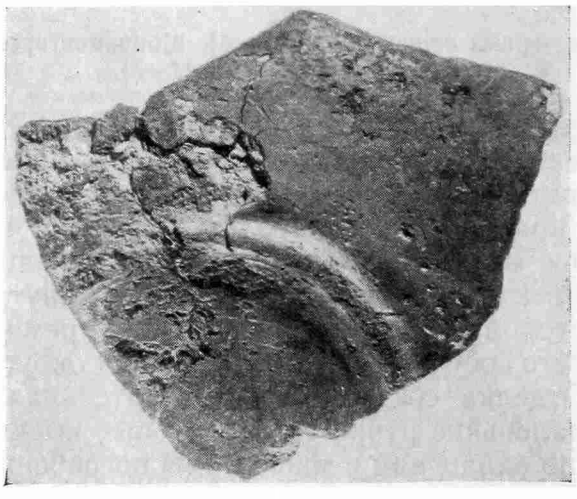


Рис. 9. Фрагмент дна урартской красной лощеной миски из доурартского культурного слоя

так и венчика. Цвет их черный или темно-серый, более светлые встречаются редко. Все без исключения черепки этих сосудов оказались густо закопченными с наружной стороны, что указывает на их употребление для приготовления горячей пищи на очаге. От другой посуды они отличаются также и орнаментацией, присущей в данном керамическом комплексе только им. Основными элементами орнамента, расположенного на плечах или боках сосудов, являются вдавленные, горизонтально расположенные прямые или волнистые линии и параллельные им ряды глубоких вдавлений, которые Б. Б. Пиотровский называет «семячковыми» по их форме, напоминающей зерна некоторых злаков. Несмотря подчас на довольно значительные размеры этих сосудов, стенки их тонки, обычно не более 7—8 *мм*.

Аналогичная посуда хорошо известна из урартского слоя Кармир-блура. Б. Б. Пиотровский определяет ее как грубую местную посуду, своеобразную и архаичную по своему внешнему виду, в отличие от одновременной ей красной лощеной, крашеной, типично урартской, керамики [3]. От наших горшков эта урартская посуда отличается наличием в орнаментации наряду с «семячковыми» и линейными волнообразными вдавлениями еще и елочного гребенчатого узора, который на наших горшках отсутствует, хотя употребление гребенчатого штампа при украшении других групп керамики этого слоя засвидетельствовано.

Здесь же были найдены обломки от двух больших крутобоких горшков черного цвета, груболощеных снаружи, вылепленых без гончарного круга.

---

[3] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 184.

Заслуживает внимания маленький фрагмент черного лощеного, вылепленного без круга сосуда с круглым отверстием (диаметр 15 *мм*), которое с наружной стороны черепка проходит через круглый же выступ, образуя нечто вроде соска. Несомненно, он принадлежал маслобойке известного в Закавказье типа.

Характерной для доурартской культуры на территории Тейшебаини является черная керамика; однако есть некоторое количество и светлой.

Большая часть светлой керамики обнаруживает тесное сходство с рассмотренными выше группами черной керамики как по форме (когда последняя устанавливается), так и по орнаментации. Поэтому мы остановимся лишь на одном фрагменте, который для нас весьма важен. Он представляет собой часть дна и бока миски, причем ее дно, в отличие от всех имеющихся у нас образцов, не прямое, плоское, а с кольцевым поддоном (рис. 9). Кроме этой особенности, фрагмент примечателен тем, что является характерным образцом урартской красной лощеной керамики, что особенно важно, если учесть, что он найден «на полу» жилища в раскопе I (полевой № 78), где культурный слой доурартского времени не перекрывается урартским. Этот фрагмент позволяет уточнить датировку открытой нами культуры. Ниже мы остановимся на этом вопросе.

Значительная (если не бóльшая) часть сосудов доурартского слоя города Тейшебаини была орнаментирована. Некоторые элементы этой орнаментации могут служить для культурно-хронологических сопоставлений.

Так, орнамент в виде одной, двух или трех выпуклых полос (валиков) встречается на крупных сосудах, лощеных снаружи, в большинстве случаев черных или темных и редко светлых (рис. 10, *1—3*). Полосы размещаются, по-видимому, чаще всего горизонтально, но иногда они образуют и дуги. Дуговой узор встречается в Закавказье в VII—VI вв. до н. э. на шаровидных кувшинах с характерными ручками, снабженными в ряде случаев ступенчатой прорезью на внешней стороне. Но там полукруглые дуги сочетаются не только с шишечками, помещающимися в центре дуги, но и с рисунком, исполненным лощением, что для нашей керамики совершенно не характерно.

Весьма выразительным и характерным для нашей керамики является орнамент в виде остроугольного зигзага. Он почти во всех известных нам случаях размещается в виде треугольных шевронов, границы которых иногда очерчивались (рис. 10, *4, 5*).

Очень интересен найденный в раскопе I молот или пест, представляющий собой массивное изделие из базальта, уплощенное с широких поверхностей и имеющее несколько меньшую ширину (около 6 *см*) в верхней части, которая как бы приспособлена для захватывания рукой. На нижнем, противоположном рукояти конце имеются ясные следы ударов по твердой поверхности, что дает основание думать, что это ударное орудие — молот, употреблявшийся, вероятно, без рукояти (рис. 11, *1*).

По всей вероятности, к доурартскому культурному слою следует отнести находимые при раскопках урартского города Тейшебаини идолы, вырезанные из больших кусков красноватого туфа [4]. Их находили почти целыми или во фрагментах как при раскопках домов города Тейшебаини, так и на Кармир-блуре в остатках урартских и средневековых сооружений. Возможно, что обломком такого идола является кусок красноватого туфа, найденный в доурартском слое в раскопе I 1954 г. Во всяком случае, нанесенная на ровной поверхности этого куска углубленная черта напоминает линейную орнаментацию идолов.

Раньше я считал, что это урартские идолы, так как один из них был найден в урартском жилище, в условиях, позволявших предполагать эту находку in situ [5]. Однако раскопки на Кармир-блуре показали ошибоч-

---

[4] В. С. Сорокин. Древние идолы города Тейшебаини. ИАН АрмССР, № 5, 1951.
[5] Там же.

ность этого мнения. По словам Б. Б. Пиотровского, в 1955 г. при разборке каменного завала в помещении № 50 урартской цитадели были найдены фрагменты подобных идолов, попавшие сюда при сооружении второго этажа цитадели, т. е. в урартское время. Таким образом, следует считать, что они относятся к эпохе, предшествовавшей появлению здесь урартов.

Трудность, с которой мы сталкиваемся при датировке рассматриваемого слоя, заключается в том, что для этого мы располагаем почти исключительно одной керамикой.

Прежде всего мы констатируем несовпадение нашей керамики с древнейшим из известных керамических комплексов металлических эпох Закавказья — энеолитическим, относящимся в основном к III тысячелетию до н. э.

Абсолютная дата бытования красной керамики с черной росписью была установлена раскопками Б. А. Куфтина в 1936—1940 гг. в Триалети, где эта керамика была встречена наряду со светлой керамикой с бурой росписью и черной керамикой[6]. В Триалети красная керамика с черной росписью представляла собою более древнюю группу, и поэтому можно считать, что как здесь, так и в других районах она бытовала не позднее середины XV в. до н. э.[7].

Для нас установление этой даты важно потому, что, возвращаясь к керамике доурартского поселения у Кармир-блура, мы не можем не обратить внимания на тот факт, что некоторые присущие ей орнаментальные мотивы представляются нам неожиданными в сопоставлении с керамикой эпохи поздней бронзы Закавказья и в то же время совпадают с орнаментальными мотивами расписной керамики больших триалетских курганов.

Мы имеем в виду частый на нашей керамике мотив шеврона, выполненного рядами остроугольного зигзага. Рассматривая расписную керамику из Триалети, мы видим, что в ее орнаментацию почти как обязательный элемент входит мотив треугольных шевронов, спускающихся по тулову сосуда вниз от горла[8]. Внутреннее пространство лент и поверхность внутри шевронов заполнены волнистыми линиями, что весьма естественно при работе кистью и что при нанесении рисунка палочкой или штампом (как на нашей керамике) легко могло заменяться остроугольным зигзагом.

Мы считаем возможным допустить преемственную связь, выявляемую по сходству орнаментальных мотивов на глиняных сосудах, между населением, оставившим в Триалети грандиозные курганные погребения, и жителями доурартского поселения на территории города Тейшебаини. Возможность такой связи вытекает хотя бы из того, что блестящая культура триалетских курганов эпохи средней бронзы не могла исчезнуть бесследно, и только отсутствие в нашем распоряжении промежуточных памятников мешало заполнить разрыв между ней и хорошо известной культурой поздней бронзы.

Вполне сознавая недостаточность данных для доказательства преемственной связи между культурой эпохи средней бронзы и культурой доурартского поселения у Кармир-блура, мы обращаем внимание на следующие обстоятельства, которые укрепляют нас во мнении, что наше предположение вполне законно и отражает реальные явления далекого прошлого.

---

[6] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941; его же. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940.

[7] Наличие втульчатого бронзового копья в больших курганах с красной расписной керамикой дает Б. А. Куфтину веское основание датировать их серединой II тысячелетия до н. э. (см. «Археологические раскопки...», стр. 96—97). К этой же дате приходит и французский археолог К. Шеффер, датировавший триалетские курганы 1550—1400 гг. до н. э. (см. C. Schaeffer. La date des Kourganes de Trialeti. Antiquity, № 68, 1943, стр. 184).

[8] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки..., табл. LXXVIII—LXXXIII.

Найденная на территории Тейшебаини створка каменной формы для отливки из бронзы тяжелого топора-секиры представляет собой тип, характерный для эпохи поздней бронзы [9]. Связь этой литейной формы с доурартским поселением не может вызвать сомнений, так как в эпоху существования урартского города у Кармир-блура (VII— начало VI в. до н. э.) такие секиры в Закавказье уже вышли из употребления, а иного, более древнего, чем этот город, культурного слоя (кроме слоя, открытого нами) на территории Кармир-блура не имеется. Весьма важным обстоятельством является то, что у Кармир-блура найдена именно форма. Это указывает на местное производство таких секир, которые могли изготовлять только жители нашего поселения.

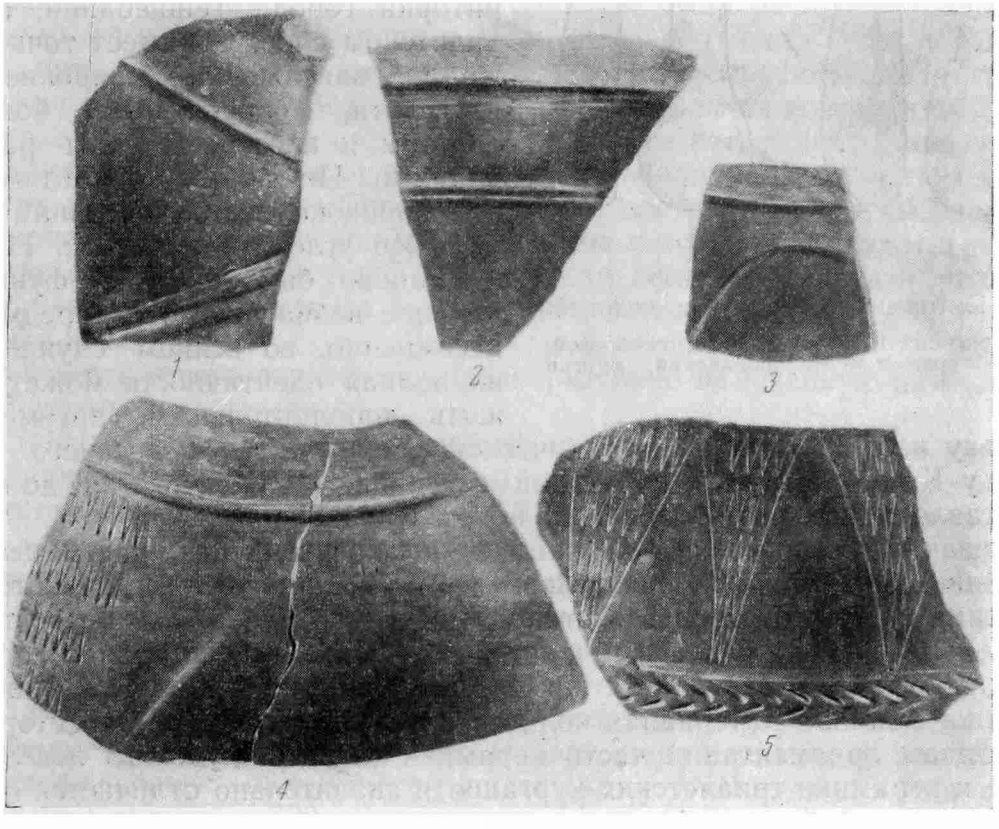


Рис. 10. Фрагменты керамики, орнаментированной выпуклыми полосами (*1—3*) и остроугольными зигзагами, образующими треугольные шевроны (*4*, *5*)

Подобные секиры были широко распространены в Закавказье, главным образом в его центральной части [10]. Кармир-блурская секира принадлежит развитому типу оружия этого рода, который во всех известных случаях, там где возможна датировка, относится к началу I тысячелетия до н. э., т. е., по-видимому, к концу жизни нашего поселения. Тем не менее мы обращаем на нее внимание, говоря о возможности преемственной связи между жителями нашего поселения и населением, сооружавшим большие триалетские курганы, так как прототипом закавказских бронзовых секир является топор-секира из Кировоканского кургана, раскопанного Б. Б. Пиотровским в 1948 г. и относящегося к той же культуре, что и большие триалетские курганы. В Кировоканском кургане указанный прототип закавказских бронзовых секир (а стало быть, прототип и кармир-блурской

[9] К. Кафадарян. Новонайденная клинообразная надпись у Кармир-блура. Вестник Ин-та истор. и литер. АрмССР, кн. II, Ереван, 1937, рис. на стр. 224.

[10] А. А. Иессен. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в передней Азии Доклад III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Л., 1939. стр. 91, карта № 3; его же. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, 1935, карта V.

секиры) находился в комплексе с той самой красной керамикой с черной росписью, которую по орнаментации мы сопоставляем с нашей керамикой из кармир-блурского поселения.

В том же Кировоканском кургане, содержавшем исключительно богатый инвентарь (включая изделия из серебра и золота), был найден один предмет, контрастирующий своим непритязательным материалом и видом с роскошным инвентарем погребения. Это грубое изделие из базальта в форме песта или округленного молота. Две широкие поверхности этого предмета были хорошо заглажены, бока округлены, а на конце имеются следы работы ударами (рис. 11, *2*). Весьма близким по форме этому предмету оказался базальтовый же предмет из раскопа I 1954 г. на территории города Тейшебаини, в доурартском слое. Он имеет точно так же две заглаженные широкие поверхности, округленные боковые стороны и на конце следы работы ударами. По форме он отличается от кировоканского образца лишь большей угловатостью (рис. 11, *1*).

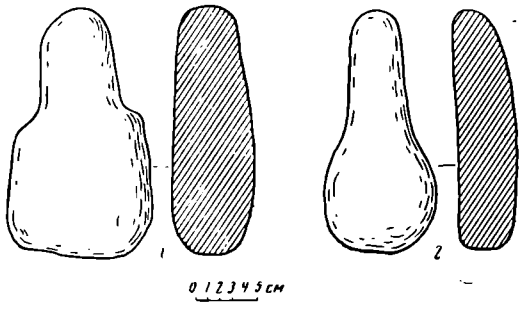


Рис. 11. Каменные песты или молоты

1 — из раскопа I 1954 г. (доурартский слой) Кармир-блура; *2* — Кировоканский курган

Каково бы ни было функциональное назначение этих предметов, несомненно, во всяком случае, что их полная идентичность может служить дополнительным аргументом в пользу нашего мнения о генетической связи культуры древнего поселения у Кармир-блура с культурой середины II тысячелетия до н. э., представленной памятниками Триалети и Кировокана.

Сказанное выше может послужить до некоторой степени нашей цели — определить, хотя бы приблизительно, время возникновения доурартского поселения у Кармир-блура. Установление культурной преемственности между триалетскими курганами и нашим поселением не позволяет их очень сближать хронологически, так как характерная для Триалети расписная керамика в наших материалах полностью отсутствует. С другой стороны, по мотивам орнаментации часть керамики кармир-блурского поселения ближе к керамике триалетских курганов и значительно отличается от керамики поздней бронзы. Поэтому до получения более надежных данных мы считаем возможным датировать возникновение древнейшего поселения у Кармир-блура приблизительно XII в. до н. э.

Выше, при рассмотрении стратиграфического разреза, полученного в 1954 г. в раскопе II, мы указывали, что углубления в земле, остававшиеся открытыми после гибели жилищ древнего поселения, частично заплыли грунтом с культурными остатками, прежде чем на их месте были воздвигнуты жилища урартского города. Из этого наблюдения вытекает, что между датой гибели доурартского поселения и датой сооружения урартского города имелся некоторый интервал.

Наличие указанного хронологического интервала устанавливается и при сравнении керамики доурартского поселения с керамикой урартского города Тейшебаини и цитадели на Кармир-блуре. Не отвлекаясь сопоставлением указанных керамических комплексов во всем их объеме, мы остановимся лишь на тех группах сосудов или отдельных образцах, которые могут быть нам полезны в этой связи.

В культурном слое города Тейшебаини имеется одна группа сосудов, заслуживающая особого внимания. Эти сосуды представлены крупными фрагментами, найденными в помещениях 5(48) и 6(48), и ручками из ряда других помещений, принадлежность которых к характерной группе сосудов, известной в Южном Закавказье, не оставляет сомнений. Это черные или коричневые (иногда светло-коричневые) кувшины с круглым, подчас слегка

приплюснутым туловом и с высоким, плавно расширяющимся горлом. Ручки у них либо дугообразные, либо перегнутые в середине, прямые в верхней и нижней части. По внешней стороне ручек идет прорезь, выполненная по сырой глине последовательными оттисками треугольников, находящих основаниями на вершины друг друга, или проведенная острой палочкой с последовательными нажимами — дно прорези получалось ступенчатым.

Наружная отделка этих сосудов включает, как правило, три признака: общее заглаживание (лощение) поверхности, рельефные украшения поверхности и нанесение узора приемом лощения.

Фрагменты таких сосудов встречаются как в жилищах города Тейшебаини, так и в цитадели. В последнем случае они отличаются более тщательной выделкой и выполнением прорезей на ручках.

Указанные кувшины с прорезными ручками были распространены на территории Армении в VII— начале VI в. до н. э. (может быть, с конца VIII в.), представляя собою характерную и выразительную местную группу керамических изделий. Возвращаясь к материалам из поселения у Кармир-блура, мы увидим, что подобных сосудов там нет. Констатация этого факта вполне достаточна для подтверждения наличия хронологического интервала между датами гибели поселения и постройки урартами своего города, интервала, который мы предположили на основании стратиграфических наблюдений. Более того, она дает нам основание считать, что поселение перестало существовать, вероятнее всего, не позднее середины VIII в. до н. э.

Попытаемся теперь связать эту предварительно намеченную нами дату с историческими событиями.

Рассматривая фрагмент, представляющий собой часть дна и стенки красной лощеной миски (№ 78; рис. 9), обратим внимание прежде всего на то, что ее плоское дно (диаметром в 7 *см*) имеет кольцевой поддон. Такое дно отличает наш фрагмент не только от сосудов доурартского слоя, с которым он связан хронологически, но и от урартской керамики Тейшебаини и цитадели на Кармир-блуре. Днища сосудов доурартского слоя всегда прямые и переходят в тулово без каких-либо выступов. Точно такие же днища характерны и для урартской керамики города и цитадели.

Среди хранящихся в Гос. Эрмитаже фрагментов керамики из раскопок Н. Я. Марра в 1916 г. в Топрах-кале (г. Ван, куда резиденция урартских царей была перенесена с Ванской скалы в конце VIII в. до н. э., при царе Руссе, сыне Сардура — 730—714 гг. до н. э.) имеется несколько фрагментов красных лощеных сосудов с донышками, которые в какой-то мере сближаются с нашим образцом [11].

В 35 *км* к юго-западу от Кармир-блура имеется урартский могильник у с. Малаклю, на территории современной Турции, раскопанный в 1913 г. П. Ф. Петровым и научно обработанный и опубликованный Б. А. Куфтиным [12].

Глиняные сосуды из могильника у с. Малаклю делятся (по характеристике Б. А. Куфтина) на две основные группы [13]. К одной принадлежат

---

[11] Гос. Эрмитаж, №№ 16005, 16018, 16025, 16030, 16031 и 16032.

[12] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, т. XIII-B, Тбилиси, 1943.

[13] В данной связи мы не рассматриваем керамику из пункта 1-го могильника у с. Малаклю. Б. А. Куфтин, указывая на своеобразие этого погребения как по обряду, так и по инвентарю, но справедливо относя его к той же «ванской эпохе», почему-то не нашел возможным допустить здесь хронологическое различие, а вместо этого предположил погребение женщины — аборигенки, супруги пришельца-урарта. При этом он недоумевал, почему же в таком случае ее дети были похоронены по обычаям матери (см. Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., стр. 72). Мы укажем лишь на то, что простой ангобированный и лощеный кувшинчик с ручкой и плоским дном из этого погребения (см. там же, стр. 20 и табл. I, *1*) весьма близок к подобного рода сосудам, известным в количестве нескольких сот из цитадели на Кармир-блуре, и сближается с остальной керамикой могильника у с. Малаклю только наличием уступа на

красноглиняные сосуды «с простой полированной обмазкой», а другая представлена более простыми по обработке сосудами из темной глины. Группа красной керамики представлена главным образом двумя подгруппами сосудов: а) гидриями без ручек с шаровидным корпусом, с красиво оформленной шейкой, обязательно отделенной от плечиков уступом или валиком и округло отогнутым венчиком (рис. 12, *1* и *5*) и б) блюдцевид-

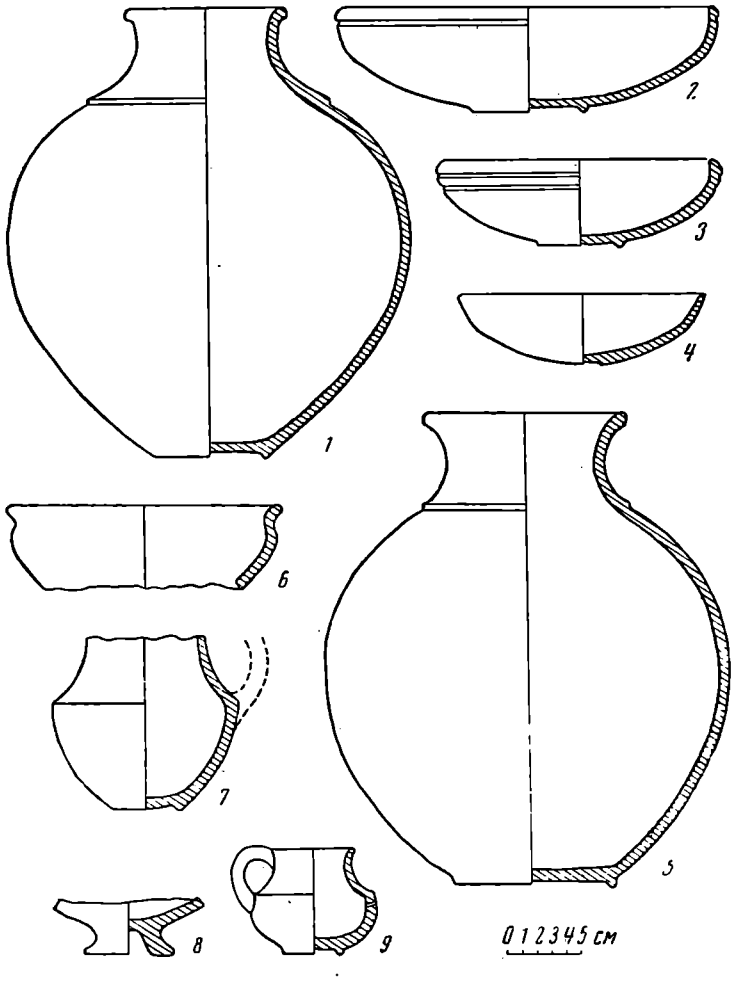


Рис. 12. Урартские красные лощеные сосуды из могильника у с. Малаклю (по Б. А. Куфтину)

ными чашками четкого профиля с небольшим, часто вдавленным внутрь или окруженным кольцевидным кантом, плоским донышком (рис. 12, *2*—*4*). Донышки гидрий «большей частью имеют кольцевидный выступающий кант (рис. 12, 5)..., реже мы видим донышки в виде плоского углубления (рис. 12, *1*)» [14]. Подобный тип кувшина (или, по Б. А. Куфтину, гидрии), совершенно неизвестен из Кармир-блура, для керамики которого чужды и уступ или валик у основания горла сосуда, и выделка донышек типа описанных выше. Такое же различие в формах между керамикой Кармир-блура и могильника у с. Малаклю мы наблюдаем и при сравнении мисок из этих двух памятников. Наиболее обычен для могильника тип прекрасно лепленных низких фиалов с тонким прямым, довольно пологим краем 15—17 *см* в диаметре и круглой плоской, небольшого диаметра (2—2,5 *см*) выемкой на дне, не образующей, однако, выпуклости на внутренней поверхности сосуда (рис. 12, *4*). Другой тип широких чашек, более массивных и

плечиках. Всего вероятнее видеть в своеобразии этого погребения его более молодой возраст.

[14] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., стр. 18.

грубых, отличается загнутым слегка внутрь краем, с утолщенным кантом, и донышком, или с кольцевидным выступом (рис. 12, *2* и *3*), или же с низким поддоньем» [15]. Как легко заметить, наш черепок № 78 является фрагментом нижней части именно последнего типа широких чашек, или, вернее, мисок. Но и помимо этого нужно обратить внимание на то, что дно нашего фрагмента является типичным для керамики из могильника вообще, а не только для мисок. На этом основании мы полагаем возможным считать наш фрагмент № 78 не только урартским, что не подлежит сомнению, но и относящимся к тому же самому времени, что и могильник у с. Малаклю. С другой стороны, указанные особенности керамики из могильника у с. Малаклю по сравнению с керамикой Кармир-блура не позволяют считать их одновременными, но указывают, по нашему мнению, на какой-то хронологический разрыв.

Из письменных источников известно, что первое крупное столкновение урартов с племенами, населявшими Южное Закавказье, произошло в конце IX в. до н. э. при урартском царе Ишпуини.

В последние годы IX или в самом начале VIII в. до н. э. Мануа, сын Ишпуини, завоевал страну племени Эрикуахи на северном склоне горы Арарат, захватил Лухиуни — «царский город» этой страны и построил здесь свою крепость, назвав ее Менуахинили [16]. Очевидно, что постройкой этой крепости начинается систематическая экспансия урартов в Южное Закавказье, так как они соорудили для этого прочную операционную базу, правда еще на правом берегу Аракса, но тем не менее уже на краю открывшейся перед ними Араратской долины [17].

Именно в этом районе, у с. Малаклю, находился урартский могильник, с керамикой которого, как мы показали, совпадает наш фрагмент № 78 урартской краснолощеной миски из доурартского слоя города Тейшебаини [18]. Указанное совпадение дает нам возможность связать гибель доурартского поселения у Кармир-блура с определенными историческими событиями, а именно с вторжением урартов на территорию к северу от Аракса в начале VIII в. до н. э., что устанавливается и по археологическим данным.

Преемник Менуа, урартский царь Аргишти, совершал систематические походы в Южное Закавказье, подвергая его опустошению и разгрому. Уже на втором году правления этого царя (785 г. до н. э.) урарты, предварительно нанеся удар стране Диаухи (асс. Дайаэни), расположенной в верховьях р. Кара-су и района Эрзерума, и, как полагает Г. А. Меликишвили, простиравшейся далеко на север [19], двинулись в район оз. Чалдыр, захватив страну Эриахи (район современного Ленинакана), Апуни и Уитерухи. В следующем (784) году Аргишти подверг разгрому страны Абилианихи, Аништиргае, Куарзани и Ултуза, находившиеся в Араратской долине, В 782 г. урарты совершили поход к оз. Севан, где взяли город Кехуни, а также снова разгромили несколько «стран» (Уишушини, Хахи и др.) в Араратской долине [20].

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать военную активность урартов в Южном Закавказье в начале VIII в. до н. э. Одновременно с этими грабительскими набегами урарты принимают меры для закрепления своих позиций на левом берегу Аракса и постепенного превращения Араратской долины в свою провинцию. С этой целью царь Аргишти строит

---

[15] Б. А. Куфтин, Уратский «колумбарий»..., стр. 18—19, рис. 15 и табл. I, *11* и рис. 16 и табл. II, *1*.

[16] Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. ВДИ, 1953, №№ 1—4; 1954, № 1.

[17] Его же. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, т. I, Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 251.

[18] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»...,

[19] Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы..., стр. 59.

[20] Там же, стр. 256.

две крепости — одну на юго-восточной окраине современного Еревана, а другую у современного г. Армавира [21].

Грабительский и опустошительный характер этих урартских походов в Южное Закавказье (в частности, в Араратскую долину) совершенно ясен. Нет необходимости приводить сведения о захвате урартами пленных и добычи во время набегов в Южное Закавказье при царе Ишпуини, в самом конце IX в. до н. э., и дополнять их данными о других урартских походах в более позднее время [22]. Напомним лишь, что Сардури II (764—735 гг. до н. э.) не один раз нападал на страну Абилианихи, находившуюся в районе Кагызмана. Это, в частности, говорит и о том, что в середине VIII в. до н. э. Араратская долина еще не была прочно завоевана урартами [23] и что происходило систематическое отпадение ранее завоеванных «стран». Во время набега на страну Абилианихи, который состоялся не раньше 749 и не позднее 747 г. до н. э.[24], эта страна была разгромлена, ее города сожжены, а многие тысячи жителей убиты или угнаны [25].

Сказанного вполне достаточно для того, чтобы представить себе картину последствий прихода урартов в южную часть Закавказья. Разгром страны, разрушение крепостей, сожжение поселений, избиение и угон жителей, захват добычи (главным образом скота) — вот цели, которые ставили перед собой урарты во время своих походов и которые они по большей части успешно осуществляли. Именно поэтому мы и считаем, что окончание жизни туземного поселения у Кармир-блура, которое, как можно полагать, мирно просуществовало не одно столетие, связано с появлением урартов на левом берегу Аракса и, таким образом, датируется началом VIII в. до н. э. Следы пожара, которые ясно обнаруживаются в виде обильного заполнения углем частично исследованного жилища в раскопе II 1954 г., являются убедительным тому подтверждением.

В связи с этим возникает вопрос о том, как понимать некоторые выражения, встречающиеся в текстах о построении урартами своих опорных пунктов на левом берегу Аракса — городов Ирпуни и Аргиштихинили. В надписи, найденной К. Л. Оганасяном и А. У. Погосяном в 1950 г. на холме Арин-берд, говорится: «Величием бога Халди Аргишти сын Менуа эту величественную крепость построил; установил [для нее] имя Ирпуни; [построил ее] для могущества страны Биайнили [и] для усмирения (?) вражеской страны. Аргишти говорит: земля была пустынной; могучие дела я там совершил» [26]. То же самое говорится и в летописи Аргишти I с добавлением: «6(?) тысяч 600 воинов страны Хате [и] Цупани я там поселил» [27]. В надписи, найденной в с. Сардарабад, близ Армавира, говорится: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа говорит: величественную крепость я построил, установил [для нее] имя — Аргиштихинили. Земля была пустынной (?); ничего там не было построено; я от реки (?) четыре канала отвел, виноградник [и] фруктовый сад разбил, подвиги я там совершил» [28].

Как видим, в надписях о построении этих двух крепостей подчеркивается, что они были сооружены в пустынных местах. Г. А. Меликишвили полагает в этой связи, что «очевидно, урартские цари избегали столкновения с местным населением — с сельскими общинами, избегали устраивать свои военно-административные и хозяйственные центры в заселенных и

---

[21] Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы..., стр. 258—262; К. Л. Оганасян. Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни, ИАН АрмССР, обществ. науки, 1951, № 8, стр. 80—81; Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 72—76.

[22] Отсылаем интересующихся к первоисточникам. См. Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи, 34, 35, 127, I и II, 155.

[23] Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы..., стр. 265.

[24] Там же, стр. 227.

[25] Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи, 155 С.

[26] Там же, 138.

[27] Там же, 128, А2.

[28] Там же, 137.

используемых местным населением землях» [29]. Это утверждение находится в противоречии, во-первых, с известными нам данными о разгроме урартами территории к северу от Аракса в первой половине VIII в. до н. э. и, во-вторых, с давно известным фактом весьма древнего заселения Араратской долины земледельческим населением начиная, по крайней мере, с энеолита. Остатки поселений этой эпохи (III тысячелетие до н. э.) известны в ряде мест Южного Закавказья и в том числе в районе, где были построены Аргиштихинили и Ирпуни [30]. Это говорит о весьма древнем освоении земледельческим населением Араратской долины, и нельзя согласиться с тем, что тысячелетие спустя здесь могли быть «пустынные места», кроме заведомо непригодных для хозяйственной деятельности. Наконец, древнее поселение у Курмир-блура, открытое нами в 1954 г., несомненно существовало в течение длительного времени, причем длительность существования и находки зерен проса являются прямым доказательством прочного оседлого земледельческого быта его обитателей. Гибель этого поселения с приходом урартов и постройка на его развалинах (по крайней мере, столетие спустя) урартского города Тейшебаини является достаточной иллюстрацией того, каким образом создавались те пустынные места, на которых строили свои крепости урартские цари.

Совершенно ясно, что закреплению за урартами завоеванных ими территорий и их хозяйственному освоению предшествовал всегда опустошительный разгром этих территорий. Повторяясь систематически, эти погромы, несомненно, заставляли уцелевших жителей спасаться, переселяясь в более удаленные от опасных соседей и труднодоступные горные районы. Так создавались земли, на которых «ничего не было» к тому времени, когда урарты воздвигали здесь свои постройки.

В этом находит объяснение и факт переселения захваченных в плен жителей, о чем, в частности, говорится в тексте о построении крепости Ирпуни. Вероятно, такова же была практика и ассирийских царей начиная с Тиглатпаласара III (745—727 гг.). Ассирийцы во время своих походов, захватывая громадное количество пленных, переселяли их вместе с их имуществом в ранее завоеванные, но разоренные войной области [31].

Итак, новые материалы из раскопок у Кармир-блура указывают, что в этом месте задолго до прихода урартов, вероятно, в XII в. до н. э., возникло поселение, которое много времени спустя, в начале VIII в., было разгромлено войсками ураратских царей. Минимум через 100 лет завоеватели создали здесь поселение и крепость, которые мы объединяем под общим именем города Тейшебаини.

---

[29] Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы..., стр. 262.

[30] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., стр. 92—94; Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 171—174.

[31] И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 89.

Б. Н. ГРАКОВ, А. И. ТЕРЕНОЖКИН

СУББОТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

(Раскопки 1955 г.)

В 1950 г. в с. Субботове, Чигиринского района, Черкасской области, было обнаружено городище, обратившее на себе внимание благодаря ряду важных археологических находок чернолесской культуры [1]. Предварительные раскопки, произведенные на нем в следующем году Институтом археологии АН УССР, дали еще более ценные материалы, показавшие, что это городище имеет весьма серьезное значение для изучения предскифского периода в Среднем Поднепровье [2]. В 1955 г. на Субботовском городище были произведены новые раскопки, в которых участвовали исторический факультет Московского государственного университета и Институт археологии АН УССР [3]. Описанию результатов последних раскопок и посвящена настоящая статья.

Городище расположено в западном конце села на правом высоком берегу речки Суботь. Оно было сооружено на длинном участке берегового склона, ограниченного с боков широкими глубокими ярами, вершины которых так близко сходятся между собой, что между ними остается только очень узкий (5 *м*) проход (рис. 1). Городище протянулось с северо-запада на юго-восток; в плане оно отчетливо делится на две части. Его северо-западная половина, расположенная ближе к речке, окопана в древности с двух сторон глубокими рвами и имеет в плане круглую форму. Здесь же заметны остатки расплывшихся валов. Эта часть древнего укрепления называется «Малым городком», или, иначе, «Конским копытом». Диаметр городка вверху равняется 85—100 *м*. По его поверхности, спускающейся круто к речке, в пашне и в мелких промоинах изредка встречаются обломки сосудов чернолесского типа. Здесь при пахоте в дореволюционное время был найден большой глиняный сосуд, в котором находились бронзовые удила и множество круглых гладких бляшек. При шурфовке в этой части городища выяснилось, что почвенный слой на ней почти совсем смыт атмосферными осадками и содержит весьма незначительное количество культурных остатков.

Восточнее круглого укрепления за рвом (ширина его равняется 20 *м*, глубина 3 *м*), находится другая, бóльшая по площади, часть этого поселения, называемая «Большим городком». В плане она имеет вид треугольника со сторонами по 200 *м*. С напольной стороны (где проходит упомянутый выше узкий проход между вершинами оврагов) никаких остатков укреплений не заметно. Имелись ли в этой части оборонительные валы,

---

[1] А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 84 и сл.

[2] Его же. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 96 и сл.

[3] От МГУ в экспедиции работали Б. Н. Граков, Н. Г. Елагина, студенты И. В. Абрамова, В. С. Забелина, В. И. Мамянц, Г. Ф. Никитина; от Института археологии — А. И. Тереножкин, Е. Ф. Покровская, В. А. Ильинская, научный сотрудник Киевского исторического музея К. Д. Ганина, студенты М. И. Савельев и М. М. Чубарова.

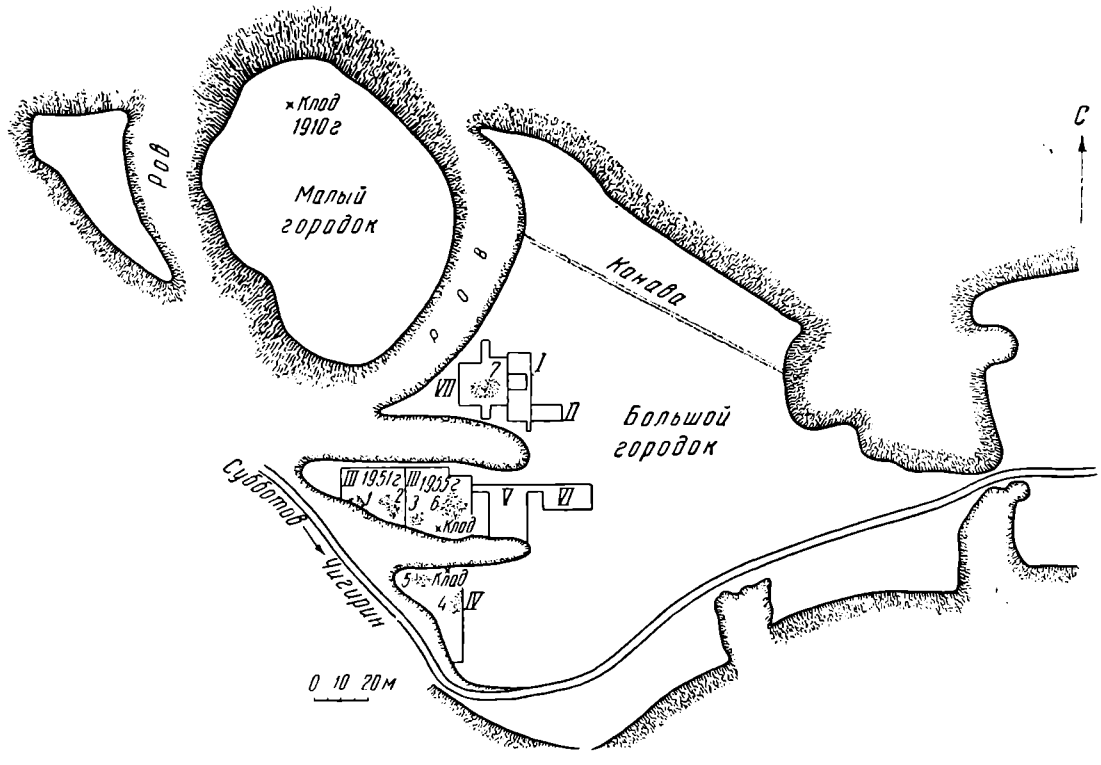


Рис. 1. План Субботовского городища (римскими цифрами обозначены раскопы, арабскими — номера землянок)

сказать сейчас трудно, так как в недавнем прошлом оно было обваловано с мелиоративной целью. Поверхность Большого городка ровная, с небольшим уклоном в сторону долины р. Суботь, и только к краям склоны ее становятся круче. На пашне постоянно встречаются обломки глиняной посуды, количество которых сильно увеличивается к краям городища на смывах. В обрывах вдоль южного края городища было видно, что культурный слой залегает здесь от поверхности до глубины 0,5 *м*. В углублениях на местах древних землянок мощность его увеличивается до 1—1,5 *м*. Ямы землянок видны в различных частях городища; одна такая землянка имеется даже за его чертой, за овражками в напольном конце. Длина всего городища равняется 300 *м*, ширина 50—200 *м*. Над оврагами оно возвышается на 15—20 *м*.

В 1951 г. раскопки были проведены в юго-западной части Большого городка. Здесь против рва, отделяющего Малый городок, были заложены I и II раскопы, а над обрывом к дороге — III раскоп. Казалось, что в первых двух раскопах культурный слой единый по составу и полностью относится к собственно чернолесскому времени. Однако на III раскопе было выяснено, что в действительности он делится на два яруса. Под верхними слоями, соответствующими развитой чернолесской культуре, обнаружены ямы двух обширных прямоугольных землянок, в которых найдено много глиняных сосудов несколько более раннего времени. Судя по ним, можно было заключить, что нижний ярус культурного слоя на Субботовском городище соответствует по времени переходу от белогрудовской к чернолесской поре. Это нашло полное подтверждение и в результате раскопок, произведенных в 1955 г. На всех участках раскопов рассеянно и мелкими скоплениями встречались культурные остатки зарубинецкого времени, т. е. рубежа нашей эры.

В 1955 г. раскопки были сосредоточены в той же юго-западной части городища. Были заложены III—VII раскопы площадью в 2000 *м*^{2}. Толщина культурного слоя на этих участках равнялась 0,5—0,7 *м*. В нижнем ярусе культурного слоя открыты ямы пяти землянок и несколько ям хо-

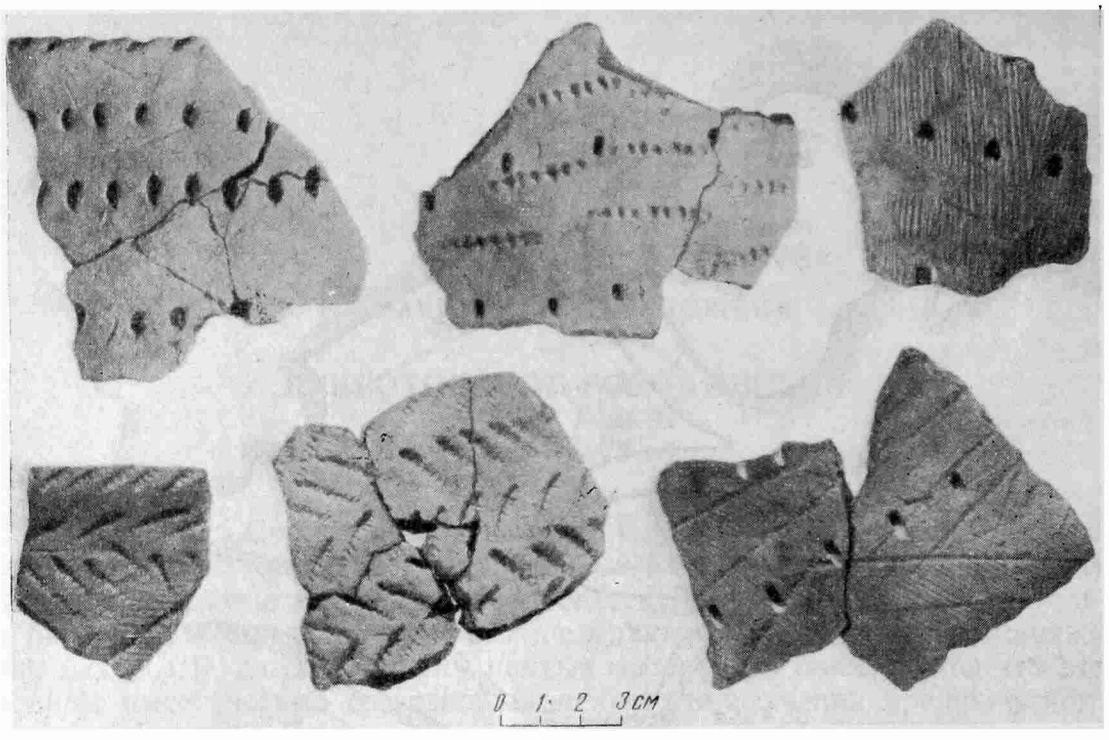


Рис. 2. Обломки глиняной посуды среднего бронзового века (малобудковский тип)

зяйственного назначения; в верхнем ярусе обнаружены незначительные остатки наземных жилищ, местами многочисленные хозяйственные ямы и большие зольно-земляные скопления над ямами древних землянок, содержащие обильные культурные остатки.

Кроме того, раскопки дали небольшое количество обломков глиняных сосудов более раннего времени. Так, у западного края участков раскопок было найдено до десятка мелких обломков сосудов, украшенных частыми налепными валиками и относящихся к катакомбной культуре, известной для Чигиринщины по поселению на Панском острове в пойме р. Тясмина, близ с. Новоселицы, и по ряду стоянок, открытых в 1956 г. в Ново-Георгиевском районе Кировградской области [4]. Поздняя катакомбная культура, характеризующаяся многоваликовой керамикой, имела широкое распространение на территории УССР. Одним из наиболее интересных памятников является поселение у с. Бабино на Нижнем Днепре, исследованное А. В. Добровольским [5]. В несколько бóльшем количестве были найдены обломки глиняных сосудов, украшенных сплошь чередующимися рядами ямок и коротких косых линий мелкозубчатого чекана (рис. 2). Керамика этого типа впервые встречена в Днепровском Правобережье. Она ближе всего связана по культуре с поселениями малобудковского типа среднего бронзового века в области левобережной лесостепи [6].

Третью, несколько обособленную группу составила керамика позднего бронзового века; ее культурная принадлежность нам недостаточно ясна. Она найдена в заполнении хозяйственной ямы, расположенной около землянки № 3, и в культурном слое к северу от землянки № 6. Она представлена обломками тонкостенных горшков с отогнутым наружу краем, главной отличительной особенностью которых является тщательная отделка

[4] А. И. Тереножкин. Поселения и городища..., стр. 82, рис. 24, *6—9*.

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволожье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 112—117, рис. 26, *9, 12*; А. В. Добровольский. Поселение поздней бронзы Бабино III. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 40—45, рис. 1—3.

[6] В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века в лесостепном Левобережье. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 106—108; ее же. Новіе данні про пам'ятки доби бронзи в левобережному Лесостепу. Археологія, т. X, Київ, 1957, стр. 51—65.

поверхностей тонкой гребенчатой штриховкой. Эти горшки на плечиках бывают украшены валиком, расчлененным зубчатым штампом косыми насечками и насечками в косой крест (рис. 3). Другие сосуды украшены по плечикам широким поясом, заштрихованным косыми линиями зубчатого штампа; ниже него заштрихованные треугольники расположены пояском елочного орнамента с рядом вертикальных нарезок. По орнаментации эта посуда отчасти напоминает посуду позднесрубной культуры степной полосы; в ее элементах отражена связь с белогрудовско-чернолесской куль-

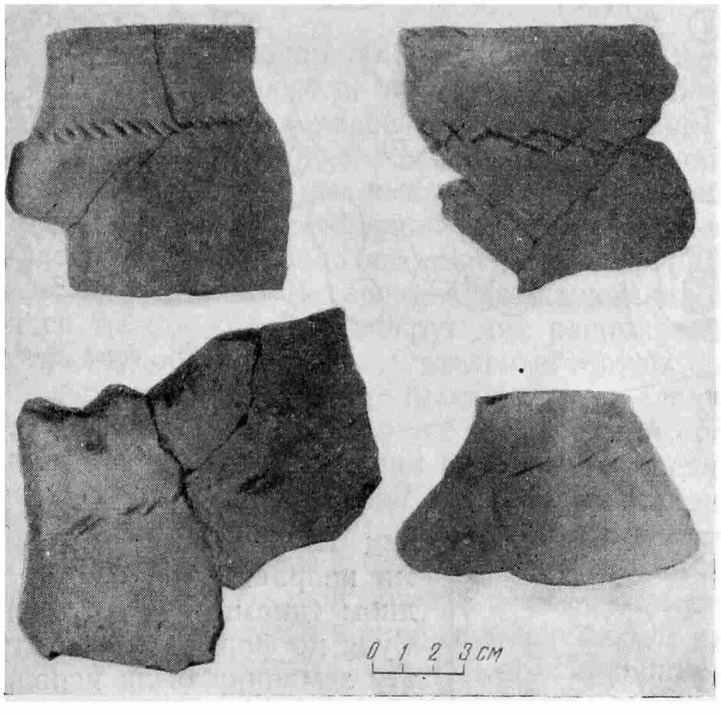


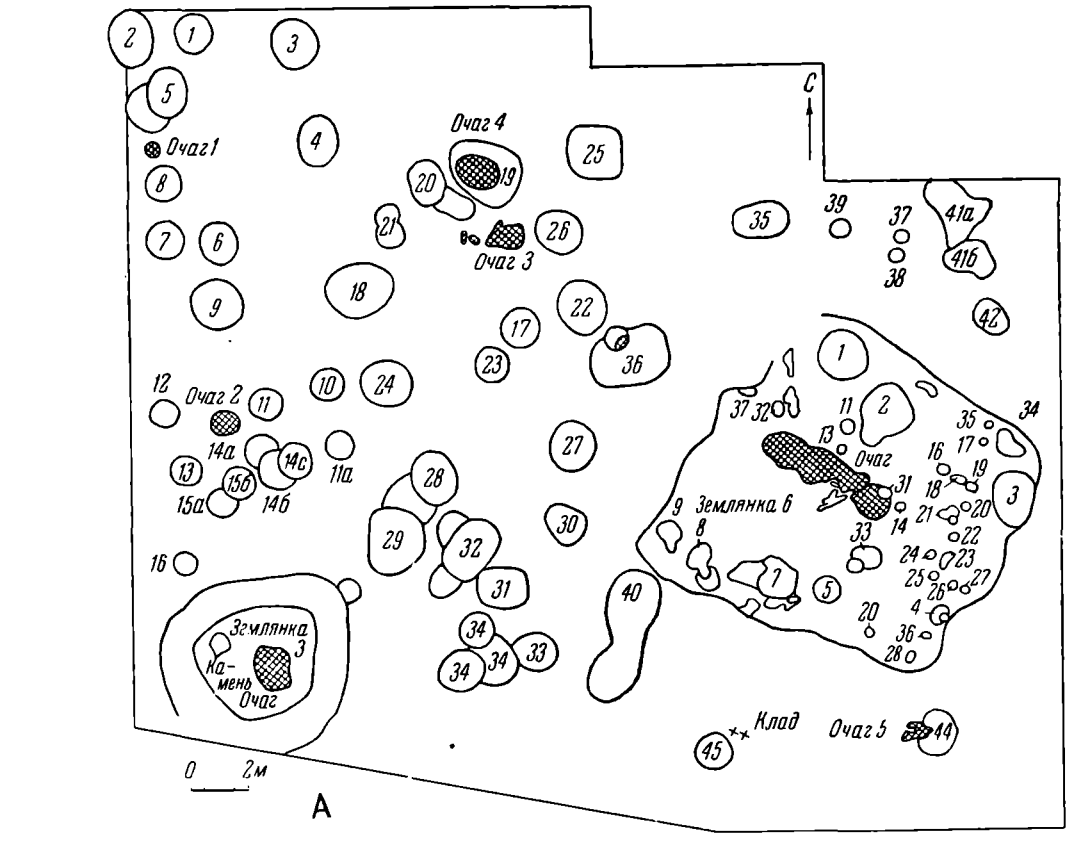
Рис. 3. Обломки глиняной посуды позднего бронзового века

турой. Может быть, в эту же группу следует еще включить некоторые обломки сосудов, найденные в ямах на дне землянки № 4. В каком отношении стоит эта группа керамики (не известная по другим памятникам) к основным культурным комплексам Субботовского городища, сказать пока еще очень трудно.

При раскопках 1955 г., как и ранее, продолжались находки обломков простых и лощеных сосудов зарубинецкой культуры. Вместе с ними находились обломки краснолаковых римских сосудов, амфор с двуствольными ручками, железные серпы, ножи, иголки, куски железных криц, шлаки. Упомянутые импортные образцы керамики датируют эти находки рубежом нашей эры. Они встречались рассеянно, в виде отдельных небольших скоплений и в нескольких хозяйственных ямах.

На Субботовском городище в 1955 г., как это отмечалось уже выше, было открыто пять землянок, относящихся к нижнему ярусу культурного слоя предскифского периода. Ранее на нем были открыты еще две землянки. Судя по вскрытой части поселения, можно предполагать, что жилища на нем располагались рядами, идущими с запада на восток. Два жилища (из числа открытых при новых раскопках) были покинуты, а три — погибли от пожара. Сохранность землянок оказалась плохой. Стены их утратили первоначальные очертания, оплыли; контуры ям прослеживаются не всегда достаточно отчетливо. Ни в одном жилище не оказалось вертикальных стен, как это было в землянке № 1, раскопанной в 1951 г.

Приведем описание жилищ, открытых в 1955 г.



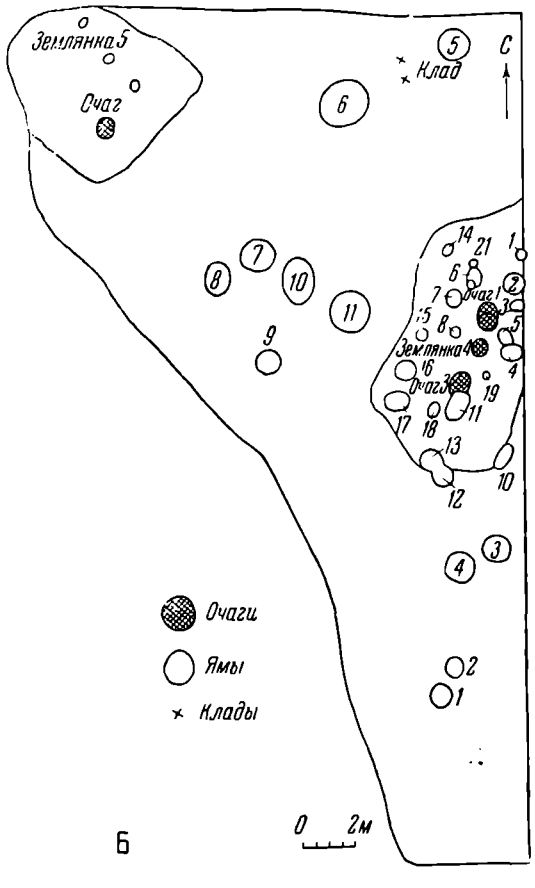


Рис. 4. План раскопок 1955 г.
А — раскоп III; *Б* — раскоп IV

Землянка № 3 (рис. 4, *А*) имела вид глубокой круглой ямы со стенками неправильной формы и с плоским дном (диаметр ямы 5 *м*, глубина 3 *м*). Судя по форме, можно думать, что под эту землянку была использована большая яма, вырытая с какой-то хозяйственной целью (может быть, просто для добычи глины). Жилище погибло от пожара, в результате которого стенки ямы и дно сильно прокалились, и над ней образовалось скопление в виде массы перегоревших и прокалившихся докрасна комьев земли и углей. Внутри жилища находился большой гранитный камень (более 0,5 *м* в диаметре), свалившийся в него во время пожара. На полу в центре был небольшой очаг, рядом с которым лежал крупный глиняный лощеный кубок, украшенный орнаментом в виде резных треугольников.

Землянка № 4 (рис. 4, *Б*) имела вид небольшого понижения в грунте (глубина менее 1 *м*, длина 9 *м*, ширина 5,5 *м*). По плану ее можно назвать прямоугольной. Дно землянки было неровное, местами сплошь изрытое ямами различного назначения; среди них имелись и столбовые. Однако они не дали представления о системе деревянной конструкции жилища. В середине землянки на площади в 1—1,5 *м* в диаметре находились рядом три очага. Жилище было в свое время покинуто его обитателями. Ввиду

этого в нем на полу не оказалось почти никаких находок, если не считать незначительных обломков керамики. В одной яме найдены три морские раковины, служившие в качестве украшений-подвесок, в другой яме — круглая костяная бляшка с отверстием в центре.

Землянка № 5 находилась на обрыве городища. От нее сохранился только один край, судя по которому, она имела прямоугольную форму. Жилище погибло от пожара, признаками чего служат заполнявшие его угли, перегоревшая земля и потрескавшиеся от сильного огня глиняные сосуды, находившиеся на полу. В землянке было найдено семь сосудов, восстановленных из обломков, зернотерка, распавшаяся от огня, и часть каменного шлифованного топора.

Землянка № 6 имела вид неправильного квадрата (10 × 10 *м*) глубиной около 1 *м*. Жилище это погибло от пожара, признаки которого были видны во многих местах в виде горелой земли и головней. Глиняные сосуды, находившиеся на полу, попорчены огнем. Дно землянки было изрыто большим количеством ям. Среди них имелись ямы для столбов, поддерживавших перекрытие жилища. К сожалению, систему их расположения определить не удалось. В одной такой яме оказалось обуглившееся основание толстого круглого столба. В середине землянки находилась группа очагов, слившихся между собой, а вокруг них располагалось несколько больших и малых сосудов в обломках. Отдельные сосуды были и в других местах. В различных местах в жилище были найдены следующие предметы: два обломка, шлифованных проушных топоров, три кремневых вкладыша для серпов, два костяных псалия с тремя отверстиями, обломок узкого бронзового браслета и костяной черешковый наконечник стрелы.

Землянка № 7 имела вид небольшого прямоугольного понижения в грунте (длина 11 *м*, ширина 7 *м*, глубина 0,7—0,9 *м*). Землянка была заброшена ее обитателями; признаков пожара в ней не замечено. В середине землянки находились два очага в виде скоплений золы на обожженных докрасна участках пола (диаметр 0,7 и 1,7 *м*). На одном из них оказались хорошо обожженные глиняные «кирпичики», имеющие форму параллелепипеда 14 *см* длиной и 5 *см* шириной. Груда подобных же кирпичиков встретилась на полу землянки, несколько в стороне от очага. Может быть, из таких кирпичиков был выложен свод печи, подобно тому, как это встречается в памятниках других культур бронзового и железного века. В землянке открыты беспорядочно расположенные столбовые и хозяйственные ямы. Вещественные находки здесь были незначительны.

Состав посуды и других находок, происходящих из землянок, в культурном отношении довольно единообразен. Они характеризуются более архаическими чертами, чем основной материал из верхнего яруса культурного слоя, и их можно отнести к переходному времени от белогрудовской к чернолесской ступени в развитии местной культуры.

Землянки №№ 5 и 6 дали большое количество целых и восстановленных из обломков глиняных сосудов. Комплекс кухонных сосудов невелик. Среди них можно назвать небольшой тюльпановидный горшок из землянки № 6, украшенный гладким валиком с одним опущенным вниз и спирально загнутым концом. Судя по обломкам, такого рода сосуды из землянок в немногих случаях украшались редкими или частыми пальцевыми вдавлениями. В землянке № 5 найден высокий, стройный, ничем не украшенный тюльпановидный сосуд, частично попорченный огнем (рис. 5, *1*). В этой же землянке были найдены два одинаковых по форме, но несколько различных по величине простых горшка. В отличие от обычных, они имеют сравнительно хорошо выраженное, почти цилиндрическое горло и выпуклые бока. Один из них украшен по плечикам редкими косыми парными, слабо заметными вдавлениями (рис. 5, *2*).

Очень интересными и разнообразными по составу являются лощеные сосуды из землянок. В землянке № 5 найдены две целые чернолощеные корчаги с суженным горлом, сильно выпуклым корпусом и небольшим

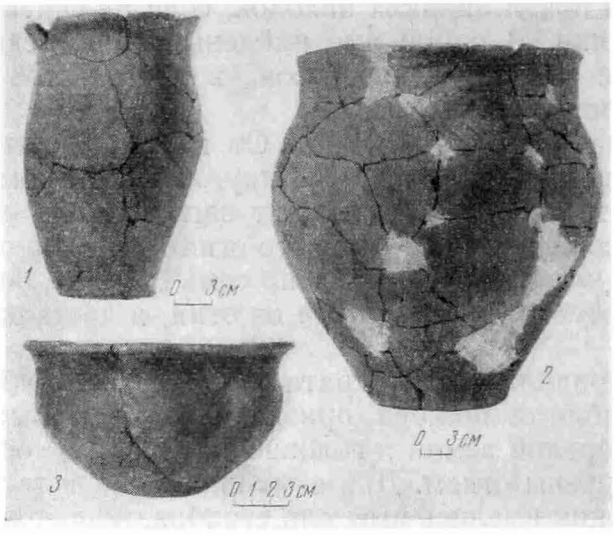


Рис. 5. Сосуды и миски

1—2 — из землянки № 5; *3* — из землянки № 3

плоским дном, тип которых выяснился еще по раскопкам на Субботовском городище в 1951 г.[7]. Сосуд из землянки № 6 украшен по плечикам налепами в виде знака Л (рис. 6, *3*). Сосуд из землянки № 5, от которого сохранилась верхняя часть, был украшен по плечикам радиально расходящимися короткими гладкими налепами. На обломках корчаги из землянки № 6 имеется налепной орнамент в виде крупных циркульных кружков с точкой. Не менее интересны лощеные кубки черного, красноватого и желтого цвета. В землянке № 3 был найден большой кубок с низким горлом, почти шаровидным корпусом и луночным вдавлением в круглом дне, украшенный по плечикам пояском из заштрихованных резных треугольников (рис. 6, *2*). В землянке № 3 найден плоскодонный кубок с обломанным верхом, украшенный по

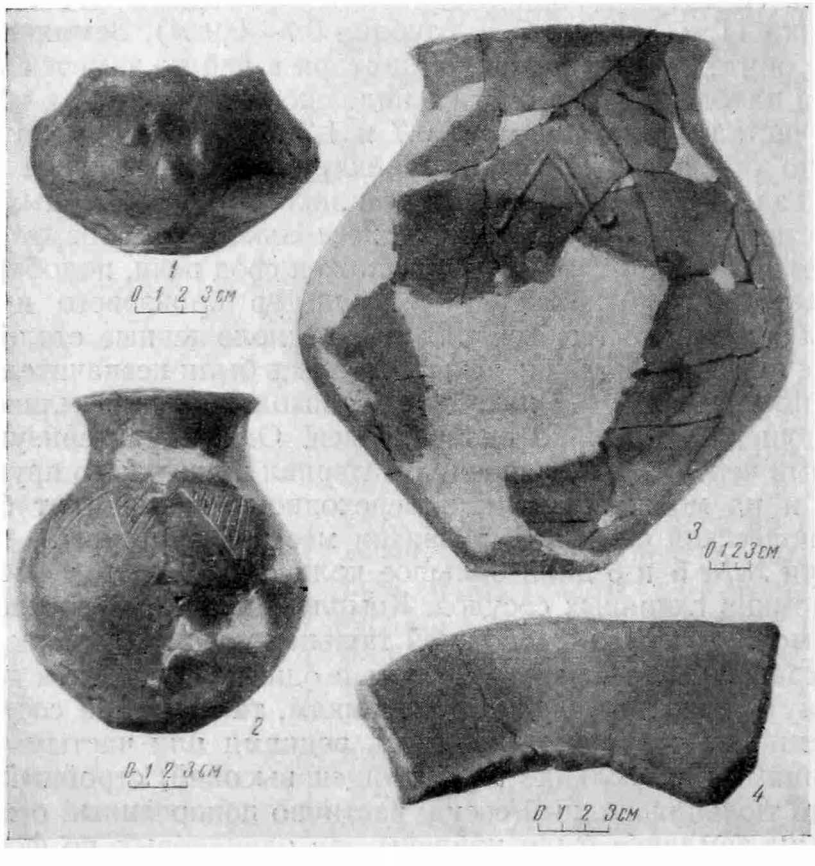


Рис. 6. Формы сосудов

1 — сосуд из землянки № 5; *2* — сосуд из землянки № 3; *3* — сосуд из землянки № 6; *4* — обломок «жаровни» из землянки № 4

корпусу маленькими строенными налепами (рис. 6, *1*). Два кубка из землянки № 6 под горловиной украшены с трех сторон налепами. Найдены

[7] А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени..., стр. 97—99, рис. 2—4.

были в землянках и миски, не встреченные ранее в землянках. Миски эти, довольно глубокие, с сильно отогнутым наружу краем (рис. 5, *3*), обычно не орнаментированы. От белогрудовских мисок и блюд они отличаются большей крутизной стенок [8]. В заключение описания посуды из

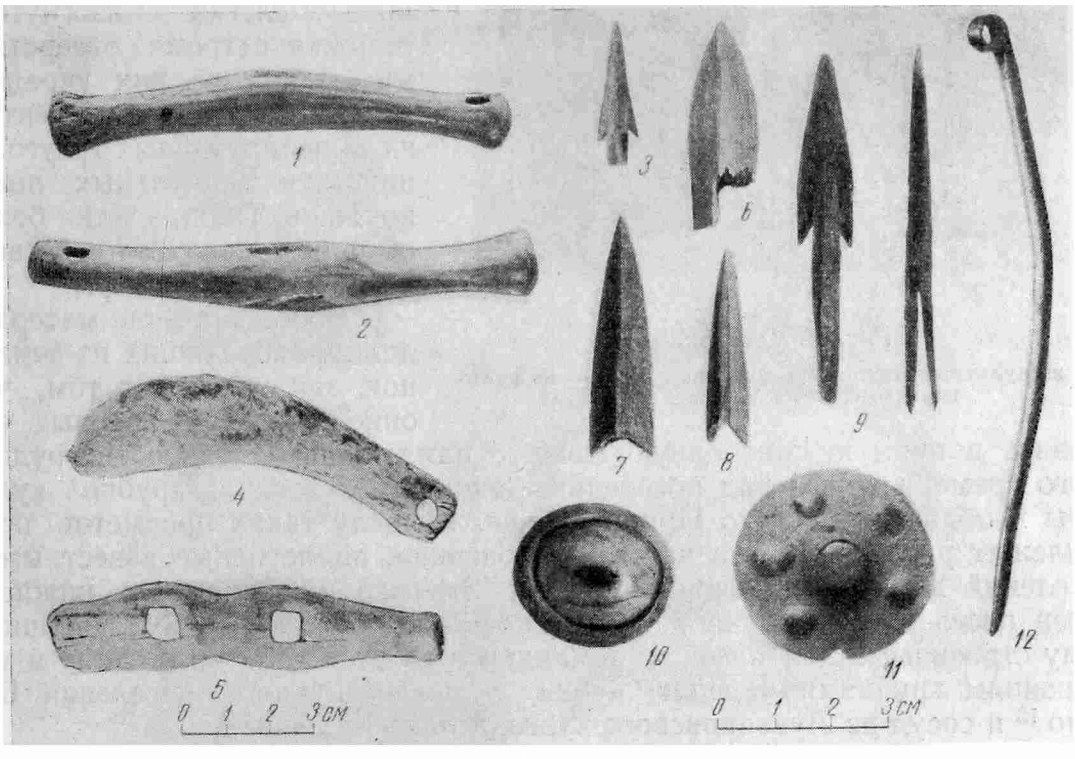


Рис. 7

1, 2, 4, 5 — роговые псалии (*1, 2* — из землянки № 6; *4, 5* — из раскопа VII); *3, 6—9* — роговые наконечники стрел (*3* — из землянки № 6; *6—9* — из культурных слоев); *10* — роговая бляшка(случайная находка); *11* — бронзовая бляшка (из культурного слоя); *12* — бронзовая булавка (из культурного слоя на VII раскопе)

землянок нам остается еще упомянуть о находках в них небольшого количества обломков особых прямостенных «жаровенок», разрезанных иногда на части еще до обжига (рис. 6, *4*). Находки эти, как увидим ниже, интересны по аналогиям в памятниках срубной культуры.

Вся описанная керамика генетически связана с белогрудовской и во многих случаях практически от нее ничем не отличается. Ее можно отнести или к заключительной фазе развития белогрудовской или к началу собственно чернолесской ступени предскифской культуры.

Непосредственная преемственность от белогрудовской культуры прослеживается и по другим находкам из землянок. К числу таких предметов относятся упоминавшиеся выше обломки шлифованных каменных проушных топоров и кремневые вкладыши для серпов. Сравнительно с белогрудовскими памятниками на Уманщине количество каменных орудий из землянок очень невелико; очевидно, в это время они уже начинали исчезать из производства и употребления. Обычными для белогрудовской культуры являются находки в землянках костяных шильев, сделанных из трубчатых костей козы или овцы. Узкий пластинчатый бронзовый браслет, найденный в землянке № 6, одинаков с браслетом, происходящим с белогрудовского поселения у с. Собковки в районе г. Умани [9].

Новыми для белогрудовской культуры здесь, в сущности, являются костяной наконечник стрелы и псалии из землянки № 6. Наконечник стрелы черешковый, с жалом треугольной формы, имеющим приостренные кон-

[8] А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955, стр. 12, рис. 2, 6.

[9] С. С. Березанська і Г. Т. Тітенко. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. Археологія, т. IX, 1954, стр. 125, рис. *3, 1*.

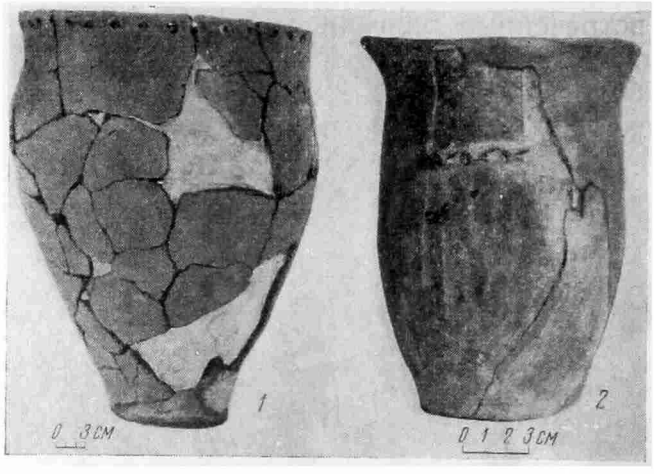


Рис. 8. Сосуды

1 — из культурного слоя на IV раскопе; *2* — из культурного слоя на VII раскопе

цы (рис. 7, *3*). Псалии не парные, но они найдены вместе; очевидно, они происходят от одной узды (рис. 7, *1*, *2*). Они одинаковы по типу в виде слегка изогнутого стержня с тремя отверстиями; один из них украшен тонким резным орнаментом из заштрихованных треугольников и циркульных полукружков. Такие псалии более обычны только для собственно чернолесской поры.

Особое значение материалов, происходящих из землянок, заключается в том, что они позволяют впервые поставить в прямую синхронную связь с памятниками позднебелогрудовского времени целый ряд поселений конца существования срубной культуры в области Нижнего Приднепровья. К числу таких предметов принадлежат разрезанные на части «жаровенки», аналогичные известным с поселений Бабино [10], Нижний Рогачик, Змеевка и верхнего и нижнего слоев поселения Ушкалка в Херсонской области [11]. К кубку, украшенному строенными налепами, из землянки № 5 очень близки по типу и украшениям группами налепов кубки с позднесрубного поселения Бабино [12] и сосуд из Лукьяновского кургана близ Каховки [13].

К верхнему ярусу культурного слоя, соответствующему собственно чернолесскому времени, относятся зольно-земляные скопления, заполнявшие впадины над ямами древних землянок, участки между ними и большинство различных хозяйственных ям. В этом ярусе, между жилищами, культурные остатки верхнего и нижнего ярусов встречаются в перемешанном состоянии. В силу этого не всегда можно уверенно сказать о древности того или иного предмета. Жилища, относящиеся к верхнему ярусу, имели вид наземных построек с глинобитными полами, но они почти не сохранились; в большинстве случаев места этих жилищ отмечаются лишь сильно обожженными глиняными основаниями очагов.

Из верхнего яруса культурного слоя происходит много обломков простых горшков, целые сосуды встречаются редко. Их формы варьируют от тюльпановидных сосудов до корчаг с хорошо обозначенным горлом и сильно выпуклым корпусом, украшенным, как это обычно для чернолесской поры, проколами по краю и валиками на плечиках, расчлененными ямками (рис. 8, *2*). Из целых сосудов интересен высокий крупный «тюльпановидный» сосуд с проколами по краю (рис. 8, *1*). Несомненно, несколько позднее возникли сосуды боченковидной формы с коротким отогнутым наружу краем, подобные часто встречающимся в памятниках раннего скифского времени в Поднепровье. В одном таком сосуде (рис. 9, *7*) находился клад бронзовых украшений. Довольно сильно выделяется из числа обычных один сосуд, найденный в хозяйственной яме рядом с землянкой № 7 в сопровождении других чернолесских керамических материалов. Сосуд этот имеет небольшие отогнутые наружу края и выпуклые,

---

[10] В. А. Ильинская, Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино, КСИА, вып. 5, 1955, стр. 19 и сл., табл. 1, *2*.

[11] Д. Я. Телегин. Отчет о раскопках поселения в с. Ушкалке, Херсонской области, в 1954 г. Научный архив Института археологии АН УССР.

[12] В. А. Ильинская. Поселения времени поздней бронзы..., рис. 1, *1*.

[13] І. Фабриціус, Ціліндрошийний посуд. Літопис музею 1927—28. Херсон, 1929, стр. 40, табл. IV, рис. 14.

высоко поставленные плечики. Он украшен по плечикам и стенкам (до дна) тремя рядами насечек, нанесенных концом палочки (рис. 10, *А*).

Много найдено обломков различной лощеной посуды с интересными орнаментами (рис. 10, *В*). Встречены обломки больших сосудов виллановского типа, украшенных крупными коническими налепами с отделкой желобчатыми концентрическими полукругами [14]. На сосудах встречается

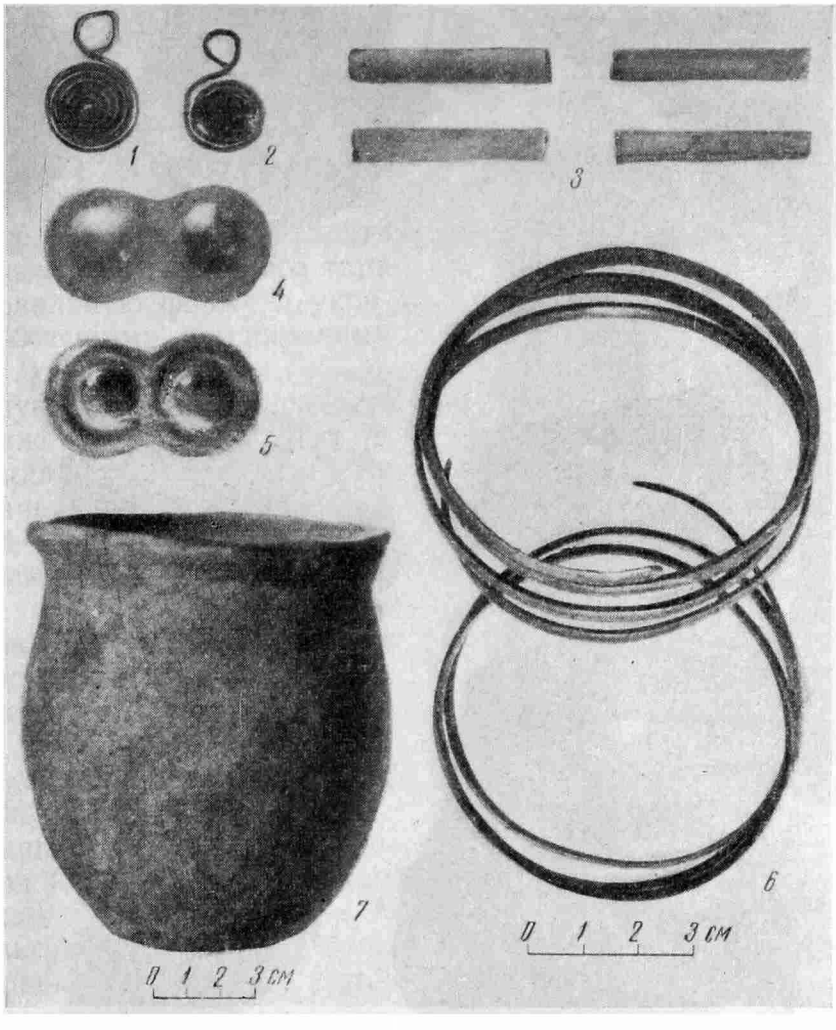


Рис. 9. Предметы из клада III раскопа

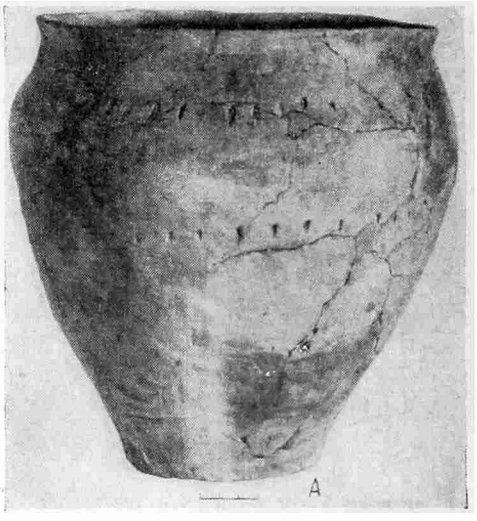
1 — бронзовое височное кольцо; *2* — бронзовое височное кольцо с железным глазком; *3* — бронзовые пронизи; *4, 5* — бронзовые бляшки; *6* — бронзовые браслеты; *7* — сосуд, в котором находился клад

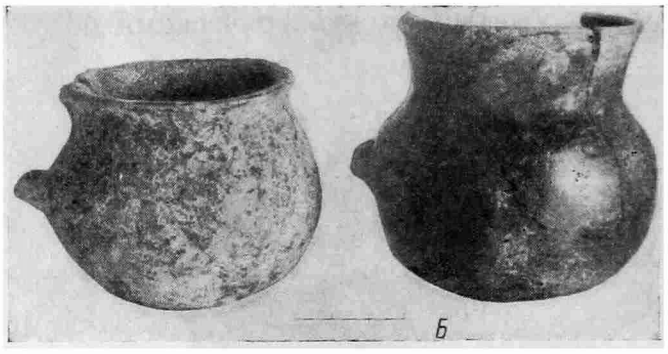
орнамент, нанесенный нарезками, крупным и мелким зубчатым штампом и штампами в виде буквы «S», крестика, вписанного в кружочек, и концентрических кружков.

Небольшую и все еще недостаточно хорошо выявленную для чернолесской культуры группу составляют черпаки. Над землянкой № 7 были найдены два черпака с обломанными ручками (рис. 10, *Б*). В нескольких местах были найдены ручки с выступом наверху в виде плоского полуовального щитка. Не исключено их происхождение от двуручных кубков, широко распространенных в культурах бронзового века к западу от Днепра (комаровская, позднесрубная). Интересны обломки глиняных кружечек с кольцевидной ручкой ниже края.

Все миски, найденные только в обломках, имеют форму, обычную для чернолесской культуры, т. е. коническую с прямым или слегка вогнутым внутрь краем. Изредка миски орнаментировались снаружи по краю рядом

[14] О. І. Тереножкін. Розвідкі і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровградськоі області. Археологія, т. VII, 1952, стр. 123, рис. 7.





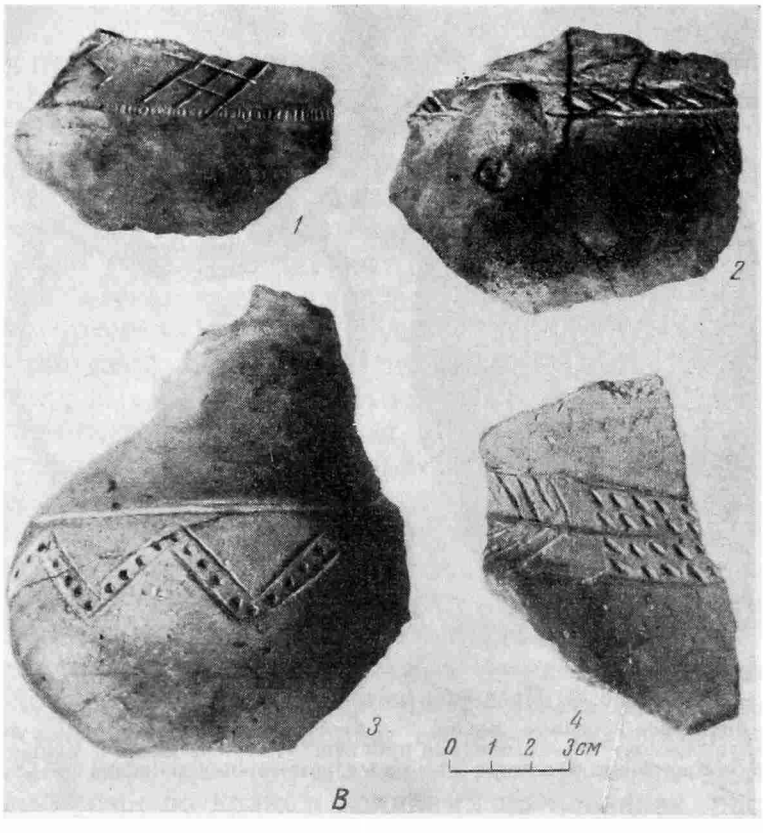


Рис. 10

А — сосуд из ямы около землянки № 7: *Б* — черпаки из культурного слоя под землянкой № 7: *В* — обломки лощеной чернолесской керамики

ямок, косыми желобками, косыми линиями зубчатого чекана или рядом S-образных штампов на боках.

В 1950—1951 гг. на Субботовском городище было найдено множество обломков глиняных форм для отливки украшений. Они позволили совершенно твердо установить, что ранее не приуроченные к какой-либо археологической культуре особые бронзовые браслеты со своеобразным спиральным и геометрическим орнаментом, известные по находкам исключительно из области Днепровского Правобережья, принадлежат к чернолесской культуре [15]. Все они до той поры имели только случайное проис-

[15] А. И. Тереножкин. Поселения и городища..., стр. 87 и сл., рис. 27—29; его же. Культура предскифского времени..., стр. 102, рис. 10.

хождение. В 1955 г. такие браслеты удалось найти и при раскопках на Субботовском городище. Так, половина сильно потертого в древности браслета нашлась в яме около землянки № 7, а два целых браслета отличной сохранности оказались в составе небольшого клада, обнаруженного близ северного края землянки № 4. Браслеты в кладе лежали на ребре один над другим, в них был вставлен бронзовый кельт, а в 20 *см* от них находилось целое железное тесло. Браслеты эти имеют обычную для данного типа изделий овальную форму и украшены бегущими спиралями (рис. 11, *1*).

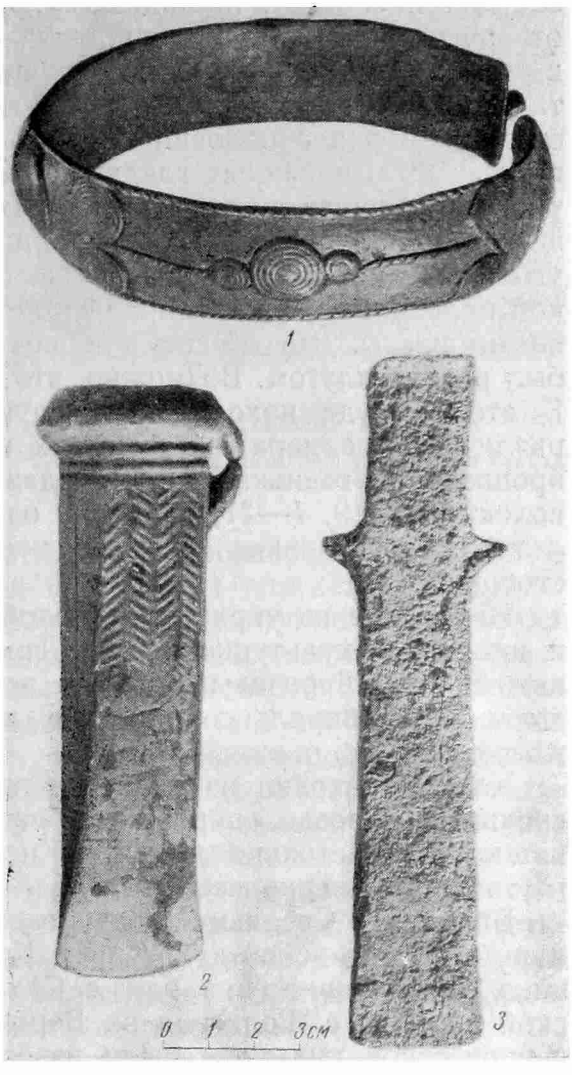


Рис. 11. Предметы из клада IV раскопа

1 — бронзовый браслет; *2* — бронзовый кельт; *3* — железное тесло

Большую научную ценность имеет также бронзовый кельт из данного клада. Кельт одноушковый, длинный с круглой втулкой, в верхней части украшен елочным орнаментом (рис. 11, *2*). Значение этой находки определяется тем, что она впервые дала возможность связать с чернолесской культурой большую серию подобных же изящных кельтов с елочным орнаментом, известных ранее лишь по случайным находкам, концентрирующимся преимущественно в Днепровском лесостепном Правобережье [16]. А. М. Тальгрен еще четверть века назад оценил типичность этой формы, локально связал ее с территорией Украины и решительно отверг мысль об ее импорте с Запада, хотя и отметил для нее некоторые черты, связывающие ее с кельтами Северной и Средней Европы. Т. Сулимирский, пытаясь доказать существование лужицкой экспансии на Украине, определяет эти кельты как «лужицко-украинские». Морфологический анализ убеждает нас в том, что кельты эти являются самостоятельными по форме и орнаментации и связаны с развитием культуры древних племен Среднего Поднепровья.

Тесло из клада является единственным железным орудием, найденным на городище, которое, без всяких сомнений, можно отнести к чернолесской поре. Тесло (рис. 11,*3*) долотовидной формы, снабжено боковыми выступами, сохранность его очень хорошая. Как известно, подобного рода тесла были широко распространены в гальштатскую эпоху в Западной Европе; известны отдельные находки их в памятниках скифского времени на Среднем Поднепровье. Тесло с Субботовского городища важно и тем, что оно является первым железным орудием, происходящим из раскопок предскифского памятника в данной части Поднепровья, которые документируют время появления их на данной территории.

Возле землянки № 6 найден был другой клад, содержавший мелкие бронзовые украшения. Он находился в двух стоявших рядом глиняных

[16] Его же. Среднее Поднепровье в начале железного века, СА, 1957, № 2.

сосудах и состоял, по-видимому, из двух наборов, отличающихся один от другого деталями моделировки. В одном сосуде (рис. 9, *7*), стоявшем вверх дном, находились следующие предметы: три бронзовых браслета (рис. 9, *6*), скрученных по спирали из узкого, полуовального в разрезе стержня в два с половиной и три оборота; 25 различных по размерам парных штампованных гладких бляшек (рис. 9, *4*), прикреплявшихся на уборе с помощью поперечно идущих ленточек, следы которых заметны на некоторых бляшках; 12 штук пронизей (рис. 9, *3*), свернутых из прямоугольных листочков бронзы; одна серьга или височная подвеска из тонкой проволоки в виде спирали с петлей вверху и 15 голубоватых бисеринок из пасты. Другой сосуд первоначально также стоял кверху дном, но был разбит плугом. Возможно, что часть вещей из него могла исчезнуть. В этом сосуде находились следующие предметы: 17 парных бляшек различного размера и различных штампов (рис. 9, *5*), семь бронзовых пронизей, коротенькая пронизь; два спиральных височных кольца из проволоки (рис. 9, *1—2*), причем у одного из них в спираль вставлена железная пластиночка, «глазок», концы которой загнуты на внутренней стороне.

Некоторые из украшений, подобных найденным в кладе, встречались и просто в культурном слое. Так, в разных местах были найдены пять парных бронзовых бляшек, несколько пронизей из листочков бронзы и одно спиральное височное кольцо с бронзовым же выпуклым глазком.

Клад и находки из культурного слоя позволили установить, что несколько бронзовых спиральных браслетов из Среднего Поднепровья, хранящихся в настоящее время в Киевском историческом музее, относятся в основном к чернолесской поре.

Впервые в Среднем Поднепровье найдены парные бляшки, известные для кизил-кобинской культуры в Крыму, а также в находках из могильника VII—VI вв. до н. э. близ с. Сахарны в Молдавии и в кладе гальштатской поры из с. Голиград на Верхнем Днестре. Бронзовые пронизи для чернолесской культуры были известны по кладу вещей из с. Залевок, Смелянского района, Черкасской области [17]. Односпиральные височные кольца находят себе аналогию в предскифском кургане у с. Гуляй-городка (курган № 52) того же района, описанном Е. Ф. Покровской [18].

Среди других бронзовых изделий, найденных просто в культурном слое, интересна короткая булавка (рис. 7,*12*) с уплощенной и закрученной в один виток головкой, находки которых отмечались в Поднепровье для памятников жаботинского типа раннескифского времени [19], но, вообще говоря, имели в эту эпоху самое широкое распространение в различных культурах. Новыми для чернолесской культуры являются кольцо из узкой бронзовой пластинки, закрученной в два оборота, и узкопластинчатый браслет с несомкнутыми концами.

Два бронзовых украшения происходят от уздечных наборов. Одно украшение представляет собой лунницу с петлей на обратной стороне. Другое украшение (рис. 7, *11*) имеет вид конической бляхи с выпуклиной в середине и шестью мелкими выпуклинами по краю; на обратной стороне бляха снабжена петлей для ремня. Бронзовые бляхи подобного типа известны нам в дунайском гальштате, например по находке в упомянутом выше кладе из Голиград [20].

---

[17] П. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в бассейні річок Росі і Тясмину. Археологічні пам'ятки, т. I, Київ, 1949, стр. 230, рис. 7, *7—12*.

[18] Е. Ф. Покровська. Кургани передскіфського часу в бассейні р. Тясмин. Археологія, т. VIII, 1953, стр. 135, рис. 3, *5*.

[19] М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботина, Кировградской обл. КСИА, вып. 1, 1952, стр. 60, рис. 2, *3*.

[20] K. Żurowski. Zabytki brązowe z molodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. Przegląd archeologiczny, т. VIII, Poznan, 1949, табл. XXXVIII, *3*.

Новые раскопки дали сравнительно небольшое количество материалов по бронзолитейному производству чернолесского времени. Имеются обломки глиняных литейных форм для широких пластинчатых браслетов с бляшковидным запором, обломки цилиндрического тигля с округленным дном, несколько своеобразных льячек в виде челнока с отверстием в дне и большая глиняная воронка со следами повторного обжига металлом (?) внутри (рис. 12, *2*).

Рис. 12. Изделия из глины

1 — вкладыш от литейной формы для кельта; *2* — воронка

Наиболее интересными новыми находками, относящимися к бронзолитейному производству, являются керамические, пробковидные вкладыши (рис. 12, *1*) для кельта или другого орудия, вставлявшиеся сверху в форму полости втулки [21]. Два таких фрагментированных вкладыша были найдены в хозяйственной яме к северу от землянки № 3. Обломки подобных же вкладышей были найдены на Субботовском городище еще при раскопках в 1951 г., но оставались до сих пор не опознанными. Обычность находок такого рода вкладышей для форм показывает, что на Субботовском городище отливались не только украшения, но и крупные орудия, в том числе и кельты днепровского типа с елочным орнаментом.

Наконец, в культурном слое был найден обломок каменной формы для отливки кельтов. Судя по ней, кельты эти были одноушковые, шестигранные в разрезе, с арочковидным рельефом на широкой стороне. Вероятнее всего, этот обломок по форме кельта следует отнести к белогрудовскому, а не к собственно чернолесскому слою городища [22].

Чернолесское время отмечено широким использованием кости в качестве материала для изготовления самых различных изделий. Верхний ярус культурного слоя дал небольшое количество костяных шильев и проколок. Имеются мотыги, сделанные из костей и рогов благородного оленя. Пополнился набор костяных наконечников стрел тех же типов, уже известных для чернолесской культуры по предыдущим раскопкам (рис. 7, *6—9*). Среди них преобладают втульчатые, ромбические в разрезе наконечники (пять экз.). Имеется один листовидный наконечник с приостренными, опущенными вниз концами и вильчатым черешком.

Костяные и роговые изделия от уздечки представлены тремя фрагментированными псалиями и четырьмя бляшками. Два псалия, с тремя параллельными отверстиями, несколько различаются между собой по внешнему виду. Один псалий представляет собой прямой стержень с овальными отверстиями в середине и по концам (один конец обломан, крайнее отверстие сделано позднее ближе к середине). Другой псалий (рис. 7, *5*) сделан с тремя утолщениями в средней части с квадратными отверстиями в каждом. От третьего псалия сохранилась половина (рис. 7, *4*). Он отличается сильной изогнутостью и имеет в середине одно большое овальное отверстие, а по концам маленькие поперечные круглые отверстия. По форме и расположению отверстий этот псалий ближе всего напоминает раннегальштатские роговые псалии Западной Европы [23] (периода A и B,

[21] Назначение этих вкладышей было выяснено В. Н. Даниленко, которому, пользуясь случаем, выражаем свою благодарность.

[22] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века, СА, 1957, № 2, стр. 48.

[23] A. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du bassin des Carpathes. Acta archaeologica, т. III, Budapest, 1953, стр. 86.

по П. Рейнеке). Одна бляшка от узды более крупная, круглая и выпуклая с двумя петлями на обратной стороне. Остальные три бляшки овальные, из них две по наружной стороне вдоль края украшены желобком (рис. 7, *10*), на обратной стороне имеют пару отверстий для прикрепления.

Кроме того, найдены и другие костяные изделия; пряслица из эпифизов, обточенные овальные пластинки, подвески-амулеты, сделанные из крупных сколов от клыка кабана, булавки с лопаточковидным верхним концом, пронизи из птичьих костей и т. д.

Чобы закончить перечень предметов, найденных при раскопках, нам остается еще упомянуть про различные мелкие керамические изделия, среди которых имеется почти целая фигура коня, головка от такой же фигурки, несколько пряслиц и миниатюрных сосудиков. В раскопках найдены различные терочники из камней твердых пород, зернотерки, точильные камни. В хозяйственной яме к северу от землянки № 3 были найдены две полные ручные зернотерки с верхними камнями, лежавшие стопкой одна над другой.

Результаты раскопок 1955 г. на Субботовском городище дали много новых археологических материалов, позволяющих значительно углубить изучение предскифского периода в Среднем Поднепровье. Уточнилась стратиграфия культурных наслоений; при этом определенно выяснилось, что нижний ярус этих наслоений, лучше всего представленный землянками, соответствует переходу от белогрудовской к чернолесской ступени предскифского периода в развитии местной культуры. Этот нижний ярус оказался в некоторой синхронной связи с рядом позднесрубных поселений на Нижнем Днепре и может быть датирован IX—VIII вв. до н. э. Отчетливее выяснился облик чернолесской культуры. Особенно большую роль в этом сыграли новые замечательные находки металлических изделий, впервые давшие возможность подойти к научному использованию самых различных материалов позднего бронзового века, накопившихся в наших музеях из случайных сборов в Среднем Поднепровье.

В заключение упомянем о результатах небольших разведок, произведенных экспедицией в бассейне р. Тясмина. Около с. Ивановки (б. Яныч) обнаружено ранее неизвестное маленькое городище чернолесского времени, имеющее очень типичную планировку и устройство на береговом мысе, обведенном с напольной стороны двойной системой валов и рвов. Там же открыто раннескифское (жаботинского типа) поселение. Рядом с с. Субботовым открыто поселение позднескифской поры. На могильнике зарубинецкой культуры, расположенном в западном конце этого села, напротив городища, мы раскопали одно женское погребение с трупосожжением в урне. На окраине Чигирина зарегистрирован случай находки скорченного захоронения с каменным проушным шлифованным топором. Экспедиция дополнительно обследовала несколько чернолесских городищ, открытых в предыдущие годы: Полудневское, Лубинецкое, Головятинское и Залевкинское. Близ Полудневского городища обнаружено нарушенное при прокладке дороги урновое захоронение с трупосожжением чернолесского времени. Экспедиция побывала на Матронинском городище, на поселении раннескифского времени у с. Жаботина на Тарасовой горе и одновременных с ним поселении и могильнике на р. Тенетинке. Около с. Мельников было обследовано ранее неизвестное городище скифской поры.

И. М. ЛОСЕВА

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРЯДА ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА НА ХОЛМЕ АРИН-БЕРД

В 1955—1956 гг. на вершине Арин-берда продолжались раскопки дворцового ансамбля, раскрытого в предшествующие годы в юго-западной части крепости городища Еребуни (рис. 1) [1]. Систематические археологические исследования здесь производятся отрядом Гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина с 1952 г.[2]

Согласно данным клинописных источников (Ван, Арин-берд), г. Ирпуни (Еребуни) был основан урартским правителем Аргишти I (781—760 гг. до н. э.) «для могущества страны Биаинили (и) для усмирения (?) вражеской страны».

На Арин-берде была обнаружена и часть клинообразной надписи сына Аргишти — Сардури II (760—730 гг. до н. э.).

Вполне естественно, что именно здесь, на пути, ведущем из Араратской долины к побережью оз. Севан, и был основан этот мощный опорный пункт урартских правителей VIII в. до н. э., который должен был служить основной базой для их военных походов в борьбе за продвижение к оз. Севан.

Раскопками 1952—1956 гг. подтверждается важность Ирпуни как крупного административного центра Урарту в Закавказье в первой половине VIII в. до н. э., т. е. в период нарастающего подъема урартского государства. Кроме того, они дают и существенные данные для изучения исторических судеб этого городища, жизнь в котором продолжалась, видимо, вплоть до V в. до н. э. [3].

Помещения цитадели, открытые за три первых сезона работы, дали ряд величественных сооружений, вполне отвечающих значению Ирпуни (рис. 1, помещения №№ *1—6*).

Наибольший интерес представляет колонный зал (помещ. № 1), некогда украшенный полихромной росписью по фризу и являющийся центральной частью открытого комплекса. Здание представляет исключительную ценность как памятник, сохранивший архитектурные формы, не дошедшие до нас от других урартских центров (рис. 2).

Применение колонн в урартском зодчестве было неоднократно засвидетельствовано письменными источниками, изобразительным материалом и нахождением отдельных частей колонн, но сооружение в виде колонного зала — помещения, являющегося прототипом персидской аппаданы,— открыто впервые. Другим интересным зданием является башнеобразное строение (помещ. № 4), сооруженное посередине маленького дворика, сообщающегося с колонным залом и небольшой комнатой (помещ. № 3).

---

[1] И. М. Лосева. Раскопки урартской крепости города Ирпуни (Еребуни) на холме Арин-берд. Советское востоковедение, 1955, № 3, стр. 144—150.

[2] Экспедиция проводится совместно с Институтом истории АН СССР; с 1956 г. работают два отряда под общим руководством архитектора К. Л. Оганесяна; научный консультант чл.-корр. АН АрмССР Б. Б. Пиотровский. Начальник отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина И. М. Лосева.

[3] И. М. Лосева. Ук. соч., стр. 146—148.

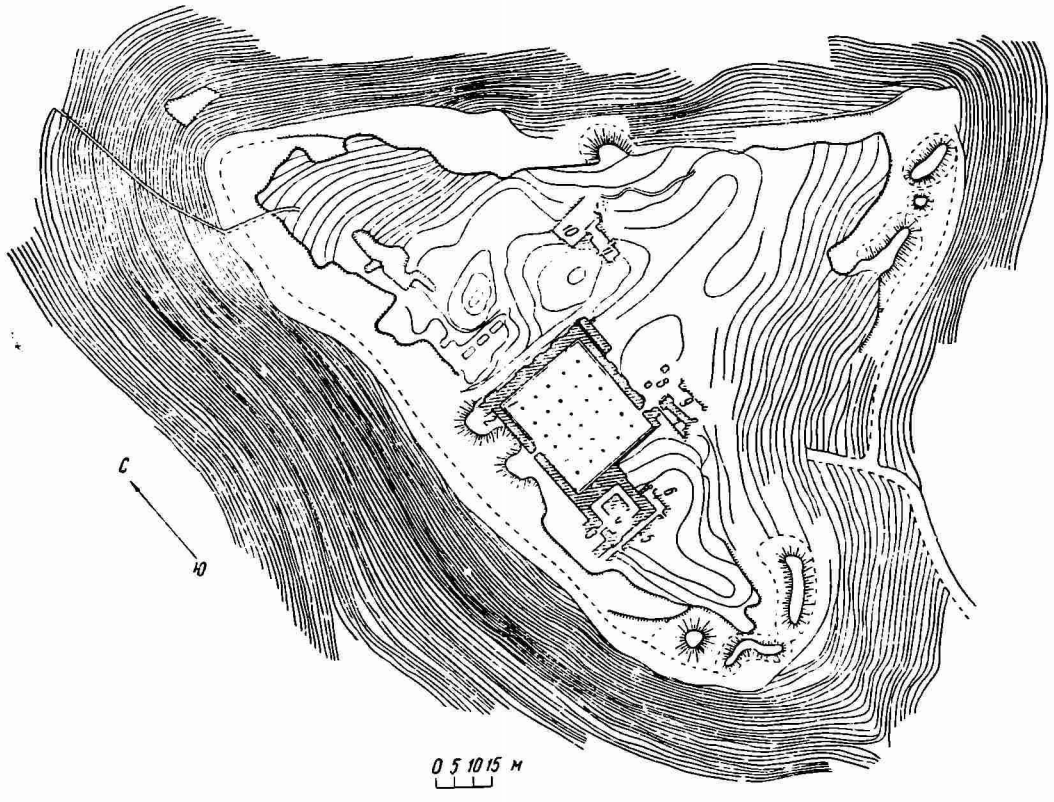


Рис. 1. План раскопок крепости городища Еребуни на вершине холма Ариннберд (цифрами обозначены вскрытые помещения)

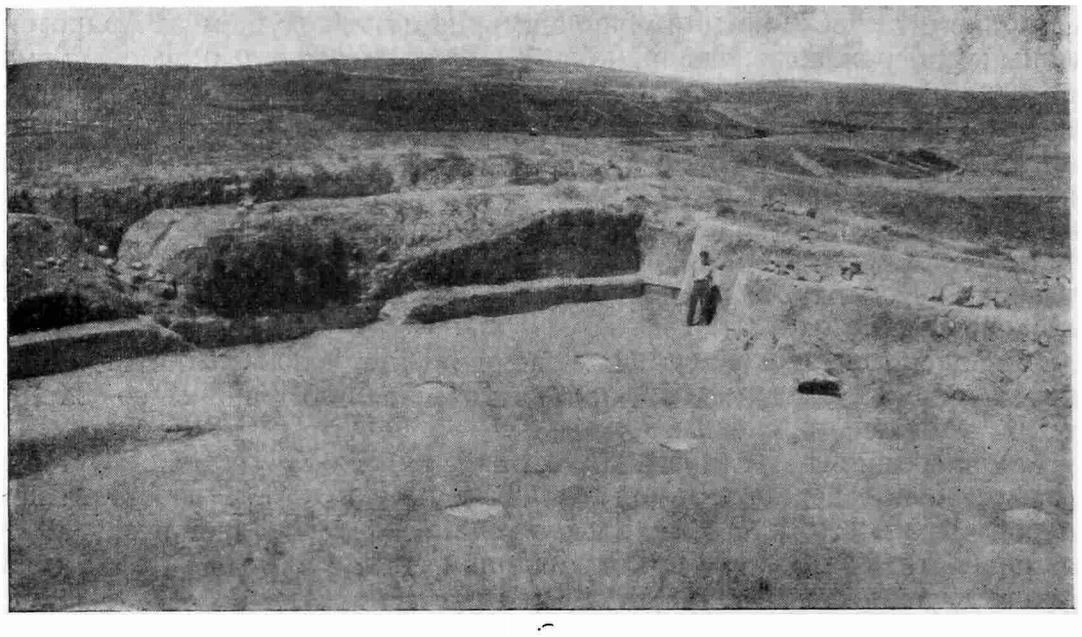


Рис. 2. Колонный зал. Северо-восточный угол

Сырцовое основание этого здания сохранилось лишь на высоту около 3 *м*; внутри все заполнено землей. В центре оно имеет неглубокую нишу (возможно, для изображения божества). Таким образом, конструктивные особенности сооружения очень напоминают переднеазиатские «зиккураты» [4]. Здание, так же как внутренние стены дворика, сохранило остатки полихромной росписи. За южной стеной дворика вскрыт узкий проход, ограниченный с другой стороны стеной еще не исследованного монументального сооружения (рис. 3).

[4] И. М. Лосева. Ук. соч., стр. 149.

За сезоны 1955 и 1956 гг. был доследован колонный зал и заложены новые раскопы для изучения примыкающих к нему сооружений. Кроме того, в северной части крепости была начата расчистка и исследование здания, обнаруженного во время разведывательных работ 1950 г. [5].

Доследование южной части колонного зала подтвердило наличие на всей площади зала колоннады с интервалами, общими для всех колонн (в среднем 4,20 *м*).

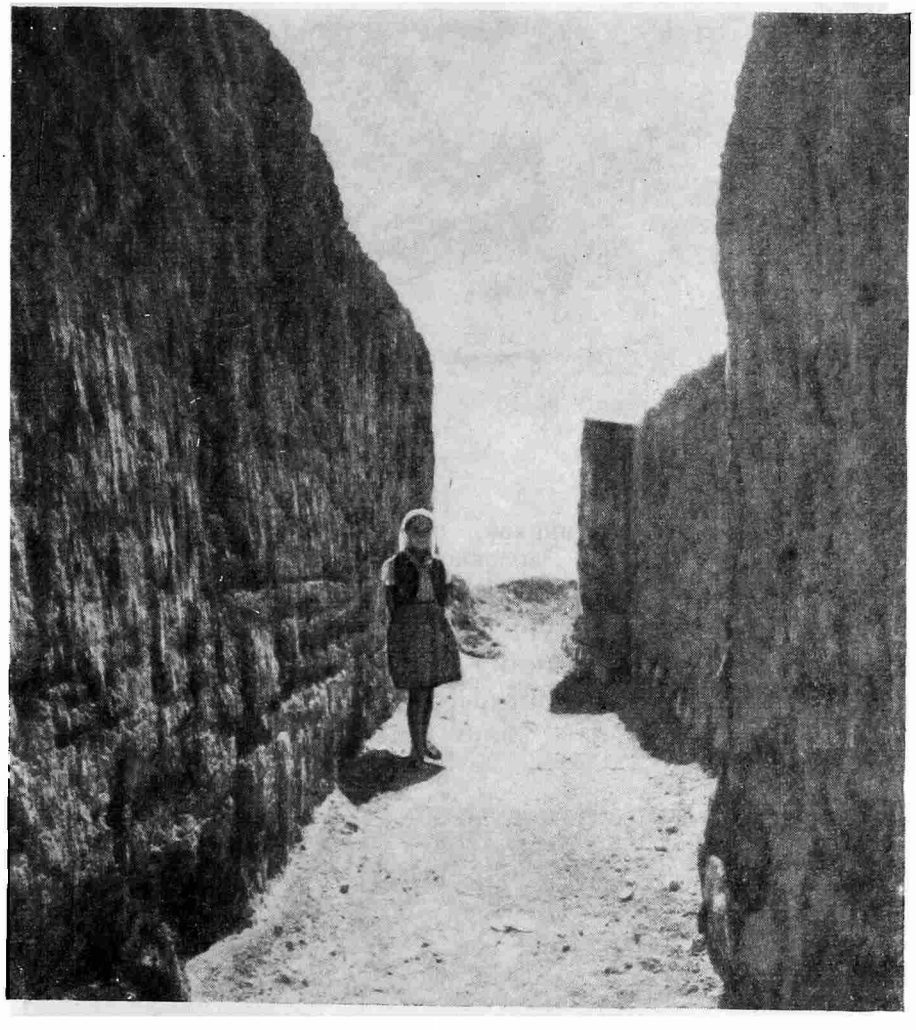


Рис. 3. Проход между южной стеной дворика башнеобразного строения и новым, еще не исследованным сооружением (помещ. № 5)

В настоящее время колонный зал раскрыт почти целиком. Открыто 24 фундамента колонн из 30 фундаментов, располагающихся в шесть рядов, по пять колонн в каждом ряду (рис. 1, помещ. № 1). Все фундаменты сооружены по единому принципу, т. е. имеют большой прекрасно обработанный центральный квадр, обложенный более мелкими камнями и забутовкой. Как и всюду, фундаменты сверху покрыты обмазкой пола [6].

Кроме колоннады, была выявлена и глинобитная скамья, продолжающаяся также и в южной части колонного зала. Оформление скамьи с простым прямоугольным профилирующим карнизом и ее размеры совершенно такие же, как у открытой в северной части зала [7], это является убедительным доказательством того, что единая скамья опоясывала весь зал.

---

[5] И. М. Лосева. Ук. соч., стр. 144.
[6] Там же, стр. 148.
[7] Там же, стр. 146.

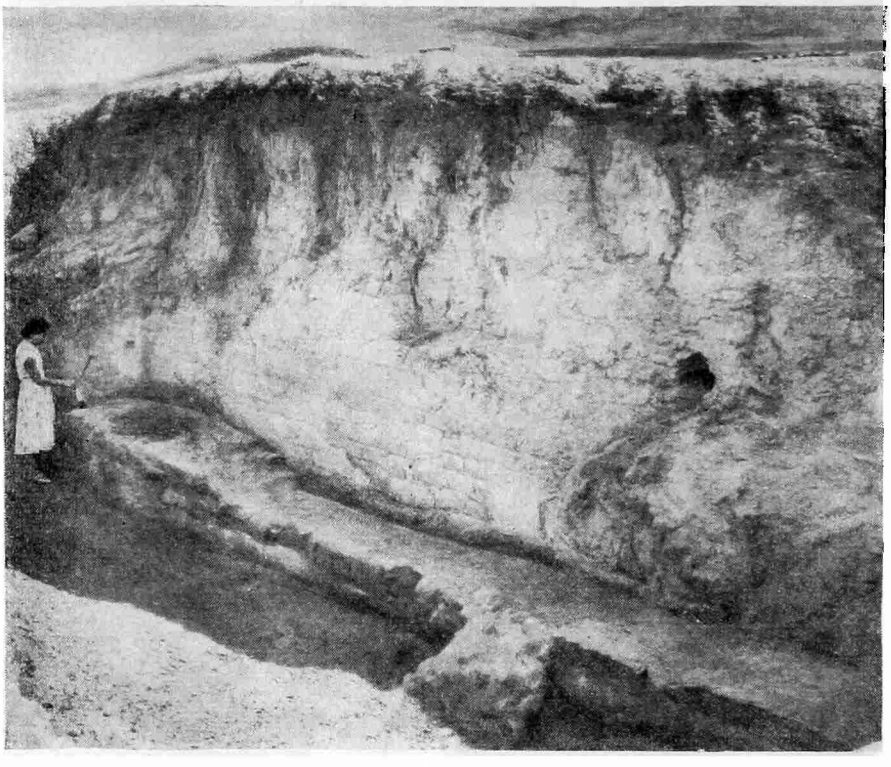


Рис. 4. Скамья с жертвенником, расположенная вдоль южной стены колонного зала

Почти в центре скамьи, идущей вдоль южной стены, был открыт своеобразный алтарь или жертвенник, длиной около 3 *м* (рис. 4). Он имеет ступенчатую форму (три ступени высотой около 10 *см* каждая). Его верхняя часть вся заполнена углем, золой и пеплом, в которых сохранились ча-

Рис. 5. Колодец водостока

стицы перегорелого металла. Часть обмазки стены, находящейся в центре жертвенника, была покрыта копотью, образующей черный след пирамидальной формы, который свидетельствует о длительном применении здесь огня. Таким образом, находка жертвенника еще раз подтверждает культовый характер исследуемого помещения.

Была доследована также часть канала (протяженностью 5,8 *м*), шедшего в направлении к центру зала от колодца водостока [8], скрытого под скамьей в западной стене зала (рис. 5). В двух местах канал оказался перегороженным поперечными плитами, разделявшими его как бы на отдельные отсеки. В среднем отсеке была обнаружена бронзовая щитовидная круглая бляшка (возможно, пуговица панциря; рис. 6, *7*), аналогичная найденной в 1952 г. в колодце водостока. Близкие ей встречаются как среди находок Кармир-блура, так и среди погребального инвентаря каменных ящиков в Южном Закавказье [9].

В центральной части зала найдены два бронзовых колечка змейкой, характерные для урартской и закавказской культуры (рис. 6, *1, 4*).

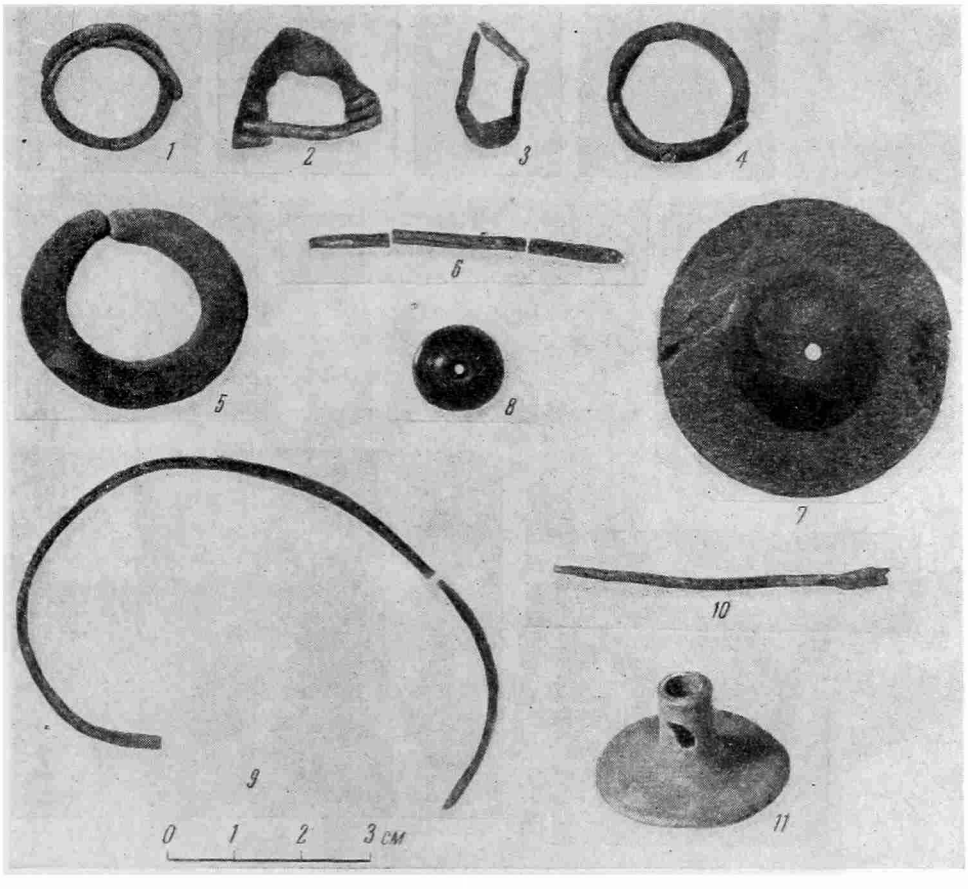


Рис. 6. Изделия из бронзы и камня

1, 4 — кольца; *2* — фибула; *3* — серьга («южная комната», помещ. № 7); *5* — мина; *6* — игла; *7* — бляшка (колонный зал, помещ. № 1); *8* — бусина сердоликовая (помещ. № 8). *9* — браслет; *10* — булавка; *11* — грузило(?) (помещ. №№ 10 и 11)

На всей раскрытой площади колонного зала были обнаружены фрагменты краснолощеных сосудов обычного урартского типа. Много сосудов из более грубой желтоватой глины, покрытых розовым ангобом, и из темно-серой глины, в большинстве случаев украшенных орнаментом насечкой (рис. 7). Было также извлечено большое количество мата, изготовленного из положенных крест-накрест полос тростника, а также остатки деревянных балок и тонких жердей, видимо, от перекрытия кровли. Кроме того, были раскрыты небольшие фрагменты цветной по ярко-голубому фону росписи, подобной по расцветке обнаруженным и в предшествующие годы в помещении № 2 (рис. 8), а также небольшое количество костных остатков, иногда лежавших вместе с угольками на скамье.

[8] И. М. Лосева. Ук. соч., стр. 147.

[9] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, М., 1911, табл. VIII, рис. *1, 4*.

В юго-восточном углу колонного зала, в верхнем слое (почти на поверхности), была обнаружена часть удил не урартского происхождения (рис. 9). По предварительному заключению Б. Б. Пиотровского и А. А. Иессена, удила эти, вероятнее всего, иранского происхождения. Не исключена, однако, возможность принадлежности удил мидийским племенам. Наиболее близкой аналогией могут быть бронзовые удила Ахалгорийского клада [10]. Во всяком случае, факт этой находки несомненно представляет большой интерес, так как свидетельствует о присутствии в крепости Еребуни чужеземцев (возможно, иранского происхождения).

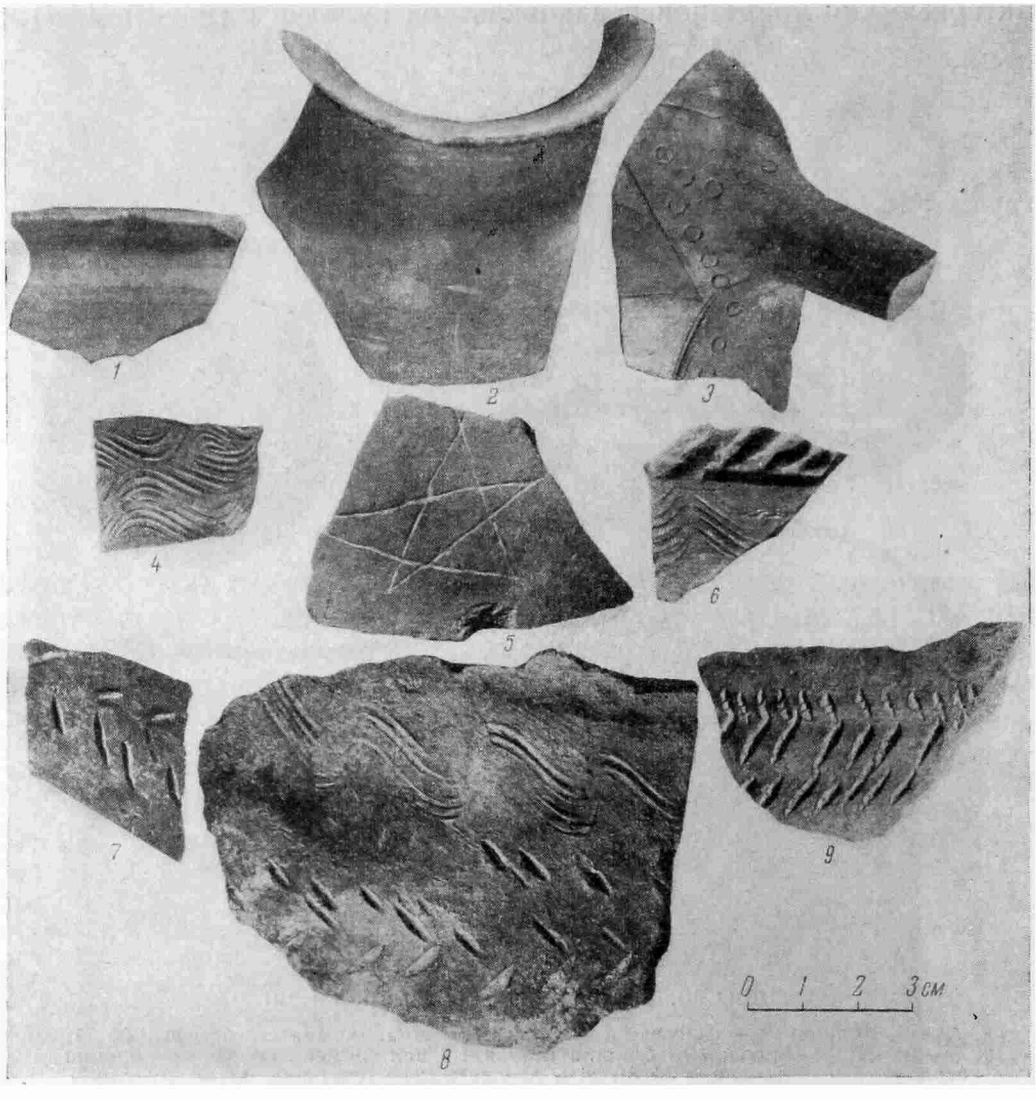


Рис. 7. Керамика из колонного зала

1—3 — фрагменты из желтой глины с розовым ангобом; *4—9* — фрагменты из темно-серой глины

В то же время находка этого предмета в самом верхнем слое говорит за то, что он относится к самому последнему периоду жизни крепости.

Одновременно с доследованием колонного зала проводились исследования юго-восточной части храмового участка у входа в колонный зал. Здесь было открыто несколько интересных помещений (рис. 1, помещ. №№ 7, 8, 9). В 1956 г. завершились работы по исследованию помещения № 7, условно названного «южной комнатой» (рис. 1, помещ. № 7).

Вход в это помещение, расположенный под углом к главному входу в

[10] Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад. Тбилиси, 1934, стр. 53, 54, 55 и особенно стр. 56, где воспроизводятся бронзовые удила, найденные близ Сурама.

колонный зал, своим наружным оформлением привлек наше внимание еще в предшествующие годы [11].

Напомню, что вход в колонный зал имел у северной притолоки небольшую глинобитную скамью с выступающим валиком на спинке, затрудняющим сидение, и, видимо, предназначенную для жертвоприношений. Такая же скамья (но без валика) была открыта и с восточной стороны входа в исследуемое ныне помещение. Таким образом, создавался гармоничный

Рис. 8. Фрагменты росписи

ансамбль входов, образующий юго-западный угол нового помещения, расположенного в непосредственной близости от колонного зала, но за его наружной стеной.

Раскопками было выяснено, что «южная комната» представляет собой помещение длиной в 8 *м*, в форме неправильного прямоугольника, сужающегося у входа (ширина 2,6 *м*) и расширяющегося в конце (3,6 *м*). Обращало на себя внимание, что его восточная и западная стены расположены с некоторым смещением от оси стен других помещений. Возможно, что здесь, как и в одной из ранее открытых комнат (рис. 1, помещ. № 6), использованы стены рядом стоящих зданий, отчего и образовалась такая асимметрия в планировке.

[11] И. М. Лосева. Ук. соч., стр. 150.

Раскопки показали, что западная стена комнаты была усилена сырцовой кладкой и, таким образом, ширина стены вместо 2 *м*, обычных для стен Еребуни, была доведена до 4 м. Эта последняя кладка образовала стену, идущую заподлицо с дверной притолокой и, таким образом закрыла северо-западный угол комнаты. В результате входная дверь оказалась не в центре северной стены, а смещенной в сторону, и северная стена получила таким образом очень ограниченные размеры и одностороннее протяжение лишь в восточном от двери направлении.

Все стены этой комнаты возведены из сырца на каменном цоколе.

Как цокольная часть, так и сырцовая покрыты слоями обмазки, из которых нижние — белого цвета, а два последних окрашены в серовато-голубой цвет, встречающийся в окраске стен и других помещений Еребуни

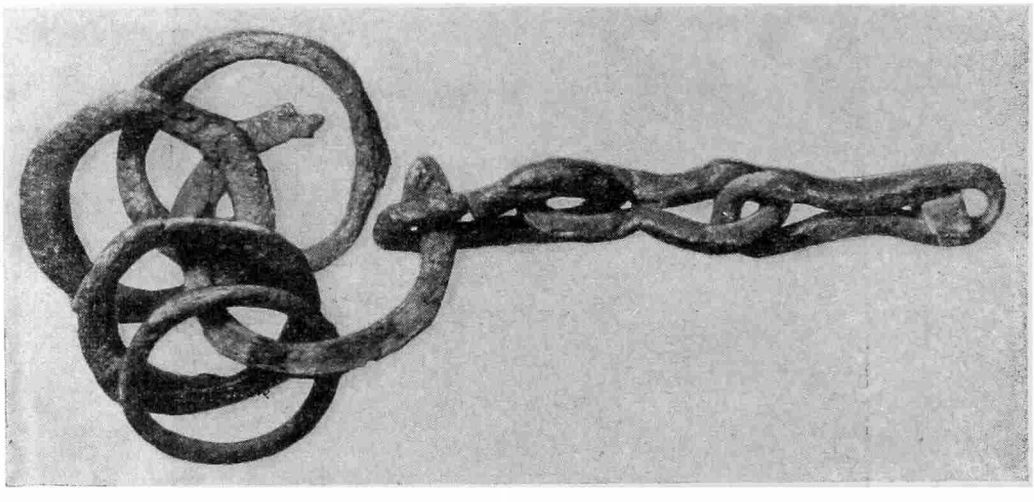


Рис. 9. Железные удила

(например, помещ. № 6). Цветовая обмазка здесь хорошо сохранилась и достигает местами до 2 *м* высоты.

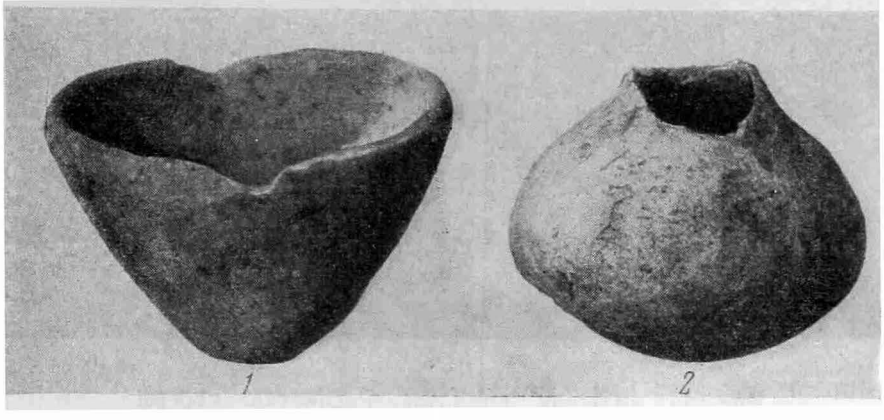
В ходе работ было отмечено, что в южной стене комнаты находился проем, заложенный мелкими камнями и землей.

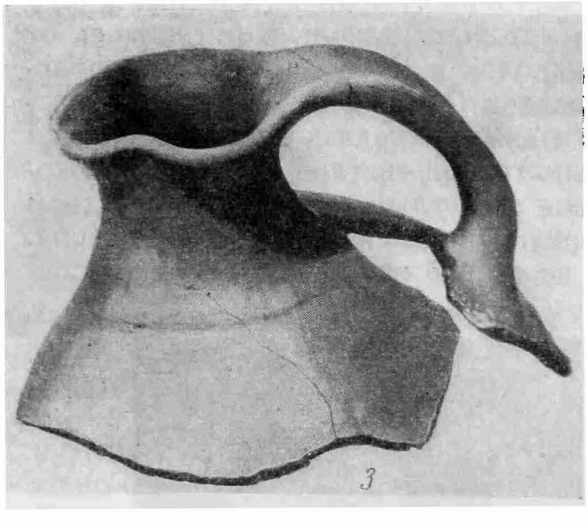
При расчистке комнаты у самой обмазки восточной стены, на глубине 1,5 *м* от верхнего края раскопа, были обнаружены бронзовая серьга и фибула (рис. 6, *3, 2*). С глубины 3 *м* от верхнего края раскопа начали обнаруживаться каменные глыбы, большое количество кусков битой посуды — как крупных карасов обычного урартского типа, так и различных мелких сосудов тонкой и грубой работы урартского и местного, закавказского типа.

Обломки посуды обычно лежали в грунте под каменными глыбами (почти всегда обработанными), прикрывая собой многочисленные костные остатки. Такая насыщенность костями, битой посудой и каменными глыбами, обнаруженными лишь начиная с определенной глубины, и такая строгая закономерность в их чередовании (кости под битой посудой, а сверху камень) среди такого, казалось бы, хаотического нагромождения наводили на мысль, что это не случайность. В Еребуни, в дворике башнеобразного строения (рис. 1, помещ. № 4) в 1954 г. под полом у стен был обнаружен завал камней (в основном крупного булыжника), видимо, необходимый для укрепления здания. Такой же завал (но из камней большего размера) нашел в 1955 г. Б. Б. Пиотровский в одной из кладовых Тейшебаини; но по характеру эти завалы резко отличаются от того, что было обнаружено в описываемой комнате. Здесь основным отличием было то, что в «южной комнате» камни были смешаны с культурным слоем. Как мы уже отмечали, среди камней было много костных остатков и обломков керамики, но, кроме того, там было много золы, угля, а на глубине 6 *м* от верхнего края

раскопа, у южной стены, были прослежены следы костра и кости рыбы. Рядом был найден небольшой глиняный сосуд (вероятно, тигель) и неподалеку от него другой маленький сосуд шарообразной формы (рис. 10, *1, 2*). Костер был разведен на глинобитном полу, ниже которого шел материк.

В результате полной расчистки южной стены стало очевидным, что проем сверху заполнен землей до 3 *м* высоты, а от верхнего края цоколя и до материка — камнями. Таким образом, эта каменная закладка являлась как бы искусственным продолжением цоколя.





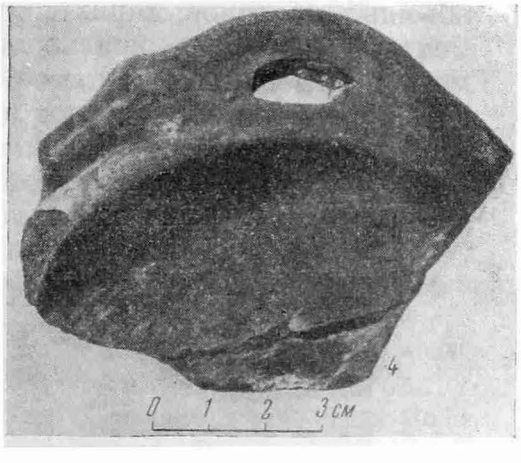


Рис. 10. Керамические изделия

1, 2 — тигель и сосуд из «южной комнаты»; *3* — фрагмент краснолощеного сосуда из «колодца» проема «южной комнаты»; *4* — часть сосуда с ручкой в виде стилизованной головы утки (помещ. № 10)

Мы оставили булыжную закладку проема со стороны комнаты нетронутой и засыпали этот участок землей для консервации.

В 1956 г. мы приступили к расчистке проема. Выяснилось, что здесь находилась не дверь, а «ниша» (рис. 11) протяжением 2 × 2 *м*, глубиной 6 *м*, окрашенная в такой же серо-голубой цвет, как и вся комната. В «нише» была обнаружена смятая бронзовая серьга, аналогичная найденной в 1955 г. в юго-восточном углу комнаты. С глубины 3 *м* от верхнего края раскопа слой оказался заполненным так же, как это было и в самой комнате, крупными камнями, фрагментами керамики, костями; встречалась и зола.

Существенный интерес представляет тот факт, что каменная закладка «ниши» дает совершенно ровную линию, образуя как бы еще одну стену. Таким образом, в цокольной части выявился своеобразный колодец, со всех четырех сторон заключенный в камень (рис. 12).

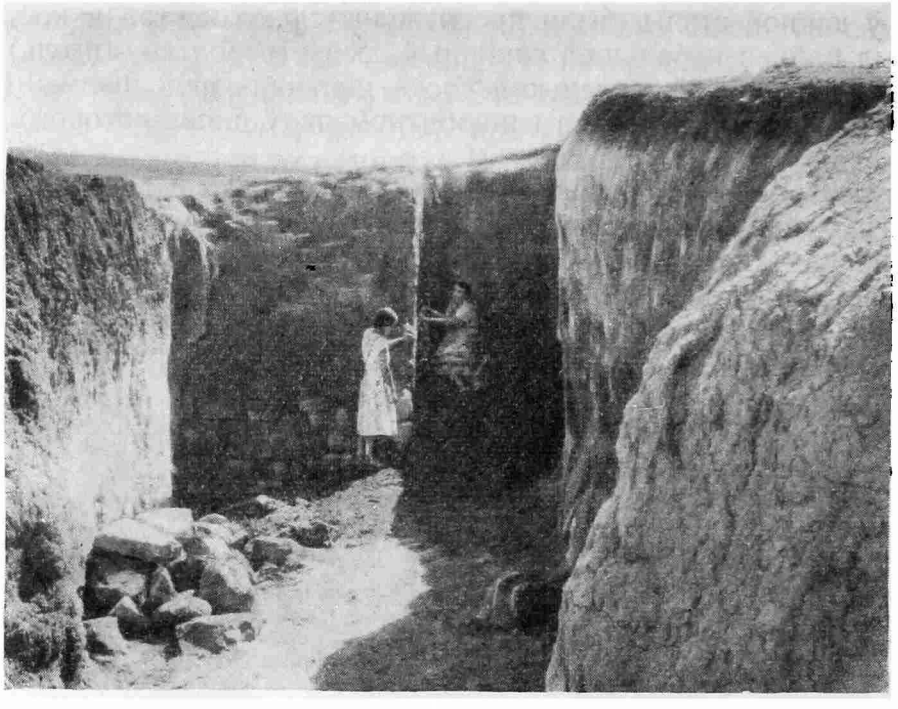


Рис. 11. «Южная комната». Расчистка проема

В земле, заполнявшей «колодец», были обнаружены интересные и разнообразные обломки посуды, часть из которых несколько отличалась от обычных образцов, характерных для находок в Еребуни. Отметим фрагменты тонкостенных краснолощеных сосудов (рис. 10, *3*), несколько фрагментов расписных сосудов из розовой глины со следами красной окраски и, наконец, обломки сосудов из довольно грубой светлой глины, среди которых обращало на себя внимание донце с круглым сквозным отверстием в центре. Возможно, что этот сосуд предназначался для хранения зерна. Были найдены также обломки посуды из черной глины, сохранившие сле-

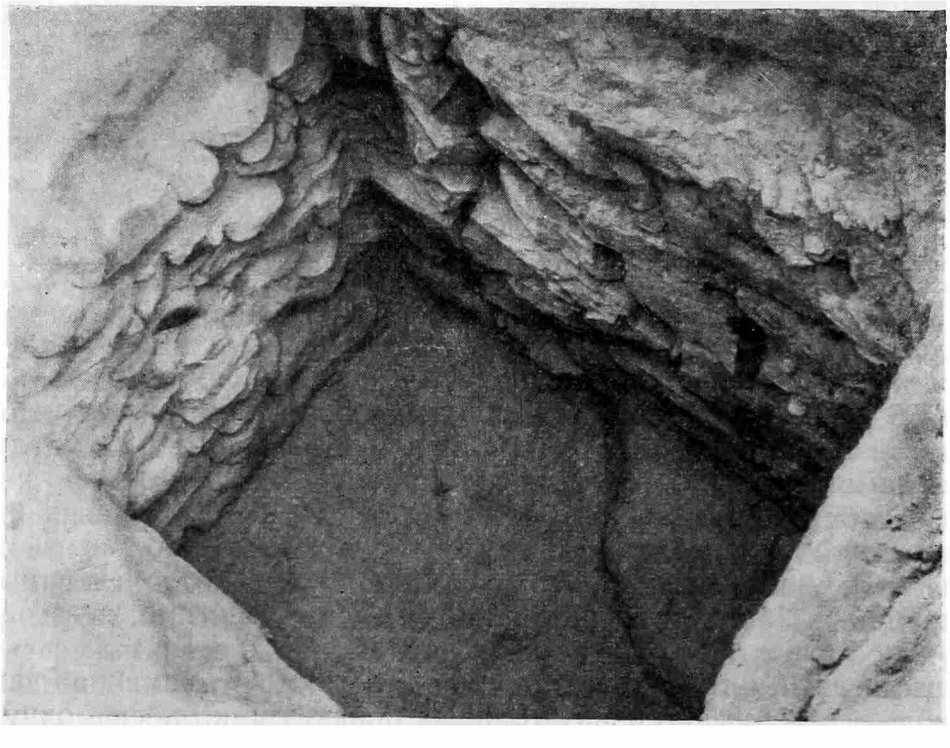


Рис. 12. «Колодец» проема «южной комнаты»

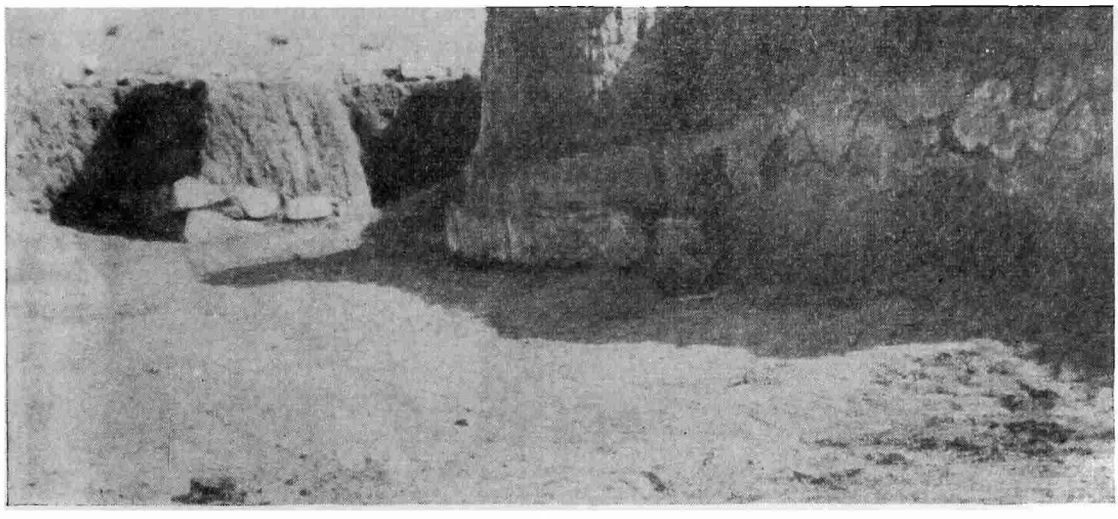


Рис. 13. Помещение № 9 (2-й и 3-й выступы и перегородка, идущая параллельно восточной стене «южной комнаты»)

ды нагара. Эти последние были орнаментированы насечкой, как и сосуды из колонного зала.

На глубине 6 *м* от верхнего края раскопа (на том же уровне, что и в самой комнате) был открыт пол. Ему предшествовало большое пятно перегноя, включающее и костные остатки. На полу было выявлено большое количество мата; возможно, пол был покрыт циновкой.

Костные остатки, обнаруженные в 1955 г. в «южной комнате», были определены в Зооветеринарном институте г. Еревана проф. С. М. Смиренским. Выяснилось, что подавляющее количество костей, найденных здесь, принадлежат овцам, козам и быкам. Кроме того, здесь оказалось несколько кабаньих (или свиных) голов. Факт наличия здесь большого количества костных остатков овец и быков, т. е. обычных для Урарту жертвенных животных (о чем известно из наскальной надписи, носящей название Мхер-капуси [12]), заставляет высказать предположение о культовом характере данного помещения. О том же свидетельствует и местонахождение его рядом с колонным залом и то единство в оформлении выходов, о котором мы уже говорили выше.

Раскопки участка, находящегося перед входами в колонный зал и «южную комнату», были начаты в 1956 г. На всей площади раскопа обнаружено большое количество древесных остатков (в основном балок) и мата. Эти находки наводили на мысль о том, что здесь должно быть закрытое помещение. Соседство с колонным залом побуждало думать, что и здесь может быть обнаружено такое же большое помещение, кровля которого поддерживается опорами. В результате работ на площади около 100 $м^2$ открыто пять выступов, соединенных тонкими перегородками, образующими части большого помещения, полное раскрытие которого будет делом последующих лет. Однако то, что уже открыто, представляет существенный интерес с точки зрения своеобразия строительной техники. Не будем подробно останавливаться на разборе архитектурных сооружений Еребуни, это будет сделано архитектором К. Л. Оганесяном. Отметим только, что вновь открытое помещение дает интересный дополнительный материал не только к решению вопросов о перестройках в крепости, но и совершенно новые данные о строительных приемах и пространственном решении интерьеров.

Вновь открытое помещение №№ 8, 9 сложны для исследования ввиду несомненных следов позднейших переделок.

---

[12] Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. ВДИ, 1953, № 1, стр. 318—324 (27).

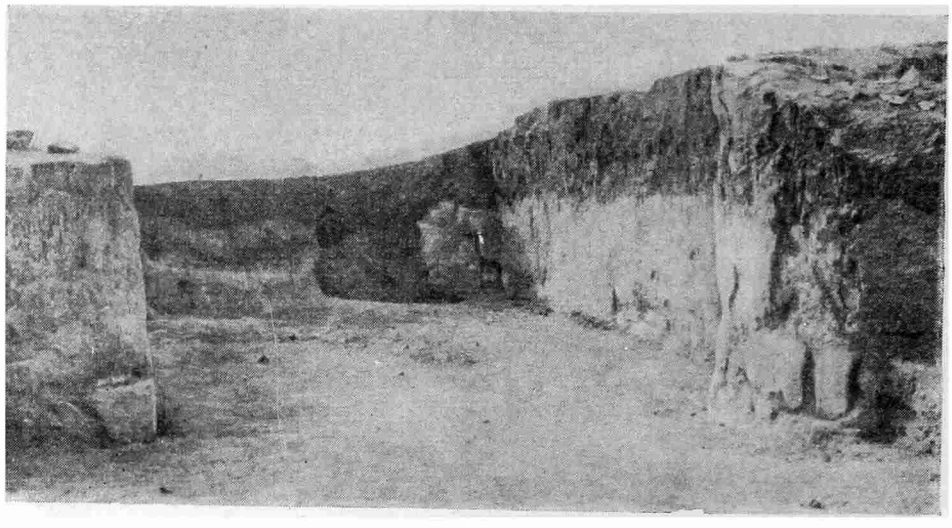


Рис. 14. Помещение № 9 (общий вид)

Юго-западный угол помещения № 8 занимают входы в колонный зал и «южную комнату». Вдоль последней по всему фасаду расположена глинобитная скамья, сооруженная идентично скамье, находящейся внутри колонного зала (рис. 1, помещ. №№ 7—9). Скамья, так же как и стена фасада, покрыта белой обмазкой. Вероятно, здесь сохранился лишь один из нижних ее слоев. Стена фасада, перед которой находится скамья, имеет с восточной стороны выступ, боковая грань которого соприкасается под прямым углом с наружной стеной «южной комнаты», образуя в целом как бы букву «Т». На расстоянии около 5 *м* от отмеченного выше выступа выявлен еще один выступ, расположенный в конце вновь открытой части наружной стены «южной комнаты».

Весь этот комплекс покрыт обмазкой, сохранившейся на высоту около 1,5 *м*.

Непосредственно против скамьи, идущей по фасаду «южной комнаты», открыт первый выступ 1,5 *м* шириной. Он возведен на цоколе из мелких камней и покрыт обмазкой. На расстоянии 4,25 *м* от него выявлен второй, немного большего размера (1,8 *м*). Он возведен на фундаменте из больших камней и также покрыт обмазкой. Между ними сооружена глинобитная перегородка на фундаменте из щебня. Напротив этого второго выступа, на расстоянии около 6,5 *м*, раскрыт третий (рис. 13), находящийся напротив первого выступа наружной стены «южной комнаты» — у скамьи. Таким образом, определилась строгая закономерность в расположении выступов — друг против друга. Этот третий мощный выступ стены также возведен на фундаменте из крупных камней. Он выступает на 65 *см* от линии перегородки, возведенной на цоколе из мелких камней, и покрыт, так же как и она, обмазкой. В конце этой перегородки раскопа намечается еще один выступ, соответствующий выступу по наружной стене «южной комнаты». Отмеченная линия стены от указанных выступов идет параллельно наружной стене «южной комнаты», образуя продолговатое помещение (№ 9), являющееся как бы частью помещения № 8, раскрытого перед фасадами «южной комнаты» и колонного зала (рис. 14). Открываемую здесь своеобразно разрешенную часть цитадели есть основание считать привратной частью крепости. Это мнение основывается на местоположении исследуемых помещений, расположенных почти на границе плато у наиболее пологого склона холма, т. е. в том месте, где вероятнее всего можно ожидать открытие сооружений главного входа в крепость.

Отметим, что в раскрываемых помещениях было очень мало вещевых находок. У выступа, против скамьи, была обнаружена круглая сердоликовая бусина типа первых находок на Кармир-блуре (рис. 6, *8*).

Немногочисленные фрагменты керамики дали образцы краснолощеных сосудов обычного урартского типа и несколько фрагментов, орнаментированных насечкой, близких тем, которые были открыты в колонном зале. Костные остатки единичны.

Последним сооружением, исследованным в 1956 г., было здание, расположенное в северной части холма (рис. 1, помещ. №№ 10 и 11, рис. 15).

Раскопки выявили внешнюю стену с выступом, принадлежавшую какому-то довольно большому зданию. Она выложена из сырца на каменном цоколе, как и все основные сооружения Арин-берда (рис. 15). В западном направлении стена засыпана обвалом, не раскопанным в описываемый

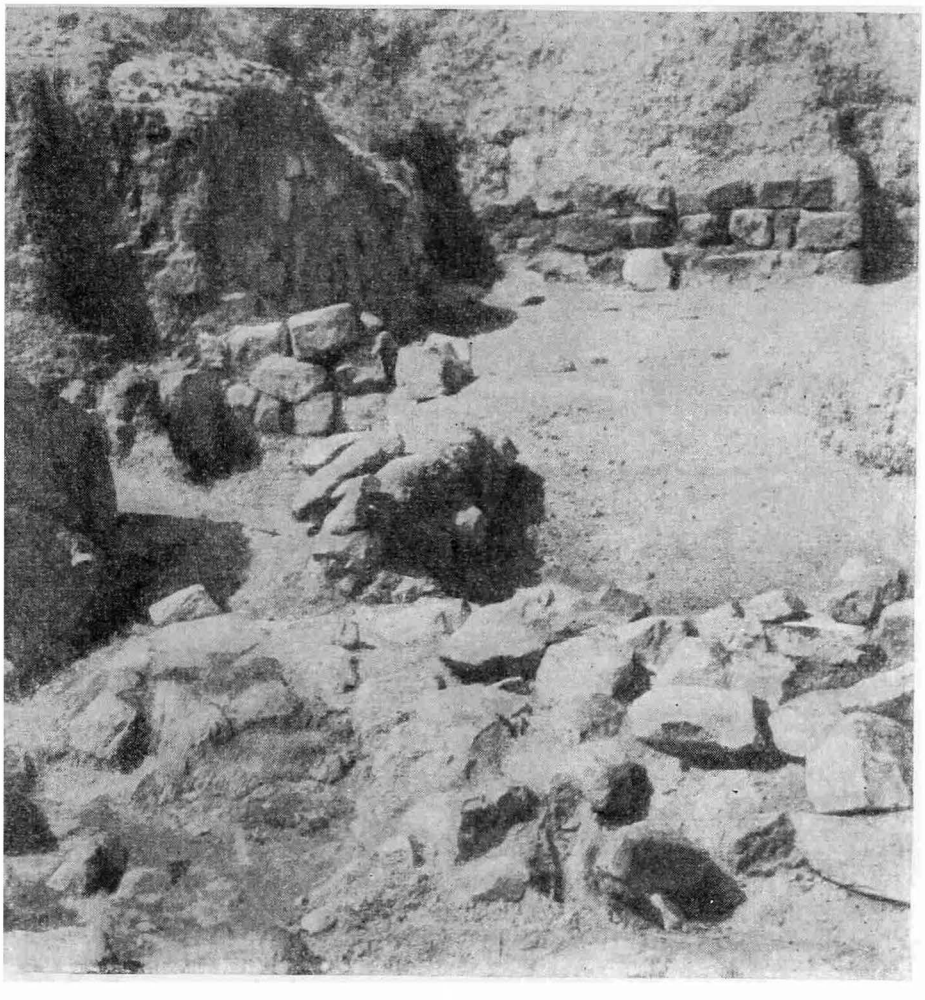


Рис. 15. Помещение № 10 (общий вид)

сезон. С восточной стороны к ней примыкает под прямым углом другая стена, тоже сырцовая, на более высоком каменном цоколе. Эта восточная стена почти в центре прорезана дверным проемом, ведущим в комнату, сохранившую следы пожара (рис. 1, помещ. № 11). Эта комната имеет четыре проема. В восточной стене проем заложен сырцовой кладкой и покрыт двумя слоями обмазки, окрашенной в белый цвет. Такая же обмазка выявлена и в верхней части окружающей его стены. Проем в южной стене заложен камнями, а в северной — засыпан землей. Обращает на себя внимание, что северная стена носит следы разрушения. Камни цоколя лежат перед стеной и на полу; грунтом же заложена и большая часть цоколя, намного превышающая возможные размеры обычного дверного проема. Пол земляной, покрытый обмазкой в несколько слоев. В этой комнате, так же как и в описанной выше «южной комнате», дверной проем расположен не на оси. Здесь одна из стен идет почти что

заподлицо с проемом, в то время как с другой стороны боковая стена имеет довольно большое протяжение. Таким образом, юго-западный угол комнаты резко отличается от ее северо-западного угла. Возможно, что, так же как и в «южной комнате», эта северная стена заложена вторично.

При расчистке этого помещения было найдено большое количество разнообразной керамики, как лощеной, так и грубой (рис. 16), много угля, золы, обгорелых костей, многочисленные остатки мата и обугленных жердей перекрытия.

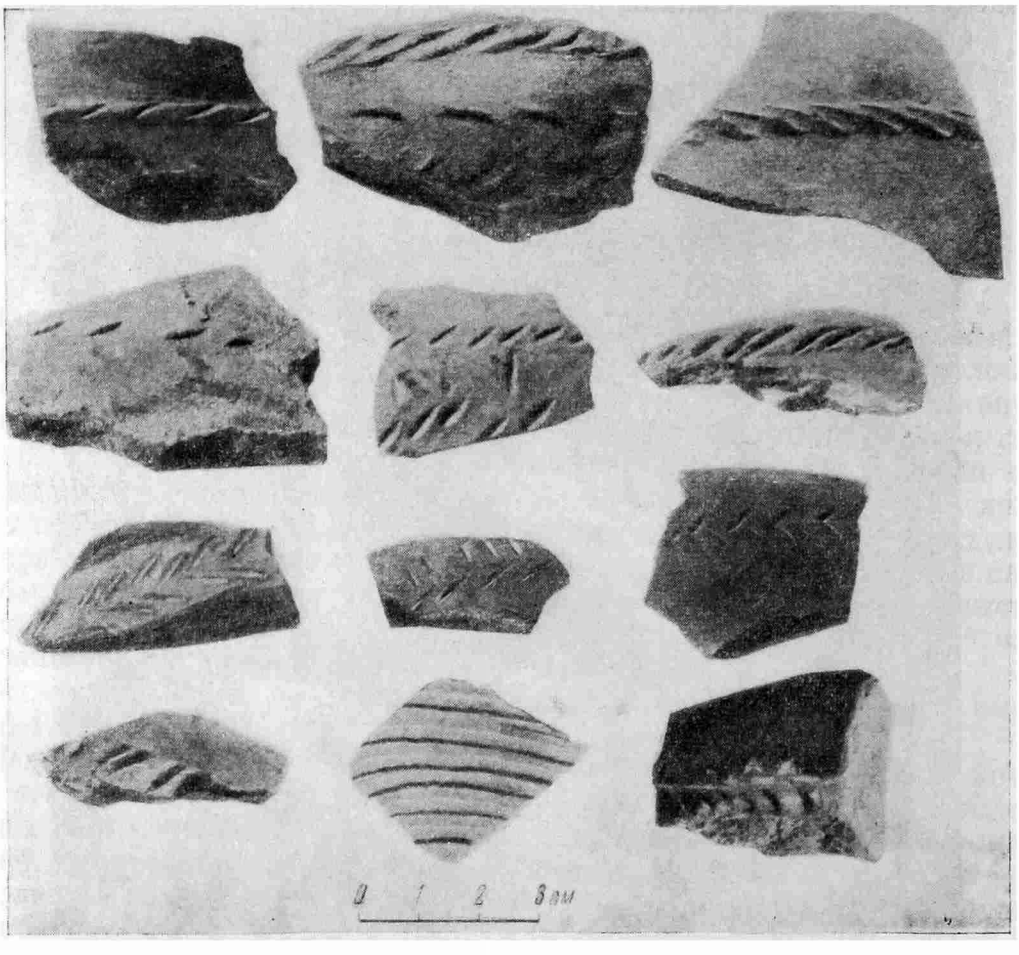


Рис. 16. Фрагменты грубой орнаментированной керамики (помещ. № 11)

Из вещевых находок здесь надо отметить бронзовое колечко змейкой, схожее с найденными в колонном зале, кусочек бронзового браслета, небольшую тонкую бронзовую булавочку и бронзовое грузило (?) (рис. 6, *10, 11*).

Перед входом в комнату с наружной стороны были выявлены сооружения временного типа, от которых сохранились лишь невысокие цоколи из крупных обработанных камней (рис. 15). Вероятно, это были пристройки типа временных жилищ, открытых у северной наружной стены колонного зала и у крепостных стен в цитадели Тейшебаини. Можно допустить, что эти жилища служили убежищем жителям городища в момент угрозы вражеского нападения. Вполне возможно также, что эти постройки служили людям, поселившимся в Еребуни уже после падения крепости, так как есть данные, говорящие за то, что жизнь в Еребуни продолжалась вплоть до VI, а может быть, даже и V в. до н. э. [13].

---

[13] И. М. Лосева. Раскопки цитадели урартского города Ирпуни. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 50.

Однако от окончательных выводов мы воздерживаемся ввиду недостаточности накопленного пока археологического материала.

В жилищах найдено большое количество фрагментов разнообразной керамики, несколько поломанных зернотерок, много золы, угля и костных остатков. Особенно много золы, смешанной с углем, было найдено в углу, образованном у наружной стены жилища, расположенном прямо против входа в восточную комнату, где зольный слой достигал 40 *см*. Здесь, вероятно, был очаг. Здесь же была найдена еще одна разбитая каменная зернотерка и остатки перегорелых зерен.

Рядом с жилищами было вскрыто беспорядочное нагромождение камней, среди которых обнаружен тонкий бронзовый браслет, завершающийся сильно схематизированными змеиными головками (рис. 6, *9*). В конце этого каменного завала, на небольшом расстоянии от границы склона холма, была обнаружена медная монета 1881 г.; возможно, это следы разведывательных работ А. А. Ивановского на Арин-берде [14].

Керамика, обнаруженная в северной части крепости, делится в основном на три типа: 1) краснолощеная, обычная для Урарту, 2) из темно-серой глины с узором насечкой, 3) толстостенная керамика из розовой глины без поливы.

Фрагменты сосудов свидетельствуют о большом разнообразии форм. Рядом с сосудами сферической формы найдены многочисленные фрагменты от плоских сосудов типа блюдца; обычно они краснолощеные.

Один обломок плоского сосуда (блюдца) с ручкой в виде стилизованной головки утки, повернутой назад, представляет особый интерес, напоминая египетские образцы времени нового царства (рис. 10, *4*).

Работы, проведенные на Арин-берде в 1952—1956 гг., заставили обратить особое внимание на многочисленные следы перестроек, открываемых почти в каждом сооружении Еребуни. Наличие жилищ временного типа в различных частях крепости дает дополнительные данные о различных этапах жизни цитадели.

Вопросы о длительности жизни городища и крепости Еребуни, причинах его падения и окончательной гибели являются кардинальными.

Основание городища и крепости в первой половине VIII в. до н. э. сомнения не вызывает, так как твердо датируется надписями, обнаруженными в 1950 г. на вершине Арин-берда [15], и текстом летописи Аргишти из Вана [16], в которых сообщается об основании города Ирпуни и его крепости для возвеличивания мощи Урарту и устрашения вражеских стран. Открытая на Арин-берде строительная надпись Сардура II [17], сына Аргишти, свидетельствующая о развитии строительства крепости, подтверждает ее процветание и в конце первой — начале второй половины VIII в. до н. э.

Эпиграфических памятников последующих периодов пока не обнаружено. Зато весьма существенным фактом является то, что в раскопках Тейшебаини беспрестанно обнаруживаются высокохудожественные изделия из Арин-берда. К числу вещей, несомненно происходящих из Еребуни, относятся замечательные декоративные щиты с посвятительными городу надписями [18]. Среди них особенно выделяется выдающийся памятник искусства металлопластики — щит с изображениями львов и быков, идущих по концентрическим кругам. Этот щит, так же как и ряд других,

---

[14] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. V, М., 1896, стр. 97 сл.

[15] К. Л. Оганесян. Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни. ИАН АрмССР, общественные науки, № 8, 1951, стр. 75—88; Г. А. Меликишвили. Ук. соч., ВДИ, 1953, № 3, стр. 269.

[16] Г. А. Меликишвили. Ук. соч., ВДИ, 1953, № 3, стр. 235—239 (127), стр. 257—258 (128, А. 2).

[17] К. Л. Оганесян. Ук. соч., стр. 76.

[18] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, т. II, Ереван, 1952, стр. 51; его же. Кармир-блур, т. III. Ереван, 1958, стр. 28, рис. 17.

имеет по краю клинообразную надпись, сообщающую о его посвящении царем Аргишти, сыном Менуа, богу Халди в городе Ирпуни [19].

Отсюда ясно, что в VII в. до н. э. лучшие вещи из Еребуни были перенесены в основанный в это время хозяйственный центр — Тейшебаини. Что было причиной такого перемещения — реформа ли административного управления, как это предполагает Б. Б. Пиотровский [20], или падение крепости в результате военного нападения,— пока сказать трудно. Но ясно одно, что в это время, т. е. в VII в. до н. э., Еребуни находится в упадке.

Однако и после того как лучшие вещи были вывезены из крепости, жизнь в Еребуни все же продолжалась. Наконечники стрел скифского типа, датирующиеся VI—V вв. до н. э., удила, бусы и другие памятники,

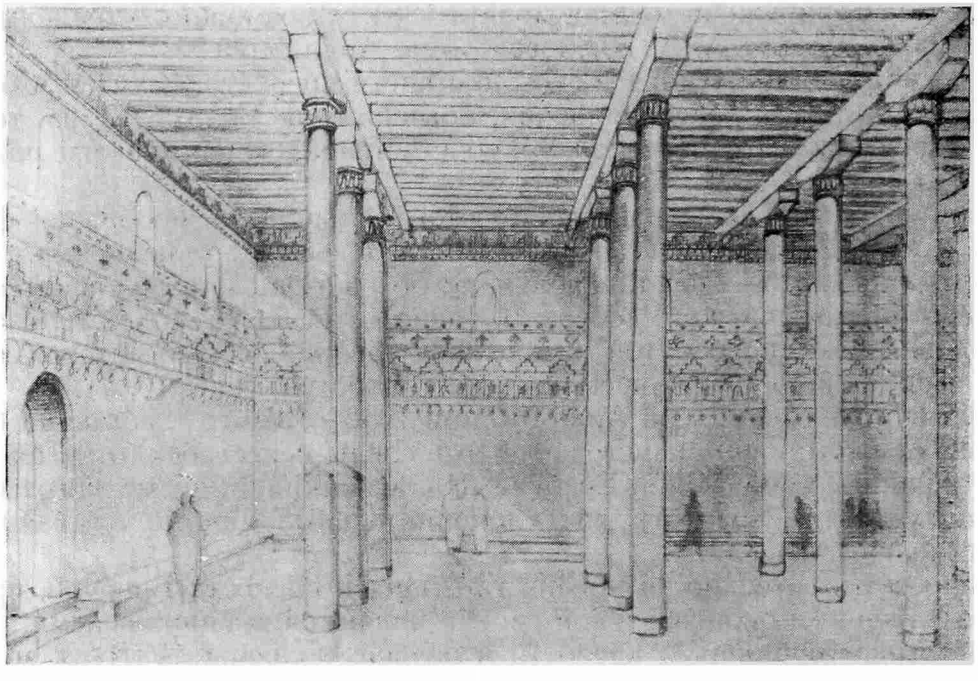


Рис. 17. Одна из возможных реконструкций колонного зала

обнаруженные здесь, дают основание предполагать, что Еребуни существовал вплоть до VI—V вв. до н. э.

Базируясь на этих данных, а также на наличии 30-колонного зала (сооружения, не известного ранее в зодчестве Урарту, но зато характерного для персидской архитектуры), можно было бы предположить возможность второго расцвета Еребуни при Ахеменидах. Однако недостаточность археологическах данных заставляет пока воздержаться от подобного предположения, тем более, что, как уже выше отмечалось, памятники, датирующиеся VI—V вв. до н. э., были обнаружены в верхних слоях. С другой стороны, нет оснований и опровергать предположения, что колонный зал Еребуни является предшественником персидской аппаданы. Приведем некоторые данные в защиту этого последнего положения. Известно, что Персией многое было воспринято от Урарту непосредственно [21] и через Мидию. Так, мидянами под влиянием урартской клинописи была создана слоговая клинообразная письменность, унаследованная затем Ахеменидами. У урартов были переняты и некоторые стилистические приемы при составлении мидийских надписей, впоследствии также переданных Мидией Персии. То же можно сказать и в отношении изобразительного искусства, где может быть отмечена близость иконографии и

[19] Г. А. Меликишвили. Ук. соч., ВДИ, 1953, № 3, стр. 273—274 (147).
[20] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, т. II, стр. 53.
[21] R. Ghirshman. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951, стр. 76—77.

образа женского сидящего божества, широко распространенного в Урарту (статуэтка сидящей богини из Вана в собрании Гос. Исторического музея Армении, золотой медальон из Топрах-кале в Музее Берлина), получивших свое дальнейшее отражение в искусстве ахеменидской глиптики (печать из собрания de Clercq и др.). Не меньшую близость можно было бы отметить и среди других произведений художественного ремесла.

Для зодчества особо показательным является употребление разноцветных камней в строительстве, идущее из Урарту (Тушпа, Пасаргады), оформление входов портиком с колоннами (Мусасир, скальные мидийские гробницы, Пасаргады, Персеполь) и сооружение колоннады внутри помещения (Ван, Еребуни, Пасаргады, Персеполь, Сузы).

Наличие 30-колонного зала в Еребуни и Пасаргадах, в этой ранней столице Персии, сооружения которой всегда связывались с мидийскими традициями, особенно показательно для выявления линии развития персидского зодчества.

Можно было бы привести еще много подобных примеров, но и перечисленного достаточно, чтобы констатировать урартский приоритет в данной цепи взаимосвязей. Таким образом, нет ничего невероятного в том, что 30-колонный зал Еребуни является предшественником персидской аппаданы, получившей свое классическое завершение в Персеполе. Здесь мы приводим одну из возможных реконструкций колонного зала Еребуни (рис. 17) [22].

Добавим, что урартский характер зала Еребуни ярко выразился в приемах использования базальтовых блоков в цоколе северо-западной части [23] колонного зала. Эта часть сооружения носит хуррито-митаннийские черты строительства и имеет ближайшие аналоги в деталях храма дворца Капара в Тель-Халафе [24] и в сиро-хеттской архитектуре дворца в Алалахе [25].

То же можно сказать и относительно другой строительной детали — скамьи, сооруженной в Еребуни как снаружи, так и внутри здания. Эта традиция прослеживается с III тысячелетия до н. э. в храмовом зодчестве Месопотамии и, несомненно, через Урарту проникает в Персию (Пасаргады, Персеполь), где исследователи считают ее чуждой для персидского зодчества [26].

При анализе следов переделок и перестроек в крепости Еребуни обращает на себя внимание тот факт, что многие помещения здесь образованы наружными стенами отдельно стоящих зданий, остроумно использованных строителями. Интересно, что все эти помещения окрашены в серо-голубой цвет. Это отмечено как в помещениях №№ 5, 6, 7, так и в начатом исследованиями в 1956 г. помещении № 9. Следовательно, можно предполагать, что переделки их происходили в одно и то же время, в какой-то момент, когда производилось расширение крепости. Но когда это было, сказать трудно, так как для этого пока еще нет достаточных археологических данных. Не исключается возможность, что переделки происходили при Сардуре II, тем более, что ему принадлежит часть строительной надписи, открытой невдалеке от колонного зала.

Что же касается периода существования крепости Еребуни, то несомненно можно считать, что он продолжался до V в. до н. э., и возможно, что в последний период, так же как и Тушпа, она была свидетельницей персидского нашествия.

---

[22] Другая реконструкция опубликована архитектором К. Л. Оганесяном в газете «Коммунист» (Ереван, 1957 г., 10 сентября, № 214 (7075)).

[23] И. М. Лосева. Раскопки урартской крепости..., стр. 147.

[24] Всеобщая история архитектуры, ч. I. М., 1944, табл. 94.

[25] Там же, табл. 96.

[26] E. F. Schmidt. The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians. The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Communications, № 21.

А. П. МАНЦЕВИЧ

ГОЛОВКА БЫКА ИЗ КУРГАНА VI в. до н. э. на р. КАЛИТВЕ

В 1869 г. в бывш. Донецком округе, на правом берегу р. Калитвы — левого притока Северного Донца, у поселка Алексеевка, при добыче камня в степи был раскопан курган высотой около 0,35 *м*, диаметром 3,25 *м*. Он находился недалеко от огромного Должикова кургана, в 3,7 *км* ниже слободы Криворожье по течению р. Калитвы.

Непосредственно после вскрытия кургана место раскопок было обследовано сотником Черноярoвым, который сообщил, что под насыпью кургана встретились мелкие обломки разрушенных костей, дубовые угли и мелкие части «перегорелого вещества ярко-зеленого цвета», — очевидно, окиси бронзы [1]. Из дальнейшего видно, что кости были перегоревшие [2], что говорит о наличии в кургане трупосожжения.

Как сообщается в рапорте Черноярова, погребение сопровождали: «золотая вещь, имеющая вид венца (весом 1 ф. 32 зол.)», «серебряное изделие, представляющее вид телячьей головы (весом 2,5 зол)» (рис. 1, *1—3*), кувшин с головой барана и «два глиняных малых кувшинчика простой работы», наполненных песком.

Перечисленные предметы были присланы в Археологическую комиссию, откуда были переданы в Эрмитаж, где и хранятся в настоящее время все [3], за исключением двух глиняных кувшинчиков.

Кувшин «лучшей работы» с головой барана был разбит находчиком. В настоящее время от него сохранилось только горло (без ручки и венчика) в виде головы барана, изданное Т. Н. Книпович [4].

Серебряная головка и золотой предмет в виде венца воспроизведены Я. И. Смирновым [5].

Т. Н. Книпович определяет кувшин как самосский и датирует временем не позднее начала VI в. до н. э., а золотой венец и серебряную головку считает изделиями восточными. Относительно назначения золотого венца, который впоследствии по непонятной причине стал именоваться обручем, Т. Н. Книпович отмечает, что он представляет загадку для специалистов по восточным древностям.

Длительное время венец как предмет восточного происхождения находился в Отделе Востока Гос. Эрмитажа и условно считался подставкой для сосуда. Сопоставление его с древностями Центральной Европы, а также размеры предмета позволили мне определить его как украшение бронзового шлема, имевшего форму колокола, тем более, что найденные в погребении «мелкие части перегорелого вещества ярко-зеленого цвета» могли быть остатками этого шлема.

Третий предмет из находки на р. Калитве — серебряная головка быка — в данном случае представляет особый интерес.

---

[1] Архив ЛОИИМК, ДАК № 23/1869, л. 5 (рапорт сотника Черноярова).

[2] Там же, л. 10.

[3] ОИПК, инв. № До 1869 1/1—3.

[4] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V веках до н. э. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 100, рис. 26.

[5] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. V, *16*; VI, *1*.

Рис. 1.

1—3 — серебряная головка быка из кургана на р. Калитве; *4—7* — серебряные части табурета из Литого (Мельгуновского) кургана

Сохранность головки довольно плохая, край ее обломан и местами вогнут, поэтому определить длину ее невозможно; утрачена почти вся левая сторона и нижняя часть морды животного. Высота головки 5 *см*.

Головка выбита чеканом, снаружи отполирована, мелкие удары чекана видны на внутренней поверхности. Форма передана условно: маленькие рожки в виде конуса, очерченного у основания; ухо в виде законченного завитком валика с тремя косыми рифлеными желобками. Веко и бровь параллельными дугами окружают крупный выпуклый глаз. Головка обрамлена рядом коротких жгутиков с насечками, изображающих шерсть; на лбу имеется двойной ряд таких же жгутиков. Каждый жгутик с завитком — стилизация локона.

Предмет определяется Я. И. Смирновым как нижний конец ритона, «из которого пили через край, так как отверстия в нижней части морды нет и не было» [6] (рис. 1, *2*).

Однако на всех серебряных ритонах [7] или ручках серебряных сосудов [8], причисляемых к изделиям ахеменидской Персии [9], изображены рога взрослых животных. Очевидно, мастеров не смущало то обстоятельство, что рога и уши животного легко могли обломиться и держать эти сосуды

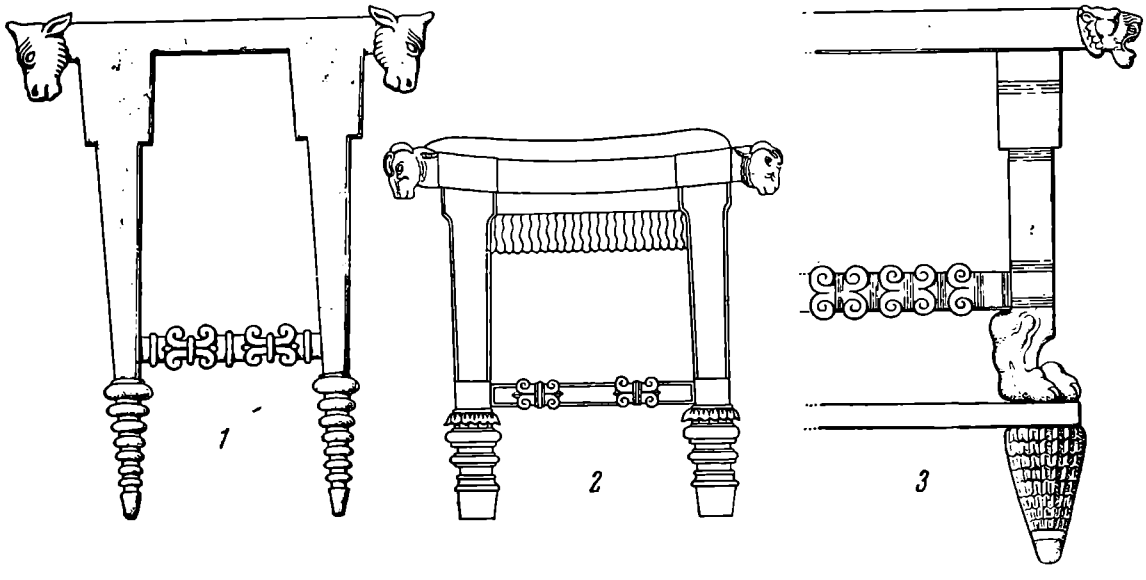


Рис. 2. Изображения табуретов с бычьими и львиными головками на рельефах из Ниневии

было не совсем удобно. Так же сильно выделяются уши и особенно рога на серебряном ритоне из IV гробницы в Микенах [10] и на трех золотых ритонах клада у г. Панагюриште эллинистического времени [11].

Несмотря на небольшие размеры, криворожская головка довольно массивна, особенно передняя ее часть. Эти признаки указывают на то, что она не являлась наконечником ритона, а скорее всего была набалдашником, при этом таким, у которого вместо нормальных бычьих рогов необходимо было изобразить короткие рожки теленка.

Действительно, на рельефах дворца Ниневии изображены табуреты, у которых выступающие концы горизонтальных перекладин сиденья, подобно публикуемой головке, имеют вид головок теленка (рис. 2, *1*) [12]. Иногда такие же наконечники имеют форму головы льва (рис. 2, *3*) [13]. Обычно ножки таких табуретов украшены валиками и пояском из отогнутых вниз лепестков и заканчиваются конусом.

Серебряные части именно такого табурета (рис. 1, *4—7*) были найдены в Литом кургане близ Кировограда [14]. Среди них имеется также

---

[6] Я. И. Смирнов. Рукопись к атласу «Восточное серебро», № 16. Архив ЛОИИМК, фонд 11, № 329.

[7] Из Семибратнего кургана (см. Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. IV, *15*), из с. Казбеги (см. там же, табл. III, *14*), из Сибири (?) (там же, табл. V, *17* и прим. на стр. 8).

[8] Например, ручка из кургана на р. Бухтарме (?). См. Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. V, *18*.

[9] Там же, стр. 7.

[10] G. Karo. Die Schachtgräber von Mykenai. Text. München, 1930—1933, стр. 93, рис. 23.

[11] B. Swoboda, D. Končev. Neue Denkmäler antiker Toreutik. Praha, 1956, табл. I, VI и VII.

[12] См. P. E. Botta, E. Flandin. Monuments de Ninive, т. I, Paris, 1849, табл. 61; ряд таких же табуретов см. на табл. 58, 60, 62—65.

[13] Там же, табл. 22.

[14] Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 года. МАР, № 31, 1911, табл. 1; ОИПК, инв. №№ Дн 1763 1/23 — конец ножки; 1/27 — трубочка; 1/31— цилиндр; 1/34—35 — два гвоздика.

гладкий цилиндр с двумя боковыми прямоугольными отверстиями (рис. 1, *4*), представляющий собою продолжение ножки табурета на месте соединения под прямым углом двух поперечных перекладин [15] (рис. 3). Он был покрыт внутри слоем бронзы. Там же были обломки бронзового и железного цилиндров той же формы, что и серебряный. К верхней части ножек относились и серебряные трубочки (рис. 1, *7*) с остатками железа внутри [16]. Серебряные гвоздики двух размеров с плоскими обтянутыми золотом шляпками в виде розетки (рис. 1, *5*) дополняют составные части табурета Литого кургана [17].

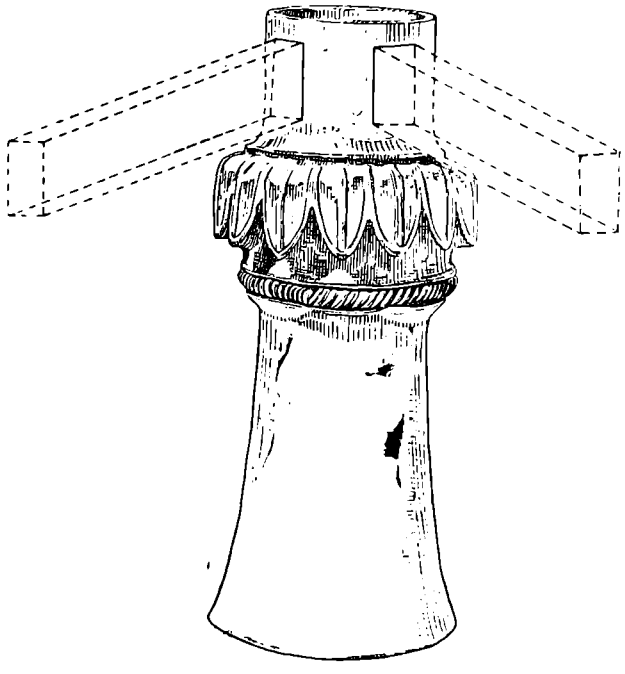


Рис. 3. Часть табурета из Литого (Мельгуновского) кургана (реконструкция)

Аналогичные табуреты с тщательно переданными скульптурными деталями изображены, например, в зале северо-западного дворца в Нимруде (рис. 2, *2*) [18] и на арамейском рельефе царя Бар-Рекуба

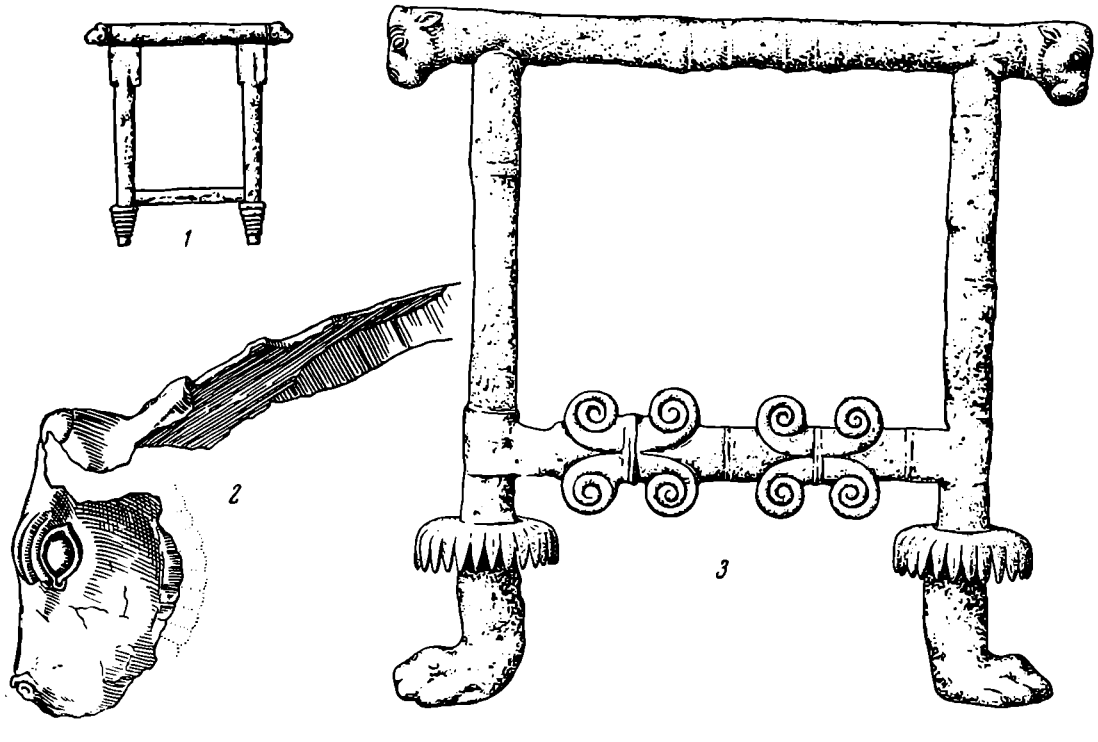


Рис. 4.

1 — изображение табурета на рельефе Сеннахериба; *2* — обломок предмета с головой быка из Нимруда (бронза, дерево); *3* — табурет из Нимруда (бронза)

VIII в. [19]. Менее нарядный табурет (также со звериными головами на перекладинах у сиденья, но с гладкими нижними перемычками) представ-

[15] См. Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 18.
[16] Там же, табл. 1.
[17] Там же.
[18] A. H. Layard. Monuments of Nineveh. I, London, 1853, табл. V.
[19] RL, т. II, стр. 430, табл. 201, s. v. «Diptychon».

лен на рельефе Сеннахериба конца VIII или начала VII в. (рис. 4, *1*) [20]. Именно он является самой близкой аналогией табуретам из Криворожского и Литого курганов. Среди часто встречающихся при раскопках в Нимруде аналогичных деталей мебели был найден один такой табурет из дерева, облицованный бронзой, с литыми бронзовыми же головками быков и пояском лепестков на ножках (рис. 4, *3*) [21]. Несомненно, частью такого же табурета была и бронзовая полая головка быка с остатками дерева внутри, обнаруженная там же, у входа в северо-западный дворец (рис. 4, *2*) [22]. Такая же бронзовая головка из Ниневии украшала предмет более крупного размера (может быть, стол) [23].

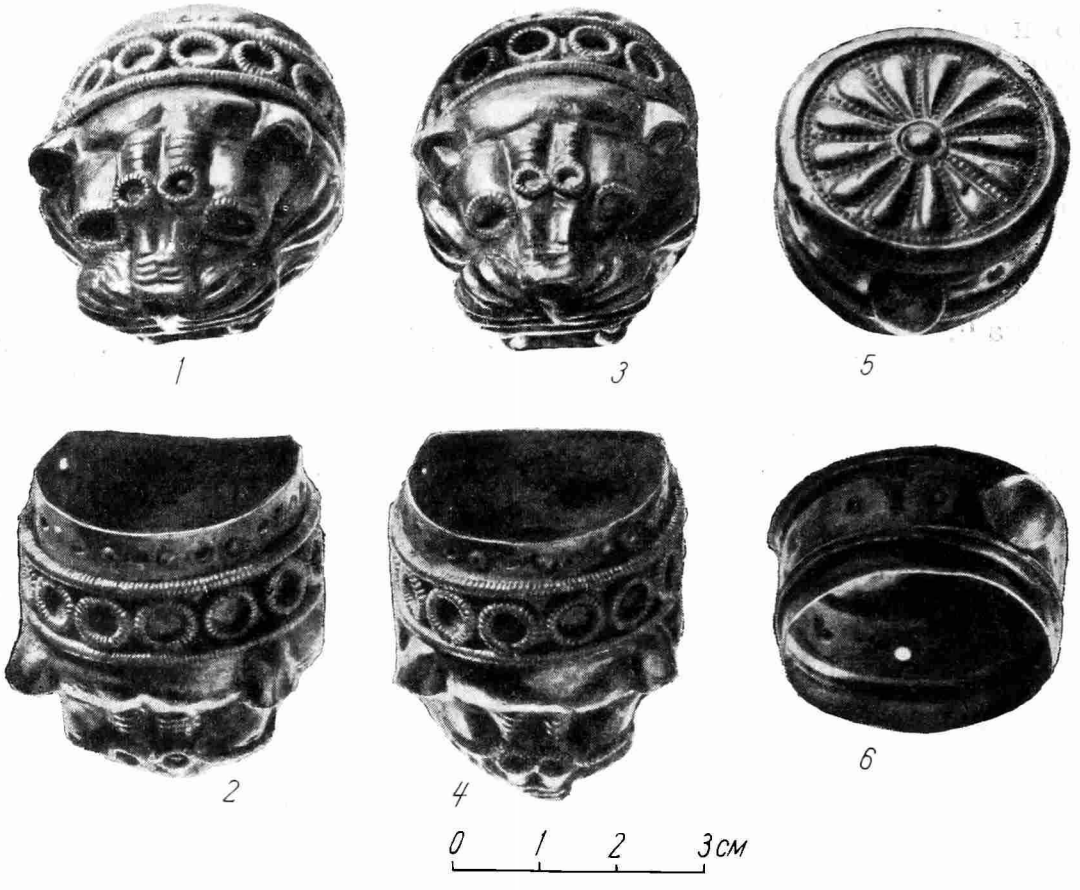


Рис. 5. Золотые украшения мебели из келермесских курганов

Голова быка, так же как и голова льва,— чрезвычайно удачная форма для украшения этого типа мебели, найденная древними мастерами.

Из Келермесских курганов [24], близких по времени Криворожскому, происходят золотые набалдашники: два — в форме львиной головы (рис. 5, *1—4*), третий — круглый, с розеткой в центре, окруженной выпуклыми заклепками (рис. 5, *5—6*) [25], имевшие, несомненно, то же назначение, по аналогии с изображением на рельефе Ниневии (рис. 2, *3*) [26].

Табуреты, подобные найденному в Литом кургане, имели деревянную основу, но в большей части своей были изготовлены из железа или брон-

[20] G. Conteneau. Manuel d'archéologie orientale, т. III. Paris, 1931, стр. 1277, рис. 814.

[21] H. Schäfer, W. Andrae. Die Kunst des alten Orients. Berlin, 1942, стр. 582 (рис.), 736—737. Подобная обивка была найдена и в Зенджирли-Шамаль, подпавшем под власть Ассирии при Асарханддоне (681—669 гг.).

[22] A. H. Layard. Ук. соч., табл. 96.

[23] P. E. Botta, E. Flandin. Ук. соч., т. II, табл. 164.

[24] M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, табл. IX, *2*.

[25] ОИПК, инв. №№ Ку 1903—4 1/2, 1/11, 1/12 и 1/14.

[26] P. E. Botta, E. Flandin. Ук. соч., т. I, табл. 22.

зы, а драгоценные металлы — золото или серебро — служили лишь для оформления рельефных или скульптурных деталей. Вес такого табурета был настолько значителен, что нести его должны были два человека, как это изображено на приведенном выше рельефе дворца Ниневии.

О длительности бытования этого типа мебели свидетельствует рельеф V в. до н. э. в Персеполе с изображением персидского царя на троне, поставленном на такой же табурет колоссальных размеров, поддерживаемый побежденными народами [27]. Время изготовления всех трех табуретов определяется, с одной стороны, рельефами дворца Ниневии VII—VI вв. до н. э., с другой стороны — рельефами Персеполя V в. до н. э.

Мы видели, что у большинства табуретов ножки украшены пояском отогнутых лепестков, какой имеется и на ножках из Литого кургана (рис. 1, *б*). Однако на табурете персепольского трона поясок из лепестков превратился в простую гофрировку в виде узких и длинных желобков. Поэтому ясно, что табуреты из Северного Причерноморья и трон из Персеполя разделены большим промежутком времени.

Очевидно, криворожская головка, ножки из Литого кургана и наконечники из Келермесского не могут быть позднее конца VII в. до н. э., так как мебель этого стиля изображена только на рельефах VII или даже конца VIII в. до н. э.

Хотя Т. Н. Книпович относит криворожский кувшин ко времени не позже начала VI в. до н. э.[28] и к этой дате следует приурочить и комплекс Литого кургана (вопреки мнению М. Эберта, относившего его к первой половине VI в.), все же это не противоречит отнесению табуретов к VII в. до н. э., так как в богатых курганных погребениях разница во времени между самыми ранними и самыми поздними предметами может достигать 50—100 лет.

Комплексы Криворожского и Литого курганов сближаются не только наличием в них сходных табуретов, но и наличием в обоих случаях обряда трупосожжения. Оба погребения принадлежат знатным представителям одной и той же культурно-племенной среды начала VI в. до н. э. в Северном Причерноморье.

Что касается вопроса о происхождении головки быка из кургана на р. Калитве, то Я. И. Смирнов считал ее «изделием одной из малоазиатских сатрапий династии Ахеменидов VII—VI вв., так как щеки и лоб разделаны месопотамско-персидским приемом» [29]. А. А. Иессен также считает головку месопотамским изделием [30]. Как предмет ахеменидского искусства головка находилась на выставке Отдела Востока Гос. Эрмитажа.

Однако Т. Н. Книпович и Н. Д. Флиттнер склонны были приписать этому предмету вавилонское происхождение на том основании, что определяемый Я. И. Смирновым месопотамско-персидский прием передачи глаз и морды, каймы из завитков на лбу и щеках можно наблюдать на вавилонских памятниках [31]. В то же время Т. Н. Книпович указывает, что аналогичные художественные приемы встречаются и в ассирийском искусстве еще в VII в. до н. э.[32]. Следует добавить, что та же стилизация бороды и прически встречается в ассирийском искусстве уже в VIII в. до н. э.[33].

---

[27] G. Conteneau. Ук. соч., т. I, Paris, 1927, стр. 143, рис. 84; Cecil Harcourt Smith. Photographs of Casts of Persian Sculpture of the Achaemenid Period Mostly from Persepolis. London, 1932, табл. II.

[28] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 101.

[29] Я. И. Смирнов. Ук. рукопись, № 16.

[30] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л., 1947, стр. 47.

[31] H. Schäfer, W. Andrae. Ук. соч., стр. 526, 721, 722 и табл. XXIX; Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 101.

[32] H. Schäfer, W. Andrae. Ук. соч., стр. 569 и 734.

[33] G. Perrot, Ch. Chipiez. Histoire de l'art, т. II, стр. 99, рис. 22; стр. 104, рис. 25.

Б. Б. Пиотровский предположительно считает головку урартской, очевидно объединяя ее с группой найденных на территории Урарту предметов — частей мебели того же стиля, украшенных пояском из отогнутых лепестков [34].

Все эти сопоставления правильны, так как основываются на сходстве стиля предметов урартских, вавилонских, ассирийских и ахеменидских в период VIII—VI и даже V в. до н. э.

Характерный для табуретов из Ниневии и Литого кургана поясок из лепестков, выродившийся на персепольском троне в гофрировку, можно видеть также на персидской колонне из Суз [35]. Этот орнаментальный мотив в той же трактовке характерен для тронов и канделябров, производство которых Б. Б. Пиотровский приписывает Урарту [36]. Поэтому происхождение мебели этого стиля, и в частности табуретов, следует связывать с переднеазиатским Востоком до эпохи Ахеменидов.

Головка быка из кургана на р. Калитве подтвердила богатство его инвентаря, засвидетельствованное золотым обручем и самосским кувшином, ввезенными из далеких культурных центров. Находка головки важна тем, что указывает на распространение в Северном Причерноморье и курганах раннескифской эпохи мебели ассирийского типа, при этом наиболее дорогих ее образцов.

---

[34] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 220—225, рис. 63—67.

[35] G. Contenau. Ук. соч., т. III, стр. 1409, рис. 859.

[36] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 219, 221, 223—225.

Г. Д. БЕЛОВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ БРОНЗОВАЯ ЧАША ИЗ ХЕРСОНЕСА

В 1956 г. при раскопках одного из средневековых домов в северном районе Херсонеса найдена бронзовая чаша с изображениями и надписями, сплющенная и разломанная на несколько частей. В реставрационной мастерской Гос. Эрмитажа чаша очищена от окислов и реставрирована (рис. 1). Диаметр чаши 30 *см,* высота 5 *см.*

На внутренней стороне чаши выгравированы изображения, орнаменты и надписи на латинском языке (рис. 2).

Центральную часть дна занимает поколенное изображение фигуры стоящего юноши в головном уборе в виде шапочки с прямыми краями. Длинная одежда трактована схематическими складками. Левой рукой юноша держит большой суживающийся книзу щит со сферическим умбоном, с радиально расходящимися от него линиями. Положение правой руки неясно вследствие изъянов; по-видимому, в руке находился какой-то предмет. Контур головы обрисован одной линией, черты широкого лица обозначены немногими штрихами. Волосы спускаются до плеч. Изображение фигуры в целом выполнено схематично и плоскостно.

Вокруг фигуры вырезана надпись: по четыре буквы слева и справа, составляющие слово SVPERBIA. Изображение обрамлено двумя концентрическими кольцами, имитирующими плетенку или шнур.

По сторонам центрального изображения находятся четыре бюста, расположенные крестообразно. Головы обращены попарно друг к другу. Лица курносые, без бороды и усов, глаза обозначены двумя горизонтальными штрихами. Над каждым бюстом имеется полукруг из двойной слабо заметной линии; эти полукруги были намечены предварительно, до вырезки бюстов, которые потом были в них вписаны. Бюсты отличаются необычайной шириной плеч. Одежда трактована схематическими, вертикальными пучками линий с горизонтальными черточками на средней части груди.

Над плечами полукругом начертаны надписи. Над левым бюстом вырезано слово LVXVRIA, над верхним — IDOLATRIA, над правым — INVIDIA, над нижним бюстом от надписи уцелела первая буква I и последняя, сохранившаяся не полностью, по-видимому, A. Между первой буквой и головой могла поместиться только одна буква, справа находилась одна буква; таким образом, все слово состояло из трех букв. Наиболее вероятным, судя по общему значению надписей, здесь было слово IRA.

На стенках чаши вырезан орнамент двоякого вида; один помещен между бюстами, другой — над ними; каждый повторяется четыре раза. Первый вид орнамента состоит из нескольких частей. Внизу имеются штрихи, ограниченные сверху волнистой горизонтальной линией с дужкой в середине. Средняя часть орнамента образована овальными листьями и стеблями, верхняя — двумя чашечками цветов на длинных стеблях. Между чашечками начертана надпись в три строки, повторенная, как и весь этот орнамент, четыре раза: PE/CCA/TV.

Второй вид орнамента расположен над бюстами: вверху — в форме широкой чашечки с пучками радиальных линий и с волнистой чертой над

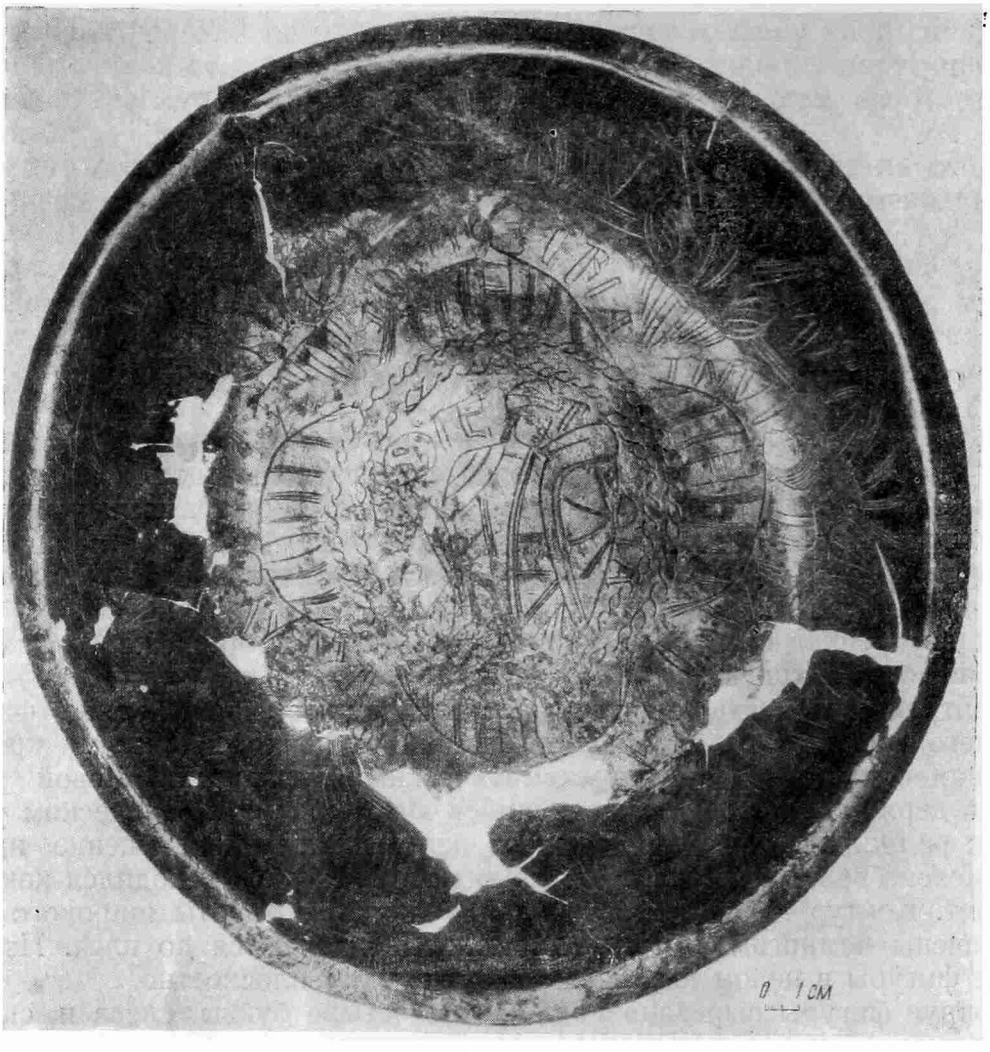


Рис. 1. Бронзовая чаша из Херсонеса

нею; внизу — из расходящихся книзу линий, ограниченных волнистым контуром.

По сторонам нижнего бюста помещены небрежно вырезанные шестиконечные кресты. По краю блюда идет такой же поясок, как и на дне чаши, но с перерывами.

В промежутках между орнаментами двух видов вырезаны надписи в две строки: DO/LVS и OD/IVO (каждая из них повторяется четыре раза).

Орнаменты, покрывающие чашу, состоят из одинаковых элементов: округлая чашечка, пучки линий, волнистый контур, плетенка или шнур. Одежда на бюстах исполнена теми же штрихами, что и орнаменты. Головы и бюсты совпадают вплоть до мельчайших штрихов на лице. Орнамент в целом является весьма схематическим. Схематичность и плоскостность изображений и орнаментов объясняется отчасти материалом и техникой исполнения — гравировкой на металле. Штрихи отличаются значительной глубиной, вследствие чего в нескольких случаях щели и разрывы на чаше образовались по линиям орнаментов и изображений.

Надписи исполнены на латинском языке. Буквы образованы двойными линиями, придающими им монументальный вид. Некоторые из них стилизованы и весьма характерны по написанию. Слова, расположенные на дне чаши, выполнены более тщательно.

Надписи на дне чаши имеют следующее значение: superbia — гордость, надменность; luxuria — мотовство, роскошь; idolatria — идолопоклонство (здесь пропущены две буквы, полное же и правильное написание слова —

Рис. 2. Бронзовая чаша из Херсонеса (прорись)

idololatria); invidia — зависть, клевета. Надпись над нижним бюстом можно восстановить как слово ira — гнев, месть.

Особенностью надписей, вырезанных на стенках чаши, является их четырехкратная повторяемость. Одна из них — dolus — означает хитрость, обман.

Другую надпись — odivo — следует читать как odium — ненависть, вражда, травля. Подобный ее смысл подсказывается общим значением всех надписей на чаше.

Третья надпись состоит из семи букв, расположенных в три строки. Выяснение этого слова представляло трудности вследствие необычного начертания букв в верхней строке и третьей буквы во второй строке. Последняя похожа на букву А, но не имеет поперечной линии. Следует добавить, что начертание букв и их порядок во всех четырех случаях одинаковы. Сравнение с надписями на аналогичных чашах позволяет расшифровать это слово как peccatum — грех, преступление.

Всего надписей на чаше восемь. Каждая из них означает какое-либо отрицательное качество, с религиозной точки зрения являющееся грехом.

Херсонесскую чашу можно сравнить с рядом аналогичных чаш, найденных в Центральной Европе. Большая группа подобных чаш была опубликована В. Гремплером [1]. Для большинства этих блюд и чаш характерна композиция из пяти бюстов — одного в центре и четырех по сторонам — в сочетании с орнаментами, полностью или частично повторяющимися на многих чашах. Диаметры чаш колеблются от 26 до 30 *см,* высо-

[1] W. Grempler. Mittelalterliche Bronzeschalen. Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift, т. V, № 10, Wrocław, 1894, стр. 271—278.

та — от 4 до 6 *см*. Надписи на чашах двоякого рода: одни аналогичны надписям на херсонесской чаше и содержат слова, обозначающие пороки, другие же, наоборот, означают добродетели.

Наиболее близко херсонесской чаше блюдо, хранящееся в Дрездене [2]. Изображения, орнамент и надписи те же, что и на нашей чаше. Имеются лишь небольшие отличия: например, голова средней фигуры изображена в профиль и без головного убора, щит отсутствует; вокруг средней фигуры изображены не четыре, а три бюста; в некоторых надписях пропущены буквы. Сходство настолько велико, что можно говорить не только об общей мастерской, но даже об одном мастере, выполнившем обе чаши.

К этой же серии чаш принадлежит бронзовый фрагмент, найденный в Гданьске при раскопках в 1953 г.[3]. Весьма близко сходство херсонесской чаши с чашей, хранящейся в музее г. Познани, найденной на территории Польши [4].

На некоторых чашах человеческие полуфигуры изображены крылатыми [5]. На херсонесской чаше крыльев на бюстах нет, непосредственно над плечами идут надписи. Но выше надписей имеется орнамент, похожий на крылья, как они изображены на аналогичных чашах. Возможно, что крылья на херсонесской чаше превратились в орнаментальный мотив и с фигурами никак не связаны. Следует заметить, что крылатыми фигуры представлены на тех чашах, на которых отсутствуют надписи, над бюстами с надписями крыльев нет.

Такие же шестиконечные кресты, как на херсонесской чаше возле нижнего бюста, имеются и на некоторых других чашах [6].

В литературе о чашах имеются две точки зрения об их назначении. Одни полагают, что чаши употреблялись в церквах. Другая точка зрения отрицает церковный характер чаш, основываясь на том, что ни одна из них не была найдена в церкви или в монастыре. Что же касается изображений на чашах, то сцены из библии и сюжеты из притч встречаются и на обиходной посуде, употреблявшейся для пищи; наоборот, на описываемых чашах, наряду с библейскими, имеются изображения и на светские темы. Широкое распространение чаш, от Калининграда до Парижа (теперь мы можем добавить — от Херсонеса на юге), и нахождение их в большом количестве позволяет считать их предметами массового производства, изготовлявшимися в различных центрах. Следует отметить и то обстоятельство, что мастера не всегда были грамотными, о чем можно судить по множеству ошибок в начертании надписей.

В Херсонесе бронзовая чаша найдена впервые. Несомненно, что чаша была привезена из Центральной Европы. Вместе с чашей в доме найдены кувшины, амфоры, поливная посуда, шиферная икона и другие предметы XIII—XIV вв.

Херсонесский экземпляр дополняет серию бронзовых чаш некоторыми новыми чертами и имеет самостоятельную ценность как предмет прикладного искусства, выполненный технически и художественно на более высоком уровне по сравнению с другими вещами этого типа [7].

---

[2] W. Grempler. Ук. соч., табл. IV, *2*.

[3] T. Poklewski. Wczesnośredniowieczna misa brązowa z Gdańska. Wiadomości archeologiczne, т. XXIII, 1956, стр. 265, 266, рис. 1—3.

[4] I. Antoniewicz. Zabytki wczesnośredniowieczne odkryte we wsi Pieńki-grodzisko, pow. Zomna. «Sprawozdania PMA», Warszawa, 1951, т. IV, рис. 7, стр. 125—142. Автор дает перечень более 20 чаш, найденных в различных местах Польши. Датирует он их XII — серединой XIII в. и считает привезенными в Польшу из других мест Европы. На основании анализа состава металла, весьма различного на чашах, автор приходит к заключению, что эти чаши и блюда изготовлялись в различных центрах.

[5] W. Grempler. Ук. соч., табл. I—IV; T. Poklewski, Ук. соч., рис. 4—6.

[6] W. Grempler. Ук. соч., табл. V, *1*; I. Antoniewicz. Ук. соч., рис. 8.

[7] J. Weitzmann-Fiedler. Romanische Bronzeschalen mit mythologischen Darstellungen. Zeitschrift für Kunstwissenschaft, т. XI, вып. 1—2, Berlin, 1957.

И. Л. ДЖАЛАГАНИЯ

ДВА КЛАДА СЕЛЬДЖУКСКИХ МОНЕТ

В 1948 г. в Терджольском районе между сс. Тузи и Сазано был найден клад примерно из 300 экземпляров серебряных монет [1]; часть их разновременно поступила в Государственный музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа несколькими партиями.

Часть клада из Терджола, поступившая в музей, состоит из 90 монет смешанного характера. В основном здесь представлены монеты малоазийских сельджуков (Рума) — 83 экз.; остальные — шесть аспров трапезунтских Комнинов и один анонимный тбилисский дирхем — так называемый кааник II типа. Основным ядром клада являются монеты, чеканенные во время правления трех братьев — Кай-Кавуса II, Кылыч-Арслана IV и Кай-Кубада — 647—655 г. х. (1249—1257). Остальные монеты распределяются следующим образом;

Кай-Кубад I, 616—634 г. х. (1219—1236)	— 13	экз.
Кай-Хосру II, 634—643 г. х. (1236—1245)	— 9	»
Кылыч-Арслан IV, 655—666 г. х. (1257—1267)	— 8	»
Неопределенная сельджукская	— 1	»

По монетным дворам монеты этих владетелей распределяются так: Сивас — 38 экз., Кония — 34 экз., Лулуйе — 4 экз., Мааден-Шехр — 2 экз. и на 5 экз. место выпуска не разборчиво. Таким образом, бóльшая часть клада состоит из монет, чеканенных в Сивасе и Конии. Это естественно, так как эти два города выпускали больше монетной продукции, чем все остальные монетные дворы, вместе взятые. Кония — главный город Иконийского султаната и главный монетный двор, а Сивас — второй по величине город с соответствующим большим монетным двором.

Как уже отмечалось, клад содержит четыре монеты, чеканенные в г. Лулуйе.

В связи с этим упомянем одну монету из фонда Гос. музея Грузии. На этой серебряной монете изображен всадник, стреляющий из лука. Монета принадлежит к группе так называемых анонимных монгольских монет и по типу датируется 642 или 643 г. х. (1244—1245).

В устной беседе Е. А. Пахомов отрицал возможность чекана этой монеты в г. Лулуйе и считал ее чеканенной в Двине, но наличие второго такого же экземпляра (другого штампа) в Константинопольском музее подтверждает правильность нашего чтения [2]. Эта монета свидетельствует, что спустя 20 лет после монгольского завоевания, когда последние сельджукские султаны лишь номинально управляли государством, в г. Лулуйе, как и во всех остальных городах Иконийского султаната, чеканились монеты без имени монгольского хана, а от имени сельджукских султанов.

---

[1] Данные о количестве монет в кладах приблизительны, так как приводятся на основании сведений очевидцев.

[2] Musée impérial Ottoman. Catalogue des monnaies des khalifes par Ed. Halib. Constantinople, 1894. Следует отметить, что в каталоге Константинопольского музея это чтение сопровождено знаком вопроса.

Упоминаемый же на монетах в качестве верховного владыки багдадский халиф к этому времени уже не существовал.

Эти факты, несомненно, должны быть учтены при изучении системы администрации и экономики монголов.

13 монет Кай-Кубада I из Терджольского клада представлены почти всеми годами чекана, начиная с 617 г. х. (1220/1221) и кончая 634 г. х. (1236/1237), что дает возможность проследить постепенные смены штампа. Все эти годы тип монеты в основном не меняется, все надписи остаются неизменными; но почти каждый год сменяются штампы.

Даем описание типа этих монет (приложение № 2 списка, рис. 1, *1*):

Л. с. السلطان المعظم Султан высочайший

كيقباد بن كيخسرو Кай-Кубад бен Кай-Хосру.

Вокруг: ضرب هذا الدرهم بسيواس чеканен этот диргем в Сивасе.

О. с. مومنين правоверных

الامام الناصير Имам Ан-Насир

لدين الله امير лид-дин-Аллах повелитель.

Вокруг: سنة عشرين [و] ستمائة в году шестьсот двадцатом (1223) [3].

Среди монет этой группы обнаружена одна (№ 13 списка) по типу чекана 620 г., но с совершенно искаженными надписями (место и дату чекана прочесть не удалось).

Весом, размером и пробой она не отличается от подлинных сельджукских диргемов, чеканенных с большим искусством, и потому считать ее подделкой оснований нет. В связи с этим напомним, что такие же монеты, хотя и единичные, имеются и в других музеях Грузинской ССР. Например, такая монета хранится в Краеведческом музее Боржоми (инв. № 826). Характерно, что эта монета найдена вместе с такой же искаженной тбилисской монетой с именем Менгу-каана.

Известно, что в крупных кладах тбилисских монет с именем Менгу-каана наряду с прекрасно отчеканенными подлинными диргемами попадается немало искаженных до неузнаваемости экземпляров, по весу и пробе совершенно тождественных подлинным (почему их и нельзя считать подделками). Е. А. Пахомов в свое время отмечал, что это явление характерно для городов окраин хулагуидских владений и никогда не встречается в продукции центральных городов. Возможно, что в этих районах были распространены подражания и сельджукским диргемам.

Девять монет Кай-Хосру II из Терджольского клада чеканены в Конии и Сивасе, и по ним также хорошо прослеживается постепенное изменение типов. Представлены монеты двух типов: 1) монеты, снабженные только надписями, и 2) монеты с изображением льва и солнца.

Опишем по одной монете каждой группы. Диргем Кай-Хосру II 1-го типа (№ 15 списка; рис. 1, *2*):

Л. с. السلطان Султан

الاعظم высочайший

كيخسرو Кай-Хосру

بن كيقباد бен Кай-Кубад.

Вокруг: ضرب هذا الدرهم فى سيواس чеканен [этот диргем [в] Сивасе.

Все легенды охвачены точечным ободком.

О. с. الامام Имам

المستنصر Мустансир

بالله биллах

امير المومنين повелитель правоверных.

Вокруг: خمس ثلثين و ستمائة шестьсот тридцать пятый (1237/1238).

[3] The Coins of the Turkoman etc. in the British Museum. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum, т. III, London, 1877, стр. 62, № 135.

Рис. 1. Монеты Терджольского и Манавского кладов

Все легенды охвачены точечным ободком[4].

Диргем Кай-Хосру II 2-го типа (№ 19 списка; рис. 1,*3*):

Л. с. السلطان الاعظم Султан высочайший
غياث الدنيا والدين Гиас ад-дуния-вад-дин
كيخسرو بن كيقباد Кай-Хосру бен Кай-Кубад.

Вокруг: ضرب بقونية فى سنة اربعين و ستمائة чеканен в Конии в году шестьсот сороковом (1242/1243).

Все легенды охвачены ободком из слитых точек.

О. с. Изображение льва и солнца; над ними полукругом:
الامام المستنصر بالله امير المومنين

Имам Мустансир биллах, повелитель правоверных[5].

Из 19 монет этого клада, битых именем Кай-Кавуса II, 13 монет помечены 644 г. х. (1246/1247) и имеют пометку только двух монетных дворов — Сиваса и Конии. Отметим, что монеты одного года чекана, совершенно одинаковые по виду, отличаются друг от друга только местом чекана.

Несмотря на частую смену штампов и очень незначительные изменения типов, все надписи в основном одни и те же, так что можно ограничиться описанием одной монеты (№ 23 списка; рис. 1, *4*).

В четырехугольной рамке из слитых точек:

Л. с. السلطان الاعظم Султан высочайший
ظل الله فى العالم да благословит Аллах во вселенной
عز الدنيا والدين Азз-ад-дуния вад-дин
كيكاوس بن كيخسرو Кай-Кавус бен Кай-Хосру.

Вокруг: ضرب هذا الدرهم بقونية чеканен этот диргем в Конии.

О. с. В такой же рамке, как на лицевой стороне:
لا اله الا الله Нет бога, кроме Аллаха,
محمد رسول الله Мухаммед—посол Аллаха,
الامام المستعصم Имам Мустасим
بالله امير المومنين биллах повелитель правоверных.

Во внешних сегментах: سنة اربع و اربعين و ستمائة год шестьсот сорок четвертый (1246—1247)[6].

Клад содержит одну интересную монету Кай-Кавуса II, помеченную 658 г. х. (1259/1260), т. е. временем, когда давно уже чеканятся монеты от имени трех братьев — Кай-Кавуса II, Кылыч-Арслана IV и Кай-Кубада.

В богатом собрании восточных монет Гос. Эрмитажа, судя по инвентарному каталогу А. Маркова, этой монеты нет вовсе, а Исмаилом Галибом она отмечена как редкая[7]. Даем ее описание (№ 41 списка; рис. 1,*5*).

Л. с. السلطان الاعظم Султан высочайший
عز الدنيا و الدين ابو Азз-ад-дуния вад-дин абу
الفتح كيكاوس بن ал-фатх Кай-Кавус бен
كيخسرو Кай-Хосру.

Между второй и третьей строкой — орнамент.

О. с. В центре:
الله Аллах

---

[4] The Coins. . . . , стр. 75, № 186; И. Галиб. Сельджукские монеты. Стамбул, 1891, стр. 43, № 61 (на турецк. яз.).

[5] И. Галиб. Ук. соч., стр. 48, № 78/соот. № на табл.

[6] Этого же типа и места чекана, но 646 г. х. См. И. Галиб. Ук. соч., стр. 59, № 91.

[7] Там же, стр. 71, № 104, 105

العزة могущество.

Вокруг: ضرب مدينة قونية فى سنة ثمان [و] خمسين [و] ستمائة чеканен [в] городе Конии в году шестьсот пятьдесят восьмом (1259/1260).

Одну треть клада составляют монеты, чеканенные от имени трех султанов — Кай-Кавуса II, Кылыч-Арслана IV и Кай-Кубада. Как и в предыдущих группах, здесь представлены выпуски двух городов — Сиваса и Конии — начиная с 647 г. х. и до 654 г. х., но при наличии большого разнообразия штампов тип один (№ 51 списка; рис. 1,*6*).

Л. с. السلطان الاعظم Султан высочайший
عزالدنيا و الدين كيكاوس Азз-ад-дуния вад-дин Кай-Кавус
و ركن الدنيا والدين قلج ارسلان и Рукн ад-дуния вад-дин Кылыч-Арслан
وعلا الدنيا والدين كيقباد и алла-ад-дуния вад-дин Кай-Кубад
بن كيخسرو براهين امير المومنين бен Кай-Хосру Берахин, повелитель правоверных.

О. с. لا اله الا الله Нет бога, кроме Аллаха,
محمد رسول الله الامام Мухаммед — посол Аллаха, имам
المستعصم بالله امير Мустасим биллах, повелитель
المومنين ضرب سيواس سنة правоверных. Чекан Сиваса [в] году
سبع اربعين ستمائة шестьсот сорок седьмом (1249/1250) [8].

Из девяти монет Кылыч-Арслана IV из состава Терджольского клада четыре чеканены в Лулуйе, две в Мааден-Шехр и две в Сивасе; на одной место чекана и год прочесть не удалось. Хотя по всем признакам монета принадлежит Кылыч-Арслану IV, но надпись искажена и неразборчива. Здесь мы встречаемся с тем же явлением, что и на искаженной монете Кай-Кубада I (№ 77 списка; рис. 1,*7*; ср. № 13).

Л. с. الله Аллах
المنة благодеяние
السلطان الاعظم Султан высочайший
ركن الدنيا و الدين ابو Рукн ан-дуния вад-дин абу
الفتح قلج ارسلان بن ал-фатх Кылыч-Арслан-бен
كيخسرو Кай-Хосру.

О. с. لا اله الا الله Нет бога, кроме Аллаха,
محمد رسول الله Мухаммед — посол Аллаха.

Вокруг: ضرب فى [سنة] احدى ستين чеканена в году шестьсот шестьдесят первом в Лулуйе (1262/1263).
ستمائة باولوه

Монеты, чеканенные в Мааден-Шехре, встречаются сравнительно реже.

Терджольский клад смешанный и, как отмечалось выше, кроме описанных сельджукских монет, содержит шесть трапезунтских аспров Мануила I Комнина (1238—1263 гг.), битых по одному типу (№ 85 списка; рис. 1, *8*).

Л. с. Изображение императора Мануила I впрямь, в правой руке — лабарум, в левой — свиток, по обеим сторонам изображения — греческие буквы.

Слева: Н
И Мануил
Л
Справа: О
К Комнин
Н

[8] И. Галиб. Ук. соч., стр. 65, № 97.

О. с. Изображение святого Евгения впрямь, в правой руке — крест, левая придерживает складки одежды на груди; по обеим сторонам изображения — греческие буквы.

Слева: О
А̅ святой
ГІ
Справа: ЄV
ГЄ
(NH) Евгений[9]

Наличие этих монет в этом кладе — явление совершенно закономерное, так как со второй четверти XIII в. монеты румских Сельджуков и трапезунтских Комнинов имели в Западной Грузии одинаковое обращение и, по существу, биты по одной и той же так называемой сельджукской весовой системе.

Иначе обстоит дело с «кааником» I типа, также из состава Терджольского клада. Монета эта принадлежит к числу анонимных диргемов, чеканенных в Восточной Грузии при монголах — в 60-х годах XIII в. (№ 90 списка; рис. 1, *9*):

Л. с. В центре сложной геометрической фигуры:

قاان Каан
العادل правосудный.

О. с. В центре розетки:

لا اله ا Нет бога,
لا الله و حده لا кроме Аллаха единого,
شريک له нет сообщника ему.

Между первой и второй строкой — дата, от которой остался только месяц —

جمادى الاولى Джумада I[10].

Монеты эти ко времени захоронения клада беспрепятственно обращались в большом количестве наряду с тбилисскими диргемами Менгу-каана в Восточной Грузии, но в Западную Грузию они проникают редко, что объясняется общеполитической ситуацией, создавшейся в это время в Грузии: монголы в Западную Грузию проникнуть не смогли.

Закончив на этом обзор Терджольского клада, перейдем к описанию монет Манавского клада.

В мае 1954 г. в с. Манави Сагареджойского района[11] при земляных работах был найден клад серебряных монет. Выехавший на место находки Д. Г. Капанадзе доставил в Гос. музей Грузии бо́льшую часть клада, содержащую 87 монет: 84 диргема малоазийских сельджуков (румских) и 3 тифлисских диргема с именем Менгу-каана. Таким образом, и этот клад смешанный и относится также к XIII в.

Основным ядром клада являются монеты, чеканенные от имени Кай-Кубада I, 616—634 гг. х. (1219—1236) — 29 экз. и Кай-Хосру II 634—643 гг. х. (1236—1245) — 27 экз.

Остальная часть клада распределяется следующим образом: Кылыч-Арслан II 551—584 гг. х. (1156—1188) — 1 экз.; Кай-Кавус II 643—655 гг. х. (1245—1257) — 10 экз.; Кай-Кавус II, Кылыч-Арслан IV и Кай-Кубад 647—655 гг. х. (1249—1257) — 15 экз.; Кылыч-Арслан IV, 655—

[9] W. Wroth. Catalogue of the Coins of the Vandals Ostrogoths and Lombards and Trebizond in the British Museum. London, 1911, стр. 237, табл. XXXII, № 11.

[10] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 78, табл. VII, № 95.

[11] На исторической карте Грузии, изданной под редакцией акад. И. А. Джавахишвили, с. Манави обозначено как крепость, развалины которой сохранились и ныне. Расположено оно было на проезжей дороге, ведшей на Шемаху и одновременно связанной с большой торговой артерией Тбилиси — Мцхета — Мовакан — Бердаа.

666 гг. х. (1257—1267) — 1 экз. Тбилисские диргемы с именем Менгукаана — 646—658 гг. х. (1248—1259) — 3 экз. Сильно искаженная сельджукская — 1 экз.

Отсутствие в этом кладе тбилисских анонимных диргемов — «кааников», вошедших в Восточной Грузии с 1260-х годов в очень широкий обиход, свидетельствует о том, что захоронение клада не могло произойти позднее этой даты.

По монетным дворам клад распределяется следующим образом: Сивас — 42 экз., Кония — 33 экз., Кесария — 2 экз., Дунейсир — 1 экз., без обозначения места чекана — 4 экз., Тифлис — 3 экз., неразборчивых — 2 экз.

Здесь, так же как и в Терджольском кладе, представлена главным образом продукция двух монетных дворов — Сиваса и Конии. Как и Терджольский, этот клад также распределен нами по хронологическому признаку и в основном сходен с первым. Поэтому здесь мы воздержимся от описания и подчеркнем лишь некоторые детали.

Среди монет Кай-Кубада I имеются чеканенные в Сивасе, Конии, Кесарии, Дунейсире, но наряду с ними здесь есть 4 монеты, на которых место чекана не обозначено вовсе, а дата дана как цифрами, так и словами. Любопытно, однако, что эти даты не совпадают; цифрами написано 624, а словами 625 г.[12] (№№ 21, 22 списка; рис. 1, *10*). Имеются и такие экземпляры, на которых при наличии даты нет обозначения места выпуска (№ 16 списка; рис. 1, *11*) или при отсутствии места чекана имеется двойная дата: например, цифрами 624, а словами — 627 (рис. 1, *12*).

Особый интерес в этом кладе представляет одна стоящая особняком монета Кылыч-Арслана II, датированная 582 г. х. (1186/1187). Известно, что XII век на Ближнем Востоке знаменуется обращением медной кредитной монеты, а серебряная монета вступает в свои права лишь с начала XIII в. Поэтому серебряные монеты конца XII в. редки и интересны. В Гос. Эрмитаже, например, имеется лишь одна монета Кылыч-Арслана II, датированная 587 г.[13] (№ 1 списка; рис. 1, *13*):

Л. с. محمد رسول الله Мухаммед — посол Аллаха
صلى الله عليه да благословит Аллах его
السلطان المعظم Султан величайший
قلج ارسلان Кылыч-Арслан.

Вокруг: سنة اثنين و ثمانين و خمسمائة году пятьсот восемьдесят втором (1186/1187).

О. с. الامام Имам.
لا اله الا الله Нет бога, кроме Аллаха
وحده لاشريک له единого, нет ему сообщника.
الناصر لدين الله Насир-лид-дин-Аллах
امير المومنين повелитель правоверных.

Вокруг: ضرب هذا الدينار بقونية чеканен этот динар в Конии[14].

Так же как Терджольский, Манавский клад содержит одну очень искаженную монету, определить принадлежность которой невозможно. На ней можно усматривать фрагмент даты ...عشر (двадцать) и имя халифа, похожее на Мустансир المستنصر. Если это так, то можно считать, что монета скопирована с подлинного диргема Кай-Кубада I. Однако мастер, изготовлявший эту монету, очевидно, был совершенно не знаком с арабской письменностью.

---

[12] А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 378.
[13] Там же, стр. 374.
[14] И. Галиб. Ук. соч., стр. 4, № 3, табл. I, № 3.

Три тбилисских диргема с именем Менгу-каана (646—658 гг. х., т. е. 1248—1259 гг.) принадлежат одному общеизвестному типу (№ 86 списка; рис. 1,*14*):

Л. с. В квадратной рамке из слитых точек:

مونگک قا Мунке ка-

ان الاعظم ан величайший

العادل справедливый

Вокруг: ضرب تفليس هذا الدرهم чеканен [в] Тифлисе этот диргем.

О. с. لا اله الا Нет бога, кроме

الله و حده Аллаха единого,

لا شريک له нет ему сообщника.

Вокруг: شوال ثلث و خمسين و ستمائة шавваль шестьсот пятьдесят третьего (1254/1255) [15].

В результате изучения этих кладов возникает вопрос: в какой мере их состав отображает характер обращавшихся в то время серебряных монет как в Восточной, так и в Западной Грузии. Состав этих кладов свидетельствует о том, что они зарыты в 60-х годах XIII в. Это время хотя и совпадает с интенсивным выпуском тбилисских диргемов с именем Менгу-каана, но они, видимо, недостаточно удовлетворяли потребности страны. Правда, в это время в малом количестве чеканится серебро и медь двух грузинских царей, Давида Нарина и Давида Улу, но этого оказалось недостаточно. Это количество монет грузинских царей было настолько незначительным, что оно не могло удовлетворить потребности страны и, по-видимому, имело не столько экономическое значение, сколько политическое. Экономические потребности страны в монете удовлетворялись иными путями. До тех пор пока тбилисские диргемы Менгу-каана и анонимные тбилисские диргемы-«кааники» не стали удовлетворять потребностей страны в монете, Грузия, так же как и вся Малая Азия, пользовалась полновесными и высокопробными сельджукскими монетами. Ввиду большого притока этих монет в Грузию они становились предметом накопления, о чем свидетельствует большое число находок [16]. Зарегистрировано 14 таких случаев в Восточной Грузии (из них семь находок в Тбилиси и его окрестностях) и восемь случаев в Западной Грузии, свидетельствующих о том, что к середине XIII в. сельджукские монеты одинаково обращались как в Восточной, так и в Западной Грузии.

Зарытие описанных двух кладов можно связать с тревожными политическими событиями, имевшими место в конце 50-х годов XIII в.

Источники повествуют о том, что в 1259 г. в Восточной Грузии, управляемой в это время двумя Давидами (Нарином и Улу), вспыхнуло восстание, вызванное непосильным гнетом захватчиков. Во главе восстания встал Давид Нарин (сын Русудан). Хулагу выслал против восставших грузин большое войско, а соцарствующему, но пока стоящему в стороне Давиду Улу (сыну Георгия Лашиа), приказал выступить со своим войском вместе с монголами против египетского султана. Давид Улу отказался выполнить это приказание и таким образом тоже примкнул к восставшим. Монголы беспощадно расправлялись с восставшей страной, и Давид Нарин, решив, что продолжать борьбу не имеет смысла, перешел в Западную Грузию, где и укрепился. Спустя год, после бесплодной кровопролитной борьбы, туда же скрылся и царь Давид Улу. Монголы решили не преследовать их и ограничились захватом Восточной Грузии. При таких обстоятельствах в средние века богатство обычно скрывалось от врага и превращалось в клад.

---

[15] Д. Г. Капанадзе. Ук. соч., стр. 77, № 92.

[16] Сведения заимствованы как из шести книг Е. А. Пахомова «Монетные клады Азербайджана и других республик Закавказья», так и из специальной картотеки монетных находок, составленной зав. кабинетом нумизматики Гос. музея Грузии Д. Г. Капанадзе.

Список I
(монеты Терджольского клада)

№№ п. п.	Инвентарный №	От чьего имени чеканена монета	Место выпуска	Дата по хиджре	Диаметр	Вес
1	7839	Кай-Кубад I, 616—634 гг. х. (1219—1236 гг.)	Кония	617	23	2,63
2	5329	» »	Сивас	620	23/24	2,70
3	7806	» »	»	620	24	2,83
4	5330	» »	»	623	24/25	3,0
5	7835	» »	»	624	23	2,58
6	5269	» »	»	625	23	2,92
7	5270	» »	»	627	23	2,89
8	7838	» »	»	630	21/23	2,95
9	7808	» »	»	631	24	2,76
10	7807	» »	Кония	632	22/23	2,40
11	7836	» »	»	633	21/22	2,72
12	7837	» »	»	634	23	2,17
13	5271	» »	Искажено	Искажено	23	2,50
14	5316	Кай-Хосру II, 634—643 гг. х. (1236—1245 гг.)	Сивас	634	20/21	2,40
15	5313	» »	»	635	22/24	2,96
16	5273	» »	»	635	22	2,49
17	7809	» »	»	638	21/22	2,63
18	5274	» »	»	638	21	2,83
19	5272	» »	Кония	640	21	2,60
20	7817	» »	Сивас	642	22/23	2,46
21	7818	» »	Кония	642	23	2,54
22	5311	» »	»	644	22/23	2,52
23	7813	Кай-Кавус II, 643—655 гг. х. (1245—1257 гг.)	»	644	21	2,53
24	7819	» »	»	644	22/23	2,96
25	7820	» »	»	»	23	2,97
26	7821	» »	»	»	21	2,68
27	7822	» »	»	»	20/22	2,63
28	7823	» »	»	»	21	2,54
29	7824	» »	»	»	22	2,41
30	7825	» »	»	»	23	2,90
31	5314	» »	»	»	20/22	2,45
32	5281	» »	Сивас	64...	22	2,54
33	7814	» »	»	644	23	2,45
34	7829	» »	»	644	21	2,41
35	7827	» »	Кония	645	23	2,83
36	7828	» »	»	645	21/22	2,52
37	7830	» »	»	645	20/21	2,67
38	7826	» »	»	646	22/23	2,62
39	5280	» »	»	65...	20	2,28
40	5331	» »	Сивас	656	23/24	3,00
41	5279	» »	Кония	658	22	2,90
42	7844	Кай-Кавус II и братья, 647—655 гг. х. (1249—1257 гг.)	Сивас	647	22	2,30
43	7845	» »	»	»	22/23	2,48
44	7846	» »	»	»	22	2,29
45	7847	» »	»	»	21	2,56
46	7848	» »	»	»	21/22	2,27
47	7849	» »	»	»	22	2,43
48	7850	» »	»	»	21/22	2,82
49	5276	» »	»	»	22	2,59
50	7840	» »	»	»	21/22	2,47
51	7842	» »	»	»	20/21	2,38
52	7851	» »	»	651	21	2,42
53	7853	» »	»	»	21/22	2,60
54	7856	» »	Кония	652	21	2,48
55	7859	» »	»	»	21	2,25
56	7860	» »	»	»	22	2,91
57	7811	» »	»	653	21/22	2,93
58	7841	» »	Сивас	»	22/24	3,00
59	7843	» »	»	654	22	2,94

Продолжение списка I

№№ п. п.	Инвентарный №	От чьего имени чеканена монета	Место выпуска	Дата по хиджре	Диаметр	Вес
60	7854	Кай-Кавус II и братья 647—655 гг. х. (1249—1257 гг)	Кония	654	20/21	2,73
61	7857	» »	»	»	21	2,37
62	7858	» »	»	»	20	2,46
63	5315	» »	»	»	21/22	2,70
64	7863	» »	Не видно	»	21	2,63
65	7812	» »	Кония	»	22	2,93
66	7852	» »	Сивас	6...	21/22	2,46
67	7862	» »	»	65...	21	1,85
68	7864	» »	»	Стерто	22	2,29
69	7810	» »	»	65...	21	2,65
70	5312	» »	»	Неразб.	20	2,30
71	7855	» »	Кония	65...	21/22	2,52
72	7861	» »	»	Неразб.	21/22	2,42
73	5273	» »	»	64...	23	2,75
74	5278	» »	»	650?	22	2,94
75	5332	Кылыч-Арслан IV, 655—666 гг. х. (1257—1267 гг.)	Мааден-Шехр	655	22	2,96
76	7831	» »	Лулуйе	660	20/21	2,71
77	7815	» »	»	661	23	2,98
78	5282	» »	»	662	22	3,03
79	5283	» »	МааденШехр	[66]3	23	3,04
80	7833	» »	Лулуйе	66...	21	2,49
81	7832	» »	Сивас	Без даты	21	2,25
82	7834	» »	Сивас	—	23	2,37
83	7864	Сельджукская XIII века, (1238—1263 гг.)	Неразб.	—	22	2,29
84	5317	Мануил I Комнин (1238—1263 гг., Трапезунд)	—	—	20/21	2,49
85	5318	» »	—	—	21/22	2,86
86	5319	» »	—	—	20/22	2,87
87	5284	» »	—	—	21/22	2,88
88	7865	» »	—	—	22	2,95
89	7866	» »	—	—	23	2,70
90	7816	«Кааник» II типа	—	6...	21	2,82

Список II

(монеты Манавского клада)

№№ п. п.	Инвентарный №	От чьего имени чеканена монета	Место выпуска	Дата по хиджре	Диаметр	Вес
1	9084	Кылыч-Арслан II, 551—584 гг. х. (1156—1186 гг.)	Кония	582	20	2,40
2	9048	Кай-Кубад I, 616—634 гг. х. (1219—1236 гг.)	»	616	22/23	2,84
3	9048	» »	Сивас	617	22/23	2,84
4	9050	» »	»	617	23	2,86
5	9053	» »	»	617	22	2,70
6	9055	» »	»	617	22	2,92
7	9046	» »	Кония	617	22/23	2,83
8	9049	» »	»	617	22/23	2,62
9	9054	» »	»	617	23	2,89
10	9047	» »	Кесария	617	22	2,90
11	9051	» »	»	617	23	2,93
12	9042	» »	Сивас	618	24	2,91
13	9043	» »	»	618	23	2,92
14	9045	» »	»	618	22	2,81

Продолжение списка II

№№ п. п.	Инвентарный №	От чьего имени чеканена монета	Место выпуска	Дата по хиджре	Диаметр	Вес
15	9030	Кай-Кубад I, 616—634. гг х. (1219—1236 гг.)	Кония	623	21/22	2,62
16	9031	» »	—	624	22	2,88
17	9033	» »	Сивас	6[2]5	22/23	2,90
18	9037	» »	»	6[2]5	22	2,66
19	9036	» »	Кония	625	22	2,55
20	9034	» »	Сивас	625	22/23	2,92
21	9032	» »	—	624 625	24	2,90
22	9035	» »	—	624 625	23	2,85
23	9038	» »	Сивас	626	22/23	2,89
24	9039	» »	Дунейсир	626	23	2,88
25	9041	» »	—	624 627	22	2,58
26	9044	» »	Сивас	62...	22/23	2,65
27	9057	» »	»	63...	22/23	2,47
28	9052	» »	»	6...	23	2,92
29	9029	» »	Сивас	62...	24	2,93
30	9058	» »	Кония	—	23	2,92
31	9022	Кай-Хосру II, 634—643 гг. х. (1236—1245 гг.)	Сивас	635	22	2,92
32	9023	» »	»	[6]3[5]	22/23	2,92
33	9024	» »	»	635	22/23	2,98
34	9025	» »	»	635	22	2,91
35	9026	» »	»	637	22	2,89
36	9028	» »	»	638	22/23	3,00
37	9010	» »	»	638	21/22	2,85
38	9011	» »	»	638	21/22	2,98
39	9012	» »	»	638	21/22	2,95
40	9013	» »	»	638	22	2,93
41	9014	» »	»	638	21	2,94
42	9015	» »	»	638	21	2,54
43	9016	» »	»	638	22	3,02
44	9017	» »	»	638	21/22	2,99
45	9018	» »	»	638	22/23	2,90
46	9021	» »	Кония	639	22/23	2,98
47	9019	» »	»	639	21/22	2,96
48	9020	» »	»	640	22/23	2,94
49	9003	» »	Сивас	642	24	2,96
50	9005	» »	»	642	22	2,38
51	9006	» »	»	642	24/25	2,97
52	9007	» »	»	642	23/24	2,94
53	9008	» »	Кония	642	23/24	2,08
54	9009	» »	Сивас	642	24	2,92
55	9002	» »	Кония	642	23	2,60
56	9004	» »	»	64...	22/23	2,57
57	9027	» »	»	63...	22/23	2,60
58	9078	Кай-Кавус II, 643—655 гг. х. (1245—1257 гг.)	Сивас	644	23	2,98
59	9079	» »	»	644	22/23	2,90
60	9080	» »	Кония	644	24	2,98
61	9081	» »	»	644	21	2,95
62	9082	» »	Сивас	644	22	2,85
63	9056	» »	Неразб.	644	22/23	2,95
64	9074	» »	Кония	645	22	2,80
65	9075	» »	»	65...	22	2,98
66	9076	» »	»	65...	21/22	2,91
67	9077	» »	»	65...	21	2,51
68	9063	Кай-Кавус II и братья, 647—655 гг. х.(1249—1257 гг.)	»	647	21/22	2,73
69	9064	» »	»	647	22/23	3,04
70	9060	» »	Сивас	647	22/23	2,97

Продолжение списка II

№№ п. п.	Инвентарный №	От чьего имени чеканена монета	Место выпуска	Дата по хиджре	Диаметр	Вес
71	9066	Кай-Кавус II и братья, 647—655 гг. х. (1249—1257 гг.)	Сивас	647	22/23	2,98
72	9072	» »	»	647	23	2,91
73	9061	» »	Кония	64...	22	3,03
74	9065	» »	»	64...	21/22	2,84
75	9067	» »	»	64...	21/23	2,71
76	9059	» »	»	64...	22	2,87
77	9073	» »	»	64...	22/23	3,03
78	9070	» »	»	64...	21/22	2,95
79	9071	» »	»	64...	22	2,96
80	9062	» »	»	650	21	2,95
81	9068	» »	»	652	21/22	2,95
82	9069	» »	»	654	21/22	3,00
83	9088	Сильно искажена	—	—	22	2,50
84	9083	Кылыч-Арслан IV, 655—666 гг. х. (1257—1267 гг.)	Сивас	655	23	3,21
85	9085	Менгу-каан 646—658 гг. х. (1248—1259 гг.)	Тифлис	6...	23/24	2,71
86	9086	» »	»	65...	23	2,72
87	9087	» »	»	653	23	2,68

В. А. ПАДИН

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК КВЕТУНСКИХ КУРГАНОВ X — XIII вв.

В 1948 и 1953 гг. Трубчевским краеведческим музеем были произведены раскопки семи курганов на территории славянского могильника у дер. Кветунь Трубчевского района Брянской области. Этот могильник совсем недавно состоял из четырех групп, расположенных в урочищах «Гай», «Дуля», «Литовские могилы» и «Жаденова гора». В настоящее время в нем осталось три группы, так как курганы «Жаденовой горы» полностью уничтожены распашкой и о них напоминают лишь темные пятна на глинистом поле. В результате распашки уменьшилось количество курганов и в урочище «Гай». Эта самая значительная группа (около 300 насыпей) расположена на плато, в 300 *м* к северо-западу от древнего Чолнского монастыря, находящегося на правом высоком коренном берегу Десны. Рядом расположено Кветунское городище-детинец — остатки неизвестного древнего города [1], посад которого включал всю современную монастырскую территорию, о чем говорят находки керамики великокняжеского времени и следы древнего рва. На обширность курганной группы в древности указывает наличие на расстоянии 2 *км* к северу еще двух курганов.

Все насыпи курганов имеют округлую форму, сильно оплыли от распашки, имеют широкие, часто сливающиеся основания. Высота — от 0,3 до 2,5 *м*. На южной окраине группы возвышается большой (высотой около 5 *м*, диаметром около 20 *м*) курган с крутыми боками и срезанным в виде наклонной площадки верхом, а рядом (в 30 *м* южнее) видна оплывшая возвышенность — остаток раскопанного колодцем и распаханного большого кургана. Интересно отметить, что в группе есть несколько сравнительно больших, но оплывших курганов, вокруг которых концентрируется по нескольку маленьких насыпей. Отдельные курганы имеют глиняные «шапки», что внешне сближает их с черниговскими курганами [2].

Раскопки нами производились в северной части группы. Исследовались как насыпи, так и подкурганные площади. Для исследования профиля насыпи оставлялась бровка шириной в 0,5 *м*, ориентированная с юга на север. Насыпи курганов № 1, 2, 3, 5, 7 состояли из чернозема с включениями лёссовидного суглинка, а насыпь кургана № 4 из одного лёссовидного суглинка, подстилавшего в районе раскопок 20—25-сантиметровый почвенный слой.

Курган № 1 (раскопанный). Высота насыпи 2,5 *м*, диаметр 12 *м*. Под черноземом открылись следы раскопок колодцем. В южной части насыпи на глубине 1,35 *м* встречено вводное погребение. Костяк, лежавший головой на юго-запад, был сильно изогнут. Инвентаря не было. В западной половине насыпи кургана на глубине 1,8 *м* найден остаток железного обруча от деревянного ведра, а в заполнении «колодца» — два височных кольца из толстой серебряной проволоки с разомкнутыми концами (рис. 1, *1*). Нарушенная могила местами прослеживалась. Она была ориентирована на юго-запад, ее глубина — около 0,7 *м*, верх засыпан слоем

[1] М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 77.

[2] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 23.

золы (толщиной 2 *см*, имевшей в юго-западной половине бурый цвет). На дне ямы, у нарушенного костяка, найдено два таких же, как и в первом случае, височных кольца (одно с заходящими концами) и бусы — две

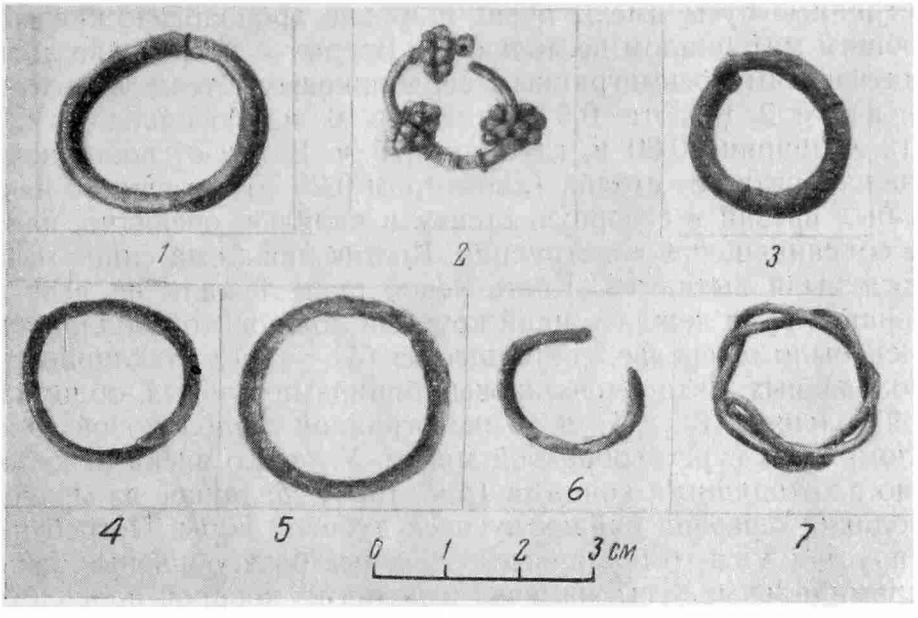


Рис. 1. Изделия из цветных металлов

1—3 — серебряные височные кольца; *4—6* — медные височные кольца; *7* — медное кольцо, найденное у пояса

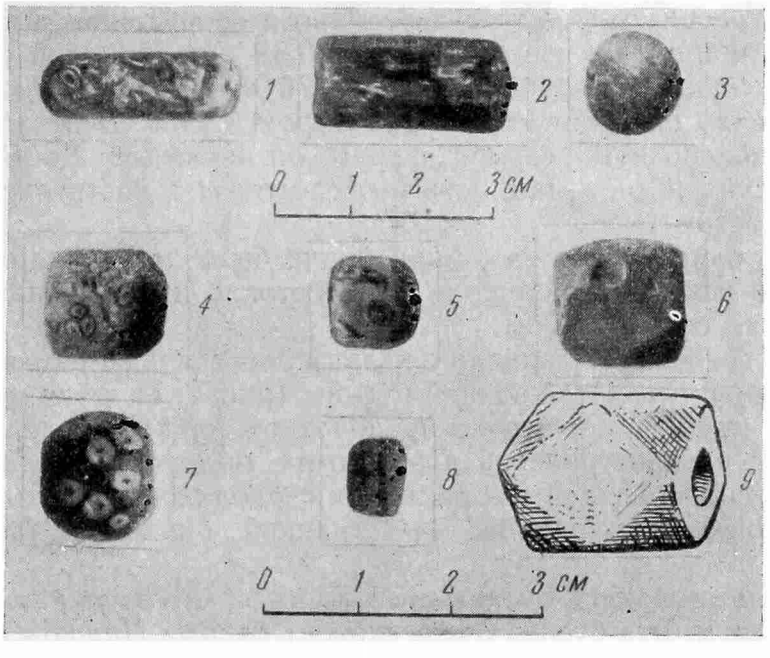


Рис. 2. Бусы

1—3 — пастовые; *4—6, 9* — сердоликовые; *7* — стеклянная; *8* — медная (*1—2* — кург. № 7; *3—5* — кург. № 1; *6—8* — кург. № 3; *9* — кург. № 2)

восьмигранные призматические, одна крупная неправильно шарообразная, четыре многогранные сердоликовые (рис. 2, *2, 3*) [3] и одна восьмигранная

[3] Аналогичные бусы опубликованы: А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 55, рис. 15; Н. Ф. Калинин. Экспедиция по западным районам Татарской АССР. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 59, рис. 20, *12*; К. Ф. Смирнов. Агач-Калинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 116, рис. 51, *2* и др.

призматическая мозаичная двухслойная из зеленовато-серой (внутри), желто-оранжевой (снаружи) пасты, орнаментированная зелеными ветвистыми полосами и черными глазками, окруженными неправильными белыми кружочками (рис. 2, *1*).

Многогранные бусы имеют очень широкие хронологические границы [4] и датирующим материалом не являются. Вскрытое погребение датируется по призматическим восьмигранным сердоликовым бусам X веком.

Курган № 2. Высота 0,5 *м*, диаметр 6 *м*. Могильная яма имела длину 2,13 *м*, ширину 0,60 *м*, глубину 0,75 *м*. В 1 *м* от восточной стенки ямы виднелось пятно от столба (диаметром 0,25 *м*), стоявшего на дне могилы; он был врезан в северную стенку и являлся, очевидно, частью какой-то не сохранившейся конструкции. Костяк лежал на спине головой на запад; ноги были вытянуты. Кисть левой руки лежала на левом бедре. У кисти правой руки лежал тонкий круглый ложновитой биллоновый браслет, у шеи было ожерелье, состоящее из бус — трех стеклянных золоченых бочкообразных, пяти сердоликовых бипирамидальных, обломка пастовой, одной большой (21 × 17 *мм*) многогранной сердоликовой (рис. 2, *9*), трех (обломки) из сургучеобразной массы. У левого виска лежало височное кольцо с заходящими концами (рис. 1, *4*), сделанное из медной кованой проволоки. У черепа найден кусочек дубовой коры. Погребение женское, датируется XI в. (стеклянные золоченые бочкообразные, сердоликовые бипирамидальные бусы, наличие изделия из кованой проволоки [5]).

Курган № 3. Высота 0,45 *м*, диаметр около 6 *м*. Могильная яма размером 3,45 × 1,5 *м* была, очевидно, обложена досками, от которых на северной стенке сохранился слой истлевшего дерева толщиной до 3 *см*. Как размером, так и дощатой обкладкой стен яма напоминает более ранние шестовицкие срубные камеры [6]. При вскрытии могилы были замечены следы стенок истлевшего дощатого деревянного сооружения высотой 0,55 *м*, длиной 2,6 *м*, шириной в восточной части 0,55 *м*, в западной — 0,7 *м*, стоявшего на материке на глубине 1 *м*. В 0,75 *м* от восточного конца ямы было прослежено пятно от столба диаметром 0,25 *м*. В верхнем слое могилы было найдено два фрагмента круговой керамики. Костяк лежал на дне могилы головой на запад, ноги были вытянуты, кисти рук находились на тазовых костях.

Интересно отметить, что ноги покойника были засыпаны одним черноземом, в то время как заполнение ямы состояло из лёссовидного суглинка, смешанного с черноземом.

На шее погребенного найдено ожерелье, состоявшее из одной крупной стеклянной синей глазчатой зонной бусины (рис. 2, *7*), двух медных (одна напускная) с крупной зернью на проволочном каркасе (рис. 2, *8*), имевших широкое распространение в западных областях Киевской Руси [7], обломка из стеклообразной массы и трех сердоликовых (чуть сплюснутой призматической восьмигранной, многогранной, бипирамидальной) бусин (рис. 2,*6*).

Каждый глазок зонной бусины состоял из синего «зрачка», окруженного белым ободком. Эта бусина очень схожа с бусами Пашковского могильника [8], а также напоминает бусы из Старой Ладоги [9].

У левого виска черепа лежало серебряное с заходящими концами маленькое височное кольцо. Справа у пояса лежало распавшееся кольцо из

---

[4] Бусы такого рода встречены в погребениях IX—X вв. Агач-Калинского могильника (см. К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 117), среди мордовского инвентаря X—XI вв. (см. Н. Ф. Калинин. Ук. соч., стр. 64), а также в памятниках более древних.

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 161.

[6] Д. И. Блифельд. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. СА, XX, 1954, стр. 151.

[7] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 458.

[8] К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 122, 123, рис. 37, *6*.

[9] Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 170.

тонкой медной проволоки. Захоронение женское; инвентарь позволяет отнести его к X—XI вв.; глазчатая бусина более ранняя.

К у р г а н № 4. Высота 0,5 *м*, диаметр 6 *м*. Длина могильной ямы 2 *м*, ширина 0,6 *м*, глубина 0,45 *м*. Заполнение — лёссовидный суглинок с ред-

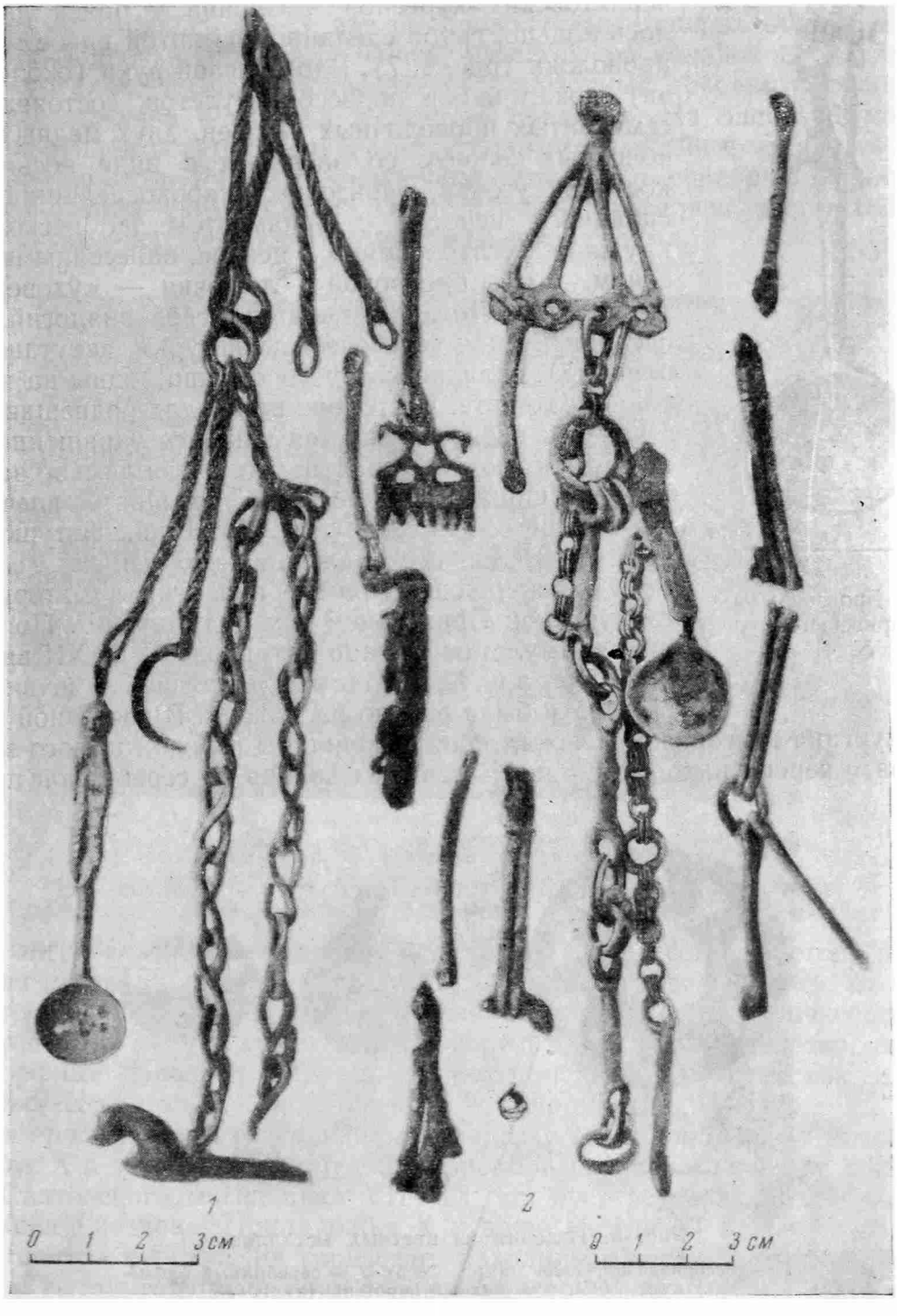


Рис. 3. Привески-амулеты
(*1* — кург. № 4; *2* — кург. № 5)

ким включением чернозема. Ноги покойника, как и в погребении № 3, были засыпаны одним черноземом. Костяк лежал на спине, головой на юго-запад, имел искривленный позвоночник (горб?). Ноги и руки вытянуты. Под костяком к северо-западу от него встречены остатки гроба. У черепа найдено шесть медных неспаянных височных колец (рис. 1, *б*).

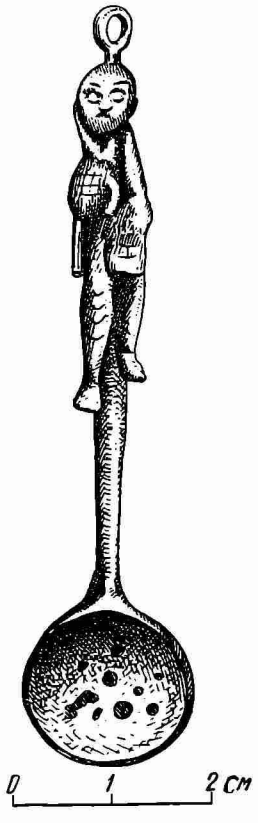


Рис. 4. Бронзовая ложечка-привеска (кург. № 4)

Четыре кольца были сильно разогнуты, что говорит об индивидуальных приемах в их использовании. У затылка лежало серебряное трехбусинное височное кольцо с зернью, киевского типа (рис. 1, *2*), аналогичное кольцам из владимирских курганов [10] и черниговских курганов [11]. Справа у пояса находилось кольцо, грубо сделанное из витой вдвое медной проволоки (рис. 1, *7*). Вдоль левой руки (около плеча) лежал набор подвесок-амулетов, состоящий из семи витых проволочных звеньев, двух медных проволочных цепочек со звеньями в виде восьмерки, костяной уточки, бронзового широкосрединного неспаянного перстня с орнаментом из нескольких кружков с углублениями в центре, нанесенными пунсоном, и бронзовой ложечки — «уховертки» (рис. 3, *1*). Ложечка не имеет себе аналогий. Она сделана в виде человеческой фигурки, закутанной в плащ (?), складки которого хорошо видны на ногах, спине и животе. На голове петля для подвешивания, с правого виска спускается какое-то украшение (?). Левая нога короче правой, что, очевидно (по замыслу литейщика), должно было создавать впечатление идущего человека (рис. 4). Длина фигурки без петли — 34 *мм*, всей ложечки — 76 *мм*.

Уточка находит прямые аналогии в материалах из курганов Прикамья [12] и у радимичей [13]. Погребение по амулетам можно датировать XI—XII вв. [14].

Курган № 5. Насыпь высотой 0,6 *м*, диаметром 9,5 *м* была сильно распахана. В восточной половине кургана на горизонте лежал костяк женщины головой на юго-запад. Справа у черепа находились два массивных кольца из серебряной прово-

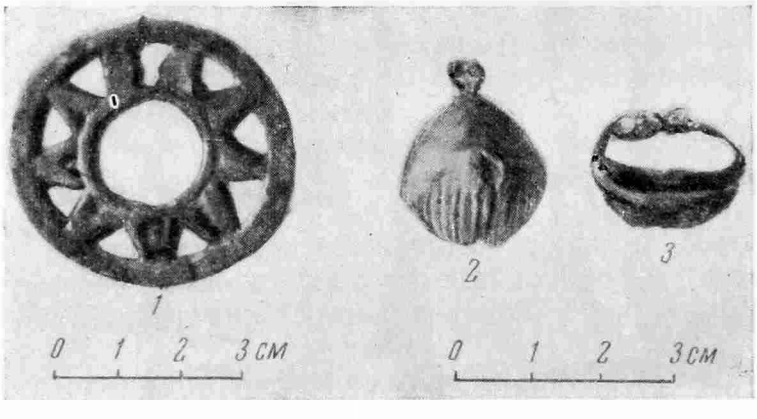


Рис. 5. Изделия из цветных металлов

1 — серебряная пуговица (кург. № 5); *2* — серебряный бубенчик (кург. № 7); *3* — медный перстень (кург. № 7)

локи с утонченными концами (рис. 1, *3*). Ожерелье состояло из бус — пяти сердоликовых многогранных, двух шарообразных мелких, одной

[10] А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. XV, 1905, стр. 139, рис. 132.
[11] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 21, рис. 4.
[12] А. А. Спицын. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, СПб., 1902, стр. 30, рис. 19.
[13] Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы сэкцыі археологіі, т. III, Менск, 1932, табл. VI.
[14] История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 403, рис. 194, *1*.

призматической восьмигранной, чуть сплюснутой, семи стеклянных золоченых, одной округлой из горного хрусталя и 125 бисерных. Среди них были одночастные (преимущественно) и двухчастные, посеребренные и позолоченные (две) пронизки. У левой руки лежал набор привесок-амулетов, прикрепленных к колодочке цепочкой с кольцеобразными проволочными звеньями и тремя литыми цепочками (рис. 3, *2*). Звенья литых цепочек соединялись друг с другом проволочными спиралеобразными колечками. Цепочки, подобные нашей, известны из находок во владимирских курганах [15]. Среди привесок — миниатюрный гребень с головками коньков, ложечка и остатки железного предмета. На одном из колечек был накреплен остаток медного пластинчатого перстня с чеканным елочным орнаментом. Рядом с колодочкой находилась серебряная привеска, напоминающая екимауцкие [16]. Она, очевидно, являлась застежкой, так как у внутреннего ободка имеется стержневое гнездо.

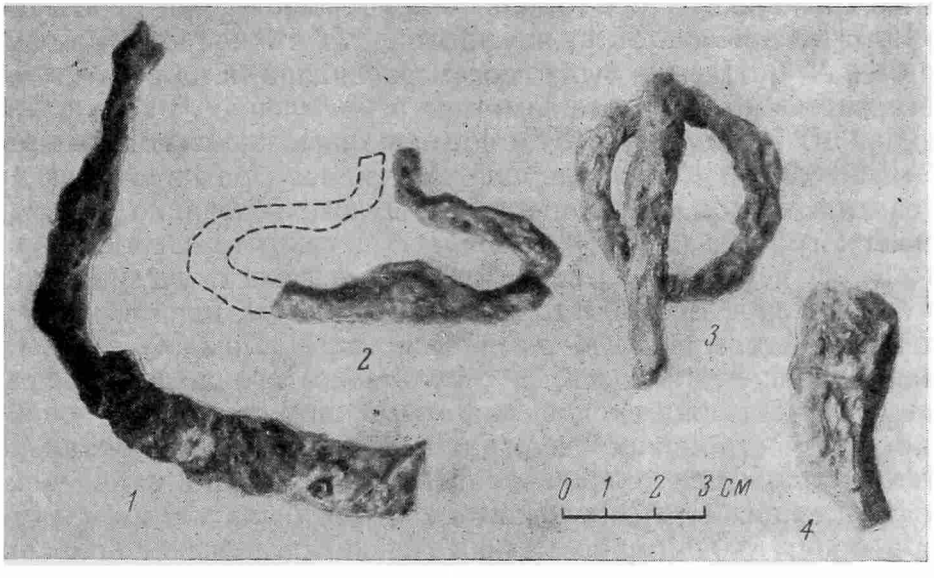


Рис. 6. Изделия из железа

1 — скобель: *2* — кресало; *3* — дверное кольцо; *4* — резец (кург. № 5)

В погребении встречены остатки ткани (у привесок-амулетов) и серебряная пуговица-застежка (рис. 5, 1), а также сгнившее дерево от гроба.

Это захоронение датируется стеклянными золочеными бочкообразными бусами XI веком; этому не противоречат и находки амулетов, так как зооморфные привески, например в костромских, ленинградских и приладожских курганах, относятся к XI — началу XII в. [17].

Интересно отметить наличие в ожерелье боченкообразных позолоченных бус X в. [18] и особенно мелких шарообразных сердоликовых, типичных для Салтовского могильника VII—IX вв. бус, встречающихся также в курганах Гнездова, Приладожья X и даже иногда XI в. [19].

В центре кургана, на горизонте, находились останки костяка, лежавшего в вытянутом положении головой на юго-запад. В 15 *см* выше пяточных костей лежала половина железного скобеля черенком вниз (рис. 6, *1*). Аналогичный скобель, происходящий из Киева, издан М. К. Каргером [20].

---

[15] А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 157, рис. 407.

[16] Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 113, рис. 48, *1*.

[17] Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 38.

[18] Ф. О. Гуревич. Ук. соч., стр. 179.

[19] А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 352

[20] М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание. СА, XI, 1949, стр. 77, рис. 23.

У ног костяка найдено четыре железных гвоздя от гроба и два кольца (одно из них с пробоем) для висячих замков (рис. 6, *3*). Здесь же был заостренный железный предмет (длиной в 50 *см*) в виде резца — четырехгранный, несколько согнутый (рис. 6, *4*). Рядом находились два обломка калачевидного кресала (рис. 6, *2*) и какой-то изогнутый железный предмет длиной 12 *см*, шириной 1,8 *см*, сделанный из свернутой вдвое железной пластинки. «Резец», кресало, кольца, изогнутый предмет лежали вместе, и от них на север шли остатки проволоки длиной 15—17 *см*, свидетельствующие о том, что все эти предметы были связаны вместе и дверные кольца в данном случае не принадлежали к какому-либо деревянному погребальному сооружению. На фаланге правой руки был пластинчатый серебряный перстень с несколько суживающимися разомкнутыми концами. В инвентаре этого погребения (мужского?) нет датирующих вещей. Но изданный М. К. Каргером скобель, найденный с инвентарем XII — начала XIII в. [21], позволяет относить это захоронение ко времени в пределах этих хронологических границ. Нарушенность слоев насыпи указывает, что это погребение было впускным.

Курган № 6. Насыпь была совсем распахана, и на ее месте остались лишь лёссовидное пятно и еле заметное всхолмление. В зоне пятна (диаметр около 4 *м*) на глубине 0,20 *м* обозначалась могильная яма размером 1 × 2,93 *м*, глубиной 1,40 *м*. Ее заполнение своеобразно: костяк находился в 20-сантиметровом слое тонкого и рыхлого (очевидно, просушенного и измельченного) лёссовидного суглинка, перекрытого слоем (толщиной около 5—6 *см*) чернозема. Вверху слои чернозема и суглинка чередовались и были покрыты слоем толщиной 10—15 *см* из тонкой сероватой земли, похожей на дорожную пыль. Вся эта засыпка кверху на высоту 80 *см* равномерно суживалась. В результате этого верхнее обычное заполнение ямы имело вид сводов, напоминающих своды над покойниками в речицких [22] и костромских [23] курганах. Женский костяк лежал на спине в вытянутом положении головой на юго-запад. Правая рука, чуть согнутая в локте, лежала вдоль туловища, а левая была несколько откинута. У черепа найдены две бисерные зеленые бусины, а у висков по одному тонкому серебряному неспаянному височному кольцу. Оснований для датировки погребения нет.

Курган № 7. Высота 0,35 *м*, диаметр 8 *м*. Несколько южнее центра кургана была вскрыта могильная яма размером 2,4 × 1 *м*, глубиной 0,45 *м*. В верхнем слое северо-восточного конца ямы в одной куче лежали части таза, черепа, зубы, шейный позвонок и др., а также три медных височных кольца с заходящими концами, маленький, обычный для этого времени нож с прямой спинкой, восемь бусин бисера, одна маленькая каплевидная пастовая бусина, три желто-оранжевые глазковые бусины, по материалу и технике изготовления аналогичные бусине из погребения № 1 (рис. 2, *4—5*).

Здесь же найден медный пластинчатый широкосрединный перстень с завязанными концами (рис. 5, *3*). Подобные перстни известны в гнездовских курганах [24]. На дне ямы, в 0,5 *м* от ее юго-западного конца, лежали обломок черепа и зубы. В области пояса найдены три серебряных грушевидных бубенчика с крестообразной прорезью (рис. 5, *2*), аналогичные бубенчику из Тумовского селища [25] и так часто встречающиеся в верхне-

---

[21] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 65—67.

[22] Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне). СА, XXV, 1956, стр. 155.

[23] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 14.

[24] А. Спицын. Гнездовские курганы..., стр. 56, рис. 30; Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 100, рис. 29, *13*.

[25] Е. И. Горюнова. Муромская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 99, рис. 36, *5*.

волжских курганах [26]. На этом участке было также несколько бисерных бусин, служивших, очевидно, пуговицами. У остатка черепа лежали два неспаянных височных кольца из тонкой медной проволоки (рис. 1, *5*), а у зубов — крупная двухчастная желтая и синяя стеклянные бусины. Справа у шеи находились три целые и две половинки продолговатых четырехгранных бусин, сделанных, очевидно, из шифера. На шее в два ряда лежали остальные части ожерелья, состоявшего из бисера и бронзовых пуговиц. Пуговицы и бисер строго чередовались, а к краям нижнего ряда пуговицы чередовались через две бусины. Часть ожерелья из 15 бисерных бусин и четырех пуговиц находилась у правого плеча, где был и обломок привески, похожей на лунницу. Остаток такой же привески (очевидно, биллоновой) лежал в центре верхнего ряда ожерелья. Бисер в основном был желтый. Кроме этого, в ожерелье входили бусы — одна маленькая кольцеобразная, обломок стеклянной синей, одна округлая средней величины из желтого стекла. Среди украшений был двустворчатый бубенчик. Всего в ожерелье было 103 бусины и 59 пуговиц, не считая привески. Окись металла местами сохранила суровую нитку, на которой были нанизаны украшения.

В северной части кургана было вскрыто еще одно погребение на горизонте, ориентированное головой на запад. Костяк почти весь разрушен распашкой. Справа у пояса найден остаток узкого с толстой спинкой ножа («засапожника»). Погребение, представленное кучей костей в верхнем слое могильной ямы, судя по глазчатым бусам, относится к X в., что подтверждается и перстнем, так как аналогичные ему перстни встречены в гнездовских курганах X в.[27]. Захоронение в яме этого кургана датируется XI—XII вв. [28]. Очевидно, при совершении данного погребения был использован существовавший уже курган, что разрушило захоронение (на горизонте?) с инвентарем X в. Испорченная же вспашкой курганная насыпь следов нарушенности, естественно, не сохранила.

Несмотря на небольшое число исследованных курганов, добытый раскопками материал все же позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего очевиден факт имущественной дифференциации (погребения с бо́льшим и меньшим количеством вещей). Характер найденного инвентаря явно городской (трехбусинное с зернью серебряное височное кольцо [29], столярные инструменты [30], застежка от плаща).

Значительная часть инвентаря близка к украшениям радимичей (подвески-амулеты [31], бусы стеклянные разноцветные, позолоченные, бисер [32], двустворчатые бубенчики [33] и др.). Некоторые захоронения в какой-то степени близки к радимичам и по погребальному обряду (положение на горизонте, использование дерева [34]).

Очевидно, Кветунский могильник является некрополем неизвестного радимичского города; это предположение несколько расширяет область расселения летописных радимичей. Оно в какой-то мере подкрепляется и топонимикой (сёла края Радутино, Радинск, Радчино; оз. Радомье).

В то же время в исследованных курганах имеются особенности, видимо, отличающие иные этнические группы. Здесь преобладают ямные захоронения, не характерные для радимичских могильников [35]; возведение над покойником сводов, встречающееся, как было указано выше, на тер-

---

[26] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 38.

[27] Д. А. Авдусин. Ук. соч., стр. 101, 103.

[28] Находимые в верхневолжских курганах бубенчики относятся к XI и первой половине XII в. См. Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 38.

[29] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 337.

[30] Там же, стр. 408.

[31] Там же, стр. 458.

[32] Г. Ф. Соловьева. Ук. соч., стр. 156—159.

[33] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, т. VI—VII, 1947, стр. 92.

[34] Г. Ф. Соловьева. Ук. соч., стр. 160.

[35] Там же.

ритории расселения дреговичей и у костромских кривичей, использование коры и конструктивные особенности погребальных сооружений в курганах № 2, 3.

В связи с этим интересно погребение из кургана № 1, которое, судя по украшениям (призматические сердоликовые бусины часто встречаются у новгородских словен и кривичей и редко — у других славянских племен [36]) и погребальному обряду (раннее, но уже с трупоположением), очевидно, к радимичам не относится.

Судя по материалам, и захоронение в кургане № 3 не радимичское.

Небезынтересно отметить, что в Кветунских курганах были встречены типичные северянские украшения (спиральные височные кольца, гривна со сгибнями [37]).

Этот факт, так же как и в Людковской курганной группе [38], может объясняться пограничным положением могильника. Возможно, указанная пестрота в инвентаре и погребальном обряде связана с неоднородным этническим составом Кветуни, созданным городскими условиями; однако это может быть установлено лишь в результате широко поставленных археологических работ.

Глиняные «шапки» у отдельных курганных насыпей, отсутствие керамики, характерное для черниговских курганов [39], обкладка деревом стен и размеры могильной ямы в кургане № 3 свидетельствуют о влиянии, шедшем с юга, и указывают на тесную связь в прошлом исследуемого района с Киевом и Черниговом.

Мною ранее предположительно указывалось на возможность отнесения Кветунского археологического комплекса к Трубчевску [40]. Разрешение этого вопроса представляет большой интерес в свете изучения происхождения и развития древнерусского города.

---

[36] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 37.
[37] Хранятся в фондах Трубчевского музея.
[38] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, стр. 92—93.
[39] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 19.
[40] В. А. Падин. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 92.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

РАСКОПКИ 1956 и 1957 гг. в НОВГОРОДЕ

Большие раскопки, начатые в 1951 г. в Новгороде, ведутся с тех пор ежегодно. Значение новгородских берестяных грамот и других новых для науки материалов теперь общепризнано, и можно на этом здесь не останавливаться.

Хронология устанавливается (чем дальше, тем надежнее) по 28 строительным ярусам (см. статью Б. А. Колчина в этом номере журнала). Все сооружения и почти все находки распределяются по этим ярусам.

Экспедиция расширяла в разных направлениях огромный Неревский раскоп, руководствуясь расположением древних улиц и построек. Конечно, расположение современных улиц и построек иногда ограничивало возможности расширения. Экспедиция сознательно сосредоточивает свои силы в одном месте. Если бы работы велись одновременно в разных частях города, это дало бы лишь разрозненные куски различных застроек. На цельном Неревском раскопе все застройки между собой связаны. Еще нигде археологам не удавалось раскопать такой большой кусок средневекового города. В этой маленькой статье невозможно сказать что бы то ни было об открытых сооружениях; они настолько обильны и разнообразны, что даже беглый их обзор занял бы много места. Здесь надо издать в пределах возможности некоторые археологические находки, в том числе некоторые берестяные грамоты.

Важным историческим выводом из новгородских раскопок является утверждение о ремесленном характере города. Впрочем, об этом уже говорилось неоднократно. Теперь обнаружено несколько новых мастерских. Например, можно назвать мастерские укладников (т. е. специалистов по производству стали) XII в. Там были развалы мелких кусков шлака и крупных кусков обожженного песка в форме нижней части горшка. Песок пропитан окислами железа и имеет вкрапления угля. Это тигельные подушки для цементации железа. В ювелирной мастерской XIV в. многочисленные полуфабрикаты позволяют выяснить этапы производства. Найдена массивная бронзовая чушка. 14 перстней, вынутых из литейной формы, так и остались необработанными. Найдены и необработанные поясные накладки, а также тигли, слитки и т. д. Есть и другие мастерские: костерезная, токарная и ряд сапожных. Все они заслуживают подробного издания.

В 1956 г. открыт сад. Нигде в древних русских городах этого еще не было обнаружено. При близком рассмотрении я заметил своеобразный оттенок и состав слоя, из которого рабочие извлекали массивные корни и пни деревьев. От каждого дерева было по нескольку корней. Зато обычных бытовых находок здесь вовсе не было, даже керамики. Слой этот залегал на глубине 4,26—4,60 *м* и всецело относился к 17-му ярусу, к середине XII в. Цвет серо-коричневый, с обильными включениями мельчайших угольков. Это по всем признакам типичный слой погребенной почвы. Толщина его от 0,20 до 0,34 *м*. Точную площадь сада установить нельзя, поскольку слой уходил в стенки раскопа. В пределах раскопа его площадь около 20 × 14 *м*.

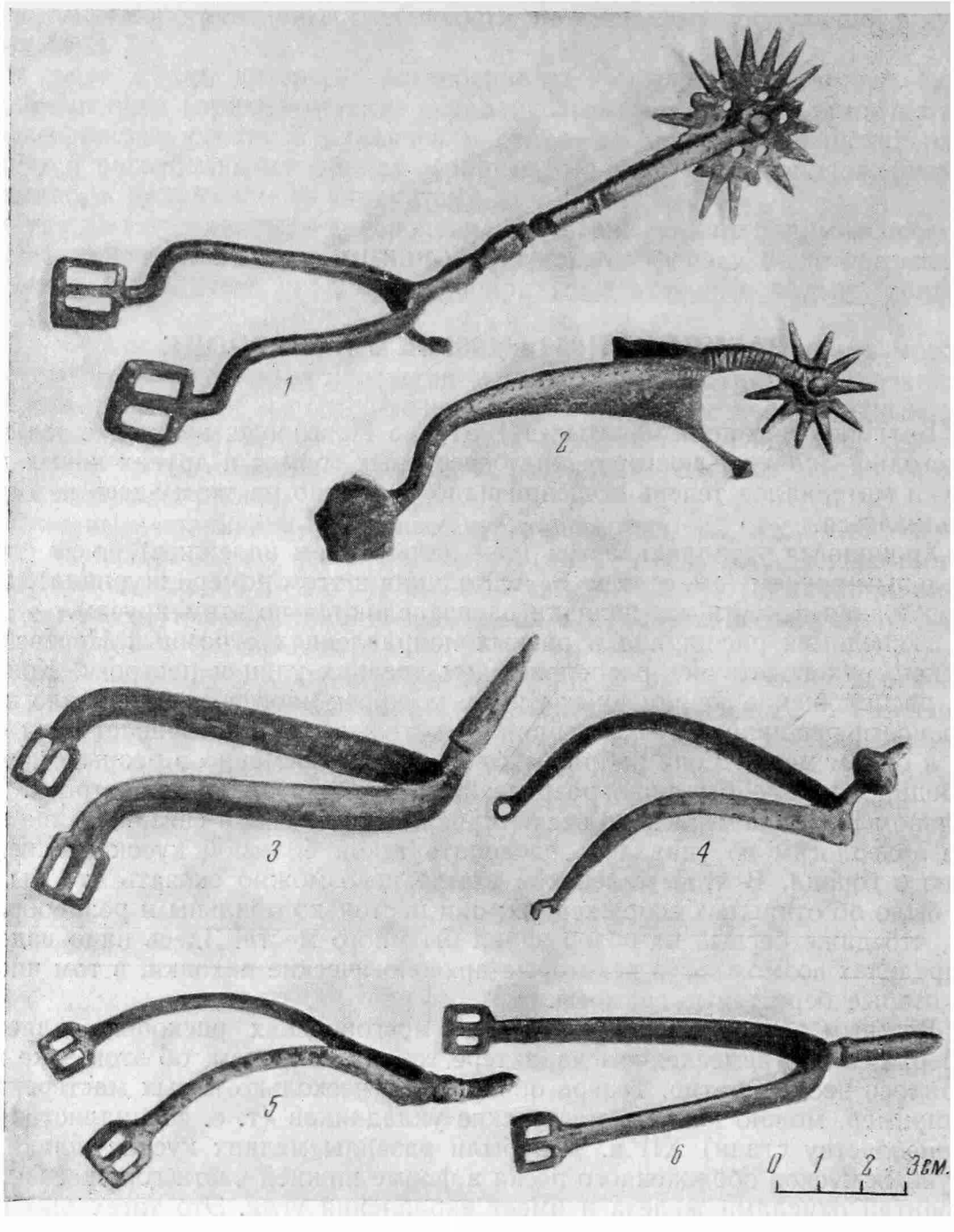


Рис. 1. Железные шпоры

1 — 3-й ярус, конец XV в.; *2* — 5-й ярус, первая половина XV в.; *3, 4* — 13-й ярус, первая половина XIII в.; *5* — 19-й ярус, начало XII в.; *6* — 17-й ярус, середина XII в.

Ботаническое определение деревьев произвел проф. В. Е. Вихров. Всего деревьев в саду найдено пять: четыре яблони и одна груша. Деревья, судя по размерам пней, плодоносили.

Кроме того, в слоях XI—XII вв. в той же части раскопа были найдены корни яблони, груши, рябины, ели, дуба, можжевельника, лесного ореха и розы (по одному растению на каждый из этих родов). Названные деревья и кустарники росли поодиночке возле домов, но сада не составляли.

Под 1157 г. Первая Новгородская летопись упоминает «град яблоков боле». Позднее в новгородских летописях упоминаются сады, где прятались граждане во время пожаров. Открытый теперь при раскопках сад находился (в виде исключения) в густозаселенной местности. Он существовал недолго. Можно предположить, что сады располагались на тех участках города, где культурного слоя теперь нет или почти нет. А такие участки имеются даже в центральных частях города.

Рис. 2. *1* — золотая пластинка с перегородчатой эмалью; *2* — стеклянная пластинка от витража (*а* — вид сверху; *б* — вид на просвет); *3* — деревянные разноцветные палочки

Об особой точности новгородской стратиграфии и о причинах этого явления пишет в этом номере журнала Б. А. Колчин. Датировки всех ярусов ежегодно проверяются новыми находками. Количественные критерии этих находок выросли настолько, что давно удовлетворяют всем требова-
м научной статистики. В начале работ на Неревском раскопе, в 1951 г.,
л, например, важные для хронологии типы бус разных эпох [1]. Теперь все названные тогда типы представлены множеством экземпляров. При еженедельных новгородских собеседованиях участников раскопок я заранее предсказываю, какие бусы будут в ближайшие дни найдены, и это всегда подтверждается. Такие же предсказания удается делать и для других вещевых категорий.

Но и те находки, которые никак нельзя назвать массовыми, при большом объеме работ стали довольно обильны, и они тоже неизменно подтверждают стратиграфию. Приведу здесь в виде примера шпоры. Они нисколько не важнее других подобных находок, и этот пример легко можно было бы заменить другим.

Для Западной Европы хронология шпор установлена по изображениям рыцарей и по датированным находкам. Русские шпоры не были до сих пор изучены, да и находки их были совсем единичны. В Новгороде лишь в Неревском раскопе найдено 23 шпоры (а также ряд обломков, которых здесь не касаюсь).

В X—XIII вв. во всей Европе бытовали шпоры с шипом. Они делятся на ранние и поздние. Для X—XII вв. характерны так называемые викингские шпоры (название чисто хронологическое, основанное на сравнительном обилии находок в Скандинавии). Они горизонтальны, т. е. шип и скоба лежат в одной плоскости (рис. 1, *6*). У викингов встречены только такие [2]. В Новгороде они тоже датируются XI—XII вв. (в слое X в. находок пока нет). В XII в. в Западной Европе эти шпоры еще преобладают. Но в этом веке, судя по скульптурным фигурам английских королей, появились шпоры изогнутые (в направлении от щиколотки к подошве), более удобные, плотнее сидящие на ноге. В XIII в. они уже господствуют [3]. В Новгороде они появляются тоже в XII в. (рис. 1, *5*), а в XIII в. других шпор нет (рис. 1, *3*). Шипы у нас несколько отличаются от западных по форме. У нас преобладают вытянутые цилиндры и конусы, а там другие формы; но это различие мелкое. Своеобразной формой (рис. 1, *4*) является шип с шариком (XIII в.). Аналогия на западе имеется (там это тоже исключение), и дата (там менее точная, чем у нас) совпадает [4]. Аналогии имеются также в формах петель для ремней и в их датах [5]. Шпор с шипом в Новгороде в Неревском раскопе найдено 11. Из них пять архаических, горизонтальных (две из них в слоях XI в. и три в слоях XII в.). Шесть уже имеют изогнутые скобы (из них три XII в. и три XIII в.). В слоях XIV в. шпор с шипом уже нет.

В начале XIV в. в Западной Европе распространяется шпора с зубчатым колесиком или, что правильнее определяет форму этого предмета, со звездочкой. В первой половине XIV в. в Англии шпора с шипом еще иногда применяется, но новый тип господствует [6]. В XV в. он господствует безраздельно. Тогда удлиняется стержень, идущий от пятки всадника к звездочке; это одновременно происходит в разных странах [7]. Мне в свое время пришлось доказывать, вопреки мнению археологов, бытование на Руси

---

[1] А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953.

[2] Medieval catalogue. London Museum catalogues, № 7, London, 1954, стр. 96; J Petersen. Vikingetidens redskaper. Oslo, 1951, стр. 37.

[3] Medieval catalogue, стр. 96.

[4] Там же, стр. 94—95.

[5] Там же, стр. 95—97.

[6] Там же, стр. 103—105.

[7] Там же, стр. 106. Kroje, zbroj a zbraně doby předhusitské a husitské. Praha. 1956, стр. 94 и раздел IX, табл. 37—39.

шпоры позднего рыцарского типа, т. е. шпоры со звездочкой [8]. Тогда я мог сослаться только на две случайные находки: под Ленинградом и под Киевом. Теперь в Новгороде в Неревском раскопе таких шпор найдено 12, и все они закономерно залегали в слоях XIV—XV вв. Звездочки у нас ничем не отличаются от западных (рис. 1, *2*).

В слоях XIII в. таких шпор еще нет. В слоях XIV в. их найдено семь и в слоях XV в.— пять.

Одна из новгородских шпор замечательна по длине стержня и по величине звезды, у которой 18 лучей (рис. 1, *1*). То и другое объяснимо только применением массивных конских доспехов. Таким предметом можно было пришпорить коня сквозь густую кольчугу и даже, может быть, сквозь латы. Незабронированному коню эта шпора наносила бы опасные раны. Среди изданных многочисленных западноевропейских шпор XV в. имеются подобные (в Чехии известны столь же длинные стержни, в Англии — звезды имеют до 18 лучей), но сочетание такого стержня и такой звезды неизвестно [9]. Найдена эта вещь закономерно в слое конца XV в.

Вообще новгородские раскопки дали огромную, единственную в мире по количеству и качеству, коллекцию всевозможных средневековых железных изделий. Она заслуживает полного издания, но самый краткий ее обзор занял бы много страниц.

Хорошая сохранность дерева открыла в Новгороде целый мир новых для науки деревянных изделий. Большими целыми экземплярами представлена теперь вся окружавшая новгородцев деревянная утварь. Значение этих находок для истории техники и истории искусства переоценить невозможно.

Изучение новгородской керамики идет не только по черепкам, но и по целым сосудам. Таких сосудов, конечно, не найдено почти вовсе, но их много удалось склеить.

Каждый год дает в Новгороде ряд важных для политической истории свинцовых печатей; некоторые из них новы для науки. Их публикует В. Л. Янин.

В настоящей статье можно еще издать некоторые из отдельных новгородских находок этих двух лет.

Находка золотой пластинки с перегородчатой эмалью позволяет поставить вопрос о бытовании в Новгороде перегородчатых эмалей.

Топография находок этих ценнейших изделий древнерусского художественного ремесла сама по себе важна. Клады золотых и серебряных изделий, в том числе золотых пластинок с перегородчатыми эмалями, найдены в Киеве, Чернигове, Владимире, Рязани. Их нет ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Смоленске. В этом есть закономерность, и закономерность зловещая. Клады зарыты в больших городах, разрушенных монголами. Владельцы погибли и не могли вырыть свои сокровища. В уцелевших городах этого не было, и только поэтому там нет таких кладов.

Но самое бытование перегородчатых эмалей в Новгороде вызывало сомнения. Они неосновательны, новгородская культура была частью общерусской культуры. Однако находок долго не было. Не стоит говорить о эмалях новгородского Мстиславова евангелия. Они не выходили из церковной сокровищницы и сделаны в Царьграде, а большинство найденных на Руси эмалей являются русскими изделиями. В Новгороде была давно известна пластинка из Софийской ризницы с эмалевым изображением Ипатия, хранящаяся ныне в Новгородском музее. Однако эмаль там не особенно тонка. Самую пластинку в изданиях называли золотой [10], однако при недавней музейной проверке она оказалась медной.

---

[8] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 21.

[9] Medieval catalogue, стр. 104, 109, 111. Kroje, zbroj a zbraně..., раздел IX, табл. 37—39.

[10] Н. В. Покровский. Древняя ризница Софийского Новгородского собора. Тр. XV АС, т. I, М., 1914, стр. 82—83 и табл. X, рис. 1.

Рис. 3. Кожаная маска

Но в 1933 г. возле Городища в Новгороде в реке была найдена золотая эмалевая пластинка, хранящаяся теперь в Новгородском музее [11]. Многоцветное, высокохудожественное и тончайшее изображение Георгия на этой пластинке (к сожалению, не изданное) является непревзойденным шедевром перегородчатой эмали.

В 1956 г. при раскопках в 18-м или 19-м ярусе, в слое первой половины XII в., найден маленький золотой круглый диск, на котором перегородчатой эмалью нанесены четыре зеленых трилистника в белых овалах. Остальная поверхность занята синим крестом с красным ромбом в центре и красными треугольниками в концах (рис. 2, *1*). Аналогии этой композиции имеются в перегородчатых эмалях на золоте из двух кладов, найденных в 1865 и 1896 гг. во Владимире [12]. В обоих случаях там это центральные рисунки на золотых колтах.

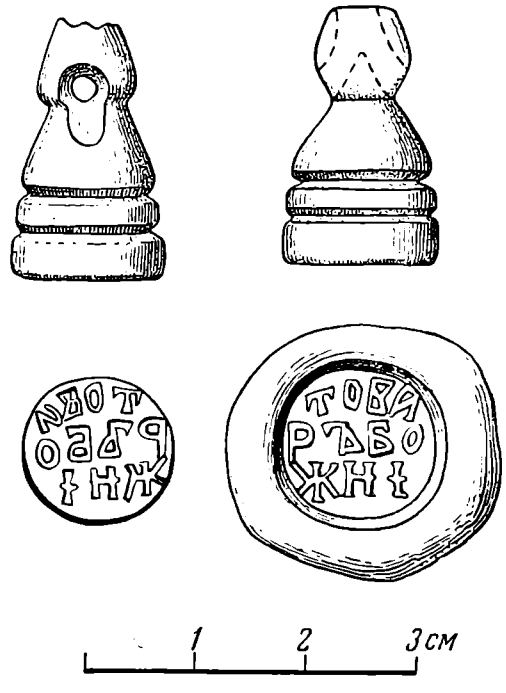


Рис. 4. Костяной штамп

Находка такой эмали при раскопках является исключительным случаем для городского слоя, и не только для новгородского. Можно быть уверенным, что эти изделия в Новгороде бытовали и что отсутствие кладов объясняется лишь тем, что Новгород избежал гибели в XII в.

В 1957 г. в 8-м ярусе, в слое середины XIV в., найдена почти квадратная пластинка из толстого стекла, являющаяся несомненной деталью витража (рис. 2, *2*). На сером фоне изображен синий четырехлепестной цветок. Если смотреть на свет, получается голубой цветок на черном фоне. Длина пластинки 0,028 *м*, ширина 0,025 *м*, толщина 0,0045 *м*. О витражах на Руси сведений у нас почти не было. Только для Холма, отдаленного западного города, мы имеем известие Ипатьевской летописи под 1259 г., что в церкви, построенной там Даниилом Галицким, были «окна три, украшены стеклы римскими». Теперь находка позволяет говорить о новгородских витражах. Трудно предположить, что они применялись в церквах. Узкие окна дошедших до нас новгородских церквей в этом не нуждались, да и художественный стиль этого не требовал. Затем свет, проходящий сквозь цветные стекла, мешал бы восприятию фресок, а XIV век был золотым веком новгородской стенной живописи. Надо полагать, что витражи были в теремах новгородских бояр.

Некоторые новгородские деревянные изделия сохранили раскраску, обычно плохо, иногда хорошо. Широко применялись яркие краски — красная и желтая. В виде образцов издаю две палочки. Одна (с витой нарезкой) найдена в 1956 г. в 10-м ярусе, в слое рубежа XIII—XIV вв., другая (гладкая) — в 1957 г. в 14-м ярусе, в слое начала XIII в. (рис. 2, *3*).

Маски русских скоморохов стали известны по новгородским раскопкам. Одна из них, найденная в 1957 г. в 15-м или 16-м ярусе, в слое конца XII в., расписана красками. Во лбу горит солнце. Сердцевина его красная, края желтые. Во все стороны от солнца идут лучи красные, желтые и белые, доходящие до подбородка. Слева и справа от солнца какие-то

---

[11] Новгородский Исторический сборник, вып. III—IV, Новгород, 1938, стр. 219.

[12] А. С. Г у щ и н. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. XVII, рис. 13; табл. XX, рис. 2.

звери. Внизу на маске красками нанесены закрученные вверх усы и небольшая бородка (рис. 3).

В 1957 г. найден в 9-м или 10-м ярусе, в слое начала XIV в., маленький костяной штамп. На дне его вырезана надпись, зеркально измененная. При отпечатке получается «товаръ божии». Это оттискивалось на воске или на хлебном изделии и имело целью, вероятно, освобождение от пошлин (рис. 4).

Бритв при новгородских раскопках найдено довольно много. Все они, несомненно, имели складные рукояти. В 1957 г. найдена в 11-м ярусе, в слое второй половины XIII в., бритва (с дуговым, как все они, лезвием),

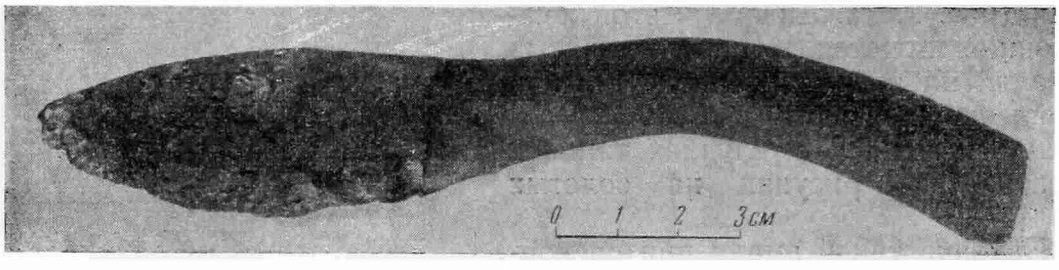


Рис. 5. Бритва с рукоятью

сохранившая деревянную рукоять. Эта бритва входит в нее совершенно так же, как входят современные бритвы (рис. 5). Все бритвы залегают в слоях XIII в. В Новгороде, судя по этому, в XIII в. была мода на бритье.

В 1956 г. найден при раскопках клад куфических монет X в., подобный кладу, найденному при раскопках 1953 г. и уже изданному (МИА, № 55, 1956), но еще большего размера. Он тоже не был зарыт в землю, а оказался под развалинами сгоревшего дома, в 27-м ярусе, в слое X в. Большие клады монет не встречались в других городах при раскопках, а лишь при случайных находках. Наличие их в новгородских материалах объясняется лишь огромными размерами новгородских раскопок.

Клад 1956 г., как и клад 1953 г., изучен С. А. Яниной. Дата младшей монеты — 364 г. х., т. е. 974/975 г. Она саманидская. Вообще свыше 80% монет принадлежит Саманидам. Преобладают, как обычно, диргемы Самарканда, затем следуют Шаш и Бухара. На втором месте монеты Аббасидов, на третьем — Бувейхидов. По одному экземпляру дали Омайяды, Зияриды, Хамданиды, Волжская Болгария и Византия. Омайядская монета самая старая в кладе, она не моложе 132 г. х.

* * *

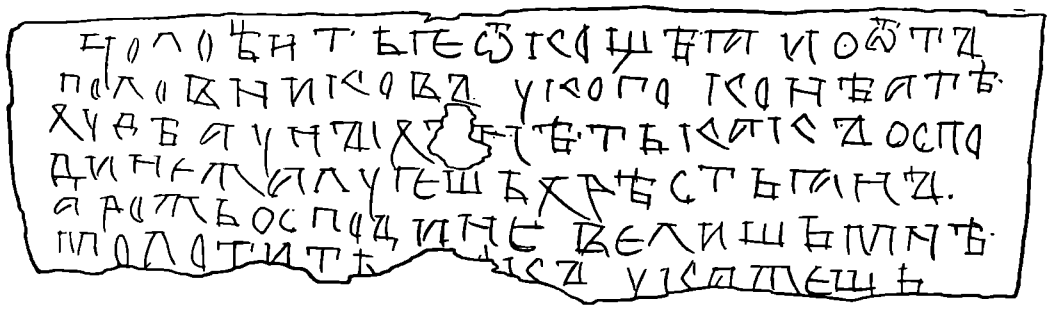
Берестяных грамот найдено уже 318. К концу раскопок 1955 г. их было 193. Осенью того же года С. Н. Орлов, наблюдая над строительными работами, нашел грамоту № 194. При раскопках 1956 г. найдены грамоты №№ 195—249, осенью С. Н. Орлов нашел грамоту № 250. Наконец, при раскопках 1957 г. найдены грамоты №№ 251—318.

Я не касаюсь грамот Онфима; им уже посвящена особая статья [13].

При транскрипции в этой статье я произвожу замену букв, отсутствующих в современном алфавите. Это допустимо, поскольку прориси прилагаются. Титла раскрываю. Палеографии за недостатком места не касаюсь, но палеографические даты неизменно совпадали со стратиграфическими, что является лишним подтверждением стратиграфии.

Грамота № 242 найдена в 4-м ярусе, в слое середины XV в. Это целое письмо. Текст: «Цолобитье от Кощея и ооттъ половниковъ. У кого коне, а те худе, а у ныхъ нетъ. Какъ, осподине, жалуешь хрестьянъ. А рожь, ос-

[13] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3



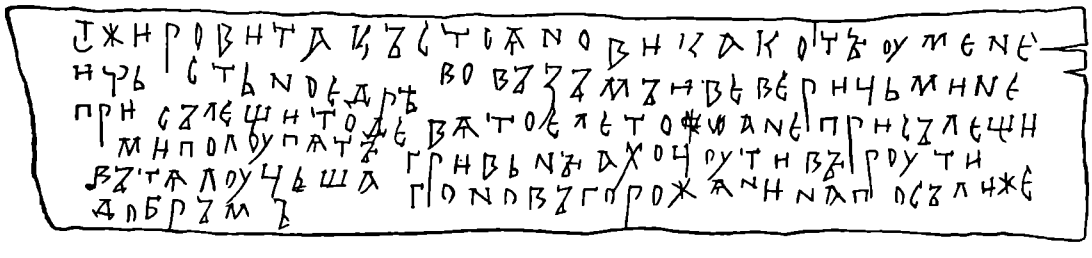
0 1 2 3 4 5см

Рис. 6. Грамота № 242

подине, велишь мне молотить, как укажешь» (первая буква в слове «как» восстановлена по смыслу) (рис. 6).

Кощей, надо полагать, ключник. Письмо адресовано феодалу. Хозяйство барщинное, что для Новгорода, судя по всем источникам, редкое исключение. Половники являются как бы соавторами письма.

Б. Д. Греков, отметив неясность и скудость известий о половниках, утверждал, вопреки мнению большинства ученых, что половники не были арендаторами. «Половник,— пишет он,— обычно не нес тягла и работал на хозяина из доли продукта» [14]. Грамота теперь помогает решить этот



0 1 2 3 4 5см

Рис. 7. Грамота № 246

трудный вопрос и подтверждает мнение Б. Д. Грекова. Половники работают в барщинном хозяйстве, где ключник ждет указаний вотчинника о молотьбе. Они изъявляют надежду, что господин пришлет им коней.

Грамота № 246 найдена в 24-м ярусе. Однако над ней нет двух верхних настилов, так что осторожнее здесь говорить о 22-м — 24-м ярусах. Все равно, и при этой оговорке она бесспорно относится к XI в. (к первой его половине или середине), являясь одной из древнейших. Она старше всех грамот, которые были пока опубликованы. Из целых грамот это древнейшая. Палеографические признаки тоже все очень ранние. Текст: «От Жировита къ Стоянови. Како ты у мене и чьстьное древо възъмъ и вевериць ми не присълещи, то девятое лето, а не присълещи ми полупяты гривьны, а хощу ти вырути въ тя, луцьшаго новъгорожянина. Посъли же добръмъ» (рис. 7).

Русское имя Жировит вообще ново, имя Стоян ново для Новгорода. «Чьстьное древо» — обычное наименование креста. «Възъмъ» — взял. Прошло девять лет с тех пор, как Стоян взял у Жировита крест и не прислал ему вевериц, т. е. денег. Теперь Жировит требует прислать «полупяты гривьны», т. е. четыре с половиной гривны. Слово «ти» — просто усилительная частица. Архаический глагол «вырути» в источниках неиз-

---

[14] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, М., 1952, стр. 417.

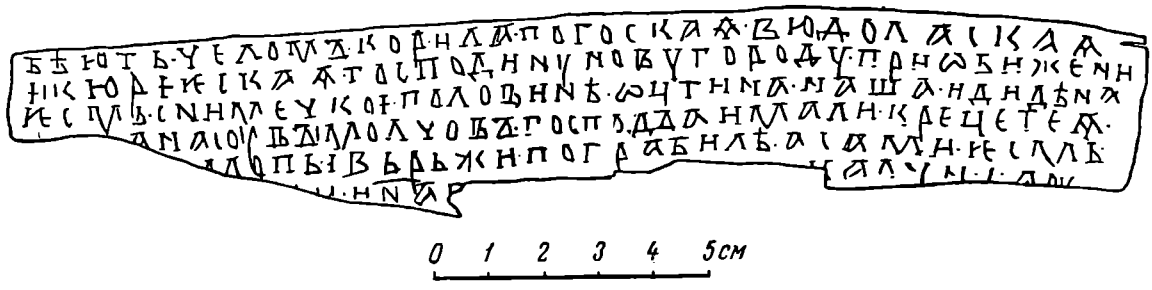


Рис. 8. Грамота № 248

вестен. Но был глагол «рути» — ранняя форма глагола «реветь». «Вырути въ тя» буквально переводится «взреветь на тебя». Вероятно, это означало огласку злостного должника. Глагол «вырутить» встречен в былинах в смысле «сбросить» (конь вырутил всадника), но он здесь едва ли подходит. Деепричастная форма «вырутивъ» не дает смысла, хотя деепричастные формы применялись тогда шире, чем теперь. Во всяком случае, общий смысл угрозы понятен, судя по концовке «посъли же добръмъ».

Интересно слово «новъгорожянина». В летописных известиях, в том числе в древнейших, в церковных поучениях и во всех источниках употребляется только слово «новгородец». Здесь впервые встречена более архаическая форма. Когда писалась эта грамота, Новгород существовал всего 100 лет с небольшим (ведь, по археологическим данным, он возник в начале X в.). Имя его еще не стало просто собственным именем, а распадалось на составные части. Люди еще помнили, что это новый город.

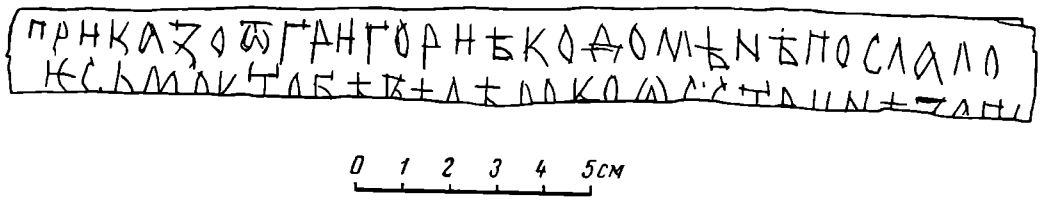


Рис. 9. Грамота № 259

Архаическое наименование его граждан поэтому еще не исчезло. Жировит насмешливо напоминает Стояну, что тот считает себя лучшим новгорожанином и что поэтому огласка долга будет для него неприятна.

Грамота № 248 найдена в 5-м или 6-м ярусе, в слое первой половины XV в. или рубежа XIV—XV вв. Это начало довольно важного государственного документа, адресованного «Господину Новгороду», что на бересте встречено впервые. Текст: «Бьють челомъ Корила Погоская, Вюдолаская и Кюриеская Господину Новугороду. Приобижени есмь с Нимечкои половине. Оцтина наша и дидена... а у нас у Вымолчовъ, господда, имали крецете я... лопь и вьрьжи пограбиле, а сами есмь... ина... алуи 10, а у...» (рис. 8).

Карелы надеются, что Господин Новгород их защитит. Приобижены они с Немецкой половины, т. е. из шведской Финляндии. Обидчиками были не шведы (тогда бы речь шла просто о немцах или о свеях), а финны. Задета отчина и дедина этих карелов. Слово «вымол» означало в Новгороде пристань. Вымолцы — возможно, название местности. Враги отняли у карел кречетов (а эти птицы тогда высоко ценились), пограбили у них «вьрьжи», т. е. рыболовные верши, и т. д. Грамота помогает выяснить новгородско-карельские отношения. Карелы были не только подданными, но и сторонниками Новгорода. Они ждут от него помощи в пограничном конфликте с финнами.

Грамота № 259 найдена в 6-м ярусе, в слое рубежа XIV—XV вв. Это начало письма. Текст: «Приказо от Григорие ко Домене. Послало есьмо к тобе ведероко осетрине заи...» (рис. 9). Среди берестяных грамот есть

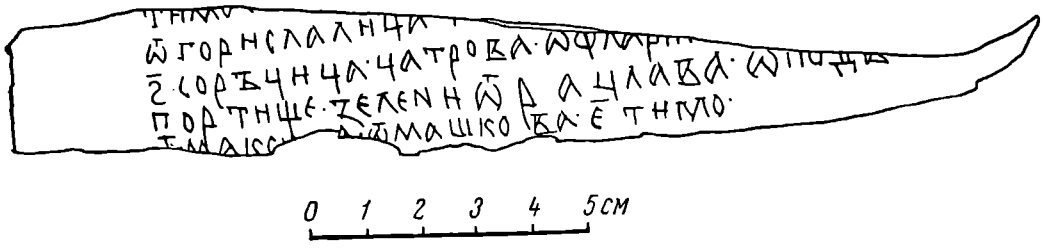


Рис. 10. Грамота № 262

уже несколько распоряжений по хозяйству, которые начинаются словом «приказ». «Домена» — женское имя Домна. «Ведероко осетрине» — ведерко осетрины. Ведра в Новгороде, судя по раскопкам, были деревянные. Их найдено много.

Грамота № 262 найдена в 7-м или 8-м ярусе, в слое второй половины или середины XIV в. Это отрывок документа. Текст: «...тимо... от Горислалица... 6 соръцица цатрова, от Флар... портище зелени, от Рацлава, от подв... от Максима от Машкова 5 тимо» (рис. 10).

Слово «тимо» встречено и в других грамотах, найденных тут же. Оно известно было до сих пор в духовной грамоте углицкого князя 1521 г. Там упомянуты «чоботы тимовы, по швом сажоны жемчугом гурмыским, и в носкех и в каблукех сажены жемчугом гурмыским» [15]. Тим — вероятно, дорогой сорт кожи. В новгородских городских писцовых книгах конца XVI в. упомянуты восемь тимовников. И позднее изредка упоминается

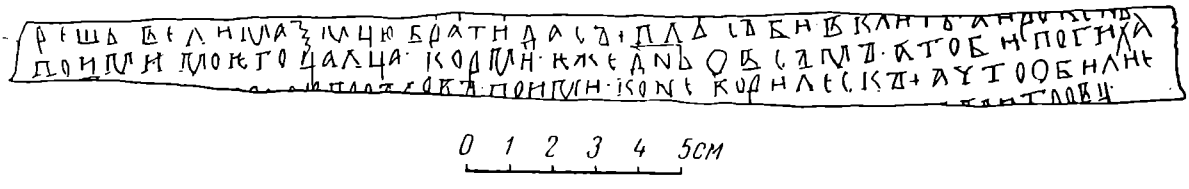


Рис. 11. Грамота № 266

тимовая обувь, в том числе сапоги тимовые красные (1586 г.) [16] и сапоги тимовые желтые (1613 г.) [17]. «Соръцица» — рубашка. «Цатрова» — сделанная из цатра или чатра; в одном из русско-ливонских актов начала XIV в. названа ткань «чатор» [18]. «Портище зелени» — зеленая одежда.

Грамота № 266 найдена в 8-м ярусе, в слое середины XIV в. Это отрывок письма. Текст: «...решь. Вели Максмцю брати, да сыпль съби в клить. А прок... Поими моего цалца, корми ежеднь овсъмъ. А тоби погиха... поими коне корилескы. А что обилие... митрови» (рис. 11).

«Сыпль съби в клить» — сыпь себе в клеть. Слово «цалца» означает чалого коня (обычное новгородское цоканье). Его надо ежедневно кормить овсом. Карельские кони были, вероятно, особой породой.

Грамота № 271 найдена в 8-м ярусе, в слое середины XIV в. Это начало письма. Текст: «Поклоно от Якова куму и другу Максиму. Укупи ми, кланяюся, овса у Ондрея, оже прода, возми у него грамоту. Да пришли ми цтения доброго. Да вести ми прикажи... дее во годе. Оже ти ту не буде овса и...». На обороте: «Возми со собою» (рис. 12).

Заслуживает внимания просьба прислать чтения доброго. Несомненно, это просьба прислать интересную книгу. Правда, слово «чтение» в древней Руси часто означало богослужебное зачтение церковных книг. Но здесь это толкование исключено. Выбор книг для богослужения строго регламентирован, и в этом случае было бы употреблено точное название.

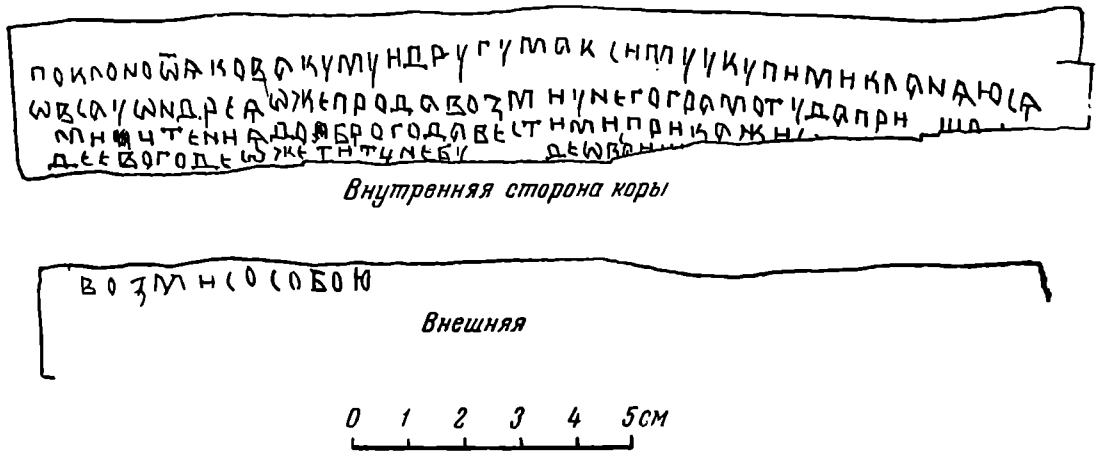
---

[15] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М — Л., 1950, стр. 411.

[16] ЧОИДР, 1917, кн. 2, М., 1917, стр. 11.

[17] Русская Историческая Библиотека, т. IX, СПб., 1884, стр. 7.

[18] Русско-ливонские акты. СПб., 1868, стр. 27.



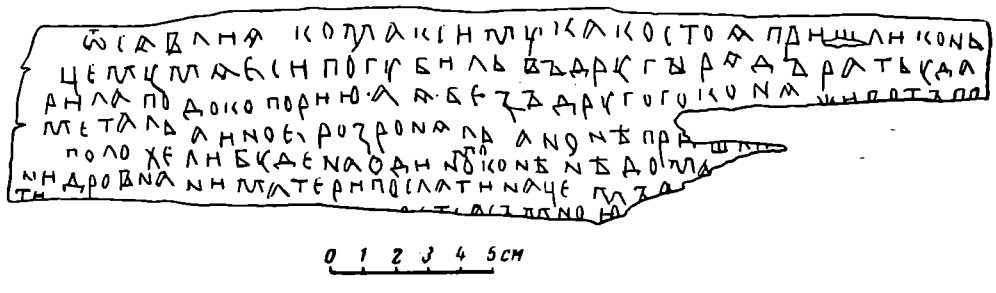
Внутренняя сторона коры

Внешняя

0 1 2 3 4 5см

Рис. 12. Грамота № 271

Яков предоставляет своему другу Максиму самому решить, какое чтение можно назвать добрым. Занимательное чтение давали (если говорить только о дошедших до нас рукописях) некоторые летописи, русские воинские повести, переводные повести и некоторые церковные книги (жития, поучения). Мы всегда должны помнить, что светская древнерусская литература в основном погибла и что лишь немногие ее образцы сохранились до наших дней в стенах монастырских библиотек. При том широком распространении грамотности, которое выяснено новгородскими раскопками, неизбежно должна была развиться у некоторых людей охота к чтению. Теперь этому найдено первое доказательство.



0 1 2 3 4 5см

Рис. 13. Грамота № 272

Грамота № 272 найдена в 8-м ярусе, в слое середины XIV в. Это начало большого письма. Текст: «От Савлия ко Максиму. Како стоя пришли конь. Цему мя еси погубиль въ другы рядъ? Рать ударила подо Копорию. А я безъ другого коня животъ пометаль, а иное розроняль. А ноне пришли... Полохе ли буде на одиномо коне. Не дома... ни дровна, ни матери послати на цемъ, а... а съ мною» (рис. 13).

Это раздраженное письмо написано человеком, находившимся в полосе военных действий. Едва ли он был воином. Вероятно, он ездил по хозяйственным делам, имея какую-то договоренность с адресатом. Ему нужны две лошади, вторую он ждал и требует от адресата. «Како стоя» означает «как договорились». Слова «цему мя еси погубиль въ другы рядъ» надо перевести: «почему ты меня погубил второй раз?». «Живот» — имущество. Крепость Копорье много раз упоминается в летописях, возле нее неоднократно происходили военные действия.

Грамота № 279 найдена в 8-м ярусе, в слое середины XIV в. Это начало документа. Текст: «Поклонъ от старосте от Михале и от всехъ пашезерчевъ къ сотьскымъ къ Максиму и ко Онании и к Кост...» (рис. 14).

Эти сотские были, вероятно, выборными старейшинами одной из десяти сотен, на которые делилась Новгородская земля, что убедительно

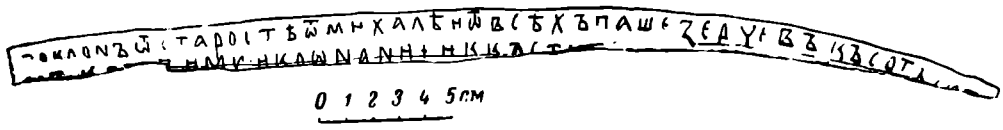


Рис. 14. Грамота № 279

доказано Б. А. Рыбаковым [19]. Форма «езеро» (вместо «озеро») в источниках обычна. Село Пашозеро на маленьком озере того же названия существует доныне в восточной части Ленинградской области. Из этого озера вытекает р. Паша, приток Свири. Михаил был, очевидно, в XIV в. старостой этого села. Оно входило в восточную половину позднейшей Обо-

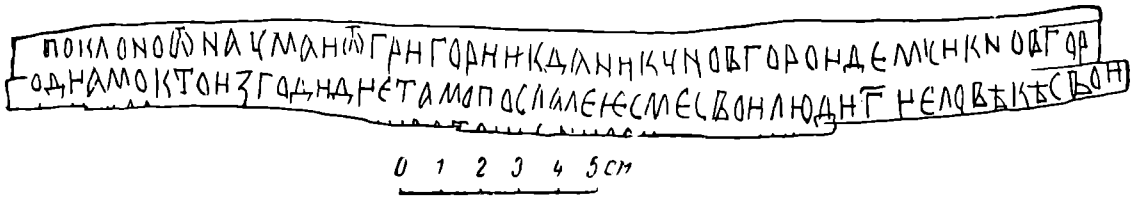


Рис. 15. Грамота № 281

нежской пятины и тем самым в древнюю Обонежскую сотню. В Новгороде, вероятно, проживали старосты сотни, и к ним по делам обращались крестьяне.

Грамоты №№ 271, 272 и 279 найдены все три в 8-м ярусе и поблизости друг от друга. Можно утверждать, что они адресованы одному человеку, которого звали Максимом.

Грамота № 281 найдена в 7-м ярусе, в слое второй половины XIV в. Это начало документа. Текст: «Поклоно от Наума и от Григории к данику новгороцдему и к новгородцамо. Кто изгодидце, тамо послале есме свои люди,. 3 целовеке свои...» (рис. 15).

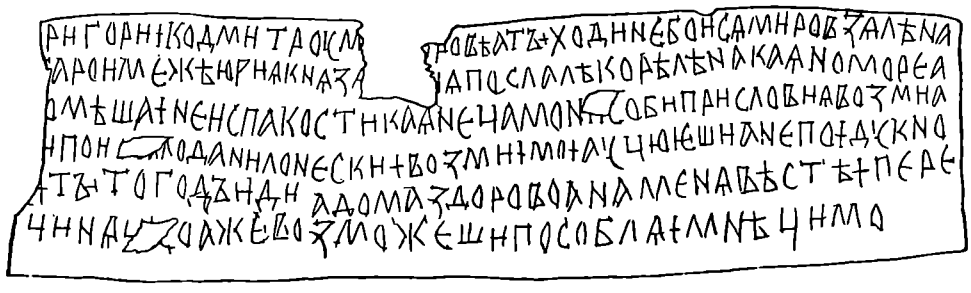


Рис. 16. Грамота № 286

Данниками новгородские летописи называют только сборщиков дани в завоеванных новгородцами северных странах [20]. Это были полновластные представители Новгорода. Таким образом, понятно, что грамота адресована даннику новгородскому и новгородцам. Имя данника не названо. Значит, на какой-то территории он был единственным. Он привез письмо с собой издалека в Новгород, где по минованию надобности оно было разорвано и выброшено. Наум и Григорий, судя по обращению, не новгородцы. Они могли быть выходцами из Средней России или крещеными старостами местных племен. Они согласовывают с данником свои действия.

---

[19] Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. Исторические записки, т. 2, М., 1938.

[20] Новгородская Первая Летопись. М.— Л., 1950, стр. 28, 33, 57; Полное Собрание Русских Летописей, т. 4, изд. 2, Петроград, 1915, стр. 120.

Грамота № 286 найдена в 9-м или 10-м ярусе, в слое первой половины XIV в. или рубежа XIII—XIV вв. Это письмо, от которого оторваны первые буквы всех строк; есть и другие небольшие прорывы. Текст: «...ригории ко Дмитру. м..рове. А ты ходи, не боися, миро взяле на... арои меже Юрия князя... я послале кореле на Каяно море, а... омешаи и не испакости каянецамо, ни соби. Присловия возми, а... и поимало дани лонескии, возми и мои. А уцюеши, а не поиду к но... ты тогодъ иди. А дома здорово. А на меня весте и перециня...о. Аже возможеши, пособляи мне цимо». Здесь легко восстанавливаются начала первых двух строк: «от Григории» и «старои меже» (рис. 16).

Термины «Каяно море» и «каяничи» несомненно связаны с термином «Каянская земля». Эта земля впервые упомянута под 1496 г. в ряде русских летописей в связи с походом русских войск. Тогда названы и реки этой земли; это реки Северной Финляндии, сохранившие доныне свои имена и впадающие в Ботнический залив. Однако Герберштейн в начале XVI в., ссылаясь на русские источники, называет русским именем «Каянская земля» часть побережья Ледовитого океана, к западу от земли лопарей. Противоречия тут нет. Е. Е. Замысловский и другие авторы связывают эту землю с квенами — финским племенем, территория которого простиралась от Ботнического залива до северных берегов Норвегии [21]. Но о каком из двух возможных морей идет речь в нашей грамоте? Не о западном, а о северном. Карелы имели тогда прямой доступ не к Балтике, а к северным водам. «Каяно море» созвучно со словом «океан-море». Созвучие это случайно, но смысл совпадает, что сознавали, надо полагать, и новгородцы.

Но о каком мире идет речь? Очевидно, не со Швецией, а с Норвегией. Шведы не имели никакого отношения к северному океану. В первой половине XIV в. был лишь один мирный договор Новгорода с Норвегией. Его текст дошел до нас. Он заключен в 1326 г., что подходит к дате 9-го яруса (1311—1342 гг.). Договор заключил посол норвежского короля в Новгороде с архиепископом, посадником, тысяцким и всеми новгородцами. Там сказано, что граница установлена «согласно древним обозначениям и рубежам земель»,— «secundum antiquas terrarum signationes et divisiones» [22]. Это вполне соответствует нашей грамоте. Григорий пишет Дмитру, что мир взяли на старой меже Юрия князя.

Это не мог быть великий князь Юрий Данилович Московский, умерший в 1324 г. Он в последние годы жизни посещал Новгород, будучи его союзником. Но межу, им проведенную, не назвали бы в 1326 г. старой. Да и не мог он ее провести. Как показал И. П. Шаскольский, «в первой четверти XIV в. фактически происходит непрерывная война между Новгородом и его карельскими вассалами, с одной стороны, и норвежцами — с другой» [23]. Речь идет о каком-то более раннем князе. Среди новгородских князей двое подходят по имени: Юрий Андреевич (XII в.) и другой Юрий Андреевич (XIII в.).

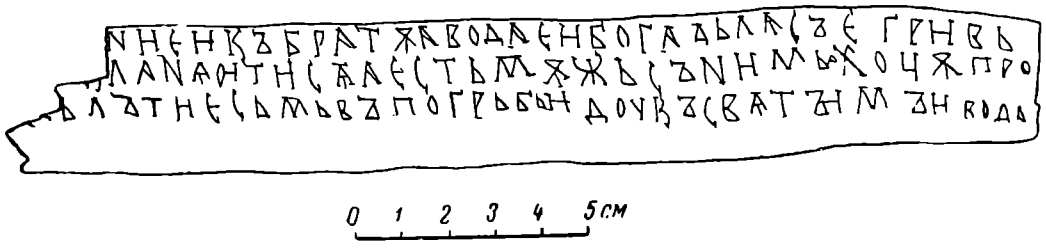
Слова «дани лонескии» означают дани прошлогодние. «Тогодъ» — тогда. «Цимо» — чем. Термин «присловия» мне непонятен. Перед нами часть переписки новгородских данников, о которых шла речь по поводу предыдущей грамоты. Григорий, вероятно, старше Дмитра. Он заботится, чтобы тот не испакостил ни каяничам, ни себе. Дмитр должен собрать прошлогодние дани не только за себя, но и за Григория и помогать ему, чем сможет. Характерно упоминание карел. Эти старые вассалы Новгорода и его союзники в войнах с Норвегией помогали новгородским данникам на далеком Мурманском берегу.

---

[21] Е. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 99—101.

[22] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 69.

[23] И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. Исторические записки, т. 14, М., 1945, стр. 40.

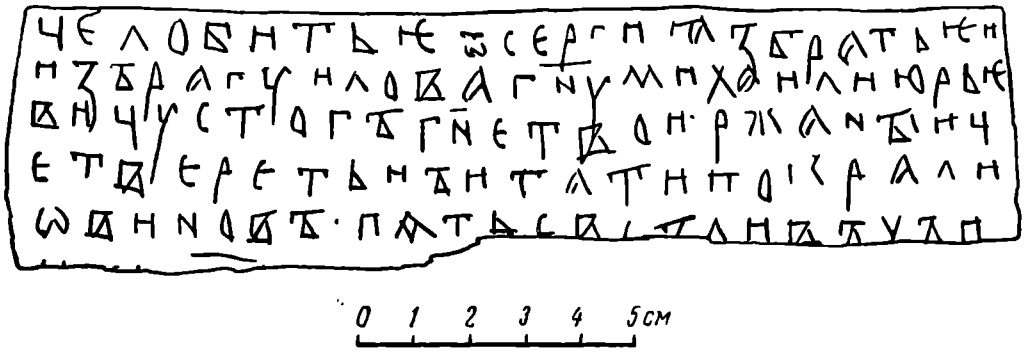


0 1 2 3 4 5см

Рис. 17. Грамота № 296

Грамота № 296 найдена в 16-м ярусе, в слое второй половины XII в. Это письмо, от которого оторвана левая часть. Текст: «...ние къ брату. А водаеи бога дьля съ 5 гривь... кланяю ти ся. А есть мужь, съ нимь. А хоцу про...ьлъти. Есьмь въ погрьбь. Иду къ святымъ. И вода...» (рис. 17).

Грамота интересна своими большими юсами. Эта архаическая буква редко попадается на бересте. Все же она встречена уже в семи грамотах, и все они относятся к XII в. (в грамотах XI в. ее пока нет, но это случайно, да их и мало; в многочисленных позднейших грамотах ее нет закономерно). В рассматриваемом письме она имеется в трех словах («брату», «мужь», «хоцу»), а в других грамотах — в одном или двух словах (в одной грамоте пять раз в виде предлога «у»).



0 1 2 3 4 5см

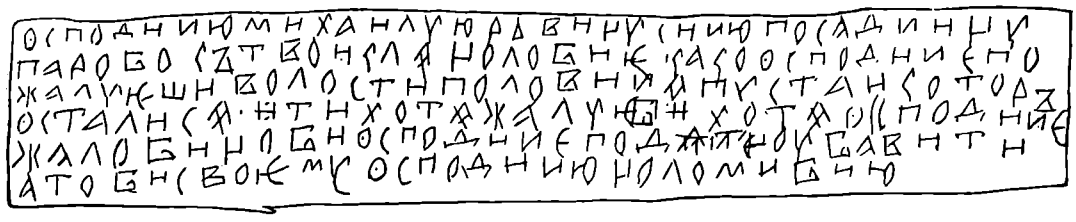
Рис. 18. Грамота № 297

Слово «погреб» в это время чаще всего употреблялось в значении «тюрьма». «Есмь въ погрьбь» надо перевести «я в тюрьме». Выражение «иду къ святымъ» встречено как будто впервые. Вероятно, это означает «умираю».

Грамота № 297 найдена в 3-м или 4-м ярусе, в слое второй половины XV в. Это начало письма. Текст: «Целобитье от Сергия з братьеи изъ Рагуилова господину Михаилу Юрьевицу. Стогъ, господине, твои ржаныи цетверетьнъи тати покрали, овиновъ пять свезли въ чъи...» (рис. 18).

В прежних статьях уже шла речь о берестяных грамотах, адресованных посаднику Юрию Онцыфоровичу и его отцу, знаменитому посаднику Онцыфору Лукичу. Находки этих грамот были сосредоточены вблизи большого каменного терема Юрия Онцыфоровича. Раскопки вокруг терема продолжаются и еще долго будут продолжаться. В 1955 г. была встречена первая грамота, адресованная Михаилу Юрьевичу; в 1957 г. найдено целых семь грамот, адресованных ему же. Михаил Юрьевич упоминается в новгородских летописях под 1419 и 1420 гг.; посадником он не был. Естественное предположение, что это сын Юрия Онцыфоровича, впоследствии подтвердилось (см. ниже). Тати покрали ржаной четвертной стог господина.

Грамота № 301 найдена в 3-м или 4-м ярусе, в слое второй половины XV в. Это целое письмо. Текст «Осподиню Михаилу Юрьвицу, синю посадницу. Паробокъ твои Кля цоло бие. Како, осподине, пожалуеши волости. Половина пуста, и, которъ осталися, ити хотя. Жалуби хотя, осподи-



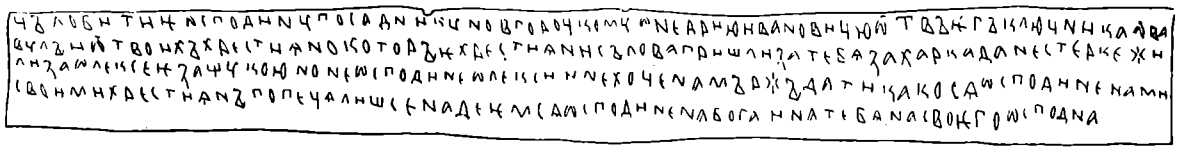
0 1 2 3 4 5см

Рис. 19. Грамота № 301

не, жалоби, цоби, осподине, подате убавити. А тоби, своему осподиню, цоломи бию» (рис. 19).

Итак, Михаил Юрьевич действительно был сыном Юрия Онцыфоровича. Это подтверждается теперь не только топографией грамот. Потомок многих посадников, он не стал сам посадником. Титул «сын посадничий» употреблялся в Новгороде, очевидно, в качестве почетного звания. Михаил стал хозяином имений, вероятно, в 1417 г., когда умер его отец.

Грамота свидетельствует, что крестьяне разбегались из-за больших податей. Слово «паробок» — обычное древнерусское название слуги. «Кля» — уменьшительное имя.



0 1 2 3 4 5см

Рис. 20. Грамота № 310

Грамота № 310 найдена в 5-м ярусе, в слое первой половины XV в. Это целое письмо. Текст: «Цълобитие осподину посаднику новгороцкому Онедрию Ивановицю от тъеъ клюцника от Вавулы и от твоихъ хрестияно, которые хрестияни съ лова пришли за тебя, Захарка да Нестерке, жили за Олексее за Щукою. Ноне, осподине, Олексии не хоце намъ ржы дати. Како, осподине, нами, своими хрестияны, попецялишсе. Надеемся, осподине, на бога и на тебя, на своего осподна» (рис. 20).

Посадник Андрей Иванович в берестяных грамотах упомянут впервые. В летописях он (тоже в звании посадника) упоминается в 1415 г., в связи с выборами архиепископа, и в 1421 г., когда против этого посадника выступили два конца, Неревский и Славенский. Даты чисто исторические (т. е. основанные на именах исторических деятелей) неизменно совпадают для берестяных грамот с датами стратиграфическими и палеографическими. Примеров было уже довольно много. Здесь такое же совпадение. 5-й ярус датируется с 1414 г. до 40-х годов XV в.

Грамота дает яркий пример крестьянского перехода. Б. Д. Греков пишет: «До поступления в научный оборот материалов Волоколамского монастыря у исследователей были скудные сведения о крестьянских переходах от одного владельца к другому и совсем не было данных для суждения о переходах внутривотчинных» [24]. Но упомянутые Б. Д. Грековым материалы относятся к концу XVI в., а здесь перед нами начало XV в. Для этого времени большинство исследователей, конечно, предполагало свободу крестьянских переходов, но должных примеров имело мало, особенно для Новгорода. Б. Д. Греков правильно, хотя и довольно предположительно, возражал против мнения некоторых исследователей, что «в

[24] Б. Д. Греков. Ук. соч., кн. 2, стр. 295.

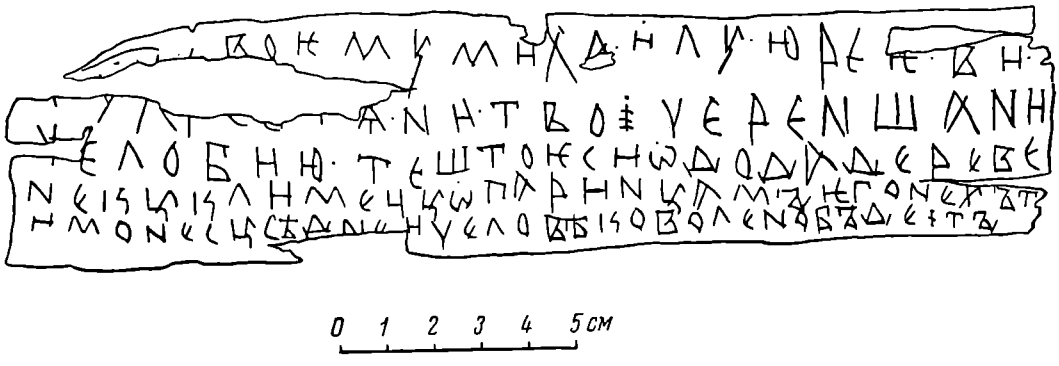


Рис. 21. Грамота № 311

Новгороде крестьяне-смерды были прикреплены раньше, чем в Москве». Он опирался на некоторые данные о соседних землях и на общие положения [25]. Грамота теперь потверждает его взгляды.

Перед нами крестьянский переход, притом без всяких ссылок на сроки и нормы. Захар и Нестор переходят не впервые. Они когда-то пришли под власть Андрея Ивановича «с лова», т. е. были до того охотниками. Затем они жили за Алексеем Щукою, вероятно, мелким феодалом, вассалом крупного феодала — посадника. Предположить, что они когда-то, до перехода к Андрею, жили за Алексеем, нельзя: это противоречило бы дальнейшим словам. «Ноне» Алексей отказал челобитчикам во ржи, и они

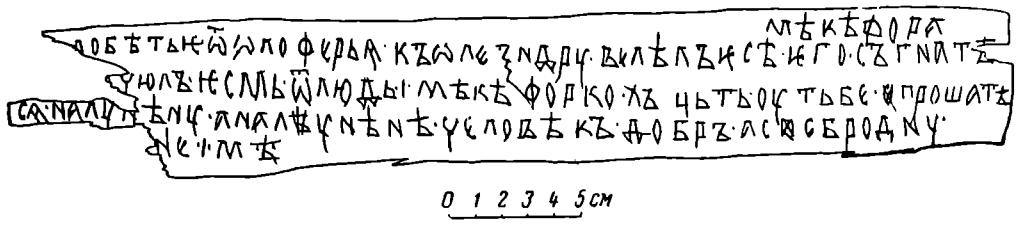


Рис. 22. Грамота № 314

уже не считают себя за ним, говорят о нем и о себе в прошедшем времени: «жили». Они просят Андрея устроить их в другом месте, и ключник поддерживает их просьбу. Перед нами своеобразная форма внутривотчинного перехода.

Берестяные грамоты открывают вообще ряд характерных для раннего русского феодализма явлений, которые не могут быть должным образом изучены при помощи позднейших бумажных грамот. Там, конечно, имеется много копий ранних актов, но подбор их своеобразен (подтверждение владельческих прав), и крестьянские акты не копировались. Дошедшие от ранней эпохи в подлинниках пергаменные грамоты тоже этими явлениями почти не интересуются. Все надежды тут на бересту, и она эти надежды уже оправдывает.

Грамота № 311 найдена в перекопе и стратиграфической даты поэтому не имеет, но имя адресата позволяет отнести ее к XV в. Это почти целое письмо. Небольшой разрыв в начале легко восстанавливается, поскольку и там от всех букв сохранились ясные части. Текст: «Господину своему Михаилу Юреевичу хрестяни твои Черешшани чело бию, те што еси одода деревенеку Климецу Опарину. А мы его не хътимо. Не суседнеи человеко. Волено бъ деиты» (рис. 21).

В новгородских писцовых книгах упоминаются деревни Черенска, Черенско, Черенское, Черенчинчичи. Трудно выбрать одно из этих названий, но перед нами, конечно, название деревни.

Эту деревеньку (в тексте здесь уменьшительная форма) Михаил Юрьевич отдал («еси одода» означает «ты отдал») Климецу Опарину. Он не

[25] Б. Д. Греков. Ук. соч., кн. 1, стр. 402—404.

передал ее в полное владение, иначе крестьяне уже не могли бы обратиться к нему с челобитием. Но это и не назначение ключника, иначе речь не шла бы об отдаче деревни, да и аргументы крестьян были бы иные. Здесь перед нами опять два феодала, крупный и мелкий, сеньор и вассал. Первый опять был представителем правящей знати, хотя и не посадником, но посадничьим сыном.

Крестьяне не хотят нового владельца и смеют об этом писать (решает вопрос господин). Первое основание челобития: Климец Опарин «не соседний человек», т. е., очевидно, слишком далеко живет. Специальный термин «соседи», т. е. совладельцы или люди, живущие на особом положении в чужих хозяйствах, здесь не подходит. Слова «волено бъ деиты» можно перевести двояко: или «волен бог, да и ты» (если «е» после «д» является опиской), или (что вернее) «бо (потому что) он вольно действует (своевольно поступает)». В таком случае здесь второе основание челобития. Эта грамота отразила еще одно своеобразное явление, характерное, вероятно, для раннего феодализма.

Грамот, прямо или косвенно связанных с посадницкой династией Мишиничей (они происходили от Миши, героя Невской битвы, праправнуком его был Онцыфор), найдено за несколько лет много. Обзор их будет дан при полной публикации. Все они говорят о крупном землевладельческом хозяйстве. Ни слова нет о торговле, о которой другие грамоты сообщают много. Вопреки старому предрассудку, новгородские посадники были не купцами, а феодалами.

Но и вообще в Новгороде много найдено грамот, написанных по сельскохозяйственным вопросам. Они встречены во многих дворах. Значительную часть населения этого города составляли, по-видимому, феодалы, не только крупные, но и мелкие. Они жили в Новгороде, были его гражданами и вечниками. Свои имения они только навещали, а связь с ними осуществляли путем переписки, и этой перепиской насыщены новгородские слои.

Грамота № 314 найдена в 7-м ярусе, в слое второй половины XIV в. Это письмо, немного оборванное слева. Текст: «...лобетье от Олоферья къ Олександру. Велелъ есе его съгнате... чюлъ есмь от людьи, Мекефорко хъцьть у тьбе прошатеся на Лунену. А на Лунене человекъ добръ. А сбродну... не име» (рис. 22). Над первой строчкой, над словом «его», вписано слово «Мекефора», чтобы пояснить, что значит «его». Олферий сообразил, что у Александра много других дел, так что тот не сразу вспомнит, кого он велел согнать.

Орфография своеобразна. В грамоте вовсе нет восьмеричного «и». Оно всюду заменено «ятем», что отражает новгородское произношение. Это явно в словах: «челобитье», «еси», «съгнати», «Микифора», «прошатися», «Микифорко». «На Лунене» тоже надо читать «на Лунине». Новгородские писцовые книги знают деревни Лунина Гора и Лунино.

Александр — вотчинник, Олферий — ключник, Микифор — крестьянин. Слово «людьи» означает «людей». Вотчинник велел согнать крестьянина. Олферий слышал от людей, что Микифор хочет у Александра проситься («прошатися») на новое место. Ключник предупреждает вотчинника, что на этом месте сидит «человек добр». Судя по новгородским писцовым книгам конца XV в., много было деревень, состоявших лишь из одного крестьянского двора.

Слово «сбродни» известно. Митрополит Иона в середине XV в. пишет в Новгород: «...наимовати на то злое и богоненавистное дело... збродней, пьянчивых и кровопролитных человек»[26]. Олферий называет этим словом, очевидно, Микифора.

Сгон крестьянина вотчинником есть явление для раннего феодализма типичное, но в источниках засвидетельствованное недостаточно.

---

[26] Русская Историческая Библиотека, т. VI, изд. 2, СПб., 1908, стр. 549.

ЗАМЕТКИ

В. С. ВОРОПИНОВ

ПЕТРОГЛИФЫ у дер. М. ВОРОБЬЕВО НА ВЕРХНЕЙ ЛЕНЕ

Летом 1955 г. в верхнем течении Лены, на правом ее берегу, у дер. М. Воробьево Жигаловского района, около небольшой электростанции, нами были осмотрены и зарисованы петроглифы.

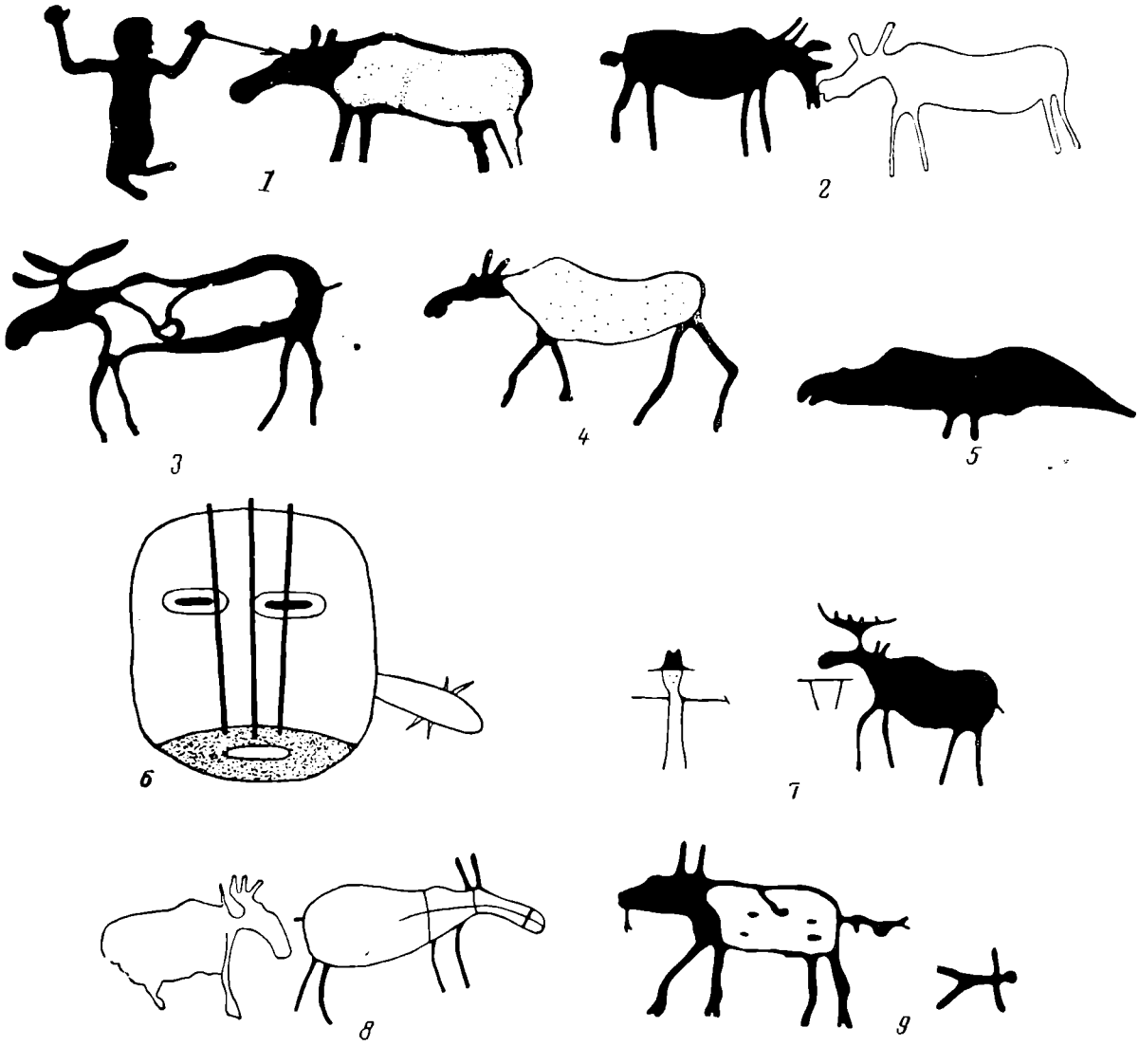


Рис. 1. Наскальные изображения у дер. М. Воробьево

1 — охота на лося; *2* — встреча лосей (самца и самки); *3—4* — фигуры лосей; *5* — нерпа; *6* — маска шамана; *7* — кормление лося человеком; *8* — олени в упряжке; *9* — бык и убитый им человек

Петроглифы вырезаны на скалах на высоте около 15 *м* над уровнем воды. Несложные по исполнению, сюжету и композиции, они по стилистическим признакам аналогичны писаницам, обнаруженным А. П. Окладни-

ковым на скалах около дер. Шишкино, около дер. Чуру и на скале Суруктаах-Хая в долине р. Мархи [1]. На одном из рисунков, размером 15×40 *см*, запечатлена сцена охоты на лося (рис. 1, *1*). Силуэт охотника углублен сплошь на 2—3 *мм* и заметно выделяется из всей композиции. Длина рук и ступней человека несоразмерна с туловищем. На правой половине рисунка выбиты голова и основные контуры лося. Рельефность изображения лося достигнута благодаря внешнему контуру и множеству мелких треугольных и точечных углублений. Под сценой охоты на лося расположены два рисунка, изображающие встречу лосей — самца и самки (рис. 1, *2*). Над сценой охоты находятся отдельные фигуры сохатого (рис. 1, *3* и *4*) и изображение нерпы (рис. 1, *5*). Напротив выточена по контуру маска шамана размером 19 × 19 *см* с изображением рыбы (рис. 1, *6*). Основные контуры рисунка имеют ширину 2—3 *мм* и глубину около 1,5 *мм*. Множество мелких углублений в нижней части маски с рельефным овальным выступом на месте рта изображает, очевидно, бороду. Вверх, пересекая глаза, постепенно расходясь и немного возвышаясь над головой, протягиваются три черты. Подобные линии на изображениях шамана-предка описаны А. П. Окладниковым [2]. А. П. Окладников на основании находки зубов домашнего быка на стоянке М. Мунку предположил, что неолитические племена Якутии занимались разведением рогатого скота. Наскальные рисунки у дер. М. Воробьево также свидетельствуют о том, что люди новокаменного века действительно занимались не только охотой и рыболовством, но и скотоводством. Об этом убедительно говорят сцена кормления лося (рис. 1, *7*; размер 25 × 70 *см*), рисунки оленей в упряжке (рис. 1, *8*) и быка с убитым им человеком (рис. 1, *9*).

[1] А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955, стр. 99—101.
[2] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 167.

У. Э. ЭРДНИЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В КУЗБАССЕ

В коллекциях Сталинского городского музея краеведения имеется каменный полированный топор-молот, найденный в 1920 г. на берегу р. Бель-Су, правого притока р. Томи (рис. 1, *1*). Длина топора — 11,2 *см*, ширина 5—5,6 *см*, диаметр сквозного отверстия — 2,5 *см*. Это орудие является пока единственным в Кузбассе. До сих пор к востоку от Урала был найден только один сверленый каменный топор (около г. Тюмени). Аналогичные орудия датируются М. Е. Фосс, А. Я. Брюсовым и другими исследователями первой половиной II тысячелетия до н. э. [1].

В коллекциях этого же музея находятся три бронзовых кельта из случайных находок. Один бронзовый кельт (рис. 1, *2*) найден в 1938 г. около Кривого озера, у дер. Антоновки, Кузнецкого сельского района, Кемеровской области. Общая длина его — около 17 *см*, длина лезвия — 8,5 *см*, ширина — 6,7 *см*, диаметр втулки — 4 *см*; лезвие имеет слегка дугообразную форму. Кельт сбоку имеет отверстие для гвоздя. Судя по рабочей части, это — топор-тесло. Он находит себе некоторую аналогию в бронзовом кельте-тесле из Чача, датированном серединой I тысячелетия до н. э. [2].

[1] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 106, 107, рис. 59, *1*; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 124, 125, рис. 26, *17*; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, табл. XX, *96*.
[2] Б. Я. Ставиский. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 126, рис. 54, *2*; стр. 127.

Это сравнительно большое орудие, размером значительно превосходящее все кельты, какие встречались в восточной части СССР.

Второй кельт (рис. 1, *3*) был найден также в 1938 г., в г. Старокузнецке, на улице Зеленой, на глубине 1,5 *м*. Это небольшое орудие, длиною 7 *см*, при ширине втулки 5 *см*. Втулка с обеих сторон имеет по отверстию для гвоздя. Ее разрез почти четырехгранный. Такие же кельты хранятся в Музее истории материальной культуры при Томском университете (3 экз., инв. №№ 2830, 2834, 4035) с пометкой «из Минусинской котловины».

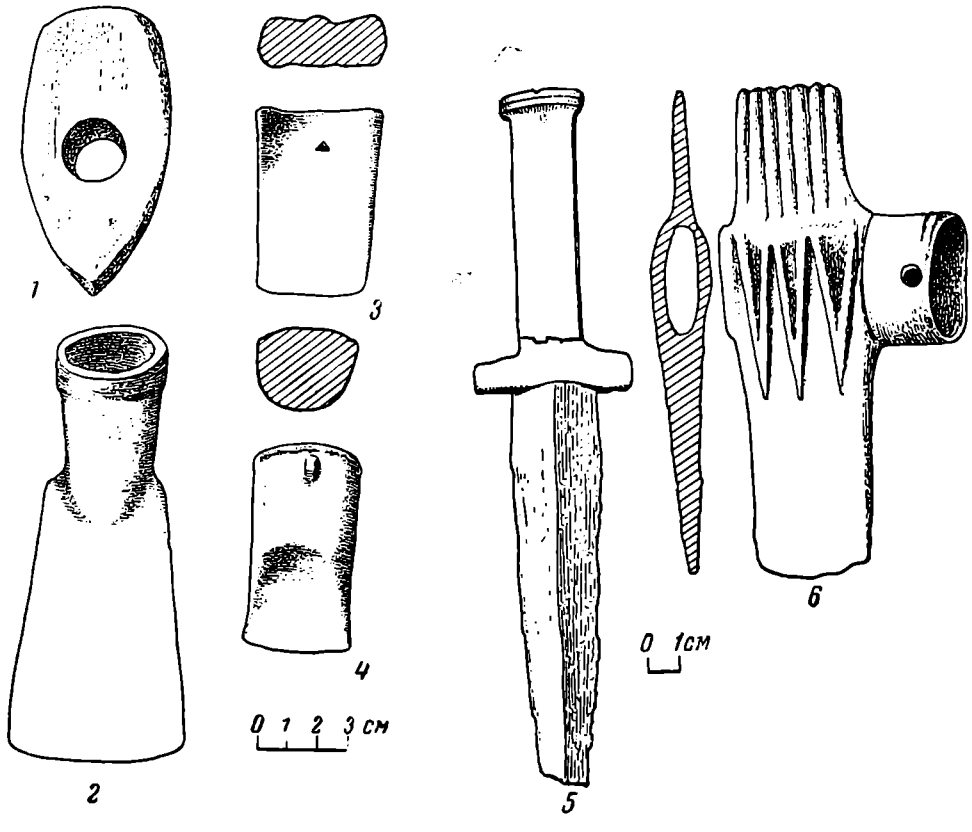


Рис. 1. Случайные находки из коллекций Музея краеведения г. Сталинска Кемеровской обл.

1 — каменный полированный топор; *2—4* — бронзовые кельты; *5* — бронзовый меч; *6* — бронзовый топор

Третий кельт (рис. 1, *4*) найден в 1928 г. около устья р. Бель-Су. Этот кельт имеет длину 8 *см*, ширину втулки — 4,2 *см*, при такой же ширине лезвия. Втулка полуовальная в разрезе, с боковым ушком. Кельты такой же величины, происходящие из Минусинского района, хранятся в том же музее Томского университета.

Все описанные кельты втульчатые. Все они изготовлены посредством литья, но их лезвия чуть оттянуты ковкой. Для них характерно отсутствие орнамента. Они находят близкие аналогии в кельтах из Минусинской котловины, которые, по мнению С. В. Киселева, появляются в Западной Сибири в карасукское время [3].

Мы считаем возможным датировать время изготовления публикуемых кельтов концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Интересна другая находка — бронзовый топор, найденный в 1954 г. около ст. Теба Южно-Сибирской ж. д., в 100 *км* от г. Сталинска. Топор (рис. 1, *6*) литой, втульчатый, рубчатообушный. Длина его — 18,5 *см*, ширина в самом широком месте (у втулки) — 7 *см*, на концах 4—4,6 *см* острие в одном месте забито. Этот топор — единственная подобного типа находка в Кузбассе. Он находит ближайшее сходство с рубчатообушны-

[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, табл. XI, *13*, стр. 70.

ми топорами, опубликованными С. В. Киселевым [4] и отнесенными им ко второй стадии тагарской культуры, а также с бронзовым клевцом, хранящимся в Иркутском музее [5]. Так как наш топор по своему размеру более близок к карасукским, мы считаем возможным датировать его VIII—VII вв. до н. э.

В 1956 г. из г. Киселевска Кемеровской области в Сталинский музей был доставлен бронзовый кинжал, прямой, двулезвийный, сломанный выше перекрестья (рис. 1, *5*). Общая длина сохранившейся части — около 24 *см*, ширина клинка у перекрестья — 3 *см*, длина рукоятки — 8,6 *см*, толщина — 0,3 *см*. Посередине клинка от острия до перекрестья проходит едва заметное утолщение в виде «срединной жилки», характерной для многих кинжалов, в частности, минусинских. Клинок книзу суживается, острие его отломано. Кинжал цельнолитой. Оба лезвия оттянуты ковкой. Рукоятка плоская, заканчивается гвоздеобразной шляпкой, что присуще кинжалам, появившимся в переходный период от карасукского времени к тагарскому [6]. В середине шляпки имеется углубление в виде канальчика. Перекрестье обособленное; это сближает его с тагарскими кинжалами, но перекрестье кинжала из г. Киселевска почти прямое, тогда как у минусинских перекрестья дугообразные [7].

Кузбасс принадлежит к числу совершенно не изученных в археологическом отношении областей. Все вышеописанные орудия являются для Кузбасса уникальными. Они характеризуют местную культуру эпохи бронзы и дают представление об экономических связях древнего населения с племенами соседних областей на протяжении II тысячелетия до н. э.— первой половины I тысячелетия до н. э.

[4] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 141, табл. XXIV, *5*; стр. 155.

[5] Иркутский музей, копия 1308—18. Балаганский округ, Митляево. Рисунок любезно прислала нам С. В. Зотова, за что приносим ей благодарность.

[6] Н. Л. Членова. Бронзовый меч из Минусинской котловины. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 136, рис. 57, *6, 7*; стр. 137.

[7] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 143, табл. XXV. *4, 5*.

Н. П. КИПАРИСОВА, К. В. САЛЬНИКОВ

САВРОМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ БЛИЗ г. ТРОИЦКА

В 6 *км* к северо-западу от г. Троицка (Челябинская область), в 2 *км* к северо-западу от с. Клястицкого, на покрытом степной растительностью возвышенном берегу р. Увельки, в 300 *м* от реки, в прошлом находился, по-видимому, курганный могильник. При разработках здесь карьера по добыче гравия, попадалось, по словам местных жителей, много костей; ранее заметны были и «бугры» на поверхности.

При расширении карьера в 1951 г. грейдером срезана бóльшая часть еще сохранившегося кургана, диаметр которого определяется в 16 *м* и высота — 0,50 *м*. Этот курган был доследован Увельским разведочным отрядом археологической экспедиции Челябинского музея [1]. Сохранившаяся часть насыпи состояла из чернозема. Над помещавшейся под центром кургана могильной ямой была снесена не только насыпь, но и древняя почва и верхний слой грунтового гравия толщиной в 0,20 *м* и была уничтожена верхняя часть могилы. На этом уровне могильное пятно имело неправильную, близкую к овалу форму. В юго-западной части и юго-восточном углу прослежены были два зольных пятна. Ниже они исчезли, а могильная яма приобрела форму не совсем правильного прямоугольника, вытянутого почти точно с запада на восток. До глубины 1,80 *м* от поверхности кургана заполнение могилы состояло из очень рыхлой черной земли с большим количеством камней и угля. Иногда размеры кусков угля достигали

[1] Начальник отряда — Н. П. Кипарисова.

значительной величины, встречались не вполне обуглившиеся куски дерева.

На дне могилы, на глубине 1,90 *м* от поверхности кургана, лежал костяк мужчины головой на запад, на спине, с наклоном на правый бок верхней части туловища и головы, руки были вытянуты вдоль туловища (рис. 1). Череп был раздавлен упавшими при обвале настила камнями.

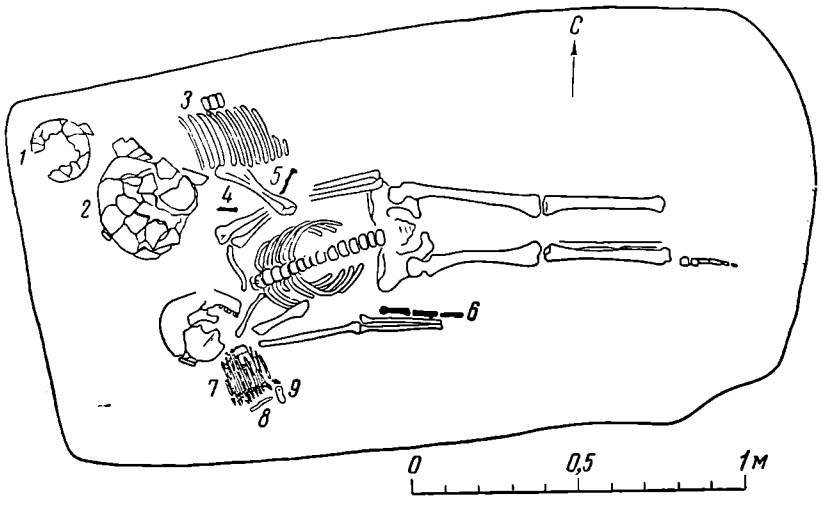


Рис. 1. Погребение в кургане у с. Клястицкого

1, *2* — глиняные сосуды; *3* — часть тушки барана; *4*—*6* — железные предметы; *7* — стрелы с бронзовыми наконечниками и остатки кожаного колчана; *8* — костяная рукоятка; *9* — точильный камень

Голова покойника лежала на колчане со стрелами, от которого сохранился кусок кожи, пучок деревянных древков стрел и 55 бронзовых наконечников (рис. 2). Возле них найден маленький (длина 5,5 *см*) точильный брусок с отверстием (рис. 3, *5*). Рядом с бруском — обломок костяного изделия в виде довольно массивной пластинки (9,5 × 1 × 0,5 *см*), изображающей вытянутую стилизованную голову животного. На одной стороне ее глубоко врезанной линией намечен рот, глаз подчеркнут слабо заметной чертой. Может быть, это обломок псалия удил (рис. 3, *4*).

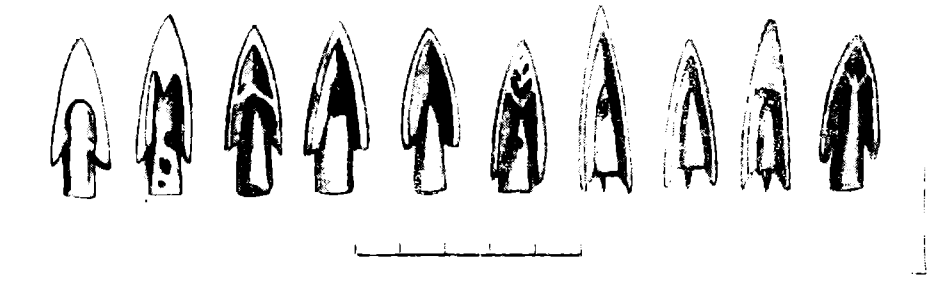


Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел

Вдоль внутренней стороны слегка отведенной в сторону правой руки лежал распавшийся короткий железный меч или кинжал (рис. 3, *1*), у левого плеча и левого локтя — два обломка железных предметов (рис. 3, *2*).

В северо-западном углу могилы находились два раздавленных глиняных сосуда и часть тушки барана (позвонки, ребра одной стороны и лопатка), у северной стенки — мелкие кусочки тонкой кожи светло-желтого цвета (остатки покрывала или подстилки?). Кроме того, в могиле найден обломок тонкой костяной трубочки (рис. 3, *3*). Костяк и сопровождающий его погребальный инвентарь не были потревожены.

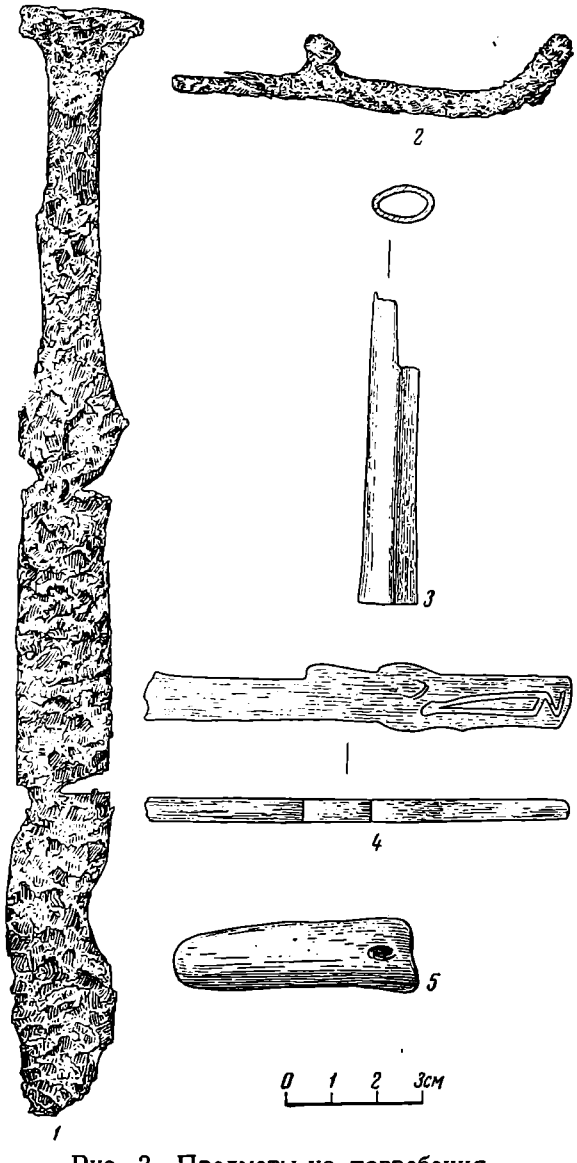


Рис. 3. Предметы из погребения

Перед нами, несомненно, погребение воина одного из савроматских степных племен Зауралья, на что указывают и западная ориентировка покойного, и состав и типы входящих в погребальный инвентарь вещей. Кинжал, по-видимому, имел волютообразное навершие и бабочкообразное перекрестие. Один из сосудов представляет собою асимметричный плоскодонный горшок (высотой 32 *см*) с вытянутым туловом, несколько отогнутым наружу венчиком, небольшой шейкой, переходящей через заметный уступчик в пологие плечики, на которых прочерчен оригинальный «орнаментальный» пояс (рис. 4). Второй сосуд небольшой, грубой лепки, котловидной формы, также с отогнутым венчиком и хорошо обозначенной линией плечиков, по которым идет ряд вдавлений, сделанных пальцем. Наконечники стрел весьма разнообразных типов. Все они трехгранные или трехлопастные: 30 экземпляров с выступающей втулкой, 25 — со скрытой. Многие из них находят себе аналогии среди наконечников из савроматских курганов Южного Приуралья [2]. В колчане не оказалось ни одного наконечника архаической формы. Завал могилы камнями (если его рассматривать как обвал надмогильной кучи) и зольные пятна сближают Клястицкий курган с прохоровскими погребениями. Морда на костяном псалии (?) очень напоминает морды на концах золотой гривны из 1-го Прохоровского кургана [3].

Все это убеждает нас в том, что Клястицкий курган насыпан во второй половине савроматской эпохи, вероятнее всего — в конце V в. до н. э.

Обнаружение бесспорно савроматского кургана под Троицком представляет большой интерес. До сих пор северо-восточной границей распространения савроматских племен в Зауралье считался район пос. Черниговского близ Магнитогорска. Сейчас граница савроматской территории значительно расширяется на северо-восток, вплотную подходя к полосе лесостепи.

Особый интерес представляет «орнаментальный» пояс на плечиках большого сосуда, заполненный резными округлыми линиями (рис. 4, *2*). Среди изображений различаются спирали из двойных линий, соединенные в две группы: в одной — две четкие спирали, в другой — три плохо заметные, неполно сохранившиеся. Пространства между группами спиралей за-

[2] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, табл. XVIII, *1*, E, O; XXI, *1*, A, B, C; XXII, *2*, G.

[3] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. МАР, № 37, 1918, табл. II, *1*.

полнены с одной стороны волнистой линией, с другой — группой непонятных схематических изображений, среди которых различаются три или четыре группы вписанных друг в друга дуг.

Неповторяемость и асимметричность изображений не позволяют видеть в них орнамент. Скорее, это пиктограммы, может быть, находящиеся на пути к письменности знаками. Еще в предшествующее время, в эпоху бронзы, у племен срубной культуры в южных степях допускают существование зачатков письменности [4]. Значительная территориальная разобщен-

Рис. 4. Сосуд с изображениями

1 — общий вид; *2* — развертка пояса с изображениями

ность и отсутствие генетических связей делают маловероятной зависимость между изображениями на клястицком сосуде и знаками на сосудах срубной культуры. Наоборот, мы должны предполагать совершенно разные корни для той и другой системы «письменности». Знаки на сосудах срубной культуры А. А. Формозовым выводятся из орнамента. Изображения же на клястицком сосуде не могут быть выведены из орнаментальных мотивов ни савроматских, ни предыдущих эпох. В них яснее пиктографический характер, и этим они сближаются с «орнаментом» на сосуде сарматского времени из Саргатки [5]. В частности, один из знаков — волни-

[4] А. А. Формозов. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. ВДИ, 1953, № 1, стр. 193 сл.

[5] В. П. Левашева. Два сосуда из курганов Омской области. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 86—88.

стая линия — почти аналогичен на обоих сосудах. И хотя клястицкий сосуд значительно древнее саргатского, «рисунки» на нем дальше отошли от передачи реалистических изображений. Впрочем, и здесь нет необходимости искать зависимость между изображениями на этих двух сосудах, поскольку они вышли из среды различных групп племен, хотя, может быть, и родственных этнически.

Мы думаем, что для расшифровки изображений на клястицком сосуде еще нет достаточного материала. Но отдельные составные части, пожалуй, поддаются прочтению: волнистая черта может быть трактована как горы, а спирали — как символическое изображение баранов. Группы вписанных друг в друга дуг лишь весьма условно могут рассматриваться как изображения жилищ кочевников — юрт. Такая расшифровка как будто подтверждается наличием прямых линий, на которые опираются дуги. Нельзя ли в этих линиях видеть поверхность земли?

Надо отметить, что в тех немногих памятниках, где известны «загадочные знаки», в которых пытаются видеть зачатки письменности, мы встречаем фигуры, почти всегда выполненные при помощи прямых линий. Таковы знаки на сосудах срубной культуры [6], в гротах «Каменной могилы» [7], на скалах Хорезма [8]. Поэтому аналогии к знакам клястицкого сосуда найти трудно. Из многочисленных знаков на сосудах срубной культуры нам известна только одна аналогия клястицким изображениям. Это — группа дуг, имеющаяся среди других фигур на сосуде из дер. Переездной [9].

Но как орнаментальный мотив одна из фигур клястицкого сосуда — спираль — весьма распространена. Особенно часто этот мотив можно видеть в искусстве народов Средней Азии и Казахстана с глубокой древности до современности. Г. В. Григорьев, полагая, что спирали и волюты развились из реалистического изображения головы барана и его рогов, считает этот мотив основным в искусстве древних среднеазиатских племен и в орнаментальном искусстве современных казахов [10].

Той же точки зрения придерживаются С. П. Толстов и М. А. Орлов, анализируя происхождение архитектурных деталей в виде рельефных волют в «зале воинов» дворца Топрак-Кала. С. П. Толстов свидетельствует, что в современном народном орнаменте каракалпаков, казахов и киргизов этот мотив известен под названием «бараньих рогов» [11].

Изложенное позволяет выводить спирали на клястицком сосуде из изображения бараньих рогов и, поскольку здесь мы имеем, по-видимому, не орнамент, а пиктограмму, видеть в этих спиралях изображение самих баранов. Эволюция изображений от рогов к спиралям могла иметь место и в среде зауральских степных и лесостепных племен. Найденная под Кустанаем плита с бараньей головой близка к плитам, распространенным на лесостепной территории. На этих жертвенных камнях самыми рельефными и красочными являются именно рога барана [12].

И все же весь могильный инвентарь и погребальный обряд Клястицкого кургана, а следовательно, и «орнаментальный» пояс на сосуде свя-

---

[6] А. А. Формозов. Ук. соч.

[7] О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА, № 2, 1941, стр. 26—39.

[8] С. П. Толстов. К вопросу о протохорезмийской письменности. КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 38—42.

[9] А. А. Формозов. Ук. соч., рис. 1, *2*.

[10] Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, № 46, сер. археол., вып. 1, Алма-Ата, 1948, стр. 53.

[11] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 37; М. А. Орлов. Реконструкция «зала воинов» дворца III в. до н. э. Топрак-кала. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, стр. 55.

[12] П. А. Дмитриев. Жертвенные камни Зауралья. КСИИМК, вып. XIX, 1947, стр. 12—21.

зывают племя, оставившее этот курган, не с районом лесостепи, а с южным поволжско-казахстано-среднеазиатским миром кочевых скотоводческих племен середины I тысячелетия до н. э. Древнее население степного Зауралья входило составной частью в тот конгломерат родственных (по-видимому, ираноязычных [13]) племен, которые позднее легли в основу формирования ряда народов, в том числе казахского.

[13] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953, стр. 111.

А. А. ПЕРЕДОЛЬСКАЯ

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА ЖЕНЩИНЫ ИЗ СВЯТИЛИЩА АФРОДИТЫ В НИМФЕЕ

При доследовании в 1956 г. общественного здания в Нимфее — предполагаемого святилища Афродиты — под полом его второго помещения (в котором в предшествующие годы было обнаружено много интересных предметов, относящихся к культу Афродиты [1]) был найден великолепный обломок терракотовой статуэтки [2]. Фрагмент представляет собою изображение верхней части женской фигуры, стоящей фронтально, в торжественной позе, одетой в нарядный пурпуровый пеплос и в накинутый на голову плащ, сохранивший слабые следы синей раскраски и белой облицовки. Левая рука женщины, скрытая под плащом, упирается в бок; правая была поднята вверх и, очевидно, придерживала над головой край покрывала (рис. 1, *а—в*).

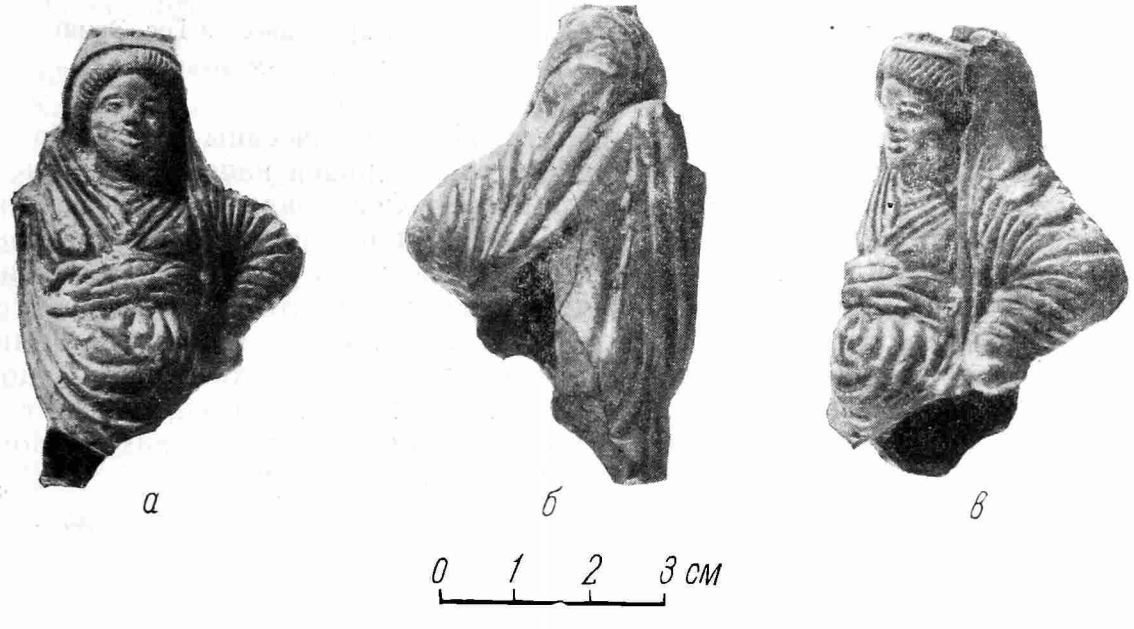


Рис. 1.

а, б, в — статуэтка женщины из святилища Афродиты в Нимфее

Мотив статуэтки легко восстанавливается при сравнении нимфейского фрагмента с тремя статуэтками Эрмитажа, происходящими из Северного

[1] М. М. Худяк. Раскопки Нимфея 1952—1954 гг. СГЭ, VIII, 1955, стр. 44.
[2] Нф. 56.256. Высота 6,3 *см*; глина аттическая.

Причерноморья (рис. 2, *1—3*) [3]. Они являются повторениями одного и того же типа женской фигуры в плаще, нижний конец которого падает углом на выступающий живот. Женщина обута в башмаки.

Этот тип известен в немногочисленных экземплярах по находкам в Греции [4] и в Киренаике [5].

Экземпляр из Нимфея воспроизводит тот же мотив стоящей женщины, приподнимающей над головой плащ. Однако фрагмент из Нимфея нельзя назвать репликой этого типа. Тонкостью исполнения он превосходит все остальные; обе стороны терракоты исполнены тщательно. Различны при-

Рис. 2. Статуэтки женщин из Северного Причерноморья, хранящиеся в Гос. Эрмитаже
1 — Керчь; *2* — Ольвия; *3* — Керчь (?); *4* — Аджи-Мушкай

чески. Волосы женщины на фрагменте из Нимфея зачесаны назад, обрамляя лицо ровным валиком; строгая трактовка прядей напоминает прически старух [6]. На других статуэтках длинные волосы падают вдоль щек на плечи и грудь, а надо лбом собраны в узел, напоминая парик театральной маски. Это и послужило, очевидно, поводом для утверждения, что на лице женщин имеется маска [7], причем указывалось, что это — маска старухи, улыбка которой переходит в гримасу. Однако экземпляры в Эрмитаже воспроизводят тип молодой женщины, а не старухи. Тип молодой улыбающейся женщины, не имеющей маски на лице, воспроизводит и фрагмент из Нимфея. Тонко исполненное лицо отличается четким овалом, менее растянутым ртом, более спокойной трактовкой глаз.

---

[3] Одна статуэтка найдена в Керчи в земляной гробнице у Долгой Скалы (П. 1874, 34. Высота 9 *см*; ОАК за 1875 г., табл. II, *31*; F. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten, т. II, Berlin, 1903, стр. 421, № 9c), другая — в Ольвии (Ол. 2923. Высота 7,8 *см;* ОАК за 1909—1910 гг., стр. 84, рис. 101—102), третья, вероятно, также в Керчи (Г. 1164. Высота 7,7 *см*).

[4] F. Winter. Ук. соч., т. II, стр. 421, № 9; A. Dumont, J. Chaplain. Les céramiques de la Grèce propre, т. II. Paris, 1890, табл. 24, *3* и стр. 239; D. M. Robinson. Terracottas, Lamps and Coins Found in 1934 and 1938. Excavations at Olynthus. ч. XIV, Baltimore, 1952, табл. 78, № *244*.

[5] L. Heuzey. Les figurines antiques de terre cuite du Musée du Louvre. Paris, 1883. табл. 51, *1*.

[6] Ср., например, статуэтку сидящей на цисте старухи, хранящуюся в Эрмитаже (журн. «Искусство», 1936, вып. 1, стр. 58 с рис.), а также старух из кургана Большая Близница (ОАК за 1869 г., табл. III, *9—10*).

[7] L. Heuzey. Ук. соч.; A. Dumont, J. Chaplain. Ук. соч.

Отсутствие маски особенно чувствуется при сравнении фрагмента из Нимфея с третьей разновидностью типа молодой женщины — статуэткой, найденной близ Керчи, в одной из женских гробниц некрополя по дороге в дер. Партизанское (быв. Аджи-Мушкай [8]). Она превышает по размерам все упомянутые варианты и отличается такой же хорошей, как и нимфейский экземпляр, сохранностью и исполнением (рис. 2, *4*). Поза фигуры менее свободна: правая нога не отставлена назад, а выдвинута вперед и покоится всей ступней на земле; правая же рука поднята до уровня плеча. Иначе задрапирован и плащ. Вариантами этого нового типа являются статуэтки в Гейдельберге [9] и в Нью-Йорке [10].

Вся эта группа статуэток, исследованная А. Кёрте [11], была поставлена в связь с аттической древней комедией и объяснена как изображения актеров. Основанием для такого определения послужили «гротескный» характер изображений, наличие маски на лице и большого живота, воспроизводящего якобы прогастридион актера древней комедии.

А. Кёрте датировал большинство из собранных статуэток «актеров» древней комедии, ссылаясь на находки в Крыму и в Фиванском Кабирионе, IV в. до н. э. [12]. В то же время он указал, что по стилистическим признакам некоторую часть можно отнести к V в. Следует, однако, отметить, что дата разрушения Кабириона — 335 г. до н. э.— дает для датировки памятников лишь terminus ante quem. То же следует сказать и относительно находок в Олинфе, подвергшемся разрушению в 348 г. до н. э. [13].

Определение А. Кёрте получило на долгое время всеобщее признание [14].

Новая гипотеза — о близости этой группы терракот к аттической средней комедии — была предложена М. Бибер, датировавшей 14 терракот, хранящихся в Нью-Йорке и найденных в одной из могил близ Афин, временем между 380 и 330 гг. до н. э. [15]. Не отрицая того, что статуэтки воспроизводят костюмы и атрибуты актеров древней комедии и что многие из них восходят к типам поздних комедий Аристофана, она тем не менее утверждает, что ярко выраженная в них индивидуализация образов и характеров соответствует произведениям времени создания средней комедии. Еще более позднюю датировку — 300 г. до н. э.— предлагает К. Шефольд [16].

Как объяснить, однако, то противоречие, что статуэтки, выполненные в стиле произведений V в., снабженные типичными атрибутами актеров древней комедии, должны были изображать актеров средней комедии? А. Кёрте и М. Бибер объясняли это живучестью типов актеров древней комедии, пользовавшихся громадной популярностью в позднейшие времена. Но почему же в таком случае отсутствуют соответствующие находки в комплексах V в.? Почему мы не встречаем в аттической вазовой жи-

---

[8] Эрмитаж, П. 1841. 75. Высота 11,2 *см.* Журн. «Искусство», 1936, вып. 1, стр. 168 с рис.; ДБК, табл. LXIX, *7;* F. Winter. Ук. соч., т. II, стр. 462, № 7.

[9] H. Luschey. Komödienmasken. Ganymed. Heidelberg, 1949, стр. 72 сл., рис. 2 и 3.

[10] M. Bieber. The History of Greek and Roman Theater. Princeton, 1939, стр. 89, рис. 129.

[11] A. Körte. Archäologische Studien zur alten Komödie. JDAI, VIII, 1893, стр. 84.

[12] A. Körte. Ук. соч., стр. 70 сл.

[13] D. M. Robinson. The Terracottas of Olynthus Found in 1928. Excavations at Olyntnus, ч. IV, Baltimore, 1931, табл. 38, *№ 364*, стр. 70 и табл. 46, *№ 404*, стр. 86 сл.; его же. The Terracottas of Olynthus Found in 1931. Excavations at Olynthus, ч. VII, Baltimore, 1933, табл. 37, *№ 297*, стр. 78 сл., табл. 38, *№ 308*, стр. 81 (датируется Робинсоном V в. до н. э.); его же. Terracottas, Lamps and Coins Found in 1934 and 1938, табл. 78, *№ 244*, стр. 186 (начало IV в. до н. э.); табл. 113, *№ 378;* табл. 114, *№№ 379* и *380*, стр. 275.

[14] Ср. H. Oeri. Der Typ der komischen Alten in der griechischen Komödie, seine Nachwirkungen und seine Herkunft. Basel, 1948.

[15] M. Bieber. Ук. соч., стр. 85 и сл., рис. 122—135.

[16] J. Böhlau und K. Schefold. Die Kleinfunde. Larisa am Hermos, т. III. Berlin, 1942, стр. 47.

вописи изображений сцен из древней комедии, в то время как сатирическая драма нашла в ней свое яркое отражение [17]?

По стилистическим признакам статуэтку из Нимфея можно датировать второй половиной V в. до н. э. За это говорит простота композиции фигуры, сохраняющей, несмотря на свои миниатюрные размеры, величавый характер монументального стиля времени Фидия, четкость ее контуров, расчлененность отдельных форм, строгость в трактовке одежды с ярко выраженной склонностью к подчеркиванию параллельных линий в распределении складок и тщательность в выполнении всех деталей. Симметрия и архитектоника — главные принципы в построении классической фигуры — нигде не нарушены. Мотив свернутого жгутом края плаща, расположенного под грудью, встречается неоднократно на восточных плитах панафинейского фриза Парфенона [18].

Все эти особенности создают впечатление, что коропласт работал в стиле классического искусства, имея перед глазами какой-то известный образец монументальной статуи [19].

Созданные во второй половине или в конце V в. женские статуэтки подобного типа могли существовать и позже, т. е. в начале IV в., как о том свидетельствуют, например, находки в кургане Большая Близница.

Статуэтка из Нимфея была найдена в святилище Афродиты, разрушенном в первой четверти IV в. до н. э. Возникло оно в VI в., а около середины V в. было перестроено. Фрагмент был найден ниже уровня двух его полов, сохранившихся около стен и разрушенных в центре помещения. Надо полагать, что разбитая и поврежденная статуэтка в последние два десятилетия существования святилища уже не использовалась.

Остается ответить еще на один вопрос: действительно ли все статуэтки подобного рода были изображениями актеров комедии? Мои попытки разобраться в содержании комплекса терракот из кургана Большая Близница убеждают меня в том, что все без исключения статуэтки этого погребального комплекса были связаны с ритуальными действиями и обрядами земледельческой религии [20]. Мне удается установить связь этих статуэток с эпизодами, описываемыми в гомеровском гимне к Деметре [21], положенными в основу священных драм-мистерий Деметры в Елевсине. Если это так, то тогда мы имеем дело не с изображениями актеров древней или средней комедии, а с изображениями лиц, активно участвующих в священных драмах. Такими лицами были, прежде всего, жрецы и жрицы того или иного культа, а также другие лица жреческой иерархии.

Этим можно объяснить и живучесть типов изображений, созданных еще в V в. продолжавших существовать и использоваться в погребальном ритуале IV в. в связи с развитием и распространением именно в это время мистериальных учений и культов в различных частях античного мира, в том числе и в античных городах Северного Причерноморья.

Поскольку нимфейская статуэтка была найдена в святилище Афродиты, то она должна быть связана с культом именно этой богини, являясь, вероятно, изображением жрицы-«актера» священной драмы в мистериях или культе Афродиты.

---

[17] E. Buschor. Satyrtänze und frühes Drama. Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, ч. 5, München, 1943; F. Brommer. Satyrspiele. Bilder griechischer Vasen. Berlin, 1944.

[18] M. Collignon. Le Parthenon. Paris, 1912, табл. 121, 123—125, *18, 48* и *52*.

[19] Ср., например, два типа закутанных в плащи женщин из так называемой серии «актеров», найденных в кургане Большая Близница (см. ОАК за 1865 г., табл. VI, *6*; ОАК за 1869 г., табл. III, *11*), выполненных под влиянием скульптора, создавшего мраморную статуэтку танцующей девушки, хранящуюся в Копенгагене (см. P. Arndt La Glyptothèque Ny Carlsberg. Munich, 1896, табл. 65).

[20] См. А. А. Передольская. О сюжетах трех статуэток, найденных в кургане Большая Близница. СА, XIII, 1950, стр. 255 сл.; ее же. К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница. СА, XXIV, 1955, стр. 54 сл.

[21] А. А. Передольская. К вопросу о художественно-историческом значении терракот из кургана Большая Близница. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 69 сл.

Рис. 1.

1, 2 — Домициан; *3, 4* — Адриан; *5* — Сабина; *6, 7* — Антонин Пий; *8, 9* — Марк Аврелий; *10* — Фаустина Старшая; *11* — Фаустина Младшая; *12, 13* — Коммод; *14, 15* — Луций Вер; *16* — Луцилла; *17* — Криспина; *18* — Клодий Альбин; *19* — варварское подражание римскому денарию; *20, 21* — Септимий Север

Г. Е. ХРАБАН

КЛАД РИМСКИХ ДЕНАРИЕВ ИЗ с. ПОГОРЕЛОГО

В 1952 г. колхозник П. Д. Сычинский передал в Уманский краеведческий музей клад римских монет, найденный им на глинище около пруда в с. Погорелом Джулинского района Винницкой области. Село, где был найден клад, расположено на небольшом ручье, впадающем в р. Удич (левый приток Южного Буга).

Клад найден в сероглиняном горшке с шероховатой поверхностью, который, по-видимому, был накрыт сероглиняной миской черняховского типа. По словам нашедшего, горшок с монетами обнаружен на глубине 0,5 *м* от поверхности. Оба сосуда при земляных работах были разбиты, и в музей было доставлено лишь несколько их фрагментов [1] и 330 римских серебряных монет. По-видимому, клад из с. Погорелого был передан в Уманский музей не целиком. По словам В. Стефановича, заведовавшего фондами музея, колхозник П. Д. Сычинский сообщил, что клад состоял из 450 монет; но судьба остальных монет не установлена.

По предварительному определению, денарии распределяются следующим образом: варварское подражание римскому денарию — 1, Веспасиан — 2, Домициан — 2, Траян — 13, Адриан — 29, Сабина — 5, Антонин Пий — 51, Фаустина Старшая — 34, Марк Аврелий — 81, Луций Вер — 8, Фаустина Младшая — 32, Луцилла — 6, Коммод — 34, Криспина — 1, Клодий Альбин — 1, Септимий Север — 2, неопределенных — 28. Сохранность монет удовлетворительная; небольшая часть денариев стерта настолько, что надписи не удалось разобрать. Две монеты покрыты зеленой окисью, пять — черным налетом. Общий вес монет — 983 *г* [2].

Клад, найденный в с. Погорелом, представляет большой интерес для науки, так как он в значительной своей части поступил на хранение и его состав аналогичен большинству кладов, найденных в области распространения так называемой черняховской культуры. Сравнительно хорошая сохранность наиболее поздних монет (Клодия Альбина и Септимия Севера) не позволяет далеко отодвигать дату зарытия клада от даты чеканки позднейшей монеты. Следует полагать, что клад был зарыт в землю в конце II или начале III в. н. э. (рис. 1).

[1] Фонды Уманского краеведческого музея, инв. № 2355/3440.
[2] Фонды Уманского краеведческого музея, инв. № 1675/2760

Д. ЦОНЧЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ В БОЛГАРИИ

В настоящей заметке публикуются пять новых и приводятся дополнения к двум ранее опубликованным надписям. Все эти памятники, хотя и найдены случайно, представляют большой интерес, поскольку они освещают различные стороны жизни древних фракийцев — гончарное ремесло, погребальные обряды и т. д.

1. В 1920 г. Сталю Червенков из с. Черноконево Димитровградской околии, копая в урочище «Горный котел», в 3 *км* к северо-западу от села, наткнулся в развалинах древнего поселения на вкопанный вертикально в землю пифос. Горло сосуда было закрыто каменной плитой, внутри он

был пуст. Размеры пифоса: высота — 1,65 *м*, наибольший диаметр тулова — 1,15 *м*, диаметры устья — 0,55 *м* (внешний) и 0,37 *м* (внутренний). Толщина стенок сосуда до 3,5 *см*, вместимость — 700 *л*.

На верхней части тулова сосуда в вертикальном направлении вырезана надпись Θεοδώρου Κομίτος , буквы которой имеют высоту от 2 до 3,8 *см* (рис. 1).

Над этой надписью, также в вертикальном направлении, стоят буквы ΦΕ , а в горизонтальном направлении — буква Τ. Вероятно, эти буквы свидетельствуют о попытках гончара поместить надпись в горизонтальном и вертикальном направлениях.

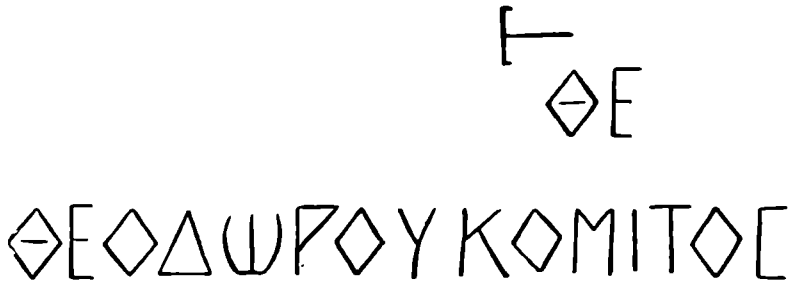


Рис. 1. Надпись на пифосе из с. Черноконево

Надпись представляет собою скорее имя собственника сосуда, нежели имя гончара. По начертанию букв, а также по форме сосуда можно отнести находку к IV—V вв. Возможно, что этот пифос был сделан местными мастерами.

В настоящее время сосуд стоит в винном подвале сельского ТКЗС.

2. Поля с. Изворово Чирпанской околии лежат на территории, занятой в древности фракийским племенем пирогеров [1]. В 1910 г. при работах на одном из находящихся здесь фракийских селищ на левом берегу ручья Мандрадере (урочище «Пожара», или «Подусои»), в 2 *км* к северо-востоку от села, был найден пифос. Размеры пифоса: высота — 1,65 *м*, диаметр тулова — 1,15 *м*, диаметр устья — 0,42 *м*, толщина стенок — 3 *см*, вместимость — около 750 *л*.

Рис. 2. Надпись на пифосе из с. Изворово

Над извивающимся по поверхности устья рубцом было оттиснуто ретроспективное клеймо, получившееся сначала неясным и потому поставленное вторично рядом. Высота букв клейма в среднем 6,5 *см* (рис. 2). На клейме читается слово Χιονέας причем буквы N и E соединены. И в этой надписи следует видеть скорее имя владельца сосуда, нежели имя гончара. По-видимому, греческое личное мужское имя Χιονέας является вариантом уже известных имен, происходящих от корня Χιονο- (например, мужские имена Χιόνης, Χιόνις, женское — Χιόνη[2]). Судя по эпиграфическим особенностям надписи, а также по большим размерам пифоса, сосуд можно отнести к V—VI вв.

Эта повторная публикация пифоса позволяет исправить погрешность, допущенную первыми издателями сосуда [3], полагавшими, что надпись означала не имя, а вместимость сосуда, равную якобы 24,5 *л*.

---

[1] Plin., IV, 11, 40—50; Г. И. Кацаров. Битът на старите траки според класическите автори. Сб. БАН, I, 1913, стр. 17; Г. И. Кацаров и Д. Дечев. Извори за старата история и география на Тракия и Македония. София, 1949, стр. 265 и карта в конце книги; W. Tomaschek. Die alten Thraker, I, Wien, 1893, стр. 87.

[2] A. Fick. Die griechischen Personennamen. Göttingen, 1874, стр. 221, s. v.

[3] ИБАД, 1, 1910, стр. 227; G. Seure. Archéologie thrace. RA, XX, 1912, стр. 273. № 57.

Сосуд в настоящее время находится в селе, в доме Марчо Петкова.

3. На расстоянии около 1 *км* к югу от того же с. Изворово, в некрополе фракийского селища, расположенном на западном склоне естественной возвышенности Литова могила (урочище «Дренака»), в 1942 г. найдена значительная часть мраморной стелы (0,56 × 0,17 × 0,09 *м*) с рельефным изображением заупокойной трапезы (рис. 3, *1*).

В верхней части плиты представлены рельефные изображения одетой в длинный хитон и гиматий женщины, сидящей в кресле (голова и верхняя часть груди не сохранились), и стоящего слева от кресла слуги. Слу-

Рис. 3.

1 — мраморный рельеф из с. Изворово; *2* — мраморная колонна с надписью из г. Асеновграда

га, изображенный в значительно меньшем масштабе, одет в короткорукавный двойной хитон, на ногах его — высокая обувь. Под рельефом вырезана надпись, высота букв которой 1,5—2,4 *см*. Можно предложить следующее чтение и дополнение надписи:

. . . . . .

Χαῖρε. Ζγ[λας][4]
Πειχιλη[νός]
ἀνέθηκ[εν ἑαυ-]
τῷ καὶ τῇ [γυναικί][5]

Следует предположить, что в несохранившейся первой строке стояло имя покойной жены в звательном падеже и имя отца ее в родительном падеже. Судя по величине женской фигуры, на рельефе представлена сама усопшая, как и на некоторых рельефах из Варны [6]. По эпиграфическим и художественным особенностям памятник может быть отнесен к III в. н. э.

---

[4] Или Ζγ[ιλας]. Другие личные имена, которые можно восполнить в качестве имени мужа, см.: W. Tomaschek. Ук. соч., II, стр. 39; Ch. M. Danov. Antike Denkmäler in Bulgarien. BIA, XI, 1938, стр. 198, рис. 117.

[5] Или [συμβίῳ].

[6] E. Kalinka. Antike Denkmäler in Bulgarien. Wien, 1906, стр. 298, рис. 100.

4. В Народном музее г. Асеновграда хранится верхняя часть мраморной колонны (рис. 3, *2*), найденная где-то в самом городе. По верхнему краю колонны идет утолщение. На верхней плоскости, в середине, имеется отверстие и боковой желобок для скрепления с другими частями колонны. Размеры фрагмента: высота — 0,42 *м*, диаметр вверху — 0,24 *м*.

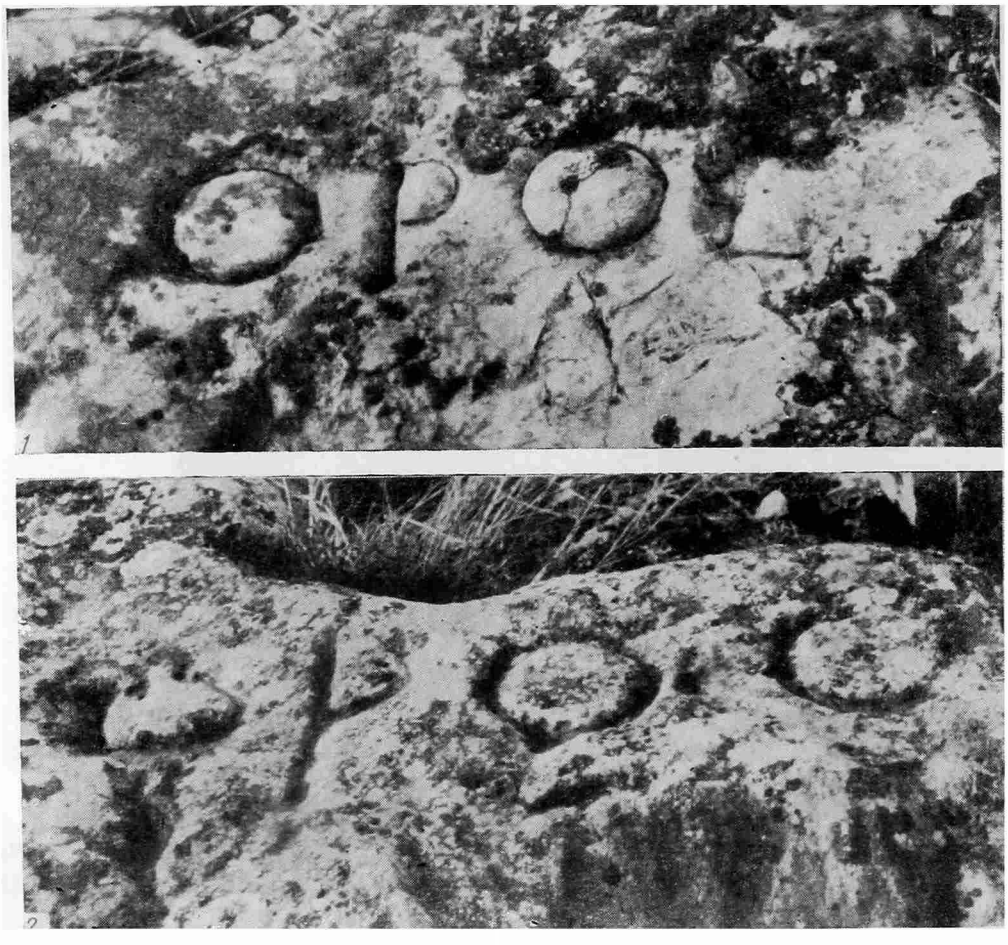


Рис. 4.

1, 2 — надписи на скале около г. Чирпана

внизу — 0,23 *м*. В нижней части сохранилось начало надписи, исполненной буквами высотою от 2,5 до 3 *см*. Надпись читается следующим образом:

Ἀγαθῇ τύ-
χῃ
Θεῶ Ὑψίστω ἐ-
[πηκόω . . . .
. . . . . .

Начертание надписи позволяет отнести ее к III в. н. э. Видимо, памятник происходит из святилища бога Всевышнего [7].

5. В качестве оснований двух деревянных колонн небольшого навеса у западного входа в церковь Св. Богородицы в г. Чирпане вкопаны в землю части мраморных жертвенников, несомненно происходящие из ближайшей станции на римской дороге Singidunum — Constantinopolis, mutatio Carassura. Часть жертвенника с греческой надписью, находящаяся

[7] О найденных у нас пока немногочисленных памятниках и надписях, относящихся к культу этого Всевышнего бога, имя которого было первоначально прозвищем Зевса, см. Г. И. Кацаров. Антични паметници от България. ГПНБМ, 1923, стр. 201 сл., а также RE, VI, A, стр. 529 и указанная там библиография.

под северной колонной, имеет размеры 0,40 × 0,41 × 0,41 *м*. Нижняя, расширенная часть (постамент жертвенника) имеет размер 0,53 × 0,48 *м*. Буквы надписи достигают 3 *см*. Раньше этот камень находился на турецком кладбище г. Чирпана, где его увидел В. Добруски [8], не прочитавший, однако, надписи.

Сохранившаяся часть надписи может быть прочтена следующим образом:

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
περὶ τὴ[ν . . . . .
ἑαυτοῦ καὶ τοῦ οἴ-
κου ἀνέστησεν [9]

Эпиграфические особенности позволяют отнести надпись к II—III вв.

6. Приблизительно в 2 *км* к северо-западу от г. Чирпана, на естественном возвышении (Голямите рупки) по соседству с известковой печью, на известняковых скалах высечены две одинаковые греческие надписи «ὅρος (что означает «граница»). Обе они (рис. 4, *1*, *2*) находятся почти на самом верху возвышенности, на одном уровне с окружающей почвой, на расстоянии около 200 *м* друг от друга. Высота букв первой надписи от 5 до 6 *см*, второй — от 13 до 24 *см*.

Пограничные знаки римского времени (на частных владениях, на землях поселений, на границах между провинциями) у нас хорошо известны и представляют собою переносимые, хорошо отесанные камни с соответствующими надписями, а не надписи на естественных скалах. Известные же доселе надписи со словом ὅρος [10], как и публикуемые две надписи, находятся все на высоких местах — плоскогорьях.

Исходя из указанных обстоятельств, а также из формы букв публикуемых надписей, мы склоняемся к мысли, что последние были пограничными знаками на государственной границе или на границе между административными областями. Датировать их следует скорее эпохой раннего, чем позднего средневековья.

---

[8] В. Добруски. Трети годишен отчет на областната реална гимназия в Пловдив. Пловдив, 1884, стр. 13 сл.

[9] О других надписях, где упоминается ὁ οἶκος, см. Я. Тодоров. Паганизмът в Долна Мизия. София, 1928, стр. 215, № 468; стр. 228, № 563; Ch. M. Danov. Ук. соч., стр. 199, рис. 178 и указанная там библиография.

[10] Йор. Иванов. Северна Македония. София, 1906, стр. 9 и 391 сл.; D. Zontschew Neuentdeckte Inschriften aus Südbulgarien. AB, т. XXX, стр. 114, 115, рис. 37

К. В. ГОЛЕНКО

К ДАТИРОВКЕ ОДНОЙ ГРУППЫ МОНЕТ ФОФОРСА

В нумизматической литературе монетам позднего Боспора уделено едва ли не самое скромное место, хотя они и представлены весьма многочисленными экземплярами в собраниях СССР и материалах раскопок боспорских городищ.

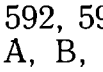
За последнее время публикации кладов позднебоспорских монет Л. П. Харко, Д. Б. Шелова, К. В. Голенко [1] внесли известную ясность в эту тему, но тем не менее боспорские монеты конца III — начала IV вв. изучены еще очень мало.

---

[1] Л. П. Харко. Тиритакский монетный клад 1946 г. ВДИ, 1949, № 2, стр. 73 сл.; Д. Б. Шелов. Феодосийский клад боспорских «статеров». ВДИ, 1950, № 2, стр. 134 сл.; К. В. Голенко. Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе. СА, 1957, № 2, стр. 197 сл.

Среди монет, чеканенных боспорским царем Фофорсом, есть очень интересная, но совершенно неизученная группа. Эта группа сравнительно легко выделяется из числа других монет этого царя характерностью стиля, указывающей на работу одного мастера. Есть и другая особенность, присущая лишь монетам данной группы,— это дифферент на лицевой стороне в виде косого (в качестве исключения — прямого) крестика. Тамгообразный знак на оборотной стороне, обязательный для всех монет Фофорса [2], у многих из разбираемых монет (рис. 1, *3, 7—14*) имеет начертание, свойственное лишь монетам первых двух годов чеканки Фофорса: 583—584 гг. боспорской эры (286—287 гг. н. э.) (рис. 2, *36—37*), т. е. левая лопасть знака опущена вниз, а правая поднята вверх [3], а не наоборот, как это можно наблюдать у более поздних выпусков (см., например, рис. 1, *15—31*; рис. 2, *38—41*). Но самым необычным у большинства этих монет является левый знак в начертании года — или (рис. 1, *4—31*; рис. 2, *48, 49*).

В нумизматической литературе нам встретилась публикация следующих монет с необычным начертанием года: монета 592 (295) г. [4], 591 (294) г. [5], 592 (295) г. [6], 592 (295) г.(?) [7] 592 (295) и 599 (302) гг. [8] Гос. Эрмитажу принадлежат 7 экземпляров этих монет, ГИМ — 4, частным собраниям — 6, в составе II Патрэйского клада (1951 г.) [9] — 15. В указанных изданиях, а также в перечисленных коллекциях монеты с неопределенным начертанием года датировались 591, 592, 595, 599 (294, 295, 298, 302) гг. при дешифровке левого знака как A, B, E, Θ. Эпизодичность, а также в ряде случаев плохая сохранность подобных монет позволяли сделать такое предположение, тем более что интересующий нас знак похож своим начертанием на многие буквы греческого алфавита.

Однако наличие достаточного числа монет с дифферентом в виде крестика позволило выявить некоторые экземпляры, имеющие обычное начертание левого знака в году, который читается как  —593 (296) г. (рис. 1, *1—3*) и —595 (298) г. (рис. 1, *232—35*), причем стилистически их лицевые стороны очень близки монетам с необычным начертанием года. Более того, некоторые монеты с годами 593 (296) (рис. 1, *3*) и 595 (298) (рис. 1, *32*) имеют общие штампы лицевой стороны с монетами с неопределенным начертанием года: рис. 1, *4—9* для 593 (296) г., рис. 1, *28—31* для 595 (298) г. Среди монет этой группы есть ряд экземпляров одинаковых штампов лицевой стороны при разных оборотных сторонах и в двух случаях — одного штампа оборотной стороны при разных штампах лицевой стороны (рис. 1, 9 — *11*, *27* и *28*) [10]. Все это указывает на то, что мы имеем дело с группой монет, чеканившейся без перерыва в продолжение сравнительно небольшого отрезка времени. В этой группе

---

[2] Лишь один тип первых монет Фофорса (583 г. боспорской эры) не имеет тамгообразного знака (см. «Нумизматический сборник», т. I, 1913, табл. I, *12;* А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. L, *21*).

[3] Л. П. Харко. Ук. соч. Зафиксированы отклонения от обычного начертания тамгообразного знака лишь у ранних (583—584 гг. боспорской эры) монет Фофорса.

[4] Б. Кёне. Описание музеума покойного кн. В. В. Кочубея, т. II, СПб., 1857, стр. 360, № 10.

[5] W. Wroth. Catalogue of the Coins in the British Museum. Том «Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosporus». London, 1889, стр. 78, № 5.

[6] T. E. Mionnet. Description de médailles antiques grecques et romaines, II. Paris, 1822, стр. 385, № 158, его же. Supplement, IV, Paris, 1829, стр. 545, № 299.

[7] Sylloge nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals Danish National Museum. Том «Bosporus — Bithynia». Copenhagen, 1944, табл. 3, *91.*

[8] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 134, №№ 11, 21, 24.

[9] К. В. Голенко. Ук. соч.

[10] Штампы лицевой стороны изнашивались значительно быстрее, нежели оборотной. Так, в очень полном подборе монет одной группы наиболее обычным отношением количества штемпелей оборотной стороны к одному общему штампу лицевой стороны является 5 : 1—6 : 1, а в виде исключения — до 12 : 1. (См., например, O. Ravel. Sulla importanza delle studie dei conii in numismatica greca. Rassegna Numismatica, Roma, 1929, № 1, стр. 7 сл.).

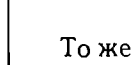
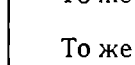
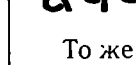
Рис. 1. Монеты Фофорса

1—3 — 593 (296) г.; *4—31* — 594 (297) г.; *32*—595 (298) г.

Рис. 2. Монеты Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI

33—35, 41 — Фофорс, 595 (298) г.; *36* — Фофорс, 583 (286) г.; *37* — Фофорс, 584 (287) г.; *38* — Фофорс, 593 (296) г.; *39, 40, 48, 49* — Фофорс, 594 (297) г.; *42* — Фофорс, 604 (307) г.; *43 — 46, 50, 51* — Радамсад, 614 (317) г.; *47* — Рискупорид VI, 624 (327) г.; *52* — Рискупорид VI, 620 (323) г.

Таблица 1

№№*	Написание года	Начертание тамгообразного знака	Штамп лицевой стороны	Штамп оборотной стороны	Собрание	Вес в граммах	Наличие экз., чеканенных общей парой штемпелей	
							собрание	вес в граммах
1		Обычное			Патрэйский клад, № 52	8,04	Гос. Эрмитаж, № 87	7,25
2	То же	Обычное	Общий с № 1		Гос. Эрмитаж, № 88	7,67		
3	То же	Раннее			Патрэйский клад, № 53	7,38		
4		Обычное	Общий с № 3		Патрэйский клад, № 54	8,01		
5	То же	Обычное	Общий с №№ 3—4		Патрэйский клад, № 55	7,50		
6		Обычное	Общий с №№ 3—5		Гос. Эрмитаж, № 77	7,49		
7	То же	Раннее	Общий с №№ 3—6		Патрэйский клад, № 57	7,25		
8	То же	Раннее	Общий с №№ 3—7		Патрэйский клад, № 56	7,35		
9	То же	Раннее	Общий с №№ 3—8		Копенгагенский музей, № 91	7,56		
10	То же	Раннее		Общий с № 9	Частное собрание	7,59		
11	То же	Раннее	Общий с № 10; исправлен	Общий с №№ 9—10	Частное собрание	7,80	Частное собрание	7,71
12	То же	Раннее	Общий с № 11		Гос. Эрмитаж, № 78	7,54		
13	То же	Раннее			Патрэйский клад, № 58	7,72		
14	То же	Раннее	Общий с № 13		Патрэйский клад, № 59	7,13		
15		Обычное			Гос. Эрмитаж, № 64	7,49		
16	То же	Обычное			Патрэйский клад, № 61	7,93	Патрэйский клад, № 62	8,03
17	То же	Обычное	Общий с № 16		Патрэйский клад, № 60	7,54		
18	То же	Обычное	Общий с №№ 16—17		Гос. Эрмитаж, № 63	7,71		
19	То же	Обычное	Общий с №№ 16—18		Гос. Эрмитаж, № 66	7,94		
20	То же	Обычное	Общий с №№ 16—19		Гос. Эрмитаж, № 65	8,15		
21	То же	Обычное	Общий с №№ 16—20		Частное собрание	9,57		
22	То же	Обычное	Общий с №№16—21		ГИМ, № 4156	8,33		
23	То же	Обычное	Общий с №№ 16—22; исправлен		ГИМ, № 4155	6,32		
24	То же	Обычное	Общий с № 23		Патрэйский клад, № 65	7,99	ГИМ, № 4198	8,30
25	То же	Обычное	Общий с №№ 23—24		Патрэйский клад, № 63	7,96		
26	То же	Обычное	Общий с №№ 23—25		Патрэйский клад, № 64	7,76	Частное собрание	7,78
27	То же	Обычное	Общий с №№ 23—26		Патрэйский клад, № 66	7,98	Частное собрание	7,25
28	То же	Обычное		Общий с № 27	Патрэйский клад, № 67	8,35		

Продолжение табл. 1

№№	Написание года	Начертание тамгообразного знака	Штамп лицевой стороны	Штамп оборотной стороны	Собрание	Вес в граммах	Наличие экз., чеканенных общей парой штемпелей	
							собрание	вес в граммах
29	То же	Обычное	Общий с № 28		Патрэйский клад, № 68	7,98	ГМИИ	7,92
30	То же	Обычное	Общий с №№ 28—29		ГИМ, № 4151	7,28		
31	То же	Обычное	Общий с №№ 28—30		Гос. Эрмитаж, № 61	7,50		
32	ЄЧФ	Обычное	Общий с №№ 28—31		ГИМ, № 4192	7,28		
33**	То же	Обычное	Общий с №№ 28—32		Патрэйский клад, № 69	8,28		
34***	То же	Обычное			Патрэйский клад, № 70	8,00	Гос. Эрмитаж, № 111	7,70
35****	То же	Обычное			Патрэйский клад, № 71	8,45		

* Номера монет списка соответствуют номерам монет на рис. 1 и 2.

** Гос. Эрмитажу принадлежит еще одна монета 595 г. (№ 113; 7,40 *г*) общего с № 33 штампа лицевой стороны.

*** Гос. Эрмитажу принадлежит еще одна монета 595 г. (№ 110; 8,54 *г*) общего с № 34 штампа лицевой стороны.

**** Гос. Эрмитажу принадлежат еще две монеты 595 г. (№№ 114 и 115; 7,80 *г* и 7,40 *г*) общего с № 35 штампа лицевой стороны.

монет, как нам кажется, удается, опираясь на наличие тех же общих штампов и на некоторые мелкие особенности рисунка монет, установить последовательность смены разных штампов, но это вовсе не должно означать того, что обнаружение новых монет данного типа не внесет известные коррективы в нашу схему. Ниже мы публикуем список всех тех монет, которые нам удалось осмотреть в указанных собраниях [11] (табл. I).

Наличие монет 593 (296) и 595 (298) гг., связанных общими штемпелями лицевой стороны с монетами необычного начертания года, бесспорно, указывает на то, что левый знак в начертании года последних должен быть прочитан как Δ, иными словами, эти монеты чеканились в 594 (297) г.

Но известны (правда, немногочисленные) монеты 594 (297) г. с Δ обычного начертания. При внимательном их рассмотрении можно легко убедиться в том, что стилистически они сильно отличаются от монет с годом ΔЧФ, ЬЧФ. С другой стороны, обе группы монет имеют близкие и хорошо прослеживающиеся аналогии среди монет смежных годов. Бесспорно, что в данном случае мы видим результат работы двух мастеров с разными стилистическими приемами.

Однако следует отметить, что штампов лицевой стороны, которыми чеканены монеты с необычным начертанием года, нам известно семь. В то же время все монеты с датой ΔЧФ, судя по доступному нам материалу, биты одним штампом лицевой стороны. Этот штамп начал употребляться в 593 (296) г., подвергся в 594 (297) г. исправлению [12] с добавлением дифферента и использовался вплоть до начала 595 (298) г. (ср. рис. 2, *38—41*).

[11] Предоставлением возможности опубликовать интересующий нас материал мы обязаны Л. Н. Беловой-Кудь, В. М. Брабичу (Гос. Эрмитаж) и Ю. С. Крушкол (ГИМ). Монеты Феодосийского музея нам, к сожалению, оказались недоступными.

[12] Об исправлении штемпелей позднебоспорских монет см. К. В. Голенко. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 107 сл.

Таким образом, перед нами не результат одновременной работы двух мастеров, а случай продолжительного использования одного штампа.

После того как мы установили, что знак ∂, ∂ — дельта, возник вопрос: не является ли подобное изображение дельты свойственным лишь одному мастеру или есть аналогии этому знаку и на других монетах. Оказывается, что на монетах более поздних, чем 594 (297) г., этот знак встречается, хотя и очень редко.

Так, на одной монете Фофорса из Патрэйского клада (рис. 2, *42*) дата имеет вид ЬX, причем стилистически она примыкает к монетам 603 (306) г., и датировать эту монету можно без натяжки 604 (307) г.

Другой случай необычного начертания «дельты» нам известен для монет Радамсада 614 (317) г. (рис. 2, *44—46*), в году которых стоят знаки ∂ ∂∂. Еще П. П. Сабатье [13] отметил необычное изображение дельты в году монет Радамсада 614 (317) г., причем ему удалось выявить четыре варианта разных начертаний этой буквы. Но, к сожалению, нельзя понять, имел ли автор в виду интересующий нас знак или нет, так как, по всей вероятности, для публикации П. П. Сабатье не были изготовлены специальные клише и для изображения отмеченных знаков были подобраны наиболее близкие им клише из старых, имевшихся в типографии.

Подобные монеты изданы Х. Х. Гилем [14] и В. Росом [15]; год оба автора читали как 619 (322) [16]. Неправильность подобного чтения легко подтверждается монетами, на которых год изображен обычно как ΔIX и которые имеют одинаковый с разбираемыми монетами штамп лицевой стороны (рис. 2, *43*) [17]. На одной монете Рискупорида VI 624 (327) г. из собрания Гос. Эрмитажа (инв. № 300) дельта в обозначении года также имеет необычное начертание (рис. 2, *47*).

Таким образом, после 594 (297) г. дельта необычного написания применялась, хотя и эпизодически, при написании всех годов с дельтой. Кроме того, дельта необычного написания известна и в легендах позднебоспорских монет, например, вторая дельта в имени Ῥαδαμσάδι (ς) на лицевой стороне упомянутых монет Радамсада (рис. 2, *50*) и в имени царя на монете Рискупорида VI 621 (324) г.— [Ῥησκουπο]ρίδος (рис. 2, *52*).

В Ольвии в 1952 г. найден разбитый глиняный медальон с изображением молящегося воина, содержащий обрывок христианской молитвы, в одном из слов которой «дельта» имеет начертание, весьма близкое к нашему. Дата этого медальона, на основании палеографических данных, по мнению Б. Н. Гракова, падает на III—IV вв., т. е. он одновременен нашим монетам.

---

[13] П. П. Сабатье. Керчь и Воспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. СПб, 1851, стр. 83.

[14] Х. Х. Гиль. Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, т. V, 1892, стр. 359, № 83, табл. VII.

[15] W. Wroth. Ук. соч., стр. 79, № 1; табл. XVIII, *9*.

[16] Более подробно об этих монетах см. К. В. Голенко. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI.

[17] См. там же.

Б. С. БУТНИК-СИВЕРСКИЙ

О ГОРОДЕ БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Город Белая Церковь Киевской области пока не привлек внимания археологов. В исторической и историко-географической литературе прошлого века этот пункт интересовал ученых в связи с решением вопроса о местоположении древнего города Юрьева, который, видимо, входил в число городов, построенных в 1032 г. Ярославом на р. Роси, а затем

стал центром особой Юрьевской, или Поросской, епископии. Мнения о приурочении Юрьева к какому-либо городищу в Поросье расходились. Посвятивший этому вопросу специальную работу М. Андриевский считал, что Юрьев лежал на городище Райгородок на р. Гороховатке, восточнее Белой Церкви [1]. В. Б. Антонович поддержал старую гипотезу Л. Похиле-

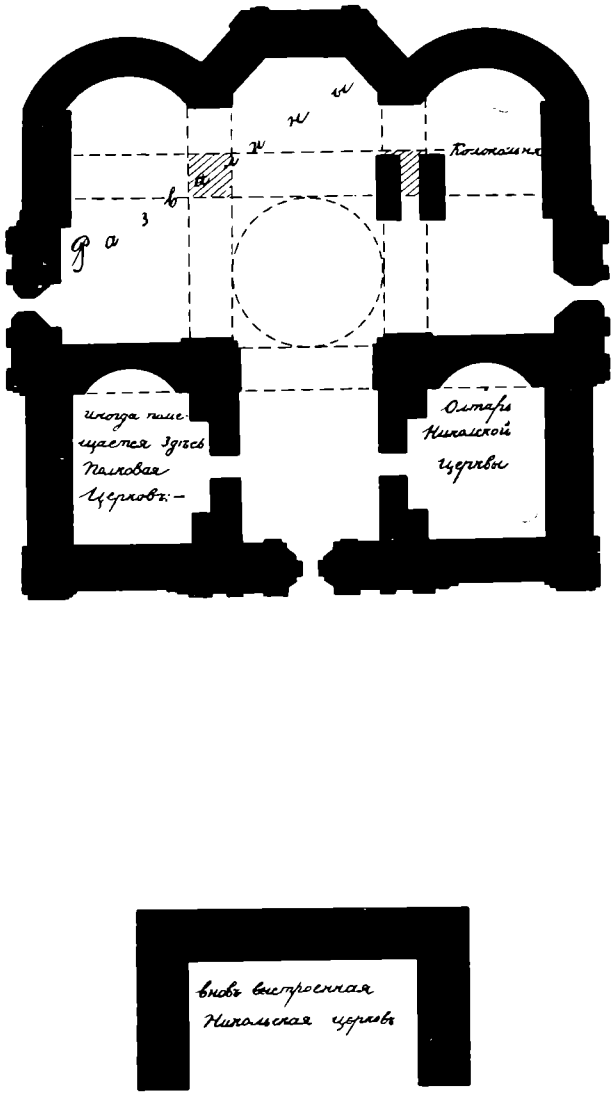


Рис. 1. План древнего храма Белой Церкви (пунктирные линии и штриховка нанесены на план автором)

вича [2] и локализовал Юрьев в районе Белой Церкви [3]. Недавняя заметка О. И. Богатова, сообщающая о наличии в Белой Церкви культурного слоя с керамикой и остатками жилищ XI—XII вв., дает Белой Церкви археологический паспорт и большее основание считаться местом древнего Юрьева [4]. Существенно, что одним из доводов М. Андриевского против этого отождествления было отсутствие в Белой Церкви остатков древних

[1] М. Андриевский. Летописный Юрьев на Роси. Киевская старина, 1883, т. VII, стр. 1—32.

[2] Л. Похилевич. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864.

[3] В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895.

[4] О. И. Богатов. Нові дані про древньоруське місто Біла Церква. Археологія, т. VI, 1952, стр. 133.

храмов, обязательных для епископского города, тогда как о Райгородке была легенда, сообщавшая, что в древности в нем было много церквей [5].

Свод и анализ летописных данных о Юрьеве сделан М. Андриевским; последний раз Юрьев (точнее, юрьевский епископ) упоминается в летописи под 1231 г. [6]. Переименование древнего Юрьева в Белую Церковь происходит где-то в пределах XIV—XV вв. В русских источниках Юрьев упоминается последний раз в «Списке городов русских», составленном в конце XIV в. [7]; у польских же летописцев с конца XV в. упоминается уже Белая Церковь. Это название, видимо, было связано с наличием здесь большого древнего храма. Весьма вероятно, что это был собор Юрьевской епископской кафедры, т. е. храм XI—XII в. О наличии здесь руин какой-то церкви говорит люстрация Белоцерковского замка 1612 г., сообщающая, что в замке «каплица на месте или фундаменте церковном построена небольшая» [8]. Весьма вероятно, что эта каплица на руинах древнего храма (или в его стенах) возникла в 1550 г., когда киевский воевода польский князь Прунский отстроил Белоцерковский замок и использовал древние руины для католической часовни.

Анонимная хроника Белой Церкви сообщает, что здесь в 1706 г. гетманом Константином Мокиевским была заложена новая каменная церковь, о чем свидетельствует надпись на металлической дощечке, прикрывавшей свинцовый ящичек с мощами, вложенный в крестообразную выемку в белом известковом камне и найденный в 1842 г. при разрытии фундамента храма с северной стороны. Предполагали строить трехпрестольный храм с двумя приделами при входе. Однако успели возвести только эти приделы выше окон. Из них был освящен лишь южный придел, сделанный приходской церковью. Затем она сгорела, после чего в 1842 г. были разобраны стены главного алтаря и южного придела, а северный оставался полуразрушенным до 1852 г., когда был восстановлен [9]. В этих данных обращает на себя внимание маловероятный при строительстве храма заново факт быстрой постройки только его западной части, когда приделы были уже выведены до окон, тогда как все остальное воздвигалось, видимо, очень медленно.

Из заметок П. Должикова (проживавшего в Белой Церкви в 1820, 1830 и 1846 гг.) мы узнаем, что между 1831 и 1846 гг. здесь появился новый, Никольский, собор, построенный графиней Александрой Браницкой. «В нынешней ограде собора и вне оной лежат развалины каменной древней церкви, в свое время не оконченной, которую, как можно судить по остаткам, предполагали построить в бóльших размерах. Один из приделов ее сохранился дольше и чем-то занят» [10].

При работах над архивными материалами нам встретились интересные данные об этом храме Белой Церкви. В октябре 1837 г. министр внутренних дел разослал в губернии циркуляр, обязывающий местное начальство собирать сведения «о древних зданиях и вообще о находимых древностях» [11]. Одним из последствий этого было уведомление Киевского гражданского губернатора от 29. III. 1839 г. о том, что «в местечке Белой Церк-

---

[5] М. Андриевский. Ук. соч., стр. 27.

[6] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 194.

[7] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 240.

[8] Л. Похилевич. Ук. соч., стр. 489.

[9] Киев. губ. вед., 1855, часть неоф., № 2, стр. 6—8. Л. Похилевич называет строителем храма 1706—1715 гг. полковника Константина Мокиевского. См. Л. Похилевич. Ук. соч., стр. 489—501.

[10] П. Должиков. Заметки во время поездки по Киевской и Волынской губерниям в 1846 г. Киев. губ. вед., 1847, часть неоф., отд. 2-е, № 2, стр. 13—19.

[11] Гос. Центр. историч. архив МВД УССР. Фонд Канцелярии Киевского военного, Подольского и Волынского генерал-губернатора. Полицейская часть, 1837 г., дело № 398, лист. 2.

ви сохранились остатки древней церкви. Начальное ее основание и последовавшие события покрыты мраком неизвестности. Но, судя по архитектуре, как удостоверяет включаемый под лит. Б. план, может быть она причислена к древним зданиям» [12]. План, находящийся в деле (рис. 1) [13], представляет, на наш взгляд, интерес для истории древнерусской архитектуры. Судя по надписям на плане, снятом с натуры в мае 1838 г., уже в то время алтарная часть церкви была разрушена, юго-восточного и северо-восточного столбов не было, а сохранились только два западных придела, западный и южный порталы. Из этих же надписей видно, что руины являются остатками старой Николаевской церкви и что рядом с ней (западнее) в 1838 г. стояла уже новая, построенная А. Браницкой одноименная церковь, колокольня которой была возведена среди развалин алтарной части старого храма.

Конечно, по схематическому чертежу остатков здания, пережившего столь длительную строительную историю, весьма трудно говорить определенно о его хронологической и стилистической принадлежности и совсем нельзя говорить о его деталях.

Размеры храма очень велики: его ширина по западному фасаду равна 25,68 *м*, диаметр барабана в свету (если принять наши дополнения к плану) составляет 6,90 *м*. Едва ли в XVI—XVIII вв. были условия и нужда для сооружения в захолустном местечке столь обширного храма. Вероятнее думать, что вся его неудачная строительная история за этот период состояла в приспособлении и использовании фундаментов и стен стоявшего здесь в руинах древнейшего церковного здания, давшего в XIV в. свое имя поселению и упомянутого люстрацией 1612 г.

План храма не находит себе аналогии среди памятников украинской архитектуры XVII—XVIII вв. Если же предположить, что чертеж передает план здания домонгольской поры ц е л и к о м, то мы найдем ему аналогии на русском Северо-Западе, где в ряде храмов XII в. Старой Ладоги и в Мирожском соборе в Пскове имеется подобная композиция плана с выделенными угловыми помещениями и крестообразным объемом (Мирожский собор). Однако все эти памятники значительно меньше храма Белой Церкви. Возможно, что в XVII—XVIII вв., используя древние фундаменты крупной постройки, сократили ее площадь, сдвинув апсиды нового храма к западу; об этом может говорить их форма, необычная для архитектуры XI—XIII вв. Тогда следует полагать, что план передает лишь западную ч а с т ь древнего здания, может быть, представлявшего собой монументальный шестистолпный храм, являвшийся кафедральным собором Юрьевской епископии. Отметим, что его размеры близки размерам таких крупных храмов XI—XII вв., как церковь Ирины в Киеве (1037 г.), Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове (XII в.), Кирилловский собор в Киеве (после 1146 г.), храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде (конец XI в). Это позволяет говорить о возможности постройки в Юрьеве обширного епископского храма.

Само идущее от XIV—XV вв. название «Белая Церковь» показывает, что это древнее здание было белым. Указание анонимной белоцерковской хроники на нахождение в фундаменте храма белого известкового камня могло бы дать повод для предположения, что древняя постройка была белокаменной. Однако этот белый камень с реликварием мог быть положен при попытке нового строительства в 1706—1715 гг., а древний храм мог быть кирпичным, как и все постройки Поднепровья и Волыни, тогда как характерная для Галича и Суздальской Руси белокаменная техника была бы в Поросье исключением. Известно, однако, что некоторые кирпичные храмы Киева и Чернигова XII в. подвергались наружной обмазке или

---

[12] Там же, лист 51.

[13] Там же, лист 55. На публикуемом плане мы показали пунктиром возможное размещение подпружных арок и барабана главы.

штукатурке известковым раствором, т. е. были белыми, а иногда эта штукатурка разделывалась прочерчиванием для имитации белокаменной кладки.

Приведенные данные и изложенные соображения могут быть подтверждены или опровергнуты лишь в результате археологических раскопок.

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

НАДПИСИ НА НОЖАХ РУССКИХ МОРЕХОДОВ XVII в.

Среди инвентаря русских мореплавателей XVII в., найденного в 1941 г. у восточного побережья Таймырского полуострова, находится несколько ножей с деревянными черенками, украшенными резным орнаментом. Два из них имеют, кроме того, такие же резные надписи.

Последнее обстоятельство справедливо обусловило особое значение данных предметов и привлекло внимание уже первых издателей таймырского комплекса [1]. Позднее, в особом сборнике, посвященном исследованию вещей таймырской находки, о ножах писал ряд авторов. Надписям на ножах в сборнике посвящена специальная статья [2].

Несмотря на относительно хорошую сохранность и четкость вырезанных на черенках ножей букв, в целом надписи трудно поддаются прочтению. Автор указанной статьи объясняет это своеобразием начертаний букв в русской вязи XVI—XVII вв. и тем, в особенности, что «здесь мы имеем не письмо пером на бумаге, а резанье ножом по дереву и притом выпуклыми буквами, что, несомненно, заставляет прибегнуть к некоторым упрощениям» [3].

Непонятно, почему автор называет буквы выпуклыми, тогда как они вырезаны углубленно (вероятно, под заливку или инкрустацию). Впрочем, вырезывание ножом, притом на небольшой и неудобной поверхности, действительно могло способствовать упрощению или даже искажению привычных буквенных начертаний.

На основе подробного анализа букв автор статьи прочитал первую надпись как «Акакия Мурмз», вторую — «Ивана Мурмз». Он считал их именными надписями, с прибавлением к имени в том и другом случае эпитета «Мурмз», который расшифровывал как обозначение происхождения — «мурманец». Из этого прочтения надписей сделан далеко идущий вывод, касающийся организатора всей экспедиции: «...мы осмеливаемся назвать рассматриваемую в данном сборнике безыменную экспедицию русских людей начала XVII в. экспедицией Акакия Мурманца» [4].

Не касаясь вопроса об исторической возможности приурочения к Мурману организации данной русской экспедиции, нельзя не отметить некоторой искусственности и натянутости как палеографической, так и лексической расшифровки надписей. По-видимому, возможно другое их прочтение.

Не вызывают особого сомнения именные части обеих надписей. В имени «Акакий» (рис. 1, *1*) соединительная черта между первыми «А» и «К»,

---

[1] Б. О. Долгих. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке. Проблемы Арктики, 1943, № 2, стр. 212—213; А. П. Окладников. Древнерусские полярные мореходы у берегов Таймыра. Арктический н.-и. институт Главсевморпути при СНК СССР. Доклады юбилейной сессии. М.— Л., 1945, стр. 1.

[2] См. В. В. Гейман. Надписи на ножах. Сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса». Л.— М., 1951, стр. 141—144.

[3] Там же, стр. 141.

[4] Там же, стр. 143.

вероятно, не имеет буквенно-фонетического значения и вызвана особенностями техники вырезывания, рассчитанного на заливку. Во второй надписи (рис. 1, *2*) имя «Иван» употреблено в притяжательной форме, известной в нашей вещевой эпиграфике с древнейших времен [5].

Второе слово, сопутствующее в обеих надписях именным обозначениям, имеет в том и другом случае одинаковое начертание и, очевидно, одинаковый смысл. Это слово в надписях предшествует собственным именам, а не сопровождает их, так как надписи естественнее читать не с середины строки, а с разделительной черты, идущей вдоль всего черенка ножа по тыльной части.

Слово состоит из пяти букв. Начнем с наиболее ясно и бесспорно читаемых. Вторая буква слова, несомненно, «У». Третья — «Р» — также не вызывает сомнений. Четвертая никак не может быть принята за «М», с начертанием которого она не имеет ничего общего. Это скорее всего «Т» с опущенным левым плечом и коротким правым, чтобы иметь возможность поместить над первым петлю буквы «Р», а под вторым — последнюю пятую букву — «Ъ».

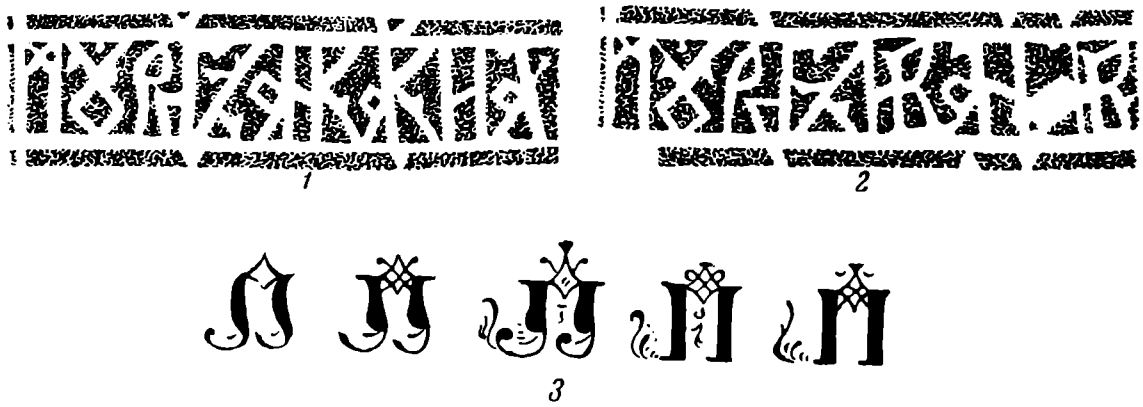


Рис. 1.

1 — надпись на черенке первого ножа; *2* — надпись на черенке второго ножа; *3* — буква «П» в поморских рукописях

Остается первая буква, принятая исследователем надписи также за «М». Начертание буквы с двумя перекрещивающимися линиями между вертикальными штамбами для «М» необычно. Ни в изданных, ни в известных нам книжных и вещевых надписях не приходилось встречать такого начертания. Из всего алфавита единственная буква, которую можно назвать в данном случае, это «П», с осложненной ради орнаментальности фигурной верхней перекладиной. Чрезвычайно близкое к этому начертание буквы «П» встречаем в старообрядческих поморских рукописях, где оно сохраняется с XVII до XIX в. Приводимые образцы буквы «П» (рис. 1, *3*) с выгнутыми и прямыми штамбами и сложнофигурным верхом взяты из крюкового обихода поморского письма [6], где ими начинаются слова: припев, прибегнуть, посреди, поем, пасха, похвала, премудрость и др.

Таким образом, в целом получается слово «пурт». Что оно может обозначать? Словарь Даля дает это слово в качестве местного сибирского, но с явно неподходящим значением — тележный кузов, ящик, лубяник [7]. Однако объяснение ему находится гораздо ближе, в бытовой и технической терминологии как раз тех кругов, которым принадлежит и весь комплекс находок на о. Фаддея и в заливе Симса.

---

[5] Б. А. Рыбаков. Овручские пряслица. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 4, 1946.

[6] Собрание Гос. Русского музея, № Гр. 89.

[7] В. Даль. Толковый словарь. М., 1955, т. III, стр. 539.

В статье о снаряжении русских промышленников в XVII в., составленной на основе многочисленных документов, акад. С. В. Бахрушин указывает: «Необходимой частью промышленного снаряжения были топор и нож, обычно «чугрики простые с ножнами», как назывались ножи, выделывавшиеся на Мезени, или зырянские «пурты» [8].

Пурты, как и другой железный товар, выделывались и употреблялись не только на Мезени. Они были в числе ходового товара также в Мангазее. Будучи центром северо-западного сибирского мореходства и торговли, базой многочисленных экспедиций, этот город в большом количестве ввозил и руками собственных кузнецов и литейщиков вырабатывал всякую корабельную снасть — якори, цепи и т. п., а для торговли и обмена, в особенности «на остяцкую и якутскую руку»,— медь красную в котлах, олово, топоры, пурты и пр. [9].

В свете этих данных интересующие нас надписи на ножах не могут ли иметь простое и естественное значение: пурт (т. е. нож) Ивана и пурт (т. е. нож) Акакия?

---

[8] С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке. Сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века», стр. 89.

[9] Ю. А. Лимонов. Из истории Мангазеи и мангазейского хода. ВЛГУ, № 14, 1956, стр. 120.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. П. СМИРНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ПРИАЗОВСКОЙ РУСИ *

Приазовская Русь до настоящего времени остается загадкой. Отрывочные письменные сведения, часто противоречивые, породили недоверие к ее существованию в широких кругах историков. Спорными остаются вопросы о времени и условиях возникновения этого очага славянства на юге. Почти неизвестной остается и Русская Тмутаракань — один из важнейших центров древней Руси. Интересно начатые систематические исследования Таманского городища, сопоставляемого с древней Тмутараканью и более ранней Гермонассой, к сожалению, не получили дальнейшего развития.

В советской исторической науке существует скрытое скептическое отношение к Приазовской Руси, несмотря на то, что в средние века Черному морю было присвоено имя Русского, а византийские и арабские авторы постоянно отмечали Русь на Черном и Азовском морях.

Решение проблемы Приазовской Руси упирается в неразработанность вопроса о времени появления славян в Крыму, на Тамани и на Дону и в определении той этнической среды, в которую попали славяне в этом крае.

Первым вопросом, без решения которого нельзя понять проблему славян на юге, является вопрос о культуре полей погребальных урн.

Над этническим определением этой культуры работало немало исследователей. Не останавливаясь на истории вопроса, отмечу редкую несогласованность взглядов по этой проблеме.

Племена культуры полей погребальных урн, или культуры полей погребений, считали славянами и готами, фракийцами и иллирийцами. В настоящее время высказываются взгляды о различных племенах, принимавших участие в создании этой культуры.

В решении этой стороны вопроса не учитывалась специфика эпохи I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., особенности исторического развития племен, населявших южную половину Европы того времени.

Эпоха железа — время, когда на огромных пространствах происходил процесс распада родовых отношений и образование союзов племен, сложение классового общества. Этот процесс шел параллельно с формированием территориальной общины, для которой характерен разноплеменной состав. Для этого времени типично также значительное передвижение племен — процесс, начавшийся еще раньше, в бронзовом веке.

Эти явления привели к этнической путанице. Племена, а следовательно, и культуры этого времени носят смешанный характер, что особенно хорошо видно по обряду погребения и по разнохарактерному инвентарю [1].

Историк римского времени Тацит в своем произведении «Германия» при характеристике венетов отмечает эту черту: «Относительно племени певкинов, венетов и финнов, я не знаю, причислить ли мне их к германцам, или к сарматам... Более похожи венеты на сарматов по своим нравам и обычаям» [2]. Это свидетельство как нельзя лучше позволяет понять смешанные «культуры» этого времени.

Своеобразие культур железного века почти никогда не учитывалось археологами. Попытка большинства исследователей найти «чистые» в этническом отношении культуры, естественно, терпела фиаско. Встает вопрос, возможно ли выявление этнических компонентов, составляющих ту или иную культуру железного века. По-видимому, да. Если выявить обряды погребения и связанные с ними комплексы вещей, в особенности украшения, то решение такой задачи не должно представить трудность.

Культура «полей погребальных урн» — явление сложное и противоречивое. Памятники ее разбросаны на широких пространствах Европы и встречаются как на востоке, так и на западе.

Культура полей погребений, как это доказано в ряде работ, генетически связана с лужицкой культурой, которая была распространена на территории Средней Европы, от Эльбы на западе до Вислы на востоке. На севере она достигала Балтийского моря,

---

* Доклад прочитан 21 октября 1957 г. на сессии Ученого совета ГИМ, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции.

[1] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 168 и сл.

[2] И. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. ВДИ, 1941, № 1, стр. 230.

на юге — Средней Чехии и Моравии. Как отмечают исследователи, на поздней стадии своего развития лужицкая культура распространяется на значительную территорию. Погребальные памятники лужицкого типа и отдельные вещи этой культуры появляются в Дании, Южной Скандинавии, на Рейне, во Франции, в Бельгии, в Голландии и, наконец, в Англии. На этой территории они сосуществуют с памятниками местных культур. Этот процесс инфильтрации племен лужицкой культуры привел к этнической и культурной ассимиляции.

Культура полей погребений — явление более сложное. Даже на своей основной территории, в Центральной Европе, она представляет население, различное по этническому составу. Несколько обрядов погребения, сосуществующих вместе, служат лучшим тому доказательством.

Основным обрядом захоронения культуры полей погребения являлась кремация. Наряду с ней практиковались вытянутые захоронения на спине, скорченные — на боку, частичные захоронения и погребения сожженного праха в урнах, поставленных в ящик. Первый из этих обрядов восходит к лужицкой культуре, для которой характерно захоронение урны с сожженным прахом на погребальном поле, чаще всего без насыпи и реже под насыпью. Встречаются там и погребения в каменных конструкциях.

Процесс инфильтрации племен культуры полей погребений на соседние территории продолжался, и погребальные сооружения этого типа встречаются на тех же территориях, где прослеживаются отдельные погребения лужицкой культуры. Они известны в Западной Германии, Италии, на Пиренейском полуострове и в Англии (где встречаются спорадически).

Изучение инвентаря культуры полей погребальных урн позволяет выделить часть материала, восходящего к предметам собственно лужицкой культуры, и другую часть, довольно значительную, которая представляет собой результат культурной ассимиляции и проникновения соседних племен на территорию Центральной Европы. Поля погребальных урн по обряду погребения и характеру керамики делятся на различные типы. В зависимости от степени ассимиляции одни племена или растворялись среди других племен или становились господствующими. Поэтому наличие могильников лужицкой культуры еще не позволяет считать всю данную область принадлежавшей одним племенам.

Основной поток племен полей погребений направился на восток. Это движение не останавливалось в течение всей первой половины I тысячелетия н. э. О раннем проникновении лужичан на восток писал Т. Сулимирский [3]. Об этом, в частности, свидетельствуют находки кельтов удлиненной формы с елочным орнаментом, распространенных в Средней Европе. Мне не кажется убедительным мнение А. И. Тереножкина, который склонен считать этот тип кельтов местным, приднепровским [4]. На территории Украины встречаются также захоронения, близкие лужицким, в виде каменной могилы, примером чему может служить захоронение между Липовкой и Калужиной на Днепре [5]. К I тысячелетию до н. э. относится также несколько погребений с сожженными костями в больших сосудах, обнаруженных в 1902 г. у с. Колодистого Уманьского уезда и имеющих аналогии в Центральной Европе [6]. Эти погребения являются лучшим доказательством проникновения лужичан в Приднепровье, и точку зрения А. И. Тереножкина, склонного отрицать это движение, едва ли можно считать правильной [7].

Кем же были племена лужицкой культуры в этническом отношении? По-видимому, господствующая точка зрения о принадлежности лужицкой культуры в основном праславянам является наиболее правильной. Наблюдается и территориальное совпадение этой культуры с поздними славянами.

Культуре полей погребений на территории СССР посвящена значительная литература. Несмотря на то, что по обряду погребения и находкам поля погребальных урн хорошо увязываются с лужицкой культурой Средней Европы, вопрос о происхождении этой культуры является специальной темой, по которой отсутствует единое мнение.

В советской археологической литературе было высказано по этому поводу три точки зрения. Первая, принадлежащая А. Д. Удальцову, П. Н. Третьякову, а позднее дополнительно аргументированная П. Д. Либеровым [8], исходит из положения о генетической преемственности полей погребений от скифской культуры. В свое время А. А. Спицын стоял на прямо противоположной точке зрения [9]. И, наконец, третья точка зрения, убедительно аргументированная М. И. Артамоновым, связывала племена культуры полей погребений с западными племенами.

---

[3] T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansiji kultury lużyckiej na Ukraine. Wiadomości archeologiczne, т. XIV, Warszawa, 1936, стр. 40—50.

[4] А. И. Тереножкин. Среднее Приднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 53.

[5] А. Поль. Археологические поиски. ЗООИД, т. VIII, стр. 441, табл. XII.

[6] А. А. Спицын. Раскопка курганов у с. Колодистого Киевской губернии. ИАК, вып. 12, 1909, стр. 123—125, рис. 9—6; его же. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 53—54.

[7] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 54.

[8] П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 75 сл.

[9] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 87 сл.

Было бы неверно отрицать какие-либо связи между скифской культурой и раннимн полями погребений. В работе П. Д. Либерова правильно отмечены элементы скифской культуры, наблюдаемые в культуре полей погребений. Однако нет никаких оснований выводить обряд погребения, свойственный культуре полей погребений, от скифского, как это делает П. Д. Либеров.

Уже М. И. Артамонов указывал, что погребения с сожжениями полей погребений по деталям погребального обряда ничего общего не имеют с кремацией в курганах скифского времени в среднем Приднепровье [10]. Все общие черты той и другой культуры появились только в результате ассимиляции.

Несомненно, пришельцы оказали влияние на местные племена и в свою очередь восприняли многие элементы местной культуры. Этим объясняется наличие скифских элементов в ранних полях зарубинецкого типа. По-видимому, курганные насыпи зарубинецких захоронений и некоторые вещи могут считаться скифскими компонентами в культуре полей погребений.

Не существует единого мнения и относительно культуры полей погребений, известной под названием черняховской культуры. Это показало и совещание по вопросам черняховской культуры и ее роли в истории ранних славян, состоявшееся в мае 1957 г. в Киеве [11]. Спор по поводу принадлежности этой культуры славянам, готам или различным племенам, участвовавшим в ее создании, продолжается.

Я полагаю, что черняховская культура по обряду погребения и по ряду вещественных материалов генетически восходит к зарубинецкой и через нее — к лужицкой культуре. Однако она имеет специфические черты, которые объясняются новой политической и культурной обстановкой, сложившейся в Европе во II—III вв. н. э.

Все исследователи, занимавшиеся вопросами черняховской культуры, отмечали в ней наличие античных, точнее римских элементов, которые придают ей особый облик. Действительно, черняховский инвентарь характеризуется римскими украшениями и бытовыми вещами. Таковы фибулы римского провинциального типа, бусы, гребни. В могилах нередки римские монеты. Наконец, керамический комплекс включает немало изделий, восходящих к римским формам. В Черняховском могильнике встречены сосуды, повторяющие римское стекло, римские чаши, блюда, наконец, одноручные сосуды. Наряду с этим материалом обычны сосуды, по своей форме представляющие реминисценцию старых лужицких форм. В этой группе имеются горшки и чаши, продолжающие бытовать в измененном виде вплоть до очень позднего времени [12].

Черняховские могильники Восточной Европы по обряду захоронения значительно сложней зарубинецких. Здесь прежде всего появляется много материалов типично сарматских, что заставляет вспомнить свидетельство Тацита о сходстве обычаев венедов и сарматов (пряжки, зеркала позднесарматского облика). Встречаются захоронения с деформированными черепами, широкое распространение получают погребения в подбоях, иногда даже под курганами. Типичным памятником этого типа является Кантемировский могильник. В 1924 г. М. Рудинский там открыл курганы с вещами черняховской культуры при наличии обряда погребения, характерного для сарматов.

Вопрос о взаимосвязях сарматов и племен культуры полей погребальных урн довольно детально освещен в литературе и не требует дополнительной аргументации [13].

Чем дальше на восток, тем сильнее сказываются сарматские элементы. Наиболее восточными погребениями являются захоронения в Харьковской области, в районе Северского Донца (могильник возле с. Ново-Покровка, Чугуевского района и курганные погребения около с. Буд). К таким же погребениям относится трупосожжение близ с. Харьковки с пятипальчатой фибулой.

Еще недавно памятники черняховского типа оставались в границах лесостепи. После работ на Каховском водохранилище эту границу следует отодвинуть далеко на юг.

Большое число поселений и могильников открыто между Днепропетровском и Запорожьем, близ г. Никополя [14]. Около Бериславского поселения на Нижнем Днепре было выявлено три трупосожжения черняховского типа.

Совершенно понятно, что характер культуры здесь несколько другой [15]. Здесь силь-

---

[10] М. И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. Вестн. Ленингр. ун-та, 1946, № 2, стр. 83—84. Некоторые формы черняховских сосудов восходят к зарубинецким прототипам. Полного сходства в форме первых и вторых нет. См. М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 172.

[11] СА, 1957, № 4, Хроника, стр. 274—277.

[12] Для сравнения интересны следующие материалы: Э. А. Сымонович. Лепная посуда памятников Черняховской культуры нижнего Днепра. КСИИМК, вып. 68, рис. 5, *12*, 10; Є. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 239, табл. I, рис. 1, *2*; Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 243, рис. 6—8, 11, 13 (XIII в.).

[13] Ю. В. Кухаренко. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954, стр. 111.

[14] А. Т. Брайчевська. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 7.

[15] На своеобразие памятников этой части Днепра обратила внимание М. А. Тиханова. См. М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 175.

нее чувствуется античное влияние и собственно черняховские черты, свойственные лесостепной зоне, отходят на второе место [16].

Столь далекое проникновение культуры полей погребений на юг и наличие в сожжениях элементов античной и сарматской культур подчеркивает справедливость мнения Б. А. Рыбакова о тесной взаимосвязи лесостепного мира со степным [17].

По мнению большинства исследователей, основные памятники черняховской культуры датируются в пределах до V в. н. э. Однако датировка Ново-Покровского могильника (VII—VIII вв.), достаточно убедительно установленная Ю. В. Кухаренко, и наличие пятипальчатой фибулы близ Харьковки, происходящей из сожжения, открытого Данилевичем, заставляет нас согласиться с датой, предложенной М. Ю. Брайчевским. Однако это будет уже не собственно черняховская культура, а другая, хотя также принадлежащая к культуре полей погребальных урн. Доказательством этого является типичный обряд захоронения в виде трупосожжения с погребением останков в неглубокой ямке (в урне или без нее) в сопровождении сосудов [18].

Ново-Покровский могильник был исследован в 1936—1937 гг. И. Ф. Левицким, а затем в 1949 г. Ю. В. Кухаренко [19]. Обряд погребения, как следует по публикациям, заключался в следующем: трупы сжигались на стороне; пережженные кости покойника вместе с остатками погребального костра переносились на территорию могильника и ссыпались в небольшую округлую или прямоугольную в плане яму. Как правило, ямы неглубокие, и остатки погребального костра не всегда полностью в них помещались. В большинстве случаев пепел, зола и древесные угольки не только целиком заполняли погребальные ямы, но и тонким слоем лежали над ними, образуя довольно большие пятна. Найденные в могилах вещи не оставляют никакого сомнения в поздней дате могильника. Об этом свидетельствуют опубликованные Ю. В. Кухаренко сердоликовые бусы, конец поясного ремня в виде удлиненной пластинки с овальным концом, фибула типа Рутхи, найденная И. Ф. Левицким. Еще более определенны вещи из комплексов 1 и 2 (сабли, удила, наконечник копья и пр.), убедительно датированные Ю. В. Кухаренко VI—VIII вв.

Б. А. Рыбаков был совершенно прав, приписав оружие из этих комплексов древнерусскому дружиннику [20].

На позднюю дату указывают и погребения под курганными насыпями, исследованные В. Е. Данилевичем [21] близ с. Буд и хут. Березовки. Насыпи курганов не превышали в высоту 0,3—0,6 *м* и в диаметре 14—28 *м*. Курганы хранили остатки трупосожжений. Особенно интересны остатки сожжений в кургане № 1. Под насыпью, ниже линии горизонта, обозначились прослойки угля, пережженных человеческих костей и черепки грубых глиняных сосудов. На глубине 0,94 *м* открыты остатки истлевшего скелета, на одной из костей которого найдена бронзовая фибула позднего сарматского типа, длиной 11,5 *см*, с железной иглой. Несколько глубже были найдены вторая такая же фибула и обломки грубого сосуда. Курганный обряд погребений встречался в могильниках полей погребальных урн. Вспомним наблюдения В. В. Хвойки в Зарубинецком могильнике и Кантемировке [22]. Наличие курганных захоронений отмечает и Е. В. Махно в своей сводной работе [23].

А. А. Спицын в уже упоминавшейся работе о культуре полей погребальных урн указывает курган № 3 у хут. Березовки Ахтырского уезда, в котором «почти на уровне горизонта найден раздавленный большой сосуд темного цвета. Сосуд этот был наполнен пережженными человеческими костями и накрыт небольшим глянцевитым сосудом, раздавленным землей» [24].

Эти памятники не единичны. Д. Т. Березовец [25], исследуя памятники Путивльского района Сумской области, открыл у с. Волынцево бескурганный могильник полей погребальных урн позднего типа. Было раскопано 19 захоронений, совершенных по обряду сожжения. Труп сжигали на стороне, а остатки костра вместе с костями клали в глиняную урну, которую помещали в неглубокую ямку, вырытую в черноземе. Урны не закрывали. Рядом с урнами клали вещи: браслеты, стеклянные бусы, кольчужную ткань, перстень со щитком. Эти вещи (и, в частности, перстень со щитком и об-

---

[16] А. Т. Брайчевська. Ук. соч., стр. 9, 12.

[17] И. Г. Шовкопляс. VIII наукова конференція Институту археології АН УССР. Археологія, т. XI, 1957, стр. 161.

[18] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 218.

[19] Ю. В. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 99; его же. Новопокровський могильник і поселення. Археологія, т. VI, 1952, стр. 33.

[20] Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 102.

[21] В. Е. Данилевич. Раскопка курганов около с. Буд и хутора Березовки Ахтырского района Харьковской губ. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 411.

[22] А. А. Спицын. Поля погребальных урн, стр. 56 и 60.

[23] Э. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. Археологія, т. IV, 1950, стр. 7 и 64.

[24] А. А. Спицын. Поля погребальных урн, стр. 66.

[25] Д. Т. Березовец. Дослідження на території Путивльского району Сумськоі області. АП, т. III, 1952, стр. 248.

разцы керамики) датируют погребения VII—VIII вв. Следует вспомнить также более ранние погребения у Даниловой балки, первоначально исследованные С. С. Гамченко. Здесь были обнаружены погребения черняховской культуры III—IV вв. н. э. и небольшая группа погребений несколько более позднего типа. Костяки, ориентированные головой на запад-запад-север, лежали в глубоких могильных ямах вытянуто на спине. Э. А. Сымонович, изучавший данный материал, пришел к выводу, что найденные в погребениях сильно потертая монета половины IV в., привеска, бусы и бокал могут датироваться V—VI вв. н. э.[26]. Все перечисленные выше памятники позволяют принять верхнюю дату культуры полей погребальных урн, предложенную Е. В. Махно[27] и М. Ю. Брайчевским[28], а именно до V—VI—VII вв. н. э., и согласиться с теми исследователями, которые проводят прямую линию развития от полей погребений к культуре Киевской Руси.

Вопрос об этническом определении черняховской культуры значительно сложней, чем решение этого вопроса в отношении зарубинецкой культуры. Последняя большинством исследователей признается славянской. Это положение следует понимать в известной мере условно. Распространившись с запада, зарубинецкая культура впитала и ассимилировала местное население скифского времени. На новой территории славянский элемент стал господствующим, о чем можно судить по обряду погребения. Черняховская культура распространена на значительно большей территории, чем зарубинецко-корчеватовская, и впитала большее число разноэтничных элементов. Сложность вопроса о черняховской культуре усугубляется еще бурной политической обстановкой того времени: движением готов и появлением их в пределах Восточной Европы; распространением влияния Рима. Однако закат черняховской культуры в основном датируется временем более поздним — эпохой гуннского нашествия. О сложном этническом составе культуры полей погребальных урн свидетельствует обилие обрядов захоронения, о чем было сказано выше[29].

Если вопрос о сарматских связях черняховской культуры достаточно хорошо доказан археологами и находит подтверждение в свидетельствах Тацита, то значительно сложней обстоит дело с зашедшей в тупик готской проблемой.

В этом отношении пагубную роль сыграла работа В. И. Равдоникаса[30], в которой, наперекор историческим фактам, утверждалось отсутствие каких-либо германских племен на территории Восточной Европы в III—IV вв. Такую же позицию занимали некоторые археологи марровской школы. Эта ненаучная «теория» продолжает пропагандироваться некоторыми исследователями[31]. Нам кажется, однако, что точка зрения М. И. Артамонова представляет собой крен в другую сторону. Мы еще далеки от разрешения готской проблемы, и мне хотелось бы высказать некоторые соображения в сугубо предварительном порядке. Погребения готов следует искать среди трупосожжений, но не в той группе, которую связывают со славянами и которая представлена простыми захоронениями пепла сожженных трупов в ямках или в урнах (обряд, восходящий к памятникам лужицкого типа). Этот обряд перекликается и с подобными захоронениями под курганами более позднего времени, принадлежавшими славянам средневековья.

Знакомясь с погребальными памятниками Европы, мы встречаемся на побережье Балтики, к западу от нижнего течения Вислы, с погребениями в каменных ящиках, вмещающих урны с сожжением, без следов курганных насыпей. Эту культуру многие исследователи приписывали древним германцам. Такие могилы известны в виде комплексов и на территории полей погребений, на Карпатах, в Польше и на Украине вплоть до Днепра (на Волыни и на Киевщине, в окрестностях Острога и в бассейне Ирпеня).

К этой группе надо отнести некоторые захоронения, открытые С. Ф. Стржелецким в Крыму, близ совхоза № 10, и погребение этого же типа в Херсонесе[32].

В полях погребений захоронения в каменных ящиках были открыты С. С. Гамченко у сс. Перлова и Корчага в пределах бывш. Житомирского уезда. Там в каменных ящиках стояли сосуды с пеплом.

Таких погребений немного. Это обстоятельство, вероятно, говорит о том, что готы, попавшие в Северное Причерноморье, растворились здесь в местной этнической среде. Отсутствие комплекса вещей, который можно было бы приписать готам, свидетельствует о том, что эти племена, давшие имя крупному племенному союзу, сыгравшему

[26] Э. А. Сымонович. Погребения V—VI вв. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 62—76.

[27] Э. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань..., стр. 64.

[28] М. Ю. Брайчевський. Археологічні материали до вивчення культури східнослов'янских племен VI—VIII ст. Археологія, т. IV, 1950, стр. 27; его же. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 3, стр. 114—129.

[29] См. также М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 194.

[30] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. Готский сборник. Л., 1928.

[31] См., например, П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1951, стр. 3, 21—23.

[32] Херсонес Таврический. Путеводитель по музею. Симферополь, 1956, стр. 73.

большую роль в политической жизни Причерноморья, не оказали сколько-нибудь значительного влияния на культурное развитие последнего. Это объясняется тем, что по уровню своей культуры эти обитатели севера не могли соперничать с высокой римской культурой, которая здесь существовала, а также с достаточно высокой сарматской культурой. Племена степного Причерноморья были наследниками скифской культуры. Вполне понятно, что пришельцы сами попали под влияние более культурного местного населения, не оказав никакого или почти никакого влияния на местную культуру.

В горной части Крыма, куда попали пришельцы, они сумели сохранить свой язык. Во всяком случае, еще в половине XIII в. монах Рубруквис отметил наличие готского языка в горном Крыму. «На море,— пишет он,— от Керсоны до устья Танаида находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдайей существует сорок замков, почти каждый из них имел особый язык, среди них было много готов, язык которых немецкий» [33]. К XVI в. относится свидетельство каноника Матвея из Мехова, который, говоря о князьях Мангупа, писал: «...родом были готы и говорили по-готски» [34].

Как видно по совокупности исторических материалов, культура полей погребений включает несколько этнических компонентов: славянский, сарматский, готский и, по-видимому, еще некоторые другие, не улавливаемые в настоящее время.

Первые два тесно сплелись, что чувствуется и в археологическом материале и известно по данным античных авторов.

Какой же этнический компонент является господствующим? Может ли археология ответить на этот вопрос? По-видимому, да. Данные обряда погребения позволяют решить этот вопрос. Сравнительный их учет бесспорно доказывает, что господствующим в культуре полей погребений являлось трупосожжение с захоронением праха в неглубоких ямках или в урнах. Такой вывод строится на материале большинства могильников. К этому выводу в свое время приходили В. В. Хвойка и А. А. Спицын. К такому выводу приходит и ряд современных исследователей. Этот обряд захоронения на данной территории и в данном этническом окружении можно связать, по-видимому, только со славянами. Он восходит к культурам эпохи бронзы Центральной Европы.

Можно полагать, что в Восточной Европе культура полей погребальных урн была в основе своей славянской. В полосе лесостепи племена славян столкнулись с населением скифской эпохи и ассимилировали его. Продвигаясь на восток, они включили в свой состав значительное число сарматов, о чем свидетельствует возрастающий удельный вес подбойных погребений. Эта культура подвергалась нивелирующему влиянию римской культуры, особенно заметному в более южных районах.

Такое понимание этнического состава культуры полей погребальных урн в полной мере отвечает этнической карте Восточной Европы, оставленной нам историками античности. Как установлено рядом работ, памятники культуры полей погребальных урн занимают полосу лесостепи вплоть до района р. Донца, а спорадически встречаются и несколько дальше. Византийские историки помещают в этих местах антов. Автор VI века Прокопий Кесарийский в своем сочинении «Готская война» отмечает, что «устье этого озера (Меотийского.— *А. С.*) находится на берегу Понта Евксинского. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше на север от них занимают земли бесчисленные племена антов» [35]. Территория распространения полей погребений в бассейне Дуная и Днепра также соответствует указаниям письменных источников (Иордан) на расселение антов: «Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра. Реки отстоят друг от друга на много дневных походов» [36]. Это свидетельство относится также к VI в. и отражает вместе с тем несколько более раннюю картину.

Сопоставления археологических и письменных материалов, а также анализ погребений не оставляют сомнения в славянской основе культуры полей погребальных урн. Славянский компонент был основным и на этой территории, по-видимому, господствующим.

Часть исследователей, занимающихся вопросами истории древних славян, отказывается видеть их в носителях культуры полей погребений, прежде всего вследствие несоответствия культурного уровня. Население культуры полей погребений имело высокую культуру, что сказывается, в частности, в наличии плужного земледелия и развитого гончарного ремесла. Большое число привозных римских вещей и монет характеризует широкие международные связи. Культура славян IX—X вв. на первый взгляд имеет более примитивный облик и как будто ничем не связана с культурой полей погребений. Нельзя не заметить, что сложившееся в среде археологов суждение о культуре полей погребений только на основании инвентаря могильников страдает значительной неполнотой. Материал селищ оставляет несколько более примитивное впечатление, чем могильный инвентарь. Это чувствуется в землянках, которые, в частности, довольно близки киевским. На селищах встречается много грубой лепной посуды, сосуществующей с гончарной; изделия из металлов довольно примитивны. Нельзя не отметить эти элементы, связывающие культуру полей погребений со славянской культурой IX—

---

[33] Готский сборник, вып. I, стр. 10.

[34] Там же.

[35] Прокопий. Готская война, IV, 4. ВДИ, № 1, 1941, стр. 242.

[36] Иордан. О готах, III, 34—35. ВДИ, № 1, 1941, стр. 232.

X вв. Близость эта отмечалась уже в литературе. Так, горшки, известные в могильниках полей погребений, можно сравнить с такой же формой сосудов из славянских памятников начала II тысячелетия н. э. (Эта же форма, в частности, богато представлена в Саркеле, где она характеризует славянскую струю этого края, о которой пишут восточные авторы).

Следует отметить, что, несмотря на сходные элементы культуры полей погребений и славянской культуры, у них есть и значительные различия. Совершенно правильно наблюдение исследователей о резком изменении культуры на рубеже IV—V вв. н. э. Исчезает прекрасная гончарная керамика, представленная разнообразными формами (в частности, античными), прекращается римский экспорт, исчезают римские бытовые вещи и украшения. Все эти явления находят объяснение в той политической обстановке, которая сложилась в Европе в IV—V вв. При изучении этого вопроса должны быть приняты во внимание гибель Римской империи и гуннское нашествие, оставившее страшную память в Европе и сыгравшее большую роль в этнических сдвигах, происшедших в Европе в это время. Торговля с Римом прекратилась, высокоразвитые центры цивилизации и ремесла того времени были разрушены. На месте земледельцев появились полудикие кочевники.

Вопрос о гибели культуры полей погребений поднимался в литературе. Е. Махно, например, отметила гуннское нашествие как первопричину гибели черняховской культуры.

Гуннское нашествие открыло новую историческую эпоху. Вслед за гуннами появились авары и другие орды кочевников. Все это наложило отпечаток на культуру нашего юга. Племена полей погребений ушли из степной части на север и, будучи оторваны от центров цивилизации, были отброшены назад в культурном развитии. Наступивший регресс и обусловил тот заметный с первого взгляда сравнительно примитивный облик славянской культуры, который должен быть учтен при сравнении ранних и поздних славянских памятников. Эта тяжелая полоса в жизни славянства продолжалась не менее 400 лет.

Нельзя забывать также, что становление Русского государства происходило в тяжелых условиях враждебных отношений, с одной стороны, с Византией, а с другой — с Хазарским каганатом. Хазарский каганат, закрывший на некоторое время дорогу кочевникам из Азии в Европу, тем не менее не создал благоприятных условий для развития Руси, так как хазары, являясь союзниками Византии, представляли серьезную угрозу для тыла молодого Русского государства. Совершая набеги на русскую землю, они подрывали благосостояние населения, что нашло отражение в свидетельстве русской летописи.

Отмеченная политическая обстановка дает объяснение кажущемуся культурному хиатусу между черняховской культурой и русской культурой IX—X вв.

Эпоха III—IV вв. н. э.— эпоха крушения античного рабовладельческого строя. В этих событиях большую роль сыграли набеги варваров. Если в отношении Западной Римской и Восточной Римской империи названные события хорошо освещены древними авторами, то в отношении античных центров Восточной Европы это достаточно хорошо доказывается на археологическом материале.

Еще в 1939 г. И. В. Мишулин на страницах журнала «Вестник древней истории» выступил со статьей о роли древних славян в крушении античного мира [37]. На основе анализа свидетельств византийских авторов он доказал факт продвижения славян на юг двумя волнами: первой вместе с сарматами и второй — в середине I тысячелетия н. э. под собственным именем.

За последние годы вопрос о продвижении славян на юг, в Крым и на Тамань, приобрел значительную остроту, и в его решении наметились три линии. Первая, высказанная П. Н. Надинским об автохтонном происхождении славян в Крыму, представляет собой точку зрения, стоящую вне науки; вторая, утверждающая появление славян в Крыму в III—IV—V вв., представлена Е. В. Веймарном, С. Ф. Стржелецким и автором настоящей статьи; и третья — о приходе славян в Причерноморье только в IX—X вв., когда там возникают Корчев и Тмутаракань, признается большинством историков.

Если в оценке таких памятников, как могильник Харакс, следовать принятой методике, то этот последний можно приписать только черняховской культуре [38]. В настоящее время нет никаких оснований пересматривать этот вопрос. Другое — могильники Западного Крыма, типа Чернореченского и Инкерманского, давшие большую группу захоронений, отличающуюся от погребений могильника Харакса. Эти могильники содержали скорченные и подбойные захоронения, погребения в склепах и сожжения.

Прежде всего следует пересмотреть вопрос о скорченных погребениях Крыма, которые огульно причисляются к таврам. Так, С. Ф. Стржелецкий, описывая северный могильник Херсонеса, исследованный им совместно с Н. В. Пятышевой в 1945 г., пишет: «Из восьми погребений пять свидетельствуют о таврском происхождении покой-

[37] И. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. ВДИ, № 1, 1939, стр. 290—307.

[38] А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, 1953, № 3, стр. 32—45. Сомнения М. А. Тихановой в отношении принадлежности могильника Харакс черняховской культуре основаны на отвлеченном умозаключении, а не на анализе материала. См. М. А. Тиханова, Ук. соч., стр. 178.

ников по скорченному или полускорченному положению костяков»[39]. Широкое распространение скорченных захоронений вне территории обитания таврских племен не может служить достоверным этническим признаком.

В настоящее время таврам приписывают погребения в каменных ящиках. Этот тип погребальных памятников датируется в довольно широких хронологических границах. Одни из них относятся к раннему железному веку и содержат в инвентаре коллективных скорченных захоронений скифские стрелы, обломки кинжалов скифского типа; другие достаточно четко датируются временем первых веков нашей эры. Эти памятники были первоначально исследованы Н. И. Репниковым в Байдарской долине, у истоков Черной речки. Каменные ящики делятся на несколько типов: одни из них имеют ограждения, другие без ограждений; наконец, имеется значительная группа каменных ящиков, расположенных под курганными насыпями. Каменные ящики тесно связаны с поселениями, давшими однородный материал. Таким образом, характерной чертой погребального обряда таврских племен признается устройство могил в виде каменных ящиков и коллективность захоронений. Руководствуясь этими признаками, условно можно считать таврскими коллективные погребения в каменных ящиках могильника Суук-Су. Правда, большинство этих погребений вытянуты на спине, однако есть и скорченные. В 1948 г. Н. В. Пятышева раскопала ряд погребений в каменных ящиках, хорошо датируемых ювелирными украшениями XIII в. В одном ящике было найдено два вытянутых костяка, в другом костяков было больше. Для всех характерно вытянутое положение на спине. В одном случае был обнаружен деформированный череп. Н. В. Пятышева относит могильник к смешанному алано-таврскому населению, с чем следует согласиться[40].

Тавры не были изолированы в области горного Крыма. Впускные каменные ящики, обнаруженные в скифских курганах,— явное тому доказательство[41]. Наиболее ранними памятниками этого рода являются захоронения V в. н. э.[42]. Одними из наиболее поздних являются погребения II—I вв. до н. э.

Весьма возможно, что скифские курганы с большими каменными могилами и коллективными захоронениями, в отдельных случаях насчитывающими до 100 костяков (курган близ совхоза «Красный» Симферопольского района)[43],— результат ассимиляции тавров скифами[44].

Инкерманский и Чернореченский могильники совершенно другого типа. Их нельзя сравнивать с типичными таврскими могильниками, хотя они и находятся на таврской земле. В Инкерманском могильнике, весьма эллинизированном, таврам могут быть приписаны только склепы со скорченными костяками[45]. Все другие типы захоронений — в подбойных могилах и простых грунтовых могилах, а также в больших грунтовых могилах с заплечиками принадлежат пришлому, сильно сарматизированному населению культуры полей погребальных урн. Последний тип устройства могил, характерный только для сарматов, не оставляет никаких сомнений в принадлежности погребений этим племенам.

Несколько другого характера могилы в виде простых грунтовых ям с погребенными, лежащими на спине в вытянутом положении, головой на север. Эта группа хорошо сопоставляется с группой трупоположений на спине, известных в культуре полей погребальных урн. Аналогичные захоронения можно назвать в могильнике черняховского типа, открытом в Чигиринском районе, у с. Маслова, и раскопанном П. И. Смоличевым в 1926 г.[46] Костяки лежали в ямах на глубине от 0,5 *м* до 2,5 *м*, головой на север. Довольно широко представлена в полях погребальных урн еще одна группа погребений Инкерманского могильника — в земляных ямах с костяками в скорченном положении, головой на юг и восток[47].

Смешанность погребального обряда черняховской культуры, где наряду с трупосожжением встречаются (а иногда и преобладают) трупоположения, заставляет Инкерманский и (в большей степени) Чернореченский могильники, в которых трупосожжения составляли 42% захоронений, связывать с этой культурой. Вполне понятно поэтому присутствие в Инкерманском могильнике миски черняховского типа.

При раскопках Фанагории в 1936—1939 гг. М. М. Кобылиной были открыты средневековые слои, давшие аналогичный комплекс[48]. Особенно интересна находка ориен-

---

[39] С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. Херсонесский сборник, вып. IV, 1948, стр. 94.

[40] Приношу благодарность Н. В. Пятышевой за разрешение использовать этот материал в данной статье.

[41] Т. Н. Троицкая. Скифские курганы Крыма. Изв. Крымского отдела Географ. общ. СССР, вып. 1, 1951, стр. 93.

[42] Там же, стр. 91.

[43] Там же, стр. 96.

[44] П. Н. Шульц. Тавры и их взаимоотношения с античными городами Северного Причерноморья. Научная конференция, посвященная истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956, стр. 10.

[45] Е. В. Веймарн. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 219, 226.

[46] А. А. Спицын. Поля погребальных урн..., стр. 62.

[47] Э. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань..., стр. 65.

[48] М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 10 и 96.

тированного головой на юго-запад детского погребения № 3, в котором оказался фрагментированный сероглиняный сосуд, аналогичный по форме и фактуре кувшинам из Чернореченского и Черняховского могильников [49]. Такие сероглиняные сосуды — не единичная находка в Фанагории. Эта находка позволяет поставить вопрос о раннем проникновении на Тамань племен полей погребений и обоснованности точки зрения Б. А. Рыбакова о древности славянской колонизации Приазовья [50].

Весьма показательна также находка горшка из грубопромешанной глины, со слабо отогнутым венчиком, с поверхностью, покрытой линейным орнаментом. Этот сосуд найден в слое вместе с позднеримскими и раннесредневековыми находками, относится к раннесредневековому времени [51] и также может свидетельствовать о проникновении черняховских племен на Тамань.

Отмеченные памятники представляют доказательства раннего появления славянских племен в Крыму вместе с сарматской и готской волной.

Несмотря на тяжелую политическую обстановку в степи, славянское движение не прекращалось и в более позднее время. Пребывание славян на Дону, отмеченное византийскими источниками, хорошо документируется славянской керамикой цимлянских городищ, той керамикой, которая по археологическим признакам не отделима от славянской ни по форме, ни по технологическим признакам, ни по орнаменту. В области цимлянских городищ, в области Салтовской культуры она является чуждой [52], и только нежелание считаться с фактами и археологической методикой заставляет некоторых исследователей признавать эту группу керамики салтовской, а такую же керамику в землях славян — славянской. Наличие этой керамики в нижних слоях Саркелского городища дает основание считать славян одним из этнических компонентов населения Подонья. Эта славянская струя появилась впервые с той волной племен полей погребальных урн, которая с начала нашей эры шла на восток от Днепра. Вместе с этой волной поля погребений распространились до Верхнего Подонья. Горшки Саркелского городища должны быть поставлены в один эволюционный ряд с подобными горшками черняховского типа, которые широко известны во всех могильниках и селищах этой культуры. Эта посуда, представленная широко в Подонье, может быть хорошо сопоставлена с письменными данными арабских источников о славянах в Хазарии.

Следует указать, что на таких памятниках Крыма, как Коктебельское городище, среди большого числа салтовской керамики встречаются фрагменты горшков, имеющих типичный славянский профиль и фактуру. Эта посуда имеет примесь кварцевого песка, сделана из желтой и серой глины. Орнамент обычно линейный или волнистый, или зональный из этих же элементов. Характер орнамента, способ его нанесения не позволяют сопоставлять эти сосуды с салтовскими или болгарскими памятниками [53].

Подобная же керамика распространена и на Таманском полуострове. Ее находили не только в последние годы, но и в более раннее время. Напомню, что после работ А. С. Башкирова в 1928 г. на выставке в Институте археологии и искусствоведения РАНИОН В. А. Городцов, осматривая многочисленную керамику, происходящую из средневековых слоев Тамани, выделил определенную группу, связав ее со славянами. Последние раскопки на Таманском полуострове дали значительный материал, который прекрасно сопоставляется со славянами. Интересные наблюдения сделаны при исследовании Патрэя. Там был открыт средневековый слой с большим количеством керамики, аналогичной простейшей славянской. Эта посуда сосуществует с типичной красноглиняной посудой салтовского типа. Слой с такими находками в Патрэе составляет половину средневековых культурных напластований [54]. Нередки также находки фрагментов толстостенных крупных сосудов с каннелированной поверхностью. Эти сосуды, известные под именем корчаг, встречаются на протяжении всего средневекового слоя от VI—VII вв. до XIV—XV вв. А. С. Башкиров описывает такие корчаги, изготовленные из красной глины, высотой около 0,5 *м*, с овальным днищем, с узким низким горлом и низкими округлыми ручками, прилепленными к вершине горла и плечам. Поверхность таких корчаг покрыта горизонтальными каннелюрами. Подобные корчаги имели

---

[49] И. Д. Марченко. Фанагория. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, стр. 124.

[50] Б. А. Рыбаков. Древняя Тмутаракань и проблема славянской колонизации Приазовья. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленума ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г., М., 1954, стр. 17.

[51] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941 стр. 28.

[52] Не могу согласиться с точкой зрения Ю. В. Кухаренко, приписавшего эту керамику сарматам (см. Ю. В. Кухаренко. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954, стр. 119).

[53] В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ села Планерское. КСИИМК, вып. XIX, 1953, стр. 104, рис. 39, 1,3—5; П. Н. Шульц. Историко-археологические исследования в Крыму. Альманах «Крым», № 6, Симферополь, 1950, стр. 154—155.

[54] А. С. Башкиров. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове 1949—1951 гг. Уч. зап. Ярославского пединститута, вып. XXII (XXXII). Всеобщая история. Ярославль, 1957, стр. 327.

широкое распространение в древней Руси и Хазарии. Они встречены в Киеве, Чернигове, в Смоленске [55]. Вся керамика, имевшая аналогии в памятниках древней Руси, встречается совместно с посудой, характерной для юга Крыма и салтовской культуры. Здесь следует отметить корчаги из желтоватой глины с высоким узким горлом и крутыми плечами, с высокими ручками и острым дном, с поверхностью, обработанной широкими горизонтальными каннелюрами. Такие амфоры известны в слоях VIII—XI вв. на западном побережье Кавказа (Пицунда, Амбара, Бамборы, Сухуми). Большое число обломков принадлежит посуде, широко распространенной в Крыму, как на его побережье, так и в горной части. Эта посуда в Крыму сопровождается поливной керамикой [56]. В 1952 г. Б. А. Рыбаков, выступая на Крымской конференции, отметил раннее появление славян в Крыму и на Тамани и своеобразие культуры Приазовской Руси [57]. К сожалению, до сих пор остаются по существу неизданными материалы по раскопкам русской Тмутаракани. То, что известно нам по докладам и кратким информациям Б. А. Рыбакова, рисует Таманское городище как памятник средневековой Руси. Раскопками были открыты культурные слои X—XI вв. Особенно интересна мощная сырцовая оборонительная стена, представляющая полную аналогию ряду русских городов, основанных Владимиром (Белгород, Переяславль русский и города по р. Стугне). Большую ценность представляют остатки храма, сопоставляемого Б. А. Рыбаковым с памятниками русского зодчества. Наблюдения, сделанные им над керамикой, крайне интересны. Б. А. Рыбаковым выделена посуда славянского типа, аналогичная саркельской, и особая группа керамики, названная касожской. Особенно важны для решения вопроса о русской Тмутаракани находки амфор с граффити — русскими и греческими, тамгами и княжескими знаками. Представляют большой интерес стеклянные синие браслеты с эмалевым узором, местного, по утверждению Б. А. Рыбакова, производства, широко распространенные в русских городах, преимущественно домонгольской эпохи. Важной находкой явились расчетные квадраты древних зодчих, начерченные на черепице. Один из них вычерчен в русских (тмутараканских) мерах.

Совершенно понятно, что княжество, сложившееся в этнически смешанной среде антов и сарматов, в окружении населения Западного Кавказа, со своей своеобразной культурой, должно было носить отпечаток этой среды, точно так же, как культура русского населения Владимиро-Суздальского княжества носит явные отпечатки культуры окружающей финно-угорской среды. Эта же среда дает себя чувствовать в великом Новгороде, особенно на его периферии.

Изучение Приазовской Руси должно быть продолжено. Следует также продолжить раскопки средневековых объектов Крыма и Тамани, так удачно начатые в послевоенные годы.

---

[55] Там же, стр. 345.
[56] Там же, стр. 347.
[57] Б. А. Рыбаков. Славяне в Крыму и на Тамани. Крым, 1952, стр. 12—14.

В. В. КРОПОТКИН

ИЗ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

Русская нумизматическая литература за последние годы обогатилась рядом статей и книг, посвященных истории денежного обращения на территории Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Наиболее интересным исследованием по широте поставленных научных проблем и методам их решения является книга В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья» [1], в которой основное внимание уделено истории денежного обращения в VIII—XIII вв. н. э. Вопрос об обращении римского денария в Восточной Европе в первые века нашей эры в книге В. Л. Янина не получил подробного освещения, хотя автор, принимая гипотезу М. Ю. Брайчевского о существовании внутреннего денежного обращения в I—IV вв. н. э. [2], делает весьма ответственные выводы о происхождении древнейшей русской гривны весом в 68,22 *г*.

Мне приходилось в свое время отмечать, что денежное обращение на территории Восточной Европы в первых веках I тысячелетия н. э. (преимущественно обращение

---

[1] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

[2] М. Ю. Брайчевский. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, 1954, № 1, стр. 119—134. Как известно, в ряде статей М. Ю. Брайчевского была развита концепция о так называемом антском периоде в истории восточных славян, который, начинаясь во II в. н. э., продолжался до VII в., охватывая эпоху, насыщенную крупными экономическими и политическими потрясениями (см. дискуссию в СА, №№ 2—4 за 1957 г.).

Таблица 1

№№	Место находки клада	Монетный состав клада (по векам)						Число варв. подражаний	Вещи	Примечание
		I	II	III	IV	V	VI			
1	Киев, Оболонь	—	—	+	+	—	—			Антонинианы 238—268 гг.
3	Красный Кут	—	—	+	—	—	—			Антонинианы 238—270 гг. (?)
2	Дачное	—	—	+	+	—	—			
4	Дандале	—	—	+	—	—	—			
5	Икшкиле	—	—	+	—	—	—			
6	Керчь	—	—	+	—	—	—			Антонинианы 238—268 гг.
		—	—	+	—	—	—			
7	Безымянный клад	—	+	+	—	—	—			Антонинианы 238—251 гг.
8	Минская губ.	—	—	—	+	—	—			
9	Оргеев	—	—	—	+	—	—	1		
10	Лукашевка	—	—	—	+	—	—	1		
11	Кирилены	—	—	—	+	—	—			
12	Рауна	—	—	—	+	+	—			
13	Энгуре	—	—	—	+	—	—			
14	Рублевка	—	—	—	+	+	—		+	
15	Белояровка	—	—	—	—	—	+			
16	Южный Урал	—	—	—	—	—	+		+	
17	Стрелецкая Бухта	—	—	+	+	+	+			
18	Метелин	—	—	+	+	+	—			
19	Киверцы	—	—	+	—	—	—			Антонинианы 235—251 гг. (?)
20	Ворошиловград	—	—	—	—	—	+			
21	Смекаловка	—	—	—	—	—	+			

римских монет) должно было существенно отличаться от денежного обращения у славянских племен в конце I и начале II тысячелетия н. э., когда ремесло отделилось от земледелия и из небольших торгово-ремесленных поселков возникли первые средневековые города [3].

Зарождение товарного производства и денежного обращения является сложным и чрезвычайно длительным процессом, который на территории Восточной Европы захватывает период в несколько тысячелетий со времени первого общественного разделения труда до эпохи раннего средневековья.

Как известно, скифо-сарматские племена в VII—I вв. до н. э. вели оживленную торговлю с причерноморскими городами, которая засвидетельствована как письменными источниками, так и археологическими данными [4]. Эти связи, как и в предшествующую эпоху, носили характер натурального обмена. На территории скифо-сарматских племен зарегистрированы только случайные, крайне редкие находки греческих и причерноморских монет, которые ни в какой мере не могут служить доказательством денежного характера торговли до I в. н. э.

В первые века I тысячелетия н. э. характер торговли римских провинций и причерноморских городов с окружающими их племенами меняется и меновая торговля уступает место денежной торговле, как это было уже давно отмечено М. И. Ростовцевым [5]. Если монеты I в. н. э. встречаются в кладах и отдельных находках еще в незначительном количестве, то со времени покорения Траяном Дакии приток римских денариев значительно возрастает. Изучение многочисленных кладов римских серебряных денариев на территории Центральной и Восточной Европы показывает, что в середине II в. н. э. ввоз римских монет достигает наиболее высокого уровня. По данным статистики монеты Антонина Пия и Марка Аврелия превосходят по количеству монеты предшествующих и последующих императоров в десятки и сотни раз. В конце II в. н. э. приток римских монет резко сокращается и обесцененные антонинианы, чеканившиеся

[3] В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, № 3, 1954, стр. 152—180.

[4] Strabo, Geogr., XI, II, 3-SC, I, стр. 131; ВДИ, 1947, № 4, стр. 210. «Недавно его (Танаис.— *В. К.*) разрушил до основания царь Полемон за неповиновение; раньше он служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие товары, свойственные цивилизованному образу жизни». О торговле Ольвии с Поднепровьем см. Н. Н. Бондарь. Торговые сношения Ольвии со Скифией в IV—I вв. до н. э. СА, XXV, 1956, стр. 124—137.

[5] M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 210.

в империи в годы кризиса III века, встречены лишь в немногих из кладов (табл. 1) Большинство поднепровских кладов не имеет в своем составе монет III в. н. э., заканчиваясь денариями Коммода и начала правления Септимия Севера (80—90-е годы II в. н. э.). Прекращение притока римских монет на территорию Восточной Европы в свете этих данных можно более уверенно объяснить не только начавшимся экономическим кризисом Римской империи (порча монеты), но и какими-то серьезными военно-политическими изменениями на восточных границах Римской империи.

В. Л. Янин в упомянутой выше книге высказал предположение о том, что возникновение древнейшей русской гривны весом в 68,22 *г* относится к первым векам нашей эры, ко времени обращения на юге России римского серебряного денария. «Первоначальное образование русских единиц взвешивания,— пишет В. Л. Янин,— относится к первым векам н. э., когда в Восточной Европе распространились значительные массы серебряной римской монеты. Прием этой монеты — денария весом 3,41 *г* — на основе древнего славянского счета порождает в это время весовую единицу в 68,22 *г* и кратные ей...».

«Эти единицы,— продолжает автор,— бытуют в период VI—VIII вв. В начале IX в. начинается массовое проникновение в Русь восточного дирхема весом 2,73 *г*, который становится к уже бытующей здесь гривне весом 68,22 *г* в оригинальное отношение 1 : 25. Начало образования денежного счета Русской Правды относится именно к этому времени» [6].

В. Л. Янин исходит из предположения, что римские серебряные денарии с теоретическим весом в 3,41 *г* были хорошо известны древним славянам.

Римские денарии, являясь средством денежного обращения у славян, по словам В. Л. Янина, принимались на с ч е т, о чем свидетельствует полное отсутствие в кладах обломков и обрезков монет. «Весовая норма денария сама была единицей измерения монет. В противном случае следы приспособления денария к уже существующему весовому масштабу неизбежно должны были бы сохраниться» [7].

Основой сохранения выработанной в начале нашей эры весовой единицы, по мнению автора, было постоянное потребление серебра в качестве сырья для производства украшений, так как весов у древних восточных славян еще не было [8]. Как известно, в восточноевропейских монетных кладах I—VII вв. не было до сих пор найдено ни весов, ни гирек для взвешивания монет и слитков [9].

Преобладающее большинство польских и русских кладов состоит из римских серебряных монет I — начала III в. н. э., т. е. являются кладами длительного накоплений [10]. Некоторые немногочисленные клады включают даже монеты и вещи второй половины III и IV в. н. э.

Большинство кладов римских монет, по собранным автором исчерпывающим данным, заканчивает свое накопление до 235 г. н. э. (всего 109 кладов), из них 26 кладов содержат монеты времени не позже правления Марка Аврелия (161—180 гг.), когда на Дунайской границе империи шла ожесточенная так называемая Маркоманская война, а 83 клада заканчиваются монетами конца II — первой трети III в. н. э. (от Коммода до Севера Александра) — в эпоху, когда в Причерноморье из Прибалтики переселились германские племена, известные в античной историографии под общим именем готов.

На территории Фракии, Мезии, Дакии известны клады, содержащие римские монеты первой половины III в. н. э. и заканчивающиеся монетами Гордиана III и Филиппа Араба [11].

Монеты Максимина, Гордиана III, Филиппа Араба и последующих императоров эпохи тридцати тиранов, однако, не характерны для римских кладов Восточной Европы. Из 133 кладов римских монет только восемь кладов содержат обесцененные антонинианы середины III в. н. э. (Киверцы, Дандале, Соболевка, Киев 1876 г., Куриловка, Керчь, Красный Кут и Безымянный клад). Эти клады почти не имеют в своем составе полноценных серебряных монет I—II вв. н. э.

Например, в 1954 г. в Керчи был найден небольшой клад, состоявший из одного денария Юлии Домны 212 г. н. э. и 70 антонинианов: Гордиана III — 10 экз., Филиппа Араба — 11 экз., Отацилии Северы — 1 экз., Филиппа Младшего — 3 экз., Траяна Деция — 6 экз., Этрусциллы — 2 экз., Деция Младшего — 1 экз., Требониана Галла — 22 экз, Волузиана — 5 экз., Валериана — 6 экз., Галлиена — 2 экз. [12]. Клад был, по-видимому, зарыт во второй половине III в. н. э.

---

[6] В. Л. Я н и н. Ук. соч., стр. 203—204.

[7] Там же, стр. 200.

[8] Там же, стр. 201.

[9] В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, № 4, 1951, стр. 243—281; е г о ж е. Топография римских и ранневизантийских монет..., стр. 152—180.

[10] В. В. К р о п о т к и н. Топография римских и ранневизантийских монет..., стр. 155.

[11] B. M i t r e a. L'incursion des Carpes en Dacie sous le règne de Philippe l'Arabe à la lumière des decouvertes de trésor de monnaies. Nouvelles études d'histoire présentées au Xe congrès des sciences historiques. Rome, 1955, Bucarest, 1955, стр. 149—160.

[12] Приношу благодарность Н. З. Питкиной за сообщение об этой находке.

Таблица 2

№№	Место находки клада	Монетный состав клада (по векам)								Вещи
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
1	Куриловка	+	—	+	—	—	—	—	—	—
2	Берегово	+	—	—	+	—	—	—	—	—
3	Черниев	+	—	—	+	—	—	—	—	—
4	Сучава	+	+	+	+	—	—	—	—	—
5	Крылос *	+	+	+	+	—	—	—	—	—
6	Пустоваровка *	+	+	+	1	—	—	—	—	+
7	Даугавпилс	+	+	+	+	—	—	—	—	—
8	Борочицы	+	+	+	1	—	—	—	—	+
9	Княжая Криница	+	+	+	+	—	—	—	—	—
10	Нежин	+	+	+	—	—	—	—	—	+
11	Симферополь	+	+	+	—	1	—	—	—	—
12	Лукощино	+	+	+	—	1	—	—	—	—
13	Мукачево *	—	+	—	—	+	—	—	—	—
14	Заболотов *	—	+	+	+	—	—	—	—	—
15	Снятин *	—	+	+	+	—	—	—	—	—
16	Брестов	—	+	+	+	—	—	—	—	—
17	Фромборк	—	+	+	—	1	—	—	—	+
18	Стрелецкая Бухта	—	—	+	+	+	+	—	—	—
19	Малое Перещепино	—	—	—	—	+	+	—	—	+
20	Новые Сенжары	—	—	—	—	—	+	—	—	+
21	Келегейские хутора	—	—	—	—	—	+	—	—	+
22	Серповое	—	—	—	—	—	—	+	—	+

Примечание. * — находки римских монет, которые М. Ю. Брайчевский ошибочно называет кладами.

Древнейшие монеты Безымянного клада относятся ко времени Пертинакса, когда серебряные денарии содержали уже не более 50% чистого серебра.

А. Н. Зограф писал по этому поводу: «Количество лигатуры к концу II в. начинает подходить к 50%. В связи с этим падает и курс денария. В обращении начинают разграничивать старые денарии I — начала II в. от новых и расценивают первые вдвое дороже, чем вторые»[13].

В историко-нумизматической литературе было высказано мнение о том, что сокращение ввоза римских монет было связано с разгромом причерноморских городов готами и общим упадком римской торговли в III—IV вв. н. э.

Массовый археологический материал, обнаруженный на поселениях Поднестровья и Поднепровья, находки импортных изделий в сарматских курганах и полях погребения III—IV вв. н. э. свидетельствуют о некотором сокращении экономических связей с Причерноморьем и римскими провинциями, но отнюдь не о полном прекращении торговли, как полагали ранее[14]. Вторжение готов в Причерноморье, которое, судя по последним нумизматическим и эпиграфическим данным, относится к 30—40-м годам III в. н. э., привело к разрушению многих причерноморских городов и поселений, но торговые связи племен Европейской Сарматии с Римом не прекратились, о чем свидетельствуют, помимо римских импортов (амфоры, краснолаковая и стеклянная посуда, украшения с эмалью, бусы и пр.), многочисленные находки монет III—IV вв. н. э. в западных областях Украины и Молдавии. Следует отметить, что статистические данные о соотношении римских монет и римско-причерноморских изделий, найденных на территории Украины, приведенные в статьях М. Ю. Брайчевского, неполны. Уже зарегистрировано свыше 300 пунктов находок (у Брайчевского — 83); на многих поселениях и в могильниках обнаружены десятки и сотни таких изделий.

Торговля Римской империи с окружающими ее племенами в эпоху домината не прекратилась, но приобрела в большей степени, чем в I—II вв. н. э., меновой, натуральный характер. По-видимому, варварские племена Центральной и Восточной Европы не нуждались более в обесцененной римской монете, приобретая в то же время ткани, вино, драгоценные изделия и другие товары. Характер импортных товаров свидетельствует о том, что они удовлетворяли потребности не рядового населения, а племенной варварской знати. Немногочисленные клады III—IV вв. н. э. наряду с монетами зачастую содержат и драгоценные вещи (Ласков, Борочицы, Нежин и др.). Эти клады, по-видимому, были зарыты в землю в эпоху гуннского нашествия, или в тревожные годы гуннского господства на юге России (Лукашевка, Оргеев, Кирилены, Рублевка и пр.).

М. Ю. Брайчевский, А. В. Фенин, а вслед за ними и В. Л. Янин на основании нескольких кладов, содержащих наряду с ранними денариями I—II вв. н. э. отдельные

[13] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 54.

[14] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 147 и сл.

поздние монеты или вещи, высказали положение о том, что римские монеты I—II вв. находились длительное время во внутреннем обращении и попали в клады на рубеже IV—V вв. н. э. Этот тезис можно было бы принять, если бы мы располагали хорошо документированными, бесспорными кладами, содержащими значительное количество поздних монет наряду с ранними монетами (как это имеет место в более поздних кладах VIII—XII вв. н. э.). Этого, однако, нет.

Новые материалы (клады в Оргееве, Лукашевке, Кириленах из Молдавии, клады из Новгород-Волынского, сс. Турии и Погорелого) не подтверждают гипотезы об отсутствии перерыва в денежном обращении на территории Восточной Европы. Фактические данные pro и contra, изученные нами, показывают, что находки римских монет в Мукачеве, Крылосе, Заболотове, Берегове, Снятине, которые М. Ю. Брайчевский произвольно называет кладами, на самом деле, по-видимому, являются разновременными находками, собранными коллекционерами-любителями [15].

Так называемые клады из Черниева, Пустоваровки и Княжей Криницы внушают нам большие сомнения в своей достоверности. Клад римских монет из Лукощина Полтавской области также, по-видимому, содержал только римские денарии I — начала III в. н. э., как и клад, найденный на городище Неаполя скифского в Крыму в 1827 г. (табл. 2). Во всяком случае, в сводных работах С. Болина [16] и К. Маевского [17], как и у более ранних авторов, эти находки не фигурируют как клады, за исключением Черниева. По-видимому, в четырех кладах не случайно наряду с монетами найдены и вещи; т. е. они являлись не чисто денежными, а денежно-вещевыми кладами, кладами-сокровищами, зарытие которых в землю подчинено иным закономерностям.

Таким образом, если мы можем допустить, что во время существования черняховской культуры во II—IV вв. н. э. римские денарии в той или иной мере обращались в Восточной Европе, то в последующие столетия эти монеты совершенно исчезли из обращения. Клады византийских монет VI—VIII вв. н. э. и одновременные им погребения с византийскими монетами не содержат ни одного римского денария. Это свидетельствует о том, что масса римских серебряных монет в результате политических и экономических потрясений, пережитых населением Восточной Европы в III—IV вв. н. э., была изъята из обращения. Значительная часть денариев была закопана их владельцами в землю и превратилась в сокровища, часть же, по-видимому, была использована местными ювелирами для изготовления серебряных украшений. Длительный безмонетный период, наступивший в Восточной Европе в V в. н. э. и продолжавшийся до конца VIII в., не получает удовлетворительного объяснения, если исходить из тезиса М. Ю. Брайчевского и В. Л. Янина о внутреннем обращении римских монет.

Если мы обратимся к анализу монетных кладов, найденных в Польше и Советском Союзе, то увидим, что средний вес монет не соответствует теоретическому весу денария в 3,41 *г*. На приведенной ниже таблице 10 кладов содержат монеты I—III вв. н. э., один клад — монеты IV в. н. э. (табл. 3).

Установление среднего веса монет из ряда кладов I—IV вв. н. э., найденных на территории Польши и СССР, свидетельствует, что в действительности население Восточной Европы постоянно сталкивалось с денарием, вес которого был очень далек от теоретического веса в 3,41 *г*. Кроме серебряных денариев, которые преобладают в во-

Таблица 3

№№	Место находки клада	Общий вес клада	Кол-во монет	Средний вес монет	Примечание
1	Гродково	3822,11	1540	2,48	
2	Рубча (Александровка)	228,21	89	2,56	
3	Пражуха	290,40	106	2,74	
4	Ивановице	486,29	172	2,82	
5	Турия	307,90	105	2,93	
6	Переорки	1177,34	400	2,94	
7	Погорелое	983,0	330	2,98	
8	Ковтуны	317,79	104	3,05	
9	Пшендзель	458,4	148	3,09	
10	Безымянный клад	20745,31	2182	3,0	Денарии 193—238 гг.
			3259	4,1	Антониниане 238—251 гг.
11	Оргеев	397,74	127	3,13	
12	Нетулиска Малая	10070,0	3170	3,15	

[15] М. Ю. Брайчевский. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, 1954, № 1, стр. 130, прим. 1.

[16] St. Bolin. Finden av romerska mynt i det fria Germanien. Lund, 1926.

[17] K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949.

сточноевропейских кладах, значительно реже встречаются серебряные монеты иного веса (антонинианы), а также золотые и бронзовые римские монеты. Если римские монеты, обращавшиеся на территории Восточной Европы, не взвешивались, а принимались на счет, то каким образом варварские племена Европейской Сарматии могли установить теоретический вес денария в 3,41 *г* и соответствующую ему весовую единицу в 68,22 *г*. Наконец, находки серебряных украшений в области пшеворской, липицкой, зарубинецкой и черняховской культур так редки, что говорить о «постоянном потреблении серебра в качестве сырья для производства украшений» у нас нет никаких оснований. Украшения в III в. до н. э.— IV в. н. э. были по преимуществу железными или бронзовыми. Серебряные и золотые украшения встречаются только в богатых могилах в порядке исключения. Поскольку В. Л. Янин не производил взвешивания слитков и украшений первых веков нашей эры, то его вывод, таким образом, повисает в воздухе. Некоторые же факты говорят против гипотезы В. Л. Янина. Например, в Каменском кладе 1873 г. найден серебряный слиток весом 97,001 *г*[18]. Золотая гривна из Домбровского клада (Лодзинское воеводство), весит 91,8 *г*[19], а три серебряные серьги X—XI вв. из клада в дер. Пражуха (Познанское воеводство) весят 11,5 *г*[20].

Очевидно, что древние славяне рано или поздно стали взвешивать монеты и слитки и только тогда могли установить определенные весовые нормы приема металла. Когда же это могло произойти, когда и где возникла древнейшая русская гривна?

Поставить, а тем более решить эти вопросы без широкого исторического фона невозможно. К сожалению, в книге В. Л. Янина спорные вопросы древнейшей истории славянства в I тысячелетии н. э. обойдены молчанием. Свой взгляд на эти вопросы автор формулирует лишь в примечании: «...связь весовых систем Киевской Руси с весовыми системами славян первых веков н. э. не может быть подвергнута сомнению, так как несомненно само взаимодействие славян с Римом и употребление ими римской монеты в первых веках н. э., где бы славяне ни находились в это время»[21].

На рубеже и в первые века нашей эры этническая карта Восточной Европы была очень пестрой. Исторические свидетельства о венедах Плиния, Тацита и Птолемея, материалы сравнительно-исторического языкознания, топонимики и ономастики позволяют гипотетически связывать с ранними славянами две археологические культуры: пшеворскую на западе и зарубинецкую на востоке. Липицкую культуру в Поднестровье есть все основания относить к фракийскому этническому массиву.

Во II в. н. э. на пестрой, разноплеменной основе складывается черняховская культура, существовавшая до рубежа IV—V вв. н. э. Основная масса кладов и отдельных находок римских монет I—V вв. н. э. в Восточной Европе найдена на территории черняховской культуры в Поднестровье, на Волыни, в Поднепровье. Исходя из факта отсутствия прямой генетической связи между пшеворской и зарубинецкой культурами, с одной стороны, и черняховской культурой, с другой, мы не можем признать последнюю славянской культурой, тем более, что между черняховской культурой на юге СССР и последующей раннеславянской культурой VIII—X вв. также не установлено прямой генетической связи; по-видимому, пшеворскую и зарубинецкую культуры через посредствующие звенья или непосредственно следует увязывать с наиболее ранними славянскими памятниками V—VIII вв., изученными в Чехословакии, Польше, СССР и Румынии. В Чехии они известны по погребениям с лепной керамикой так называемого пражского типа. На Украине древнейшая славянская керамика характерного профиля найдена в курганах с трупосожжением в районе Житомира.

Таким образом, черняховская культура не может быть названа антской культурой хотя бы потому, что исторические анты VI—VII вв., анты Прокопия, Иордана и Маврикия, в археологическом отношении еще надлежащим образом не изучены, а те памятники VI—VIII вв., которые уже известны на территории антов и склавинов, не имеют ничего общего с черняховской культурой II—IV вв. н. э. Если антский племенной союз возник, как это утверждает М. Ю. Брайчевский, в III—IV вв. н. э.[22], то совершенно непонятно, почему анты во II—IV вв. были носителями высокой провинциально-римской культуры, а в VI—VII вв. имели иную, примитивную, культуру. Нако-

---

[18] В. В. Кропоткин. О некоторых кладах римских монет, найденных в России. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 105, рис. 13.

[19] ДАК, 1913, № 275; ОАК за 1913—1915 гг. Петроград, 1918, стр. 184, 260; K. Majewski. Ук. соч., стр. 113; В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет..., стр. 176, № 3. Клад поступил в Гос. Исторический музей в 1917 г.; инв. № 50736. Диаметр гривны 15,2 *см*.

[20] Архив ИИМК, ф. I, 1886, № 18, л. 1—10; ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. CLXI; Д. Я. Самоквасов. О происхождении русских и польских славян и причины появления кладов римских монет в землях древних руссов и ляхов. Тр. VIII АС, т. III, 1897, стр. 41; Указатель памятников Российского Исторического музея. М., 1893, стр. 156—157, № 1040—1042; K. Majewski. Ук. соч., стр. 140, № 876. Клад поступил в ГИМ, инв. № 2378—2485. Две серьги сохранились не полностью.

[21] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 200, прим. 1.

[22] М. Ю. Брайчевский. Основные вопросы археологического изучения антов (культура полей погребений). Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, стр. 60—81.

нец, почему славяне во II—IV вв. широко употребляли во внутреннем обращении римскую монету, а в V—VIII вв. наступил безмонетный период, в то время как варварские государства Испании, Франции и Италии чеканили свою монету.

Очевидно, такой исторический регресс в экономическом развитии племен Восточной Европы невозможно объяснить ни гуннским вторжением, ни нашествием аваров.

Следовательно, обращение римского денария в области черняховской культуры, в Поднестровье, на Волыни и в Среднем Поднепровье имеет к древним славянам (историческим венедам) косвенное отношение, так как из южных областей Восточной Европы римские денарии проникали в области пшеворской и зарубинецкой культур.

Если мы признаем, что южные зарубинецкие племена были ассимилированы в Среднем Поднепровье носителями черняховской культуры, то тогда мы должны будем распространить на эти поднепровские племена общие закономерности экономического развития, характерные для римской периферии со смешанным фракийским и скифо-сарматским населением, далеко ушедшим от первобытно-общинного строя.

В области распространения пшеворской культуры клады и отдельные находки римских монет встречены в большом количестве, причем некоторые клады достигают значительных размеров (например, клады в Калише, Гродкове, Нетулиске Малой и др.) [23]. Следовательно, тесные экономические связи варварских племен Восточной Европы с Римской империей не могут вызывать никаких сомнений.

Племенная знать была особенно заинтересована в торговле с Римом, получая оттуда предметы роскоши, вино и прочие изделия. Многочисленные находки обломков светлоглиняных узкогорлых амфор II—III вв. н. э., металлической, краснолаковой и стеклянной посуды, а также различных украшений говорят о размахе этой межплеменной торговли. Но развитая внешняя торговля и употребление римских монет как средства обращения, а следовательно, и средства накопления сокровищ племенной знатью не дают еще представления о развитии внутренней торговли и внутреннего денежного обращения, хотя, конечно, они не были изолированы друг от друга. Племена Восточной Европы вели оживленную торговлю с причерноморскими городами, а затем с римскими провинциями в течение длительного времени. Первоначально это была меновая торговля, а затем, к I в. н. э., она сменилась торговлей денежной. Пограничные с Римом племена раньше стали употреблять монету, а затем она вошла в обиход и на более отдаленных территориях, что было связано с внутренним социально-экономическим развитием населения Поднестровья, Поднепровья и Повисленья. Развитие ремесла у земледельческих славянских племен явилось основой, на которой появилось денежное обращение и, наконец, товарное производство.

На первых этапах развития ремесло носило патриархально-общинный характер, т. е. ремесленник работал не на сбыт, а на заказ внутри своей общины и только излишки продукции могли поступать для продажи. Развитие ремесла и концентрация ремесленников привели со временем к отделению ремесла от земледелия и возникновению ремесленных поселков, превращавшихся при благоприятных исторических условиях в города. Только античные и средневековые города являются точным показателем возникновения товарного производства (а не появление гончарного круга, как думает М. Ю. Брайчевский), только городской ремесленник является в полном смысле этого слова товаропроизводителем, т. е. собственником своих орудий производства, работающим не на заказ, а на рынок.

Следовательно, денежная торговля, денежное обращение в условиях тесного контакта с Римской империей появляется у племен Центральной и Восточной Европы з а д о л г о до возникновения средневековых городов и товарного производства.

Возможно, что древнейшие весовые единицы возникают у славянских племен еще в первые века нашей эры, в период тесных торговых связей с Римской империей, но аргументы В. Л. Янина в пользу выставленной им гипотезы неубедительны. Науке неизвестны бесспорные славянские клады II—VII вв. н. э., где были бы найдены весы или разновески для взвешивания монет и слитков. Употребление римских монет во внешней торговле, по нашему мнению, еще не может служить доказательством возникновения собственной денежно-весовой системы.

Мощное воздействие римской цивилизации нивелировало культурные особенности племен Центральной и Восточной Европы в I—IV вв. н. э., в том числе и переселившихся в Причерноморье германских племен — готов, герулов, гепидов, тайфалов, бургундов, боранов и др., упомянутых в письменных источниках III—IV вв. н. э. (Дексипп, Зосим, Аммиан Марцеллин, Scriptores historiae Augustae, Иордан и др.).

Черняховские племена на юге Восточной Европы были сметены и уничтожены гуннским нашествием. По-видимому, грабительские походы гуннов не затронули основной области расселения славянских племен. Полное отсутствие каких-либо исторических воспоминаний о гуннах и их владычестве на юге России в славянском эпосе и неоднократные упоминания в нем римского императора Траяна, готов и аваров могут служить косвенным, но немаловажным подтверждением сформулированных выше положений.

---

[23] K. M a j e w s k i. Ук. соч., стр. 122, № 646; стр. 118, № 589; стр. 134, № 806.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ И КРАЕВЕДУ

Е. А. ШМИДТ

НЕКОТОРЫЕ МАРШРУТЫ ШКОЛЬНЫХ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПОХОДОВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Большое образовательное значение экскурсий по археологическим памятникам неоспоримо, так как знакомство с объектами в их естественной обстановке значительно углубляет и расширяет знания учащихся, полученные ими на уроках в школе. Походы и экскурсии имеют и большое воспитательное значение. Знакомство с широкими просторами Родины и памятниками глубокой старины воспитывает у учащихся чувство любви к своему родному краю и его героическому прошлому; учащимся прививаются навыки простейшего исследования, чувство коллективизма и наблюдательность. Поставленных целей, как образовательных, так и воспитательных, можно, однако, достичь только в том случае, если к проведению похода хорошо подготовлены и руководитель, и учащиеся. Нужно заранее продумать маршрут, а если возможно, то предварительно по нему пройти, отобрав объекты, на которых будет задержано внимание учащихся, затем изучить имеющуюся по этим памятникам литературу. Нужно также подобрать снаряжение для участников похода, разделить обязанности и т. д. По вопросам организации походов имеется обширная литература [1], в которой руководитель найдет много полезных советов.

Смоленская область богата археологическими памятниками, на ее территории известно большое количество неолитических стоянок, селищ, городищ и курганов. Однако выявлены и описаны далеко не все памятники. Недостаточная изученность территории в археологическом отношении является одной из причин того, что многие преподаватели истории уклоняются от такой формы внеклассной работы, как походы и экскурсии.

Почти полное отсутствие специальной литературы о школьных экскурсиях по археологическим памятникам Смоленской области [2] и послужило причиной написания настоящей статьи. Конечно, она ни в коей мере не может целиком восполнить этого пробела. Автор ставит перед собой цель оказать помощь учителям и краеведам в проведении походов, сообщив им некоторые данные об археологических памятниках, порекомендовав перечень маршрутов и основную литературу по ним. Маршруты составлялись с таким расчетом, чтобы они охватывали районы, прилегающие к большим населенным пунктам Смоленской области, где имеется несколько семилетних и средних школ, и чтобы конечные пункты маршрутов подходили либо к железнодорожным станциям, либо к населенным пунктам, связанным с городами автомобильным транспортом. При этом выбирались живописные места с реками, озерами и лесными массивами.

Прежде чем дать перечень маршрутов, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать основные группы археологических памятников Смоленщины.

В четвертичном периоде Смоленская область неоднократно покрывалась мощными ледниками. В таких условиях человек жить не мог. Однако в теплые межледниковые эпохи (миндель-рисскую, рисс-вюрмскую) или в начале оледенений, когда льды находились далеко на северо-западе, человек, несомненно, обитал на этой территории. Следы его пребывания (палеолитические стоянки) большей частью были стерты и переотложены вновь наступающими льдами. Но вероятность нахождения отдельных сохранившихся стоянок не исключается. Поэтому при проведении походов нужно особое внимание обращать на новые места находок костей вымерших четвертичных животных (мамонта, носорога и др.) и тщательно осматривать уже описанные в литературе (5) [3] с целью отыскания здесь следов пребывания палеолитического человека. Пока в Смоленской области не найдено ни одной стоянки этого времени [4].

---

[1] См. «Справочник путешественника и краеведа», т. I, М., 1949; т. II, М., 1950.

[2] В книге Н. В. Андреева и Д. П. Маковского «Смоленский край в памятниках и источниках» (Смоленск, 1949) дано схематическое описание многих памятников, имеется целый ряд неточностей, что затрудняет ее использование.

[3] Цифра в скобках означает номер источника из списка литературы, помещенного в конце статьи.

[4] Последние исследования места находок костей четвертичных животных в районе бывшей дер. Гамково, проведенные К. М. Поликарповичем, не подтвердили наличие там палеолитической стоянки.

Рис. 1. Схема маршрутов школьных туристических походов по археологическим памятникам Смоленской области

В мезолите же человек, несомненно, обитал на всей территории области. В отдельных местах (5) известны находки орудий трапециевидных, треугольных, сегментовидных и других форм микролитической индустрии. На некоторых неолитических стоянках, где не найдено керамики, возможно, нижние слои также относятся к мезолиту. Располагаются эти стоянки на склонах коренных берегов к рекам. Ни одна из стоянок этого времени пока детально не изучена.

Неолитические стоянки IV—III и частично II тысячелетия до н. э. обнаружены в бассейнах всех крупных рек Смоленской области. По своему характеру они относятся к стоянкам с ямочно-гребенчатой керамикой, распространенным в лесной зоне Европейской части СССР. Неолитические стоянки Смоленщины неоднородны. На севере и северо-западе области, особенно в районе озер, встречаются стоянки с обилием орудий макролитического типа (топоров, тесел, долот). На стоянках в южных и отчасти центральных районах области найдены кремневые орудия, изготовленные из пластин и сколов, тогда как топоровидных орудий мало.

Некоторые неолитические стоянки заселялись и в бронзовом веке; на них обнаружена тонкостенная керамика с веревочным орнаментом или с продолговатыми вдавливаниями, расположенными в елочку, а также керамика с отпечатками тканей. Эта глиняная посуда, несомненно, относится ко II — началу I тысячелетия до н. э. Судя по находкам отдельных предметов, можно предполагать, что на части территории области была распространена и фатьяновская культура (5).

В VII—VI вв. до н. э. появились первые укрепленные поселения — древнейшие городища. К какой культуре относятся эти городища, пока сказать трудно, так как начатые раскопки одного из них на р. Соже не окончены.

На рубеже нашей эры на территории Смоленской области складываются три группы городищ: 1) в восточных районах, особенно на р. Угре и на ее притоках, встре-

Рис. 2. Г. Смоленск. Соборная гора — город IX—XIII вв.

чаются городища дьякова типа с типичными грузиками и другими находками, с большим количеством костей в культурном слое; 2) на западной окраине на городищах встречается штрихованная керамика, эти поселения близки к городищам Белоруссии и Литвы; 3) в южных и отчасти центральных районах обнаружены городища особого типа, имеющие много общего с древними городищами Гомельщины.

Выделить точно территории распространения каждой группы городищ и дать им детальную характеристику пока не представляется возможным, так как работы по изучению этого типа памятников только начаты [5]. От этого времени остались и неукрепленные поселения-селища и, нужно полагать, особые круглые городища — святилища.

Во второй половине I тысячелетия н. э. в центральной части и во всей западной половине области широко распространяются длинные и удлиненные курганы с трупосожжениями, включающие два-три и более захоронений. Инвентарь этих погребений своеобразный. Ближайшей его аналогией являются вещи из могильников люцинского типа и из курганов Белоруссии и Литвы.

В IX в. н. э. повсюду начинают сооружаться полушарные курганы с одним-двумя захоронениями при обряде трупосожжения. К ним относятся дружинные Гнездовские курганы и другие. С XI в. обряд захоронения меняется: под курганными насыпями встречаются трупоположения. В этих курганах инвентарь кривичский. В XIII в. насыпание курганов прекращается.

С конца IX в. появляются древние города, а от периода IX—XIII вв. осталось много селищ (деревенские поселения) и отдельные феодальные замки (маленькие городища с мощными укреплениями).

При составлении маршрутов автор стремился охватить памятники Смоленщины почти всех эпох, чтобы учащиеся могли составить возможно более полное представление о древнейших жителях этой территории. Правда, не во всех случаях это возможно, так как Смоленская область в археологическом отношении изучена слабо.

Маршрут № 1 [6]. Знакомство с древним г. Смоленском и другими средневековыми памятниками в его окрестностях.

Г. Смоленск (9, 12, 2, 16). Соборная гора (рис. 2) — город IX—XIII вв., следы разрушенного Мономахова собора, заложенного в 1101 г., деревянные сооружения города на ул. Соболева и на Студенческой ул. (2). Каменные постройки XII в.: Петропавловская церковь — 1146 г., Богословская церковь — 1173 г., Свирская церковь — 1194 г. (16), Смядынь и развалины Борисоглебской церкви — 1145 г. (12, 9, 16).

Пос. Новоселки на р. Дубровенке у Красного Бора. Раннесредневековое городище, четырехугольные курганы раннедружинного периода IX — начала X в. (3, 4, 7).

Пос. Гнездово. Кладбище древнего Смоленска — дружинные курганы X в.: Ольшанская группа, Лесная группа, Центральная группа (1, 11, 3, 2). Гнездовские городища (2, 12, 3). Гнездовские селища (3, 2).

[5] В 1955 г. Славянская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством проф. П. Н. Третьякова начала работы по изучению городищ Смоленской области в бассейне р. Сожа.

[6] Схемы маршрутов по Смоленской области приведены на рис. 1.

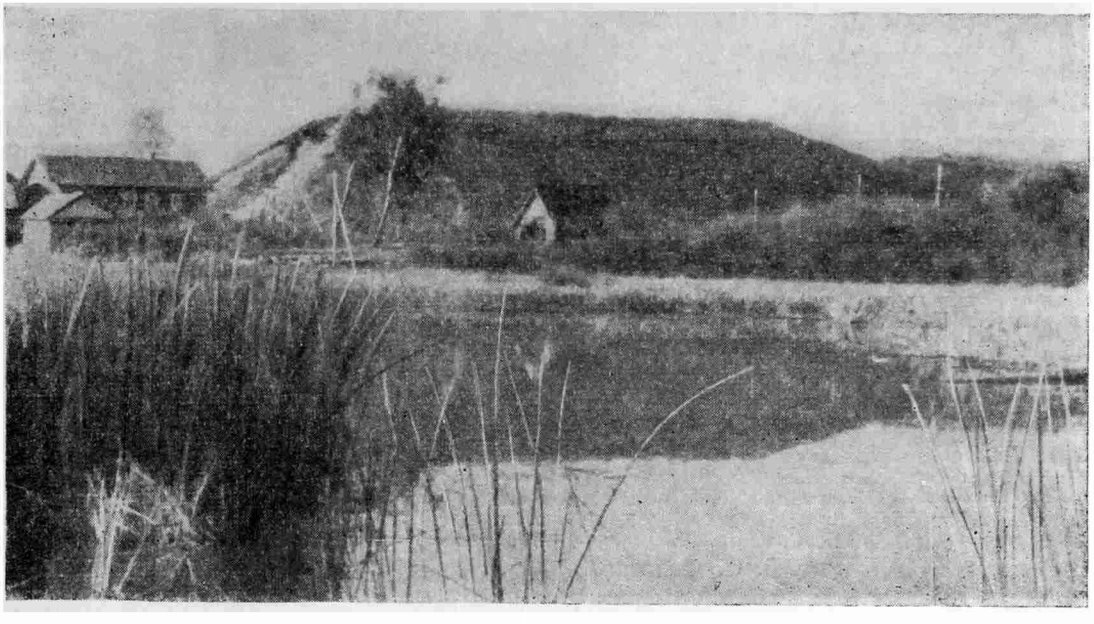


Рис. 3. С. Каспля, городище X—XIII вв.

Маршрут № 2. Знакомство с древними торговыми путями и одним из вариантов волока на пути «из варяг в греки».

Ст. Катынь, р. Днепр и р. Катынка: неолитические стоянки (5), длинные курганы VI—IX вв., полушарные курганы IX—XIII вв. (7), оз. Купринское, полушарные курганы (7). Дер. Куприно, р. Взгорня — городище (4, 7). Дер. Ермаки — городище на р. Взгорне (7), далее волок из р. Взгорни в р. Удру. Дер. Соболи — городище на р. Удре (7). Дер. Волоковая — городище и курганы на р. Удре (4, 7). Дер. Пилички на оз. Касплянском: неолитические стоянки, курганы и селище (7). С. Каспля — городище X—XIII вв. (рис. 3) на р. Каспле (приток Зап. Двины) и селище (7).

Маршрут № 3. Смоленск — древний город (см. маршрут № 1), далее на пароходе вверх по р. Днепру до дер. Нижние Немыкари. С парохода видны удлиненные курганы VIII—IX вв. у пос. Колодня (7), полушарные курганы XI—XIII вв. в устье р. Дресны, полушарные курганы IX—XI вв. и городище у с. Преображенского (7). Дер. Нижние Немыкари — неолитическая стоянка (5). Дер. Верхние Немыкари: неолитическая стоянка, селище и поле погребений (7). Дер. Колупаево — неолитическая стоянка и городище (7, 4). Дер. Арефино — длинные курганы VI—VIII вв. (7). Дер. Яцково — городище. Дер. Путятинка — городище и курганы (4, 7). Дер. Долгомостье — место боев смолян с татарами и селище (древнерусская деревня). Станция Рябцево.

Маршрут № 4. Г. Рудня — остатки городища, далее по р. М. Березинка (приток р. Днепра до верховьев). Дер. Переволочье (14) — волок на пути из Днепра в Зап. Двину. Дер. Микулино — городище (4, 14), у оз. Б. Рутавеча (система Зап. Двины) — курганы (14). Дер. Заозерье — курганы (14). Г. Рудня.

Маршрут № 5. Г. Демидов — следы неолитической стоянки при впадении р. Гобзы в р. Касплю, далее вверх по р. Половье. Дер. Хомяки — городище и курганы (4).

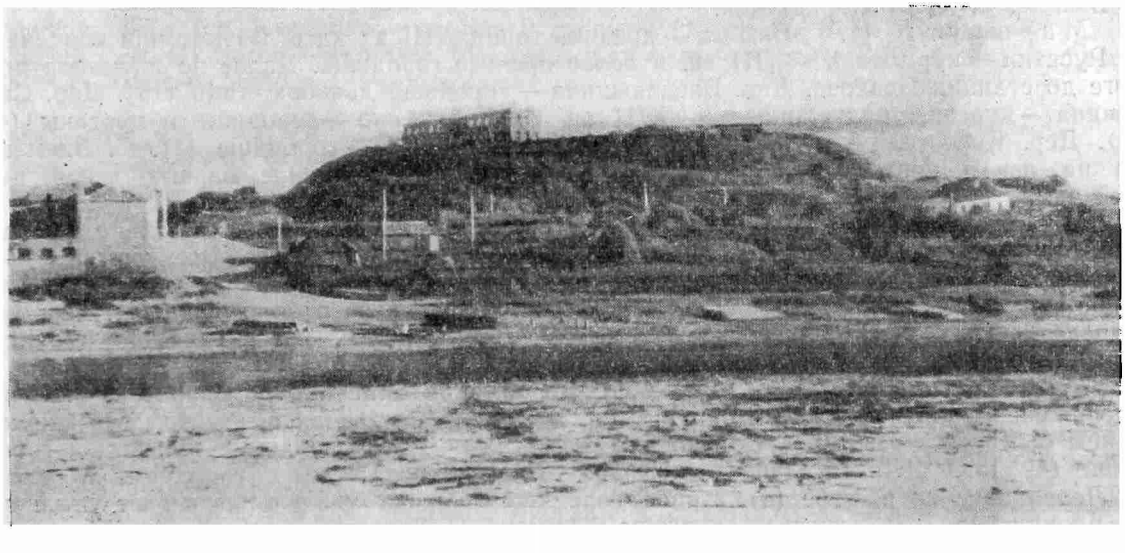


Рис. 4. Г. Дорогобуж, древний город XII в.

Рис. 5. С. Федотково. Курганы XI—XIII вв.

С. Заборье — городище и курганы IX—X вв. (4, 14). С. Бакланово — городище на берегу оз. Баклановского (4). Дер. Аносенки — курганы. Дер. Старый двор — городище (4). С. Слобода — курганы на берегу оз. Сапшо (14, 8).

Маршрут № 6. Г. Велиж — древний город с земляными укреплениями XVI в. при впадении ручья Коневич в Зап. Двину, городище «Лидова гора», курган с крестом на ул. Калинина. Бывш. дер. Смолброд — курганы. Дер. Рудня на р. Сертее — курганы. Дер. Старое село на р. Сертее — городище. Дер. Чепли — селище у оз. Чепельского. С. Бакланово и далее с. Заборье и г. Демидов (см. маршрут № 5).

Маршрут № 7. Ст. Кардымово. Дер. Богатырева — городище (7). Дер. Ратчино — городище и селище на берегу Днепра X—XIII вв. (7, 4). Дер. Заборье — курганы и неолитическая стоянка у оз. Черного (5). Дер. Пнева — курганы (7). Дер. Соловьево — курганы на р. Вопь (7). Дер. Мизиново — курганы XI—XIII вв. на р. Вопь (7). Г. Ярцево.

Маршрут № 8. Г. Дорогобуж (рис. 4) — древний город XII в., обнесенный земляным валом (14, 4). Пос. Верхне-Днепровский (бывш. дер. Харлапово) — курганы XI—XIII вв. и городище на р. Каменке (4, 14, 10). Дер. Мартынково — городище (4). Дер. Перстеньки — городище и курганы у Днепра (4), следы неолитической стоянки. Пос. Издешково.

Маршрут № 9. Г. Дорогобуж, укрепления XII в. (14, 4). Дер. Яковлево — городище (14, 4). Дер. Болотово — городище (14). Дер. Выгорь — курганы (14). Дер. Мутышино — курганы XI—XIII вв. на р. Уже (14, 10). Дер. Хатычка — неолитическая стоянка на р. Днепре (5). Г. Дорогобуж — неолитическая стоянка на оз. Б. Карута (5).

Маршрут № 10. Пос. Издешково. С. Городище — средневековое городище на р. Дымке (4, 13), далее вниз по р. Дымке. Дер. Шабалики — селище при впадении Дымки в Днепр. Дер. Крюково — курганы у устья р. Соли. Дер. Мосалово — неолитическая стоянка на берегу Днепра против устья р. Соли. Дер. Василенки — неолитическая стоянка при впадении р. Вязьмы в р. Днепр. Дер. Городня — городище на р. Вязьме. С. Холм-Жирковский.

Маршрут № 11. Г. Вязьма — древний город XIII в.; на р. Вязьме при впадении р. Русятки — курганы XI—XIII вв. и более древнее городище. Далее по железной дороге до станции Исаково. Дер. Василевщина — городище дьякова типа (13). Дер. Сатанина — курганы полушарные X—XIII вв. С. Дрожжино — городище и курганы (4, 13). Дер. Коростели — курганы и селище. Дер. Шипуны — городище (4). С. Знаменка на левом берегу р. Угры в Заречье — курганы и селище первых веков нашей эры.

Маршрут № 12. С. Темкино. Дер. Шибнево — курганы. Дер. Сабакина (бывш. дер. Мармули) — городище дьякова типа. Дер. Ивановск (бывш. с. Воскресенское) — городище. Совхоз Кобелево — городище. С. Федотково: городище Будаев городок, городище Попов городок, курганы XI—XIII вв. (рис. 5), неолитическая стоянка (4). Дер. Булычева — курганы. С. Ивановское — курганы. Дер. Мухина — неолитическая стоянка при впадении р. Жижалы в р. Угру. Ст. Жижала.

Маршрут № 13. С. Всходы. Дер. Вороня при впадении р. Вороны в р. Угру расположена неолитическая стоянка. Дер. Пищево — следы неолитической стоянки на левом берегу р. Угры. Дер. Волокочаны — курганы. Дер. Городище — курганы и городище (4, 13). Дер. Желанье — курганы. Дер. Лепехи: одно городище в устье р. Леонидовки на р. Угре (4), второе городище дьякова типа в 0,8 *км* от устья на р. Леонидовке. Дер. Заречье — курганы и селище. С. Знаменка.

Маршрут № 14. Г. Ельня — древний город XII в., остатки земляных сооружений в заречье (4, 8), далее вниз по р. Десне. Дер. Дубровка — городище (8). Дер. Лит-

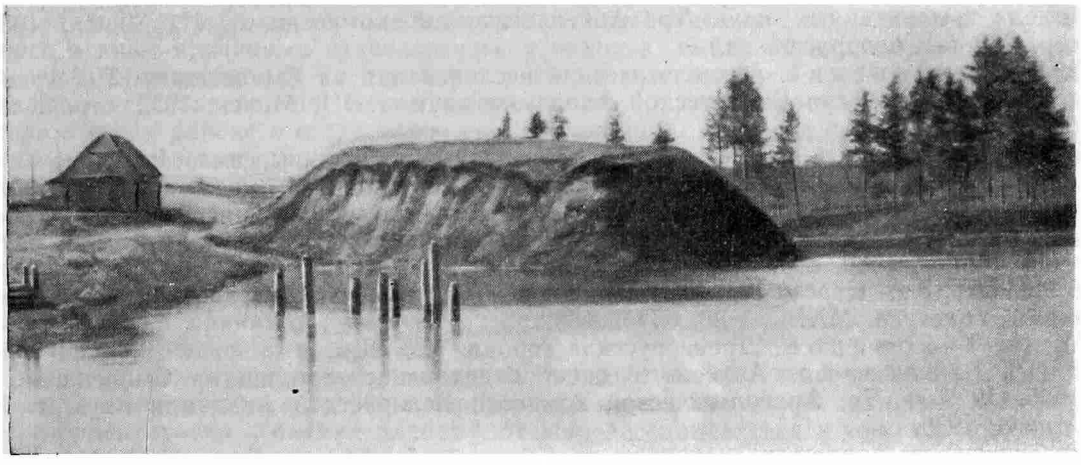


Рис. 6. Городище у с. Жарынь

виковка — курганы. Дер. Холм — городище. Дер. Брянцовка — курганы XI—XIII вв. Дер. Богданово — городище. Дер. Слобода-Троянова — городище (4, 8). Зимницы — курганы (8), с. Екимовичи — неолитическая стоянка (8).

Маршрут № 15. Г. Починок. Дер. Прудки — городище (4). Дер. Акулинки — городище (4, 15). Дер. Слобода-Глушицы — городище и удлиненные курганы (15). Дер. Светлое — курганы X в. (15). Дер. Мокрядино —городище Тушемля на р. Тушемля и второе городище на р. Соже (15). Дер. Мошевая: курганы XI—XIII вв. (15), неолитическая стоянка при впадении р. Хмары в р. Сож (15), земляные валы (15). Дер. Прилепово — городище (15). Дер. Васильево — курганы и городище (15, 4). Дер. Коханова — городище и курганы IX—XIII вв. Дер. Фролова — курганы (15). Пос. Хиславичи — городище XI—XIII вв. (4, 15).

Маршрут № 16. Г. Рославль, Бурцева гора — древний город XI—XIII вв. (8, 14). Дер. Лотовиново — городище и курганы (8, 4, 14). С. Гореново — городище (8, 14). Дер. Красная звезда — городище (14). Дер. Михалинова — городище (14). Дер. Баранова — городище (14). Пос. Ворга. Дер. Новая Рудная — курганы у р. Ипуть (8). С. Ершичи.

Маршрут № 17. Г. Рославль (4, 8, 14), далее вниз по р. Остру. Дер. Васьково — городище и курганы (8). Дер. Столбники: городище, курганы и могильник бронзовой эпохи (8). Дер. Деребуж: городище, неолитическая стоянка и курганы при впадении р. Стомять в р. Остер (8, 6). Дер. Печкуры — могильник бронзового века (8, 6). Ст. Крапивенская.

Маршрут № 18. С. Ершичи. Дер. Блинные кучи — курганы (8). Дер. Крестовая: курганы XI—XIII вв., неолитическая стоянка при впадении р. Вороницы в р. Ипуть (8). Дер. Сукромля — курганы (8). Дер. Тросна — курганы (8). Дер. Комаровка — курганы (8). Дер. Фоминичи — городище на р. Воронице (8). С. Епишево — два городища на р. Черный Пет (8, 4). С. Жарынь — городище (рис. 6), (4, 8). Ст. Пригорье.

Маршрут № 19. С. Шумячи. Дер. Дубовицы: неолитическая стоянка, селище и курганы на р. Остер (15). Дер. Микуличи — курганы (8, 15). Дер. Н. Хоронево — городище (15). Дер. Песчанка — селище и курганы (15, 8, 4). Дер. Жуковка — курганы (15). Дер. Пустосел — курганы (8). Дер. Криволес — курганы (8), отсюда можно либо в с. Шумячи, либо в г. Рославль.

Список основной литературы с описанием археологических памятников Смоленской области

1. Д. А. Авдусин. Гнездовские курганы. Смоленск, 1952.
2. Д. А. Авдусин. Возникновение Смоленска, 1957.
3. А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Тр. Смоленских государственных музеев, вып. 1, стр. 127, Смоленск, 1924.
4. А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского государственного университета, т. III, вып. 3, стр. 179, Смоленск, 1926.
5. А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научные известия Смоленского государственного университета, т. IV, вып. 3, Смоленск, 1927.
6. А. Н. Лявданский. Городище, курганы и стоянка близ дер. Деребуж, Рославльского уезда. РАНИОН. Тр. секции археологии, т. IV, М., 1929.
7. А. Н. Лявданский. Археологические исследования на водосборах рек Сожа, Днепра, Каспли в Смоленской губернии. Белорусская Академия наук. Записки

отдела гуманитарных наук. Тр. Археологической комиссии, т. II, Минск, 1930, стр. 269 (на белорусск. яз.).
8. А. Н. Лявданский. Археологические исследования на Смоленщине. Тр. Археологической комиссии Белорусской Академии наук, т. III, Минск, 1932, стр. 5 (на белорусск. яз.).
9. Д. П. Маковский, В. С. Орлов. Города Смоленщины, вып. I. Смоленск с древнейших времен до XX века, Смоленск, 1948.
10. Н. И. Савин. Раскопки курганов в Дорогобужском и Ельнинском уездах Смоленской губернии. Тр. Археологической комиссии Белорусской Академии наук, т. II, Минск, 1930, стр. 219.
11. В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902.
12. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956.
13. В. Р. Тарасенко. Археологическое обследование городищ на Смоленщине в 1926—1928 гг. Тр. Археологической комиссии Белорусской Академии наук, т. II, Минск, 1930.
14. Краеведческие походы и экскурсии по Смоленской области. Смоленск, 1954.
15. Е. А. Шмидт. Новые данные об археологических памятниках Смоленской области. Материалы по изучению Смоленской области, вып. I. Смоленск, 1952.
16. И. Д. Белогорцев. Памятники архитектуры Смоленской области. Смоленск, 1950.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ШКОЛЬНИКОВ

Харьковские школьники на раскопках близ г. Змиева

Во многих школах Харьковской области организованы исторические кружки. Работа школьников направлена на изучение истории своего города, района, села. Накопленные ими материалы — дневники, фотографии, зарисовки и отдельные экспонаты — хранятся в исторических музеях, кабинетах при школах. Особенно интересные памятники старины представлены в музеях Первомайской школы Змиевского района (руководитель Я. И. Красюк) и Пархомовской школы Краснокутского района (руководитель А. Ф. Лунёв), а также в исторических кабинетах школ гг. Богодухова, Балаклеи, Золочева, Волчанска, Барвенково и др.

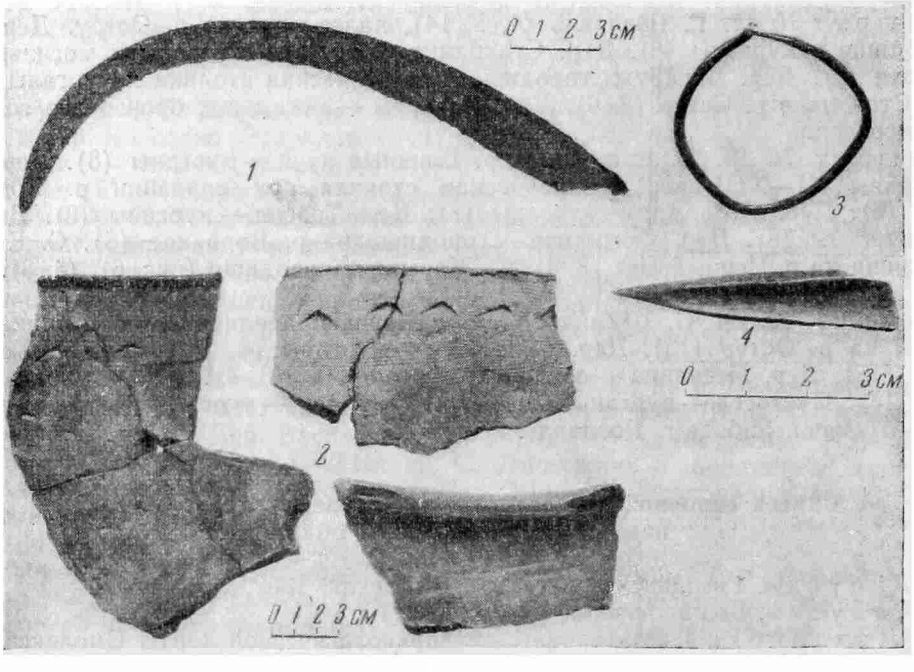


Рис. 1. Вещи из раскопок поселения

1 — серп; *2* — керамика; *3* — бронзовое височное кольцо; *4* — костяная проколка

Работы по организации походов и экскурсий проводит и Харьковская областная экскурсионно-туристская станция (руководитель М. Ф. Красников). Ценную инициативу проявила Харьковская молодежная газета «Ленінська зміна», при которой создано «Товарищество исследователей родного края». В результате школьниками собран большой вещественный материал, который ляжет в основу создания в Харькове областного краеведческого музея.

За последние годы учащиеся передали Харьковскому Гос. историческому музею много ценных случайных археологических находок, выявленных ими при наблюдениях за земляными работами на стройках, а также при вспашке полей и огородов. А несколько лет назад группа членов исторического кружка Первомайской школы обнаружила в своем районе и старательно описала около 60 курганов скифского времени. Эти данные использованы Харьковским историческим музеем при составлении археологической карты области.

Летом 1956 г. силами учащихся 8—10 классов из 19 школ гг. Харькова, Чугуева и Змиева [1] под руководством автора настоящей заметки [2] были начаты раскопки древнего поселения, расположенного южнее г. Змиева в урочище Сердюково-2 (рис. 1). Школьники выполняли все работы, необходимые в условиях стационарных археологических раскопок. Они принимали участие в топографической съемке поселения, производили нивелировку раскопов, копали и т. д.

В результате проведенной экспедиции около 80 учащихся познакомились с характером археологических раскопок, измерительной и вычислительной техникой, получили навыки ориентировки и съемки планов [3]. Можно не сомневаться в том, что будущие специалисты, работая на стройке, в колхозе, на заводе, разъехавшись в отдельные уголки нашей Родины, помогут вовремя обнаружить и сохранить для науки ценнейшие памятники древности.

Е. В. Пузаков

Археологические раскопки кружков ГИМ

При кабинете школьника Гос. Исторического музея ежегодно работают кружки по изучению различных периодов истории нашей страны. Учащиеся знакомятся с историей по памятникам материальной культуры и литературным источникам. Каждый из них в течение года пишет и зачитывает на заседании кружка небольшой доклад. После тео-

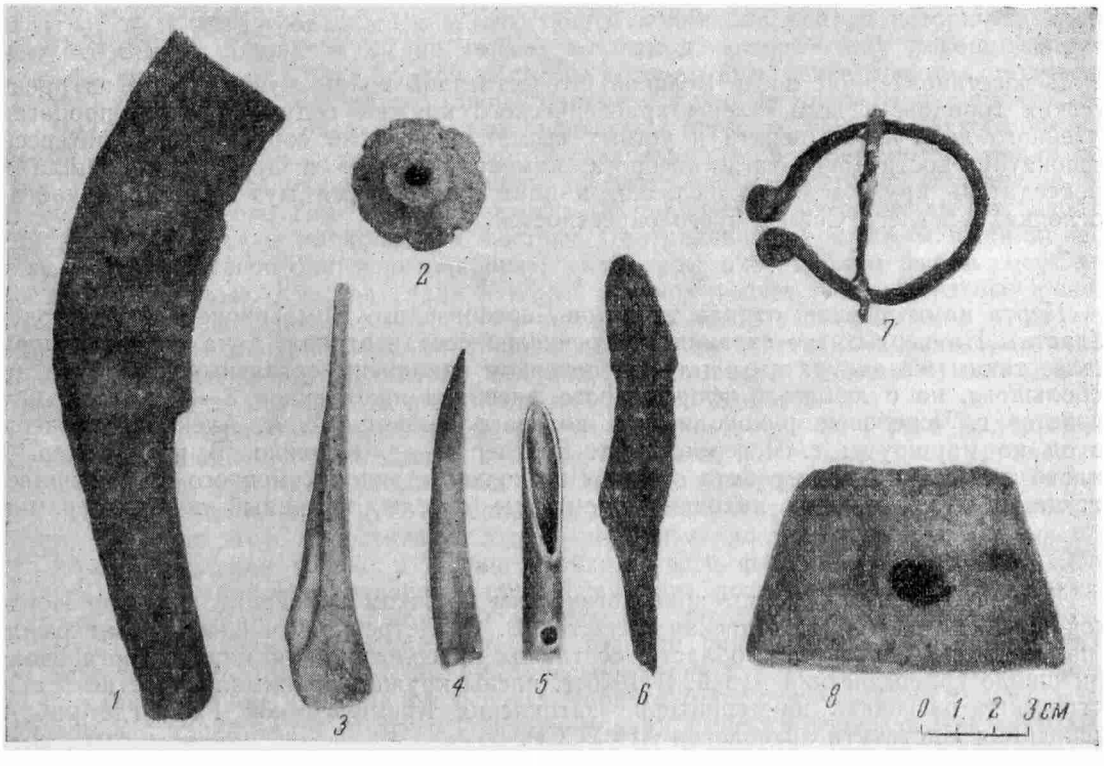


Рис. 2

1 — обломок железного серпа; *2* — грузик; *3—5* — изделия из кости; *6* — нож; *7* — пряжка; *8* — рогатый кирпич

[1] Школы г. Харькова №№ 15, 20, 33, 48, 60, 72, 80, 83, 85, 88, 94, 104, 111, 113, 119, 121, 131; г. Чугуева — № 5; г. Змиева — № 1.

[2] Экспедиция была организована Харьковским государственным историческим музеем. В ней приняли участие сотрудник Харьковской областной туристской станции геолог В. В. Кисель и учитель географии 27-й Харьковской школы рабочей молодежи А. Н. Цыганенко, а также преподаватели истории других школ, работники Змиевского Дворца пионеров, студенты.

[3] Это в известной мере те навыки, которые имеют значение элементов политехнического обучения, вводимого сейчас в советской школе.

ретической подготовки в конце учебного года мы организуем экспедиции в Подмосковный район с целью ознакомления школьников с раскопками археологических памятников. В 1956 г. члены наших кружков совместно с членами краеведческого кружка Михельсоновской школы № 11 г. Люберцы (руководитель Ю. В. Куртов) производили раскопки у городища на Соколовой горе у пос. Дзержинского Ухтомского района Московской области. Установлено, что исследуемое городище имеет два слоя, один из которых относится к дьяковской культуре, другой — к славянской. Здесь мы обнаружили большое количество вещей: керамику, орудия труда, оружие и др. Особый интерес представляют обломок железного серпа, ножи, пряслица, изделия из кости, иглы, проколки, наконечники стрел, пряжки и т. д. (рис. 2).

Найдены также остатки жилища, разрушенный очаг и кости домашних животных.

Практическое знакомство с памятниками материальной культуры вызвало большой интерес у школьников к археологии.

В. В. Краснова

* * *

Краеведческая работа со школьниками ведется во многих городах. Приведем примеры.

Директор Муромского краеведческого музея (Владимирская область) И. П. Богатов сообщает редакции о походах школьников с целью изучения археологических памятников своего края. Сотни километров пройдены ими по берегам р. Оки и ее притоков. Вновь открыто более 40 неолитических стоянок, селищ муромы и кривичей.

Летом 1956 г. учащиеся муромских школ исследовали берега р. Ворозимы — правобережного притока р. Ушны. Здесь они также обнаружили несколько селищ. На некоторые из них юные краеведы обратили особое внимание. Такое селище, как Чебашихинское, постоянно разрушается водами р. Ушны и ежегодной распашкой. Оно ждет лопаты специалиста-археолога. В таком же состоянии находится и известное Николонабережное селище, расположенное на территории Мурома.

* * *

В восстановленном после Великой Отечественной войны музее одного из древних русских городов, Севска, члены краеведческого кружка ведут широкую пропаганду музейного дела путем печати и устных выступлений. Ими собрано много интересных экспонатов: кости мамонта и носорога, каменная «баба» и др. Как сообщила нам председатель кружка В. А. Теличко, в ближайшее время музей примет участие в раскопках древнего Севска и его окрестностей.

* * *

Перед нами дневник отряда туристов Череповецкого Дома пионеров (Вологодская область). На первых его страницах перечислен состав отряда, дана карта маршрута. Далее таким же аккуратным детским почерком заполнены остальные странички этого небольшого, но с любовью оформленного дневника школьников 3—8 классов. Отряд туристов г. Череповец, руководителем которого является А. А. Алексеева, совершил поход по маршруту: г. Череповец — г. Белозерск — с. Крохино. В районе дер. Данилово и Васькина Бора ребята открыли несколько стоянок каменного века и привезли оттуда в музей ценные находки (кремневые стрелы, каменный топор, керамику).

* * *

В течение нескольких лет археологическим кружком руководит директор Иорданской средней школы (Полтавская область) В. С. Петренко. Учащиеся познакомились с памятниками древности в области, составили археологическую карту и организовали при школе краеведческий музей. В 1956 г. члены кружка принимали участие в археологических разведках на территории затопления Кременчугской ГЭС, где работала экспедиция Института археологии АН УССР.

За последние три года ученики совершили ряд поездок в Москву, Киев, Полтаву, Харьков и другие города, где осмотрели древние памятники и побывали в музеях.

В кружке регулярно проводятся занятия с докладами его членов. По отзыву В. С. Петренко, занятия школьников в кружке имеют большое воспитательное и образовательное значение.

* * *

Археологический кружок 6-й средней школы г. Пензы провел большую работу в Областном краеведческом музее под руководством зав. отделом истории М. Р. Полесских по разбору и систематизации беспаспортных коллекций, главным образом кремневых орудий труда. Кружковцы принимали участие в раскопках древнего Селиксенского могильника. Многие из них, отличившиеся особым старанием и внимательностью, были допущены к расчистке погребений и упаковке находок. В настоящее время при школе создан археологический уголок, который будет преобразован в школьный краеведческий музей.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Maria Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Part I. Mesolithic, Neolithic and Copper Age Cultures in Russia and the Baltic Area. American School of Prehistoric Research. Peabody Museum, Harvard University. Bulletin № 20. Cambridge, Massachusets, U.S.A., 1956. 241 стр. + 126 рис. + 50 табл.

Труд Марии Гимбутас, представляющий собою сводку данных по археологии Европейской части СССР с привлечением данных по археологии сопредельных с запада областей, вышел из печати в самом конце 1956 г. Большинство сообщаемых автором сведений и иллюстраций взято главным образом из работ советских археологов, опубликованных в СССР. Поэтому нас будет интересовать преимущественно не приведенный ею фактический материал, а те общие выводы, которые сделаны в этой книге.

Как обычно случается при написании таких крупных монографий, подводящих итог многолетним работам большого числа археологов на обширной территории, автор, находясь во власти создавшейся у него общей концепции о ходе исторических событий, неизбежно подчиняет ей не только те факты, которые ему хорошо известны, но и фактический материал из той области, которая ему менее знакома, полученный из вторых рук. Здесь всегда возможны мелкие и крупные пробелы и ошибки.

Материал в книге размещен в географическом порядке. После краткого введения, посвященного истории археологических исследований и вопросу об эволюции культуры в начале послеледникового времени, следуют главы: «Неолит, халколит и бронзовый век на севере Понтийской области», «Трипольские земледельцы на Западной Украине», «Неолит и халколит на востоке Центральной Европы», «Поздний неолит и халколит в Северо-Восточной Европе», «Культуры охотников и рыболовов Северо-Восточной Европы». Каждая глава и книга в целом имеют заключительные разделы, в которых на основании рассмотренного материала автор делает выводы об эволюции культуры, перемещениях и взаимовлияниях племен, воздействии на развитие культуры со стороны более передовых стран Востока, в том числе Кавказа. В каждой главе имеется короткая заметка по антропологии данного времени.

Из этого общего обзора книги видно, что она построена по строго выдержанному плану, облегчающему ознакомление с ее содержанием. Но вместе с тем такая строгая выдержанность построения неизбежно приводила к необходимости для автора всякий раз давать ответы на одни и те же вопросы, даже если материала, которым располагал автор, было для этого недостаточно или он не был полностью знаком с ним.

Итак, привлекая только в случае необходимости фактический материал (кстати сказать, в большинстве случаев поданный автором достаточно полно и беспристрастно), остановимся главным образом на выводах автора.

Рассмотрев археологический материал степной полосы Европейской части СССР («северопонтийской области»), М. Гимбутас приходит к выводу, что в III тысячелетии до н. э. на северном и восточном берегах Черного моря существовала культура, тесно связанная с цивилизациями всего Причерноморья, Эгейским миром и Ближним Востоком. Эта культура представлена памятниками по Нижнему Днепру, Северному Приазовью и Нижнему Дону. «Отдельные поселения на Средней Волге и на реке Мокше... показывают, что северопонтийская культура занимала обширную область Восточной Украины и Южной России» (стр. 89). С начала бронзового века северокавказская культура становится северным представителем ближневосточной цивилизации. Изменения в культуре между Днепром и Волгой становятся заметными только с конца III тысячелетия до н. э. В начале II тысячелетия до н. э. всю степь Восточной Украины охватывает новая, ямно-катакомбная культура[1]. Эту культуру или, вернее, народ, принесший эту культуру, М. Гимбутас выводит с юго-востока. Отметив, что в конце III тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе возникают «царские» погребе-

[1] При этом М. Гимбутас различает две фазы в развитии ямной культуры — раннюю, неолитическую (pit-grave), и более позднюю, относящуюся к эпохе бронзы (hut-grave = нем. Hüttengrab) и характеризующуюся наличием в погребальной камере деревянных столбов и крыши, а при покойниках — предметов из бронзы.

ния, тесно увязывающиеся с Гисаром II и III (Майкоп, станция Царская), и что в дальнейшем такие же большие курганы, содержащие подражания каменным или деревянным домам и посыпанных охрой покойников (отличающихся по антропологическому типу от населения предшествующего времени), распространяются по всему Югу, она пишет: «Новый народ средиземноморского типа пришел в северные области Причерноморья с юго-востока через Кавказ. Из Южной России и Украины народ курганов распространился далее к западу и расселился на значительной части Европы... Очень возможно, что движение с юго-востока на северо-запад надо поставить в связь с появлением в Европе индоевропейскоязычных народов» (стр. 91, 92).

Нельзя не видеть, что выводы М. Гимбутас являются несколько поспешными. Ни археологический, ни антропологический материал не дает для этих выводов достаточного основания. Обычай посыпки покойников красной охрой (не говоря об очень широкой распространенности его во времени и пространстве) наблюдается уже в Мариупольском и ряде других аналогичных и синхроничных с ним могильниках, открытых и исследованных за последние годы на Украине, и не может свидетельствовать о приходе сюда нового народа. Не может об этом свидетельствовать и появление обычая насыпать над могилой курган — обычая, также широко распространенного и возникшего явно независимо в различных частях Старого и Нового Света. Инвентарь больших курганов никак не увязывается с сихроничным ему и более поздним инвентарем ямно-катакомбной культуры, и последний нельзя типологически вывести из первого. Антропологические измерения, произведенные М. М. Герасимовым и Г. Ф. Дебецом, по словам самой М. Гимбутас (стр. 83), показали, что черепа из катакомбных погребений под Аккерманом (ныне г. Белгород-Днестровский) не дали единого типа, что часть их близка к современному кавказскому типу, но физический тип населения Северного Кавказа в неолитическую и бронзовую эпохи пока неизвестен; черепа из-под Сталинграда были просто европеоидными и только обладали бóльшим черепным индексом, чем черепа из ямных погребений предшествовавшего времени; а череп из катакомбного погребения близ Одессы был деформирован. Таким образом, заключение М. Гимбутас о приходе на юг Европейской части СССР в III тысячелетии до н. э. нового народа с юго-востока через Кавказ, а тем более заключение о том, что это были, возможно, первые индоевропейцы, появившиеся в Европе,— только предположение автора, имеющее, с нашей точки зрения, очень мало шансов на достоверность.

Следует объяснить недоразумением упоминание ею поселений на р. Мокше. Речь идет, несомненно, о ряде городищ, на которых среди другого материала была найдена керамика, предположительно относящаяся к концу эпохи бронзы. П. Д. Степанов, опубликовавший этот материал, пишет, что в этой керамике «имеется слабый намек на ее южное происхождение»[2]; найденные же на городище Казна-Пандо две бронзовые булавки, имеющие аналогии на Кавказе, могут быть привозными. П. Д. Степанов высказал при этом только предположение, что эти находки могут свидетельствовать о продвижении какой-то племенной группы с Дона в бассейн Мокши.

В следующей главе — о триполье — М. Гимбутас соглашается с гипотезой о местном происхождении этой культуры. Она говорит, что трипольская культура явилась развитием предшествующих мезолитической и «субнеолитической» культур, которые «фактически неизвестны, но, несмотря на этот факт, кремневый и костяной инвентарь раннего триполья, а также другие (какие? — *А. Б.*) специальные местные черты» допускают подобное предположение.

Конец трипольской культуры М. Гимбутас объясняет вторжением с востока южных племен. «Цветущие крестьянские трипольские деревни в северной и восточной части Украины в начале второго тысячелетия до н. э. ...исчезают, земледелие становится второстепенным источником жизни, расписная керамика сменяется чуждым типом. Эта перемена хорошо прослеживается на Среднем Днепре и на Волыни» (стр. 106). М. Гимбутас указывает на появление кубкообразных и амфорообразных сосудов, нередко украшенных оттисками веревочки (находящих себе параллели в Понтийской области и на востоке Центральной Европы), сверленых каменных боевых топоров, курганных могильников, содержащих скорченные погребения (Ясковицы, Гатное, Стретовка и др.). Она заключает, что степные племена вторглись в область западнее Днепра в эпоху ямной культуры («pit- and hut-grave period»), но некоторые элементы трипольской культуры сохранились еще в бронзовом веке. Соответственно с этим М. Гимбутас считает усатовскую группу не дальнейшим развитием трипольской культуры, а одним из вариантов степных культур, в котором только отразилось влияние трипольской культуры.

Я уже имел случай высказать свое мнение о причинах исчезновения трипольской культуры[3], в общем совпадающее с мнением М. Гимбутас. Что же касается происхождения этой культуры, то доводы М. Гимбутас, несомненно, мало убедительны, и более обоснованной мне кажется гипотеза о пришлом характере этой культуры (с Балканского полуострова).

---

[2] П. Д. Степанов. Следы культуры эпохи бронзы в бассейне Мокши КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 66—73.

[3] См. А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 228 и сл.

Короткое замечание в конце этой главы, которое может служить одним из доказательств делаемых М. Гимбутас окончательных выводов, требует поправки. Отметив наличие обряда трупосожжения в Софиевке, Чернине и у хут. Красного, она пишет, что, судя по наличию такого же обряда в Истринском фатьяновском могильнике, трупосожжение было известно в это время и в Центральной Европе. Но сообщение о трупосожжениях в Истринском могильнике [4] весьма сомнительно. Ни в одном из многочисленных других фатьяновских могильников оно не наблюдалось. Да и в самом Истринском могильнике при дальнейших раскопках, в которых я лично принимал участие, не было ни одного погребения с трупосожжением.

Наиболее интересны и содержательны две последующие главы — о неолите и халколите на востоке Центральной Европы и на северо-востоке Европы. Здесь М. Гимбутас проявляет наибольшее знание материала. В этих главах содержатся основные положения, служащие фундаментом ее окончательных выводов об историческом ходе событий в Восточной Европе во II тысячелетии до н. э.

После стратиграфической и типологической синхронизации культур колоколообразных сосудов и шаровидных амфор следует описание распространения последней на запад — до бассейна Заалы — Лабы, на север — до Балтики, на юг — до Чехии, Моравии, Волыни, Подолии, Среднего Днепра и описание культуры шаровидных амфор в таком ее понимании. При этом М. Гимбутас находит сходство в погребальном обряде и в керамике культуры шаровидных амфор и ямной культуры («hut-grave period»). Более того, она видит сходство с керамикой культуры шаровидных амфор в некоторых находках в Греции (Агиа Мария в Фокиде, Этризис в Беотии) и заключает, что «поразительное сходство в узорах из оттисков веревочки, но не в формах самих сосудов, между Кавказом, Грецией и Балтийским морем не только создает возможность перекрестной датировки, но и с убедительной очевидностью показывает, что в начале второго тысячелетия до н. э. происходила значительная миграция» (стр. 150).

Несомненно, что вывод о миграции может быть сделан только в том случае, если известна первоначальная область распространения культуры шаровидных амфор, а типологические аналогии охватывают основные категории вещей рассматриваемых культур. Поэтому М. Гимбутас посвящает следующий раздел вопросу о происхождении культуры шаровидных амфор.

Уже в начале этого раздела, где излагаются взгляды целого ряда археологов (И. Форсандера, Г. Коссины, Н. Оберга, В. Антоневича, Э. Шпрокгоффа и др.) на эту проблему, существенные расхождения их во взглядах указывают на ее сложность.

М. Гимбутас начинает с указания на то, что обычай погребений под курганом в домообразных сооружениях не был свойственен ни населению Прибалтики, ни населению долин Лабы и Среднего Днепра, ни носителям дунайской и нордической культур. Но он был характерен для понтийской ямной культуры («hut-grave»). В некоторых погребениях в восточной части области распространения культуры шаровидных амфор отмечена посыпка красной охрой, что типично для погребального обряда в Причерноморье. И там и тут покойники лежат в скорченном положении, что составляет контраст с вытянутым положением покойников в ранней нордической культуре.

Смешение пришельцев с населением синхронных первой нордической и третьей дунайской культур придало местным культурам «гибридный характер». Это соображение, приводимое М. Гимбутас и в других случаях, может иметь значение только тогда, когда установлено, что примесь черт чужой культуры имеет в данной культуре второстепеннное значение, как, например, примесь черт трипольской культуры в усатовской «группе». Но в том-то и дело, что приведенные выше разногласия среди части западноевропейских археологов в значительной мере зависят от разного понимания того, что надо считать основными чертами культур. Соглашаясь в данном случае с мнением М. Гимбутас, нельзя не высказать сожаления, что она не изложила подробнее этот раздел.

Недостаточно развернутым кажется мне также дальнейшее изложение взгляда автора на давний спор о происхождении «шнурового» орнамента. Весьма важно ее замечание, что в первой нордической культуре на стадии D его нет. Шнуровой орнамент в этой культуре применялся значительно раньше, на стадии B (воронкообразные сосуды). Следовательно, шнуровой орнамент XVIII в. до н. э. в Центральной Европе не может быть объяснен влиянием или распространением саксо-тюрингской культуры.

Можно соглашаться или не соглашаться с М. Гимбутас в вопросе о распространении культуры шаровидных амфор и ее происхождении, в частности с гипотезой (высказанной, впрочем, еще раньше П. Глобом) о ямной культуре как положившей начало культуре шаровидных амфор. Но эта гипотеза не лучше и не хуже других, высказанных по этому поводу, а ряд приведенных М. Гимбутас аргументов заслуживает внимания. Но нельзя согласиться с выделением ею в особый раздел «пережиточных» таких культур, как культуры Злоты, ладьевидных топоров Прибалтики, фатьяновской. Сама М. Гимбутас относит их к тому же времени, что и культуру шаровидных амфор,— к началу II тысячелетия до н. э. (см. стр. 150, 154, 163) и противоречит себе, утверждая, что «варианты культуры шнуровой керамики и боевых топоров уходят вглубь, в конце концов, общего источника — в курганную культуру» (стр. 163).

---

[4] К. Я. Виноградов. Новые памятники фатьяновской культуры. СА, IV, 1937, стр. 302, 303.

В заключении по этой главе М. Гимбутас пишет, что «меньше чем за сотню лет население юго-восточного происхождения заняло огромную территорию в Северной Европе... Эта пришлая культура на севере и пережитки культуры шаровидных амфор на востоке Центральной Европы относятся к периоду, непосредственно следующему за культурой собственно шаровидных амфор. На всей территории царит однообразие, характеризуемое преобладанием шнурового орнамента на сосудах и особыми каменными топорами, носящими названия «боевых топоров», «ладьевидных топоров», «фатьяновских топоров». Эти топоры проникли с юго-востока позднее, чем шнуровой орнамент на сосудах. Боевые топоры неизвестны в культуре шаровидных амфор и редки в погребениях ямной культуры, но они раньше появляются на Кавказе и отсюда распространяются к северу и северо-западу» (стр. 169).

Здесь можно на многое возразить. Несомненно, что за одно столетие население области, занятой культурой шаровидных амфор, не могло возрасти настолько, чтобы охватить такую огромную территорию. Сверленые каменные топоры фатьяновских и центральноевропейских типов распространиться с Кавказа не могли, равно как нельзя искать их прототипов в ямно-катакомбной культуре. Южные типы каменных сверленых топоров резко отличаются от типов более северных областей. А топоры фатьяновского типа встречаются на Кавказе единицами, и они явно не местного происхождения. Решить вопрос о происхождении ладьевидных, пестиковидных и других многочисленных типов каменных сверленых топоров в данный момент невозможно. Для этого надо выявить и датировать многие тысячи подобных топоров, хранящихся в музеях СССР, и сличить полученные статистические, типологические и стратиграфические данные с такими же данными, полученными для Западной Европы (см., например, работу П. Глоба [5]). Поэтому я считаю вывод М. Гимбутас относительно исходного пункта распространения каменных сверленых топоров в средней зоне Европы, по меньше мере, преждевременным.

Говоря в общем о заканчивающейся этими главами основной части книги, следует отметить изложение фактического материала, знакомящее зарубежных археологов с археологическими комплексами этого периода на территории СССР. Этому сопутствует большое количество иллюстраций и обширный указатель литературы. Интересны и заслуживают внимания некоторые выводы частного характера, но сильно преувеличена роль культуры шаровидных амфор в первой половине II тысячелетия до н. э. Очень заманчиво было бы, конечно, разрешить наболевший вопрос о серии близких друг к другу археологических культур, характеризующихся погребениями с каменными боевыми топорами и своеобразной керамикой, особенно потому, что многими археологами и историками делалась попытка связать эту проблему с вопросом о происхождении индоевропейцев. Но время для этого еще не настало, и гипотеза, предложенная М. Гимбутас, только увеличивает количество уже существующих гипотез, которые будут небесполезны для будущих исследователей этой сложной проблемы.

Менее интересна вторая, небольшая часть книги М. Гимбутас, в которой она делает попытку описать археологические памятники северной и средней полосы Восточной Европы, находящиеся за пределами распространения культур, отнесенных автором к кругу культур шаровидных амфор. Здесь заметно недостаточное знание ею фактического материала. Совершенно выпали из рассмотрения своеобразные памятники волосовской культуры, отсутствует даже упоминание о памятниках поздняковской культуры, а ведь и те и другие весьма важны для характеристики происходивших на этой территории движений племен во II тысячелетии до н. э. На табл. V, стр. 181 (см. также карту на стр. 208) утверждается, что в конце III тысячелетия до н. э. ямочный орнамент на сосудах не был свойственен культурам к северу от Верхней Волги. Между тем некоторые северные стоянки, которые по своему стратиграфическому положению, несомненно, относятся к III тысячелетию [6], показывают, что орнамент из глубоких конических ямок, покрывающих весь сосуд, господствовал в это время и только позднее был вытеснен гребенчатым орнаментом. Кремневые изделия далеко не редки на севере, вопреки утверждению М. Гимбутас (стр. 178). Они составляют основную массу находок на стоянках восточнее и южнее Карелии и относятся не к концу II и началу I тысячелетия до н. э., а к значительно более раннему времени. Неверно утверждение (стр. 197) о единообразии карельской и центральнорусской неолитической керамики, для доказательства чего сделана ссылка на такие фактически совершенно разнородные типы, как керамика со стоянок Вой-Наволока 5, Малого Окулова, Балахны и Льялова.

Имеются в этой части работы также мелкие, но характерные погрешности: Горбуновская стоянка оказалась на «Аннином острове», тогда как Аннин остров является названием стоянки совсем в другом месте; рисунок на сосуде с оз. Ильмень, вопреки уверению автора, ни в малейшей мере не похож на фигуру «беса», выбитую, кстати сказать, не на Пери-Носе, а на Бесовом Носе на Онежском озере.

---

[5] P. V. Glob. Studier over den jyske Enkeltgravskultur Aarbøger for nordisk oldkundighed og historie. København, 1944.

[6] Судя по нахождению их под торфом суббореального периода (как, например, древнейшая часть Караваевской стоянки на р. Еломе) или в слоях, предшествовавших ладожской и онежской трансгрессии (как, например, стоянка у Муромского поселка на Онежском озере).

Но обратимся к «Заключениям» по этой главе. Достаточно кратко изложить содержание этих «Заключений», чтобы убедиться, насколько автору не удалось справиться в этом разделе с поставленной им задачей. М. Гимбутас пишет, что культура мезолитического облика господствовала в Восточной Прибалтике и Северо-Западной России до конца III тысячелетия до н. э. В конце III тысячелетия появилась керамика с гребенчатым орнаментом. Носителями этой культуры были европейцы с массивным черепом и широким лицом. В Центральной России находилась другая группа населения, оставившая сосуды, украшенные преимущественно ямочным орнаментом. Физический тип этой группы был европейским с монголоидной примесью. «Когда эти восточные элементы появились в Центральной России, мы знать не будем» (стр. 212).

Появление ямочной керамики в Северо-Восточной России указывает на экспансию из Центральной России. В то же время в начале II тысячелетия до н. э. с юго-запада на север проникли племена с производящим хозяйством. Мезолитические обитатели Восточно-Балтийской равнины были поглощены пришельцами; только в Юго-Западной Финляндии и Северо-Западной России они слились с племенами ямочной керамики.

В послемиграционный период север Европы оказывается занятым охотниками и рыболовами. Это — культура «классической ямочно-зубчатой керамики», относящаяся к 1700—1400 гг. до н. э. «В это время существовало общее культурное единообразие по всей Северной России и в Финляндии» (стр. 212—213).

Это забытое уже представление о севере Европейской части СССР как о чем-то однообразном, с одной археологической культурой, могло быть оправдано и даже принято, когда Ю. Айлио писал свои «Fragen der russischen Steinzeit»[7]. Север был тогда почти совершенно не исследован археологически, и эта громадная область, бóльшая по размерам, чем Франция, Германия и Польша, взятые вместе, казалась не обладающей внутри местными различиями. Но с тех пор советскими археологами был выделен и описан ряд северных археологических культур, резко отличающихся друг от друга. Подводя итог, М. Гимбутас могла только повторить сделанное ранее М. Е. Фосс предположение о расселении части волго-окских племен (по М. Гимбутас, племен с ямочной керамикой) на север в конце III — начале II тысячелетия до н. э.; но у М. Е. Фосс вопрос этот разработан гораздо подробнее и вывод более обоснован[8]. Точно так же только повторен с некоторым, по-моему, неудачным видоизменением мой тезис о проникновении племен фатьяновской культуры с юго-запада в область Верхней Волги[9]. Для советских археологов эта глава книги М. Гимбутас не представляет никакого интереса, а зарубежным археологам даст только самое общее представление об археологическом материале северного неолита СССР и несколько искаженное его толкование.

Для советских археологов интерес представляет, конечно, выдвинутая М. Гимбутас гипотеза о происхождении и распространении культуры шаровидных амфор. Здесь наряду с заслуживающими внимания соображениями и выводами имеется много спорного. Особенно бросается в глаза преувеличение роли этой культуры и полное умолчание о волыно-мегалитической культуре, которая не выделена автором даже как вариант культуры шаровидных амфор.

Нельзя не отметить еще одно место в книге М. Гимбутас. Излагая (во введении) историю развития археологии в дореволюционной России и затем в СССР, она повторяет шаблонные клеветнические выпады против нашей науки, переписанные из антисоветских брошюр.

В заключение надо выразить сожаление о том, что М. Гимбутас слишком мало внимания посвятила вопросам экономического и социального порядка, ограничившись короткими общими замечаниями о наличии или отсутствии земледелия и скотоводства, металлургии и ткачества и т. д. При таком подходе к этим вопросам археология теряет смысл и перестает быть наукой.

После А. Тальгрена книга М. Гимбутас является первой попыткой ознакомить зарубежных археологов, не владеющих русским языком, с археологией неолита и бронзы Европейской части СССР. Данная книга является только первым томом «Доистории Восточной Европы», за которым должны последовать еще два тома, посвященные периодам бронзы и железа.

А. Я. Брюсов

---

[7] J. Ailio. Fragen der russischen Steinzeit. Suomen muinaimuistoyhdistiksen aikakauskirija, XXIX. Helsingfors, 1922.

[8] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, гл. XI.

[9] A. J. Brjusov. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. Acta archaeologica, XXV, Kopenhavn, 1954.

М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, новая серия, т. XXVIII. Изд-во АН СССР. М., 1955, 586 стр. Тираж 4000. Цена 30 р.

В 1949 г. издательство «Советская наука» выпустило книгу М. М. Герасимова «Основы восстановления лица по черепу». Книга получила широкую известность, а созданный ее автором метод реконструкции портретов умерших людей по их черепам

широко признан и нашел применение не только в изучении древнейшей истории человечества, но и в современной криминалистике. За шесть лет, прошедших со времени выхода этой книги, исследования М. М. Герасимова значительно продвинулись вперед. Было создано много новых портретов-реконструкций. Были усовершенствованы методы работы и, в частности, создан новый, отличный от скульптурного, графический прием реконструкции лица по черепу — очень простой, наглядный, требующий небольшого времени и дающий возможность более широкого, серийного охвата материала. Самое же, пожалуй, существенное — это то, что методом М. М. Герасимова овладел ряд исследователей, сотрудников руководимой им Лаборатории пластической антропологической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР. Это позволяет М. М. Герасимову с полным основанием говорить о том, что предлагаемые им реконструкции и их методика являются областью науки и «что процессу восстановления лица по черепу можно обучить, как любому антропологическому приему» (стр. 19).

В рецензируемой книге полностью отражен этот новый этап исследований М. М. Герасимова. Но в то же время рецензируемая книга не является просто вторым, переработанным изданием труда, вышедшего в 1949 г. Читатель не найдет здесь широко известных портретов-реконструкций Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тимура и других исторических деятелей. В новой книге М. М. Герасимов ограничил себя только эпохой первобытности: палеолитом, неолитом, бронзовым веком и ранним железным веком. Книга заканчивается характеристикой скифов. Зато методы реконструкции лица по черепу излагаются в рецензируемой книге очень подробно. Автор специально останавливается на таких трудных и долгое время считавшихся неразрешимыми вопросах, как соотношение мягкого и костного носа, восстановление внешней формы рта, даже восстановление внешней формы уха. В настоящем своем виде книга может служить руководством для овладения выработанной М. М. Герасимовым методикой. В то же время М. М. Герасимов подчеркивает (стр. 55, 137, 138), что реконструкция по черепу не может быть абсолютно идентифицирована с лицом некогда жившего человека. Она должна дать обобщенный облик, имеющий, однако, все черты портретности, достаточной для опознания неизвестного. Последующие главы рецензируемой книги (III—V), посвященные первобытным людям, также не являются просто перечнем и описанием созданных автором реконструкций. В связи с предлагаемыми им реконструкциями автор подробно рассматривает здесь многие важные проблемы происхождения человека, расселения древнейшего человечества, древнейшей истории различных районов нашей страны и предлагает свои решения некоторых из этих проблем. Здесь детально анализируется ряд археологических памятников и их групп. Таким образом, мы имеем дело с новым трудом, по охвату материала и по задачам существенно отличающимся от книги, выпущенной М. М. Герасимовым в 1949 г.

М. М. Герасимов подробно останавливается на трудах своих предшественников, на реконструкциях лица по черепу, выполненных русскими и зарубежными исследователями за последние 80 лет (стр. 5—17), дает их критическую оценку. Жаль только, что в обзор не вошла реконструкция неандертальца из французской стоянки Ла Кина, выполненная известной английской исследовательницей палеолита Д. Гаррод [1], а также посвященный неандертальцам талантливый альбом чехословацкого художника Зденека Буриана, выполненный при ближайшем участии Иозефа Аугуста и Яна Филипа [2].

Рассматривая происхождение человека и развитие ископаемых людей, М. М. Герасимов приходит к некоторым выводам, отличным от выводов значительной части советских антропологов. Хотелось бы подчеркнуть важность этих выводов. Вполне справедливо говорит М. М. Герасимов о том, что процесс формирования современного человека происходил на широкой территории Юго-Восточного Средиземноморья, Средней и Южной Азии и Северной Африки; эта территория, вероятно, включала также побережье Черного моря, Приазовье и нижнее течение Волги (стр. 160). Немного менее широкой была и область превращения неандертальца в Homo sapiens (стр. 206). Всяческой поддержки заслуживает, на наш взгляд, и скептическое отношение М. М. Герасимова (стр. 237) к подкумской и сходненской черепным крышкам, описание которых включено даже в университетский учебник антропологии [3]. Замечание М. М. Герасимова о том, что морфологически эти костные остатки выглядят не примитивнее некоторых неолитических и даже более поздних черепов, заслуживает пристального внимания. К этому замечанию следует добавить, что подавляющее большинство советских исследователей палеолита не считает возможным, даже с оговорками, датировать черепные своды «Подкумок» и «Сходня», так же как и находку в Хвалынске, палеолитическим временем.

Большой интерес представляет замечание М. М. Герасимова о том, что Сибирь была заселена не в позднем палеолите, как это обычно считается, а еще в мустьерскую эпоху и что мустьерским временем следует датировать стоянку у с. Малый Кот в бассейне р. Ангары (стр. 180). Но возникает вопрос, действительно ли находка у с. Малый Кот относится к мустьерскому времени, а не к позднему палеолиту. Ведь характерной

---

[1] Реконструкция опубликована в статье H. Martin «Comment vivait l'homme de la Quina à l'époque moustérienne», Préhistoire, т. V, Paris, 1936, стр. 19.

[2] J. Augusta, J. Filip, Z. Burian. Neandertálci. Praha, 1951.

[3] Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин. Основы антропологии. М., 1955, стр. 307—308.

особенностью позднего палеолита Сибири является обилие типичных мустьерских каменных орудий. Это требует особой осторожности при датировке мустьерским временем того или иного из сибирских памятников. Показательно, что некоторые исследователи поначалу даже Афонтову гору датировали мустьерским временем. Достаточно ли твердо доказан мустьерский возраст находки у с. Малый Кот? Приходится пожалеть, что М. М. Герасимов не дал более подробного описания этой находки и не сопроводил описание рисунками каменных орудий и чертежами (вообще в книге воспроизведено довольно много археологического материала).

Большой интерес представляют разделы книги, посвященные неолиту Восточной Сибири, бассейнов рр. Ангары и Лены (стр. 414—450). М. М. Герасимов, открывший и раскопавший в свое время ряд неолитических памятников в этих местах, оспаривает классификацию сибирского неолита, предложенную А. П. Окладниковым и получившую широкую известность и признание. По Герасимову, последовательность этапов неолита Прибайкалья (начиная с древнейших) была следующей: хиньский этап, китойский, серовский, глазковский и, наконец, шиверский этап. Нужно всестороннее обсуждение этих материалов, чтобы решить, кто прав — М. М. Герасимов или А. П. Окладников. Несомненно, что такое обсуждение развернется в археологической литературе.

Недостатком рецензируемой книги является наличие в ее археологических разделах неточностей, невыправленных опечаток. Это особенно досадно, потому что работы М. М. Герасимова пользуются огромной популярностью и, вероятно, очень многие не являющиеся специалистами-археологами будут впервые знакомиться с археологическим материалом по рецензируемой книге. Приведем лишь несколько примеров подобных неточностей и ляпсусов. В одном месте (стр. 160) указывается, что Тешик-Таш был открыт в 1937 г., в другом месте (стр. 187) — что в 1933 г.; в действительности же Тешик-Таш был открыт в 1938 г. Раскопки в Чжоукоудяне производились с 1927 по 1937 г.[4], а не по 1938 г., как указано в книге (стр. 169—170). Известного французского археолога и искусствоведа Пьетта звали Эдуард, а не Эдгар (стр. 159). Неверно, что Г. Мортилье дал классификацию культур палеолита в 1853 г. (стр. 158). Непонятно, что означают слова о возникновении в самом начале мустьерского времени предпосылок к созданию дородового общества (стр. 186). Ряд сомнений вызывает опубликованная в книге классификация культур человека (стр. 159) и, прежде всего, отнесение тарденуазских культур к верхнему палеолиту. Несколько странны и неясны предлагаемые в классификации датировки культур бронзы, раннего и позднего железного века. Есть некоторые неточности и в схематической карте распространения древнейших культур (стр. 176), хотя в целом эта карта интересна и полезна. Напрасно М. М. Герасимов при составлении карты не учел новейших открытий шелльских и ашельских местонахождений в Центральной Европе, позволяющих сомкнуть шелльские и ашельские памятники юга Украины с шелльскими и ашельскими памятниками Франции и Италии. Очень неточен приводимый на стр. 208 перечень ориньякских памятников.

Вызывают недоумение некоторые ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма, содержащиеся в рецензируемой книге. Так, в связи с утверждением того, что питекантроп не умел изготовлять орудия, не знал огня и, очевидно, еще не говорил, делается ссылка на «Анти-Дюринг» (стр. 165), а в связи с утверждением того, что в ориньякскую эпоху возникают религиозные культы и магия, делается ссылка на В. И. Ленина (стр. 209), хотя в указанных работах Ф. Энгельса и В. И. Ленина столь определенных утверждений нет. В качестве эпиграфа к третьей главе, посвященной людям эпохи палеолита (стр. 151), поставлены слова Ф. Энгельса о «седой древности», которая при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой. Однако Ф. Энгельс, полемизируя с Дюрингом и используя в данном случае терминологию последнего, подразумевает под «седой древностью» отнюдь не первобытность, отнюдь не каменный век, а всю историю человечества вплоть до конца XIX в.[5]. Справедливость требует отметить, что ряд советских авторов совершил ту же ошибку, что и М. М. Герасимов. Так, А. Л. Монгайт прямо отнес слова Ф. Энгельса о «седой древности» к палеолиту[6]. Несколько осторожнее, но столь же ошибочно отнес эти слова ко всему первобытно-общинному строю В. К. Никольский[7]. Это же сделано и авторами многих других работ.

В заключение следует отметить, что фундаментальный труд М. М. Герасимова представляет собою крупный вклад в советскую историческую и биологическую науку и свидетельствует о больших возможностях разработанной М. М. Герасимовым новаторской методики.

П. И. Борисковский

---

[4] Ян Чжун-цзянь. Успехи китайских ученых в области палеоантропологии. «Народный Китай», 1955, № 4.

[5] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1952, стр. 108—109.

[6] А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 80.

[7] В. К. Никольский. История первобытного общества. М., 1951, стр. 6.

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ ДРЕВНЕЙШИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Вопрос о времени древнейших поселений человека в Северной Америке, возникший около 120 лет тому назад, после открытия «каменных топоров и наконечников стрел» вместе со скелетом мастодонта в аллювиальных отложениях р. Бурбез в штате Миссури [1], до настоящего времени вызывает много споров. Данные геологии, палеонтологии и климатологии помогли археологам установить относительную хронологию древнейших поселений на Американском континенте [2]. После 1951 г., когда вышла первая сводка датировок, полученных У. Либби в лаборатории Чикагского университета с помощью радиоуглеродного метода (C^{14}), появилась возможность установить абсолютный возраст этих местонахождений [3]. До последнего времени большинство авторов относило древнейшие остатки человека в Северной Америке к интерстадиалу Ту Крикс, предшествующему четвертой стадии последнего (висконсинского) оледенения — Манкейто [4]. Отложения Two Creeks Forest Bed на западном берегу оз. Мичиган, близ г. Манитовок (штат Висконсин), датируются с помощью метода C^{14} в среднем временем 11 442 ± 350 лет тому назад [5].

По последним данным, время Ту Крикс совпадает с тысячелетним интерстадиалом Alleröd в конце вюрмского оледенения Европы, в среднем 11 000 лет тому назад [6], а следующая за Ту Крикс фаза оледенения — Манкейто — одновременна с заключительным периодом вюрмского оледенения (10 800—10 000 лет) и датируется временем около 10 000 лет тому назад (10 676 ± 750) [7].

К этому периоду относили до последнего времени наиболее ранние поселения в двух больших культурных областях Северной Америки — к западу и востоку от Скалистых гор [8].

Древнейшие жители Запада (на территории Большого Бассейна) были по преимуществу собирателями. Как показывают раскопки в пещерах и скалистых навесах в штатах Невада и Юта, здесь отсутствуют наконечники метательных орудий и рано появляются зернотерки [9]. Эти стоянки датируются временем около 11 000 лет тому назад: пещера Дэнджер (Юта) — 11 453 ± 600 лет [10]; пещера Фишбон (Невада) — 11 227 ± 400 лет [11] и скальный навес Леонард (Невада) — 11 199 ± 570 лет [12].

Древнейшее население к востоку от Скалистых гор, на Плато Прерий, охотилось на крупных травоядных и пользовалось копьями с каменными наконечниками типа кловис, фолсом и др. (наконечники с продольными желобками на обеих поверхностях — «fluted points») [13]. Здесь наиболее ранние поселения датируются временем около 10 000 лет тому назад (например, фолсомское местонахождение Лэббок в Техасе: 9883 ± 350 лет) [14].

---

[1] E. H. Sellards. Early Man in America (Index to Localities and Selected Bibliography). Bulletin of the Geological Society of America, т. 51, № 3, 1940, стр. 375.

[2] F. H. H. Roberts. Developments in the Problem of North American Paleo-Indians. Essays in Historical Anthropology of North America. Published in Honor of J. R. Swanton. Smithsonian Miscellaneous Collections, т. 100, Washington, 1940; его же. The New World Paleo-Indian. Annual Report of the Smithsonian Institution for the Year 1944, Washington, 1945; E. Antevs. The Spread of the Aboriginal Man to North America. Geographical Review, т. XXV, апрель 1935.

[3] Radiocarbon Dating. Editor F. Johnson. Memoirs of the Society for American Archaeology, № 8, Supplement to AA, т. XVII, № 1, ч. 2, 1951, стр. 1—65; W. F. Libby. Radiocarbon Dating. Chicago, 1952; его же. Radiocarbon Dating. Second Edition. Chicago, 1955.

[4] S. E. White. Early Man in Eden Valley: a Review. The Ohio Journal of Science, т. 53, № 6, ноябрь, 1953, стр. 321—324. Манкейто (Mankato) — местонахождение в долине Миссисипи (штат Миссури).

[5] Radiocarbon Dating. Editor F. Johnson. W. F. Libby. Ук. соч., 1952, 1955. №№ 308, 365, 366, 536, 537.

[6] H. Gross. Die ältesten Spuren des Menschen in Amerika nach den neuesten Untersuchungen. Forschungen und Fortschritte, 30. Jahrgang, вып. 8, Berlin, 1956, стр. 232—234; R. Pittioni. Zur Chronologie des Lithikums. Forschungen und Fortschritte, 30. Jahrgang, вып. 12, 1956, стр. 340—378.

[7] W. F. Libby. Ук. соч., 1955, № 630.

[8] G. I. Quimby. Cultural and Natural Areas before Kroeber. AA, т. XIX, № 4, 1954, стр. 318—331.

[9] Там же, стр. 317, 318.

[10] J. D. Jennings. Danger Cave; a Progress Summary. El Palacio, т. 60, № 5, Santa Fe, 1953, стр. 179—213; W. F. Libby. Ук. соч., 1955, № 609.

[11] H. Gross. Ук. соч., стр. 233; A. D. Krieger. Early Man. AA, т. XXII, № 1, 1956, стр. 106; W. S. Brocker, J. L. Kulp, G. S. Tucek. Lamont Natural Radiocarbon Measurements, III. Science, т. 124, № 3213, 1956, стр. 154—165, № 245.

[12] R. F. Heizer. Preliminary Report on the Leonard Rockshelter Site. AA, т. XVII, № 2, 1951, стр. 89—98; W. F. Libby. Ук. соч., 1955, № 599.

[13] H. M. Wormington. Der urgeschichtliche Mensch in Nordamerika und die Leitformen seiner Kulturen. Quartär, т. 6, ч. 1, Bonn, 1953, стр. 1—18, рис. 1, *2*, *8*.

[14] W. F. Libby. Ук. соч., 1955, № 558.

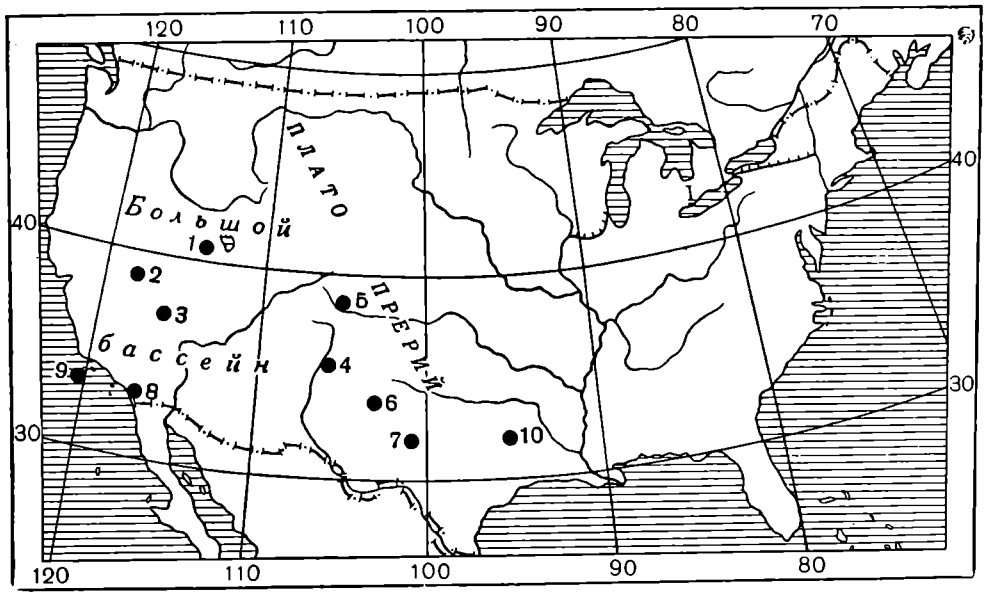


Рис 1. Карта древнейших стоянок на территории Северной Америки
1 — Дэнджер; *2* — Леонард; *3* — Тьюл-Спрингс; *4* — Сандиа; *5* — Фолсом; *6* — Кловис; *7* — Лэббок; *8* — Ла-Хольа; *9* — Санта-Роса; *10* — Льюисвилл

К тому же времени, 10 000—11 000 лет тому назад, относили до последнего времени и самый древний тип наконечников метательных орудий в Америке — из стоянки в пещере Сандиа в Новой Мексике. Здесь под известняковым натеком в 1936—1940 гг. были открыты и исследованы два культурных слоя, разделенных стерильной охристой прослойкой. В верхнем встречены типичные фолсомские наконечники копий; в нижнем вместе с остатками костей мамонта, мастодонта, лошади и верблюда были найдены два очага, обожженные и разбитые для извлечения мозга обломки костей с царапинами от соскабливания мяса, осколки кремня и грубые двусторонне оббитые каменные наконечники с боковой выемкой у основания, напоминающие по очертаниям солютрейские [15].

За последние годы в лабораториях Чикагского, Колумбийского, Иельского, Мичиганского университетов, в Радиоуглеродной лаборатории в Вашингтоне (U. S. Geological Survey radiocarbon laboratory) и др. были получены новые датировки древних поселений в Северной Америке и даты, определяющие время большого оледенения, которое предшествовало стадии Манкейто [16].

В настоящее время определение возраста древних органических остатков методом C^{14} охватывает период до 45 000 лет тому назад. Однако абсолютные даты для остатков более ранних, чем 30 000 лет, еще требуют уточнения [17]. Самые ранние датировки в пределах висконсинского оледенения Северной Америки получены по образцам ископаемого дерева из окрестностей Квебека — около 40 000 лет тому назад и Торонто (оз. Онтарио) — более 30 000 лет тому назад [18].

Новые датировки древнейших поселений отодвигают начало заселения Америки в глубь висконсинского оледенения.

В Ла-Холья (La Jolla, Калифорния), на территории Института океанографии (Scripps Institute of Oceanography), на глубине 4 *м* от поверхности древних кухонных куч, был открыт очаг с древесным углем, но без каменных или костяных орудий. По мнению Дж. Картера, очаг относится к остаткам стоянки. Дата местонахождения по радиоуглероду — 21 500 ± 700 лет тому назад [19].

Еще в 1932 г. был открыт «Лагерь охотников на верблюда» в местонахождении Тьюл-Спрингс (Tule Springs) близ г. Лас-Вегас в Южной Неваде [20]. Палеонтологи

---

[15] F. C. Hibben. Evidences of Early Occupation of Sandia Cave, New Mexico, and Other Sites in Sandia-Manzano Region. Smithsonian Miscellaneous Collections, т. 99, № 23, 1941; W. R. Hurt. A Comparative Study of the Preceramic Occupations of North America. AA, t. XVIII, № 3, 1953, 204—222; H. M. Wormington. Ук. соч., рис. I, *3*.

[16] M. Rubin and H. E. Suess. U. S. Geological Survey Radiocarbon Dates, II, Science, т. 121, № 3145, 1955, стр. 481—488; R. F. Flint and M. Rubin. Radiocarbon Dates of Pre-Mancato Events in Eastern and Central North America. Science, т. 121, № 3149, 1955, стр. 649—658.

[17] M. Rubin and H. E. Suess. Ук. соч., стр. 481.

[18] R. F. Flint and M. Rubin. Ук. соч., образец 189; M. Rubin and H. E. Suess. Ук. соч., образец 121.

[19] M. Rubin and H. E. Suess. Ук. соч., образец 142.

[20] M. R. Harrington. Man's Oldest Date in America. Natural History, т. 64, № 10, 1955, стр. 512—517, 554.

обнаружили здесь на глинистом основании долины под озерными отложениями толщиной около 6 *м* кости большого американского верблюда, длиннорогого бизона, оленя, лошади и мамонта; многие кости были раздроблены и обожжены. Среди них найден обсидиановый отщеп со следами употребления. В 1933 и 1955 гг. Юго-Западный музей (Лос-Анжелес) продолжал раскопки в Тьюл-Спрингс, в 800 *м* к северо-западу от первого местонахождения. Слои золы и угля с обожженными костями верблюда и мамонта были обнаружены в тех же геологических условиях, на площади около 190,5 × 61 *м*. В том же горизонте близ зольных скоплений залегали грубые каменные орудия: боковой скребок, одно дисковидное и одно двусторонне обработанное орудие (chopper), оббитые кремни неопределенного назначения и костяные изделия в виде шильев.

Радиоуглеродная дата, полученная Либби по образцам угля из стоянки,— более чем 23 800 лет тому назад — являлась предельной для радиоуглеродных определений в 1954 г., и поэтому время стоянки может быть значительно более ранним [21].

С 1947 по 1955 г. Музеем естественной истории в Санта-Барбара велись раскопки на островке Санта-Роса, у побережья Калифорнии, где вдоль северо-западного берега острова в позднеплейстоценовых отложениях встречается большое количество костей карликового слона [22]. В нескольких местах были найдены участки обожженной докрасна глины с кусочками угля и обожженными костями слона. Некоторые из них (например, черепа, позвонки и ребра) были раздроблены; по-видимому, человек, охотясь на слонов, употреблял в пищу лишь некоторые части туши. Вместе с костями встречались ракушки, вероятно, занесенные сюда человеком, а также осколки кремнистого известняка; найден один грубо обработанный камень. В лаборатории Лэмонт при Колумбийском университете в Нью-Йорке по образцам дерева и угля, добытым в разных пунктах островка, в 1955 г. были получены две радиоуглеродные даты: 29 650 ± 2 500 и 16 650 ± 450 лет тому назад. Таким образом, человек, охотившийся на карликового слона, обитал на о. Санта-Роса или посещал его в течение 13 000 лет. Исследователь этого местонахождения Ф. Орр предполагает, что в плейстоценовое время маленькие острова близ Санта-Барбара соединялись между собой, а пролив между ними и материком был настолько узок, что его можно было пересечь на плотах или даже вплавь.

Одним из самых древних поселений человека в Америке (по радиоуглеродной датировке) является упоминавшаяся выше стоянка в нижнем горизонте пещеры Сандиа — с грубо оббитыми каменными наконечниками с боковой выемкой у основания. В последнее время установлено, что кости ископаемых животных (бивни мамонта), предположительно связанные с орудиями типа Сандиа, датируются с помощью метода C^{14} временем около 30 000 лет тому назад [23]. По данным геологии, стерильный слой желтой охры, отделяющий нижний горизонт пещеры Сандиа от верхнего — фолсомского,— имеет большую древность. Кирк Брайан, занимавшийся геологией пещеры, изучал смену влажных и сухих периодов Сандии и, сравнивая их с ледниковыми явлениями соседней территории, пришел к выводу, что поселение нижнего горизонта пещеры существовало здесь 25 000 лет тому назад [24]. На основании изучения пещерных отложений в Средней Европе Г. Гросс полагает, что охристый слой толщиной в 0,60 *м* мог отложиться лишь во время продолжительного потепления, в интерстадиале Сидней, и, следовательно, древность нижнего слоя Сандиа должна быть более 39 000 лет [25]. Таким образом, это поселение относится к начальному периоду висконсина, древность которого, как мы видели, превышает 40 000 лет [26].

Древнейшие остатки поселения человека в Америке были недавно открыты близ г. Льюисвилла в Техасе в отложениях четвертичного времени. При постройке плотины здесь был обнаружен древний охотничий лагерь. Местным археологическим обществом было раскопано 14 очагов, в которых найдено одно желобчатое острие типа кловис и большое количество обугленных костей ископаемых животных: вымерших видов слона, бизона, верблюда, лошади, глиптодонта, антилопы, медведя, двух видов оленя, волка, койота. Кроме того, найдены кости мелких животных, обитающих в этой местности,— барсука, енота, скунса, водяной крысы, черепахи, а также кости птиц, остатки яичной скорлупы, морские моллюски, улитки и обожженные семена. Многие из этих видов не встречались в других стоянках с наконечниками типа кловис. Дата стоянки, полученная радиоуглеродным методом,— более чем 37 000 лет тому назад [27]. Как из-

[21] W. F. Libby. Ук. соч., 1955, № 914.

[22] A. D. Krieger. Ук. соч., стр. 105—107.

[23] F. C. Hibben. Specimens from Sandia Cave and Their Possible Significance. Science, т. 122, № 3172, Washington, 1955, стр. 688, 689; H. R. Crane. Antiquity of the Sandia Culture: Carbon 14 Measurements. Science, т. 122, № 3172, стр. 689—690; Seminars in Archaeology, 1955 (ed. R. Wauchope). Memoirs of the Society for American Archaeology, № 11, Supplement to AA, т. XXII, № 2, ч. 2, Salt Lake City, 1956.

[24] F. C. Hibben. Ук. соч., стр. 689.

[25] H. Gross. Ук. соч., стр. 234.

[26] R. F. Flint and M. Rubin. Ук. соч., образцы 157, 189.

[27] Oldest Traces of Early Man in the Americas. News of Science. Science, т. 124, № 3218, август 1956, стр. 396, 397; A. D. Krieger. Early Man. AA, т. XXII, № 3, 1957, стр. 321—323.

вестно по раскопкам Э. Селлардса, наконечники типа кловис стратиграфически залегают ниже и должны, таким образом, быть древнее фолсомских, которые датируются временем около 10 000 лет тому назад, хотя и те и другие острия относятся к одному типу «наконечников с продольным желобком». Однако на самом деле разрыв во времени между ними мог быть и не таким большим, если принять во внимание, что радиоуглеродных датировок для стоянок типа фолсом и кловис еще очень мало [28]. Кроме того, в настоящее время получена вторая дата для местонахождения с наконечниками типа кловис и остатками мамонта (близ Хирфорда в Аризоне), время которого определено лабораторией Университета Аризоны около 8 500 лет тому назад [29].

В восточной части США давно были известны каменные наконечники копий с продольным желобком — типа фолсом и др. Большей частью это были находки на поверхности. В настоящее время такие наконечники известны в штатах Массачусетс, Пенсильвания, Виргиния, Кентукки и Алабама. В восточных штатах древние острия метательных орудий не связаны с остатками ископаемой фауны, первобытное население там не охотилось на мамонта. Тем не менее эта ранняя охотничья культура имеет здесь не меньшую древность, чем в западных штатах. Близ г. Модок в Иллинойсе, в скальном навесе Барбо-Крик, было раскопано древнее поселение, относящееся к более позднему, чем фолсом, так называемому архаическому периоду (с наконечниками копий листовидной формы и с черенком). Либби опубликовал радиоуглеродную дату нижнего слоя этого поселения: 10 650 ± 650 лет тому назад [30]. Таким образом, первоначальное поселение в Барбо-Крик относилось ко времени оледенения Манкейто.

В Южной Америке древнейшая стоянка человека в пещере Пальи-Айке (Palli Aike) в Чили (севернее Магелланова пролива и к востоку от оз. Лагуна-Бланка), в нижнем слое которой на поверхности вулканического пепла вместе с костями ленивца, лошади и гуанако были найдены грубые каменные орудия, датируется временем 8 639 ± 450 лет тому назад [31]. О. Менгин (Этнографический музей в Буэнос-Айресе), производивший в последние годы археологические исследования в Патагонии, указывает на сходство между грубыми каменными орудиями в Пальи-Айке и других стоянках близ Магелланова пролива с орудиями Тьюл-Спрингс в Неваде [32]. С другой стороны, наконечники копий типа Сандиа из Новой Мексики, по его мнению, имеют большое сходство с каменными остриями с боковой выемкой у основания из «докерамического» поселения Вискачани (Viscachani) в Боливии, к югу от г. Ла-Пас, по дороге в Оруро [33]. Хотя стоянки охотников на верблюда в Неваде и Новой Мексике древнее, чем самые ранние лагери охотников на ленивца и гуанако в Патагонии и стоянки в Боливии, О. Менгин высказывает предположение, что все эти поселения относятся к одной и той же ранней каменной культуре верхнего палеолита, которая охватывала весь Американский континент, но достигла его южной части значительно позднее, чем территории юго-западных штатов Северной Америки, где в настоящее время известны самые древние поселения Нового Света [34].

На североамериканском археологическом семинаре 1955 г. по общим вопросам возникновения и контактов древних американских культур было также высказано предположение, что древнейшим культурам к западу и востоку от Скалистых гор, которые, по радиоуглеродным данным, относятся к интерстадиалу Ту Крикс и стадии Манкейто, предшествовала еще более древняя «раннекаменная» культура (early lithic), распространявшаяся по всей территории Северной Америки. Из нее развились специализированные культуры «собирателей» и «охотников» [35].

Таким образом, древность этой ранней культуры превышает 11 000 лет. Самые древние поселения человека в Америке — Льюисвилл, Сандиа и Санта-Роса — относятся, как мы видели, к начальной поре висконсинского оледенения. Дата стоянки Тьюл-Спрингс (более 23 800 лет) очень близка к радиоуглеродному определению времени верхнепалеолитической стоянки в скальном навесе Пато (Abri Pataud) близ Лез-Эйзи (Дордонь, Франция): зольный материал из очага перигордьенского культурного слоя датируется здесь временем от 23 650 ± 800 до 24 050 ± 1000 лет тому назад [36].

По общепринятой теории, Американский континент был заселен с севера, через область Берингова пролива. Поэтому первоначальное появление человека в Америке должно быть отнесено к еще более раннему времени, чем древнейшие стоянки на территории США, т. е. к самому началу висконсина, или к последнему межледниковому

---

[28] Oldest Traces of Early Man...

[29] A. D. Krieger. Ук. соч., AA, т. XXII, № 3, 1957.

[30] W. F. Libby. Ук. соч., 1955, № 907; Seminars in Archaeology, 1956, стр. 69.

[31] W. F. Libby. Ук. соч., 1955, № 485.

[32] Notes and News. Patagonia. AA, т. XXII, № 1, 1956, стр. 107.

[33] O. F. A. Menghin. Culturas preceramicas en Bolivia. Runa. Archivo para las ciencias del hombre, т. VI, ч. 1—2, Instituto de Anthropologia, Buenos Aires, 1953—1954, стр. 125—132, табл. XI, *d, e*.

[34] Notes and News. Patagonia. AA, т. XXII, № 1, 1956, стр. 107.

[35] Seminars in Archaeology, 1956. The American South-West: a Problem of Cultural Isolation, стр. 72.

[36] M. Rubin and H. E. Suess. Ук. соч., образцы 151, 191.

периоду сангамон, как предполагал А. Пенк в 1930 г.[37]. Дж. Картер в 1951 г. высказал мнение, что человек мог появиться на Американском континенте еще раньше, во время третьего, иллинойского, оледенения[38].

Д. Е. Ибарра Грассо (Боливия) в своих последних статьях высказывает предположение, что человек впервые появился в Америке в начале последнего оледенения, около 70 000—50 000 лет тому назад, и принес с собой двусторонне обработанные орудия типа «ручного рубила» мустьерского времени. На это указывают старые находки в Трентоне в гравиях р. Делавар[39] и двусторонне обработанные орудия, открытые в Вискачани в Боливии — ручные рубила и примитивные наконечники копий[40].

Большинство американских археологов не разделяет этих взглядов, однако новые радиоуглеродные датировки значительно поколебали убеждение в позднеплейстоценовом возрасте древнейших поселений человека в Америке.

Н. А. Береговая

---

[37] A. Penck. Wann kamen die Indianer nach Nordamerika. Proceedings 23 International Congress of Americanists (New York, 1928). New York, 1930.

[38] G. F. Carter. Man in America: a Criticism of Scientific Thought. The Scientific Monthly, LXXIII, 1951, стр. 297—307.

[39] G. C. Abbott. The Stone Age in New Jersey. Smithsonian Report for the Year 1875. Washington, 1876.

[40] D. E. Ibarra Grasso. Die letzte Eiszeit als notwendige Voraussetzung für die erste Besiedlung Amerikas. Eine neue Theorie über die Herkunft der Altmenschen in Amerika. Zeitschrift für Ethnologie, т. 81, книга 2. Braunschweig, 1956, стр. 258—269.

О НЕДОСТАТКАХ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА В КНИГЕ В. М. РАУШЕНБАХ «СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ». Тр. ГИМ, вып. 29, М., 1956

В последнее время в исследованиях археологов особенно ярко прослеживается стремление изучать вопросы жизни древнего человека путем применения комплексного исследования с привлечением методов из смежных наук. Такая постановка научных работ делает археологические изыскания более полновесными и дает возможность осветить не только жизнь самого человека, но и познать окружающие его физико-географические условия, игравшие в жизни древнего человека весьма существенную роль.

Одним из таких методов, все чаще применяемых археологами как у нас, так и за рубежом, является метод пыльцевого анализа, использование которого при археологических исследованиях открывает новые перспективы в вопросе датировки и в освещении палеогеографических условий соответствующего времени. Мы знаем ряд весьма интересных работ (М. Е. Фосс, С. Н. Тюремнова и др.), где археолог и специалист по пыльцевому анализу работали рядом, вследствие чего исследования значительно выигрывали.

Книга В. М. Раушенбах имеет главу «Использование методов торфоведения для датировки памятников шигирской и горбуновской культур» (стр. 68—85), где сделана попытка использовать данные пыльцевого анализа. К сожалению, автор, получив данные пыльцевого анализа от проф. С. Н. Тюремнова, не смог правильно использовать их, вследствие чего эта глава не помогает исследованию, а вносит лишь невероятную путаницу, что может только дискредитировать неоднократно высказанную многими археологами совершенно правильную мысль о ценности применения пыльцевого анализа при археологических исследованиях.

Мы не касаемся здесь археологической части работы, которая, надо думать, является интересной и достаточно ценной, и остановимся лишь на разборе вышеупомянутой главы, поскольку примененный в ней метод находится в пределах нашей компетенции.

Понимание этой главы делается невозможным, в первую очередь, из-за того, что все (буквально все) общепринятые условные обозначения пыльцы перепутаны. Так, ель показана условным знаком орешника, сосна — условным знаком ивы, береза — условным знаком смешанного дубового леса (дуб + липа + вяз), пихта — условным знаком ольхи, сибирский кедр — условным знаком лиственницы, лиственница — условным знаком сибирского кедра, ольха — условным знаком пихты, смешанный дубовый лес — условным знаком березы, ива — условным знаком сосны, орешник — условным знаком ели, причем этот знак к тому же перевернут на 180°.

Если верить этим условным знакам, то, просматривая диаграммы, можно вывести заключение о том, что леса Среднего Урала за все время голоцена (в эпоху неолита и бронзы) и в настоящее время состоят из дуба и ивы с большим количеством орешника, что совершенно неверно. Сосна же, береза и ель — породы, действительно слагавшие леса Урала в эпоху неолита и бронзы и образующие их в настоящее вре-

мя,— на диаграммах либо отсутствуют вовсе, либо выражены в единичном числе. Но не только этим одним исчерпывается путаница в диаграммах. Так, например, на диаграмме Шигирского торфяника в нижних пяти спектрах показана ольха, преобладающая у основания торфяной залежи. По перепутанным условным знакам она должна изображать пихту. На самом же деле эта кривая составлена лиственницей. Таким образом, здесь — тройная путаница.

Вполне естественно, что читатель, просматривая диаграммы, составит себе совершенно искаженное представление об условиях жизни человека на Урале.

Недоразумение усугубляется еще и тем, что в тексте диаграммы описываются в том виде, в каком это следовало бы по неперепутанным условным знакам. Таким образом, читатель полностью дезориентирован.

Перепутаны почти и все ссылки на рисунки. Так, на стр. 73 делается ссылка на диаграмму 2 и глубину 0,85 *м*, а на самом деле это относится к диаграмме 7; на стр. 74 имеется ссылка на диаграмму 8 и глубину 5,5 *м*, в то время как наибольшая глубина там всего 2,2 *м*; на той же странице дается ссылка на изменение растительности, которое наблюдается на диаграмме 3 — глубина 1,4 *м* и на диаграмме 4— глубина 0,3 *м*, в то время как на этих диаграммах на указанных глубинах ничего такого не показано.

Не объяснены, а потому неясны для читателя цифры, показанные справа от диаграмм пыльцы. Кроме того, они даются то в виде целых чисел, то в виде дроби, а на диаграмме 2 числитель поставлен вместо знаменателя, и наоборот.

На стр. 75 указывается, что глубина, на которой расположены культурные слои, приведена на пыльцевой диаграмме 7, на самом же деле культурные слои не показаны не только на диаграмме 7, но и на всех прочих разрезах с диаграммами. В силу этого составить себе представление о месте залегания культурных слоев, а следовательно, и об их возрасте (по данным пыльцевых диаграмм) нет никакой возможности.

На стр. 71 указывается, что пыльца пород смешанного дубового леса присутствует в составе лесов в количестве 1—3%, а на самом деле, например на диаграмме 1, на глубине 1,5 *м* пыльца только одного дуба дает цифру 7%.

Изложенного достаточно, чтобы не приводить дальнейшего разбора той невероятной путаницы, которая имеется в данной главе.

Перейдем к самому тексту. Автор пишет, что «в конце атлантического и начале суббореального периода в горбуновском болоте начал образовываться слой торфа. Поэтому время образования как горбуновского торфяника, так и многих других торфяников на Урале следует изменить» (стр. 69).

Откуда это следует — как по данным Горбуновского торфяника, так и по другим — неясно, тем более, что по «многим другим торфяникам» Урала автор не приводит никаких материалов. К тому же торф на Горбуновском торфянике подстилается сапропелем более древнего возраста, которому синхроничны в других торфяниках Урала отложения торфа. Таким образом, нет никаких оснований изменять возраст торфяников Урала.

Датировка культурного слоя стоянки на 1-м Карасьем озере по данным пыльцевого анализа изложена очень неясно, и, кстати, на этой диаграмме не показаны ни глубина торфа, ни место залегания культурного слоя.

Совершенно неверно произведен расчет сопоставления прироста торфяников Горбуновского и Язевского (стр. 78, 79). Сопоставление глубины 1,9 *м* Горбуновского торфяника с 5,5 *м* Язевского никак не вяжется с данными пыльцевых диаграмм. Глубина в 5,5 *м* Язевского торфяника (диаграмма 5) падает на конец елово-лиственничной фазы, следовавшей непосредственно за лесотундрой, т. е. очень древние слои, в то время как якобы соответствующая им глубина 1,9 *м* отложений Горбуновского торфяника (диаграмма 1) на самом деле соответствует фазе сосново-еловых лесов, т. е. самым молодым слоям. Разница в возрасте между обоими слоями очень большая. Поэтому чисто механический подсчет сопоставления глубин Язевского и Горбуновского торфяников (соответственно 7,8 и 2,7 *м*) не выдерживает критики и данными пыльцевых диаграмм опровергается.

Нет надобности останавливаться на дальнейшем разборе этой главы. Указанные выше ошибки и путаница в изложении материалов заставляют очень осторожно относиться и к основным выводам автора об условиях географической среды жизни человека в рассматриваемый период. Из вышеизложенного следует, что могут быть подвергнуты сомнению и археологические датировки, в какой-то степени базирующиеся и на данных пыльцевого анализа. Общий вывод таков, что вся эта глава в том виде, как она представлена, ни в какой мере не может служить примером использования методов торфоведения в археологии.

М. И. Нейштадт

M. Pallotino. Etruscologia. Milano, 1955. 3-е изд. XV + 393 стр. + 64 табл. + 4 рис. в тексте.

Этрусский вопрос вот уже в течение нескольких веков считается темным, нерешенным, загадочным. Увеличение материала, уточнение методов и, наконец, многочисленные попытки целого ряда выдающихся ученых еще до сих пор не привели к решению

ряда важных проблем этрусской истории. Тем не менее несправедливо было бы считать, что в этрускологии до сих пор нет сдвигов. Напряженная, кропотливая работа этрускологов хотя и не увенчалась сенсационными открытиями, но привела к тому, что густой мрак, окутывающий этрусскую историю, постепенно рассеивается.

В этом убеждается читатель сводной работы выдающегося современного этрусколога, разностороннего и неутомимого исследователя, профессора Римского университета Массимо Паллотино «Etruscologia», затрагивающей почти все основные вопросы современной науки об этрусках [1].

Несмотря на чрезвычайно широкий круг затронутых в книге проблем и доступность изложения, работа Паллотино не является научно-популярной; вместе с тем это и не сухой труд-компендиум. Этот труд, в котором приводится новый материал, уточняется метод исследования, вводятся в дискуссию новые аргументы, соединяет в себе сильные стороны компендиума, монографии и популярной работы.

Все части работы читаются с большим интересом, будь то описание некрополей или характеристика этрусских склонений. Об успехе книги говорит уже то обстоятельство, что за 14 лет она выдержала три издания и переведена на французский язык [2]. По сравнению со вторым изданием материал третьего издания значительно пополнен, добавлена новая глава (гл. VIII — «Литература и искусство»), приведена новая литература предмета. При трактовке этрусского языка учтены значительные сдвиги в этой области, произошедшие в последние годы. Количество таблиц увеличено до 64.

Прежде чем перейти к описанию обширного материала, автор намечает основные линии развития этрускологии, начиная с Возрождения и до наших дней, отмечая специфические трудности этого процесса. Развитие этрускологии зависит как от успехов археологического обследования этрусской почвы, так и от общего развития науки о классической древности.

Весь обширный материал этрускологии автор считает возможным разбить на три больших раздела, или части. Часть I посвящена характеристике роли этрусков в истории Италии и Средиземноморья. Часть II, композиционно тесно связанная с первой, трактует собственно об этрусской цивилизации, о главных аспектах ее проявления. Проблемы этрусского языка составляют содержание III части работы.

Здесь бросается в глаза тот факт, что одна из капитальных проблем этрускологии, известная в науке под классической формулировкой происхождения этрусков [3], преподносится читателю под иным углом зрения — как проблема этрусков в истории Италии и Средиземноморья. Это закономерное следствие новой постановки автором вопроса о происхождении этрусков.

«Теория формирования» Паллотино, близкая к теории автохтонности (Паллотино в 30-х годах был сторонником последней), является новой и оригинальной в этрускологии, но уже получила распространение и признание в науке. В частности, таким же образом ставит вопрос о происхождении этрусков немецкий историк Франц Альтхейм [4].

Возникновение теории формирования можно рассматривать как реакцию на бесплодность дискуссии о происхождении этрусков, продолжавшейся, в сущности, начиная с Дионисия Галикарнасского. М. Паллотино подробно останавливается на критике каждой из трех традиционных теорий происхождения этрусков (восточной, северной и автохтонной), особенно обстоятельно — на анализе аргументов самой распространенной из них — теории восточного происхождения [5].

---

[1] М. Паллотино принадлежит очень много работ. Укажем лишь на некоторые: Elementi di lingua etrusca. Firenze, 1936; Gli Etruschi. 2 изд. Roma, 1940; Tarquinia (Monumenti Antichi dell' Accademia dei Lincei), XXXVI, 1937; La scuola di Vulca. Roma, 1945; L'Arco degli Argentari. Roma, 1946; L'origine degli Etruschi. Roma, 1947; La Sardegna nuragica. Roma, 1950; La peinture étrusque. Genève, 1952; Etruskische Kunst. Zürich, 1955; Testimonia linguae etruscae. Roma, 1954. Не говоря о массе статей по самым различным вопросам, опубликованных в «Archeologia classica», «Studi Etruschi» и «La parola del Passato», многочисленных «Atti», «Rivista», «Bulletino», укажем на одну из недавних очень интересных для советских читателей статей «Gli scavi di Karmir-Blur in Armenia e il problema delle connessione tra l'Urartu, la Grecia, e Etruria». Archeologia classica, т. VII, ч. 2, Roma, 1955, стр. 109—123.

[2] M. P a l l o t i n o. La civilisation étrusque. Paris, 1949.

[3] См., например, B. N o g a r a. Les Etrusques et leur civilisation. Гл. I. L'origine du peuple Etrusque et extention de sa puissance. Paris, 1936.

[4] Fr A l t h e i m. Der Ursprung der Etrusker. Baden-Baden, 1950. Сущность теории Ф. Альтхейма изложена в обзоре Н. Н. Залесского «Этрускология за рубежом» (ВДИ, 1956, № 4).

[5] Главные аргументы М. Паллотино против теории восточного происхождения этрусков следующие.

1. Данные литературной традиции о приходе Энея, пеласгов, тиррен в Италию легендарны и противоречивы. 2. Сопоставление туршу египетских надписей с этрусками гипотетично и не исключает возможности того, что туршу пришли с запада. 3. Ориентализированная культура, привнесенная якобы в Этрурию из Малой Азии, имеет местные корни, например в культуре Villanovы. Сходные мотивы встречаются в Южной Италии, на о. Сицилии, Сардинии, а между тем для этих областей и не стоит вопрос

Уязвимость этих теорий для критики, противоречие каждой из них ряду бесспорных фактов привели М. Паллотино к смелому, но вполне обоснованному выводу о том, что старые проблемы неправильно поставлены. Во-первых, проблеме происхождения придавалось слишком большое значение, причем игнорировались многие важные проблемы ранней этрусской истории. Во-вторых, этрусков рассматривали как единый сформировавшийся где-то в другой области (на севере или востоке) народ, который затем пришел в Италию.

Но в вопросе о происхождении этрусской культуры и народа должна идти речь не о приходе народа, а об этническом формировании его на месте при самых различных влияниях. Ведь не спорят, как заявляет М. Паллотино, о том, откуда пришли французы и итальянцы, а изучают формирование итальянской и французской наций на территории Италии или Франции из самых различных элементов (стр. 86). Положив в основу аксиому о том, что важнейший фактор формирования нации — территориальный, или географический, М. Паллотино выдвигает теорию формирования этрусской нации на берегах Тибра и Арно из разнородных частей. Основными являлись местные корни, но очень сильное влияние оказывали восточные, греческие и другие элементы, так что этрусский народ — это не что иное, как сплав разных элементов, давший новое этническое, культурное и другие качества. Таким образом, «теория формирования» стремится согласовать на новой основе особенности восточной, автохтонной и отчасти северной гипотез, тем более что и сам древнейший реликт (tirrenica) автор признает образовавшимся в результате диффузии с востока еще в доисторическую эпоху.

Но если основной формативный процесс происходил на территории Этрурии, то встает вопрос о том, что же представляла из себя эта область в доэтрусское время и в каких отношениях она находилась с соседними областями и культурами. Выяснению этого вопроса посвящена I глава книги — «Италия на заре истории»,— составленная главным образом на основе работ итальянских ученых А. Тромбетти, Ф. Рибеццо, Дж. Девото и др. (стр. 29, 30).

Прежде чем нарисовать картину доисторической Италии, автор делает несколько общих замечаний о новом методе, утвердившемся в современной буржуазной археологии. Достижения современной науки позволяют отказаться от старого типологического эволюционного метода, исходящего из предположения непрерывной и общей для многих стран и областей эволюции от стадии простой к более сложной, от камня к бронзе, а затем к железу, последовательно сменявших друг друга. Новый культурно-исторический метод исходит из иных принципиальных установок. Сущность его вкратце такова.

Тот или иной район создает свой специфический центр культуры с особыми условиями, распространяющий свои нововведения на соседние центры и области, в то время как в изолированных местах продолжает сохраняться длительное время архаическая культура. Культура какого-нибудь географического района, таким образом, является не частью общей для многих областей ступени развития, а сложным результатом многочисленных и взаимно пересекающихся влияний различных центров. Отсюда множественность и разнообразие местных или локальных культур, которые знает современная итальянская археология в доисторической Италии. Например, в эпоху бронзы, во II тысячелетии до н. э., в долине р. По мы видим культуру террамар, имеющую аналогии с заальпийскими культурами, на полуострове — культуру appenninica, которая, однако, не носила унитарного характера; в Южной Италии, испытывавшей сильные влияния эгейского центра,— культуру ausonica.

Различия между локальными культурами усилились при переходе к железному веку в самом начале I тысячелетия до н. э. (стр. 49, 50). Паллотино называет этот период протоисторическим. На стр. 45 он дает карту распространения археологических культур протоисторической Италии IX—VIII вв. до н. э., где насчитывается до восьми

о тирренской иммиграции. В VII—VI вв. до н. э. Этрурия испытывала сильнейшее греческое влияние, но ведь никто не связывает его с греческой иммиграцией. 4. Собственно восточные мотивы ориентализированной культуры имеют сходство скорее с сиро-египетским миром, чем с эгейско-азиатским. Между фригийской культурой (XI—VII вв. до н. э.) и ориентализированной культурой Этрурии нет близких аналогий, например, в керамике, росписи ваз, а знаменитые азиатские фибулы, столь широко распространенные по всему Средиземноморью, даже не встречаются в Этрурии. Связи же с Малой Азией усиливаются после этнического оформления этрусков, достигая кульминации в VI в. до н. э. 5. Изменение обряда погребения (при культуре Вилланова — кремация, при ориентализированной — трупоположение) объясняется не приходом нового народа, а возвращением прежнего обряда. С другой стороны, например, в Южной Этрурии в VII в. до н. э. произошло изменение обряда, а в Северной — появление ориентализированной культуры не изменило обряда погребения (кремация продолжалась вплоть до римского времени), хотя эти области населял один и тот же народ. 6. Древнейшая топонимика Этрурии и связи с древнейшими италийскими языками (реты) разбивают гипотезу о приходе нового народа с новым языком. 7. Рассказ Геродота о миграции этрусков относится к XIII—XII вв. до н. э., а возникновение ориентализированной культуры — к VII в. до н. э.; до этого времени никаких восточных влияний на Этрурию не обнаружено.

различных культур: 1) культура golasecca (современные Лигурия, Пьемонт, Ломбардия) и близкая к ней atestina (Венеция); 2) villanoviana (Этрурия, Эмилия); 3) laziale (древний Лациум); 4) orientale (Умбрия, Пицен, Самний) и близкая к ней apula (Апулия); 5) meridionale (Кампания, Калабрия); 6) sicula (Сицилия). На территории первых трех наблюдается обряд трупосожжения с редкими трупоположениями, на территории последних трех — наоборот.

Разнообразию археологических культур соответствует сложность лингвистической карты доисторической Италии. Новым здесь является то, что современная итальянская наука вместо теории вторжения италиков-индоевропейцев с севера и в результате единого акта пришла к выводу о ряде последовательных и медленных волн (по М. Паллотино — три волны + протолатинская), приходивших не с севера на юг, а с востока на запад, с Балкан через Адриатику, причем самой древней считается латинская волна, затем — умбро-сабельская, наконец — венетско-пиценско-апулийская, теснее всего связанная с иллирийским побережьем. Эти вторжения заняли весь период бронзы в Италии, т. е. все II тысячелетие до н. э., а протолатинская волна восходит к более раннему времени.

Нарисованная на основе культурно-исторического метода картина доисторической Италии весьма непохожа на схемы О. Монтелиуса, Л. Пигорини и В. Гельбига, связывавших переход от неолита к бронзе на полуострове с приходом италиков из-за Альп, а период бронзы считавших периодом террамар, господствовавшим по всей Италии, археологическому единству которой соответствовало лингвистическое единство италиков.

По мнению М. Паллотино, формирование этрусской нации происходило на основе культуры Виллановы. К этому времени начинают концентрироваться значительные группы населения на территории позднейших этрусских городов (Вейи, Цере, Тарквинии и др., стр. 88). Глубокую же трансформацию культуры Виллановы в ориентализированную, а затем в собственно этрусскую следует объяснить не иммиграцией какого-либо народа, а результатом определенного импульса, вызванного взаимодействием тирренских и индоевропейских, в том числе восточных, греческих и других элементов. В другом месте М. Паллотино выдвигает исключительно интересную мысль о том, что преобразование в эпоху раннего железа культуры Виллановы в этрусскую цивилизацию на территории к северу от Тибра произошло под влиянием благоприятных социальных и экономических условий (стр. 48). К сожалению, эта мысль остается неразвитой. Во всяком случае, в концепции о формировании этрусков она играет второстепенную роль. Скорее всего, автор имеет здесь в виду тесные связи Этрурии с относительно высокоразвитыми социальными организмами Сардинии и то важное обстоятельство, что этрусские рудники были главными местами добычи металлов во всем Центральном Средиземноморье и составляли центр особого притяжения для цивилизованных народов, в первую очередь греков, с которыми этруски вступают в интенсивные отношения (стр. 99—101). Правда, здесь же М. Паллотино замечает, что не следует преувеличивать значение экономического фактора как определяющего мотива истории.

Боязнь переоценить значение экономического фактора привела к тому, что в главе IX — «Жизнь и обычаи»,— где речь идет и о производстве, последнему, т. е. сельскому хозяйству, промышленности, добыче и обработке металлов, а также знаменитым гидравлическим сооружениям, навигации, торговле, уделено внимания немногим больше, чем описанию жилища, одежды и обуви этрусков,— всего несколько страничек (стр. 286—290).

Следует сказать, что новая постановка вопроса о происхождении этрусков является новым этапом в развитии проблемы и в настоящее время соответствует достигнутым результатам этрускологии больше, чем прежние системы. Тот факт, что аналогично ставят этот вопрос другие исследователи, показывает, что рождение теории формирования назрело.

Однако и эта теория имеет ряд уязвимых мест и неясных положений. Вызывает возражение основной тезис автора о том, что географический фактор — важнейший фактор формирования нации. В связи с этим аналогии с формированием итальянской и французской наций, происходившим в совершенно иной исторической обстановке, представляются сугубо искусственными. Остается загадочной и необъяснимой связь с Лемносом. Расшифровка лемносской надписи, возможно, послужит пробным камнем для новой теории. Неясным остается резкий скачок примитивной культуры к культуре Виллановы, а затем через ориентализированную — к этрусской цивилизации, хотя автор и приводит некоторые аргументы в пользу местных корней этих культур (стр. 88—90). Наконец, автор почему-то оставил без внимания хорошо известные ему новые аргументы (главным образом лингвистические) в пользу восточной теории, принадлежащие В. Георгиеву [6].

Автор развивает концепцию формирования также и в IV главе — «Этруски и Италия»,— где основной вывод заключается в том, что в VII—VI вв. до н. э. вся Италия от Салерно до Трентинских Альп была «этрускицирована» и представляла определенное этническо-политическое единство, а разнородные культурно-этнические элементы были

[6] В. Георгиев. О происхождении этрусков. ВДИ, 1952, № 4, стр. 133—141. Основной тезис Георгиева тот, что этруски — это троянцы, переселившиеся двумя последовательными волнами в Западную Италию.

ассимилированы (стр. 113). Этот тезис прямо направлен против теории переселения из-за моря, согласно которой даже собственно Этрурия распадалась в этническом и других отношениях на слои завоевателей-тирренов и покоренные массы местного населения (стр. 108, 109). Глубокая этрускизация обеспечила в дальнейшем быструю романизацию Италии. Для доказательства своего тезиса автор широко привлекает историческую традицию, подкрепляя ее археологическим материалом. Однако если положение о политическом и отчасти культурном единстве этрусской Италии доказано убедительно, то тезис об этнической ассимиляции различных племен в единую нацию еще нуждается в веских доказательствах. Даже сам автор в другом месте считает возможным осторожно заявить лишь о частичном этническо-политическом единстве (стр. 107).

На обширном археологическом материале с широким привлечением письменных источников М. Паллотино убедительно показал господство этрусков на море («талассократию»), интенсивные связи Этрурии с Сицилией, Сардинией, Карфагеном, Грецией и даже Испанией, оживленные торговые связи этрусков, придавая большое значение их богатству металлами. Интересны замечания о тенденциозности греческих источников, изображающих оживленную этрусскую торговлю и их господство на море как пиратство. Глава III, затрагивающая все эти вопросы,— одна из самых интересных в книге.

Итак, основной лейтмотив концепции происхождения этрусков следующий. Этруски как нация — италийский феномен, хотя и образованный из разных элементов, впервые объединивший, этрускизировавший Италию, завязавший связи с другими странами. Этруски заложили основы унификации Италии Римом и романизации Западного Средиземноморья. Этрусская история — это не локальная история одной области, бесследно исчезнувшая в глубине веков, а древнейшая и славная страница истории всей Италии, заложившая основы ее будущего величия. Последняя мысль лежит в основе дальнейшего изложения характеристики аспектов этрусской цивилизации.

Глава V дает описание основных городов и некрополей Этрурии с перечислением главных находок, включая раскопки последних лет; описаны Рим, Вейи, Цере, Тарквинии, Вульчи, Вольсинии, неизвестный город около Орвието, Коза, Теламоний, Ветулония, Популоний, Клузий, Перузия, Кортона, Ареций, Фезулы, Вольтерра, упомянуты некоторые центры кампанской и паданской Этрурии. Достижением современной этрускологии следует признать четкое понимание различий в развитии городов Северной и Южной Этрурии, городов прибрежных и внутренних, в то время как прежде говорили об этрусском городе вообще. Обзор многовековых раскопок показывает, что археологическое обследование Этрурии производилось весьма односторонне, раскапывались главным образом некрополи, а территория городов, не говоря о сельской местности, обследована лишь в минимальной степени. Эта односторонность привела к ряду трудностей в развитии науки, к недостатку материала по ряду важных разделов, к тому, что этрусские надписи представлены почти исключительно монотонными, бедными по содержанию надгробиями. Автор замечает, что задачей этрускологии сейчас является систематическое исследование собственно территории этрусских городов. Раскопки в 1954—1955 гг. богатого этрусского города Спины близ современного Комаккио открывают перед наукой новые возможности [7].

Глава VI разбирает сложные вопросы политико-социальной организации Этрурии. Приведенный автором материал показывает, что и в этом вопросе прогресс очевиден. Ставится вопрос об эволюции политических учреждений и магистратур, конкретнее описываются последние. На основе ономастического и археологического материала, привлекая аналогии с ранним Римом, автор ставит вопрос о родовой, или, как он называет, гентильной, системе, об этрусских патрицианских и плебейских родах, о социальной борьбе между ними. Чрезвычайно интересны соображения о наличии во многих надписях упоминаний о рабах и вольноотпущенниках (стр. 195—197). Однако М. Паллотино не развивает дальше эти важные указания, не ставит важнейших вопросов разложения родового строя, формирования классов, появления государства. К тому же автор склонен модернизировать политическую организацию, приводя аналогии с позднесредневековой Германской империей (стр. 175, 176) и сравнивая этрусскую ономастическую систему с современной (стр. 192).

То обстоятельство, что на территории Этрурии лучше всего обследованы некрополи, привело к тому, что вопросы этрусской религии — самая разработанная область этрускологии. В главе VII автор подробно знакомит читателя с основными проблемами и источниками этрусской религии, мифологией, формами культа и т. д., подчеркивая самые тесные связи этрусской религии с римской.

---

[7] Город Спина был хорошо известен античным авторам, отмечавшим его богатство и размеры. Тексты античных авторов собраны с исчерпывающей полнотой в работе К. О. Мюллера и В. Дееке. См. K. O. Müller, W. Deeke. Die Etrusker. T. I, Stuttgart, 1877, стр. 209, 210. Развалины города, местоположение которого было неизвестно, недавно обнаружены и сейчас интенсивно раскапываются. См. L. Pareti. La tradizione antica su Spina (premesse storica per i prossimi scavi). Studi romani, 1957, anno V, № 2, стр. 125—135; M. F. Squarciapino. Recenti scavi di interesse romano in Italia. Studi romani, 1956, anno IV, № 3, стр. 336—341; 1957, anno IV, № 4, стр. 445—451.

Прекрасно написана новая (по сравнению со 2-м изданием) глава «Литература и искусство» — самая большая глава книги. Особенно подробно разобраны основные вопросы этрусского изобразительного искусства, крупнейшим знатоком которого заслуженно считается сам автор.

Четко прослежены оригинальность этрусской литературы и искусства, отличия от греческих, связи, с одной стороны, со средиземноморскими традициями, с другой — с римскими, в частности даже в самом образе мышления, который М. Паллотино называет утилитарным. Касаясь вопроса о полемике относительно оригинальности прусского искусства, автор рисует сложную картину развития этрусской живописи с VIII в. до н. э. до римского времени, давая решение вопроса для каждой фазы в отдельности.

Большой вред развитию этрускологии принесли многочисленные дилетантские исследования, которые паразитировали на неясности ряда важных проблем и подменяли их кропотливое исследование самыми фантастическими гипотезами, обычно облеченными в безапелляционные и категоричные формулировки [8]. Естественно, что это заставило ведущих этрускологов особенно резко подчеркивать именно метод исследования. Четкое и постоянное акцентирование метода исследования — одна из самых главных особенностей книги М. Паллотино. Поэтому автор остерегается строить далеко идущие гипотезы, для обоснования которых еще мало материала. Вероятно, этой предосторожностью можно объяснить тот факт, что в работе уделено мало внимания производственному аспекту этрусской цивилизации, о котором он в основном говорит в IX главе — «Жизнь и обычаи». (О значении зоны Популония — Ветулонии для этрусской торговли сказано в III главе). Хотелось бы развития правильного самого по себе положения, что лишь некоторые округа Этрурии были промышленными, а бóльшая часть страны имела земледельческий и пастушеский характер. В связи с этим желательна была бы постановка вопроса о сельском хозяйстве и аграрных отношениях в Этрурии, хотя бы в том плане, как это сделано в работе Б. Ногара, не говоря о компендиуме К. О. Мюллера и В. Дееке. Выделение вопросов ремесла, сельского хозяйства, торговли в отдельную главу, как, например, у Б. Ногара или К. О. Мюллера и В. Дееке [9], способствовало бы лучшей концентрации этого важнейшего материала. Создается впечатление, что автор недооценивает роль экономики [10], и это тем более досадно, что он высказал интересную мысль о том, что значение добычи металлов этрусками для их истории и даже для истории Центрального Средиземноморья еще недостаточно оценено специалистами, т. е. придает производственной жизни этрусков довольно большое значение.

Части I и II композиционно тесно связаны одной общей идеей, руководящей концепцией — доказать и показать большую роль, которую сыграли этруски и их культура в дальнейших судьбах Италии. Часть III, касающаяся проблем этрусского языка, посвящена систематическому изложению достижений в этой области и менее связана с общей идеей книги. Вопросы этрусского языка изложены в книге М. Паллотино подробнее, чем в других работах подобного типа. Возможно, что автор, как специалист, и переоценивает успехи своей науки в деле интерпретации этрусских текстов, но несомненно, что значительные сдвиги имеются и в этой области. Уточнен алфавит, теперь уже можно говорить о некоторых особенностях фонетики и морфологии этрусского языка, поставлен вопрос о диалектах, об отличии архаического от новоэтрусского языка, к настоящему времени более или менее известно свыше 200 слов. М. Паллотино даже заявляет, что «при современных условиях исследования мы можем утверждать, что подавляющее большинство этрусских надписей понятно и переводится точно» (стр. 351). К сожалению, подавляющее большинство этих надписей из-за бедности содержания мало что дает. Что же касается длинных текстов (вроде надписи на капуанской черепице или на полотне загребской мумии), то к настоящему времени удалось установить лишь самый общий их смысл, что само по себе является крупным достижением (результаты работы над текстом мумии изложены на стр. 358—361). Вслед за А. Тромбетти автор считает, что грамматическая структура этрусского языка, характеризующаяся текучестью и неопределенностью основных грамматических категорий, нанизыванием суффиксов, отличается от структуры индоевропейских языков.

В деле интерпретации этрусских текстов автор придает большое значение новому методу, так называемому билингвистическому, на основе которого работают Ф. Рибеццо, К. Ольцша, М. Паллотино и др. Сущность его состоит в следующем. Исходя из предположения, что этрусская культура тесно связана с греческой и италийской и что культурное родство отражается аналогичным способом выражения, аналогичными священными и погребальными формулами, следует думать, что во многих случаях этрусский текст можно сравнить с текстом греческим, латинским, италийским соответствующего содержания и интерпретировать на базе этого сравнения. Иначе говоря, искусственно создается билингва, хотя чтобы подобрать такую билингву, нужно проявить максимум осторожности и интуиции. М. Паллотино считает, что этот метод откры-

---

[8] Чаще всего это проявляется в работах по этрусскому языку. Ср. M. Pallotiño. Studi Etruschi, т. XXII, 1952—1953, стр. 477, 478.

[9] K. O. Müller, W. Deeke. Ук. соч., стр. 192—318; B. Nogara. Ук. соч., стр. 43—57.

[10] См. Дж. Луццатто. Экономическая история Италии. М.— Л., 1954, стр. 434. Автор говорит о современных этрускологах, что они в своих превосходных работах уделяют мало внимания экономике.

вает новые возможности, и переводы на его основе ритуальных текстов, в том числе текста мумии, сделанные К. Ольцша, он считает чрезвычайно интересным(стр. 333). Новый метод появился слишком недавно, чтобы дать ему всестороннюю оценку; несомненно лишь то, что только открытие новых длинных литературных, юридических и тому подобных текстов (а при раскопках территории городов находки таких текстов несомненны) может дать толчок к расшифровке этрусских надписей, даже в том случае, если не будет найдено и настоящей билингвы.

Относительно общей методологической концепции автора следует сказать, что она не вполне ясно выражена в книге. К тому же автор допускает некоторую модернизацию событий. Мастерское же описание автором сложного материала, важные исторические обобщения и гипотезы делают работу М. Паллотино весьма интересной для читателя.

В. И. Кузищин

E. Gjerstad. Early Rome. I. Stratigraphical Researches in the Forum Romanum and Along the Sacra Via. Lund, 1953, 157 стр.+ 147 илл., библ. (Skrifter Utgivna av Sveunska Institutet; Rom, 4°, XVIII, 1).

Рецензируемая работа представляет собой первую книгу задуманного шведским профессором Э. Гёрстедом шеститомного труда по истории раннего Рима, от начала жизни на этой территории вплоть до установления Республики. Книга посвящена вопросам стратиграфии римского Форума и открытым на территории Форума и Священной дороги поселениям догородского и архаического периодов. В своей работе Э. Гёрстед использует неопубликованные материалы из раскопок в районе римского Форума, произведенных известным итальянским археологом Джакомо Бони, который одним из первых применил метод стратиграфического исследования. Данные, полученные путем умелого и скрупулезного изучения материалов и дополненные краткими сведениями из отчетов и рукописей Дж. Бони, автор рецензируемого труда проверил повторными стратиграфическими раскопками в 1949 г. на том же месте, где в 1903—1904 гг. был заложен небольшой раскоп Дж. Бони,— у подножья конного памятника Домициану, стоявшего в центре Форума. Данные этих раскопок полностью совпали с материалами, добытыми Дж. Бони.

Книга Э. Гёрстеда разделена на две части. В первой части он подводит итоги раскопкам у конного памятника Домициану. После детального описания слоев, которых он насчитывает 29 (они соответствуют 30 слоям Бони), следует глава, посвященная их классификации и интерпретации. Затем, на основе данных стратиграфии и подробного анализа керамических находок, с привлечением данных, полученных на других раскопанных в Риме участках, в частности в районе Комиций, дается их хронология Э. Гёрстед выделяет три группы слоев, соответствующие трем большим периодам в истории древнего Рима. Наиболее ранняя группа, 3-я по счету автора, включающая слои 23—28 [1], содержит остатки древнейших примитивных жилищ — хижин с утрамбованными полами и камышовыми стенами — и соответствует, по мнению автора, догородскому периоду в жизни Рима. Э. Гёрстед дает не абсолютную, а лишь относительную хронологию догородского периода [2], различая три этапа. К первому, древнейшему, относится некрополь, на данном раскопе не обнаруженный. Первые хижины в районе Форума появляются на втором этапе. Хижины из раскопок у Equus Domitiani относятся уже к последнему, третьему этапу, непосредственно предшествующему образованию города.

Город раннего времени — царский Рим — характеризует вторая группа слоев (20—22). Она образована тремя последовательно сменившими друг друга галечными вымостками архаического Форума, возникшего на месте разрушенных хижин. Вымостки эти лежат на слое земляных субструкций. Время создания первой из них, совпадающее, по мнению Э. Гёрстеда, с датой основания Рима как города, определяется около 575 г. до н. э. (Конечно, поселения на холмах возникли раньше).

Наконец, наиболее поздняя группа слоев (1—19) состоит из шести вымосток Форума республиканского времени, древнейшая из которых датируется около середины V в. до н. э., и одной вымостки императорского времени. Эти вымостки из плит туфа или травертина, лежащие на земляных субструкциях, от республиканского времени почти не сохранились. Сохранилась хорошо лишь вымостка времени Августа, функционировавшая вплоть до IV в. н. э.

Вторая часть работы Э. Гёрстеда построена на материалах другого раскопанного Дж. Бони участка, расположенного в начале Священной дороги. Анализ планов, фотографий и находок из раскопок Бони позволил Гёрстеду воссоздать картину жизни в этом районе. Здесь был обнаружен древнейший некрополь, датируемый, по Э. Гёрстеду, 1-м и началом 2-го из выделенных им периодов истории догородского Рима [3]. Некрополь сменили жилища, аналогичные обнаруженным в раскопе у Equus Domitiani. В свою очередь, эти хижины уступили место жилищам более развитой архитектуры.

---

[1] Нумерация слоев идет сверху вниз. Слой 29 — материк.

[2] Э. Гёрстед, как он указывает в предисловии, предполагает дать абсолютную хронологию догородской эпохи Рима в IV томе своего труда, который будет специально посвящен вопросам хронологии.

[3] Этому некрополю Э. Гёрстед предполагает посвятить следующий том своего труда.

Раскоп на Священной дороге дал больше материала для характеристики хижин, чем первый. Это были продолговатые постройки с закругленными углами, из камыша, обмазанного глиной и укрепленного деревянными столбами, с земляным полом и соломенной крышей. Находки в хижинах состоят из обломков керамики, обгоревших зерен злаковых и бобовых, костей домашних животных, ткацких грузил и пряслиц. Э. Гёрстед выделяет две фазы существования этих хижин: первая — с середины 2-го периода и вторая — с конца 2-го до конца 3-го периода. Э. Гёрстед отмечает также, что современные хижинам погребения, обнаруженные на раскопе у Священной дороги,— исключительно детские, и справедливо указывает на широко распространенный в древнем мире обычай хоронить младенцев рядом с жилищами.

Жилища более развитой архитектуры, сменяющие хижины, делятся на четыре последовательных вида: 1) дома, близкие хижинам, но имеющие уже каменное основание из небольших необработанных камней туфа; 2) дома прямоугольные в плане с основанием из блоков туфа, хорошо обработанных с фасада, и с мощеным галькой двором; вероятно, эти дома уже имели сырцовые стены и черепичную крышу; 3) и 4) дома с основанием из грубо обработанных туфовых камней, стенами из сырцовых кирпичей и крышами из черепицы (внутри стены были покрыты расписной штукатуркой). При домах также были мощеные открытые дворы. Близ домов были найдены погребения младенцев в кувшинах VI в. до н. э. и несколько колодцев цилиндрической формы, без обкладки. Керамические находки и характер галечной вымостки дворов указывают на одновременность этих домов вымосткам римского Форума царского периода.

Так как рассматриваемая книга является лишь первым томом большого труда, автор ее, естественно, не делает обобщающих выводов. Однако картина жизни в районе Форума представлена достаточно отчетливо. В древнейший период, когда на вершинах отдельных холмов находились разрозненные поселения, в долине, позже занятой Форумом и Священной дорогой, был их некрополь. Появление в этой долине первых примитивных хижин знаменует собой событие большой исторической важности — слияние разрозненных поселений в единое большое поселение, явившееся непосредственным предшественником города Рима — Septimontium. Четкое выделение этого периода и характеристика его являются, несомненно, главной заслугой работы Э. Гёрстеда.

Появление на месте разрушенных хижин древнейшей вымостки Форума, совпадающее с переходом к постройкам более развитой архитектуры, говорит о возникновении древнего города с Форумом, являвшимся центром его политической жизни. Новая дата этого события, предложенная Э. Гёрстедом,— около 575 г. до н. э.,— основанная, главным образом, на данных анализа керамических находок, выглядит в свете его доказательств вполне убедительно. Точно так же справедлива датировка первой вымостки республиканского времени — около 450 г. до н. э.— на основании найденных под нею фрагментов краснофигурной керамики.

В предварительных отчетах[4] Э. Гёрстед делал вывод, что именно этим временем следует датировать возникновение Республики. В книге он этой проблемы не касается. Нам кажется, что такой вывод несколько преждевременен, так как никаких достоверных доказательств того, что сооружение первой вымостки из плит туфа в середине V в. до н. э. непосредственно следовало за провозглашением в Риме республики, мы не имеем.

Книга Э. Гёрстеда содержит чрезвычайно ценный и впервые систематизированный материал по самым ранним периодам истории древнего Рима. Она основана на детальном изучении стратиграфии и находок, причем в своих датировках автор исходит из археологического материала, ни в коей мере не пытаясь искусственно подогнать его под какие-то определенные хронологические рамки. В некоторых своих частях книга Э. Гёрстеда кажется даже чересчур перегруженной детальными описаниями материала. Композиционно во второй части отрыв главы, посвященной описанию керамических находок из раскопа Дж. Бони на Священной дороге, от хронологических выводов несколько затрудняет читателя. Следует пожалеть, что многочисленные фотографии, иллюстрирующие этот труд, в ряде случаев, особенно при изображении керамики, не отличаются высоким качеством.

В целом ценная работа Э. Гёрстеда представляет большой интерес как для археологов, так и для историков.

Н. А. Сидорова

[4] См. краткое изложение результатов стратиграфических раскопок Э. Гёрстеда в статье Van Buren «News Letter from Rome» (AJA, 1951, т. 55, № 2, стр. 172—174).

Heinrich Sevin. Die Gebiden. München, 1955. 222 стр.+74 табл.+18 карт.

В Западной Европе за послевоенные годы опубликовано много новых исследований, посвященных происхождению и истории древних германцев. Шведский ученый Е. Оксенштерна в книге «Прародина готов» разбирает в свете новейших данных свидетельство Иордана и скандинавских саг о переселении готов в Южную Прибалтику из Скандинавии [1].

[1] См. E. Oxenstierna. Die Urheimat der Goten. Leipzig, 1945 (2-е изд., 1948).

Рецензируемая книга Г. Зевина, изданная в Мюнхене в 1955 г., содержит значительный систематизированный материал по истории и материальной культуре готского племени гепидов.

В первой главе автор останавливается на происхождении гепидов, их названии и материальной культуре готских племен в местах их первоначального обитания в низовьях р. Вислы и на побережье Балтийского моря. Во второй главе Г. Зевин разбирает вопрос о передвижении гепидов к Карпатам и затем в Дакию, на территорию Семиградья, их взаимоотношения с римлянами. Автор специально останавливается на кладе золотых вещей, найденном близ Scylágy — Somlyó, который он использует для характеристики материальной культуры гепидов в Семиградье.

Третья глава монографии посвящена изучению гуннского времени. Г. Зевин анализирует сведения древних авторов о вторжении гуннов в Дакию и Паннонию в конце IV в. н. э., о войнах, которые вели гунны на пути своего продвижения в Центральную Европу. Автор подчеркивает, что гуннское вторжение имело опустошительный характер и привело к разрушению многих городов и поселений в Восточной Европе и на Балканском полуострове. В четвертой главе Г. Зевин излагает материал о борьбе германских племен с гуннами, а в последней, пятой главе характеризует язык, религию и материальную культуру гепидов в Дакии в IV—VI вв. н. э. Автор заканчивает свое исследование описанием борьбы гепидов с лангобардами. Завоевания лангобардов, длительная борьба с Римской империей и, наконец, вторжение аваров в середине VI в. н. э. привели к ассимиляции гепидов новым населением Дакии. Часть гепидов, завоеванная лангобардами, переселилась вместе с ними в Северную Италию.

В основу рецензируемой книги положена концепция о ведущей роли германских племен в истории Европы. Достаточно посмотреть на многочисленные карты, составленные Г. Зевиным и помещенные в работе, чтобы увидеть, что сарматы, славяне и другие восточноевропейские племена не играли, с точки зрения автора, в III—VI вв. н. э. какой-либо самостоятельной роли, а занимали второстепенное положение. Так, например, гепиды, вестготы, остготы, герулы и другие восточногерманские племена, по Г. Зевину, в III в. заняли громадные территории от Дуная до Дона и только под натиском гуннов передвинулись на запад в пределы Римской империи.

Необходимо отметить, что немецкие националистические концепции до последнего времени были широко распространены не только в немецкой литературе, но и в работах буржуазных польских, чешских, румынских и болгарских историков и археологов. Немецкая историография оказала также большое влияние на работы русских буржуазных ученых, посвященные готскому вопросу и германо-славянским отношениям в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Решительная борьба с буржуазно-националистическими концепциями немецких историков и археологов актуальна и в настоящее время.

За последнее десятилетие советские историки и археологи опубликовали немало исследований по истории Северного Причерноморья, но роль готов и других германских племен, переселившихся в Причерноморье на рубеже II—III вв. н. э., не получила надлежащей оценки и освещения [2]. В некоторых работах были сделаны безуспешные попытки вообще отрицать переселение готов из Прибалтики к берегам Черного моря, образование готского союза племен в Поднепровье, готские походы в Грецию и Малую Азию. Отдельные историки, например, бездоказательно пытались рассматривать германские племена (герулов, боранов, уругундов, росомонов), обитавших в Поднепровье и Приазовье, как славян или сарматов [3]. Военные столкновения готов и славян изображались в искаженном свете, а упорная борьба готов с гуннами и Римской империей в союзе с другими племенами Северного Причерноморья не получала надлежащей оценки. Противоположные взгляды клеймились как антинаучные, враждебные и антипатриотические [4]. Поэтому критический разбор советских и зарубежных работ по готскому вопросу поможет правильно решить эту важную историческую проблему.

Археологам хорошо известно, что свидетельство Иордана о переселении готов и родственных им племен из Прибалтики в Причерноморье пока что не находит подтверждения в археологических материалах Восточной Европы. Материальная культура германских племен на берегах Балтийского моря не находит убедительных аналогий ни в области Среднего Поднепровья, ни в Поднестровье, ни на территории римской Дакии. В некоторых могильниках черняховской культуры в Поднепровье и Поднестровье находят отдельные вещи, распространение которых в лесостепной и степной полосе Восточной Европы можно связывать с расселением готских племен (например, подвески в виде маленьких ведерок, янтарные бусы и подвески грибовидной формы, горшки с грубой шершавой поверхностью и др.), но многие из этих вещей могли распространяться путем торговли. Поэтому для объяснения переселения готов следует допустить,

---

[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953; А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.

[3] А. Д. Удальцов. Племена Европейской Сарматии во II в. н. э. СЭ, 1946, № 2; Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 16 и сл.

[4] См., например, П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1952, стр. 43.

что переселившиеся в Причерноморье восточногерманские племена очень быстро в культурном отношении были ассимилированы местными причерноморскими племенами и на местах своего нового обитания утратили свою прежнюю материальную культуру.

Даже если мы признаем, что черняховская культура полей погребений, распространенная на громадной территории от Вислы до левых притоков Днепра, является культурой, сложившейся на территории готского племенного союза, объединявшего различные племена Восточной Европы, то все равно называть эту культуру готской и генетически увязать ее с материальной культурой германских племен в Прибалтике у нас нет решительно никаких оснований.

С другой стороны, черняховская культура II—IV вв. н. э. и материальная культура германских племен V—VII вв. н. э. столь различны, что их нельзя поставить в один генетический ряд и считать родственными культурами. Материальная культура аланоготского населения горного Крыма, известная нам по могильникам Суук-Су, Чуфут-Кале, Эски-Кермен и др., не связана с черняховской культурой, которую некоторые германские и польские археологи стремились объявить готской культурой. Не случайно, что даже у Г. Зевина для Поднестровья указан только один гепидский могильник (Псары), долженствующий свидетельствовать о пути переселения гепидов в Дакию через Карпатские перевалы. Поскольку пшеворская культура не имеет никакого отношения к германским племенам и является западнославянской культурой, мы должны признать, что археологически проследить путь германских племен из Прибалтики в Дакию и Северное Причерноморье до сих пор не удалось.

Материальную культуру смешанного населения Дакии IV—V вв., представленную кладами золотых и серебряных вещей, могильниками типа Марош-сент-Анна и другими памятниками, вряд ли справедливо связывать с германскими племенами и не учитывать местного фракийского и пришлого сарматского элементов, которые подверглись в условиях тесного контакта с Римом сильному воздействию римской провинциальной культуры. Вне всякого сомнения, вопрос о происхождении черняховской культуры и ее распространении в лесостепной полосе Восточной Европы также нельзя решить без учета разностороннего и сложного взаимодействия римской провинциальной культуры и местных культур за пределами Римской империи.

Если мы посмотрим на карты, приложенные к монографии Г. Зевина, то увидим, что они не отражают новых исследований польских, румынских и советских археологов и историков и составлены на основе старых немецких работ националистического направления. Ведущая роль на всех картах отведена германским племенам. Сарматские племена играют второстепенную роль, а славяне появляются севернее Карпат только в середине VI в. н. э. Автор не признает новой географической номенклатуры, и все селения в низовьях Вислы названы старыми немецкими именами (стр. 18, рис. 3).

К сожалению, в книге Г. Зевина (и в приложенных картах) совершенно не использована русская дореволюционная и советская историческая литература, в которой вопросы политической и экономической истории Восточной Европы в I тысячелетии н. э. освещены с новых позиций. Недавние археологические раскопки в области Северного Причерноморья свидетельствуют, что многие города и селения в середине III в. подверглись жестокому разгрому. Позднейшая датированная надпись из Танаиса относится к 244 г. н. э.[5]. Сопоставление различных источников позволяет предполагать, что Танаис был сожжен и разрушен германскими племенами, вторгнувшимися в Приазовье в 40-е или 50-е годы III в. н. э. Такая же участь постигла небольшие города Боспорского царства, расположенные в Восточной Таврике, Неаполь, Ольвию, Тиру, Томы, Истрию и другие города Западного Понта. В некоторых из них прекращение чеканки монеты падает на 30-е годы III в. (Ольвия, Тира, Истрия). О тревожной обстановке в Восточной Европе свидетельствуют многочисленные клады римских монет, зарытые в землю в течение III в. н. э. Но в книге Г. Зевина отсутствует широкая историческая перспектива, и поэтому неясно, в каких условиях германские племена проникли на территорию римской Дакии.

Г. Зевин правильно подчеркивает разрушительный характер гуннского вторжения. По-видимому, образование обширного готского племенного союза, во главе которого стоял Германарих, было обусловлено в значительной мере гуннской угрозой с востока. Но наряду с внешними причинами существовали, конечно, и внутренние социально-экономические предпосылки, имевшие решающее значение в процессах консолидации племен Восточно-Европейской равнины.

В готский племенной союз, кроме германских племен Причерноморья, входили, очевидно, сарматские племена, остатки скифских племен, славянские и, возможно, некоторые угро-финские племена Волго-Окского междуречья. Есть основания предполагать, что сообщение Иордана о подчинении Германарихом многих племен, вошедших в готский союз, является не позднейшей вставкой, а соответствует действительности. Создание крупного племенного союза в Восточной Европе в середине IV в. н. э. свидетельствует о далеко зашедшем процессе социально-экономического развития у племен Северного Причерноморья. Следовательно, изображать германские племена, переселившиеся из Прибалтики, только как захватчиков чужих земель нет основания. Готы в союзе с другими племенами вели успешную борьбу с Римской империей и упор-

[5] А. И. Болтунова. Танаисская надпись. IOSPE, II, № 454. ВДИ, 1950, № 3, стр. 97—104.

но сопротивлялись гуннскому вторжению, и только под усиливающимся натиском гуннов они вынуждены были отступить в Дакию, а затем в пределы Римской империи. Модернизация гото-славянских отношений неизбежно приводит к неправильному антиисторическому тезису о том, что движение готов на юго-восток, в Причерноморье, явилось началом «Drang nach Osten».

Националистическая концепция Г. Зевина помешала ему правильно рассмотреть взаимоотношения германских племен и славян. Бесспорные свидетельства византийских авторов позволяют относить славянскую колонизацию фракийских провинций, в том числе и Дакии, к концу V и началу VI в. н. э. В середине VI в. славяне прорвали дунайский лимес и заселили Балканский полуостров.

В. В. Кропоткин

Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана, вып. I. Труды Общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1926, 78 стр. Его же. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II. Баку, стр. 92. Его же. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. III, Баку, 1940; вып. IV, 1949; вып. V, 1949; вып. VI, 1954; вып. VII, 1957.

Нумизматические данные принадлежат к числу важнейших источников для изучения стран и народов, история которых не располагает достаточными письменными документами. Внешний вид древних монет, вес, проба и другие их свойства теснейшим образом связаны с культурной, экономической и политической жизнью народа и государства и поэтому представляют большую ценность для исследователя.

Заслуга Е. А. Пахомова перед советской нумизматикой состоит в том, что он впервые собрал, описал и научно классифицировал обширный материал по нумизматике Кавказа. Е. А. Пахомов указал на значение опубликованных им нумизматических памятников как источника при изучении древней и средневековой истории Кавказа. Им составлены ценные таблицы и карты, разъяснены многие не исследованные до последнего времени вопросы экономических связей Азербайджана и других республик Закавказья с соседними странами Азии и Европы.

В рецензируемой работе описаны различные монеты, находившиеся в обращении на территории Кавказа с древнейших времен до начала XIX в.

Автор уделяет большое внимание описанию монетных кладов, относящихся к периоду господства греко-азиатской монархии в Западном Закавказье. Тщательное изучение монетных кладов Закавказья позволило Е. А. Пахомову сделать вывод о начале денежного обращения на территории современных закавказских советских республик. «Только в конце ахеменидского периода,— пишет он,— и то в западной половине Закавказья появляется монета» (вып. I, стр. 14). Денежное обращение в Азербайджане автор относит ко времени походов Александра Македонского и образования греко-азиатской монархии. После распада государства Александра Македонского в Закавказье получают распространение селевкидские, лисимаховские монеты.

Развитие торговли и связанный с нею рост городов вызывают, как совершенно правильно отмечает Е. А. Пахомов, потребность в местной чеканке. В VII—VIII вв. н. э. появляются монеты, чеканенные в азербайджанских, армянских и грузинских городах. В монетных кладах VIII в., найденных как в Восточном, так и в Западном Закавказье, преимущественно встречаются арабские дирхемы Аббасидов, битые в городах Ирака.

В X в. Восточное Закавказье распадается на ряд мелких государств, во главе которых становятся независимые династии с самостоятельными монетными дворами. Изучение монет этого периода имеет важное значение для разработки средневековой истории Азербайджана.

К исходу X в. появляются первые признаки серебряного кризиса. Этот кризис охватывает огромную территорию от Египта и Византии до Закавказья. В начале XI в. халифский дирхем теряет роль международной монеты. Он также утрачивает постоянство пробы, веса и формы. К началу XII в. монеты стран, находящихся в зависимости от арабского халифата, чеканят только из меди. Исследование монетных кладов этого периода позволяет автору сделать следующий вывод: «Начало этого кризиса (серебряного.— *М. К.*) совпадает с усилением движения турок-сельджуков из Средней Азии в Персию и, вероятно, имеет с ним внутреннюю связь, хотя, несомненно, были еще и другие причины, кроме этой» (вып. I, стр. 25).

Монетные клады XIII в. дают возможность Е. А. Пахомову утверждать, что в первой половине XIII в. в Грузии, а затем и в ряде других государств Передней Азии возобновляется чеканка серебряных монет. Об этом свидетельствуют серебряные монеты, найденные в различных местах Кавказа. Состав монетных кладов XIII в. показывает, что серебряный кризис закончился раньше всего на западе Передней Азии.

Монетные клады первой половины XIV в. Азербайджана и Армении состоят из хулагуидских и джелаиридских дирхемов и монет некоторых других династий.

В конце XIV в. начинается борьба Токтамыша и Тимура с джелаиридом Ахмедом за Азербайджан и Восточный Кавказ. «Монеты этого времени,— отмечает Е. А. Пахомов,— представляют очень важный источник по истории Азербайджана, давая данные по борьбе за него соседей и отчасти по его внутренней истории при последних шир-

ваншахах-кесранидах» (вып. I, стр. 29). Многие клады конца XIV в. содержали монеты, битые Токтамышем (1376—1391) и другими джучидами в Ширване и на Мугани. Джучидские монеты, чеканенные за пределами Закавказья, не встречаются в монетных кладах этого периода. Бакинские монеты Токтамыша известны с 1388—1390 гг., на основании чего автор делает предположение, что Ширван в эти годы находился в зависимости от джучидов. Монетные находки этого периода на территории Грузии в основном состоят из монет хулагуидов и грузинских царей.

Начиная с XV в. в Восточном Закавказье наблюдается перемена денежной системы. На смену измельчавшим джелаиридским дирхемам приходит тимуридская теньга. Многие монетные клады этого периода содержат также теньги с указанием городов чеканки: Баку, Шемахи, Дербента. Монетные клады Западного Закавказья XV в. состояли преимущественно из низкопробного багратидского серебра; к концу столетия их с трудом можно было назвать серебром. К концу XV в. г. Шемаха становится одним из крупнейших торговых центров Восточного Закавказья, а в XVI в., как отмечают путешественники, этот город уже посещают купцы Европы, Индии, Персии, Турции и других стран. Расширение торговых связей вызывает прилив в Закавказье европейских, турецких, персидских и индийских монет. В Закавказье были найдены также тирольские, испанские, германские, французские и голландские монеты XVI в.

Начиная с XVII в. в Восточном Закавказье широкое распространение получают сефевидские монеты. В монетных кладах этого периода встречаются, кроме того, отдельные экземпляры польских монет Сигизмунда III и талеры западноевропейских (главным образом германских) государств. В монетных кладах XVII в., найденных в Грузии, были отмечены впервые русские царские копейки.

Клады XVIII в., обнаруженные на территории Азербайджана, Армении и Восточной Грузии, свидетельствуют об исторических событиях, разыгравшихся в этих государствах. Самой распространенной монетой этого периода в Восточном Закавказье является персидская монета «аббаси», чеканенная в различных городах (Тифлис, Шемаха, Ганджа, Тебриз и др.). В кладах начала XVIII столетия часто встречаются турецкие монеты, битые османскими завоевателями в городах Закавказья.

Клады Закавказья середины XVIII в. преимущественно состоят из серебряных монет шаха Надира. После его смерти Закавказье распадается на отдельные ханства, которые вводят существенные изменения в монетную систему. Об этом свидетельствует состав монетных кладов, найденных в Закавказье. В этот период широкое распространение в Закавказье получают также голландские червонцы, которые играли роль международной валюты.

Описание монетных кладов Кавказа автор хронологически доводит до начала XIX в., когда в связи с присоединением Кавказа к России царские рубли постепенно вытесняют персидские, турецкие и местные денежные знаки.

Работа Е. А. Пахомова является серьезным вкладом в советскую нумизматику и ценным пособием для изучающих историю народов Кавказа. В работе, несомненно, имеются спорные положения, которые требуют дальнейшего исследования с привлечением новых материалов. Однако это не снижает большой ценности работы и ставит перед советскими нумизматами задачу дальнейшего всестороннего изучения монетных кладов Советского Союза. В настоящее время выпуски работы Е. А. Пахомова представляют собою библиографическую редкость. Этот ценный труд в ближайшее время в дополненном и переработанном виде следует непременно переиздать.

М. А. Керимов

В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Изд-во Московского университета, М., 1956, 208 стр.+ 2 табл. Тираж 10 000. Цена 9 р.

Нумизматика и метрология давно уже вышли за пределы, которые им ставило понимание этих дисциплин только как вспомогательных. Изучение истории экономики средних веков, торговли и денежного обращения немыслимо без этих отраслей исторической науки.

Книга В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период» особенно наглядно показывает, как много дает нумизматика для историка, занимающегося проблемами экономического развития древней Руси.

Анализ денежно-весовых норм автор начинает с выяснения денежной терминологии и денежного счета. Денежный счет Русской Правды был выяснен уже давно, но упоминаемые в источниках гривны, куны, ногаты, резаны и веверицы не были достаточно убедительно связаны с определенными вещественными памятниками денежного обращения. Доказав, что гривна XI в. (гривна кун) была равна $^1/_4$ гривны серебра, которая, в свою очередь, весила полфунта (204,7 *г*), автор раскрывает теоретические значения перечисленных выше единиц.

Анализируя летописные и договорные памятники, В. Л. Янин получает путем сопоставления с византийской литрой вес гривны X в. (68,22 *г*), а затем высчитывает

значение денежных и весовых единиц, соответствующих этой более ранней русской гривне. Устанавливается, что в южных районах древней Руси бытовала с конца X в. гривна, равная половине византийской (163,7 *г*).

Связав куну с определенными группами иностранных монет, обращавшихся на территории Древней Руси, В. Л. Янин тем самым определил ее сущность. Для каждого периода обращения куфического дирхема, а затем — западноевропейского денария автор находит соответствующие весовые комплексы, которые совпадают с теоретически вычисленными величинами куны, ногаты и резаны.

Книга кончается главой о происхождении основных русских денежно-весовых единиц, в которой выдвигается очень интересная гипотеза о связи древнейшей гривны с римским денарием (об этом см. статью В. В. Кропоткина «Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э.» в данном номере).

Исследования И. И. Кауфмана, Р. Р. Фасмера, А. И. Черепнина и др. подводили к той мысли, что иностранные монеты, обращавшиеся в огромном количестве на территории Восточной Европы, являются памятниками древнерусского обращения и что среди них надо искать древнерусские номиналы. Однако полностью разгадать систему удалось только тогда, когда были установлены две особенности русского денежного обращения. Первая особенность заключается в том, что несоответствие в весе определенных групп импортированных монет установившимся ранее теоретическим весовым нормам компенсировалось в определенные периоды обращением обрезков монет, которые автор совершенно правильно квалифицирует как «довески». Вторая особенность выразилась в отборе из пестрой массы монет тех экземпляров, которые по весу соответствуют денежно-весовым нормам.

Обе эти особенности придавали древнерусскому обращению большую гибкость и позволяли ему отвечать на изменения норм ввозимых монет без коренной ломки системы в целом. Четкое определение этих двух особенностей дало автору возможность сопоставить разноречивый и пестрый нумизматический материал из кладов и коллекций с теоретическими весовыми нормами, зажатыми в прокрустово ложе денежно-весовой системы.

Следует отметить, что в работе не дается разъяснения того, как производился отбор монет определенного веса из общей массы дирхемов. Важность этого вопроса усугубляется тем, что автор относит начало этого обычая к IX в., когда Русь не знала еще широкого распространения весов для мелких взвешиваний. Производился ли этот отбор в определенных пунктах более или менее сознательно, или он протекал стихийно, кто производил «специальную обработку монеты и подгонку под нормы денежно-весовой системы» (стр. 152)? К сожалению, современное состояние источников не дает ответа на эти вопросы, хотя исключительная чистота веса монет Березовского клада (стр. 136) свидетельствует как будто о централизованном и специальном отборе монет.

Работа В. Л. Янина может служить образцом правильной нумизматической методики. Автором блестяще проведено комплексное исследование денежного обращения с привлечением топографии и хронологии кладов, весовых диаграмм, анализа типов монет, письменных источников и археологических данных. Почти ни одно наблюдение автор не возводит в ранг действительного факта без проверки его другими данными. Все теоретически выведенные весовые нормы получают подтверждение в независимом от этих расчетов нумизматическом материале.

Хочется отметить одну весьма характерную для всего исследования черту — это подход к нумизматическим явлениям с точки зрения исследования объективно существующих закономерностей развития денежного рынка. Клад для В. Л. Янина — это не просто случайно дошедшее до нас сокровище какого-то человека. Это комплекс, в котором в более или менее завуалированной форме находят свое отражение закономерности, управляющие развитием денежного обращения, сменой монет и т. п. К этому пониманию кладов вплотную подвел нас Р. Р. Фасмер, о чем автор не устает повторять. В рецензируемой же работе идея закономерности пронизывает все исследование. В. Л. Янин показывает, что не случаен не только состав кладов. Строго обусловлена целым рядом фактов смена одной весовой нормы другой; закономерно возникли именно такие, а не другие фракции гривны; закономерен выбор двойной куны как ведущей единицы для весовых гирек и т. п.

Представление о кладе как о сокровище, непосредственно привезенном из Халифата и потому не отражающем в своем составе денежное обращение той области, где он был зарыт, нашло, к сожалению, место на страницах прекрасной публикации клада из дер. Чехова [1]. Состав клада рассматривается как ряд «вкладов», которые были сделаны в это сокровище на пути из Аббасидского халифата в Центральную Европу. Методически этот подход к кладам неверен. Прежде чем ставить вопрос об индивидуальной судьбе клада, нужно сравнить его с другими кладами того же времени с той же территории. Если их состав подчинен какой-то общей закономерности, то эти клады должны рассматриваться как часть денежного обращения того района, где они зарыты.

Надо сказать, что такое исследование законов, управляющих развитием денежного обращения, позволяет выделить и те случайные черты, которые находят отражение в кладах. Вопрос о длительности накопления кладов В. Л. Янин совершенно правильно

---

[1] A. Czapkiewicz, T. Lewicki, S. Nosek, H. Opozda-Czapkiewicz. Skarb dirhemov arabskich z Czechowa. Warszawa — Wrocław, 1957.

решает путем сравнения состава различных монетных комплексов, показывая, что в большинстве случаев клады накоплены довольно быстро и потому являются как бы «моментальными снимками» с денежного обращения. О длительности накопления должно свидетельствовать резкое отклонение от закономерностей процентного состава кладов — закономерностей, общих для группы кладов, близких по времени зарытия. Таким кладом, по мнению автора, является Новгородский клад 953 г. Нам представляется, что по этому принципу длительным можно назвать накопление и Безымянного клада 909 г., хранящегося в Эрмитаже. Близкие ему по времени клады характеризуются большим процентом монет первых десятилетий X в., а в нем содержится 72% монет десятых годов IX в. По династическому составу этот клад также относится к более раннему периоду, так как в нем преобладают монеты Аббасидов, а в соседних кладах (Киевском 906 г., Боровиковском 906 г.) преобладают уже саманидские монеты.

Нам представляется, что монеты начала IX в. в Безымянный клад попали не из денежного обращения того времени, когда был зарыт клад. Эта группа монет представляется единовременно завезенным из Аббасидского халифата торговым капиталом, который через некоторое время после его завоза был пополнен некоторым количеством монет уже из древнерусского обращения. Потому нельзя брать этот клад для характеристики явлений денежного обращения начала X в. (стр. 107).

Книга В. Л. Янина по своей тематике значительно шире, чем ее название. Полностью раскрывая свою собственную тему, исследование порой затрагивает чрезвычайно важные общие вопросы истории древней Руси, Востока и Западной Европы.

К числу таких больших проблем относится вопрос о характере торговли Халифата с Восточной Европой и проблема серебряного кризиса на Востоке, разразившегося в середине X в.

О восточной торговле Руси и Европы было немало написано. Рецензируемая книга вносит ряд существенных коррективов в созданные ранее концепции экономических взаимоотношений Европы и Халифата. Модная в западноевропейской историографии теория А. Пиренна — М. Комбара о решающем экономическом влиянии Халифата на социально-экономическую историю раннесредневековой Европы получила после выхода в свет книги В. Л. Янина серьезное возражение. Оказывается, русское товарно-денежное обращение было настолько развитым, что его внутренние потребности (во всяком случае, с середины IX в.) поглощают основную массу серебра, идущую с востока. В. Л. Янин показывает, что влияние восточной торговли на Северо-Западную Европу было сильно преувеличено историками, что европейскую торговлю с Халифатом следует рассматривать, в первую очередь, как торговлю с Халифатом русского государства, осуществляемую через промежуточный пункт — Волжскую Болгарию.

Другой вопрос, затронутый автором разбираемого сочинения, связан с проблемой развития торговли в раннефеодальных государствах. Киевская Русь дает нам картину большого подъема торговли, как внешней, так и внутренней. Очевидно, основу этого подъема нужно усматривать в той своеобразной раннефеодальной социальной системе, которую К. Маркс определял как вассальную зависимость без ленов или лены, заключающиеся в уплате одной дани [2]. Собранная в самой разнообразной натуральной форме (шкуры, меха, продукты питания, рабы и т. п.) дань требовала своей реализации, что можно было сделать лишь на арене широкоразвитой как внутренней, так и внешней торговли. И не случайно в Западной Европе с развитием классического феодализма денежное обращение приходит в упадок. Это же явление,— конечно, совсем в другой форме и в качественно иных конкретных выражениях — мы находим и на Руси в начале XII в., когда при больших количествах серебра оказалось невозможным наладить выпуск монеты из-за отсутствия концентрации серебряных ресурсов.

Книга В. Л. Янина наводит на целый комплекс вопросов о том, что́ было эквивалентом дирхемов, что́ давали славяне за то огромное количество монет, которое поступало в их земли. Источники, называя целый ряд товаров, почти всегда упоминают меха, но не всегда — рабов. А вместе с тем развитие работорговли у славян в VII—X вв. зафиксировано довольно хорошо. Вывозу рабов в Среднюю Азию исследователи восточной торговли не придавали большого значения. Нам представляется, что рабы были тем основным товаром, который шел на Восток как эквивалент серебряной куфической монете. Известно, какую роль играли рабы на Востоке не только как домашние слуги, но и как производители материальных ценностей. Эксплуатация рабского труда в больших размерах применялась на таких традиционно рабских промыслах, как горное дело [3]. Известно, что в Фергане, Хорезме и Исфеджабе были большие рынки рабов; существуют многочисленные упоминания о славянских и русских рабах.

Если в будущем, при скрупулезном исследовании источников, трактующих о русско-восточной торговле, удастся связать экспорт серебра из Средней Азии главным образом с импортом рабов, то само обилие вывозимой монеты сможет служить свидетельством развитости рабского труда в Средней Азии.

Характерно, что в X в., когда уже начинается сокращение вывоза куфической монеты в Восточную Европу (см. стр. 130), мы встречаем в Средней Азии ряд явле-

---

[2] К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века.

[3] М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953, стр. 33.

ний, говорящих о нехватке рабов, о повышении цены на них, о запрещении свободного вывоза рабов и т. п.[4]

И, наконец, следует сказать, что составленные автором карты по различным периодам обращения дирхема дают исходный пункт для археологического и исторического исследования взаимных влияний и экономической обусловленности развития отдельных русских земель. Почему некоторые земли выходят из ареала денежного обращения в те или иные исторические периоды? Почему в определенные эпохи становятся главными те, а не иные торговые магистрали? Почему в середине I тысячелетия н. э. разрываются связи с юго-западными славянами и Византией и византийское серебро, столь часто находимое в Херсонесе, почти не поднимается на север до славянских земель, несмотря на то, что византийская литра там распространяется, да и спрос на монету очень велик? Все эти вопросы должно решать «тщательное археологическое исследование экономических связей различных русских областей» (стр. 151).

Перейдем к мелким замечаниям по конкретным вопросам. Непонятно, какой вариант фунта берет автор при расчете северной гривны X—XI вв. На стр. 47 он называет вес 409,512 *г* (иракский ратль, половинный вес — 204,756 *г*), а на стр. 191 — вес 409,32 *г*, причем эта величина также названа «иракским ратлем». Определяя весовую норму северного слитка как 204,756 *г*, автор допускает ничего не значащую фразу: «Любая другая величина не была бы метрологически обоснованной» (стр. 46). Дело в том, что как фунт Карла Великого, так и ратль, марка и другие весовые единицы имели большое количество локальных вариантов, отличающихся иногда друг от друга на несколько граммов. Понятно, что эти отклонения при исчислении фракций гривен не дадут существенных отклонений, но все же было бы лучше, если бы автор привел ряд более поздних перерасчетов, определяющих теоретический вес гривны серебра, т. е. северного палочковидного слитка — татарского сума. Например, венецианский источник 1332 г. приравнивал сум к 150 аспрам, обращавшимся в Азаке[5]. Если принять вес аспра равным 1,36 *г* (вес азакской монеты до 1370 г.), то норма сума будет равна 204 *г*, что очень близко к величине 204,756 *г*. Такая проверка поздними перерасчетами нам кажется не лишней.

Компактность кладов II периода не может служить показателем увеличения быстроты оборачиваемости дирхемов (стр. 121). Она лишь свидетельствует о вытеснении саманидскими дирхемами всех остальных групп монет на восточноевропейских рынках.

На стр. 141 автор пишет, что «резана и веверица не могли возникнуть до 939 г., поскольку обрезки монет тогда еще не участвовали в обращении». Это положение находится в противоречии с установленными на стр. 77 периодами распространения обрезков, где сказано, что обломки бытовали в конце VIII в. до первой трети IX в. и в 70-х годах IX в.

Вызывает сожаление то обстоятельство, что в рецензируемой работе нет данных о весе подражаний куфическому дирхему. Их стоило бы взвесить, так как они все-таки составляют некоторую долю в денежном обращении Руси. Взвешивание подражаний можно было бы произвести и без предварительного изучения их типов, что, конечно, не входит в круг тем рецензируемой книги.

Большой интерес вызывает диаграмма, изображенная на стр. 48 (рис. 3), показывающая колебания веса слитков «северного веса» XIV в. Не соответствует ли стрела диаграммы, образованная слитками, весящими 204 *г*, и обособленная от основной массы слитков выпадением слитков, имеющих вес 202—203 *г*, особой группе слитков, специально подогнанных под теоретический вес 204,756 *г*? Тогда для XIV в. можно говорить о двух типах слитков «северного веса» — о слитках с заниженным по отношению к норме весом (о происхождении этого занижения при угаре серебра уже не раз говорилось в нумизматической литературе) и о слитках, точно соответствующих норме.

Г. А. Федоров-Давыдов

---

[4] В IX в., по свидетельству Хордодбеха (МИТТ, т. I, М., 1939, стр. 61), самые дорогие, тюркские, рабы, предназначавшиеся для отрядов гулямов, стоили в среднем 300 дирхемов. А в X в. на вывоз тюркских рабов-мужчин из Мавераннахра необходимо было свидетельство о разрешении Саманидского правительства. Одно только это свидетельство стоило 70—100 дирхемов за каждого раба. На Аму-Дарье были устроены таможни для контроля над вывозом рабов (см. М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 32).

[5] См. М. М. Ковалевский. К ранней истории Азова. Тр. XII АС, т. II, М., 1905, стр. 120—123.

ЛИТЕРАТУРА ПО АРХЕОЛОГИИ ТАДЖИКИСТАНА В ИЗДАНИЯХ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР (1951—1956)

После образования в 1951 г. Академии наук Таджикской ССР археологические исследования в Таджикистане приняли весьма большой размах. В результате работ Таджикской археологической экспедиции и сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР были открыты новые ценные памятники и достигнуты значительные успехи в их изучении. Практическим отражением этого явилось

большое количество отдельных статей и специальных изданий, посвященных вопросам археологии, вышедших за последние годы в изданиях АН ТаджССР [1]. Наряду со сборниками статей (ИООН АН ТаджССР, № 2, 1952; № 3, 1953) публикуются также отдельные монографии [2] и научно-популярные очерки [3].

Особенно ценной инициативой следует признать практику изданий сборников предварительных отчетов о полевых исследованиях (ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954; Тр. АН ТаджССР, вып. XXXVII, 1956), по содержанию отчасти напоминающих «Краткие сообщения ИИМК».

Подавляющее большинство опубликованных работ посвящено непосредственно археологии Таджикистана, главным образом новым материалам по археологии, начиная с каменного века и до позднего средневековья. Особые группы составляют работы по нумизматике и горному делу. Наконец, отдельные публикации посвящены более широким вопросам и носят обобщающий характер.

Обратимся к рассмотрению основной группы работ, количество и содержание которых лучше всего отражают широкий размах археологического изучения Таджикистана.

В настоящее время археологическими разведками охвачена почти вся территория республики. Значительный интерес представляют памятники, относящиеся к эпохе первобытно-общинного строя [4]. Сейчас в Таджикистане известно около 50 стоянок и местонахождений орудий каменного века.

В Северо-Западном Таджикистане, в Кайрак-Кумах и долине Исфары обнаружены предметы леваллуа-мустьерского времени, напоминающие орудия из пещеры мустьерского времени Тешик-Таш. Ставится вопрос о выделении и более ранних находок.

В Чиль-Гор-Чашме (Юго-Западный Таджикистан) собран комплекс микролитов.

В Южном Таджикистане выделена «гиссарская культура» (наиболее крупный памятник — Тепе-Гозийон в Гиссарской долине), характеризуемая изделиями из гальки черной кремнистой породы (нуклеусы, ножевидные пластины и, видимо, скребки) и грубой лепной керамикой, иногда имеющей на внутренней стороне отпечатки ткани. Датировка этих памятников пока остается неясной. А. П. Окладников определяет ее временем от развитого неолита до ранней бронзы и даже допускает существование металлических орудий [5]. В. А. Ранов считает ее неолитической [6], в связи с чем Б. А. Литвинский предполагает существование еще не открытых памятников бронзового века в Центральном и Южном Таджикистане [7]. Однако вполне возможно, что в этих районах существовала примитивная «гиссарская культура» в ту пору, когда в более благоприятных условиях Южного Туркменистана, низовий Аму-Дарьи и Ферганской долины уже сложились или складывались оседлые земледельческо-скотоводческие поселения.

Памятники эпохи бронзы в пределах Таджикистана найдены в районе Кайрак-Кумов. Здесь открыто большое количество развеянных стоянок с лепной орнаментированной керамикой, очень близко напоминающей посуду андроновской культуры. На их поверхности встречено большое количество бронзовых шлаков, обломков бронзовых изделий (ножи, пробойники, рыболовный крючок), бронзолитейные формы для вислообушного топора и др. Наряду с кремневыми наконечниками стрел имеются и бронзовые втульчатые — двухперые и трехперые. Ко времени распространения последних, видимо, и следует относить керамику, украшенную редкими ямками и защипами. Кайрак-кумские поселения эпохи брозны, видимо, одновременны чустской культуре Ферганы (появление в кайрак-кумской керамике сосудов со сливами, находка распис-

---

[1] А. Е. Павлова. Библиография книг и статей по археологии, нумизматике и этнографии, изданных Таджикской базой, Таджикским филиалом АН СССР и Академией наук Таджикской ССР (1934—1956). Сталинабад, 1956; М. М. Дьяконов и Б. А. Литвинский. Литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 81—84; Б. А. Литвинский и Э. Гулямова. Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 105—110; Э. Гулямова. Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1955 г. Тр. АН ТаджССР, т. LXIII, 1950, стр. 122—126.

[2] Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Тр. АН ТаджССР, т. XXVI, 1954; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН ТаджССР, т. XXXV, 1955.

[3] Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954.

[4] В. А. Ранов. Изучение каменного века Таджикистана. ДАН ТаджССР, вып. 9, 1953, стр. 21—23; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956.

[5] А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 6, 7.

[6] Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Ук. соч., стр. 10.

[7] Там же, стр. 13; Б. А. Литвинский. Работы по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. Тр. АН ТаджССР, т. LXIII, 1956, стр. 26—36.

ного сосуда чустского типа). Эти находки имеют ряд аналогий в материалах Ташкентской области и свидетельствуют о широком распространении в Средней Азии культуры типа степной бронзы. Тем более преждевременным является выделение особых «кайрак-кумской» и яксартской (сакской) культур, так как имеющийся материал пока еще не дает для этого достаточно веских оснований.

Новый археологический материал был получен и для эпохи рабовладельческих отношений. В Южном Таджикистане продолжались начатые М. М. Дьяконовым исследования по изучению городской культуры Бактрии[8]. В долине Кафирнигана на городище Кей-Кобад-шах было установлено, что вдоль крепостных стен города шел узкий коридор, к которому примыкали жилые дома. Была найдена керамика, статуэтки, монеты, в том числе обол «Герая».

На поселении Мунчак-тепе раскопаны остатки здания (возможно, являвшегося святилищем), условно отнесенного к III—IV вв. н. э.[9]

В Вахшской долине значительные раскопки были проведены на городище Кухна-Кала, или Ворошиловабадском, где особенный интерес представляет планировка и хорошо продуманная фортификация[10]. Многочисленные башни были снабжены стреловидными бойницами, само городище осталось недостроенным, в связи с чем почти полностью отсутствуют находки. Очень скоро городище стало использоваться как кладбище, о чем свидетельствует несколько захоронений с семью позднекушанскими монетами (II—III вв. н. э.). Однако обнаружение здесь же монеты «безымянного царя» (I в. н. э.) не дает оснований снизить датировку захоронений до начала нашей эры. Поэтому предположение Б. А. Литвинского о запустении городища во II — начале I в. до н. э. в связи с разгромом Греко-Бактрии кочевыми племенами нельзя признать убедительным[11]. Следует отметить, что более точная датировка городища Кухна-Кала остается неясной.

К первым векам нашей эры можно отнести тохарскую надпись на хуме, найденную на территории Сталинабада[12]. Эта находка в совокупности с другими (керамика, монеты, памятники искусства) указывает, что в районе современного Сталинабада находилось богатое городище первых веков до нашей эры и нашей эры.

Разведочные работы на севере Таджикистана в некоторой степени подтверждают ранее сделанное отождествление Ленинабада с Александрией Эсхатой, основанной Александром Македонским в IV в. до н. э.[13]. Однако широких раскопок поселений этого времени здесь не производилось, так же как и в Гиссарской долине[14]. Большое значение имеют материалы из могильников Северного Таджикистана[15]. Более подробно опубликованы находки из Ворухского могильника, где были вскрыты курганы, имевшие как ямные, так и катакомбные захоронения (труп клали на землю, подстилку, доску или в деревянный гроб).

Среди керамики выделяется ремесленная посуда с процарапанным орнаментом, принадлежащая к числу продукции оседлых поселений Ферганы. Найдены железные ножи, серп, пряжки с подвижным язычком и крупные трехперые наконечники стрел. Железные кинжалы сохранили бронзовые и костяные ручки. Вскрытые курганы датируются первой половиной I тысячелетия до н. э. и обнаруживают связи с культурой Поволжья сарматского времени (так, в одном из курганов могильника в Курук-Сае найден железный меч с перекрестием сарматского типа).

В Северо-Западном Таджикистане были исследованы также каменные ящики и

---

[8] М. М. Дьяконов. Предварительные итоги работ Таджикской археологической экспедиции в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 9—15; Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской обл. в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 39—52; А. М. Мандельштам. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 61—68; Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 77—88.

[9] А. М. Мандельштам. Ук. соч., стр. 61—68.

[10] Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 53—60; Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 77—88.

[11] Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г., стр. 81—82.

[12] В. А. Лившиц. Тохарская надпись на хуме. ДАН ТаджССР, вып. 7, 1953, стр. 23—28.

[13] Н. Н. Негматов. Предварительный отчет о работах Хадженского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, стр. 33—41.

[14] Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Ук. соч., стр. 17.

[15] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 22—70; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Ук. соч., стр. 19—22; Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г, Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 61—68.

оригинальные погребальные сооружения, известные под названием «муг-хона». В некоторых из них найдены сосуды с зооморфными ручками, что может указывать на связи с поселениями Ташкентского оазиса (Каунчи). Отмечая большую ценность этого материала, нельзя не выразить сожаления, что ни один могильник не был раскопан полностью [16].

Раннесредневековая культура Таджикистана хорошо известна по блестящим результатам раскопок Пенджикента, где наряду с монументальной архитектурой в последние годы интенсивно изучаются также жилые и ремесленные постройки. Предварительные сообщения об этих работах публикуются и в изданиях АН ТаджССР [17]. Вместе с тем исследуются и более поздние средневековые памятники, недостаточно изучавшиеся в последнее время археологами Средней Азии. На территории Таджикистана изучению были подвергнуты не только средневековые городища, но и отдельные памятники архитектуры. Особенно интересный материал — раскрашенный резной штук из дворцового комплекса — был обнаружен на городище Хишт-тепе (предполагаемый Хульбук, X в.). В процессе работ удалось выяснить, что ниже остатков здания верхнего слоя идут остатки дворца более раннего времени [18].

Наряду со стационарными раскопками проводится и разведочное обследование, в результате чего открыт целый ряд ранее неизвестных памятников. Следует всемерно поддержать практику изучения позднесредневековых городищ XVII — XIX вв. с обстоятельным описанием внутренней планировки [19].

Сопоставление письменных свидетельств с результатами маршрутных обследований дает новые материалы к освещению важных вопросов исторической топографии Таджикистана. Так, удалось определить политическое положение Ходжентской области в VIII—X вв. [20]

Из анализа памятников древнего искусства не только реконструируется вооружение согдийцев, состоявшее из коротких кинжалов, мечей, луков, копий, булав, секир и щитов [21], но и находят частичное объяснение вопросы культовых воззрений [22].

Большие работы проведены по изучению архитектурных памятников Таджикистана, давших богатый материал по средневековому зодчеству. Два мавзолея Ходжа Нахшран имеют идентичную планировку: квадратное помещение и сильно развитой портал. По стилистическим данным комплекс датируется временем XI—XII вв. [23]

К более позднему времени (XV—XVI вв.) относится мечеть в кишлаке Навгулем и мавзолей в Кулябе [24].

Однако приходится сожалеть, что пока еще слабо практикуется археологическое вскрытие такой категории памятников, как, например, остатки первоклассного мавзолея у кишлака Донг [25]. Всестороннее изучение архитектурных памятников Таджикистана указывает на местную архитектурную школу, что хорошо подтверждается фактом генетической связи мусульманских мавзолеев с их прототипами — согдийскими храмами [26].

---

[16] Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. Тр. АН ТаджССР, т. LXIII, 1957, стр. 37—46.

[17] А. М. Беленицкий. Предварительный отчет о работах Пянджикентского отряда в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 17—29; его же. Предварительный отчет о работах Пянджикентского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 19—32; М. М. Дьяконов. Предварительные итоги работы Таджикской археологической экспедиции в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 9—15.

[18] Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, стр. 39—52.

[19] А. М. Мандельштам. Предварительный отчет о работах Верхнезеравшанского отряда в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 31—37; его же. Предварительный отчет о работах Каратегинского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 69—75; А. М. Мандельштам, Н. Н. Негматов. Предварительный отчет о работах Кайрак-Кумского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 43—50.

[20] Н. Н. Негматов. Географы IX—XII вв. о Ходженте и его области. ИООН АН ТаджССР, № 8, 1956, стр. 103—109.

[21] А. Джалилов. Войско и вооружение согдийцев накануне и в период борьбы с арабским нашествием. ИООН АН ТаджССР, № 8, 1956, стр. 81—95.

[22] Л. И. Рempель. Изображение «Дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба. ДАН ТаджССР, вып. 9, 1953, стр. 25—30.

[23] Б. А. Литвинский. Архитектурный комплекс Ходжа Нахшран. Тр. АН ТаджССР, т. XVII, 1953, стр. 121—138.

[24] В. Л. Воронина. Гробница эмира Хамадани. ДАН ТаджССР, вып. 7, 1953, стр. 39—43; Б. А. Литвинский. Мечеть-намазго в кишлаке Навгулем (Исфаринский район). ДАН ТаджССР, вып. 9, 1953, стр. 43—48.

[25] Н. Н. Забелина. О некоторых археологических памятниках Пархарского района. ДАН ТаджССР, вып. 3, 1952, стр. 21—25.

[26] М. С. Булатов. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии. ИООН АН ТаджССР, № 3, 1953, стр. 3—20; В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. Тр. АН ТаджССР, т. XVII, 1953,

Работы по истории горного дела охватывают главным образом памятники средневекового периода. Эти материалы в общем рисуют примитивный уровень горной техники среднеазиатского общества эпохи феодализма. Изучение памятников горного дела в силу количественной ограниченности материала в основном не вышло еще за пределы простого накопления фактов. В настоящее время известны такие орудия горного дела, как безрукоятные кирки, железные клины, топоры и молоты. Для крепления употреблялись стойки и крепи, а для поднятия руды наверх — воротки, крючья, кожаные и плетеные корзины [27]. Специальное обследование в Кара-Мазарских горах выявило несколько пунктов старинных выработок (Канджол, Кани-Мансур, Тары-Экан, Кани-Гут), а также остатки металлургических печей.

В плане дальнейшего расширения наших знаний по древней минералогии исключительный интерес представляют сделанные А. М. Беленицким переводы специальных трудов восточных авторов [28].

Значительное место в изданиях АН ТаджССР занимают вопросы нумизматики. Следует всячески приветствовать систематическую публикацию списков монетных находок, сделанных на территории Таджикистана [29]. Наиболее ранние находки (подражания Гелиоклу, различные кушанские монеты), как правило, происходят из Южного Таджикистана, т. е. с территории древней Бактрии. Вместе с тем весьма показательно, что все большее количество монет первых веков нашей эры (так называемые «безымянного царя», древнесогдийские монеты с лучником на реверсе) поступает с городища Пенджикент. В связи с этим О. И. Смирнова пишет, что «раннесредневековому слою городища должен непосредственно предшествовать слой поздней античности» [30]. При изучении коллекций средневековых монет из Южного Таджикистана впервые удалось установить наличие монетного двора Хутталя для газневидского чекана.

Ценные новые данные для изучения средневековой истории и экономики приводит Е. А. Давидович в ряде специальных работ по истории денежного хозяйства Средней Азии. Так, устанавливаются закономерности денежного обращения Средней Азии XVI—XVII вв. и выясняется форма эксплуатации монетной регалии феодальными правителями [31]. Особенно большой интерес представляет изучение денежной реформы Шейбани-хана, показавшее, что увеличение фискальных доходов правительства имело замаскированный характер [32]. Для изучения политической истории особенно важны новые данные по генеалогии караханидских правителей XII в. [33]. Следует только пожелать, чтобы наряду с общей характеристикой монетных коллекций было подготовлено издание каталога нумизматического собрания АН ТаджССР.

В заключение следует остановиться на работах, посвященных общим вопросам и имеющим в ряде случаев обобщающий характер. К ним прежде всего принадлежит небольшая книжка Б. А. Литвинского, уже рецензировавшаяся в печати [34].

Излишне дробная периодизация истории изучения не всегда бывает оправданной. Удачной следует признать брошюру Б. А. Литвинского по истории горного дела Таджикистана (вернее, Средней Азии), где собран интересный археологический материал, не всегда, правда, непосредственно относящийся к затронутой теме.

Вопросам развития средневековых городов Средней Азии посвящена статья того же автора, в которой проводится мысль, что непосредственной причиной бурного роста

стр. 55—67; е е ж е. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов. Тр. АН ТаджССР, т. XXVII, 1954, стр. 41—55.

[27] Б. А. Литвинский. Горные инструменты из коллекции Ленинабадского краеведческого музея. ИООН АН ТаджССР, № 2, 1952, стр. 83—91; Б. А. Литвинский, О. И. Исламов. О некоторых орудиях и приемах средневековых рудокопов Средней Азии. ИООН АН ТаджССР, № 3, 1953, стр. 21—44; Б. А. Литвинский. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно X—XII вв.). Тр. АН ТаджССР, т. XXVII, 1954, стр. 119—171.

[28] А. М. Беленицкий. Бадахшанский лал. Тр. АН ТаджССР, т. XVII, 1953, стр. 25—31; е г о ж е. Геолого-минералогический трактат Ибн-Сины. ИООН АН ТаджССР, № 4, 1952, стр. 41—54.

[29] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, 1954, стр. 69—79; е е ж е. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 95—103.

[30] О. И. Смирнова. Монетные находки на городище древнего Пенджикента. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 93.

[31] Е. А. Давидович. Бальджуанский клад XVII в. и некоторые особенности серебряного обращения в Средней Азии при Аштарханидах. Тр. АН ТаджССР, т. XVII, 1953, стр. 69—89; е е ж е. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов. ИООН АН ТаджССР, № 3, 1953, стр. 45—72; е е ж е. Шаартузский клад двойных динаров 906/1500—1501 и 907/1501—1502 гг. ДАН ТаджССР, вып. 9, 1953, стр. 31—42.

[32] Е. А. Давидович. Денежная реформа Шейбани-хана (из истории среднеазиатской экономики XVI в.). Тр. АН ТаджССР, т. XII, 1954, стр. 85—108.

[33] Е. А. Давидович. Нумизматическая коллекция Ленинабадского обл. ист.-краевед. музея. ИООН АН ТаджССР, № 2, 1952, стр. 65—82.

[34] Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Тр. АН ТаджССР, т. XXVI, 1954. См. рец. в ВИ, 1955, № 12.

городов XI—XII вв. явился приток в города крестьянства, разоряемого иктадарами [35]. Однако изучение этого вопроса требует дальнейшего исследования, в первую очередь письменных источников, без которых археологические данные, ограниченные подъемным материалом, могут свидетельствовать лишь о количественной стороне дела. Качественная сторона процесса, изменения, происшедшие во внутренней структуре городов, имеющие решающее значение для всей проблемы, остаются не вполне ясными.

Очень ценным является опыт издания монографии, посвященной памятникам отдельного района [36].

Из сказанного видно, что в АН ТаджССР ведется интенсивная работа по изданию и исследованию археологических материалов. Эту широкую издательскую деятельность АН ТаджССР, и в особенности публикацию сборников предварительных отчетов, следует всячески приветствовать. Вместе с тем необходимо добиваться повышения качества издания иллюстративного материала. Желательно более тщательное редактирование статей, устранение излишеств в описании материала, а также структурной рыхлости и повторений, характерных для некоторых работ.

В последующих изданиях АН ТаджССР хотелось бы видеть больше статей, посвященных общим проблемам и затрагивающих теоретические вопросы.

В. М. Массон, В. И. Сарианиди

---

[35] Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. ИООН АН ТаджССР, № 4, 1953, стр. 55—67.

[36] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района.

ХРОНИКА

О РАБОТЕ СЕКЦИИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ВОСТОКА НА I ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВОСТОКОВЕДОВ

Заметное место в научно-общественной жизни страны заняла I Всесоюзная конференция востоковедов, работы которой протекали в Ташкенте в июне 1957 г. Среди семи секций конференции работала секция древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Востока под председательством чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова и Я. Г. Гулямова.

Г. А. Меликишвили выступил с докладом «Изучение урартской эпиграфики в советской науке и некоторые вопросы истории Урарту», в котором охарактеризовал крупные достижения советской эпиграфики в области изучения урартских надписей. Было подчеркнуто, что это изучение является для науки тем более важным, что в последнее время установлены факты близкого родства языка эпиграфических памятников Урарту с хурритским языком — языком населения одного из сильных древневосточных государств — царства Митанни. Г. А. Меликишвили указал, что урартские надписи дают интересные указания и для того периода времени, когда еще не существовало урартской письменности и самого государства Урарту. Таковы, например, надписи, составленные от имени правителя Урарту Ишпуини и его сына Менуа. Содержащаяся в них своеобразная форма глагольного оформления отражает, видимо, нормы глагольной суффиксации, присущие Мусасиру — центру культа верховного божества урартийцев Халди, находившемуся на периферии Урарту. Здесь прослеживаются различия между населением центральной части Урарту и населением Мусасира — очага политической жизни и религии урартских племен до возникновения государства Урарту. Интерпретация отдельных надписей позволяет также установить, что центром культа бога Тейшеба был город Кумену вблизи города Мусасира. В период существования государства Урарту данная область, как и Мусасир, частично находилась вне государственных пределов. Докладчик считает, что Кумену и Мусасир стали центрами культа Халди и Тейшеба в более раннюю эпоху, когда центр политической и культурно-религиозной жизни урартских племен находился именно здесь — юго-восточнее Ванского озера, а не на северных его берегах. Значительную часть доклада Г. А. Меликишвили посвятил методике датировки надписей.

Г. Х. Саркисян сделал доклад «О положении древних народов Вавилонии в эллинистический период», изложив свои основные выводы, основанные преимущественно на изучении клинописных источников на аккадском языке.

Докладчик отметил, что гражданско-храмовые общины обладали долей самоуправления, признанной и санкционированной селевкидскими царями. Они имели также свои коллегиальные органы управления, к компетенции которых относились вопросы земельной собственности, наемного труда, некоторые судебные функции и т. п. Города были освобождены от ряда налогов и пошлин. Очевидно, местный господствующий класс не в меньшей степени, чем греки, пользовался поддержкой Селевкидов и, в свою очередь, поддерживал власть последних.

Большой интерес вызвал доклад А. О. Маковельского «Экономический быт и социальная структура общества в Авесте». Значительное место в жизни этого общества занимало не только животноводство, но и (вопреки распространенной среди некоторых ученых точке зрения) земледелие (пшеница, ячмень, рис) с применением ирригации. Существовали примитивная агрономия и зоотехника. А. О. Маковельский считает необходимым внести некоторые поправки в характеристику социальной структуры авестийского общества, предложенную Э. Бенвенистом и Э. Герцфельдом. Если последний считает, что высшей социальной ячейкой данного общества являлось объединение областей под единой царской властью, то, по мнению докладчика, правильнее говорить о племенном союзе как высшей ступени этой общественной родо-племенной организации. Перед нами переходное время от первобытно-общинной формации к рабовладельческой.

Докладчик уделил специальное внимание критике взглядов Э. Бенвениста, Э. Герцфельда, Г. Мессины и других исследователей по вопросу о том, кто такие были «маги»,

почему именно это слово стало наименованием особого сословия со жреческими функциями. Справедливо указывая на сомнения, возникающие при ознакомлении с существующими на этот счет концепциями, докладчик воздержался от определения своей точки зрения по данному вопросу, ограничившись указанием, что «до сих пор в этом вопросе существует большое разногласие среди востоковедов».

Значительный интерес представил доклад академика АН Туркменской ССР М. Е. Массона «Новые данные по истории и истории культуры Южного Туркменистана». М. Е. Массон особо отметил открытие остатков нескольких десятков древнемаргианских поселений, существовавших некогда на обводненных протоках р. Мургаба. Располагаясь группами, эти поселения имели своеобразные центры типа Яз-тепе с мощной платформой крепостного типа, сложенной из крупных и продолговатых сырцовых кирпичей. Археологический инвентарь поселений относится к трем последовательным культурам, связанным преемственной общностью с памятниками родового общества древней Маргианы II (самого начала I тысячелетия до н. э. и времени расцвета здесь рабовладельческого общества после походов Александра Македонского). Имеются основания для отнесения вновь открытых поселений ко времени ранней поры классового общества. По мнению докладчика, наибольшее развитие экономики городов и рост сельских поселений в Южном Туркменистане времени рабовладельческого общества приходится на пору существования Парфянского государства, особенно на второй период его развития (с середины I в. н. э.).

Большой интерес представили также приведенные докладчиком данные археологических наблюдений для переходного периода местного общества от рабовладельческих к феодальным отношениям, а равно его выводы по исторической топографии городов. Основываясь на обширных материалах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), М. Е. Массон полагает, что процесс развития среднеазиатских феодальных городов не соответствует, как правило, установившейся в литературе схеме трехчастного деления территории города (арк, шахристан, рабад). В реальной действительности феодальные города проходили весьма сложный и во многих чертах индивидуальный путь своего образования, исключавший порой такие, казалось бы, обязательные элементы, как наличие шахристана или непременное присутствие арка в качестве первоначального звена трехчастного деления городской территории.

С большим вниманием было выслушано сообщение кандидатов исторических наук И. М. Дьяконова и В. А. Лившица «Ход расшифровки парфянского архива из Нисы». Как сообщили докладчики, в 1949—1950 гг. в процессе раскопочных работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией было обнаружено свыше 2100 остраконов, основная масса надписей на которых уже прочитана.

Более половины слов, содержащихся в документах, принадлежит к употреблявшемуся в канцеляриях державы Ахеменидов в VI—IV вв. до н. э. диалекту семитского арамейского языка; остальная лексика остраконов относится к парфянскому языку из группы иранских языков. Это явление ставит перед исследователями проблему последовательных этапов применения арамейской письменности для языков Ирана и Средней Азии. В данном конкретном случае мы имеем дело с ранее не известным типом документов, в которых имеет место применение арамейских канцелярских формул и отдельных слов в иранском (парфянском) тексте, написанном арамейскими буквами, с чтением всего документа по-ирански, причем формулы могут преобладать в текстах и даже (если он краток) занимать весь текст. По мнению докладчиков, спорный вопрос в отношении языка документов из Нисы решается рядом синтаксических и других данных в пользу парфянского языка, и документы следует читать целиком по-парфянски, а арамейские слова и канцелярские формулы являются гетерографическими написаниями по указанному выше типу. Архив из Нисы дает документальный материал по экономике Парфянской державы, возникшей в последние века до нашей эры на территории современной Туркмении: он важен и для корпуса собственных имен и топонимических названий в Парфии I в. до н. э., для уточнения вопроса о местных верованиях, близких к каноническому зароастризму, а также для исследователей, изучающих филологию языков иранской группы, в том числе и таджикского.

Проблеме этногенеза туркменского народа посвятил свое выступление Л. В. Ошанин, указавший, что антропологические материалы свидетельствуют о том, что различные туркменские племена отличаются большой однородностью своего расового состава. Среди всех туркменских племен явно преобладает европеоидный расовый тип, но всегда с той или иной примесью монголоидного компонента.

Европеоидная раса, явно преобладающая среди туркмен, характеризуется ярко выраженной мезо-долихоцефалией и по этому признаку резко отличается от брахицефальной европеоидной расы, вошедшей в состав таджиков и узбеков.

В смысле этнического состава древнейшее население Туркмении было представлено конгломератом племен (массагеты, аланы, даи или дахи, гиркании, каспии, тапуры и пр.), нередко фигурирующих под общим именем скифских, или сакских племен.

Процесс тюркизации по языку и монголизации по типу древнейшего европеоидного ираноязычного населения Закаспия начался, видимо, еще за несколько веков до появления здесь в X—XI вв. огузов или сельджуков (одного из многих этнических слагаемых, вошедших в состав туркменского народа).

Сообщение на тему «Проблема происхождения киргизского народа в свете работ последних лет» сделал доктор биологических наук Г. Ф. Дебец.

Основные выводы Г. Ф. Дебеца сводились к тому, что антропологические данные о современных киргизах показывают, что монголоидный элемент центральноазиатского происхождения является основным. Этот элемент имеется в составе почти всех народов Средней Азии, но в составе киргизов доля его является наибольшей по сравнению со всеми остальными народами Средней Азии, не исключая и казахов.

Палеоантропологические материалы приводят к выводу, что монголоидные элементы начинают проникать на территорию Киргизии около рубежа нашей эры, но что до II тысячелетия удельный вес их был значительно меньше, чем в настоящее время.

Основные выводы доклада Я. Г. Гулямова «Из истории ирригационной практики народов Средней Азии» сводились к тому, что природа первобытного орошаемого земледелия на Востоке подчинялась общему закону и развивалась в двух физико-географических зонах: на базе использования затухающих протоков равнинных рек, а также в предгорьях, где горные ручьи и силевые потоки затухают на равнине, отлагая ил в образуемых ими лиманах.

Первые известные нам искусственные каналы, например в Хорезме, были широкими и неглубокими. Углубление каналов началось в эпоху раннего феодализма. Этот процесс хорошо прослеживается на землях древнего орошения в Хорезме, где высохшие русла древних каналов связаны с однослойной или двухслойной зонами культурных земель

Д. Дурдыев в своем информационном сообщении «Исследование археологических памятников в Туркменистане» дал общую схематическую картину развития археологических исследований на территории Туркменистана.

С сообщением на тему «Изобразительное искусство Средней Азии (по материалам археологических исследований)» выступил В. А. Шишкин.

Докладчик дал сводку письменных источников прошлого, содержащих данные о распространении в Средней Азии изобразительного искусства, в том числе настенной живописи, а затем охарактеризовал выдающиеся открытия советских археологов в этой области (фриз с скульптурными изображениями из Айртама, щит с изображением всадника из замка на горе Муг, материалы из раскопок на Варахше, в Топрак-кале, Пенджикенте, Балалык-тепе и др.).

С большим вниманием было заслушано сообщение Н. В. Пигулевской о входящей в сирийский свод христианской легенде об Александре, составленной из разнородных частей, малоискусно соединенных в одно повествование. Н. В. Пигулевская старательно выделила все моменты легенды, имеющие реалистический характер. Таково, например, подробное описание железных ворот в районе Кавказского хребта, которое содержит указания о размерах их отдельных частей. Речь идет, очевидно, о реально существовавшем сооружении (крепость с воротами), часто упоминаемом греческими и сирийскими авторами раннего средневековья, но описанном подробно именно в данной легенде. Имеющиеся в тексте легенды даты помогают определить время составления легенды, явившейся, видимо, предшественником и источником «Мимры» и «Слова» — произведений, написанных в начале VII в. н. э. Особенно интересны в легенде отголоски нашествия гуннов, потрясшего жизнь Закавказья и Междуречья и оставившего глубокий след в сирийской литературе. Любопытно описание племен людей «с голубыми глазами» и женщин-воительниц (амазонок), в котором можно видеть не только отзвуки представлений о сарматах (мнение Маркварта), но, как это полагает Н. В. Пигулевская, и представлений о славянских племенах причерноморских областей.

Глубокий и тщательный анализ и искусное обобщение скупых разрозненных фактов лежали в основе выступления В. А. Крачковской на тему о средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (мервские ткани IX—X вв.).

В сделанном ал-Мукаддаси перечислении тканей, вывозившихся из Средней Азии (при наличии ее торговых связей с Фарсом и Египтом), отсутствуют указания на ткани из Мерва; между тем эти ткани (легкие и «смешанные») были известны еще до прихода арабов в Среднюю Азию, при Сасанидах (время Хосроя I или II). Перечисление ал-Мукаддаси восполняется известиями Ибн Фадлана, Ибн Хаукала и Ибн ал-Факиха. В каирском и других собраниях имеется пять образцов тканей из Мерва, вытканных из льна в IX—X вв.

Изучение их привело В. А. Крачковскую к выводу, что орнаментальные мотивы и общая композиция узора мервского тиража 891—892 гг. не зависит от египетских узоров этого времени и его ведущие мотивы почерпнуты мастерами из самобытного среднеазиатского орнаментального фонда, восходящего к памятникам Согдианы и Хорезма. При этом анализ письма и узора на тиразе 891—892 гг. из Мерва позволяет, по-видимому, причислить к пяти известным фрагментам льняных тканей из Мерва еще два анонимных, до сих пор спорных образца, вытканных из хлопка с шелком, из которых один датирован 906 г., другой имеет орнамент мервского стиля (тираз из берлинского музея, изданный Кюнелем, и тираз из собрания Пфистера). В. А. Крачковская проанализировала некоторые параллели орнаментальных деталей мервских тканей с деталями стенной росписи Пенджикента. Выступивший по поводу сообщения В. А. Крачковской археолог В. А. Шишкин указал, что, помимо стенных росписей Пенджикента, еще большее количество материалов для характеристики орнаментации среднеазиатских тканей дает стенная роспись в Балалык-тепе (Сурхан-Дарьинская область) и в Варахше (близ Бухары).

Т. А. Жданко посвятила свое выступление существенной для археологов, историков и этнографов теме — «Патриархально-феодальные отношения у полуоседлого населения Средней Азии».

С одобрением было встречено сообщение А. Мухтарова «Таджикские и другие надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана и их научное значение». Надписи можно подразделить на три категории: надписи, высеченные на скалах и камнях, на стенах крепостей и домов и надгробные надписи мазаров и кладбищ. Надписи датируются VI—XIII вв. хиджры (XIII—XIX вв. н. э.). Они написаны на таджикском, арабском и узбекском языках. Содержание надписей — сведения о некоторых исторических личностях, о местностях, исторических событиях и т. д. Они заключают также небезынтересные данные языковедческого и палеографического характера.

И. И. Умняков прочитал сообщение на тему «Значение трудов академика В. В. Бартольда по истории Средней Азии».

Выступившие в прениях (Я. Г. Гулямов, С. П. Толстов) солидаризировались с мнением И. И. Умнякова о назревшей необходимости издания собрания трудов В. В. Бартольда, большинство которых стало библиографической редкостью, а также подчеркивали (Б. В. Лунин) целесообразность ввести в научный обиход обширную неопубликованную переписку его с другими учеными; эпистолярное наследие В. В. Бартольда имеет большое историографическое значение.

В своих решениях секция внесла ряд рекомендаций. Были высказаны пожелания о переносе археологических и антропологических работ за пределы Киргизии, на территорию братского Китая, особенно Северного Синьцзяна и Западной Монголии, т. е. в те районы, с которыми связано решение проблемы развития и формирования основных компонентов в этногенезе киргизского народа. Настоятельным было пожелание о скорейшем издании корпуса предметов древности (остраконов) из парфянского архива Нисы, что важно для истории всего Ближнего и Среднего Востока. Было признано необходимым усилить изучение эпиграфических, погребальных и иных памятников позднего средневековья. Помимо перечисленных, секция заслушала и ряд ценных докладов по более поздним периодам.

Б. В. Лунин

ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИИМК АН СССР

в 1957 г.

В 1957 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР совместно с другими научно-исследовательскими институтами, музеями и высшими учебными заведениями было организовано более 40 (с отрядами — более 60) археологических экспедиций, охвативших исследованиями почти все союзные республики страны.

Палеолитическая экспедиция (рук. А. Н. Рогачев) продолжала исследования в районе Костенок. Близ стоянки Костенки III открыт новый палеолитический памятник (Костенки XXI). Кроме того, экспедицией составлен крупномасштабный план Костенковско-Боршевского района палеолитических местонахождений. Костенковский отряд экспедиции (рук. П. И. Борисковский) завершил раскопки стоянки Костенки XIX, на территории которой исследована мастерская кремневых орудий и жилище. Деснинская группа экспедиции (рук. В. П. Левенок), продолжая работы предыдущего года, открыла более 50 мезолитических и неолитических местонахождений в верхнем течении р. Десны.

О. Н. Бадер продолжал исследования стоянки Сунгирь (близ с. Доброго у г. Владимира). Сейчас стоянку можно датировать начальной стадией верхнего палеолита.

1-й палеолитический отряд (рук. А. А. Формозов) Северо-Кавказской экспедиции вел работы в Ростовской обл. и в Краснодарском крае. В районе хут. Недвиговки (Мясниковский р-н Ростовской обл.) были поставлены раскопки на Чулекской верхнепалеолитической стоянке и обнаружено два новых верхнепалеолитических памятника в том же районе. В Краснодарском крае производились работы на Нижне-Шиловской неолитической стоянке (район г. Адлера), позволившие впервые охарактеризовать неолит кавказского побережья. Были открыты две стоянки к югу от г. Майкопа. Обследование течения р. Псекупс дало 13 пунктов находок древнепалеолитических орудий. Местонахождение этого же времени обнаружено на Тамани, в районе ст. Сенной. 2-м палеолитическим отрядом (рук. В. П. Любин) открыто несколько неолитических местонахождений в Арзгирском и Дивненском районах Ставропольского края.

Юго-Осетинский отряд (рук. В. П. Любин) Закавказской экспедиции продолжал раскопки пещеры Кударо I. Выявлено два культурных наслоения: мустьерское и раннеашельское. В пещерах Кударо III и IV вскрыты мустьерские культурные слои. В предгорьях Юго-Осетии открыто два мустьерских и одно ашельское местонахождение.

Ангарская экспедиция (рук. А. П. Окладников) вела большие и разносторонние работы как разведочного, так и раскопочного характера. Разведки про-

изводились во всей зоне затопления Братской ГЭС, в долине Ангары от устья р. Китоя до г. Братска. Обнаружены палеолитическое поселение у с. Балаганска (Красный Яр), палеолитические мастерские у дер. Каменки, неолитические поселения и могильники, курыканские городища, писаницы. Раскопки производились в нескольких местах. В устье р. Белой работало два отряда (рук. Н. Н. Гурина и Л. Я. Крижевская). Исследования производились на многослойном поселении, давшем материалы по позднему палеолиту, мезолиту, неолиту, железному веку. Здесь же были обнаружены погребения, в том числе погребения глазковского времени и переходные от китойской поры неолита к глазковской. В райне дер. Семеновой (рук. В. Е. Ларичев) раскопано большое поселение и могильник неолитического времени. На поселении раскрыты бытовые комплексы и особые ритуальные площадки, на которых были сложены кости животных, мастерские, ямы. На могильнике открыты захоронения с богатым инвентарем, в котором имеются большие нефритовые кольца, топоры, костяные обкладки луков и многое другое. В районе дер. Нижнесередкиной (рук. З. А. Абрамова) велись раскопки большого поселения и погребений глазковского времени. На палеолитической стоянке Красный Яр начаты раскопки, выявившие следы новой, еще неизвестной в Прибайкалье культуры (рук. З. А. Абрамова и Б. Черномордик). Интересно отметить, что жители этого поселения уже пользовались каменным углем — богхедом. Около г. Балаганска, в устье р. Унги, раскапывались курыканские городища (рук. Н. Н. Забелина), давшие интересный вещественный инвентарь и ранее не известные комплексы ям. В устье р. Талькин велись раскопки (рук. Е. Ф. Седякина) большого поселения раннего железного века. Около поселения исследовался могильник с раннебурятскими погребениями. Вскрыт ряд погребений на известном Серовском могильнике, в числе которых имелось уникальное по своеобразию инвентаря захоронение с неолитической скульптурой. В устье р. Китоя (рук. Г. А. Максименков) продолжены раскопки китойского могильника (в местности Ярки). Братский отряд экспедиции (рук. А. В. Никитин) вскрыл остатки оборонительных сооружений и жилищ XVII в. на территории Братской крепости. Опытный отряд Ангарской экспедиции (рук. С. А. Семенов) производил наблюдения над способами обработки рога, нефрита, меди и дерева и испытания орудий из этих материалов в работе. Изготовлена серия орудий (топоры, тесла, долота) из нефрита, песчаника, кремнистого сланца и установлен способ сверления нефритовых колец. Каменными и медными орудиями изготовлена долбленая лодка длиной 4 *м* из крупного соснового ствола около 55 *см* в диаметре. Нефритовыми долотами из соснового бревна изваяна человеческая голова монголоидного типа.

Вологодская экспедиция (рук. А. Я. Брюсов) продолжала исследование древних стоянок на р. Модлоне (Кирилловский р-н Вологодской обл.). Раскопки на стоянке в местности Селище дали обильный материал, главным образом керамический. Обнаружен интересный отстойник для чистой воды. Обследовано новое свайное поселение, на котором найдено весло.

Неолитический отряд (рук. Д. А. Крайнов) Средне-Русской экспедиции проводил работы в Ярославской и Калининской обл. На Золоторученской стоянке (Угличский р-н) получены дополнительные материалы по стратиграфии верхних слоев (славянский, дьяковский, фатьяновский, неолитический) и уделено основное внимание исследованию мезолитического слоя.

Неолитический отряд (рук. Н. Н. Гурина) Прибалтийской экспедиции проводил исследования в основном в Северной Белоруссии и частично в Псковской обл. Открыто несколько десятков стоянок каменного века, материал которых тождествен с синхронными находками в Польше и имеет близкое сходство с материалом из Литвы.

Бахчисарайский отряд (рук. Д. А. Крайнов) Крымской первобытной экспедиции проводил обследование Бахчисарайской мустьерской стоянки, открытой в 1940 г. По типу орудий стоянка приближается к стоянке Староселье.

Башкирская экспедиция (ИИМК и Башкирский филиал АН СССР, рук. А. В. Збруева) работала пятью отрядами. Неолитический отряд (рук. Л. Я. Крижевская) раскапывал двуслойное поселение в устье р. Ая (слои ананьинский и неолитический). Кроме этого, произведены разведки неолитических месторождений в нижнем течении р. Белой. Отряд, производивший исследования стоянок эпохи бронзы (рук. А. В. Збруева) в Кушнаренковском р-не Башкирской АССР, раскапывал стоянку Ахметово II и начал раскопки стоянки Ахметово I. Обе стоянки относятся к концу эпохи бронзы.

Третий отряд экспедиции проводил раскопки сарматских курганов близ г. Черниковска. Отряд по изучению памятников Бахмутинской культуры (рук. Н. А. Мажитов) вел небольшие раскопки городищ и могильника в северо-западной части Башкирской АССР. Разведочный отряд (рук. А. П. Шокуров) обследовал берега р. Белой и устье ее притоков от пристани Дюртюли до с. Кушнаренково. Группой Гомельского отряда (рук. И. И. Артеменко) Верхне-Днепровской экспедиции производились разведки археологических памятников в пределах Гомельской, Могилевской, Минской, Киевской и Брянской обл. В результате работ обследовано 45 памятников эпохи неолита и бронзового века. Кроме этого, проведено обследование могильника среднеднепровской культуры у пос. Белые Берега (Брянская обл.).

Белорусским отрядом (рук. И. И. Артеменко) Верхнеднепровской

экспедиции произведены раскопки пяти поселений бронзового века в окрестностях дер. Лучин (Рогачевский р-н Гомельской обл.).

Урюпский отряд (рук. Н. Л. Членова) Красноярской экспедиции работал в Шарыповском р-не Красноярского края и в Тисульском и Итатском р-нах Кемеровской обл. Обследованы берега р. Урюп и его притоков. Обнаружено 12 позднетагарских курганных групп и 11 стоянок различного времени — от неолита до позднего средневековья. У дер. Ивановки исследовалось многослойное поселение (слои — андроновский, тагарский и позднего железного века). В Шушенском р-не обнаружено два поселения кыргызского времени и две тагарские стоянки.

Молдавская экспедиция (ИИМК и Молдавский филиал АН СССР, рук. Т. С. Пассек) в 1957 г. работала при участии румынских археологов в составе четырех отрядов. Отряд по изучению памятников палеолита (рук. А. П. Черныш) производил разведочные раскопки на мезолитической стоянке Фрумушика I (Флорештский р-н). Это первый мезолитический памятник, исследованный на территории Молдавии. Отряд по изучению памятников неолита и энеолита (рук. Е. К. Черныш и Т. Г. Мовша) сосредоточил основные работы на поселении у с. Флорешты. Установлена многослойность поселения. Наиболее поздний слой относится к эпохе полей погребений, ниже идет слой поздней бронзы — конец IX — начало VIII в. до н. э., дальше идут два основных горизонта неолитического и энеолитического времени — конец IV — начало III тысячелетия до н. э. Нижний слой относится к культуре среднеевропейских неолитических племен с линейно-ленточной керамикой, верхний слой — к культуре дунайских энеолитических племен типа Боян. Отряд скифской археологии (рук. А. И. Мелюкова) продолжал раскопки поселения с зольниками у с. Гиндешты (Флорештский р-н). Изучен ряд зольных холмов и произведена раскопка каменной стены, ограждавшей поселение конца IX — начала VIII в. до н. э. Кроме этих работ, отрядом произведены небольшие раскопки на памятнике той же эпохи у с. Рошиетичи и разведки в Бельцком р-не. Отряд по изучению памятников начала нашей эры (рук. Э. А. Рикман) продолжал раскопки черняховского комплекса у с. Будешты.

Пять отрядов Камской экспедиции (Пермский гос. университет и ИИМК, рук. О. Н. Бадер), как и ранее, вели исследования в зоне строительства Воткинской ГЭС. Работы продолжались на Заозерской позднемезолитической стоянке, на ряде памятников эпохи поздней бронзы (Заюрчимская стоянка, стоянка Камский Бор II и т. д.), ананьинского и более позднего времени. Открыты разновременные жилые и хозяйственные сооружения, на Поздышкинском городище вскрыты остатки железоплавильной печи-домницы (IV—VI вв. н. э.). При обследовании (Башкирский музей и ИИМК) левого берега р. Камы от с. Саузово до устья р. Буй обнаружено две энеолитические стоянки. Осмотрен ряд ранее раскапывавшихся памятников и места находок отдельных предметов.

В Ядринском р-не Чувашской АССР производились раскопки Чебаковского селища (рук. О. Н. Бадер). Обнаружен культурный слой, имеющий черты смешанности балановской и срубной культур. Около дер. Кумак-Касы (ИИМК и Чувашский НИИ) произведена раскопка кургана. Обнаружен скорченный скелет в неглубокой яме с керамикой типа Атли-Касы.

Дальневосточная экспедиция (рук. А. П. Окладников) сосредоточила основные работы на территории Приморского края, о. Сахалина и на Верхнем Амуре. В долине р. Чопигоу велись раскопки многослойного памятника (рук. Н. Н. Забелина), в нижнем слое которого обнаружены остатки поздненеолитической культуры; выше залегал слой, давший шлифованные топоры, близкие к топорам из раковинных куч; еще выше вскрыты два культурных наслоения, давших сосуды с «рогами», сосуды типа чаш на высоких поддонах и железные изделия. В районе оз. Ханка раскапывалось два поселения, на одном из которых (в пади Семипятной) вскрыта полуземлянка начала железного века с очагом из каменных плит. В пади Харинской начались раскопки поселения I тысячелетия до н. э. с богатым инвентарем. Сахалинский отряд экспедиции (рук. Р. В. Чубарова) исследовал неолитическую стоянку Ноглики I, на которой раскопаны две землянки, давшие интересный и богатый археологический материал. Ворошиловский отряд (рук. М. В. Воробьев) продолжал раскопки средневекового городища на Красноярской сопке. Продолжалось исследование дворцового комплекса; открыты остатки второго парадного здания XI—XII вв. На другом берегу р. Суйфун обнаружены остатки здания, крытого черепицей, оканчивающейся масками драконов. Здание относится к периоду Когурё (V—VII вв.). На Амуре обнаружен ряд разновременных памятников (рук. Э. В. Шавкунов), в том числе местонахождение палеолитических орудий.

Быковский отряд (рук. В. П. Шилов) Сталинградской экспедиции (рук. Н. Я. Мерперт) исследовал 20 курганов (содержащих около 100 погребений) близ с. Быково, у с. Степано-Разинское и на новостройке у с. Водяного. Большое значение имеет открытие ямных захоронений с металлическими изделиями, полтавкинских погребений также с большим количеством металлических предметов кавказского происхождения, погребений срубного времени с многочисленным местным металлическим инвентарем. Особенно интересна находка богатого захоронения с бронзовыми теслом, ножом, шилом, долотом и булавой из змеевика. Отряд экспедиции совместно с Саратовским Гос. университетом (рук. И. В. Синицын) производил раскопки курганов у с. Ровного, относящихся к ямной, срубной, савромато-сарматской культурам и к

культуре поздних кочевников. Около с. Скатовки исследовалось поселение срубного времени.

Астраханской экспедицией (рук. В. П. Шилов) производились раскопки курганов в районе с. В. Погромного. Исследовано 15 насыпей, давших более 100 погребений, подавляющая часть которых относится к савромато-сарматскому времени. Следует отметить прохоровское богатое захоронение воина в глубокой подбойной могиле с двумя мечами, бронзовыми позолоченными зеркалом и пряжкой, железным панцирем. В детском погребении I в. до н. э.— I в. н. э. найден богатый набор золотых предметов местного производства. Из погребений поздних кочевников следует отметить погребение воина, колчан которого был обложен золотой фольгой с накладными костяными пластинами с ажурными фигурами зверей и птиц.

Западно-Скифской экспедицией (рук. Н. Н. Погребова) продолжены исследования Пересадовского поселения на Ингуле. Вскрыт развал каменного здания предскифского времени. Близ этого поселения обнаружено поселение II—IV вв. н. э. Доследовано парное скорченное погребение без инвентаря. Кроме этих работ, производилась разведка памятников в степной части Тилигуло-Березанского р-на Николаевской обл.

Воронежский отряд (совместно с Воронежским краеведческим музеем, рук. П. Д. Либеров) Лесостепной экспедиции на территории Воронежской обл. осмотрел ряд поселений, городищ и курганов (у сс. Подклетново, Семилуки, Болдыревки, Голышевки, Шубного, дер. Волошино, Петин и др.), материалы которых в основном относятся к эпохе бронзы, раннего железа и средневековья. Стационарные работы производились на поселениях № 3 и 5 в уроч. «Частые курганы» и на поселении № 1 у с. Подклетново.

Оренбургская экспедиция (ИИМК и Оренбургский областной краеведческий музей, рук. К. Ф. Смирнов) раскапывала курганы на р. Илеке. Было исследовано 14 курганов, давших более 50 погребений. Найденный материал позволяет говорить о тесных связях древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в эпоху бронзы. Обнаружены богатые курганные погребения V в. до н. э. родовых савроматских жриц и наездниц с золотыми ожерельями, каменными переносными алтариками, различными предметами туалета, керамикой и удилами. В сарматских погребениях найдено оружие (колчан с бронзовыми стрелами, железный меч) и сосуды, свидетельствующие о торговых связях со Средней Азией. На Илеке обнаружены сарматские катакомбы IV—II вв. до н. э., проливающие свет на распространение катакомбного обряда захоронения в Средней Азии и в Прикубанье.

Кобяковской экспедицией (рук. С. И. Капошина) произведено вскрытие 88 погребений в некрополе, расположенном около Кобякова городища. Небольшие раскопочные работы производились также на Кобяковом городище.

Скифский отряд (ИИМК и ГИМ, рук. А. Н. Карасев) Крымской экспедиции продолжал раскопки на Неаполе скифском. Доследовалось общественное здание рубежа нашей эры с фресками и граффити, открытое в предыдущие годы.

Группа по изучению палеолита (рук. Н. О. Бадер) Куйбышевско-Чувашской экспедиции (рук. А. П. Смирнов) зарегистрировала в Янтиковском и Урмарском р-нах Чувашской АССР 12 местонахождений четвертичной фауны. В Куйбышевской обл. обследовано местонахождение четвертичной фауны и кремневых пластин близ с. Переволок. Отряд по изучению памятников бронзового века (рук. Н. Я. Мерперт) раскопал 14 курганов абашевской культуры близ дер. Абашево, Янгильдино и Пекшики. Найденные материалы позволяют считать поселения Восточной Чувашии, включая течение р. Свияги, территорией распространения абашевской культуры, а не приказанской. Отряд экспедиции (рук. Н. В. Трубникова) исследовал остатки многослойного поселения на Криушской дюне (верхний слой — болгарский, домонгольский; ниже — слой эпохи раннего железа, еще ниже — абашевский). Этим же отрядом раскопан один абашевский курган в Сундырском р-не и городище в Ядринском р-не Чувашской АССР. На Иваньковском могильнике вскрыто три погребения и собран подъемный материал середины I тысячелетия н. э. Отряд экспедиции (рук. Г. А. Федоров-Давыдов) изучал средневековые памятники. На городище около дер. Тояба открыто два слоя — золотоордынский и домонгольский. Интересный материал получен отрядом (рук. И. А. Талицкая), производившим раскопки селища IX—XII вв. близ дер. Криуш (Сенгелеевский р-н Ульяновской обл.), где открыта полуземлянка с глинобитной печью болгарского типа и городище IX—X вв.

Болгарский отряд (рук. З. А. Акчурина) проводил работы большого масштаба на Болгарском городище. В одном богатом доме были найдены фрагменты мозаичной облицовки XIV в. и 172 золотые бляшки. Другой дом XIV в. имел сырцовый фундамент и подпольную систему отопления. В нем также найдены изразцы с надписями и украшенные рельефным орнаментом в виде цветов и листьев. Обнаружены сосуды с процарапанными арабскими надписями. Около Черной палаты был заложен шурф, позволивший определить время постройки XIV веком.

Курский отряд Лесостепной экспедиции (Курский обл. краеведческий музей и ИИМК, рук. А. Е. Алихова) продолжал исследование городища V в. до н. э. на Кузиной горе. Установлено два периода в строительстве городища. Следует отметить находки железных тесел.

Мордовская экспедиция (Мордовский НИИ и ИИМК, рук. А. Е. Алихова) провела разведки на мордовском городище VIII—IX вв. около г. Наровчата (Пензенская обл.) и раскопала керамический горн XIV в. на Соборной площади г. Наровчата.

Большие работы проводились в 1957 г. в Пантикапее (ИИМК, ИИИ АН СССР, ГМИИ, МГУ, Керченский историко-археологический музей, рук. В. Д. Блаватский). Работы были сосредоточены в восточной части северного склона Митридатовой горы, где выявлена сложная картина культурных напластований. Здесь сохранилось 16 культурных напластований от середины VI в. до н. э. до IV в. н. э. Вскрыто большое число сооружений, остатков жилых домов, зерновых ям, различных вымосток, относящихся в основном к периодам с середины VI до середины V в. до н. э. и с I в. до н. э. до IV в. н. э. В античных напластованиях найдено большое количество различных предметов, среди которых много с надписями. Группой археологов-подводников и водолазов произведены разведки по обследованию морского дна близ античных городов: Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, Гермонассы, Фанагории и в районе кос Чушки и Тузлы. Собрано большое количество керамики, в том числе ранние клейма амфор, и уточнены границы размытой части Гермонассы. Группа Пантикапейской экспедиции (рук. Н. И. Сокольский) произвела небольшие раскопки на городище Кепы. Обнаружены слои от эллинистического времени до средневекового. Таманский отряд экспедиции (рук. И. Б. Зеест) продолжал раскопки на восточной окраине Гермонассы. Пройдены наиболее ранние слои городища VI—V вв. до н. э. Установлено, что Гермонасса была основана в начале VI в. до н. э.

Советско-Польская Боспорская экспедиция (рук. В. Ф. Гайдукевич) основные работы проводила на Мирмекии, в раскопках которого участвовала группа польских археологов во главе с проф. К. Михаловским. Раскрыта обширная территория в центральной части города, где обнаружены многочисленные остатки городских построек, относящихся к концу VI—V в. до н. э. и к эпохе эллинизма. Среди сооружений выделяется обширное здание с большим двором и винодельней середины III в. до н. э. Польскими археологами закончено вскрытие винодельни, обнаруженной в предыдущем году. На восточной периферии города раскрыта оборонительная стена и в примыкающем к ней квартале большая винодельня III—II вв. до н. э. На обширном дворе близ винодельни найдено много клейменых кровельных черепиц, разнообразной эллинистической керамики, серия интересных терракот и т. д. Отряд, работавший в Тиритаке (рук. М. А. Наливкина), продолжал изучение участка оборонительной стены. Открыт жилой дом римского времени, интересна находка мраморного светильника. Илуратский отряд (рук. П. Ф. Силантьева) раскрыл монументальные городские ворота в юго-западной оборонительной стене, около которых раскопано здание с прекрасно сохранившимся оборудованием для выпечки хлеба. Кроме этого, раскопан еще один жилой дом II—III вв. н. э. обычного для Илурата типа. Китейский отряд (рук. Н. С. Белова) выяснил стратиграфию городища Китей, открыл восточную оборонительную стену и остатки жилых построек. Каменский отряд (рук. В. А. Рыбалова) продолжал исследование поселения эпохи бронзы рубежа II—I тысячелетий до н. э. Открыты остатки каменных построек с очагами, раскопано скорченное погребение, найдены различные орудия труда и фрагменты орнаментированной керамики. Кроме стационарных работ, проведены разведки, в результате которых открыто большое поселение античного времени (VI в. до н. э.— IV в. н. э.) на мысе Зюк, у дер. Мысовой, где предположительно локализуется Зенонов Херсонес, упоминаемый Птолемеем.

Нижне-Донская экспедиция (ИИМК, Ростовский областной и Таганрогский краеведческие музеи, рук. Д. Б. Шелов) продолжала исследования Танаиса. В северо-восточной части города открыты новые жилые и хозяйственные комплексы II—III и IV вв. н. э. и обнаружен ранее не известный здесь слой II—I вв. до н. э. Выяснено, что во II—I вв. до н. э. город занимал довольно значительную площадь на западе. Были продолжены раскопки грунтового могильника к северо-востоку от городища. Произведена разведка в дельте Дона, где обнаружено несколько новых поселений эпохи бронзы и эллинистического времени и произведена аэрофотосъемка античных городищ. Отряд экспедиции (рук. И. Т. Кругликова) проводил работы на Сухо-Чалтырском городище.

Ольвийская экспедиция (рук. Е. И. Леви) продолжала исследование северной части агоры. Раскрыты еще часть большого общественного здания, часть прилегавшей к нему улицы и, таким образом, определены теперь южная, западная и восточная границы священной округи. В западной части агоры начато раскрытие сооружения конца IV — начала III в. до н. э., в южной части раскопано углубление в материке с культовым материалом VI — начала V в. до н. э. Основные находки здесь составляли обломки амфор и киликов, среди которых более 80 обломков чернолаковых киликов с посвятительными надписями Зевсу, Афине и Дельфинию. Здесь же обнаружены черепа жертвенных быков. Среди остальных находок следует отметить свинцовую пластинку с рельефным изображением богини Ники, несколько фрагментов надписей на мраморных плитах. Кроме работ на агоре, раскрыта гончарная печь первых веков нашей эры, расположенная за пределами города.

Восточно-Крымский отряд (рук. И. Т. Кругликова) Причерноморской экспедиции продолжал исследование сельской территории европейского Боспора.

Обнаружено более 40 могильников и поселений (среди последних 5 относятся к эпохе поздней бронзы, 20 — к периоду IV—III вв. до н. э., 4 — к периоду раннего средневековья). Раскопки предприняты на двух поселениях — у дер. Семеновки и у дер. Героевки.

Монгольская экспедиция (рук. С. В. Киселев) производила исследования тремя отрядами. Кондуйский отряд (рук. Л. А. Евтюхова) раскапывал дворец XIV в. у с. Кондуй Борзинского р-на Читинской обл. Вскрыта часть огромного многоколонного здания, роскошно украшенного поливной многоцветной черепицей, рельефами и гранитными чудовищами, исполненными в китайском стиле. Вскрыты также ворота дворца и один из павильонов. При разведках по р. Аргуни открыт большой город XIV в. (на р. Хир-Хира) с материалом, тождественным материалу Кара-Корума (Монголия). В местности Коктуй открыт круглый город уйгурского времени (XII в.) с квадратной цитаделью. Ононский отряд (рук. С. В. Киселев) исследовал среднее течение р. Онона; открыт ряд памятников различных эпох, установлено место рождения Темучина (в уроч. «Делюн-болдок» близ с. В. Цасучей). Тувинский отряд (рук. Л. Р. Кызласов и Ю. С. Гришин) исследовал город XII в. на р. Элегест.

Новгородская экспедиция (ИИМК и МГУ, рук. А. В. Арциховский) продолжала раскопки на Неревском конце города [1].

Южно-Русская экспедиция (рук. Б. А. Рыбаков) производила исследования несколькими отрядами. Раскопки в Любече производились на территории замка, где вскрыты наземные дома и полуземлянки XI—XII вв. Выяснено, что деревянные укрепления замка поставлены на слое с керамикой VIII—IX вв., прослежены остатки пожара. Из находок наиболее интересны серебряные колты и браслеты, медное кадило, шиферное пряслице с азбукой и надписью. Найдены также вещи милоградского и зарубинецкого типов. Установлено, что территория посада была заселена уже в IX—X вв., а на рубеже X—XI вв. здесь возникли мощные укрепления.

Днепровский Левобережный отряд экспедиции (рук. И. И. Ляпушкин) продолжал раскопки городища VIII—IX вв. в с. Опошня. Северо-Донецкий отряд (рук. С. А. Плетнева) производил работы в бассейне Сев. Донца. Исследовано два памятника салтово-маяцкой культуры. Верхне-Окский отряд (рук. Т. Н. Никольская) закончил раскопки городища у дер. Николо-Ленивец (Калужская обл.). Кроме этого, проводилась разведка по р. Жиздре и ее притокам и во Мценском, Володарском, Кромском и Сосковском р-нах Орловской обл. Обследован ряд городищ и селищ. Криничкинский отряд (рук. Э. А. Сымонович) производил работы на городище Колочин I (Речицкий р-н Гомельской обл.; городище существовало в милоградское, зарубинецкое время и в середине I тысячелетия н. э.), на поселении в с. Кринички (Песчанский р-н Одесской обл.) и на близлежащем могильнике черняховской культуры.

Средне-Русская экспедиция (рук. Н. Н. Воронин), как и ранее, производила исследования несколькими отрядами. Рязанский отряд (рук. А. Л. Монгайт) продолжал работы в Переяславле-Рязанском. Прекрасная сохранность дерева позволила выявить ряд хозяйственных, ремесленных и жилых построек, а также мостовые. Владимирский отряд (ИИМК, Владимирский и Вязниковский музеи, рук. В. В. Седов) продолжал начатые в 1956 г. раскопки древнерусского селища и городища близ г. Вязники. Нижние слои селища относятся к волосовской культуре. На городище открыто два полуземляночных жилища и часть рва, засыпанного культурным слоем. Около г. Юрьева-Польского обследованы остатки распаханного селища. Смоленский отряд (ИИМК и Смоленский обл. краеведческий музей, рук. В. В. Седов) обследовал бассейны рек Волости, Доброй, Песошенки и Боровки. Раскопки производились на двуслойном городище Церковище (слои раннего железа и древнерусский). Изучены жилые постройки обоих периодов, получены материалы по планировке и устройству оборонительных сооружений. Подавляющее большинство находок относится к древнерусскому слою (сельскохозяйственные орудия, зерна пшеницы и проса, украшения и др.). Вологодский отряд (рук. А. В. Никитин) продолжал раскопки в Вологде, в районе Ленивой площадки. Закончено вскрытие небольшой замощенной площади XII—XIII вв. Мерянский отряд (ИИМК и Ярославский обл. краеведческий музей, рук. Е. И. Горюнова), как и в предыдущие два года, исследовал Попадьинское селище в Ярославской обл. Из находок следует отметить скульптуру из кости, изображающую животное, и несколько бронзовых украшений мерянских типов. Отряд по изучению крепостей (рук. П. А. Раппопорт) провел обследование ряда городищ, являющихся остатками русских укрепленных поселений XII—XV вв. в Новгородской, Калининской, Ярославской, Ивановской и Костромской обл.

Староладожская экспедиция (рук. В. И. Равдоникас) в 1957 г. возобновила свою работу. Вскрыты нижние слои. Наибольший интерес представляет горизонт X в., в котором исследовано продолжение обнаруженной ранее одной из улиц древнерусского города Ладоги. При разведках по берегам р. Ладожки обнаружены остатки трех средневековых поселений.

Несколькими отрядами работала Верхне-Днепровская экспедиция (рук. П. Н. Третьяков). Смоленский отряд (рук. П. Н. Третьяков) полностью закончил раскопки городища Тушемля. Небольшие раскопки были поставлены на городище Городок, сходном с Тушемлей, и на селище в устье р. Хмары. Раскопано несколь-

---

[1] См. статью А. В. Арциховского в этом номере журнала.

ко длинных курганов. Западно-Двинский отряд (рук. Я. В. Станкевич) производил разведку в бассейне р. Ловати между гг. Великие Луки и Холм. Обследовано 24 археологических памятника, относящихся к I и II тысячелетиям н. э. Завершены раскопки городища у дер. Городище. Обнаружены части сгоревшей деревянной оборонительной стены, основания семи жилых наземных построек и сооружение конусовидной формы. На Малом Торопецком городище вскрыты остатки двух хозяйственно-жилых комплексов, погибших от пожара. Гомельский отряд (рук. О. Н. Мельниковская) предпринял разведки по течению рек Днепра, Припяти, Птичи, Ипути и Сожа. Обнаружены новые памятники милоградского типа и раннего железного века. Раскопки проводились на городище в дер. Горошков и на городище в дер. Милоград. Интересно отметить совместное залегание зарубинецкой лощеной и милоградской керамики. Деснинский отряд (рук. Л. В. Артишевская) раскопал 12 курганов V—VI вв. н. э. близ дер. Кветунь (Трубчевский р-н Брянской обл.). Группой экспедиции (рук. А. К. Амброз) продолжались раскопки селища около дер. Синьково (Брянская обл.). Славянский отряд (рук. С. А. Тараканова) Прибалтийской экспедиции исследовал селище второй половины I тысячелетия н. э. у дер. Подгородье (Ленинградская обл.) и произвел раскопки городища конца I тысячелетия до н. э.— начала нашей эры у дер. Ульяновщина (Себежский р-н Великолукской обл.), где было найдено большое количество шлака, болотной руды и кричного железа, что позволяет считать городище центром железоплавильного производства. Кроме этого, раскопано 34 кургана XI—XII вв. в группе у дер. Горбуши (южный берег Себежского оз.). Инвентарь в основном славянский, но встречаются и вещи латгальского типа. Славяно-Литовский отряд (рук. Ф. Д. Гуревич) обследовал междуречье Молчади и Сервеча, где выявлено 20 памятников I и начала II тысячелетия н. э. Обнаружены поселения со штрихованной керамикой, селища с гладкостенной лепной керамикой, древнерусские городища, селища и курганные группы. Производились раскопки на городище в Новогрудке (два слоя: X—XI вв. и XI—XIII вв.). Полоцко-Прибалтийский отряд (рук. Л. В. Алексеев) продолжал исследования древнего Друцка. Благодаря прекрасной сохранности дерева удалось выяснить характер планировки города, его жилые и хозяйственные постройки. При разведках исследовались границы Полоцкой земли на севере.

Основным объектом исследования Волынской экспедиции (рук. М. К. Каргер) было городище у с. Городок (Шепетовский р-н Хмельницкой обл.). При раскопках вскрылась картина, аналогичная обнаруженной на известном Райковецком городище. Благодаря внезапной гибели поселения во время монгольского завоевания найдено огромное количество различных предметов быта, ремесленного и сельскохозяйственного производства, запасы различного зерна, рыболовные принадлежности, масса украшений, среди которых следует отметить четыре клада серебряных женских украшений, зарытых в минуту опасности. По всей площади городища и под развалинами сгоревших жилищ лежали скелеты погибших людей. Небольшие раскопки были предприняты также в древнем Галиче, где обнаружена мастерская архитектурно-декоративных керамических плиток с рельефными изображениями. Днестровско-Волынский отряд (совместно с Каменец-Подольским музеем, рук. М. А. Тиханова) продолжал раскопки на поселении эпохи полей погребений в Луке-Врублевецкой. В центре поселения открыта большая шахтная печь, раскопано наземное жилище, давшее интересный набор железных орудий. Кроме этого, обследовано два поселения черняховской культуры в Каменец-Подольском р-не Хмельницкой обл. и начаты раскопки поселения этой же культуры в с. Лепесовка. Полесский отряд (рук. Ю. В. Кухаренко), кроме разведок по р. Стырь, при которых был обнаружен ряд поселений, производил раскопки зарубинецких могильников Велемичи I и II в Давид-Городокском р-не Брестской обл. БССР. Полностью закончены работы на городище Хотомель; на селище у дер. Рубель обнаружены остатки трех жилищ. Производились раскопки также на вновь открытом городище и селище «Бабка» (Рафаловский р-н Ровенской обл.) и на селище зарубинецкой культуры в дер. Отвержичи (Столинский р-н Брестской обл.).

В работе Прутско-Днестровской экспедиции (рук. Г. Б. Федоров) приняла участие группа румынских археологов во главе с проф. Раду Вульпе. Исследования производились восемью отрядами на территории Молдавской ССР и в Болградском р-не Одесской обл. У с. Лукашевка (Оргеевский р-н) продолжены раскопки так называемого бастарнского» могильника с трупосожжениями II—I вв. до н. э. и начаты раскопки селища того же времени (рук. Раду Вульпе). Необходимо отметить находку уникального бронзового идола местного изготовления. Подавляющее большинство керамики является гето-дакийской. У сс. Лукашевка и Алчедар произведены раскопки славянских селищ и городищ. Во время раскопок на селище болгарской культуры Криничное (IX—X вв.) (Болградский р-н Одесской обл.) вскрыты остатки полуземляночного прямоугольного жилища с каменной отмосткой, печи, очаги, хозяйственные ямы. На городище Старый Орхей (рук. отряда Г. Д. Смирнов) продолжены работы по изучению системы оборонительных сооружений, на городище Костешты вскрыты остатки гончарной мастерской и горнов XIV в.

Белоозерской экспедицией (рук. Л. А. Голубева) в древнем Белоозере завершены раскопки большого комплекса XII—XIII вв., состоящего из жилого дома, амбара, клети и конюшни, объединенных обширным двором, вымощенным накатником из бревен. В нижнем слое обнаружен прекрасно сохранившийся сруб конюшни X в.

Московской экспедицией (рук. А. Ф. Дубынин) продолжалось вскрытие участка в районе Елецкого и Максимовского переулков в Зарядье. Полностью закончено вскрытие архитектурного комплекса XVI в.

Можайская экспедиция (рук. А. Ф. Дубынин) закончила археологическое обследование зоны затопления по рекам Рузе и Озерне (Московская обл.). Продолжены исследования Троицкого городища, давшие большой материал по дьяковской бронзе и железу. Отряд экспедиции (совместно с Музеем истории и реконструкции Москвы и Моск. гор. пед. институтом, рук. М. Г. Рабинович) возобновил раскопки Тушкова городка.

Кировская экспедиция (Кировский обл. краеведческий музей и ИИМК, рук. Л. П. Гуссаковский) открыла в г. Кирове семь сменяющих друг друга настилов бревенчатой мостовой. Нижний строительный ярус городских построек датируется серединой и концом XIII в.

Небольшие раскопочные работы производились в отчетном году в г. Пинске, на Замковой горе (Пинский краеведческий музей и ИИМК, рук. Т. В. Равдина). Нижний горизонт культурного слоя датируется рубежом XI—XII вв.; основной слой относится к домонгольскому времени.

Байдарский отряд (рук. А. Л. Якобсон) Крымской экспедиции, как и в предыдущем году, вел исследования поселения в с. Н. Бобровка. Обнаружено наличие здесь слоя VI—VII вв. При разведке обследована крепость IX—X вв., расположенная в верхней части возвышенности, и укрепление XIV—XV вв. Бахчисарайский отряд (рук. В. В. Кропоткин) Крымской экспедиции продолжал раскопки раннесредневекового могильника VI—VII вв. на юго-западном склоне Чуфут-Кале. Исследовано 32 склепа и подбойных могил. Найдено три христианских каменных надгробия. Кроме раскопок, проводились разведки в окрестностях Бахчисарая и пещерного города Мангуп.

Северо-Кавказская экспедиция (ИИМК, Северо-Осетинский НИИ, Грозненский республиканский музей, рук. Е. И. Крупнов) вела исследования несколькими отрядами. Основные работы на территории Северо-Осетинской АССР были сосредоточены на трех объектах у ст. Змейской. При раскопках поселения эпохи поздней бронзы (кобанская культура) открыто 14 хозяйственных ям, несколько очагов, гончарный горн, печь для выпечки чурека «тондыр» и один культовой очаг с глиняными подставками в виде «пинтадер». Керамический материал очень обилен, впервые в Северной Осетии найдены бронзовый серп, бронзовые плоские и костяные втульчатые и черешковые наконечники стрел, глиняные сопла, льячка и многое другое. Обнаружен также более ранний, докобанский слой. Раскопки второго поселения позволили характеризовать жизнь аланского поселка X—XII вв. накануне татаро-монгольского нашествия. Исключительный интерес представляют материалы, полученные при исследовании катакомбного могильника. Вскрыто 28 катакомб, являющихся семейными усыпальницами алан XI—XII вв. Особенным богатством отличаются сабли, или палаши, с серебряными, золочеными накладками, украшенными чернью и цветными камнями, и остатки одежды, покрытые узорами, выполненными шитьем золотыми и серебряными нитками, куски кожи, покрытые аппликациями и расшитые золотым шитьем; интересны находки куска шелковой ткани со знаками какого-то пока не определенного алфавита и начельника, представляющего полую фигурку женщины со вставными стеклянными глазами, держащую в руках стеклянную чашу. В Чечено-Ингушской АССР стационарные работы велись на Луговом энеолитическом поселении и грунтовом могильнике скифского времени близ с. Мужичи (рук. Р. М. Мунчаев). Исследовано 47 могил. Некоторые из них были окружены кромлехами. Могилы, как правило, одиночные, содержащие скорченные костяки. Из находок следует отметить серебряную золоченую серьгу, оригинальную бронзовую поясную пряжку, бронзовый колокольчик архаического типа и др. Разведочный отряд (рук. В. И. Марковин) зафиксировал в Веденском р-не и в ущелье р. Аргуна несколько курганных групп. Раскопки были поставлены на Хорочоевском могильнике (вскрыто три каменных ящика начала I тысячелетия н. э.) и на вновь открытом могильнике у с. Гатен-кале, на котором вскрыто четыре могилы, датируемых II тысячелетием до н. э. (северокавказской культурой эпохи бронзы). О работах двух палеолитических отрядов экспедиции см. выше.

Кармир-Блурская экспедиция (АН Армянской ССР, ИИМК, рук. Б. Б. Пиотровский) продолжала раскопки цитадели крепости и одного из кварталов на территории древнего города Тейшебаини. В цитадели открыто пять кладовых и одна кладовая для вина в северо-западной части, около ворот, через которые происходил штурм крепости. Найдены громадный бронзовый котел, бронзовая голова коня, служившая навершием дышла колесницы, ручка от котла, украшенная головой льва и имеющая надпись царя Сардури, три бронзовых шлема, два железных меча, один из которых келермесского типа, две целые и три в обломках клинописные таблички и т. п. В центральной части цитадели закончены раскопки кладовой № 38, в которой обнаружено два щита (один из которых с надписью царя Аргишти I, второй — с именем царя Сардури). При раскопках в городе (рук. А. А. Мартиросян) открыт дом урартского времени, под которым обнаружен доурартский слой с землянкой бронзового века.

Азербайджанская экспедиция (Институт истории АН Азербайджанской ССР и ИИМК, рук. А. А. Иессеен) работала пятью отрядами и исследовала памятники от энеолита до средневековья. На энеолитическом поселении Кюль-тепе обнару-

жены жилища с очагами, предметы быта и искусства. На поселении Кара-тепе (рук. О. Ш. Исмизаде) продолжалось изучение архитектурного комплекса I тысячелетия до н. э. На прирезанном к раскопу 1956 г. участке в слое XII—XIII вв. вскрыты остатки разрушенного жилища и часть стены из сырцового кирпича с находками второй половины I тысячелетия до н. э. На городище Орен-кала (рук. А. Л. Якобсон) в Малом городе исследовались нижние слои (до IX в.), в которых обнаружены остатки землянок. В ремесленном квартале города открыта круглая обжигательная печь XII—XIII вв. и часть сложенных из кирпичей каналов.

Таджикская экспедиция (ИИМК и АН Таджикской ССР, рук. А. М. Беленицкий) вела работы семью отрядами. Хуттальский отряд (рук. Б. А. Литвинский) исследовал городища Хульбук (X—XII вв.) и Кафыр-кала (первые века нашей эры). На первом памятнике раскапывалось значительных размеров здание дворцового типа, найден уникальный набор шахматных фигур. Усрушанский отряд (рук. Н. Н. Негматов) продолжал раскопки городища в Шахристане (VII—VIII вв.) и Ленинабаде (позднее средневековье). Пенджикентский отряд (рук. А. М. Беленицкий) продолжал вскрытие жилых помещений с нишами, колонками, лестницами на объекте III. На VI объекте продолжались раскопки большого зала со стенной росписью в несколько ярусов, изображавшей борьбу героя с демонами. На XIII объекте раскопан ряд вспомогательных служебных помещений. На XIV объекте открыто 10 новых помещений различного назначения. На объекте XII вскрыт горизонт VI в. н. э., давший, кроме очень разнообразной керамики, большое количество терракот и ряд изделий из металла и кости. Кафирниганский отряд (рук. А. М. Мандельштам) раскопал более 80 курганов в северной части Бишкентской долины. Закончены раскопки могильника Арык-Тау I (III—IV вв. н. э.) и начаты раскопки Тулхарского могильника. Памирский отряд (рук. В. А. Ранов) собрал значительный материал, свидетельствующий о наличии на Памире памятников каменного века. Значительную работу по обследованию памятников каменного века в южных районах Таджикистана провел также отряд, возглавляемый А. П. Окладниковым. Аштский отряд (рук. Б. А. Литвинский) проводил работу по исследованию могильных сооружений Муг-Хона (курумы). Раскопано около 30 курумов, давших значительный материал первых веков нашей эры.

Киргизская экспедиция работала двумя отрядами. Ак-Бешимский отряд (рук. Л. П. Зяблин) закончил раскопки второго буддийского храма на Ак-Бешимском городище. В различных углах галерей найдены на полу фрагменты скульптур. Сейчас можно говорить о разрушении храма в VIII в. в результате вражеского разгрома. В северо-западном углу внешней галереи найдены остатки литейной мастерской, существовавшей уже после разрушения храма. Южно-Киргизский отряд (рук. Ю. А. Заднепровский) обследовал более 40 новых памятников в западных районах Ошской области. Наибольший интерес представляют раскопки 10 погребений первых веков нашей эры в подбойных могилах в Карамуйнакском могильнике. На Карабулакском домонгольском городище открыта часть помещения с хорошо сохранившейся стеной из сырцовых кирпичей. Исследованиями на городище Исфана получен материал XIV—XVI вв., изучена крепость кокандского времени в местности Кан, в верховьях Соха. При стационарных раскопках на городище Шурабашат обнаружено несколько помещений и много зерновых ям. Интересно отметить впервые найденное здесь скульптурное глиняное изображение человека.

Ферганский отряд (рук. Ю. А. Заднепровский) Узбекистанской экспедиции АН Узбекской ССР (рук. Я. Г. Гулямов) продолжал изучение Дальверзинского поселения эпохи бронзы. Расчищен новый участок мощной крепостной стены поселения, на одном участке вала выявлены остатки жилого комплекса и производственное помещение, относящееся к более позднему времени, чем сама стена.

Западно-Казахстанский отряд экспедиции на целинные земли (рук. В. С. Сорокин) продолжал раскопки могильника андроновской культуры Тасты-бутак I, на котором в 1957 г. вскрыто 11 каменных колец. На территории поселения того же времени Тасты-бутак вскрыта часть древнего жилища.

Кара-Кумский отряд ЮТАКЭ (рук. В. М. Массон) проводил работы на неолитическом поселении Джейтун, на энеолитическом поселении Кара-тепе у Артына и на ряде памятников в дельте Теджена. Установлено, что в эпоху неолита (Джейтун) население жило в однокомнатных домах, тогда как в энеолитическое время (Кара-тепе) существовало несколько многокомнатных домов, разделенных узкими улочками. На Геоксюре, в слоях времени Намазга II, открыты овальные погребальные камеры с ложным сводом.

Кроме всех перечисленных выше экспедиций, сотрудники ИИМК АН СССР принимали участие в работах археологических экспедиций, организованных академиями наук союзных республик (Кременчугская и Тавро-Скифская экспедиции Института археологии АН УССР, экспедиции АН Узбекской ССР, АН Белорусской ССР, АН Грузинской ССР).

Н. К. Лисицына

ЭКСПЕДИЦИИ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ МГУ В 1957 г.

Экспедиционный сезон 1957 г. был очень интересным и по количеству добытых материалов и по некоторым техническим нововведениям.

В Керченской экспедиции (рук. В. Д. Блаватский) впервые работал подводный отряд. Задачей работы отряда было изучение возможностей, техники, методики подводных археологических работ и первая подводная разведка в районе Керчи [1].

Работам Скифской археологической экспедиции предшествовала разведка от Николаева до Вознесенска по обоим берегам Южного Буга (рук. Н. Г. Елагина). Открыто 22 новых поселения, датируемых временем от эпохи бронзы до первых веков нашей эры. Раскопано также два кургана, давших 33 погребения времени раннекатакомбной культуры. Были проведены раскопки на Московском городище чернолесского времени.

В южных районах Читинской области работала Монгольская экспедиция (рук. С. В. Киселев). Открыто три города XIII—XIV вв., уточнено место рождения Чингисхана на р. Онон [2].

Другая Сибирская экспедиция (рук. Л. Р. Кызласов) работала в центральных районах Тувы. На р. Элегест у пос. Кочетово продолжались раскопки столицы северной провинции государства Си-Ляо. Город существовал со второй половины XII в., заброшен город в самом начале XIII в. Дата хорошо проверена по монетным находкам чжурчженей (1169—1189 гг.). Открыто большое кирпичное здание административного характера, богато украшенное скульптурой. Исследовано другое поселение киданей, их религиозный центр, где найдены изваяния Будды и «черепахи»; открыто несколько ранних городищ по р. Саглы, древнетюркские изваяния и погребальные памятники VI—VIII вв.

Новгородская экспедиция (рук. А. В. Арциховский) провела в этом году седьмой раскопочный сезон работ на Неревском конце [3].

Смоленская экспедиция (рук. Д. А. Авдусин) завершила работы на V раскопе на улице Соболева. Открыто 20 жилых и хозяйственных построек. Более ранняя постройка на этом же месте имела крытый и вымощенный двор. Слой насыщен многочисленными находками из черного и цветного металлов, дерева, янтаря и т. д. Поражает обилие найденных здесь стеклянных браслетов (около 2500 обломков).

Тульская экспедиция (рук. С. А. Изюмова) продолжала работы по исследованию ранневятичских курганов с трупосожжением.

Были проведены разведывательные и раскопочные работы в районе Куликова поля. Близ дер. Монастырщина раскопано 15 погребений братского кладбища, из которых три погребения сопровождались находками вещей; найдены кусок тесьмяного пояса, затканного золотом, серебряная серьга, нашивные бляшки серебряные с позолотой, бисер и обломок стеклянного браслета, что и решило дату погребений. Ориентировка погребений (юго-запад — северо-восток), соответствующая раннеосеннему положению солнца, также позволяет связывать это братское кладбище с погребением воинов, павших на Куликовом поле.

Ю. Л. Щапова

---

[1] Об этой экспедиции см. в этом номере журнала статью Н. К. Лисицыной «Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1957 г.», стр. 334.

[2] См. Н. К. Лисицына. Ук. статья, стр. 335.

[3] См. статью А. В. Арциховского в этом номере журнала.

О ЛАБОРАТОРИЯХ ПРИ КАФЕДРЕ АРХЕОЛОГИИ МГУ

В 1953 г. на кафедре археологии Московского государственного университета были созданы археологический музей и лаборатории. Создание археологических научно-исследовательских, учебных и реставрационных лабораторий явилось значительным событием в жизни кафедры. Археологи получили возможность изучить археологический материал с точки зрения его технологии и химического состава (последнее с помощью спектрального анализа).

Изучение химического состава путем изучения спектров исследуемых объектов в применении к археологии имеет многие преимущества по сравнению с так называемым «мокрым» химическим анализом: 1) для спектрального анализа необходима очень небольшая навеска (порядка 200—400 *мг*) исследуемого образца, причем качество анализа почти не зависит от количества вещества, взятого для анализа; 2) спектральный анализ позволяет производить анализ целого образца без заметной деформации предмета, сохраняя его экспозиционные качества, что особенно важно для исследования редких и уникальных находок; 3) спектральный анализ значительно чувствительнее «мокрого» химического; 4) проведение полного качественного анализа спектрально требует много меньше времени и труда.

Структурный анализ археологических объектов, сделанных из металла, глины, стекла позволяет почти исчерпывающе реконструировать технологию производства

изучаемых предметов. С организацией собственной лаборатории ученые кафедры освободились при проведении своих работ от постоянной зависимости от лабораторий других институтов и кафедр университета, выполнявших работы по археологии от случая к случаю, и, самое главное, теперь появилась возможность разработки и применения собственной методики лабораторных исследований.

В первое время в работе лаборатории имелись известные трудности, связанные с освоением новых методов и новой техники, так как лаборатории археологической технологии при кафедре археологии МГУ явились первым опытом.

Лаборатории оснащены наиболее совершенными моделями технического оборудования серийного производства, изготовленными на советских предприятиях (лаборатория спектрального анализа имеет два спектрографа, спектропроектор, микрофотометр и вспомогательные приспособления; лаборатория структурного анализа располагает металломикроскопом последней модели, прибором Роквелла, микротвердомером и вспомогательными приспособлениями для изготовления шлифов).

В настоящее время работа в лабораториях ведется в двух направлениях: в плане подготовки результатов анализов для дальнейшего научного исследования и обобщений и в плане поисков новой методики для новых по характеру объектов исследования.

Уже проделана большая работа по истории древнерусского ремесла. С успехом разработана тема по истории черной металлургии и металлообработки Новгородской земли в период X—XV вв. Было поставлено изучение новгородской коллекции из стекла. Применение спектрального анализа для исследования состава древнего стекла в таком большом масштабе стало возможным только при условиях существования собственной археологической лаборатории. Работа по истории стеклоделия выполнена Ю. Л. Щаповой и близка к завершению.

Большое внимание к новгородской тематике может быть объяснено тем, что Новгородская экспедиция смогла предоставить большое количество материалов, вполне достаточное и для технических экспериментов и для научных выводов.

Менее значительные по объему работы проведены по исследованию античного железа и керамики.

Небольшие по объему работы были проведены по исследованию энеолитических, скифских, среднеазиатских, салтовских и древнерусских бронз. Результаты исследований находятся в стадии научной обработки.

Кроме того, лаборатория выполняет справочные работы по определению материалов и их составов.

На базе научных лабораторий организованы два спецсеминара: по истории металлургии и по технологии ремесла. В этих спецсеминарах студенты старших курсов овладевают современной методикой изучения археологического материала с применением точных физических методов исследования.

Создание лабораторий определило ряд особенностей в построении учебной работы. Теперь студенты третьего-четвертого курсов проходят лабораторный практикум во всех имеющихся при кафедре лабораториях. Оказалось возможным организовать обучение студентов основам консервации и реставрации археологических объектов, специальному археологическому рисованию и черчению.

Ю. Л. Щапова

РЕКОМЕНДАЦИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК, ПРИНЯТАЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ НА ЕЕ ДЕВЯТОЙ СЕССИИ В НЬЮ-ДЕЛИ, 5 ДЕКАБРЯ 1956 года [1]

РЕКОМЕНДАЦИЯ, КАСАЮЩАЯСЯ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК [2]

Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, признав на своей девятой сессии, проведенной с 5 ноября по 5 декабря 1956 г. в гор. Нью-Дели, что лучший гарантией сохранения памятников и произведений старины является уважение и привязанность к ним самого населения, а одним из наиболее эффективных средств к развитию такого рода чувств — мероприятия, основанные на стремлении государств-членов к развитию науки и международных отношений,

будучи убеждена в том, что чувства, возбуждаемые созерцанием художественных произведений старины и знакомством с ними, могут способствовать значительному укреплению взаимопонимания между народами и что в этой связи возникает необходимость в установлении международного сотрудничества в деле всемерного использования этих произведений в вышеуказанных целях,

считая, что хотя археологические открытия имеют наибольшее значение для государств, на территории которых они производятся, они тем не менее обогащают все человечество в целом,

полагая, что знакомство с историей человечества требует ознакомления со всеми созданными им культурами и что поэтому вся международная общественность заинтересована в изучении, а в случае необходимости, и в спасении и сохранении вещественных археологических остатков,

будучи убеждена в том, что властям отдельных государств, ведающим сохранением их археологического наследия, следовало бы руководствоваться в своей работе определенными, общеобязательными принципами, испытанными на деле и применяемыми археологическими учреждениями различных стран,

полагая, что хотя регламентация археологических раскопок является, в основном, внутренним делом каждого государства, этот принцип следовало бы совмещать с принципом широко задуманного и осуществляемого на свободных началах международного сотрудничества,

рассмотрев ряд предложений, касающихся выработки на международной основе принципов, регламентирующих археологические раскопки (пункт 9.4.3 повестки дня сессии),

основываясь на решении своей восьмой сессии, согласно которому эти предложения следовало бы положить в основу международных правил, облеченных в форму рекомендации, обращенной ко всем государствам-членам,

принимает сего пятого декабря 1956 г. нижеследующую рекомендацию:

Генеральная конференция рекомендует государствам-членам применять нижеследующие положения, приняв в законодательном или ином порядке меры, необходимые для проведения в жизнь в находящихся в их юрисдикции территориях норм и принципов, формулированных в настоящей рекомендации;

I. ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Археологические раскопки

Генеральная конференция рекомендует государствам-членам довести настоящую рекомендацию до сведения музеев, властей и органов, ведающих археологическими раскопками;

---

[1] Настоящая рекомендация издана ЮНЕСКО в виде особой брошюры с текстом на четырех языках: английском, испанском, французском и русском. Здесь печатается официальный русский текст (*ред.*).

[2] См. 9С/резолюцию 4.32.

Генеральная конференция рекомендует государствам-членам представлять ей в сроки и в форме, которые будут ею определены впоследствии, доклады о мерах, принимаемых ими во исполнение настоящей рекомендации.

1. В настоящей рекомендации понятие «археологические раскопки» относится ко всем поискам археологических остатков, независимо от того, проводятся ли эти поиски путем земляных работ, путем систематического обследования поверхности, или же путем обследования дна или подстилающих его слоев во внутренних или территориальных водах того или иного государства-члена.

Находящиеся под защитой ценности

2. Положения настоящей рекомендации относятся ко всем вещественным остаткам, имеющим с общественной точки зрения какое-либо историческое или художественное значение, причем за каждым государством-членом ЮНЕСКО оставляется право определять общественное значение находящихся на его территории остатков на основе им самим установленных критериев. Предусматриваемые в настоящей рекомендации правила должны, в частности, применяться к памятникам и предметам старины, представляющим археологический интерес в самом широком смысле этого слова.

3. Критерии, определяющие общественное значение археологических памятников, могут меняться в зависимости от того, касается ли дело сохранения этих памятников, или же обязанности, налагаемой на исследователей, заявлять о своих открытиях и находках.

а) В первом случае, от критерия, согласно которому защите подлежат все памятники, принадлежащие к эпохам, предшествующим определенной дате, следует безусловно отказаться; критериями защиты должны служить либо их принадлежность к той или иной эпохе, либо их минимальный возраст, установленный законом.

б) Во втором случае государствам-членам следовало бы установить значительно более широкие критерии, обязав исследователей или лиц, открывающих те или иные археологические памятники, заявлять обо всех открытых ими памятниках и предметах древности.

II. ОБЩИЕ ПРАВИЛА

Защита археологического наследия

4. Всякое государство-член Организации должно охранять свое археологическое наследие, учитывая, в частности, проблемы, возникающие в связи с археологическими раскопками и основываясь на положениях настоящей рекомендации.

5. Всем государствам-членам рекомендуется, в частности:

а) подчинить проведение археологических поисков и раскопок контролю и предварительному разрешению соответствующих властей;

б) обязать лиц, открывающих вещественные остатки, сообщать о такого рода находках в кратчайший срок соответствующим властям;

в) установить санкции для нарушителей этих правил;

г) предписать конфискацию утаенных предметов;

д) разработать правила обследования археологических недр и — в случае, если эти недра являются государственной собственностью — внести соответствующие указания в свое законодательство;

е) разработать систему внесения наиболее значительных элементов своего археологического наследия в список исторических памятников.

Органы охраны археологических раскопок

6. Хотя в силу разнообразия установившихся традиций и неравенства имеющихся в распоряжении государств-членов ресурсов, установление единообразной системы администрации, ведающей археологическими раскопками, не представляется возможным, необходимо все же добиваться того, чтобы соответствующие государственные ведомства руководствовались следующими общепризнанными принципами:

а) археологические ведомства должны носить характер государственных органов, или, по крайней мере, органов, располагающих на основании соответствующих законов средствами, позволяющими им обеспечивать в случае надобности принятие срочных мер. Эти ведомства, осуществляющие общее руководство всеми археологическими работами, должны обеспечивать, кроме того, в сотрудничестве с исследовательскими учреждениями и университетами, преподавание приемов археологического исследования. Вместе с тем они должны обеспечивать создание центральных архивов и составление географических карт с указанием местонахождений всех подведомственных им памятников и предметов старины и сосредоточивать соответствующую докумен-

тацию при всех значительных музеях, керамических или иконографических архивах и т. д.;

б) этим ведомствам следует обеспечить постоянный приток денежных средств, необходимых, в частности: (1) для их надлежащего функционирования; (2) для выполнения плана работ, соответствующих археологическому богатству данной страны и, в особенности, для выпуска научных изданий; (3) для надзора за случайными открытиями; (4) для содержания раскопок и памятников в надлежащем виде.

7. Реставрация обнаруженных вещественных остатков и археологических ценностей должна тщательно контролироваться каждым государством.

8. Памятники, сохранение которых «in situ» представляется необходимым, могут перемещаться лишь с предварительного разрешения соответствующих властей.

9. Всем государствам-членам рекомендуется принимать меры по сохранению, в частичной или полной неприкосновенности, определенных археологических местностей, принадлежащих к различным эпохам, в целях дальнейшего их обследования в свете новейших достижений археологической науки и техники. Во всех главнейших местностях, в которых производятся раскопки, можно было бы, насколько это позволяет рельеф, оставлять нетронутыми определенные участки с целью дальнейшей проверки их стратиграфии и состава культурного слоя.

Создание центральных и местных коллекций

10. Поскольку археология является наукой сравнительной, при создании и организации музеев и археологических хранилищ следует учитывать необходимость сравнительного изучения обнаруженных предметов. Поэтому, вместо составления небольших, разрозненных коллекций, с ограниченным доступом, следовало бы создать центральные, региональные или, в виде исключения, хотя бы местные коллекции, расположенные в местностях, представляющих особый археологический интерес. Для обслуживания этих коллекций следовало бы предоставлять специальный административный аппарат и научный персонал, работающий на постоянных началах, чтобы обеспечить таким образом сохранение экспонатов в надлежащем виде.

11. В археологических районах, представляющих особый интерес, рекомендуется создавать вспомогательные учреждения просветительного характера или музеи, помогающие посетителям лучше осознать значение показываемых им памятников старины.

Воспитание населения

12. Соответствующим властям рекомендуется заняться культурно-просветительной деятельностью в целях пробуждения и развития среди населения уважения и любви к своему прошлому, обеспечивая, в частности, надлежащее преподавание истории, участие студентов в некоторых раскопках и распространение в печати археологических заметок, составленных авторитетными специалистами, организуя туристические экскурсии, выставки и лекции, посвященные методам археологического исследования и их результатам, четко оформляя обследованные археологические участки и открытые на них памятники, издавая дешевые монографии и популярные путеводители и т. д. Кроме того, государствам-членам рекомендуется принимать все необходимые меры для облегчения доступа на археологические участки.

III. ПРАВИЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Предоставление иностранцам концессий на ведение археологических раскопок

13. Государствам-членам, на территории которых производятся раскопки, рекомендуется регламентировать общие условия предоставления соответствующих концессий, обязательства, налагаемые на концессионеров (в особенности поскольку дело касается контроля, осуществляемого местными властями над их работой), сроки, на которые выдаются концессии и причины возможного лишения концессии, а также приостановление работ или передачу начатой концессионером работы в ведение местных властей.

14. Обязательства, налагаемые на иностранных исследователей, не должны отличаться от обязательств, налагаемых на граждан стран, в которых производятся раскопки; ввиду этого, при составлении договоров о предоставлении концессии, следует избегать необоснованного внесения в них каких-либо специальных требований.

Международное сотрудничество

15. В интересах археологической науки и международного сотрудничества государствам-членам рекомендуется принимать в отношении ведения раскопок особо либеральные меры. Они могли бы предоставлять научным учреждениям и квалифицированным исследователям, без различия национальности, возможность участвовать на равных началах в конкурсах на получение соответствующих концессий. Государствам-членам рекомендуется также поощрять ведение раскопок либо смешанными экспеди-

циями в составе местных научных работников и представителей иностранных археологических учреждений, либо экспедициями международными.

16. В случаях, когда право проведения раскопок предоставляется иностранным миссиям, государствам, это право предоставляющим, рекомендуется назначать в качестве своих представителей при той или иной миссии, по возможности, квалифицированных археологов, способных содействовать миссии в ее работе и сотрудничать с ней.

17. Государствам-членам, не располагающим достаточными средствами для ведения археологических раскопок на иностранной территории, следует предоставлять возможность командировать своих археологов на открытые другими государствами-членами археологические участки, с согласия руководителей соответствующих раскопок.

18. Государства, не располагающие достаточными техническими или другими средствами для научного ведения раскопок, должны иметь возможность прибегать к услугам иностранных специалистов или миссий для проведения соответствующих работ.

Взаимные гарантии

19. Разрешение на проведение раскопок должно предоставляться исключительно учреждениям, представленным квалифицированными археологами, или же отдельным лицам, научная квалификация, нравственные качества и финансовое положение которых точно установлены; к тому же финансовое положение этих лиц должно быть достаточно устойчивым, чтобы гарантировать проведение раскопок в соответствии с положениями договора и в предусмотренный в концессии срок.

20. Разрешение, которое дается иностранным археологам на ведение раскопок, должно сопровождаться взаимными гарантиями относительно продолжительности концессии и устойчивости договора, благоприятствующими проведению соответствующей работы и устраняющими угрозу необоснованного расторжения договора в случаях, когда по тем или иным признаваемым серьезными причинам эту работу приходится на время приостанавливать.

Сохранение памятников старины

21. Разрешение должно сопровождаться определением обязанностей того, кто производит раскопки, в течение предоставленной ему концессии и по истечении ее срока. К таким обязанностям следует, в частности, отнести охрану, содержание и приведение в порядок археологических участков, а также сохранение обнаруженных предметов и памятников, как в ходе самих раскопок, так и по их окончании. Разрешение должно, кроме того, сопровождаться указаниями на виды содействия, на которые проводящий раскопки может рассчитывать со стороны дающего разрешение государства в случае, если принятые им обязательства окажутся слишком обременительными.

Доступ к раскопкам

22. Квалифицированным ученым любой национальности рекомендуется предоставлять возможность посещать участки, на которых ведутся раскопки, с разрешения руководителей, еще до опубликования результатов соответствующих работ. Предоставление этого права не должно, однако, идти в разрезе с правом научной собственности исследователей на их открытия.

Распределение найденных при раскопках предметов

23. *а)* Каждому государству надлежит с точностью определить правила распределения по их принадлежности обнаруженных на его территории археологических памятников.

б) Найденные при раскопках предметы должны, в первую очередь, передаваться в распоряжение музеев страны, на территории которой ведутся раскопки, для составления полных, характерных для культуры, истории и искусства этой страны коллекций.

в) В целях поощрения археологических исследований путем распространения оригиналов, предоставляющие концессию власти могли бы передавать в распоряжение археологов, после опубликования научных результатов их работы, обнаруженные ими при раскопках дублеты или, вообще говоря, предметы или наборы предметов, от которых данные власти могут отказаться ввиду их сходства с другими, найденными на том же участке предметами. Предоставление исследователям обнаруженных ими предметов должно всегда оговариваться условием, что, по истечении определенного срока, эти предметы будут переданы открытым для посетителей научным центрам, причем, если это условие не будет исполнено или перестанет соблюдаться, то данные предметы будут подлежать возвращению властям, на территории которых они будут обнаружены.

г) Обоснованные просьбы общественных или частных научных учреждений, касающиеся временного вывоза обнаруженных предметов (за исключением предметов особенно хрупких или имеющих особое значение для государств, на территории которых они были найдены), рекомендуется удовлетворять в случаях, когда — за неимением надлежащего библиографического и научного оборудования — их изучение оказывается невозможным на территории государства, в котором проводятся раскопки или когда оно затрудняется малодоступностью данного археологического района.

д) Каждому государству-члену рекомендуется предусматривать передачу, обмен или сдачу на хранение иностранным музеям предметов, не представляющих интереса для его собственных коллекций.

Научная собственность. Права и обязанности исследователей

24. *а)* Государствам, предоставляющим исследователям концессии на ведение раскопок, рекомендуется гарантировать этим исследователям право научной собственности на их открытия в течение достаточно продолжительного срока.

б) При этом заинтересованным государствам рекомендуется обязывать исследователей предавать результаты своих открытий гласности в сроки, предусмотренные для этого в договорах, или в иные разумные сроки. В отношении предварительных отчетов, сроки опубликования не должны превышать двух лет. Соответствующие археологические ведомства должны, со своей стороны, воздерживаться в течение пяти лет, следующих за тем или иным археологическим открытием, от передачи совокупности обнаруженных предметов в распоряжение других исследователей в целях их подробного изучения и от разглашения не опубликованных еще материалов без письменного на то разрешения со стороны ведущих раскопки археологов. Кроме того, этим ведомствам рекомендуется принимать в тех же условиях меры для предотвращения заснятия и репродукции неоглашенных археологических открытий. Что касается исследователей, то им рекомендуется предоставлять соответствующим властям, по их просьбе, копии своих отчетов, чтобы обеспечить таким образом возможность одновременного оглашения этих отчетов из двух различных источников.

в) К научным изданиям, касающимся археологических раскопок, выходящим на мало распространенных языках, рекомендуется прилагать конспекты и, если это возможно, переводы оглавления и пояснений к иллюстрациям, составленные на более распространенных языках.

Документация, касающаяся раскопок

25. Поскольку это не нарушает положений пункта 24, национальным археологическим управлениям рекомендуется предоставлять квалифицированным археологам и ученым и, в частности, ученым, получившим концессию на раскопки или добивающимся таковой, возможность работы в соответствующих архивах и археологических хранилищах.

Региональные съезды и научные совещания

26. В интересах изучения общих для всех государств-членов проблем, эти государства могли бы устраивать время от времени региональные съезды представителей соответствующих археологических ведомств и управлений. Кроме того, каждое государство могло бы организовать научные совещания исследователей, ведущих раскопки на его территории.

IV. ТОРГОВЛЯ ДРЕВНОСТЯМИ

27. В интересах сохранения археологического наследия всего человечества всем государствам-членам рекомендуется регламентировать торговлю древностями, чтобы такая торговля не способствовала утечке археологических материалов и не вредила защите раскопок и составлению публичных коллекций.

28. Иностранные музеи, преследующие научные и просветительные цели, должны иметь возможность приобретать археологические предметы с разрешения властей, регламентирующих торговлю древностями в странах происхождения этих древностей.

V. БОРЬБА С НЕЗАКОННЫМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ РАБОТАМИ, С НЕДОЗВОЛЕННЫМ ВЫВОЗОМ НАЙДЕННЫХ ПРИ РАСКОПКАХ ПРЕДМЕТОВ

Охрана археологических местностей от незаконных раскопок и повреждений

29. Каждому государству-члену рекомендуется принимать меры по борьбе с незаконно ведущимися раскопками, с повреждением памятников (см. выше: определение памятников — пункты 2 и 3) и археологических ценных местностей, а также с недозволенным вывозом найденных при раскопках предметов.

Международное сотрудничество в борьбе с незаконной деятельностью

30. Кроме того, рекомендуется принимать все необходимые меры, чтобы обязать музеи, которым предлагаются те или иные археологические предметы, удостоверяться в том, что данные предметы не являются продуктом незаконных раскопок, кражи или иных, недозволенных с точки зрения соответствующих властей, действий. Любое подозрительное предложение и все связанные с ним подробности должны доводиться до сведения заинтересованных служб. Приобретая предметы, представляющие археологическую ценность, музеи должны публиковать в кратчайший срок необходимые для их опознания указания, а также сведения относительно обстоятельств их приобретения.

Возвращение археологических ценностей в страны их происхождения

31. Археологические ведомства и музеи должны сотрудничать друг с другом в целях облегчения или обеспечения возвращения в страны их происхождения предметов, являющихся продугентом незаконных раскопок или кражи, а также предметов, нелегально из этих стран вывезенных. Представляется желательным, чтобы государства-члены ЮНЕСКО принимали все надлежащие меры для возвращения таких предметов. Эти правила относятся также и к временному вывозу археологических остатков (см. выше пункт 23 (*в*, *г*, и *д*)) в случае невозвращения данных предметов в указанные сроки.

VI. РАСКОПКИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

32. В случае вооруженного конфликта, государства-члены ЮНЕСКО, оккупирующие территорию того или иного государства, должны воздерживаться от проведения археологических раскопок и оккупируемой ими территории. При случайных находках (например, при военных работах) оккупирующая держава должна принимать все возможные меры для охраны этих находок, которые, по окончании военных действий, должны быть возвращены со всей относящейся к ним документацией компетентным властям оккупированной ими ранее территории.

VII. ДВУСТОРОННИЕ СОГЛАШЕНИЯ

33. В случаях, когда это представляется желательным или необходимым, государствам-членам рекомендуется заключать двусторонние соглашения для урегулирования вопросов, представляющих общий интерес и могущих возникнуть в связи с проведением в жизнь настоящей рекомендации.

Приведенный выше текст является подлинным текстом рекомендации, надлежащим образом принятой Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры на ее девятой сессии, состоявшейся в Нью-Дели и закончившейся 5 декабря 1956 г.

В УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧЕГО настоящую рекомендацию подписали сего пятого декабря 1956 г.

Председатель Генеральной конференции
Генеральный директор

Заверенная копия
Париж

Юрисконсульт Организации
Объединенных Наций по вопросам
образования, науки и культуры

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — Археологічні пам'ятки УРСР
БСКБК — Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения
ВГМГ — Вестник государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ВЯ — Вопросы языкознания
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ДАК — Дело Архивной Комиссии
ДАН ТаджССР — Доклады Академии наук Таджикской ССР
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
Зап.РГО — Записки Русского географического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗРОИДП — Записки Ростовского-на-Дону общества изучения древностей и природы
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН АрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР
ИБАД — Известия на Българското Археологическо дружество
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИИ — Институт истории искусства АН СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИООН — Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИСНИК — Известия Саратовского научного института краеведения
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
Сб. БАН — Сборник на Българската Академии на науките

СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. АС — Труды археологического съезда
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ТСУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
Уз. ФАН ССР — Узбекский филиал Академии наук СССР
Уч. зап. СГПИ и САГУ — Ученые записки Среднеазиатского государственного педагогического института и Среднеазиатского государственного университета
ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских
AA — American Antiquity
AB — Archaeologisches Beiblatt — Wien
AJA — American Journal of Archaeology
BIA — Bulletin de l'Institut archeologique
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
JDAI — Jahrbuch des Deutshen Archäologischen Instituts
RA — Revue archéologique
RE — Rauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
RL — M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Карла Маркса 3

Статьи

Х. А. Моора (Таллин). О древней территории расселения балтийских племен 9
А. А. Иерусалимская (Ленинград). О предкавказском варианте катакомбной культуры 34
В. М. Массон (Ленинград). Проблема древней Бактрии и новый археологический материал 49
А. Е. Алихова (Москва). Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. 66
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Мастер-керамист Мухаммед-Али Инойятон из Мерва 78
Б. А. Колчин (Москва). Хронология новгородских древностей. 92

Публикации

И. К. Цветкова (Москва). Неолитические жилища стоянки Володары . . . 112
П. Д. Степанов (Саратов). О фатьяновских поселениях 124
А. А. Формозов (Москва). Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР 137
А. А. Щепинский (Симферополь). Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму 143
В. С. Сорокин (Ленинград). Следы древнейшего поселения у Кармир-блура 149
Б. Н. Граков (Москва), **А. И. Тереножкин** (Киев). Субботовское городище 164
И. М. Лосева (Москва). Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-берд 179
А. П. Манцевич (Ленинград). Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве 196
Г. Д. Белов (Ленинград). Средневековая бронзовая чаша из Херсонеса . . 203
И. Л. Джалагания (Тбилиси). Два клада сельджукских монет 207
В. А. Падин (Трубчевск). Материалы из раскопок Кветунских курганов X—XIII вв. 218
А. В. Арциховский (Москва). Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде . . . 227

Заметки

В. С. Воропинов (Иркутск). Петроглифы у дер. М. Воробьево на Верхней Лене 243
У. Э. Эрдниев (Сталинск). Археологические находки в Кузбассе 244
Н. П. Кипарисова (Нижний Тагил), **К. В. Сальников** (Свердловск). Савроматское погребение близ г. Троицка 246
А. А. Передольская (Ленинград). Терракотовая статуэтка женщины из святилища Афродиты в Нимфее. 251
Г. Е. Храбан (Умань). Клад римских денариев из с. Погорелого 255
Д. Цончев (Болгария, София). О некоторых позднеантичных эпиграфических памятниках в Болгарии 255
К. В. Голенко (Москва). К датировке одной группы монет Фофорса . . . 259
Б. С. Бутник-Сиверский (Киев). О городе Белая Церковь 263
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). Надписи на ножах русских мореходов XVII в. 267

Дискуссии и обсуждения

А. П. Смирнов (Москва). К вопросу об истоках Приазовской Руси 270
В. В. Кропоткин (Москва). Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. 279

В помощь учителю и краеведу

Е. А. Шмидт (Смоленск). Некоторые маршруты школьных туристических походов по археологическим памятникам Смоленской области 286
Археологические работы школьников 292

Критика и библиография

А. Я. Брюсов (Москва). Maria Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe 295
П. И. Борисковский (Ленинград). М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу 299
Н. А. Береговая (Ленинград). Некоторые новые радиоуглеродные датировки древнейших поселений человека в Северной Америке 302

М. И. Нейштадт (Москва). О недостатках в использовании метода пыльцевого анализа в книге В. М. Раушенбах «Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы» 306
В. И. Кузищин (Москва). M. Pallotino. Etruscologia 307
Н. А. Сидорова (Москва). E. Gjerstad. Early Rome 313
В. В. Кропоткин (Москва). H. Sevin. Die Gebiden 314
М. А. Керимов (Москва). Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана . . 317
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период 318
В. М. Массон (Ленинград), **В. И. Сарианиди** (Москва). Литература по археологии Таджикистана в изданиях Академии наук Таджикской ССР . . 321

Хроника

Б. В. Лунин (Ташкент). О работе секции древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Востока на I Всесоюзной конференции востоковедов 327
Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования ИИМК в 1957 г. 330
Ю. Л. Щапова (Москва). Экспедиции кафедры археологии МГУ в 1957 г. 339
Ю. Л. Щапова (Москва). О лабораториях при кафедре археологии МГУ . . 339
Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок, принятая Генеральной конференцией на ее девятой сессии в Нью-Дели, 5 декабря 1956 г. 341
Список сокращений 347

SOMMAIRE

A la mémoire de Karl Marx 3
H. A. Moora (Tallin). Etude de la dislocation primitive des tribus baltes . . . 9
A. A. Iéroussalimskaia (Léningrad). Les particularités de la culture des catacombes dans les piémonts caucasiens. 34
V. M. Masson (Léningrad). Le problème de la Bactriane et la nouvelle documentation archéologique 49
A. E. Alikhova (Moscou). Certaines différences chronologiques et tribales dans la culture mordva de la fin du Ier et du début du IIème millénaire de notre ère. . . . 66
G. A. Pougatchenkova (Tachkent). Mohammed Ali Inoyaton de Merv. 78
B. A. Koltchine (Moscou). Chronologie des antiquités de Novgorod. 92

Publications

I. K. Tsvetkova (Moscou). Huttes néolithiques de la station de Volodary . . . 112
P. D. Stépanov (Saratov). A propos des villages fatianoviens 124
A. A. Formosov (Moscou). Contributions à l'étude des arts préscythiques dans le Midi de l'U. S. S. 137
A. A. Chtchépinski (Simféropol). Une stèle anthropomorphe de l'âge de bronze à Crimée 143
V. S. Sorokine (Léningrad). Vestiges d'un habitat préhistorique près de Karmir Blour. 149
B. N. Grakov (Moscou), **A. I. Terénojkine** (Kiev). Le gorodistche de Soubbotovo 164
I. M. Losséva (Moscou). Nouvelles fouilles à Arine-Berd 179
A. P. Mantsevitch (Léningrad). La tête de taureau trouvée dans un kourgane du VIème siècle au bord de la Kalitva 196
G. D. Bélov (Léninrad). Un vase de bronze médiéval de Chersonèse 203
I. L. Djalaghania (Tbilissi). Deux trésors de monnaies seldjoukides 207
V. A. Padine (Troubtchevsk). La nécropole de Kvétoune aux X—XIII siècles 218
A. V. Artsikhovski (Moscou). Les fouilles de 1956 et de 1957 à Novgorod. 227

Notes

V. S. Voropinov (Irkoutsk). Les pétroglyphes de Maloïe Vorobiévo à la Haute Léna. 243
Ou. E. Erdniev (Stalinsk). Quelques trouvailles archéologiques dans le bassin de Kouznetsk 244
N. P. Kiparissova (Nijni Taguil), **K. V. Salnikov** (Sverdlovsk). La sépulture sauromate de Troïtsk 246
A. A. Pérédolskaïa (Léningrad). Une terre cuite féminine du sanctuaire d'Aphrodite à Nymphée 251
G. E. Khraban (Oumann). Un trésor de deniers romains au Pogoréloïe 255
D. Tsontchev (Bulgarie). A propos de certains monuments épigraphiques de la basse antiquité en Bulgarie 255
K. V. Golenko (Moscou). Concernant la datation d'un groupe de monnaies de Phophorse. 259
B. S. Boutnik-Siverski (Kiev). Bélaïa Tserkov. 263
N. G. Porfiridov (Léningrad). Les inscriptions sur les lames de couteaux des matelots russes du XVII siècle 267

Discussions

A. P. Smirnov (Moscou). Des origines de la Russie Asovienne 270
V. V. Kropotkine (Moscou). Etude de la circulation monétaire en Europe de l'Est dans le premier millénaire de notre ère 279

Enseignement scolaire et étude des lieux

E. A. Schmidt (Smolensk). Quelques itinéraires pour les écoliers par les sites archéologiques de la région de Smolensk 286
Travaux archéologiques des écoliers. 292

Critique et bibliographie

A. J. Brussov (Moscou). Maria Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe . . . 295
P. J. Boriskovski (Léningrad). M. M. Guérassimov. Reconstitution des traits du visage d'après les os craniens 299
N. A. Bérégovaïa (Léningrad). Quelques nouveautés dans les méthodes de datation au radiocarbone des stations préhistoriques en Amérique du Nord. 302
M. I. Neistadt (Moscou). L'analyse des pollens dans l'ouvrage de V. M. Rauschenbach «Transouralie Centrale à néolithique et à l'âge de bronze» 306

V. I. Kouzichtchine (Moscou). M. Pallotino. Etruscologia 307
N. A. Sidorova (Moscou). E. Gjerstad. Early Rome. 313
V. V. Kropotkine (Moscou). Heinrich Sevin. Die Gebiden 314
M. A. Kérimov (Moscou). E. A. Pakhomov. Trésors de monnaies en Azerbaïdjan . . 317
G. A. Fédorov-Davydov (Moscou). V. L. Ianine. Les poids et les monnaies russes au Moyen âge. Période prémongole 318
V. M. Masson (Léningrad), **V. I. Sarianidi** (Moscou). Littérature sur l'archéologie du Tadjikistan éditéé par l'Academie des Sciences de la R. S. S. de Tadjikie 321

Chronique

B. V. Lounine (Tachkent). Concernant les travaux de la section d'histoire, d'archéologie et d'éthnographie orientales de l'antiquité et du Moyen âge à la première conférence des orientalistes soviétiques 327
N. K. Lissitsina (Moscou). Travaux 1957 des missions de l'Institut de la culture matérielle. 330
J. L. Chtchapova (Moscou). Les missions organisées par la chaire d'archéologie de l'Université de Moscou en 1957 339
J. L. Chtchapova (Moscou). Concernant les laboratoires auprès de la chaire d'archéologie de l'Université de Moscou 339
Recommandation définissant les principes internationaux appliqués en matiere de fouilles archéologiques adoptée par la Conférence générale à sa neuvième session. New-Delhi, décembre 1956 341
Liste des abréviations 347

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Институт истории материальной культуры Академии наук СССР приступает к составлению археологической карты Советского Союза. Это важное для науки мероприятие требует активного участия не только узкого круга специалистов, но и широкой советской общественности. Большую практическую помощь специалистам в этом могут оказать работники краеведческих музеев, учителя, школьники, а также многочисленные любители древностей своего края указаниями о местонахождении археологических памятников.

К последним относятся остатки древних поселений и могильников, а также отдельные находки вещей (орудия труда, оружие, монеты, черепки от посуды и пр.), свидетельствующие о пребывании человека в той или иной местности в глубоком прошлом. О большом интересе советских людей к предметам древности, находимым при земляных работах, экскурсиях и т. п., свидетельствуют письма, получаемые нашим Институтом.

О каждом археологическом памятнике необходимо давать следующие сведения:

1. Республика, область, край, АССР, нац. округ, район.
2. Наименование памятника и название, под которым памятник известен местному населению.
3. Местоположение памятника (по отношению к населенному пункту, реке, дороге, шоссе и т. п.).
4. Краткое описание памятника и его состояние.
5. Описание вещей, найденных при разведках, или случайных находок.
6. Куда сданы найденные вещи.
7. Кто составил карточку и дата составления.
8. Примечание.

Желательно прилагать схемы, планы, рисунки, фотографии и т. д., а найденные вещи надо сдавать в ближайший краеведческий музей.

Институт истории материальной культуры Академии наук СССР объявляет о приеме в аспирантуру с отрывом от работы по специальностям:

первобытная археология,
археология Средней Азии,
славяно-русская археология,
археология Северо-Восточной Европы и Сибири

и без отрыва от работы

по археологии Прибалтики.

Заявления и документы направлять на имя директора ИИМК АН СССР до 25 августа 1958 г. по адресу: Москва, К-1, пер. Садовских, 2.

Конкурсные вступительные экзамены состоятся в сентябре